

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 13 том - «Победа Анжелики»

Перевод с фр. Л.Г. Резняк

АО «Диалог» : ТОО «Транспорт» (Москва), 1993г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ И МУКИ СОМНЕНИЙ МАЛЬТИЙСКОГО РЫЦАРЯ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГАДАНИЕ НА КАРТАХ
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ТВЕРДЫНЯ СЕРДЦА
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
- ЧАСТЬ ПЯТАЯ. КАНТОР В ВЕРСАЛЕ
  - Глава 21

- ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ОНОРИНА В МОНРЕАЛЕ
  - Глава 22
- ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. КАРТОЧНЫЙ ШУТ И ЕГО ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ПОЯС
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
- ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ВЕТЕР ДЬЯВОЛА
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
- ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ОДИССЕЯ ОНОРИНЫ
  - Глава 32
  - Глава 33
- ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ОСЕННИЕ ОГНИ
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36
- ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ АРХАНГЕЛА
  - Глава 37
  - Глава 38
  - Глава 39
  - Глава 40
  - Глава 41
  - Глава 42
  - Глава 43
  - Глава 44
  - Глава 45
- ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ. БЕЛАЯ ПУСТЫНЯ
  - Глава 46
  - Глава 47
  - Глава 48
  - Глава 49

- [Глава 50](#)
  - [Глава 51](#)
  - [Глава 52](#)
  - [ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ. ПЛОТ ОДИНОЧЕСТВА](#)
    - [Глава 53](#)
    - [Глава 54](#)
    - [Глава 55](#)
    - [Глава 56](#)
    - [Глава 57](#)
    - [Глава 58](#)
    - [Глава 59](#)
    - [Глава 60](#)
    - [Глава 61](#)
  - [ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ДУНОВЕНИЕ ОРАНДЫ](#)
    - [Глава 62](#)
    - [Глава 63](#)
    - [Глава 64](#)
    - [Глава 65](#)
    - [Глава 66](#)
  - [ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ. ПРИЗНАНИЕ](#)
    - [Глава 67](#)
    - [Глава 68](#)
  - [ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ. КОНЕЦ ЗИМЫ](#)
    - [Глава 69](#)
    - [Глава 70](#)
    - [Глава 71](#)
    - [Глава 72](#)
    - [Глава 73](#)
    - [Глава 74](#)
  - [ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ. ПРИБЫТИЕ КАНТОРА И ОНОРИНЫ В ВАПАССУ](#)
    - [Глава 75](#)
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УГРЫЗЕНИЯ
СОВЕСТИ И МУКИ СОМНЕНИЙ
МАЛЬТИЙСКОГО РЫЦАРЯ**

Глава 1

Он знал, что она думает об Онорине, и что единственное, чем он мог ей помочь в этот тяжелый момент — это прижать ее к себе, обняв за плечи, В полном молчании они медленно ходили вдоль по палубе корабля, стоящего на якоре и слегка покачивающегося на волнах. Летний туман, теплый, но не менее густой, чем зимний, окутывал палубу, отделяя их от всего остального мира.

Жоффрей думал, что настроение Анжелики могло бы показаться странным очень многим.

Но ему это-то как раз и нравилось.

Она была именно такой. Король ждал ее. В своем дворце в Версале он мечтал о ней.

Среди роскоши, окруженный почестями толпы придворных, этот могущественный монарх неустанно думал лишь о том, чтобы Анжелика соблаговолила наконец покинуть мрачные и холодные земли Америки и вновь появиться во дворце.

А здесь, в северном краю, среди дикой природы, Уттакевата — вождь племени ирокезов, дикарь и ярый противник Новой Франции, ведя переговоры с Жоффреем де Пейраком о военных действиях, уделял значительную часть времени, отведенного для деловых бесед, восхвалению Анжелики, разговорам о ТОЙ, которую он называл Кава — звезда. Он призывал в свидетели свои войска, рассказывая о том, как она вылечила его от ран в Катарунке, спася его перед этим от ножа Пиксарета из племени абенаков — его смертельного врага.

Казалось, что это эпическое повествование с множеством подробностей, об этой восхитительной женщине, ставшей живой легендой, было для индейца

гораздо важнее, чем любые мирные переговоры с губернатором Фронтенаком.

И между этими крайними полюсами: королем Франции и вождем индейцев, поклявшемся истребить всех французов из Канады, существовало великое множество самых разных людей, принцев и нищих, безумцев и мудрецов, которые повстречали ее однажды на своем пути, и с тех пор память о ней освещала их жизнь, как луч счастья и надежды.

И как были бы удивлены все эти многочисленные поклонники, считающие ее холодной, неприступной, равнодушной, узнай, как тоскует она по маленькой семилетней девочке с волосами цвета меди, которая осталась вдали от нее.

Жоффрей де Пейрак разделял тоску Анжелики. Сейчас, стоя рядом, они предались на какое-то время той тревоге, которую носили в душе, но на которую им не оставляла времени их жизнь, полная приключений и постоянной опасности.

Как хорошо им было вместе, думал Жоффрей. И он вспомнил о том неприятном чувстве, которое он испытал при их разлуке, в деревне Сагенэ, где он не переставал страдать из-за ее отсутствия, Жоффрей не мог себе вообразить, как это он оставил когда-то Анжелику одну в Голдсборо, в то время как сам он со своими людьми отправился вглубь материка? Сейчас это казалось ему невыносимым. Лишь рядом с ней жизнь его наполнялась светом, становилась яркой.

Он крепче сжал ее в своих объятиях.

Они поднялись по ступеням и очутились на верхней палубе, а затем поднялись еще выше на полукруглый балкон на корме «Радуги».

Порозовевший туман указывал на то, что солнце садилось, но он по-прежнему был столь плотный, что скрывал все остальные корабли их флота.

Вот уже три дня они стояли в Тадуссаке, ожидая прибытия солдат и матросов, сопровождавших мистассинов и нипписингов, которые не осмеливались спускаться по реке без их прикрытия.

Ирокезы, однако, исчезли. Они оставили Жоффрею ожерелье из фарфора и вампум, что означало: «Мы не будем воевать с французами, пока они будут верны моему другу Тикондероге, белому человеку из Вапассу».

Как только граф добился этого обещания, он немедленно отправился навстречу к Анжелике, которая возвращалась из Монреалья, где оставила Онорину на попечении девушек из Конгрегации Божьей Матери. Возможно он зря так много расспрашивал Анжелику о девочке, но ведь он и сам был к ней очень привязан, и теперь ему ее не доставало.

Анжелика сильно тосковала. Монреаль был так далеко, и она уже сожалела о том, что уступила настояниям Онорины, которая хотела стать пансионеркой, «чтобы выучиться читать и петь».

— Но почему вдруг ей пришло в голову покинуть Вапассу? — вскричала Анжелика, нарушив молчание и горестно взглянув на Жоффрея. — Она еще такая маленькая, почему же она решила нас покинуть? Меня, свою мать? И вас, того отца, которого она обрела наконец на другом краю земли? Разве нас ей уже недостаточно? Разве мы не были ВСЕМ для нее?

Жоффрей сдержал улыбку.

Здесь, стоя рядом с ней на корабле, окутанном золотистым туманом ранних сумерек перед закатом солнца, он был эгоистично, безрассудно счастлив от того, что она принадлежала вся целиком лишь ему. Восхитительная в своей женской наивности и простодушии, с которыми проявляются у женщин материнские чувства, она, казалось, была отмечена печатью вечной молодости и невинности, лишенной какого-либо житейского опыта.

— Дорогая моя, — сказал Жоффрей, немного поразмыслив, — неужели вы забыли детство? Ваше детство?.. Не вы ли мне рассказывали, как в возрасте 10—15 лет вы решили бежать в Америку, и что вы предприняли это путешествие с компанией маленьких бродяг, ни в малейшей степени не заботясь о том горе и отчаянии, которые должны будут испытать ваши родители?..

— Да, это правда... я, думаю, что обуреваемая жаждой приключений и свободы, я совершенно не понимала, ни что из себя представляет это путешествие, ни что это будет означать для моих родных.

— И неужели вы полагаете, что Онорина понимает лучше, чем вы когда-то, что заключает в себе это понятие, которое разбивает нам сердца: РАЗЛУКА? Она хочет идти своей дорогой, подобно тому, как во время прогулки нас манят цветы на незнакомой тропинке, и мы решаемся пойти по ней, совершенно не отдавая себе отчет в том, что это может полностью изменить нашу жизнь... Я вспоминаю свои юношеские годы. Я был всем обязан своей матери, спасением, здоровьем и в особенности тем, что смог ходить, хоть и хромяя.

Моим первым намерением, как только я обрел подвижность, было отправиться в морское плавание на поиски приключений. Я добрался до Китая. Именно там я познакомился с отцом Мобёжем. Мое плаванье длилось несколько лет, и я не помню, чтобы я особенно заботился о том, чтобы в течение этого времени новости обо мне доходили до Тулузы. Я был бы очень удивлен, если бы мне сказали, что поступая подобным образом, я доставляю своей матушке, для которой я был всем на свете, огорчения и беспокойство. Я не только не сомневался никогда в ее страстной любви ко мне, но и преодолевая опасности, одерживая победы и вкушая наилучшие земные наслаждения, я всегда ощущал, что

ей известно и о моем счастье, и о моих триумфах. И теперь, когда я вспоминаю этот неистовый и сумасшедший период моей юности, я убеждаюсь, что воистину мне и не приходило в голову, что Я ЕЕ ПОКИНУЛ.

Розовый свет угас. Облака сгустились, и повеяло холодом.

Откровения ее мужа, который так редко рассказывал о себе, взволновали Анжелику, и в то же время в душу к ней прокралось беспокойство, причину которого Жоффрею де Пейраку было бы не понять. Анжелика никогда не могла избавиться от уверенности, что Сабина де Кастель-Моржа, к которой он питал слабость во время их пребывания в Квебеке, была похожа на мать Жоффрея. Жена генерала-лейтенанта Новой Франции, красивая южанка с нелегким характером, но с огненным взором, пышной грудью, говорящая на певучем наречии Лангедока — языке гасконцев. Анжелика смертельно ревновала к ней Жоффрея, и не столько из-за того, что могло бы случайно возникнуть между ними, сколько из-за того, что ее облик мог пробудить у него воспоминания о матери. И, несомненно, она была права, рассуждая подобным образом, так как Жоффрей, как бы следуя за ее мыслями, произнес слова, показавшиеся ей отвратительными:

— А в самом деле, вам удалось повидаться с Кастель-Моржа, когда вы были проездом в Квебеке?

Анжелика вздрогнула и ответила несколько сухо:

— Каким же образом я могла бы это сделать? Вы прекрасно знаете, что они вот уже два года, как вернулись во Францию.

Удивленный, он сказал примирительно:

— Я забыл об этом. Вам сообщили о них какие-нибудь новости?

Он произнес это совершенно безразличным тоном.

— Нет... если мне не удалось получить новости о присутствующих, каким образом я могла бы узнать что-нибудь об отсутствующих? Квебек был пуст. Все работали в полях, и мне не с кем было даже провести тот день. В любом случае, вас там не было... и это было ужасно.

Жоффри вновь обнял ее. От него не ускользнуло то, что она очень нервничала со времени своего возвращения. И это было не только из-за Онорины. За этой нервозностью скрывалось какое-то разочарование... или беспокойство. Он почувствовал это в первый же вечер. Он знал, что она расскажет ему обо всем, когда сочтет необходимым. Несколько позже.

Анжелика опустила голову ему на плечо.

— Без вас все теряет свое очарование. Я вспоминаю наше прибытие в Квебек. Я не могу понять, почему в то время я так боялась быть в плену тех обязанностей, которые я должна была выполнять в качестве супруги графа де Пейрака. Я вновь думала обо всем этом, придя посмотреть издали на маленький дом маркиза де Виль д'Аврэя. Почему в то время мне так хотелось уединиться, почувствовать себя свободной?

— Я полагаю, что вам надоело быть королевой авантюристов, жить в лесных чащах или на диких берегах. Такая жизнь требовала от вас постоянного напряжения, днем и ночью, летом и зимой вы были душой и телом со своим народом, ухаживали за больными, перевязывали раны, поддерживали тех, кто пал духом... Я понял это, и я приветствовал ваш протест. По прибытии в Квебек вы могли познать более приятное существование. Но тогда перед вами вставала другая важная задача: вам необходимо было завоевать наших соотечественников. И для этого вам пришлось сконцентрировать все ваши силы.

К тому же, вы, возможно, устали немного от вашего супруга, ревность которого ложилась на вас тяжелой

обузой.

— Нет, наоборот, я хотела бы, чтобы вы принадлежали мне полностью, и чтобы мы смогли наконец остаться лишь наедине друг с другом, а не участвовать постоянно в политических распрях или театре военных действий.

— Вы тысячу раз правы, это было именно так. Множество неуволвимых причин разделяли нас, и я слишком недооценивал ваше право на свободу, моя прекрасная дикая птица. Ни я, ни вы не относимся к тем людям, которые связаны друг с другом теми обязанностями, которые возложило на них общество. Чтобы испытать мою верность, чтобы я был привязан к вам лишь любовью, вы вернули мне тогда мою свободу.

— И вы воспользовались ею, мсье?

— В той же мере, что и вы, мой ангел! — ответил граф, разразившись смехом.

Но посылая Анжелике ее же пущенную стрелу, давая тем самым понять, что до него дошли кое-какие слухи об ее отношениях с Барданем, Жоффрей в то же время, склонившись к Анжелике, поцеловал ее нежно в шею.

Дыхание Жоффрея, власть его пылкого и нежного поцелуя вытеснили из ее сердца все дурные воспоминания. Тени прошлого рассыпались в прах. Чудесная страсть никогда не угасала в их душах и телах. Сколько раз благодаря ей им удавалось избежать ссоры и разрыва, и какие бы бури они не переживали, это чудо взаимного желания всегда оставалось с ними. Ни он без нее, ни она без него не могли существовать. Он был для нее всем. Она для него была линией его горизонта, смыслом и целью всех его устремлений.

Итак, укрытые от всего мира сумраком реки, ночи и тумана, они слились воедино, забыв обо всем, осыпая друг друга поцелуями, каждый из которых выражал все более и более утонченно все то, что невозможно

выразить никакими словами. Они покинули эту землю и забыли все те мелочные ссоры, поединки гордости и уязвленного самолюбия, из которых чаще выходят побежденными, чем победителями и которые наносят столько неизлечимых ран.

Там, где они находились, не нужно было никаких прощений, ни объяснений.

***

Звук весел прервал их сладостное забвение.

В свете приближающегося фонаря, пронзившего темноту, они увидели подплывшую лодку. Ее шесть весел поднимались словно призраки в тумане реки.

— Мне показалось, я заметил монашескую рясу и военную униформу. Возможно, это посланники господина де Фронтенака.

— О Господи, почему же мы раньше не отплыли! — простонала Анжелика. — Лишь бы он не призвал вас снова на помощь. Теперь, когда я осталась без Онорины, мне так не терпится снова встретиться со всеми нашими под уютным кровом нашего чудесного дома в Вапассу.

Сквозь туман они прислушивались к голосам и пытались разглядеть тех, кто подплыл к кораблю.

У всех были одни и те же мысли: что за известия посылают нам из Квебека? Снова какие-нибудь неприятности?

Наконец освещение стало более четким, и они увидели силуэты тех, кто поднялся на борт и вступил на нижнюю палубу.

Внезапно Жоффрей с новой силой привлек к себе Анжелику и, сжав ее в объятиях, поцеловал так, что у нее перехватило дыхание. Затем он выпустил ее, молча смеясь.

Мстил ли он этим непрошеным гостям, пришедшим, чтобы свалить на них часть своих

неприятностей и забот? Или же он хотел вдохнуть в нее новые жизненные силы?

Жоффрей уже вновь обрел свой прежний облик хозяина корабля, властного и невозмутимого одновременно. Но Анжелике с трудом удалось сдержать приступ веселья, ей понадобилось больше времени, чтобы вернуть себе полный достоинства и серьезный вид. Она поправила прическу, убрала со лба растрепавшиеся пряди, откашлялась и лишь после этого решилась взглянуть на вновь прибывших.

Глава 2

В свете фонарей, которые несли матросы, перед ними предстал граф де Ломени-Шамбор.

Вначале Анжелика видела лишь его одного. Она пыталась встретиться с ним еще в Монреале, узнав от Маргариты Буржуа, что он был ранен во время кампании Фронтенака против ирокезов. Но тщетны были все ее попытки разыскать его в госпиталях Жанны Мане и Сюльписьен, и в конце концов она заподозрила, что он нарочно избегает встречи с ней.

Вот почему она была радостно удивлена, узнав его среди прибывших, и подошла к нему, улыбаясь. Затем она приветствовала господина д'Аврэнсона, майора из Квебека, доставившего им почту от господина де Фронтенака, который, как сообщил майор, уже почти добрался до Квебека.

Сопровождавший их священник из монастыря Реколле добирался до своей миссии в Рестингуше, в заливе Святого Лаврентия.

Граф де Пейрак пригласил их всех спуститься в свой кабинет, чтобы слегка подкрепиться там в ожидании ужина.

Анжелика протянула руку графу Ломени-Шамбору, ожидая, что он поведет ее под руку вслед за всеми в кабинет де Пейрака.

Но так как он стоял, застыв и не двигаясь, ее жест повис в воздухе. Ее первое тягостное впечатление, которое она испытала при виде его, подтвердилось. Его походка утратила ту легкость, которая была присуща воинам в этом краю. В этом сутулом и похудевшем человеке с вялой осанкой она едва узнала графа. Несомненно, он очень постарел. «Это из-за его раны, наверное», — подумала Анжелика.

Она задержалась рядом с ним, подождав пока остальная компания удалилась.

— Расскажите мне о том, как вы были ранены, — сказала она.

Он вздрогнул и поднял голову. Его лицо, бледное и изможденное, которое она с трудом различала в полумраке, вновь окутавшем палубу после того, как унесли фонари, подтвердило ее тревогу, но ее настойчивые расспросы об его здоровье он прервал, сказав:

— Я знаю, что вы искали встречи со мной во время вашего пребывания в Виль-Мари, Я признателен Вам, мадам, за вашу заботу, но тогда я не смог бы спокойно видеть вас и говорить с вами. Однако позже я понял, что не могу допустить, чтобы вы покинули Новую Францию, не сказав вам о том, что омрачало мою душу. Необходимо, чтобы я все высказал Вам. Это мой священный долг. Итак, едва поправившись и встав на ноги, я сел на корабль и пустился в плавание вниз по реке, чтобы успеть застать вас до того, как ваш флот пересечет границы канадских владений.

Казалось, он произносит речь, которую он репетировал много дней и ночей и которую знал теперь наизусть.

— Я пережил ужасное потрясение, но теперь я все понял и могу говорить. Отныне я знаю, мадам, что вы в самом деле та женщина, которая была предсказана и которая должна совратить нас с истинного пути. Оживляя мои воспоминания, я могу изобличить ваши приемы, ловкость которых граничит с гениальностью. Вы изобрели добродетель без морали. А так как вы и в самом деле не имеете о морали никакого понятия, I о вас считают безгрешной. Подобно Еве, вы — безответственны, ваши действия бессознательны. Вы лишены угрызений совести и раскаянья, так как вы действуете без какого-либо умысла.

Если вы и не одобряете, то по крайней мере прощаете ересь, вы относитесь снисходительно к пороку, проявляя, как вы говорите, милосердие или же под каким-либо иным предлогом.

И мы все, все без исключения, попадаем в ловушку.

Перед вами мы столько же беспомощны, как перед ребенком, который поджег наш дом. Мы и проклинаяем его, и одновременно не можем его обвинять: он не знает, что творит!..

«Он лишился рассудка!» — думала Анжелика в ужасе, тщетно пытаясь остановить этот поток обвинений.

Вновь поднялся ветер безумия!

Граф продолжал, монотонно выговаривая как бы заученный текст.

— Можно было подумать, что такая красивая, такая живая, вы рождены для того, чтобы распространять счастье, чтобы вернуть нам земной Рай, а вместо этого мы оказались выброшенными на дикий берег, потерпев неудачу и потеряв путь к спасению. А теперь уже слишком поздно понимать, что Он и Вы, соединив обаяние его ума и вашей красоты, живущие оба той жизнью, которая столь отличается от нашей, вы постарались разбить те идеалы, которые помогают регулировать жизнь в нашем обществе и диктуют нам наши нравственные законы.

— Замолчите же, наконец, — вскричала она в гневе. Покуда он упрекал лишь ее, она не чувствовала себя особенно задетой. Уже не в первый раз отчаявшийся влюбленный обвинял ее в демонизме и во всех земных грехах. Но она не могла потерпеть того, что он напал и на Жоффрея.

Не обращая никакого внимания на ее приказание, он продолжал свою обвинительную речь с горечью давно затаенной злобы.

— Вы оба, вы глумитесь над тем, что для нас священо, вам смешно наше самоотречение!

— Замолчите же!.. Какая муха укусила вас, монсеньор? Если вы прибыли сюда для того, чтобы докучать мне подобными глупостями, вы могли бы поберечь свои силы. Ни я, ни мой супруг не заслуживаем такого отношения. Вы несправедливы, господин де Ломени, и я никогда не смогла бы простить ни таких слов, ни таких мыслей тому, кого мы считали столь дорогим и столь надежным другом, если бы не догадывалась, что с вами произошло нечто такое, что потрясло вас и вывело из равновесия.

И в приливе внезапной нежности она коснулась рукой его щеки.

— Расскажите, Клод, — прошептала она. — Что с вами приключилось, мой бедный друг? Что произошло?

Он вздрогнул.

— Произошло то... ЧТО ОН УМЕР!

Он прохрипел эти слова, как выплевывают сгустки крови из внутренней раны.

— Он умер, — повторил он в отчаянии. — Он умер, замученный ирокезами... Они пытали его!.. Они съели его сердце! О, Себастьян, мой друг!.. Они съели твое сердце! А я, я предал тебя!

И внезапно он разразился ужасными рыданиями. Так мог рыдать человек, испытывающий самое крайнее отчаяние, которое он слишком долго одерживал.

Анжелика предчувствовала это.

Она знала, что события примут именно такой оборот. Известие об убийстве отца д'Оржеваля, совершенном в низовьях реки Гудзон, лишь недавно пришло из Парижа в Новую Францию. Колония была потрясена, и Ломени был одним из тех, кто пережил глубочайший шок.

Анжелика приблизилась к нему и сочувственно обняла его. Тогда он повернулся к ней и зарыдал,

положив голову к ней на плечо. Не говоря ни слова, она прижала его к себе, ожидая пока он успокоится.

Она чувствовала, что он начинал успокаиваться. И что ему не хватало именно этого жеста сочувствия, нежности и ласковой снисходительности, чтобы вынести такой удар.

Вскоре он поднял голову и посмотрел смущенно на Анжелику.

— Простите меня.

— Ничего, ничего. Вы просто не могли больше выдержать, — сказала она.

— Простите мне мои слова. Все, в чем я вас обвинял — это так нелепо.

— В самом деле, это именно так.

— ...И мои безумные подозрения... Сейчас мне гораздо лучше. Я не знаю, что это на меня нашло. Вы мой друг, настоящий друг. Я это знаю. Я это чувствую, Я это всегда ощущал. Вы — наилучший друг. И нет ничего горше, чем обнаружить внезапно, что вы ошиблись и что то, что вы считали дружбой, на самом деле — предательство.

Он вытер глаза и, казалось, был оглушен, как если бы перед этим на него сыпались удары.

— И как же мне после всего этого не считать вас опасной? — вновь заговорил он тем слегка шутливым тоном, который был принят между ними еще с давних пор. — Я прибыл сюда, полный суровой решимости окончательно разорвать нашу дружбу. Признав, что отец Себастьян был прав, опасаясь вас, я решил высказать вам все те слова, которые положили бы конец той симпатии, которую я питал и к вам, и к графу де Пейраку и за которую я так упрекал себя в последнее время. И что же? Я плачу в ваших объятиях, как маленький ребенок.

— Не стыдитесь того, что вы позволили излиться вашим чувствам, шевалье. Помните, что Евангелие

изображает нам Христа, ищущего у своих друзей утешения в горестях и тревогах.

— Но не у женщины, — возразил Ломени с видом удрученного подростка, который не может справиться со своими внутренними противоречиями.

— Вы не правы, — возразила она ласково. — Женщины тоже были там, на его скорбном пути. И не только его мать, но и подруги, влюбленные, проститутка Мария Магдалина. Вот видите, в какой я хорошей компании.

И поскольку мы заговорили о женщинах, могу ли я узнать получили ли вы какие-нибудь известия от вашей матушки и ваших сестер? Я надеюсь, у них все в порядке?

Ломени подтвердил, что и его матушка и сестры находятся в добром здравии. У него не было времени внимательно прочитать их длинные послания, так как они прибыли с той первой весенней почтой, что и известие, рассказывающее о последних днях его друга юности.

Он поднес руку к камзолу, к тому месту, где хранилось это письмо. Казалось, оно жжет ему сердце.

— Отец Люсьен де Марвиль, написавший мне о гибели отца д'Оржеваля, повторил ужасные последние слова умирающего... Увы, они были направлены против вас, мадам. «Именно она является причиной моей смерти». И с тех пор эти слова преследуют меня. Возможно, вам неизвестно это обвинение.

— Нет, я о нем знаю, — сказала она.

И она объяснила ему, что они были одними из первых, кто узнал об этом, еще находясь в Салеме, куда вождь Могавков направил отца де Марвиля. Умирающий иезуит, указывая на Анжелику, выкрикивал обвинительные слова:

«Это она! Это она! Из-за нее я умираю».

***

Из осторожности Анжелика поостереглась объяснить шевадье, что было ложного и извращенного в этом обвинении. Как только возникал спор о причинах враждебности отца д'Оржеваля по отношению к ней и к Жоффрею, и особенно к ней, обе стороны были одновременно правы и неправы. Анжелика понимала, что граф Ломени находился не в том состоянии, когда он мог увидеть все не в столь мрачном свете. Поэтому она промолчала.

Несколько мгновений они провели молча, и затем Клод де Ломени вновь заговорил усталым голосом о том, что отец де Марвиль передал ему также письма и бумаги, найденные на теле миссионера, а также его требник. Остальные реликвии мученика были уже переданы в церковь Святого Рока в Париже. К сожалению не удалось пока заполучить походную часовню отца д'Оржеваля, но было известно, что она была спасена ирокезами, принявшими христианство, и спрятана в одной деревушке на берегу Онтарио. Позже она должна быть переправлена в Квебек.

— А распятие отца д'Оржеваля?.. Тот крест, что он носил на груди, и который, как говорят, был инкрустирован рубином?

— Дикари сохранили его. Затем они решили, что этот рубин — кровавый глаз Хатскона-Онтси, как они называли священника, и что он продолжает смотреть на них. И тогда они его закопали.

Анжелика увидела, как шевадье вздрогнул, как больной в приступе лихорадки.

Она подобрала его плащ, соскользнувший с его плеч и лежащий небрежно на полу, и заботливо, как мать дитя, укутала в него мальтийского рыцаря.

— Холодный туман пробирает до костей. Я тоже продрогла. Идемте, мы продолжим этот разговор позже, если вы на этом настаиваете. Ну а сейчас нам не мешало бы выпить по чашке турецкого кофе. Вы

южанин, и вы не откажетесь от этого нектара. Вы, вероятно, так же как и я, страдаете от лихорадки, которую легко подхватить, плавая в здешних местах. Этот напиток нам поможет.

Поддерживая она повела его вниз.

Навстречу им поднимался Жоффрей, и его черный силуэт на фоне ярко горевших больших фонарей внезапно появился перед ними.

Ломени застыл, как бы в испуге, завидев его.

— Он, — проговорил рыцарь глухим голосом. — Он, всегда уверенный в себе, всегда торжествующий, такой непохожий на всех нас. Он и вы! Я не перестаю мучиться вопросом: вы оба, не явились ли вы сюда за тем, чтобы прикончить нас — меня и Себастьяна? Не для того ли, чтобы одержать над нами победу?

— Какую победу? — сказала Анжелика. — Я не понимаю, о чем вы говорите! Оставим этот разговор, шевалье. Пойдемте пить кофе, и перестаньте мучить себя.

Глава 3

Несмотря на то, что Анжелика решила относиться снисходительно к графу де Ломени-Шамбору, она, тем не менее, решила высказать ему некоторые упреки и объясниться с ним по двум-трем вопросам. Эти объяснения могли бы пойти на пользу самому шевалье, дабы он окончательно не запутался в своих нелогичных рассуждениях.

На следующее утро, еще издали заметив его выходящим из маленькой часовни в Тадуссаке, слабый колокольный звон которой возвещал утреннюю мессу, Анжелика поспешила на берег.

На этот раз, в свете солнечного дня, граф показался ей еще более усталым и постаревшим. Его красивые каштановые волосы еще не были тронуты сединой, но как бы утратили свой блеск. Закутанный в серый плащ с эмблемой мальтийского Ордена, похудевший, утративший былую осанку, он показался ей еще более трогательным, чем накануне.

Он подошел к ней с той приветливой и милой улыбкой, которая была ей так знакома, поцеловал ей руку и поблагодарил за то, что она была так добра с ним. Это указывало на то, что он смутно помнил сцену, происшедшую накануне, но не столь отчетливо, чтобы принести извинения. Но Анжелика решила не притворяться, что ничего не помнит.

— Что меня поразило больше всего во время нашей вчерашней беседы, господин рыцарь, это то, что вы совершенно забыли о тех свидетельствах, которые не позволяют выносить вам подобные обвинения. Когда мы в первый раз прибыли в Квебек, меня подозревали в том, что я являюсь той дьявольской женщиной, которую предсказала матушка Магдалина из монастыря

урсулинок. Но вы знаете, что это подозрение было ложным, оно было опровергнуто самой матушкой Магдалиной, и вы были свидетелем ее недвусмысленного утверждения.

— В самом деле. Я был один из первых, кто обрадовался восстановлению вашего доброго имени, в котором, я, впрочем, не сомневался.

Было очевидно, что он совершенно забыл многое из того, что говорил ей вчера. Более того, он не помнил как раз то, в чем он ее обвинял. Убедившись в этом, Анжелика решила больше не настаивать и прекратить эту беседу.

— Расскажите мне о вашем ранении, мой дорогой друг. Оно серьезнее, по-видимому, чем мне сказали?

— Да нет, пустяки. Шальная стрела. Но я был вынужден вернуться в Виль-Мари. И я сожалею, что мне не удалось следовать за господином де Фронтенаком в Катарунк. Если бы я оказался недалеко от маленького городка на южном берегу озера Онтарио, я смог бы подобрать походную часовню отца д'Оржеваля, погибшего за свою веру. Вместо этого я лежал в госпитале на острове Монреаль наедине со своими мрачными мыслями.

— Которые завели вас в тупик. Именно поэтому, я думаю, вы со мной согласитесь, вы и пустились вслед за нами, несмотря на то, что еще не поправились окончательно. Именно желание разобраться в ваших мыслях привело вас сюда, а не потребность высказать мне все эти тяжкие обвинения. Вы не совершили никакого предательства по отношению к вашему умершему другу, обратившись за поддержкой и утешением к тем, кто вас любит и понимает. Клод, мы гораздо ближе вам, чем многие из тех, с кем вы давно знакомы. Вспомните о нашей первой встрече в Катарунке, о той симпатии, которую мы все трое испытали друг к другу в тот же день. А ведь тогда вы

прибыли с вашими союзниками-индейцами для того чтобы убить всех нас и сжечь наши дома!

— Катарунк!.. О, там-то все и началось.

Он рассказал ей о том, как он впервые услышал о них, и о том, почему им было поручено разгромить Катарунк. В то время он находился в Квебеке. Отец д'Оржеваль прислал ему письмо, в котором настоятельно просил своего друга, мальтийского рыцаря и, соответственно, офицера высочайшего ранга; немедленно возглавить экспедицию имеющую целью остановить опасных английских авантюристов, как он писал, несомненных еретиков, обосновавшихся на обширных полупустынных землях Акадии, граничащих с территорией Канады. Необходимо было воспользоваться отсутствием командовавшего ими пирата, чтобы нанести сокрушительный удар и захватить их самый главный пост в Кеннебеке, Катарунк. Себастьян д'Оржеваль обратился за помощью к своему другу графу де Ломени-Шамбору, потому что барон де Сент-Кастин, возглавлявший до того экспедицию, сбежал в тех местах, где Пенобскот впадает в Атлантический океан.

Иезуит указал ему тех надежных офицеров, которых он должен был взять с собой: Пан-Бриана, барона де Модрея, господина де Лобиньера, а также крещеного индейца — Пиксарета, великого Нарагансетта с его войском. Ломени быстро организовал эту кампанию, не поставив в известность Фронтенака, в результате чего их отношения были несколько испорчены.

Ломени тряхнул головой, как бы желая прогнать неприятные воспоминания.

— ...Он хотел, чтобы я без промедления напал на вас и уничтожил. Его указания, я бы сказал, его приказы были так настойчивы и категоричны, что это меня озадачило. Я хотел бы, по крайней мере, переговорить с

господином де Пейраком и составить свое представление о нем, что я и сделал.

— И вы очень быстро поняли, что мы не являемся вашими врагами.

— Я решил избрать ту дипломатию, которая лучше соответствовала ситуации. Начинать резню было неоправдано и неразумно. Взаимное уничтожение не являлось на мой взгляд полезным ни для Новой Франции, ни для самой Франции, ни для Церкви.

— И этого он вам никогда не простил.

— Мне казалось, что я смогу объяснить ему причину моих действий, убедить его... казалось, он поймет. Мы всегда хорошо понимали друг друга. Но на этот раз, действуя вопреки его воли, я нанес ему смертельную обиду.

— Потому что на этот раз, встретившись с нами в Катарунке, вы впервые усомнились в чистоте его намерений, и его стратегия показалась вам сомнительной, несущей на себе печать необъяснимой ненависти и, быть может, безумия?.. — добавила она тихо, следя за его реакцией.

Но рыцарь решительно отверг это предположение.

— Нет! Я никогда не подозревал его в безумии, упаси Господь. Я лишь полагал, что он не совсем понимал ход событий и последствия вашего уничтожения... я думал, что он поймет, что он одобрит... Я был наивен...

— Возможно, вы не все о нем знаете. Я понимаю, что вы испытали горькое разочарование, когда он продолжал настаивать на своих воинственных и, практически, самоубийственных проектах. И это именно то, что мучает вас, что не дает вам покоя сегодня? То, что вы называете вашим предательством по отношению к нему?

Ломени сделал несколько шагов, погруженный в свои мысли.

— Если бы вы знали... Если бы вы знали, чем он был для меня! Между нами существовала такая давняя и такая тесная связь. Когда я хотел последовать за ним в семинарию иезуитов, он меня отговорил. Он посоветовал мне стать мальтийским рыцарем. Таким образом, мы продолжали как бы дополнять друг друга: он был моим духовным наставником, а я — его солдатом... И вот впервые, в Катарунке, я отверг его план.

— Однако, тем не менее, этот план был осуществлен стараниями его наиболее усердных помощников: Модрея, де Лобиньера... Вы можете быть спокойны, Катарунк исчез, он был сожжен, как ваш друг и желал. И если мы и спаслись от гнева ирокезов, вожди которых были убиты в стенах наших домов, то не находите ли вы, что этим мы обязаны чуду?

— Чуду, после которого вас стали считать легендарным существом, наделенным сверхъестественными способностями!..

Но произнося эти слова, он улыбнулся. Понемногу он начинал приходить в себя. Анжелика успокоила его и помогла лучше разобраться в его горестных сомнениях.

Глава 4

На следующий день, когда они вновь увиделись, он по-прежнему улыбался, и, казалось, ему не терпится вновь начать с ней беседу. Его вопрос показался ей неожиданным.

— Знали ли вы господина Винсента де Поля?

— Господина Винсента? — переспросила она в замешательстве.

— Того самого священника, который был советником и духовником королевы-матери в то время, когда король был еще несовершеннолетним и которому мы обязаны столькими милосердными деяниями!

— В то время я и сама была совсем юной и, живя в глухой провинции, не могла бы иметь возможность встречаться со столь значительным лицом. Однако случай и в самом деле свел нас...

— Где это было?

— Когда королевский Двор был проездом в Пуату.

Эти слова, казалось, обрадовали рыцаря.

— Факты совпадают. Но послушайте меня и вы поймете, почему я задал вам этот вопрос. В те времена, когда я был послушником и готовился стать рыцарем мальтийского Ордена, среди других послушников там находился некий Анри де Ронье.

— Это имя мне, как будто, знакомо. Кажется, я недавно где-то его слышала... или нет, скорее это какое-то воспоминание, явившееся во сне или в кошмаре... Впрочем, продолжайте... вы меня заинтриговали.

— Он мне рассказывал, что его религиозное призвание было predetermined встречей с господином Винсентом при обстоятельствах... гм!..

Клод де Ломени-Шамбор погладил свои усы, искоса взглянув на Анжелику. Казалось, что история, которую он собирается рассказать, отвлекла его от мрачных мыслей.

— Ему было тогда шестнадцать-семнадцать лет и, будучи пажом королевы-матери, он находился в ее свите, когда они остановились проездом в Пуату. Он бежал по улочкам города по каким-то своим поручениям, когда случай свел его с юной девушкой с зелеными глазами.

— О! Паж!.. — воскликнула Анжелика. — Тот, что любезничал со мной.

— Так значит, это действительно были вы, та молоденькая девушка из Пуату, о которой он мне столько рассказывал? Продолжать ли мне мой рассказ?

— Несомненно! Это так забавно! Если воспоминания меня не обманывают, этот паж был совершенно не предрасположен для того, чтобы стать членом Ордена.

— В самом деле!.. Этот юный безумец, у него было совсем иное в голове.

Ломени-Шамбор засмеялся.

— Так это были вы, мадам, то очаровательное дитя, которое он привел в собор Нотр-Дам-ла-Гранд в Пуату, чтобы украсть там у нее несколько поцелуев, а может быть и более того, не найдя никакого другого помещения в городе, где все дома были заняты придворными из свиты королевского Двора. Ваши занятия были прерваны появлением господина Винсента де Поля, который именно в тот день молился в этой церкви. Священник прочел наставление молодым безумцам.

Анжелика тоже рассмеялась, правда слегка покраснев при воспоминании об этом забавном эпизоде из ее юности.

Ломени продолжал свой рассказ:

— Анри де Ронье, осознав, что он пережил исключительный момент в своей жизни, признался мне, что не столько встреча со знаменитым священником, сколько с юной незнакомкой, произвела в нем метаморфозу. Он долго пытался забыть ее, но воспоминание не исчезало. Он заболел, он считал себя околдованным. И однажды он понял, что он обрел свою подлинную любовь в той, о которой ему было известно лишь одно: что ее зовут Анжелика. И поняв также, что ему никогда не удастся вновь повстречаться с подобным чувством, что такую любовь не сумеет ему внушить никакая другая женщина, он решил соединиться с Тем, кто является источником всякой Любви, и стать мальтийским рыцарем.

— Что ж, весьма поучительная история! Я счастлива узнать, что я являюсь причиной не одних лишь смут и беспорядков, как вы на то претендуете. А что же с ним стало?

— Став мальтийским рыцарем, он был послан командовать галерами во время наших сражений с берберами, был захвачен в плен и погиб так, как и большинство наших братьев: был побит камнями в горах Алжира.

— Бедный маленький паж!

Она произнесла задумчиво:

— Я совсем забыла о нем.

— Ах! — воскликнул Ломени. — Ваше жесткое безразличие! Оно лишь усиливает ваше очарование. Как вы можете так легко забывать всех тех, в чьих сердцах навсегда запечатлен ваш образ! Вы всех забываете, вы сами это признаете. Всех, кроме одного!

Он смотрел на нее тревожно-вопросительным взглядом.

— Кем же вы являетесь для всех остальных?.. И, не дожидаясь ответа, он горячо прошептал:

— Вы символ противоречий. Вы — некий призыв, крик, который заставляет нас забывать самих себя, как это произошло с юным Ронье.

— Вы опять начинаете ваши терзания, — запротестовала Анжелика. — Вы сами утонули в ваших противоречиях, господа. Все вы эгоистичны и неблагодарны, оплакиваете то, что вам не принадлежит, и не умеете радоваться тому, что имеете. По-вашему выходит так, что я всю свою жизнь только и делала, что наносила сердечные раны, а сама никогда не страдала от любви. Я благодарю Бога за то, что лишь одного мужчину я смогла полюбить неизбывной любовью. Он не всегда был рядом со мной, и мне пришлось пережить всю ту горечь разлуки, все те страдания, которые, как вы считаете, известны лишь вам одному.

— Я знаю. Счастливы те, кого вы не смогли забыть. Вас соединяет такая любовь, в которую трудно поверить. Вчера вечером я смотрел на вас обоих и видел, каким счастьем светятся ваши лица от того, что вы находитесь рядом друг с другом. В тот вечер, когда мы прибыли на ваш корабль, я заметил ваши два силуэта, слившиеся в поцелуе на балконе, и непонятная боль пронзила мое сердце. Я считал себя излечившимся от любви к вам. Но едва я увидел вас, как вновь почувствовал себя счастливейшим из людей. Ваша белокурая красота всегда торжествует. Вы одерживаете победы сами не желая того. Вы не понимаете, что вы ломаете судьбы и являетесь причиной трагедий! Он был прав, считая вас неуязвимой и видя, как вы разрушаете то, что он создал. Он умер от пыток, проклиная вас, и разве вы не придаете никакого значения той ужасной анафеме, которой он предал вас в момент своей смерти?

— А вы уверены, что он ее произносил?

— Вы обвиняете отца де Марвиля во лжи?

— Нет, но...

Как передать ему то ощущение, от которого она никак не могла избавиться, что во всем этом была какая-то невидимая ложь, как червь, сидящий внутри яблока.

Несмотря на свою трагическую сторону, та сцена, которая произошла в прихожей мистресс Кранмер в Салеме, оставила у нее двойственное впечатление, как если бы она присутствовала на представлении мрачной комедии, специально утрированной, если бы только не обморок этого молодого канадца Эммануэля Лабура, который не был притворством. Через некоторое время этот молодой человек умер при таинственных обстоятельствах. Во всем остальном, можно было бы подумать, что перед тобой разыгрывался настоящий спектакль.

Даже сейчас она должна была сдерживаться, чтобы не засмеяться, так как чем дольше она размышляла об этой сцене, тем отчетливее она видела всю нелепость — разыгрывающих ее персонажей — символов папизма и пуританского кальвинизма.

Проклятия иезуита почти не задели ее, так как она не была этим удивлена. Они почти выветрились из ее памяти. Именно в то время она почувствовала, что ветер, несший им удары судьбы, меняет свое направление. Важным моментом было то, что они получили послание, содержащееся в вампуме, который вождь пяти ирокезских племен, Уттаке, направил Жоффрею де Пейраку:

«Твоего врага больше нет».

Мальтийский рыцарь, стоявший рядом с ней, отвлекшийся на какое-то время историей Анри де Ронье, вновь заговорил о том, что не давало ему покоя.

— Себастьян говорил: Нашей целью является то, чтобы на земле существовала единая вера. Я должен — был бы поддерживать его во всем до конца.

Анжелика взяла его за руку.

— Мой дорогой Клод, и вы, и я — мы являемся наследниками религиозных войн, которые велись почти два столетия и потопили Европу в крови, однако не привели к тому, чтобы повсюду утвердилась единая вера. Разве не должны мы теперь попытаться обойтись без войн здесь, в Новой Свете?..

— Возможно ли это? Вы и в самом деле проводите миролюбивую политику, я не отрицаю это... Если бы вас слушали... Именно это и пугало отца д'Оржевала с его идеей насильственной евангелизации. Он считал, что под вашим очарованием прячется политический ум.

— Политический ум? — воскликнула она. Услышав ее смех, граф Ломени живо обернулся к ней, и она встретила его давно знакомый взгляд, нежный и сверкающий, полный интереса ко всему, что касалось ее, и то выражение лица, одновременно мечтательное и восхищенное, как если бы он каждый раз открывал ее для себя заново.

— Ваш смех! Он отбрасывает все мои сомнения и показывает в чем состоит истинная воля Божья.

— Но попытайтесь не облачать меня ни темной властью, ни святым влиянием, а взглянуть на все проще и конкретнее. Разве не вынуждены вы признать, что наше присутствие в Новом Свете принесло гораздо больше пользы, чем зла, больше мира и удачи, чем войн и беспорядков. Разве роль монаха-воина не заключается в том, чтобы бороться за мир и защищать угнетенных? Брать на себя ответственность за оборонительную войну — это богоугодное дело, и необходимо тщательно взвешивать каждый шаг, прежде чем браться за меч, вы и сами это признаете. Политический ум, говорите вы. Ну что ж, пускай так, если вы называете политикой то, что женщина позволяет себе размышлять над судьбой мира и думать о будущем, которое властители готовят ее детям. Она имеет на это право. Первейшая обязанность

женщины думать о том, в каком обществе будут жить ее дети.

Анжелика утверждала, что ответственность женщины в этой области кажется ей еще большей, чем мужчины, и что даже у ирокезов женщины всегда имели право голоса в этих вопросах. Но если отец д'Оржеваль рассматривал ее как противника, ведущего в бой свои войска, то это время прошло для нее.

— Но вы тем не менее не остановили ваши войска, стрелявшие в моих людей в Катарунке.

— Это был вопрос умения стрелять. Решение остановить вас исходило от моего мужа. Я в то время еще ничего не знала об Америке, которую я считала пустынной или, по крайней мере, населенной такими же беглецами, как мы, и не имеющими иных врагов, кроме дикой природы. Увы! Я очень ошибалась.

— С нас вполне было достаточно суровой зимы и соперничества с англичанами. Помимо этого нам еще пришлось помериться силами со священником. А я ведь всего лишь женщина, — повторяю вам.

— И притом восхитительная.

Он был вновь взволнован и внезапно поцеловал ей руку.

— Простите меня! Я такой болван. Мое поведение не имеет оправданий.

***

Следующие два дня они проводили таким же образом, беседуя, то сойдя на берег и прогуливаясь по площади, то на борту «Радуги», гуляя по палубе после обеда.

Порой они смеялись, вновь обретая ту дружескую близость, которая когда-то сразу возникла между ними, порой Ломени снова впадал в меланхолически-тревожное состояние.

Призрак отца д'Оржеваля стоял между ними, но благодаря этим беседам Анжелике удалось заставить

Ломени взглянуть на эту ситуацию по новому, не в столь мрачном свете. Шевалье признал, что Себастьян д'Оржеваль всегда испытывал по отношению к женщинам подозрительность и враждебность, хотя и казался порой вежливым и любезным.

— Он был так несчастлив, — вздыхал Ломени. — В раннем детстве он лишился матери, и по его рассказам его окружали отвратительные женские создания, грубые, похотливые, одержимые духом Зла, и даже ведьмы. Опасаясь Женщины, он боялся Красоты и еще больше Любви...

— Вот те три вещи, которые он беспощадно ненавидел.

Слово «ненавидел», казалось, поразило Ломени, но он удержался от возражений.

В этот вечер они вновь брели по дороге в направлении Сагена.

Завтра граф де Ломени отправится в Квебек, в то время как их флот поднимет паруса, чтобы продолжать свой путь вниз по Святому Лаврентию к заливу, носящему то же имя.

Они обменивались словами, не столько, чтобы убедить друг друга, а скорее для того, чтобы поделиться своими впечатлениями, тревогами, печальями.

— Вы — дитя света, — повторял граф де Ломени, — вы не можете понять этого человека.

— Но и вы также, Клод, вы есть и вы были дитя света. И я думаю, именно поэтому он любил вас, этот мрачный юноша из Дофина. Он нуждался в вас, вы нужны были ему, чтобы освещать его. И для этого он увлек вас за собой в Канаду. Не дайте ему увлечь себя во тьму его могилы.

— Откуда вам известно, что он был из Дофине? — спросил удивленный Ломени.

— Я думаю, мне... кто-то рассказывал об этом. Но она думала, что ей-то известно гораздо больше о детстве Себастьяна д'Оржеваля, чем самому графу Ломени. Граф смотрел на Анжелику одновременно с тревогой и восхищением, словно к нему вновь вернулся тот страх, который хотел ему внушить д'Оржеваль, рассказывая, что она наделена сатанинской властью и хитростью.

— Как бы там ни было, — вновь заговорил граф, — можно утверждать, что ваше появление убило то согласие, которое царило между нами, разорвало ту связь, которая существовала с детства и которая помогала нам жить и идти по пути служения Господу.

Находясь в Виль-Мари после известия о его смерти, я понял, что я все потерял. В вас я потерял женщину, внушившую мне любовь, так как вы были супругой того, с кем я не мог соперничать. А в нем я потерял брата, попавшего в изгнание, за которого я тогда даже не посмел вступиться. Вставая на вашу сторону, я ранил его, Я не пытался объяснить с ним. Я не мог объяснить ему, скольким я вам обязан.

И еще сейчас я чувствую себя виновным за то, что я готов на все, лишь бы получить от вас всего лишь улыбку, дружеский жест, не более того, уверяю вас, и это нелепо.

— Нелепо!.. Почему? Вот что нелепо, так это чувствовать себя виновным из-за такой малости... Дружеские жесты согревают сердце. Нам так приятно чувствовать себя окруженными симпатией и сочувствием. В своей боязни искренних теплых чувств вы превзойдете скоро суровость пуритан, кальвинистов и реформаторов, которых вы так ругаете.

— Плоть... — начал было Ломени.

Но Анжелика рассмеялась, воскликнув: «Хватит, достаточно нравоучений! Плоть... Это чудесно. Это замечательно, что мы являемся плотью».

Взяв его за руку, она подвела его к самому краю высокого мыса.

— А теперь, смотрите!..

— Что же?

Скала, круто обрываясь, уходила в воду. Небо было еще светлым, желто-лимонного оттенка, поверхность реки блестела, как китайская лакированная шкатулка.

— Уже одной этой красоты достаточно, чтобы вы, священнослужители, были взволнованы. Но есть и еще кое-что. Я чувствую, что они здесь..

— Кто они?..

— Подождите...

В тот же момент они увидели темный силуэт, скользнувший под водой и исчезнувший, затем второй. Они исполняли какой-то гармоничный фантастический танец. Над поверхностью воды, словно остров, вынырнувший из морских глубин, появлялся серебристый купол, поднимая фонтаны брызг, затем вновь погружался, вознеся к небу величественный хвост и два плавника, похожих на крылья.

— Киты! Это было редкое зрелище. Киты ушли из этих мест более, чем полвека тому назад. Но случилось, что самки возвращались из ледяных глубин Сагенэ, чтобы произвести на свет детенышей или порезвиться вволю.

Глава 5

В первый же вечер их прибытия Жоффрей де Пейрак предложил своим гостям поужинать в салоне «Радуги», и Реколле, а также Топэн с одним из своих сыновей с радостью приняли это приглашение, устав после долгого дня плавания по реке, не всегда легкого для тяжелой парусной лодки, хоть даже и двигавшейся вниз по течению.

«Эта проклятая река, — говорил Топэн со смесью злобы и уважения в голосе, — когда-нибудь она проглотит нас, это чудовище...»

Избежав в очередной раз неприятностей, эти моряки блаженно отдыхали в большой зале за отличным ужином.

Вопреки правилам этикета, по которым место хозяйки было либо в центре стола, напротив графа де Пейрака, либо с противоположного края, Анжелика уселась рядом с Жоффреем, на своем обычном месте. Ей хотелось быть как можно ближе к нему, ощущать его тепло, запах его одежды, его волос, чувствовать его дыхание. Она испытывала желание тайком целовать его. Возможно ее желание находиться рядом со своим мужем, со своим мужчиной, было заметно всем присутствующим, но тем хуже для них!

Чем дальше она жила рядом с ним, тем меньше ей хотелось делить его с другими. Их жизнь постоянно заставляла их принимать участие в бесконечных общественных церемониях и мероприятиях, и Анжелике приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы не быть постоянно на людях. Жоффрей способствовал ей в этом, так как и ему хотелось как можно чаще быть с ней вдвоем. Путешествие по реке очень подходило для их стремления к уединению,

однако они не могли сразу же покинуть Тадуссак, и вот теперь им приходилось принимать гостей.

Господин де Фронтенак от правил — к ним своих посланников, чтобы сообщить де Пейраку новости о том, как проходит его экспедиция, и поблагодарить за помощь. Ломени-Шамбор приезжал, чтобы поведать о своих терзаниях и сомнениях.

Анжелика решила выпить, чтобы развеять ту тяжесть, которая была у нее на сердце из-за того, что ей пришлось оставить свою дочь вдали от нее, а кроме того, ее тоска усиливалась тем тягостным впечатлением, которое произвел на нее Ломени-Шамбор, такой изменившийся, такой сломленный и усталый...

Чтобы как-то расслабиться, ей необходимо было изрядно выпить.

Ее душа была потрясена рыданиями этого воина с мужественным и чистым сердцем, который плакал, как ребенок, припав к ее плечу, и слова, которые он произнес, обливаясь слезами, были подобны эху тех жалоб, которые прозвучали из уст того другого, невидимого и пропавшего.

Ей очень бы хотелось забыть этого «другого», этого Себастьяна д'Оржеваля, всегда появляющегося в тот самый момент, когда дела их начинали понемногу налаживаться, и причинявшего им, живой или мертвый, самые худшие неприятности. Ей было особенно не по себе оттого, что откровения де Ломени пробудили в ней жалость вопреки ей самой, хорошо понимающей, что за всем этим была ловушка, которой ей следовало опасаться. «Он», иезуит, и Амбруазина всегда делали ставку на ее доброту и великодушие, чтобы таким образом ее погубить. Сколько раз это им почти удавалось!..

Она выпила, будто глотая лекарство, большой бокал восхитительного вина, и скоро ей стало веселее.

Хорошее настроение вернулось к ней, она с интересом слушала рассказы д'Аврэнсона и истории о кораблекрушениях господина Топэна, который, как всегда, несколько сгущал краски.

Нынешний вечер на корабле в компании гостей и офицеров их флота напомнил ей другой банкет, происходивший в этом же самом месте несколько лет тому назад. Однако в тот раз они плыли вверх по течению, направляясь к столице Новой Франции — Квебеку.

Они пировали, как это принято у французов, пышно и безрассудно, и каждый чувствовал себя настолько легко и свободно, что поверял остальным самые сокровенные истории из своей жизни. Это еще больше сплачивало и объединяло всех их в эти туманные ноябрьские дни, густые и холодные, продвигавшихся вглубь владений французского короля в Новом Свете.

Как и тогда, Анжелика подняла свой бокал из великолепного богемского хрусталя — подарок маркиза де Виль д'Аврэя, — и сквозь рубиновый блеск бургонского рассматривала лица своих гостей. Это были храбрые и надежные люди, французы, добрые друзья, радующиеся возможности увидеться наконец. Им было что рассказать друг другу, их объединяло множество общих воспоминаний, хотя бы, например, та знаменитая ночь, когда ирокезы высадились под Квебеком, и Анжелика помогала майору д'Аврэнсону спасти город, тогда как господин Топэн бегал вдоль реки и тушил факелы, обозначающие контур береговой линии.

Анжелика наблюдала за тем, как оживился де Ломени-Шамбор, рассказывая о сражении на реке Сент-Шарль, когда монастырь Реколле был превращен в крепость, и монах, сидевший среди гостей, вспоминал подробности этих событий. Этот простой священнослужитель, добрый малый, проживший в Канаде более двадцати лет, попросил налить ему

самого слабого вина, что не помешало ему веселиться наравне со всеми.

Господин д'Аврэнсон прибыл к ним по просьбе губернатора, чтобы поблагодарить господина де Пейрака за ту услугу, которую он ему оказал, предупредив о возможной высадке ирокезов у Квебека, д'Аврэнсон подробно рассказал об экспедиции Фронтенака.

В Катарунке, на озере Онтарио, где он построил крепость, носящую его имя, губернатор чувствовал себя как в своем родовом поместье.

В этом году, как и в предшествующие годы, Фронтенак принял у себя 60 ирокезских вождей. То, что ему удалось собрать их на этих дружеских приемах — уже было большой победой. Ирокезы великодушны, но упрямы и несговорчивы.

Однако они также любят заключать торговые соглашения, как и воевать. Именно этим и воспользовался губернатор Новой Франции. Он сумел-таки обработать этих неприступных ирокезов! Господин д'Аврэнсон, присутствовавший на этих переговорах, не удержался от того, чтобы в подробностях рассказать обо всех деталях.

Фронтенаку удалось, в конце концов, добиться от ирокезов обещания оставить в покое своих соседей — племена индейцев Утауэ и Андастов, и прекратить систематически истреблять гуронов, или вернее то, что от них осталось.

Фронтенак обладал искусством бранить индейцев, не впадая в гнев. Их подкупала живость его характера, его умение играть с их детьми в шумные детские игры. Они помирали со смеху, слыша как старательно он воспроизводит их «сассакуас» — воинственные крики, от которых кровь стыла в жилах.

Перед началом всяких важных переговоров, для которых требовались мудрость и прозорливость, всегда

устраивались два великих пиршества. Во время первого из них ничего не ели, а лишь курили табак. Это называлось «пиршеством грез».

Надо сказать, что после такого пиршества участники чувствовали себя куда более пьяными, чем после самых обильных возлияний, так как они курили такой крепкий табак, от которого на три дня закладывало горло.

Затем начинались настоящие пиры. Нельзя не отметить, что здесь проявлялось некоторое сходство между французами и индейцами, в особенности ирокезами — любовь к пиршествам до или после сражений.

подавались самые различные блюда и в огромных количествах. Участники пиров должны были съесть как можно больше.

На очаг ставился огромный котел, в котором перед этим варилось мясо, и три главных вождя, вооруженные палками, должны были его перевернуть. Этот символический жест означал: «Война закончена. Мы заключаем мир».

Затем с помощью выдолбленной тыквы они зачерпывали остатки бульона, и торжественно раздавали это очень крепкое и отменное питье «самым главным» среди французов. Это был древний обычай, такой бульон назывался «бульон победенных», и некоторые злые шутники намекали, что возможно он варился из мяса и костей их недавних врагов, что заставляло бледнеть молодых офицеров, недавно прибывших в Канаду.

Короче, топор войны был похоронен.

Гости, собравшиеся в салоне «Радуги», сопровождали этот рассказ аплодисментами.

Фронтенак лишней раз показал ту храбрость и ловкость, которая иной раз пугала его сторонников, но которая всегда служила интересам колонии.

Перед тем, как отправиться в свои долины Пяти Озер, ирокезы оставили свои ватпумы в обмен на подарки.

Они отказались от соли, от этого драгоценного продукта, так как, говорили они, соль вызывает жажду, вода делает тяжелым тело, а они следили за тем, чтобы иметь гибкие и легкие тела с сильными мускулами. Они никогда не испытывали жажду. Им достаточно было их пресного «сагамита» — маисовой похлебки, приправленной небольшими кисловатыми плодами.

Зато они с радостью приняли подарок, считавшийся у них роскошью: множество мешков с мукой, так как они очень любили дрожжевой хлеб. Булочник-француз поедет вместе с ними и с наступлением зимы напечет им прекрасные караваи хлеба, которые можно будет хранить до весны.

Вместе с ирокезами был отправлен также и оружейник, чтобы починить их оружие и поправить топоры.

Господин де Фронтенак, этот славный жизнелюбивый гасконец, горячо любил своих друзей-дикарей!

За столом царило радостное оживление. Экспедиция удалась на славу. Присутствие за столом Николя Перро напомнило Анжелике о том, как трудны были их первые шаги в Новом Свете, о тех опасностях, которые им пришлось пережить. Вспоминая и сравнивая события тех дней с теперешними, она была приятно поражена той успешной работой, которую им удалось проделать за это время. Сегодняшним вечером они, французы, собрались здесь, чтобы выпить за своего короля и за удачную экспедицию губернатора Фронтенака, благодаря которой был установлен мир на этом варварском континенте, и они поздравляли друг друга с тем, что было подписано соглашение, сближавшее народы в их стремлении понять друг

друга, народы, живущие на этой обширной территории, покрытой дремучими лесами и постоянно раздираемой и оспариваемой.

Разве могли быть поставлены под сомнения все эти победы только из-за того, что в глубине этих самых лесов великий иезуит принял свою мученическую смерть? Анжелика помнила его боевое знамя: флаг с пятью крестами, четыре по краям и один в центре, окруженные четырьмя луками и стрелами. Она видела этот флаг, развевающийся во главе войска абенаков, когда они устремились на штурм английской деревни.

Она также слышала, как иезуит давал приказание убить их, «еретиков из Катарунка». Ей едва удалось тогда остаться незамеченной и добраться до своего лагеря. Так начиналась их тяжкая борьба.

Отец д'Оржеваль был очень любим простыми людьми, и Анжелика вовсе не стремилась ни уничтожить эту любовь, ни очернить его образ. И теперь, когда пришло известие о его смерти, культ отца д'Оржеваля, казалось, еще более возрос.

Все больше говорили о его проклятиях в адрес Анжелики, чем о самой его мученической гибели.

Это очень огорчало и беспокоило Анжелику, однако сейчас она постаралась отогнать мрачные мысли, и ее память выхватывала лишь самые красивые сцены из ее прошлой борьбы с иезуитом, такие, как скачка на ее любимой лошади Валлис по осеннему лесу, знамя с пятью крестами, развевающееся по ветру над ордой вопящих дикарей.

Эти сцены и образы это была их полная приключений жизнь в Америке.

Она повернулась к Жоффрею, как если бы он мог помочь ей развеять этот рой слегка безумных воспоминаний. И он в самом деле это мог. Находясь рядом с ним, она очень быстро справлялась со своей тревогой, часто весьма преувеличенной и

преждевременной. Он всегда оставался мудрым и спокойным.

«Как мне хорошо рядом с ним», — повторяла Анжелика, придвигаясь к де Пейраку как можно ближе, почти касаясь его. В этот момент она заметила взгляд графа де Ломени, от которого не ускользнуло это кошачье движение влюбленной женщины, испытывающей блаженство от того, что она рядом с любимым мужчиной.

Но она не могла запретить себе смотреть на него, на его профиль, столь мужественный и благородный. Рядом с ним она чувствовала себя полностью защищенной.

Сам Жоффрей де Пейрак держался так спокойно и жизнерадостно, искренне веселясь с остальными гостями, что невозможно было и предположить, что он может пить для того, чтобы развеять дурное настроение или, как некоторые, чтобы уйти от реальности. Он пил, наслаждаясь прекрасным вином, дарованным Богом, он пил, чтобы составить компанию своим гостям, оказывая им почести и уважение, вкушал одно из тех удовольствий, которые существуют в этом суровом мире и компенсируют его враждебность и жестокость.

Когда он пил, то казалось, что вино — это такой же друг, который нужен ему, чтобы вместе повеселиться и лучше узнать друг друга.

Как только его глаза начинали блестеть чуть больше обычного, смех становился более откровенным, его лицо приобретало насмешливое и даже сардоническое выражение, будто он свысока, но без злобы наблюдал человеческие слабости.

Сколько Анжелика его помнила, он всегда был таким. Таким она видела его в Тулузе — блестящим принцем с гитарой в руках, с глазами, смеющимися в прорезях маски, окруженным двором, где царили

любовь, веселье, музыка, куртуазная философия, изысканные вина.

И она завоевала его, самого вождественного из всех, Жоффрея де Пейрака.

Она говорила себе.

«Скоро я останусь с ним наедине».

Она без устали смотрела на него, в то время как он внимательно слушал своих гостей, следя за каждым словом, за тем направлением, которое принимала беседа, наблюдая за выражением лиц присутствующих.

В этом он был чем-то похож на короля.

Но он был сильнее, чем король, и свободнее.

«Как я люблю его. О, Боже, сделай так, чтобы он всегда любил меня. Без него я умру!

Я слишком много выпила! Вино действует так предательски! Интересно, заметно ли это? Все веселятся. Даже Ломени! Да здравствует вино. Главное это то, что мы живы и веселы. Завтра я скажу это бедному обманутому графу, и он воспрянет духом. Иезуит умер, так и не узнав, как хорошо выпивать вместе с друзьями. Он всегда жил во мраке, вот почему он и погиб. Господь, прости меня, я должна пожалеть мученика».

Расставаясь с гостями и провожая компанию под холодным мелким дождем, сверкающим множеством крошечных капель, Анжелика, не совсем твердо держась на ногах рядом со своим господином и повелителем, вдруг прочла (или ей показалось) в глазах Ломени-Шамбора мысль, которая пронзила его, словно стрела: «Этим вечером они будут любить друг друга».

И вновь он изменился в лице. Черты его исказились мукой.

Глава 6

Стоянка в Тадуссакке подходила к концу. Скоро их посетители отправятся вверх по течению назад в Квебек. Через некоторое время наступит зима и запрет их в своих льдах.

Анжелике удалось еще несколько раз побеседовать с шевалье де Ломени-Шамбором. Чувствуя, как он утомлен, она не хотела быть слишком настойчивой. Она пыталась лишь слегка расшевелить его, как будят спящего, которому снится страшный сон.

Она пыталась найти к нему путь, цепляясь каждый раз за некоторые оброненные им фразы: «Ваши доводы убедительны»... «Вы не ошиблись»...

Но каждый раз нужно было начинать все сначала.

Несколько раз он вытаскивал из камзола письмо, с великими предосторожностями разворачивал его, так как оно было написано на очень хрупкой березовой коре, и зачитывал ей отдельные места из этого последнего послания, полученного им от иезуита уже очень давно, вскоре после того, как он был отправлен из Квебека, и как раз перед тем, как известия о нем полностью прекратились.

Удивительная вещь, в своем последнем письме другу детства иезуит постоянно возвращался к той опасности, которую представляла собой Дама Серебряного Озера. Можно было подумать, что он одержим страхом.

— «...опасайтесь всего, что исходит от нее, мой друг! Эта женщина, обладающая властью, эта женщина — политик!..»

— Боже! Какая глупость!

Но Ломени продолжал тихим и ровным голосом зачитывать целый перечень нелепых обвинений.

— «...она обладает властью над чувствами, которую, как я заметил, и вы успели испытать на себе, как бы набожны вы не были, но эта власть не слишком выделяла бы ее среди других женщин, если бы она не удваивалась еще и умом, что дает ей победу над мужскими умами, и, что еще опаснее, над их душами, способствуя преступному легкомыслию в отношении религиозных правил и законов, к неправильному пониманию природы греха, что может привести к абсолютной невозможности духовного спасения. Но оставим это...»

— Тем лучше! — вставила Анжелика, печально слушавшая все это.

— «Поговорим лишь о той политической силе, которая скрывается под хрупкой и нежной внешностью этой женщины, которая как будто вовсе не понимает ничего в тайнах дипломатии, которую вынуждены вести мужчины, в чьих руках находятся судьбы народов. Та ответственность, которую никогда не приходилось нести женщинам».

— Это еще как сказать... Англия не могла пожаловаться на свою великую королеву Елизавету I-ую.

— «...Но некоторым из них удавалось заполучить власть и влияние с помощью дьявольских сил, — продолжал шевалье. — Я слышал, что наш король никогда не доверяется женщинам в политических вопросах, не выносит, чтобы какая-нибудь из них, будь то хоть сама королева или же самая влиятельная из его любовниц хоть в малейшей степени вмешивалась в государственные дела. И вот мне доподлинно известно, что для единственной женщины, мадам де Пейрак, в то время, когда она находилась в Версале, будучи женой другого дворянина, король делал исключение. Много раз он советовался с ней по различным

дипломатическим вопросам и дошел до того, что доверял ей секреты иностранных государств...»

Граф де Ломени поднял голову и посмотрел на Анжелику взглядом, выражавшим одновременно и удивление, и ожидание опровержения.

Но она лишь вздохнула.

— Он все знал, ваш иезуит, — сказала она, помолчав некоторое время. — Все, даже это.

— Да, он знал все, — повторил Ломени, складывая задумчиво письмо. — Этот дар ясновидения разве не указывает нам, что мы имели дело со святым, предостережениями которого мы пренебрегли?

— Кто вам сказал, что это ясновидение? — сказала Анжелика, пожимая плечами — У него повсюду были шпионы..

Они могли бы спорить еще два дня и две ночи и не достигли бы той цели, к которой она стремилась: вернуть покой в душу шевалье де Ломени-Шамбора.

Они ходили по кругу. Однако она все же надеялась, что эти беседы не прошли даром. Что касается ее, то во время споров с Ломени она отчетливее почувствовала и увидела эту оккультную личность, этого человека, который даже мертвый продолжал оказывать влияние на ее судьбу. И вывод, который она сделала, помог ей сохранять хладнокровие, так как даже этот новый миф, созданный вокруг него, показывал ей скорее его слабости, чем силу. Тот новый персонаж, который предстал перед ней, был скорее пленником, попавшим в мрачный плен, в ловушку, из которой сам не мог выбраться.

Дело усложнялось еще и тем, что он принадлежал к ордену иезуитов, ордену, чье влияние все усиливалось. Сформированный из представителей элиты всех наций, он являлся партией идейной и философской направленности, однако в то же время стоя на страже законов, сурово охраняя правила морали, этот орден

был не чем иным, как армией Бога, армией, служившей Риму, то есть — папе. В каждом веке возникал такой религиозный орден, который являлся такой «партией», выражавшей основную концепцию своего времени, бывшей, можно сказать, его идеологической окраской. В том веке, в котором родилась Анжелика, таким главным орденом был орден иезуитов.

В нем объединились современные идеи и вечные законы.

Но размышляя над всем этим, она не могла с уверенностью сказать, что преподобный отец Себастьян д'Оржеваль был истинным иезуитом, как, например, ее брат Раймон. Те были очень сильны и изворотливы, но не в такой степени лицемерны и нетерпимы.

Она могла бы даже обвинить его в том, что он пользовался своим положением иезуита, как неким прикрытием.

Она видела, как он пытается укоренить на этой девственной земле старые понятия и обычаи, протянуть тень старинных проклятий, отрицающих те веяния нового времени, которые могли возникнуть здесь, в Новом Свете.

Это была борьба между тем, что привносили они, Жоффрей и Анжелика, и тем, что защищал он в своей непоколебимой уверенности личного авторитета.

Он принимал решения, не считаясь ни с кем. Должна была осуществляться лишь его воля, только он имел право выносить обвинение и мстить. Мстить кому? Тебе!.. тебе!.. — кричал ей внутренний голос «Но почему? Что я сделала?..»

Под обманчивой личиной святости Себастьян д'Оржеваль воевал с тем, что касалось лишь его одного его собственных безумных идей Анжелика была, возможно, единственная, кто догадывался, что за этой борьбой скрываются его собственная мания величия и гибельный образ женщины-демона. «Он думал, что это

он направил ее сюда к нам себе в помощь. Но все было как раз наоборот. Именно она руководила им, она всегда была сильнее его, с той поры ранней юности, которую называют «нежный возраст».

Анжелика задумалась над этим выражением «нежный возраст».

— Вздрогнув, она представила себе этих грех проклятых детей в лесистых долинах сумрачного Дофина. В этой истории все было покрыто мраком.

Все те, кого д'Оржевалю и Амбруазине удалось увлечь за собой, сбивались с пути и гибли.

Неужели Ломени не понимал этого? Она вспомнила ту фразу, которую произнес когда-то мальтийский рыцарь, после того как подарил Онорине маленький лук со стрелами:

«Мы любим осыпать подарками невинность. Она одна заслуживает этого...»

Подобное тонкое высказывание, исходящее от мужчины, тронуло Анжелику. А теперь такой нежной чувствительности уже не было в нем, он утратил тонкость восприятия. Иезуит распростер над ним свою мрачную тень, подобно ветвям ядовитого растения.

Она вспоминала зиму, проведенную в Квебеке, как благословенный период, когда их окружали дружба, веселье, свобода.

Сейчас ей приходилось в беседах с шевалье взвешивать каждое слово.

Анжелика почувствовала, что слова «любовь» или «удовольствие» были ему невыносимы, ему, сумевшему когда-то с мудрым достоинством отказаться от любви к ней, чтобы посвятить себя более высокой любви.

Сейчас, к сожалению, он чем-то напоминал ей де Барданя.

Она не могла смириться с тем, что он деградирует.

Но она не могла уже больше беседовать с ним так свободно, обсуждая самые деликатные вопросы, как

они это делали когда-то, словно брат и сестра, как очень близкие друзья, в той свободной и очаровательной манере.

Казалось, что он лишился воли. Он, которого она помнила таким энергичным, здравомыслящим и решительным перед соблазнами любви, таким уверенным в своих действиях, как тогда, в Катарунке, когда он заключил союз с ними, или позже, в Квебеке, смело вставшим против общественного мнения на защиту их репутации. Сейчас же он был подобен кораблю, лишившемуся мачты и компаса.

За несколько часов до его отъезда она со слезами на глазах взглянула на него и сказала:

— Неужели и вас потеряла?

Он снова изменился в лице, и ей вдруг почудилось, что налетевший легкий ветер внезапно развеял тот едкий дым, в котором задышалась его душа.

— О нет, друг мой, нет! Как вы могли такое подумать? Как я смог жить без вас? Я должен, по крайней мере, знать, что где-то есть вы, с вашей дружбой, что вы помните и иногда думаете обо мне, о мой дорогой, мой нежно любимый друг!

Но поймите, что я страдаю из-за тех несправедливых ударов судьбы, которые обрушились на моего бедного друга!..

«А те удары, которые он нанес мне, также несправедливые и смертельные, они не заставляют вас страдать?..» — готова была с упреком спросить Анжелика.

Но она воздержалась от этого. Не в ее характере было обращать внимание на все те обвинения и предвзятые суждения, которые ей приходилось выносить. Она умела молча и гордо переносить оскорбления, подобно тем рыцарям из легенды, стремящимся на помощь и сочувствие чужим страданиям и не думающих о собственной участи.

«Наши друзья, однако, — думала она, — могли бы больше заботиться о том, чтобы помочь нам переносить невзгоды. Они считают нас слишком сильными, чтобы утешать и защищать, и предоставляют это делать нам самим».

— Вы даже не спросили меня об Онорине! — все же не удержалась она от упрека. — Вы меня огорчаете, господин рыцарь. И я вынуждена думать, что в том, что вы изменили свое отношение к ней, опять-таки виноват ваш иезуит.

Я только что оставила мою маленькую Онорину заботам матушки Буржуа и увижу ее вновь лишь через год. Мне было нелегко, все казалось мне безрадостным в Новой Франции. Я искала вас в Монреале, мне нужна была дружеская поддержка, а вы избегали меня. Опечаленная, я села на корабль, чтобы уехать надолго.

И вот вы находите меня, чтобы дать понять, что дружба между нами кончена. Вы считаете, что это мне безразлично? Это означает, что вы не знаете о том, как я привязана к своим друзьям. Эта привязанность, увы, одна из моих слабостей. Вы считаете меня женщиной расчетливой, ведущей политическую игру, холодной и легкомысленной и, возможно, Бог знает еще какой! Нет. Я всего лишь женщина, повторяю вам... и вы должны были бы быть возмущены, видя, как меня, вашего друга, лечившего и спасшего вас, привязанного к вам, отдающего вам предпочтение перед многими другими, осуждают с такой ненавистью, с такой злобой...

Он прервал Анжелику, схватив ее руку и осыпая ее страстными поцелуями.

— Это так, вы правы, простите меня! Простите меня тысячу раз, умоляю вас. Мое поведение не имеет оправданий. Я знаю, я никогда не сомневался в этом... я знаю, что вы на стороне добра...

— И, таким образом, вы признаете, что вопреки всем своим добродетелям, ваш святой мученик, а наш

злейший враг не проявлял милосердия в своих действиях против нас? Вы это признаете?

Ей хотелось, чтобы он, наконец, произнес это, решился взглянуть правде в лицо, чтобы он сделал выбор. Он был мучим именно сомнениями и колебаниями.

— Это правда, — сказал он... — И тем не менее, нет, и он был на стороне добра...

— Хватит, — прервала она, — Вы меня разочаровываете, так как вы не хотите прекратить ваши мучения.

И видя, что он опять подносит руку к камзолу, она подумала, что он вновь хочет прочесть ей письмо отца д'Оржеваля.

— Достаточно, говорю я вам. Я не хочу больше слышать об этом человеке.

— Но это совсем не то!

Анжелика направилась по берегу, чтобы подняться на борт «Радуги», и шевалье последовал за ней и, почти смеясь, схватил ее за руку.

— Вы также заблуждаетесь на мой счет, мадам. Знайте, что в Монреале я навестил вашу маленькую Онорину, и я привез вам письмо от матушки Буржуа, в котором она пишет о маленькой мадемуазель!..

Анжелика чуть было не кинулась к нему в объятия, упрекая его за то, что он не сразу передал ей это письмо.

Ударяя себя в грудь, Ломени признался, что усталость и спешка, с которой он собрался в путь, так подействовала на него, что он чуть было не забыл об этом послании. Но, слава Богу, он о нем вспомнил, он не смог бы уехать, не передав ей письмо, рассказывающее о ее дочери. Анжелика поверила ему лишь наполовину. Она заподозрила его в том, что он хотел испытать ее, заставить ее страдать, чтобы отомстить ей, отомстить за «другого»... Это так не было на него похоже...

Возможно, он был гораздо лицемернее, чем она думала. Ее не удивило то, что матушка Маргарита разыскала его и, под предлогом передать письмо с новостями об Онорине, вынудила его пуститься им вдогонку.

Она не ошиблась, так как лишь в эти последние дни ей с трудом удалось узнать в нем прежнего Ломени, который со столь хорошо знакомым ей выражением лица, в свойственной лишь ему манере, рассказывал ей об Онорине. Рыцарь передал ей листок прописей, исписанный старательной рукой маленькой школьницы заглавными буквами «А», который Анжелике спрятала у себя на груди, как любовное послание.

Час расставания приближался. Граф де Пейрак вручил рыцарю только что написанное им письмо Онорине, находящееся в большом конверте, запечатанном красной печатью, с просьбой лично прочесть его их дочери по приезду в Монреаль. К письму он присоединил кольцо, сняв его с пальца, чтобы Онорина носила его у себя, как знак памяти.

— Пускай она знает, что мы всегда рядом с ней.

Анжелика, захваченная врасплох, передала длинное устное послание для матушки Маргариты Буржуа и несколько безделушек для Онорины.

Рыцарь вновь попросил простить его за его скверную память. Ранение, полученное им во время последней кампании в Катарунке, сильно ослабило его, так как он потерял много крови. Временами у него в голове как бы образовывалась пустота. И это, вероятно, была правда.

В самый последний момент он сделал вид, что опять вспомнил о том, что вылетело у него из головы, но на этот раз это была шутка. Он приготовил им сюрприз.

Ломени принес и поставил перед ними на стол большую шкатулку из коры, сшитую на индейский манер.

Приподняв крышку, они увидели коллекцию маленьких деревянных фигурок, ярко раскрашенных, которые рыцарь расставил на столе, устанавливая каждую из них на маленькой подставке из коры.

Он узнал, рассказывал рыцарь, что брат Люк из монастыря Реколле, что на побережье Сент-Шарль, перед тем, как стать священником, занимался тем, что делал из дерева, а затем разрисовывал целые полки солдатиков в качестве детских игрушек. Мальтийский рыцарь решил заказать ему несколько таких солдатиков для подарка юному Раймону-Роже де Пейраку.

— Для вашего нового сына, — сказал он, повернувшись к Анжелике и Жоффрею.

Монах францисканец и рыцарь выбрали для солдатиков униформу королевских гвардейцев, вызвавшую такое восхищение жителей Квебека, когда они впервые появились в Новой Франции, сопровождая господина де Ла Водьера, приехавшего в Канаду в качестве особого посланника короля. На следующий год, когда госсюветник вновь посетил Новый Свет — так как дела, связанные с торговлей пушниной, которые он начал в Канаде, стоили неудобств, сопряженных с путешествием на корабле в течение нескольких недель, граф де Ломени подробно расспросил его о мельчайших деталях военных униформ. В течение долгой зимы шевалье помогал брату Люку, вырезавшему и раскрашивавшему эти маленькие фигурки.

— Наш новый сын еще не сделал своих первых шагов, — сказал Пейрак, — но смею вас уверить, что он уже сможет по достоинству оценить такой прекрасный подарок и вместе со своей сестричкой получит много удовольствия, играя с ними.

Господин де Ломени признался, что он провел восхитительные часы за этим занятием, помогая отцу Люку тихими зимними днями в стенах монастыря

Реколле, заранее радуясь тому удовольствию, которое получит мальчуган, строя солдатиков в шеренги и маневрируя ими.

Зима, сковавшая льдами реки, на семь — девять месяцев лишала жителей канадских провинций всякой почты, и граф Ломени в течение долгого времени оставался в неведении относительно гибели отца д'Оржевала, и хотя он должен был бы быть готовым к этому известию, оно поразило его, как неожиданное.

«Вот видите, мы по-прежнему остаемся друзьями», — говорили ему глаза Анжелики, в то время, как он спускался по веревочной лестнице в лодку, которая переправит его на маленький корабль, идущий в Квебек.

Он улыбнулся.

Он не переставал улыбаться, посылая им издали прощальные знаки.

Анжелика, глядя ему вслед, думала с тяжелым сердцем, что, оставшись один, вдали от них, он вновь погрузится в свои тягостные сомнения, угрызения вновь начнут терзать его душу, оставляя такой глубокий след, какой оставляют лишь страдания от любви. Двойное любовное страдание, внушенное живой женщиной и мертвым другом.

Служа одной, он предавал другого, выбирая его, он отрицал ее. Он не мог защищать одного, чтобы не быть причиной гибели другой, не мог ни любить их обоих, ни вырвать из своего сердца и из своей жизни. Несмотря ни на какие молитвы, посты, медитации, исповеди, он не мог отделить свое существование ни от иезуита-мученика, его горячо любимого друга, чье присутствие он чувствовал так близко, моля его мысленно о том, чтобы он наставлял его на истинный путь спасения во славу Бога и Франции, ни от нее, женщины, в которой воплотилось все то, что было не дозволено ему, которая также была его другом, та, чей образ постоянно

возникал перед ним, та, лишь самое смутное напоминание о которой — ее имя, произнесенное в беседе, чей-то смех, похожий на ее — волновали и радовали его до слез, наполняя его душу нежностью и благодарностью. Граф де Ломени, мальтийский рыцарь, понимал, что ему, вероятно, суждено навеки оставаться раздираемым между ними.

Отныне ему предстоит брести в пустыне туда, где он не услышит ни слова утешения, где умирает всякая надежда, где божество не проявляет своего присутствия, что является самым горьким и ужасным испытанием для того, кто посвятил всю свою жизнь и принес в жертву все земные радости невидимому Богу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

Глава 7

Наконец они подняли паруса и отплыли из Тадуссака.

Анжелике понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что они с Жоффреем остались одни, лишенные каких бы то ни было светских обязанностей, то, что она больше всего любила.

Они вновь вернулись к тому образу жизни, который так любили и который им никогда не надоедал.

Сидя вдвоем либо на палубе под навесом, защищавшим летом от жары, а осенью от дождя, либо, когда спускалась ночь, в салоне, полулежа на диванах среди восточных подушек, они наслаждались беседой, говоря обо всем понемногу, обмениваясь иногда лишь отдельными фразами, пользуясь тем покоем и свободным временем, которых они так часто бывали лишены.

Куасси-Ба подавал им турецкий кофе в маленьких чашечках из тонкого фарфора, помещенных в специальные чаши с восхитительными узорами, называемые зарф, которые позволяли пить кофе, не обжигая пальцы. Весь этот кофейный ритуал, связанный с востоком, напомнил ей о Средиземноморье и об острове Мальта, о котором Анжелика разговаривала с графом Ломени.

Анжелика посоветовала ему вернуться во Францию за советом и помощью к братьям по ордену. Но он отказался. Он хотел остаться в Канаде, где покоились останки его друга, замученною индейцами.

— А между тем, ему было бы полезно уехать отсюда. И особенно ему было бы полезно солнце. Мне так понравился на Мальте тот прекрасный свет, освещавший палаты Главного Госпиталя. Больным там

подавали еду в серебряной посуде. Я посетила аптеку, операционные залы. Потом мне показали форт, откуда были видны развевающиеся знамена на галерах мальтийского ордена, готовые выйти в море, чтобы сражаться с берберами.

Внезапно она умолкла. Затем Жоффрей увидел, как она, спрятав лицо в ладони, прошептала:

— О, Господи! Это был он!

И застыв в этой позе, она как бы погрузилась в какое-то воспоминание, детали которого от нее ускользали.

— Анри де Ронье, — громко проговорила она наконец.

Жоффрей де Пейрак не прерывал ее размышлений. В своих воспоминаниях Анжелика перенеслась в Салем, в те времена, когда после рождения близнецов у нее начался приступ малярии.

Находясь в бреду, вызванном этой лихорадкой, подхваченной ею на Средиземном море, ей вдруг почудилось, что она снова в Алжире, в те времена, когда она была пленницей Великого евнуха Османа Ферраджи, визиря короля Марокко, для которого он ее купил. В бреду ей казалось, что она никогда больше не увидит Жоффрея. Она шла по улицам белого города, сопровождаемая охранниками-мусульманами. На одном из перекрестков она увидела умирающего, которого толпа забрасывала камнями. В нем она узнала одного из монахов-воинов, захваченных вместе с ней в плен на галерах мальтийского ордена, и — в ее кошмаре — он кричал ей: «я дал вам ваш первый поцелуй».

Придя в себя в Салеме, в Новой Англии, в объятиях Жоффрея де Пейрака, она решила, что эта нелепо-неприличная сцена возникла в ее воспаленном болезнью воображении, искажавшем реальность.

— А если тот рыцарь, забрасываемый камнями, звался Анри де Ронье? Реальность оказывалась не такой

уж искаженной.

Она силилась вспомнить.

Анри де Ронье?.. Теперь она была почти уверена. Именно так звали одного из двух рыцарей, с которыми она путешествовала на галере с Мальты в те времена, когда она разыскивала Жоффрея на Средиземноморье.

Анжелика подняла голову.

Она поведала мужу о той забавной истории, которую напомнил ей граф Ломени и том открытии, которое она только что сделала: она не узнала влюбленного в нее когда-то пажа из Пуату в мальтийском рыцаре, облаченном в его красную мантию с крестом.

— А он? Узнал ли он меня? С тех пор прошло столько лет, и я путешествовала под именем маркизы дю Плесси-Бельер. Правда, он знал лишь, как меня зовут.

— Будьте уверены, что он узнал вас. Такие глаза, как ваши, не забываются.

Однако что-то было между ними, если спустя многие годы она вспомнила о нем в своем бреде, а он прокричал ей слова, которые не хотел произносить.

Ей не удавалось вспомнить черты его лица, лишь его силуэт, более стройный и высокий рядом с фигурой другого священника, адмирала галеры.

— Мое безразличие, несомненно, было причиной того, что он не осмелился напомнить мне об этом несколько легкомысленном эпизоде. И в самом деле, в то время я думала только о вас, я готова была преодолеть любые трудности, чтобы отыскать ваши следы.

Она вновь погрузилась в раздумья.

Она также легко забыла Анри де Ронье, как и другие приключения, не оставившие следа в ее памяти: Вивонн, Бардань, даже Колен...

— Неужели я в самом деле «забывчивая», как упрекал меня Клод де Ломени-Шамбор, по отношению

ко всем, кроме одного... вас?

— Я не стал бы возражать, если бы оказался этим «единственным».

Вспоминая о той пылающей надежде, помогавшей ей смело идти навстречу опасностям, подстерегающим женщину на Средиземном море, она вновь видела различные эпизоды тех приключений. Один из них произошел в Канди, когда она очутилась в присутствии этого таинственного Рескатора, скрывавшего лицо под маской.

Тогда она его не узнала, и она не могла себе до сих пор этого простить.

— Мне так хотелось поближе познакомиться с вашим дворцом роз в Канди. Едва только мне удалось бежать, как я была охвачена тоской, настолько успел меня очаровать этот купивший меня пират в маске. Какую глупость я сделала! Мечта, счастье были так близки!.. Нет, я все же не могу считать, что это была глупость. Вместе со старым Савари мы проявили такое упорство в осуществлении этого побега... Ведь долг каждого раба в том, чтобы пытаться убежать, не так ли?

Жоффрей рассмеялся.

— В этом вся вы, дорогая! Как я мог тогда не подумать об этом! Как я мог забыть, какая вы? Ваш побег? Ваша отчаянная решительность? Или же... я и в самом деле так плохо знал вас в то время?.. так мало. У меня не было времени достаточно хорошо узнать вас, когда нам пришлось расстаться. Может быть, мне хотелось освободиться от той любви, которая приобрела слишком большую власть над моим сердцем. Но когда я попытался представить вас как женщину холодную и легкомысленную, исказить ваш облик, я обманул самого себя... И я был наказан.

Он поцеловал ее руку. Они улыбались друг другу. И были в тот момент счастливы так, что не могли найти

слов для того, чтобы выразить это.

Их корабль плыл по сине-зеленым с серебристым отливом водам реки Святого Лаврентия. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу плечом к плечу, временами обмениваясь поцелуями. Это редкое состояние блаженного покоя позволяло им приподнять завесу над их прошлым. Они болезненно-чувствительно относились к этой теме, опасаясь ранить друг друга.

— Вы правы, любовь моя, — сказала Анжелика. — Я искала вас. Но, возможно, в те времена, мы еще не заслуживали того, чтобы найти друг друга. Мы слишком не доверяли друг другу.

Она коснулась рукой шрамов этого столь дорогого ей лица.

— Как я могла не догадаться, что это были вы, несмотря на ту толпу свирепых пиратов на рынке рабов, куда вы сами пришли, чтобы выбрать себе объект наслаждений? Как я могла не узнать вас под вашей маской, несмотря на вашу бороду и изменившуюся походку?.. Я была в смятении. Да, это была моя вина. Я должна была бы узнать вас по вашему взгляду, по одному прикосновению вашей руки. Сейчас подобная слепота кажется мне непростительной. Но почему же вы сами не назвали своего имени?

— Там? Среди морских разбойников и похотливых мусульман, пришедших покупать женщин на невольничий рынок в Канди!.. Нет, я не мог бы на это решиться! Но кроме того, я боялся именно вас. Я боялся вашего первого взгляда, я старался отдалить тот момент, когда я узнаю, что потерял вас навсегда... что вы полюбили другого, быть может, короля, наверняка короля, и что вам не нужен будет этот муж, которого вы считали погибшим, этот изгнанник или, по крайней мере, отступник в глазах вашего окружения в Версале. Вы были для меня незнакомой и непонятной женщиной, той, которая менялась вдали от меня. Без меня.

Женщиной в расцвете своей красоты, своей независимости, а не тем юным созданием, почти ребенком, которым я вас оставил. Разумеется, я видел в этой светской женщине, носящей имя другого, супругу, забывшую меня, для которой я стал безразличен.

— Забывавшую все, кроме одного. Вы навсегда сумели завладеть моим сердцем. Но сомневаясь во всех женщинах, вы сомневались и во мне. Вы даже не захотели понять, что я предприняла это безумное путешествие вопреки воле короля лишь с одной целью — найти вас. Мое отчаянное решение пуститься в странствования вы сочли взбалмошным капризом.

— Но как мог я ожидать такого доказательства любви со стороны женщины?

— Вот уж, действительно, л о ваше больное место, несмотря на всю вашу науку любви, которой вы учились у трубадуров. Вам предстоит еще многому научить меня, мессир. Неужели вы не поняли, что вы стали всем для меня после Тулузы?..

— Вероятно, мне не хватило времени, чтобы понять, чтобы убедиться в этом. Страсть так быстро проходит. Верность считается чем-то неуместным. Любовь, истинная любовь, встречается так редко. То, что вы были для меня единственной среди всех женщин, я понял, лишь потеряв вас, лишь после того, как вас отняли у меня.

Трубадуры сказали не все. Они лишь дали понять, что самое главное нельзя выразить словами.

Вот чему я научился во тьме тюремных камер и блуждая в изгнании. Мое прошлое было зачеркнуто, и мне казалось, что вместе с ним я потерял и вас.

— Но, однако, это не мешало вам прекрасно обходиться без меня, перебираясь с острова на остров, из цветущих дворцов ко дворам оттоманских владык...

— Да, я признаю, что вначале я не думал, что так долго не смогу забыть вас, и особенно, что наступит

день, когда я пойму, что никогда не смогу вылечиться от того ожога, от той любви, которую вы мне внушили. В какой момент я это понял окончательно? Истина открывалась мне не один раз. Может быть, тогда в Алжире, когда я встал перед выбором: выдать вас Меццо-Морту, и он откажется от соперничества со мной на Средиземном море?.. или же позже, когда мне пришлось выбирать между вашей смертью и вечной разлукой с вами, даже в мечтах?..

Именно тогда я понял, что самое худшее — это не увидеть вас больше никогда. «Какая женщина, друг мой!..» — говорил мне Мулэ Измаэль с восторгом и одновременно с яростью и сожалением. Мы оба были тогда владыками в тех краях, в странах берберов и на Ближнем Востоке, перед нами вставал призрак рабыни с незабываемыми глазами, умершей по дороге через пустыню. Временами мы смотрели друг на друга и понимали, что мы не верим на самом деле в вашу смерть. «Аллах велик», — говорил он мне.

Анжелика жадно слушала Жоффрея, сдерживая улыбку, настолько забавным ей казалось представить себе убитых горем Жоффрея и Мулэ Измаэля.

Затем они вновь кидались друг другу в объятия, смеясь, преисполненные радостным чувством победы от того, что они вместе, что у них есть дети, богатство, удача, что они окружены преданными друзьями, вдали от тех трагических событий, о которых они только что вспоминали. Счастье их было так безгранично, что суровые пейзажи великой северной реки, далекие берега со скалистыми горами, поросшими темным лесом, бурные и коварные реки, тяжелые облака, плывущие по небу и влекущие за собой пелену дождей, вся эта северная природа, столь непохожая на пейзажи Средиземноморья, казалась им дружелюбной и ласковой, служила им тем фоном, на котором они еще

сильнее чувствовали уверенность в том, что навсегда
обрели друг друга.

Глава 8

Анжелике хотелось, чтобы это путешествие длилось вечно. Она упивалась каждым его мгновением. Плавание по Святому Лаврентию отделяло их от всего окружающего мира. Корабли, встречавшиеся им, были почти также далеко, как и в открытом море. Проплывая мимо, они издали приветствовали друг друга. Одни торопились добраться хотя бы до Тадуссака, другие спешили выбраться за пределы Нового Света.

Они спешили, так как промедление грозило прибывающим смертью от цинги в корабельных трюмах, а отплывающих могло вынудить остаться в этих краях.

Они плыли между двух миров, между прошлым и будущим. На борту корабля Анжелика обрела удивительно глубокий и спокойный сон. Постоянное легкое покачивание, влажный ночной туман, заглушавший звуки, способствовали тому, что она погружалась в настоящую летаргию.

Этим утром, проснувшись, она почувствовала, что корабль бросил якорь, несмотря на то, что день уже давно начался. Через раскрытое окно с берега доносился запах костров, на которых коптили рыбу.

Она приподнялась на подушке и обнаружила рядом с собой на кровати маленький предмет — футляр из кожи, с золотым тиснением. Раскрыв его, она увидела внутри крошечные часики превосходной работы. Она не видела никогда ничего более изысканного. Стрелки были сделаны в форме цветов лилии, а корпус из голубой эмали был усеян маленькими золотыми цветочками.

Благодаря голубой шелковой ленте их можно было носить на шее. Она узнала, что в Париже это было как раз в моде.

Анжелика встала и вышла на балкон.

«Радуга» стояла на якоре у подножия высокого мыса, темная скалистая вершина которого тонула в тумане. Низкие тучи застилали небо, и местность с крутыми, высокими скалами, вокруг которых кружились морские птицы, напоминала мрачные гравюры, изображающие кораблекрушения или пристанище пиратов.

Но для Анжелики любая погода и любой пейзаж казались благоприятными.

Она подошла к Жоффрею, стоявшему на палубе.

— В честь какого события я получила сегодня утром этот очаровательный подарок? — спросила она его.

— В память о той зловещей ловушке. Я не могу о ней забыть. В этих самых краях, темной и предательской ночью вы сделали мне подарок, спася самое драгоценное, что есть у человека: ЖИЗНЬ. Прибыв каким-то чудом в нужный момент, вы уничтожили того, кто собирался меня убить: графа де Варанжа.

— Да, я помню: Ла Круа де Ла Мерси!

— Так это было здесь, — сказала она, с любопытством разглядывая берег, к которому они пристали ночью.

Местность была по-прежнему мрачной.

На берегу наполовину вытащенные на песчаный берег индейские каноэ дожидались своих хозяев, да какое-то двухмачтовое судно качалось на воде.

Матросы, французы из Европы, высадились, чтобы наполнить бочки свежей водой из источника. Но чуть поодаль, за ручьем, хозяин суденышка уже торговался с индейцами. Вдоль всего побережья Святого Лаврентия была в разгаре торговля пушниной.

Они находились возле Лабрадора — этой скудной земли, с глухими и болотистыми лесами. Здесьние места были заселены племенами монтеней — самых ничтожных из всех индейских племен. Стоило человеку

лишь приблизиться к этим местам, как в сердце закрадывалась тоска.

Когда-то на вершине скалы была устроена первая в этих краях молельня. Ныне она была почти заброшена. Именно там граф де Варанж, преследуемый видением Амбруазины-Демона, назначил свидание де Пейраку, чтобы затем убить его.

Анжелика взяла под руку своего мужа. Какое-то невероятное везение помогло ей тогда прибыть вовремя. Если и существовали места, где духи отступили перед ними, то это было именно здесь. Анжелика вдруг подумала, что ей представился удобный случай поговорить о той беседе, которую ей пришлось недавно иметь о лейтенантом полиции в Квебеке. — Гарро д'Антремон продолжает расследование, касающееся исчезновения этого Варанжа. Следуя указаниям новой полиции, ему необходимо найти труп, даже если речь идет об этом отвратительном прислужнике Сатаны.

Они прошли немного вдоль реки. Опираясь на его руку и чувствуя его поддержку и защиту, Анжелика почувствовала, как ее тревожные мысли улетучиваются, превращаясь в мелкие недоразумения. Уже готовая начать разговор с мужем на эту тему, она остановилась, решив, что есть вещи, которые кажутся страшнее на словах, чем на деле.

Поскольку их остановка в Бухте Благодарения, где в прошлые века была построена часовня, напомнила им о зловещем Варанже, последнем посланнике Амбруазины, Анжелика заговорила о последней повестке, предписывающей им явиться в суд.

Лейтенант полиции догадывался о том, что произошло с Варанжем. Его точный нюх указывал ему, что решение этой загадки связано с ними, с путешественниками из Акадии. Он понял также, что это

дело связано с гибелью «Единорога» и герцогини де Модрибур.

— Он настаивает на том, что из Франции от него требуют подробности гибели корабля и смерти герцогини.

Анжелика объяснила, что для того, чтобы как-то удовлетворить Гарро д'Антремона и чтобы выиграть время, она составила список тех дочерей короля, которые остались в живых. В этом ей помогала Дельфина дю Розуа.

— Может быть, я поступила неправильно?

— Вовсе нет.

Нужно ли было рассказать ему о подозрениях Дельфины относительно возможного подставного лица, что наводило на мысль о том, что герцогиня де Модрибур не умерла и могла однажды вновь появиться? Но она промолчала, так как чем дольше она размышляла над этим, тем больше запутывалась.

По приезде в Голдсборо она расспросит обо всем Колена и в точности узнает о том, что стало с сестрой Жермены Майотэн. После этого она напишет Дельфине, чтобы успокоить ее.

Всходя вместе с Жоффреем на палубу корабля, где все было так размеренно и спокойно, она почувствовала, что не в состоянии бороться с этими устрашающими и к тому же лишенными всяких оснований химерами, Жоффрей потратил только сил, чтобы успокоить ее, и она, в свою очередь, не должна портить ему хорошее настроение.

В это самое время Жоффрей, анализируя ту беседу, которую Анжелика имела с лейтенантом полиции, пытался выделить ее положительные стороны и показать Анжелике, что требования из Парижа являются хоть и досадными, но весьма незначительными неприятностями.

Как бы дотошны не были те, кто занимается делом «Единорога» и его владелицы, мадам де Модрибур, им не удастся довести до конца это расследование и с точностью определить, что стало с кораблем и его хозяйкой.

Жоффрей считал, что несмотря на свой суровый вид, господин д'Антремон показал себя их верным другом. Разве не дал он понять, что постарается не предъявлять им обвинений так долго, как только сможет. Лишь по долгу службы ему приходилось заниматься поисками убийц этого гнусного де Варанжа.

Анжелика правильно поступила, составив этот список «дочерей короля». Теперь его можно было бросить как кость тем, кто требовал расследования. Этот список займет их надолго.

Судя по всему, лейтенант полиции не очень-то жаловал этих господ из Парижа, из-за которых он вынужден был в разгар лета покинуть свой деревенский дом и явиться к мадам де Пейрак, которой он симпатизировал, чтобы докучать ей этими неприятными вопросами.

— Бедный Гарро! Ему и так уже пришлось погрузиться в изучение этой отвратительной книги о колдовстве, чтобы познакомиться с практикой ведьм и колдунов, совершающих кровавые преступления. Современные суды, в отличие от бредней Инквизиции, требуют вещественные доказательства, и нынешним полицейским приходится труднее. Если дьявол вырвался на свободу, отныне с ним приходится бороться человеческим оружием, то есть бороться с теми людьми, в чьих испорченных душах Поселилось Зло. Вот почему Гарро д'Антремон вовсе не стремился облегчить задачу тем, кто требовал из Франции отчета о гибели этой так называемой «благодетельницы», чей приезд в Канаду был подготовлен такими ее друзьями, как Ла Ферте, Сент-Эдм, де Варанж «остальная

компания, которых он, Гарро д'Антремон, считал висельниками, заслуживающими казни и сосланными в колонию лишь из-за уважения к их старинным дворянским именам. Эта мания — отравлять соперника, чтобы разрешить свои проблемы, распространилась как зараза. Анжелика вспомнила о том, как весело им было в тот праздничный вечер на Святом Лаврентии, когда разогретые вином и беседующие о красоте королевского дворца в Версале, о празднествах, которые там устраивались, об удовольствии жить в этом блестящем светском обществе, от которого их отделял целый океан, она вдруг бросила: «И отравители!»

Они расхохотались, как будто это была отличная шутка. Было над чем смеяться, в самом деле! Как будто умереть во Дворце от яда, подсыпанного белой рукой в кольцах было менее трагично, чем быть убитым ударом кинжала на задворках Парижа!

Эта странная реакция окончательно убедила ее написать полицейскому Дегре, заместителю лейтенанта королевской полиции. Письмо, написанное в окутанной холодными ноябрьскими туманами Канаде, переправленное с надежным человеком, служащим у господина д'Аребуста, рискующим своей жизнью, было доставлено прямо в руки господину Дегре. Оно было тем самым оружием, в котором он столь нуждался, чтобы разоблачить тех, кого он так долго пытался поймать.

В этом послании Анжелика сообщала ему ВСЕ. Имена колдуний, замешанных в преступлениях в Версале, те адреса, где они принимали своих высокопоставленных клиентов, имя той, которая когда-то «приготовила рубашку» — Атенаис де Монтеспан, любовницы короля, и м-ль Дезойе, ее служанки, которая долгое время была посредницей между ней и мадам Мовуазен.

Это письмо имело определенное влияние на последующее течение событий. Анжелика спрашивала себя, каким образом Дегре его использовал... затем решила не думать об этом.

Она не хотела портить эти драгоценные дни плавания по реке, когда они могли если не забыть, то, но крайней мере, относиться более легко и спокойно к тем гнусным явлениям, с которыми им, несомненно, вскоре придется вновь бороться.

По тому нежному жесту, которым Жоффрей привлек ее к себе; она поняла, что он следовал за ее мыслями и полностью разделял их.

Они были вместе, и они понимали друг друга. Они оба испытывали пьянящую радость от того, что могли идти так — тесно прижавшись друг к другу, соразмеряя шаг. Наслаждаясь ощущением близости этого, столь любимого им прекрасного женского тела, он понимал, как ему завидуют другие. А она испытывала то наслаждение, которое подобно радости ребенка, ликующего от того, что солнце светит, что цветы благоухают, и от того, что они любимы. Стоило им обняться, как все тревоги улетучивались, теряя свое значение. Она жила под защитой тех колдовских ночей, когда этот сильный мужчина, перед которым склонялись самые дерзкие и отчаянные головы, становился таким нежным, таким пылким любовником, столь жаждущим ее ласки, умеющим возбуждать и удовлетворять самые острые ощущения, забываясь в безумствах страсти, которая не утомляла их, то единство плоти, в котором ночью выражалось то, что днем объединяло их души и сердца.

Они плыли дальше. Над ними было чистое небо, мимо проплывали убранные поля и деревушки. Но чем дальше они продвигались вперед, к устью реки, тем менее обитаемыми становились берега, сплошь покрытые дикими скалами и темными хвойными лесами.

Река становилась все шире, подобно дракону; разевающему пасть, выплевывающему острова, перед тем как соединиться с морем.

Глава 9

Миновав поместье де Мон-Луи в окрестностях реки Матан — одной из четырех рек, спускающихся с гор Шикшок, они различили в тумане корабль, подающий им сигналы бедствия. Им показалось, что это корабль Королевского флота, он, несомненно, выплыл из устья реки.

Жоффрей де Пейрак велел спустить паруса и направил навстречу кораблю свои яхты, ловкие и маневренные, соблюдая при этом все меры предосторожности. Дул попутный ветер, и было так обидно замедлять ход.

— Часть кораблей, особенно самые тяжелые — в их числе и «Радуга» — могли бы продолжать курс, но граф предпочитал следовать золотому правилу голландцев, мореплавателей и торговцев, основной принцип которого заключался в том, что флот должен был всегда быть сгруппирован.

Командир корабля был доставлен на борт «Радуги», и они увидели, что это и в самом деле офицер Королевского Флота, так как он был одет в голубой камзол с красными позументами, белый атласный шарф, черные короткие штаны, чулки из ярко-красного шелка и черную фетровую шляпу с перьями — униформу, предписанную министром Кольбером не столько для того, чтобы обязать офицеров Королевского Флота быть хорошо одетым, а скорее затем, чтобы уменьшить невероятное количество галунов, вышивки, рюшей, которыми они себя украшали. Эта реформа вызвала всеобщее возмущение. Как же теперь во время битвы они смогут узнать «своего» капитана и различать «своих» офицеров без всех этих украшений, безделушек, золотой бахромы и перьев? После этого

последовало новое распоряжение; отныне цвет и количество нашивок указывали на звание и должность.

Но сапоги остались на таких же высоких красных каблуках и с ботфортами, рубашки с манжетами и воротники с кружевными жабо. Штаны могли быть любого цвета, так же, как и перья на шляпе. Количество перьев, а также их высота не ограничивались.

Вновь прибывший постарался превзойти все ограничения.

Держа руку на эфесе шпаги, он представился: маркиз Франсуа д'Естрэ де Мирмон.

— Я узнал ваш корабль, монсеньор, — сказал он, низко кланяясь, и задевая пол перьями своей шляпы, — и я благословил удачу, пославшую мне вас. И сейчас, когда я стою перед вами, я не перестаю радоваться не только потому, что встреча с вами поможет мне выбраться из неприятной истории, но и потому, что я смогу, наконец, удовлетворить свое любопытство, так как я столько слышал о вас, а также, — и он вновь отвесил глубокий поклон в сторону Анжелики, — о вашей супруге, столь известной как своей красотой, так и своими подвигами и добродетелями, что увидеть ее — это мечта каждого члена моего экипажа, начиная с самого младшего юнги.

И поскольку Жоффрей де Пейрак, не будучи тронут этими льстивыми речами, молча ожидал дальнейшего продолжения, офицер удивленно воскликнул:

— Вы не спрашиваете меня, монсеньор, где я мог слышать о вас, и от какого всеми уважаемого лица?

— Я не сомневаюсь, что судя по вашей манере выражаться, вы принадлежите ко двору Его Величества.

— Вы угадали! Я не буду больше заключать с вами пари, монсеньор, иначе это будет стоить мне слишком многих перьев. Но разве вас не интересует, от кого я все это слышал?

Улыбнувшись, де Пейрак ответил:

— Ошибусь ли я, предполагая, что о нас говорили многие, так как мне известно, кто окружает Его Величество. Но если вы хотите, чтобы я назвал вам кого-нибудь одного, то я осмелюсь произнести имя господина де Вивонна, вашего адмирала.

— Вы и выиграли, и проиграли! Вы решили проявить излишнюю скромность, монсеньор. Когда я спрашивал вас, я имел в виду Его Величество самого. Но, однако, правда и то, что господин де Вивонн также очень интересуется вами, что является в то же время его долгом, так как все заокеанские дела находятся в его юрисдикции.

По его пристальному взгляду нельзя было догадаться, знает ли он о приключениях де Вивонна в Новой Франции или лишь намекает на то, что высокое звание брата мадам де Монтеспан дает ему любые полномочия, когда речь идет о колониях. Речь маркиза, сопровождаемая разнообразной мимикой, полная намеков и полунамеков, представляла собой тот особый зашифрованный язык придворной знати из окружения короля, и требовалось настоящее искусство, чтобы его понять и интерпретировать.

В течение всей этой беседы корабли сновали взад-вперед, то поднимали, то опускали паруса, пытаясь стоять на месте и с трудом сопротивляясь попутному ветру.

— Господин д'Естрэ де Мирмон, — сказал Пейрак, — вы, должно быть, заметили, что я спускаюсь по течению и что ветер дует мне в спину. Время торопит меня воспользоваться этой удачей. Не соизволите ли высказать мне без обиняков, в чем я могу вам помочь. Может быть, вы потерпели какую-нибудь аварию? Есть ли у вас лоцман, который может вести судно по Святому Лаврентию? Известно ли вам, что этот ветер, который так благоприятствует мне, доставит вам много хлопот на вашем пути в Квебек?

— Квебек? Но я еду вовсе не в Квебек. Что мне там делать, в Квебеке?

Он махнул рукой в сторону берега, что означало, что его совершенно не интересуют эти людишки на континенте, занятые сбором урожая.

Лишь досадный случай привел его, вопреки собственному желанию, в устье Святого Лаврентия. Он рассказал Жоффрею о своем путешествии и злоключениях. Они отплыли из Бретани два месяца тому назад, имея перед собой четкую цель, которую они определили, ткнув пальцем в крайнюю северную точку на карте полушарий, туда, где все картографы осмеливаются лишь наметить неясные очертания островов, оставляя их в виде белых пятен, так как никто не посмел бы с уверенностью сказать, что в тех краях существует земля, не говоря уже о растительности.

Одним словом, маркиз д'Естрэ принадлежал к тем «безумным любителям льдов», которые не колеблясь отправлялись блистать в своих красивых униформах французского королевского флота под сияние полярного солнца. Их было гораздо больше, чем можно было бы предположить, тех, кто не раздумывая устремлялся в край полупрозрачного северного светила, которое, пересекая горизонт подобно огромному цветку, никогда не заходило. Он был из тех, кому удавалось достичь вопреки всему некоего Эльдорадо в этих северных краях, от которых они ожидали невесть каких богатств.

Вначале они надеялись обнаружить Китайское море, что могло бы сократить торговый путь, по которому везли пряности. Потом возникла надежда найти золото. Еще позже их привлекла добыча драгоценной пушнины, которая завела их в недоступные ранее тундры. Но в большинстве случаев эти безумные экспедиции не имели никакой цели и снаряжались лишь затем, чтобы удовлетворить вечное желание людей, живущих на

этой земле, идти все дальше и дальше, навстречу неизвестным существам и животным, неизведанным землям и невиданным пейзажам, навстречу новым явлениям природы.

Эти «бродяги севера», полярные исследователи, были особым народом среди всех прочих мореплавателей. Их неистовая любовь к стерильным и ледяным горизонтам заставляла их забывать о смерти от холода, голода или цинги.

Несмотря на изысканный стиль речи и игру кружевными манжетами, присущими придворной знати, господин д'Естрэ был и в самом деле одним из этих одержимых.

Теперь он возвращался из Гудзонова пролива, где уже в течение шестидесяти лет французские и английские флаги, кресты и даже забытая датчанами пушка свидетельствовали о нескончаемых вторжениях в эти края дерзких любителей крайнего Севера. Для них все шло удачно, никаких проблем, никаких аварий. Погода была превосходная, несмотря на то, что даже в середине июля по воде медленно двигались ледяные острова, отсвечивая и переливаясь на солнце то изумрудно-зеленым, то бирюзовым цветом.

Как только они высадились на этих болотистых берегах, где на вас со всех сторон набрасываются тучи кровожадных маленьких мошек, они отправились торговать пушнину. И какая это была великолепная торговля!

Господин д'Естрэ вез с собой мех на двести пятьдесят тысяч франков. Это были превосходные меха: бобр, черно-бурая лиса, выдра, куница, норка, соболь.

Но выходя из Гудзонова пролива и следуя вдоль берега в окрестностях реки Мелвил, они наткнулись на мощное судно, принадлежавшее английскому королю, которое плыло туда, откуда они возвращались. Повидимому, англичане сразу поняли, что лиса уже

побывала в курятнике, и бросились преследовать корабль маркиза д'Естрэ. «Несравненный» мог ускользнуть от преследователей, лишь пройдя через узкий пролив Бель-Иль между Лабрадором и северной оконечностью Новой Земли. Однако, это не остановило англичан. В конце концов французам не оставалось ничего другого, как направить свой корабль в устье Святого Лаврентия, находившегося на территории, принадлежавшей Франции, и куда английское судно не смело входить, не нарушив договор о мире, заключенный обоими королевствами.

Для большей надежности, маркиз д'Естрэ прошел вглубь вдоль южного берега реки, ища укрытия, где он мог бы бросить якорь. Теперь он хотел бы продолжить свой путь назад в Европу, но опасался, что враг поджидает его при выходе с французской территории. Он полагал, что ему лучше плыть вместе с каким-нибудь другим кораблем, вот почему он обратился за помощью к господину де Пейраку.

— Мессир, — заметил де Пейрак, — вы должны понимать, что несмотря на мое желание помочь вам, я не могу начинать враждебные действия против британского флота, так как это очень сильно повредило бы мне, возлагая на меня ответственность за конфликт между Францией и Англией.

— Но я и не прошу вас об этом. Я всего лишь хотел, чтобы вы позволили моему единственному кораблю смешаться с кораблями вашего флота и, затерявшись среди них, мы могли бы миновать мыс Гаспе. А дальше, я думаю, они уже не будут пытаться причинить нам неприятности... Конечно, если у них хватило терпения все еще подстерегать меня, рискуя быть захваченными в наших территориальных водах.

Жоффрей де Пейрак согласился.

— Пусть будет так! Я не могу отказать в такой услуге соотечественнику.

В продолжении всего рассказа господин д'Естрэ то и дело украдкой посматривал на своих собеседников, пытаясь понять, какое мнение сложилось у них о его экспедиции, осуждают они его или одобряют, так как он слышал много разных слухов на их счет, и теперь у него была возможность узнать, действительно ли они являются союзниками Англии, симпатизирующими реформаторской церкви, или же господин де Фронтенак был прав, представляя их искренними друзьями и надежными союзниками Новой Франции.

Но он так и не смог в этом разобраться, несмотря на то, что де Пейрак любезно согласился спрятать его корабль среди своих, оказывая ему эту услугу «как соотечественнику».

Жоффрей де Пейрак избегал любых дискуссий, позволяющих определить его отношение к тому, что люди маркиза д'Естрэ слегка разграбили и подожгли строения, принадлежащие Компании Гудзонова залива, центральное управление которой находится в Лондоне, но которая в той или иной степени была основана французами из Канады, первыми достигшими берегов этой самой бухты, чья история обещала стать такой же сложной из-за противоречий между Францией и Англией, как и история французской бухты, находившейся с противоположной стороны на юге.

Жоффрей выслушал его, не противореча, признавая факты и не осуждая никого.

— Вы, как мне кажется, чертовски хорошо знакомы с этими местами? — подозрительно спросил французский офицер, питавший к Гудзонову заливу и его побережью привязанность влюбленного.

Граф де Пейрак поспешил успокоить ревнивца и сказал, что недавно ему пришлось совершить путешествие в Верхний Сагенэ, и это привело его в окрестности Гудзонова залива. Он не стал говорить об ирокезах, чье появление могло бы самым кровавым

образом нарушить, «торговлю» господина д'Естрэ, ни о своих собственных источниках, которые были у, него благодаря картам, планам и описаниям, сделанным его старшим сыном Флоримоном, которые он привез из экспедиции в этот знаменитый Гудзонов залив, совершенной в девятнадцатилетнем возрасте и в компании с сыном Кастель-Моржа.

***

Теперь они плыли вместе Маркиз д'Естрэ был много раз приглашен на обед или на ужин на борт «Радуги».

С самого первого обеда Анжелика заметила отсутствие господина Тиссо, их метрдотеля. Это отсутствие повторялось всякий раз, когда французский офицер обедал вместе с ними, и Анжелика решила узнать, случайно ли это совпадение. Если же нет, то она уже догадывалась о причинах. Метрдотель не стал их отрицать.

— Я должен остерегаться того, что господин д'Естрэ может меня узнать. Он часто бывает при дворе и, возможно, обладает хорошей памятью.

Этот бывший офицер королевского рта, человек, о чьем прошлом они знали очень мало, должен был пересечь границу королевства и уплыть за океан, чтобы избежать печальной участи, подстерегающей тех, кто «знает слишком много».

— Но ведь когда вы были вместе с нами в Квебеке, у вас также была возможность встретиться с нежелательными лицами, но вы, кажется, не боялись даже того знатного сеньора, который скрывался под чужим именем.

— Людей, несущих ответственность за кухню, продовольствие и посуду в Версале, несчетное количество.

Это настоящая армия.

Очень вероятно, что зная в лицо господина де Вивонна, поскольку мне приходилось много раз

подавать ему блюда, я остался незамеченным им среди моих прочих коллег.

Напротив, господин д'Естрэ был близким другом одного сеньора, которому мне пришлось оказать некоторые услуги и о которых, как я слишком поздно понял, меня хотят заставить забыть окончательно и самым решительным способом. Мне удалось бежать. Но несмотря на то, что прошло уже много времени, я вовсе не желаю быть узанным. Для человека, который знает столько, сколько знаю я, не найдется надежного укрытия на всем земном шаре.

— Ну что ж, я понимаю вас, господин Тиссо. Держитесь в стороне. Ваши помощники очень хорошо вами обучены, и прекрасно справятся со своей задачей. Через несколько дней мы уже доплывем до Гаспе и войдем в залив Святого Лаврентия. Там господин д'Естрэ нас покинет. Во всяком случае, я надеюсь, что нам не придется сражаться с англичанами.

***

После этой беседы она другими глазами взглянула на любезного и словоохотливого офицера Королевского флота. За «бродягой Севера» угадывался истинный придворный. Как только его путешествие закончится, и корабль встанет на якорь, он вновь отправится в Версаль к своим друзьям, к влиятельным женщинам, к покровителям.

Чтобы добиться блестящей и прибыльной должности, приходилось вести интриги вокруг трона.

Инцидент с господином Тиссо, каким бы незначительным он не казался, вновь вернул Анжелику к тем размышлениям, которые возникли у нее в бухте Благодарения в связи с воспоминанием о Варанже.

Продолжаются ли в Версале эти мрачные истории с отравлениями? Не прошла ли на них мода? Так как это была именно мода!.. Если судить по тому, что ей рассказал Вивонн, брат Атенаис Монтеспан, который

был удивлен, видя, что Анжелика с отвращением относится к практике приготовления «одиннадцатичасового бульона», предназначенного для врагов, старых супругов, или соперников в любви, к практике «черных месс» — этих святотатственных церемоний, устраиваемых для достижения почестей и богатства.

«Все этим занимаются...» — сказал он, глядя на нее с презрительной жалостью, как на темную и непосвященную женщину, отставшую от моды.

Письма, которые она получала из Парижа, например, от Флоримона, в которых он подробно описывал развлечения, балы, спектакли в Версале, ни о чем подобном не намекали. И она понимала, что это объяснялось элементарной осторожностью: то, что написано, гораздо опаснее произнесенных слов. Слова улетают, рассеиваются как дым, особенно если они произнесены здесь, на корабле, между небом и землей, на просторах крайнего Севера.

Она решила откровенно поговорить с господином д'Естрэ о том, что происходит при Дворе, предварительно приняв все меры предосторожности, чтобы ни одно любопытное ухо не могло услышать их разговор.

Тем не менее это не помешало господину д'Естрэ внимательно оглядеться перед тем, как начать беседу ж самом конце второй палубы, куда Анжелика пригласила его прийти. Приглушенным голосом она попросила его рассказать ей правду, касающуюся немилости мадам де Монтеспан, о которой различные курьеры, прибывающие из Франции, говорили как об уже окончательной.

— Я не могу в это поверить! Вы, месье, вы живете при Дворе, расскажите мне все. Неужели Атенаис де Монтеспан перестала просить помощи у своей

колдуньи, или же та сама, сделав состояние, удалилась, лишив своих богатых клиентов магической помощи?

Именно тогда, прежде чем ответить, господин д'Естрэ бросил вокруг быстрый настороженный взгляд, затем, видя лишь позолоченный солнцем туман, скрывавший линию горизонта, а в качестве свидетелей — морских птиц, носящихся над кораблем, и измерив мысленно то расстояние, которое отделяло их от Версаля, он успокоился.

— Просветите же меня, прошу вас, — настаивала Анжелика. — Вы же видите, здесь я отрезана от всего мира. Вам незачем меня бояться. Как я смогу воспользоваться в этой пустыне тем, что вы мне сообщите?.. Я не принадлежу ни к какой партии. Но поймите, что я просто любопытна, как любая женщина, и меня интересует все, что творится вокруг нашего короля-Солнца, а также судьбы людей, которых я хорошо знала и которых я, несомненно, еще увижу, и гораздо раньше, чем те предполагают. Я должна держаться в курсе событий. Вы же понимаете, что письма, которые я получаю, для этого недостаточны. О подобных вещах не пишут в письмах, которые могут быть перехвачены любым шпионом. Развлеките же меня, мсье, расскажите мне о том, о чем говорят вполголоса. Я буду вам очень признательна...

После длительного колебания он согласился. Д'Естрэ понимал, что противоречить ей не слишком разумно. Ее репутация при Дворе, а также слава ее супруга продолжали расти. Оба их сына, занимающих блестящие посты, привлекали внимание монарха. И к тому же, — повторил он себе, бросив последний взгляд на речную даль, — мы здесь не в коридорах Версаля, Сен-Жермена или королевского Дворца!

Он мог позволить себе доставить удовольствие хорошенькой женщине, давшей к тому же ему понять,

что она не забудет об этом в свою очередь, когда вновь обретет благосклонность короля.

— Ну хорошо! Позвольте мне вам сказать, что те новости, что сообщают вам в письмах относительно немилости прекрасной Атенаис, устарели, — сказал он. — В то время, когда я покидал порт в Бресте, я узнал, что мадам де Монтеспан, ваша подруга, вернулась в Версаль с большим триумфом, чем когда-бы то ни было. Правда, было время, когда ее трон пошатнулся и ее власть несколько померкла. Она устраивала королю ужасные сцены. И это было не в первый раз, когда она впала в немилость. Она была изгнана в Сен-Жермен на несколько месяцев три или четыре года тому назад. Но вы помните это чудо! Она вернулась и родила королю одного за другим двоих детей, которых он признал, как принцев крови.

— То, что вы говорите, не удивляет меня. Король никогда не мог без нее обойтись. Ее красота и ее обходительность его покорили!..

— Немного чересчур, и вы об этом догадываетесь. Ваш вопрос относительно колдуньи был весьма уместным. Не говоря ничего дурного о красоте мадам де Монтеспан, не оспаривая того влияния, которое она имела на короля в результате более тринадцати лет любовной, связи, очевидно и то, что золото, которое она оставила в кошельках колдуний, оказало ей существенную поддержку.

Анжелика обменялась с ним понимающей улыбкой.

— Так значит, Монвуазен все еще занимается своей колдовской практикой? — сказала она, понизив голос.

— Более, чем когда-либо. Весь Париж бывает у нее, самые громкие имена в королевстве... С тех пор, как благодаря мадам де Монтеспан ее имя стало известным, ее дом не пустует. Что касается Атенаис, вы ее знаете, я вижу. И неужели вы думаете, что она позволит другой женщине занять ее место рядом с

королем?.. Нет! Этого никогда не будет. Новая фаворитка продержится не дольше, чем остальные.

— Мадам де Ментенон! — вскричала Анжелика, обеспокоенная за судьбу бедной Франсуазы д'Обинье, ее давнишней подруги, впрочем, и подруги Атенаис.

Но для Атенаис, одержимой страстью и боязнью потерять короля, никакие дружеские связи не имели значения.

Придворный пожал плечами.

— Вы не угадали. Я говорю о новой фаворитке, м-ль де Скорай, очаровательной восемнадцатилетней блондинке. Наш Сеньор находится уже в таком возрасте, когда юность делается наиболее притягательной...

— Однако, мне говорили, что мадам де Ментенон...

— Я не отрицаю ту благосклонность, которую король продолжает оказывать воспитательнице его незаконнорожденных детей. Он дал ей титул маркизы, что кое-чего стоит. Но что она может сделать во всей этой путанице?.. Она довольствуется тем, что воспитывает у себя под крылышком маленьких детей, порученных ей и, таким образом, оберегает их от влияния их ужасной матери, которая занята другими заботами. Нравиться королю и устранять всех своих соперниц — вот что занимает все ее время. Во Дворец проникают самые страшные микстуры. В прошлом году король был очень болен, и это не была перемежающаяся лихорадка. Мадам де Монтеспан дала понять, что она имела отношение к этому недомоганию, говоря, что она предпочитает быть лишенной милостей короля, когда ему нездоровится, чем видеть, что он одаривает ими других.

— Если дело обстоит так, мсье д'Естрэ, то зная то, что вы знаете, не думаете ли вы, что ваш долг предупредить Его Величество... тем или иным способом?

— Вы сошли с ума? — сказал он, бросая на нее насмешливый взгляд, — если то, что знаю я, если то, что знаем мы все, выплывет наружу, то кому-нибудь из нас будет грозить «четвертование»...

Он намекал на казнь, которой подвергались только королевские убийцы. Таковыми считались также те, кто участвовал в заговоре против жизни короля, даже если он не был осужден.

— Что вы говорите, — прошептала Анжелика в ужасе. — Неужели мадам де Монтеспан дойдет до того, что будет пытаться отравить короля?..

— Я ничего подобного не говорил, — запротестовал офицер королевского флота, быстро обернувшись.

Казалось, он сожалел о том, что столько наболтал. Но тем не менее он продолжал:

— Не будем говорить о смертельном яде, мы говорим лишь о любовном порошке, который фаворитка подмешивает в пищу короля, чтобы вновь его завоевать. К тому же она в этом преуспела, как я вам уже сказал. Но она несколько перестаралась. Эти снадобья, которые он принимает, сам того не зная, объясняют его внезапную потребность в свежей плоти, которая охватила Его Величество, и что, очевидно, огорчает мадам де Монтеспан, которую, впрочем, он не оставил, подолгу беседуя с ней каждый вечер, проходя через ее апартаменты, когда идет играть в бильярд, но она отказывает ему. И вы теперь понимаете... Это целая череда: мадам де Ловиньи, мадам де Рошфор-Теобон... Можно сказать, что он использует для костра любое дерево, если можно так выразиться; горничные королевы, камеристки, уже давно одна из служанок мадам де Монтеспан имеет обыкновение заменять фаворитку в дни ее недомоганий, некая Дезойе, и говорят, что у нее был от него ребенок.

Но что касается новой фаворитки, очень красивой и трогательной, кажется здесь на короля действует иной

шарм. Говорят, что не только ее светлые волосы и ее молодость привлекают его... Те, кто хорошо знают короля и кто уже давно находится при дворе, считают, что одна деталь послужила тому, что король остановил на ней свой выбор.

— Какая же?

— Ее имя.

— И как же ее зовут?

— Анжелика!

Он заговорщицки подмигнул ей и громко расхохотался, откинув голову, и его смех отозвался эхом в скалах, вспугнув стаи чаек и бакланов.

Вдруг Франсуа д'Естрэ вытянул руку, показывая на что-то перед собой:

— О! Посмотрите туда!..

— Что там? Английский корабль?..

— Нет! Вон там!.. Эти дрожащие краски.

Она посмотрела туда, куда он показывал, и увидела в вышине над скалами и утесами, едва различимыми в тумане, некий занавес неопределенно розового оттенка, тут же переходящего в зеленый, затем в золотой. Это видение исчезло, едва им удалось его увидеть.

— Северное сияние! — сказал маркиз д'Естрэ голосом, дрожащим от волнения. — Боже, как это красиво! Это так редко бывает в это время года. Оно означает, чего близки холода. Надвигаются льды. Англичанин хорошо сделает, если поспешит, иначе ему придется зазимовать в Форте Рупер, а я сжег все их постройки.

Он снова засмеялся, но уже другим смехом, и в неярком свете скрытого за облаками солнца его лицо, лишенное пудры и румян, обожженное морозом и ветром, имела выражение ребячливой отваги.

— Только бы он не подстерегал меня у выхода из пролива.

И он вернулся на свой корабль, чтобы быть готовым ко всяким неожиданностям.

***

После того, как они проплыли Антикости, большой остров, вытянутый в длину на триста метров, населенный лишь белыми медведями и птицами, опасность, казалось, миновала. Господин д'Естрэ поднялся в последний раз на борт их корабля, чтобы поблагодарить их и попрощаться.

— Поскольку никаких неприятностей не произошло, позвольте мне порадоваться тому, что эта задержка дала мне великое преимущество: я познакомился с такими замечательными людьми, имеющими сильное влияние при дворе, несмотря на то, что вы находитесь вдали от короля-Солнца. Не проходит и дня, чтобы о вас не было разговоров в Версале, либо о той, Которая имеет репутацию одной из самых красивых Женщин королевства, либо о том, кто способствовал процветанию наших колоний в Америке. Правда и то, что там, в Версале, вы имеете двух послов в лице ваших сыновей, которые уже смогли расположить к себе Его Величество.

До сего момента д'Естрэ не давал понять, что он встречал Флоримона и Кантора. Он оправдывался, говоря, что он их почти не знает. Ему было лишь известно то, что болтали о них при дворе. Он заинтересовался ими, когда узнал, что эти молодые люди, назначенные на высокие посты Его Величеством, прибыли из Америки. Теперь он постарается узнать их получше.

Он передал Анжелике в знак признательности за оказанную помощь маленький флакон, весьма ценный, но модель которого была не слишком оригинальной — одна из тех моделей, которые распространены по всему свету, в самых отдаленных столицах, от больших испанских городов Нового Света до Великого Могола,

они являются символом величия и славы Франции. Не желая убедить Анжелику, что этот флакон из красного стекла, существует лишь в единственном экземпляре и сделан специально для нее, он, тем не менее, хотел оставить ей этот сувенир в знак своего безграничного восхищения.

— Из всех виденных мною чудес, вы — самое главное. Я опишу вас королю.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГАДАНИЕ НА КАРТАХ

Глава 10

Всякий раз, когда Анжелика возвращалась в Голдсборо, всякий раз, когда сквозь туман, что бывало очень редко, проступали очертания двух вершин Мон-Дезер, счастливое возбуждение охватывало ее.

Никакие мрачные воспоминания о тех событиях, которые произошли здесь когда-то, ни те неприятности, которые, может быть, ждут ее впереди, не могли помешать ей чувствовать ту огромную радость, которую она испытала еще в самый первый раз, когда эта земля возникла перед ними в тумане впервые после долгого плавания. Тогда она стояла на палубе, прижав к себе Онорину, глядя на сверкавшую сквозь туман радугу и слыша звук цепи, которую разворачивали, чтобы бросить якорь. В глубине ее души поднимался тот ликующий крик, хорошо знакомый тем, кому удалось избежать тюрьмы или смерти, который вызывает желание пасть на колени: «Новый Свет!..»

На этой новой земле их могло поджидать что угодно, думала она тогда, и тем не менее, она сразу приняла и полюбила ее. Так как наконец-то они были спасены и обрели свободу.

Каждый раз, когда она возвращалась в Голдсборо, она испытывала новый подъем сил, как будто в нее вливали свежую кровь.

И несмотря на те жестокие испытания, которые им позже пришлось пережить на этих берегах, Анжелика никогда не забывала своего первого блаженного впечатления.

Это впечатление еще усилилось тем, что в последующие дни она узнала, что оба ее старших сына живы. Она никогда не забудет тот момент, когда она увидела Кантора, голого, как божество с Олимпа,

прыгающего в волнах в гроте Анемонов и, кричащего: «Мама, посмотрите на меня!» Это было похоже на ют провидческий сон, который видел Флоримон, перед тем как отправиться в Америку с Натаниэлем де Рамбуром. Она тогда тоже подумала, что грезит или что уже умерла. В этих краях часто все казалось похожим на сон, настолько все здесь отличалось от жизни в Старом Свете.

Таким образом Голдсборо навсегда остался для Анжелики тем феерическим краем, который существовал реально и в то же время был похож на мираж.

К ее счастливому состоянию, от которого было легко на душе, примешивалось еще и нетерпение поскорее увидеть тех, с кем они начинали обживать эти берега.

Среди них были гугеноты из Ла Рошели, которых им с Жоффреем удалось спасти от тюрьмы и галер. К их числу принадлежала ее лучшая подруга Абигаиль, вышедшая замуж за Габриеля Берна, их дети: Марсьял, Северина и Лорье, к которым Анжелика относилась как к своим приемным детям... старая Ребекка, их служанка, тетушка Анна, семейство Маниго, Карреров и другие.

Анжелика готовилась также к встрече с Коленом Патюрелем, и при этом она всегда испытывала искреннюю радость и волнение. Если проанализировать то чувство, которое ей внушал вид их «губернатора», высокого, мощного, идущего к ним навстречу уверенной твердой походкой человека, привыкшего к корабельной качке, приветствующую их среди толпы бегущих, как обычно, за ним ребятишек, то это было счастливое чувство уверенности в том, что этот человек был тем надежным другом, который испытывал к ним обоим безграничную привязанность.

Когда Колен был рядом, Жоффрей и Анжелика чувствовали, что их трое, несущих груз

ответственности. Они знали, что Колен не изменит им никогда.

***

Им пришлось повозиться, прежде чем они сумели бросить якорь, так как на рейде стояло множество самых разнообразных судов.

Пересев в лодку и направляясь в порт, Анжелика, улыбаясь, разглядывала столь знакомый ей пейзаж, который она была так счастлива вновь увидеть, как вдруг она почувствовала, что происходит что-то необычное, чем-то смутно напомнившее ей ее недавний приезд в летний Квебек.

— Но... нас никто не встречает, — сказала она, повернувшись к ЖофFREю.

И в самом деле, никогда еще им не приходилось видеть Голдсборо таким безлюдным, хотя слово «никто» было не совсем верным.

На пристани суетились матросы, таскающие тюки, катящие бочки, были и те, кто просто прогуливался со скучающим видом, но среди них не было ни одного знакомого.

Не было ни пышных темных платьев дам из Ла Рошели, обычно выстраивающихся в ряды на берегу. Ни маленьких детей, бегающих галопом через лужи с приветственными криками, ни военных в униформах, ни тех колоритных групп, которые представляли собой бывшие пираты Колена и их жены — «дочери короля».

Как бы не были жители Голдсборо заняты своими делами, еще не бывало случая, чтобы эти ремесленники, крестьяне и рыбаки, торговцы и служащие не оставляли свои дела, чтобы выйти с приветствиями им навстречу.

— Разве мы не сделали пушечный выстрел, чтобы предупредить о нашем приезде? — спросила Анжелика.

Бросив вопросительный и удивленный взгляд на своего мужа, она увидела, что хотя его лицо и не

выражало никакого волнения, он был также озадачен.

Его глаза отмечали каждую новую деталь в этом, знакомом ему пейзаже, который, однако, каждый раз менялся, подобно растущему ребенку.

По двум-трем дымкам, лениво тянущимся из труб, можно было понять, что город обитаем. И среди беготни иностранных матросов по главной площади они заметили пожилого человека, который явно спокойно прогуливался, бросая палку своей собаке. В этой картине было что-то успокаивающее, она как бы подтверждала то, что город не подвергся никакой атаке, что вовсе не являлось исключением.

Но напрасно они всматривались вдаль и оглядываюсь вокруг: никто не спешил им навстречу.

В воображении Анжелики пронеслись одна за другой страшные картины: нападение французских или английских пиратов, истребление жителей ирокезами или абенаками, или же англичане из Массачусетса во главе с Фипсом вновь пришли оспаривать свои территории. Или же обитатели города, в котором слишком тесно были перемешаны самые различные представления человеческой породы: паписты и протестанты, пираты и добродетельные буржуа сами, в конце концов, перерезали друг друга, как предсказывал маркиз де Виль д'Аврэй!

Но тем не менее голубое знамя с серебряным щитом графа де Пейрака продолжало развеваться на вершине форта рядом с двумя другими знаменами: Ла Рошели, принадлежащего общине гугенотов, и знаменем, на котором было изображено «сердце Марии», пронзенное мечом. Это была искусная работа, вышитая руками монахинь и урсулинок из Квебека, которую Анжелика и Жоффрей подарили Колену Патюрелю по возвращении из своей поездки в Новую Францию. Вид этих трех знамен говорил о том, что люди находились в городе. Но приближаясь к городу, они увидели, что двери и

окна большинства домов были заколочены, что и придавало ему враждебный и наполовину вымерший вид.

«Я поняла! Болезнь! — подумала Анжелика в ужасе. — Эпидемия! Чума! Может быть, оспа...»

Но тогда бы Колен вывесил черный флаг!.. Если только губернатор сам не умер уже!.. Возможно, именно поэтому все находятся в страхе и бездействии.

И вдруг, подобно молнии, Анжелику пронзила мысль, заставившая ее побледнеть: мысль о том, что Амбруазия-Демон спаслась и высадилась в Голдсборо... В самом деле, в этом случае странный вид Голдсборо был бы вполне объясним: над ним нависло бы проклятие! ЗЛОЕ КОЛДОВСТВО!

Глава 11

Нос лодки уткнулся в прибрежный песок. Они прибыли. Граф де Пейрак дал знак несколько изменить направление, и они причалили в конце порта, а не возле нового мола, сваи которого выдвигались далеко вперед. Этот длинный деревянный мол вел к большому трактиру мадам Каррер, носящему название «Трактир-под-фортом», где путешественники самых разных национальностей не упускали возможности выпить пинту французского вина по приезду. Но сейчас трактир выглядел пустым, окна и двери были заколочены, и граф де Пейрак, с недоверием относившийся ко всяким слепым, глухим и немым жилищам, предпочел высадиться на берег в более отдаленном месте.

А может быть также, его орлиный взгляд высмотрел там силуэты каких-то людей, которые, наполовину спрятанные от глаз со стороны главной площади, собрались, поджидая их.

Анжелика, воспользовавшись помощью двух матросов, чтобы не замочить свои модные парижские туфли, которые она надела в честь своего прибытия в Голдсборо — и, как выяснилось, напрасно — ступила на сырой песок и, подняв глаза, увидела перед собой тех, кто ее поджидал: черных и огромных.

В своей ливрее огненного цвета «старый» Сирики вышел из тени разбитой лодки и подошел к ним в сопровождении своей жены, красавицы Пель Акаши, не потерявшей своей величественной грации, несмотря на то, что ей пришлось облечь в юбку и кофту свою скульптурную наготу негритянки из Судана. Однако свирепое выражение ее черт уступило место выражению гордости и нежности, которое лишь материнство может дать этим царицам Савским.

На руках у нее было очаровательное дитя цвета эбенового дерева, которое таращило на прибывших свои громадные глаза.

Старший сын Акаши, рожденный в африканской саванне, вместе с матерью проданный работорговцам, мальчик десяти лет с короткими ногами, огромной головой, которого прозвали «колдун», следовал за ними. Все четверо, включая младенца, улыбались так широко, от них исходила такая сияющая радость, такое наивное и искреннее удовольствие вновь обрести своих друзей, что тревога Анжелики мгновенно рассеялась, показавшись ей совершенно нелепой.

Очень гордый, Сирики торжественно указал на младенца.

— Я счастлив иметь честь представить вам мою новорожденную дочь Зое, объявил он, не скрывая своего ликования.

Маленькой Зое было едва два месяца. Из под ее чепчика выбивался хохолок коротких черных волос, ее глаза с радостным любопытством смотрели на окружающий ее мир. Она была чудесна!

Сирики объяснил, что он назвал ее Зое, что по гречески означает «жизнь» и даже более того — саму суть жизни.

Он был образован, этот старый Сирики.

— Вот чудесная новость!.. — сказал Пейрак.

— Но где все остальные? — спросила Анжелика после того, как кончились поздравления. — Я не вижу даже губернатора, господина Патюреля. Что происходит в Голдсборо?

— ВЕТЕР ДЬЯВОЛА ПОДУЛ В НАШУ СТОРОНУ, — ответил старый Сирики, воздев руки библейским жестом — И одни сбежали. Другие заперлись. Но не бойтесь ничего. Те, кто ушли, вернуться, а те, кто заперлись, выйдут наружу.

— Когда же?

— Когда страх покинет их... Когда причины их страха исчезнут.

Маленький «колдун» молча указал пальцем в конец пляжа, и они обернулись, следуя его жесту.

— А! Вот и господин Патюрель!

Колен приближался к ним быстрыми шагами, но жесты его на этот раз выражали скорее озабоченность, чем радость встречи.

— Все идет плохо, — крикнул он еще издали. — Я слышал выстрел вашей пушки, но я был в Голубой лагуне, а оттуда далеко.

Чем ближе он подходил, тем лучше было заметно тревожное выражение его лица, и Анжелика отметила, что в этот раз в его глазах не сверкнул тот огонек, которым всегда загорался его взгляд при виде ее и который говорил ей о том, как он восхищен ее красотой, лучше всяких слов, что никогда не оставляет бесчувственным сердце женщины.

— Сегодня утром вернулся «Бесстрашный» господина Ванрейка, и я должен был отвести его на место стоянки... Если бы меня предупредили раньше о вашем возвращении... Я боялся выступлений этих смутьянов... Но Слава Богу, все спокойно!

— Да, все даже слишком спокойно, — заметила Анжелика. — Колен, ради всего святого, расскажите нам... Что происходит? Какая драма разыгралась?

— Вы, возможно, говорите об иностранных матросах, которых я вижу на берегу? — спросил Пейрак.

— Вздор! Их корабль вчера зашел в порт. Это англичане из Англии. Они не в первый раз делают остановку у нас, прежде чем отправиться в Европу. Они привезли нам товары из Лондона и из Новой Англии.

— Тогда эти волнения связаны с прибытием господина Ванрейка?

— Гм!.. И да, и нет.

— Колен, вы что-то от меня скрываете, — вскричала Анжелика, которой показалось, что он не решается говорить в ее присутствии.

— Мадам, будьте уверены, я ничего не утаю от вас. Я вам обещаю. Но вначале я должен поговорить с глазу на глаз с господином де Пейраком.

Оба мужчины отошли в сторону. Колен о чем-то с жаром рассказывал Жоффрею. У него был очень встревоженный вид, что было необычно. Так трудно было предположить, что может взволновать Колена Патюреля, более известного когда-то в Карибском море под именем Кровавая Золотая Борода и в Марокко под именем Короля рабов, Колена-Распятого, Колена-Нормандца, замешанного в кровавые истории, преступления, предательства во всех частях света. Битвы, ядра пушек, нападения пиратов с ножами в зубах — на все это он реагировал, лишь слегка прищурив глаза, со скучающим выражением лица.

Сейчас его бронзового цвета лоб морщился, когда он вполголоса рассказывал графу де Пейраку о той ситуации, которая казалась ему сложной и запутанной. Но, вопреки всему, Анжелика успокоилась.

«Эта какая-нибудь неурядица, связанная с женщинами, я уверена», — говорила она себе, так как несмотря на свое хладнокровие и опытность. Колен был из тех мужчин, которые предпочитают сражение при abordage разбирательству женских ссор.

Демон?.. Нет!.. Тогда Сирики не был бы так безмятежен.

Жоффрей де Пейрак подошел к ней, почти улыбаясь.

— Ничего серьезного, дорогая. Это все из-за нрава наших дам, которые доставили Патюрелю много хлопот, несмотря на то, что у него есть очень приятная для вас новость.

Английский корабль, идущий из Салема, привез двух их друзей, Руфь и Ноэми, тех, которых называли «колдуньями-квакершами» и таланту которых они были обязаны жизнью двух своих младших детей: Раймона-Роже и Глориандры. Близнецы, преждевременно рожденные в Салеме, уже умирали, когда две эти женщины появились в доме леди Кранмер, где Анжелика только что разрешилась от родов, и благодаря их знаниям были возвращены к жизни. Узнав, что обе эти женщины, которым она была стольким обязана, находятся в Голдсборо, Анжелика подпрыгнула от радости.

— Где они сейчас?

Но увидев выражение лица Колена, она умерила свой восторг и ждала продолжения.

Колен рассказал, что приезд этих двух странных персон из Новой Англии в отсутствие графа и графини, которые во время их первого приезда оказывали им покровительство, вызвало у жителей Голдсборо бурную реакцию, смесь панического страха и нетерпимости. Стоило этим двум молодым женщинам из Массачусетса появиться на берегу в своих черных платьях с островерхими капюшонами, как они едва избежали линчевания. «Ведьмы! Ведьмы!..»

Их вид, казалось, вызвал чувство национального единства и послужил объединению всех жителей Голдсборо в единый блок: паписты и гугеноты вспомнили, что главным врагом для французов являются англичане. Это был всего лишь предлог, но под этим предлогом жители Голдсборо единодушно отказались открыть двери своих домов двум женщинам из Салема; тогда капитан и экипаж того лондонского корабля, который привез их, возмутились, считая себя оскорбленными в качестве поданных Его Величества английского короля и вступили в драку с самыми неистовыми. Пришлось вмешаться Колену, заверить

капитана, что он сможет как всегда сделать запасы пресной воды и продовольствия, а также купить или выменять товар: меха, французские вина и т. д.

В результате этого, все жители заперлись у себя в домах. Губернатор хотел предоставить в распоряжение друзей мсье и мадам де Пейрак свое собственное жилище, но это оказалось невозможным. Он понял, что обе гости не смогут и носа высунуть наружу, так как в каждом доме их подстерегали с оружием в руках на случай атаки. Таким образом ему пришлось отвести их за пределы города по дороге среди скал, ведущей в лагерь Шамплэн, где находилось поселение беглых англичан.

— Вы меня успокоили!.. Их соотечественники смогли оказать им прием...

— Как бы не так, — вздохнул Колен.

Там тоже все обернулось плохо. Если англичанам, собравшимся в лагере Шамплэн, удавалось худо-бедно ладить между их различными сектами, и они не подвергали никакой сегрегации Кромли, шотландца, который был католиком, то при виде «ведьм» их охватил тот же священный ужас, так как было сказано в Библии: «Ты убьешь колдуна, ты не позволишь ему жить...»

Ветхий и Новый Завет объединился против них, и Руфь с Ноэми были вынуждены вернуться с полдороги назад по скале и поселиться недалеко от источника, где была маленькая хижина и стоял воздвигнутый крест.

— Ничего большего я не мог сделать для них. — сказал огорченно Колен. — Поверьте, мадам, я очень сожалею.

Ему не хватило времени, чтобы направить свою паству на правильный путь.

Прибытие Ванрейка из Дюнкерка, называвшего себя корсаром французского короля, но которого все, от теплых морей Карибских островов, до холодных морей

Новой Земли считали настоящим пиратом, еще более усложнило обстановку. Этот Ванрейк, и все это хорошо знали, был очень близким другом Жоффрея де Пейрака, которого тот считал своим братом. Благодаря этому, он каждый год ставил свой корабль либо на восточном побережье в Тидмагуше, либо в Голдсборо.

В свой последний приезд он спровоцировал беспорядки связанные с присутствием его дорогой Инес, с которой, как считали, он расстался, но которая вновь заняла свое место любовницы на «Бесстрашном». Положение усугублялось еще и тем, что вместе с ней на корабле присутствовали еще две или три красавицы с темными глазами, более или менее смуглой кожей и волосами цвета ночи, которые по вечерам танцевали свои дьявольские испанские танцы вокруг костра на берегу, при свете луны, как никто другой.

Члены Совета Голдсборо покинули свои дома, чтобы воспрепятствовать их высадке. «Мы не разрешаем ему на этот раз входить в порт — решили они, — с нас хватит скандалов».

Они кричали, что подозревают Колена в том, что он собирается устроить в стенах города дом терпимости. Достаточно было того, что им навязали этих «колдуний».

Колену пришлось действовать как можно быстрее, чтобы перевести корабль Ванрейка в другую бухту поблизости — в Голубую лагуну.

— Именно в это время мы услышали залпы, возвещающие о вашем прибытии. Мы не предполагали, что вы уже возвращаетесь. Держу пари, что если бы эти разгневанные фарисеи знали, что вы так близко, они бы вели себя гораздо тише.

— «Когда кошки нет, мышки веселятся», — сказала Анжелика. — Что за отродье! Они ведь прекрасно знают, что для меня гораздо больнее, когда обижают моих друзей, чем меня саму. Лишь они остались

преданы нам, — сказала она, повернувшись к Сирики и его семейству. — А они, между тем, рисковали больше, чем многие другие, выйдя навстречу нам.

Сирики признался, что им было нелегко «ускользнуть».

— Когда они услышали выстрел пушки с «Радуги», Сара Маниго запретила мне идти встречать вас. Был приказ продемонстрировать вам «отсутствие встречающих», и его необходимо соблюдать. Но нам с женой удалось потихоньку улизнуть.

— В самом деле, они неисправимы! В их поступках нет никакой логики, одни групповые интересы. Что за безумие овладело ими?

— Ветер дьявола подул в нашу сторону! — повторил Сирики с загадочно-серьезным видом.

Колен Патюрель подтвердил, что невыносимая жара стояла весь август, что ветер, несущий тяжелый влажный воздух, будоражил нервы и вместо облегчения приносил усталость. Люди чувствовали себя разбитыми и взвинченными. Безоблачное небо создавало обманчивую видимость ясной погоды. Стоило лишь отчалить от берега, как вы оказывались в море, покрытом белыми барашками, что делало плавание опасным, а рыбную ловлю никудышной.

Разговаривая, они прошли весь берег и приблизились к «Трактиру-под-Фортом»

— Зайдем! — предложил Колен. — стакан доброго вина поможет нам расслабиться.

Но Анжелика отказалась.

— Я слишком рассержена, и я не хочу рисковать встретиться там с дамами из Голдсборо, объединившимися, чтобы встретить меня с недовольными физиономиями и с поджатыми губами. Это уже не в первый раз, и они, видимо, вообразили себе, что когда-нибудь я подчинюсь их добродетельным доводам и перестану требовать справедливости и

милосердия для тех, кто по моему мнению их заслуживает.

Она торопилась навестить своих бедных английских гостей, чтобы выразить им свою любовь и привязанность и этим хоть как-то смягчить ту враждебность, с которой они были встречены во Французской бухте.

Прежде всею Анжелика отправилась в форт, куда уже вносили ее багаж. Жоффрей застал ее перед зеркалом, расчесывающей волосы.

Она была все-таки рада возвращению в Голдсборо, несмотря на недостойное поведение его жителей.

Она сама себя спрашивала, почему она так любила здесь все и всех, хотя, как правило, их здесь поджидали какие-нибудь неприятности.

Но когда-нибудь настанет день, когда она по-настоящему разозлится.

— А вы, мой господин и повелитель, перестаньте смеяться над моими горестями. Я знаю, что веду себя глупо, но я не желаю ни вашего снисходительного сочувствия, ни того, чтобы вы насмехались над моей неизбывной наивностью, заставляющей меня все время думать, что человеческое существо может исправиться и предпочесть гармонию и счастье постоянным раздорам.

— Я вовсе не смеюсь, — сказал де Пейрак. Он привлек ее к себе и пылко обнял.

— Вы, разумеется, правы, любовь моя. Вы бесценное сокровище, а люди — безумцы и глупцы.

Как беспомощные и злые дети, они мстят за то, что жизнь, как строгая мать, не позволяет им быть эгоистами и требовать, чтобы считались только с их личными убеждениями, зачастую также безумными и глупыми, будучи основанными на застывших, непоколебимых нормах и правилах.

Они мстят за то, что одним своим присутствием вы напоминаете им об их непоследовательности. Я бы порицал их поведение, если бы не знал, что в сущности, они привязаны к нам, и, особенно, к вам, что они вас обожают.

Я не смеюсь, я просто улыбаюсь при мысли о тех новых словесных состязаниях, которые произойдут между вами и вашими гугенотами из Ла Рошели. Этот спектакль обещает быть очень интересным, и я тысячу раз на вашей стороне. Но что касается меня самого, то я должен заняться моими пиратами: одни из них стали добродетельными, но негостеприимными, другие, как мой храбрый Ванрейк, оказались обиженными. Мне необходимо срочно заняться этим. И передайте мой привет нашим сестрам-волшебницам.

Он поцеловал ей руку, и Анжелика отправилась по дороге, ведущей на скалу.

Ладно, пускай сейчас Голдсборо пуст!.. Но что потом?!

Тем хуже для них, раз они предпочитают сидеть дома и остаться без праздника. В этот раз они объединили свои общие усилия, чтобы выразить ей свое неодобрение.

Однако радость от предстоящей встречи со своими «ангелами» из Салема заставила ее забыть свои огорчения. Она постаралась придать своему лицу спокойное и радостное выражение, проходя по маленьким улочкам и тропинкам, вьющимся между изгородями садов, окружающих дома. Она чувствовала, как ее провожают глазами.

Но молчанье и безлюдье по-прежнему царили повсюду. Она не встретила ни одной живой души.

Однако, поднимаясь по песчаной дороге, заросшей с обеих сторон уже высокой травой, она отчетливо почувствовала, что кто-то шел за ней, а затем поспешил скрыться в кустарниках.

Она не стала раздумывать, кто это мог осмелиться нарушить предписания Маниго, Берна и остальной компании и покинуть свое жилище. Она быстро шла к тому знакомому ей месту, где поселили ее друзей из Салема, и взбираясь по тропинке, она уже издали видела на фоне неба воздвигнутый там крест.

Оттуда открывался красивейший вид на порт, бухту и далекие маленькие острова. Раньше она часто ходила сюда гулять.

Иезуит Луи-Поль Мареше де Верной во время своего визита к ним из-за своих натянутых отношений с гугенотами поселился здесь, и это именно он воздвиг этот крест и построил эту маленькую хижину, чтобы жить здесь со своим маленьким помощником, шведом Аббалем Нильсом, брошенным ребенком, которого он подобрал на набережной в Нью-Йорке. Иезуит соорудил также простейший алтарь, чтобы служить мессу и исповедовать местных католиков — крещенных индейцев и белых людей из Голдсборо и Пентагуэта.

В дальнейшем здесь останавливались на ночлег проезжие путешественники, которых жители Голдсборо не хотели пустить в свои дома или оставить ночевать внутри города. При той ненадежной ситуации, вдобавок к полной изолированности поселения, необходимо было соблюдать осторожность.

Голдсборо уже не был, как раньше, одной большой семьей, где все знали друг друга, но это не был еще и город, где существовал твердый закон и порядок, где утвердились институты городской власти и управления, обеспечивающие надежную защиту от злоумышленников. Незнакомых приезжих, случайных людей старались обезопасить, прежде всего из-за боязни краж, когда потом невозможно было найти вора, из-за пьяных драк и скандалов, причины которых также невозможно было установить, но больше всего из-за страха пожаров, которые, возникнув по неосторожности

или по злему умыслу, могли в одну ночь уничтожить то, что было создано за много лет.

Когда Анжелика добралась наконец до вершины, откуда неожиданно открывалась панорама, на которой цвет неба переходил в цвет моря, смешиваясь с цветом лесов, пляжей и скал, ей показалось вдруг, что в траве блеснуло что-то голубое, и внезапно перед ней выскочил человек, одетый в сюртук из голубого атласа и в шляпе с галунами и перьями. В каждой руке он держал по пистолету, направленному на нее.

Он преградил ей путь к хижине.

— Стоять! Не приближайтесь ни на шаг, — крикнул он по английски. — Каковы ваши намерения?

Застыв от неожиданности, Анжелика спрашивала себя, не прибавилось ли ко всем прочим неприятностям нападение людей из Бостона или английских пиратов, которых она опасалась и которые могли бы проникнуть в Голдсборо со стороны суши. Затем она, кажется все поняла.

— Я иду навестить моих друзей из Салема, Руфь Саммерс и Ноэми Шиперхолл. Мне сказали, что они поселились здесь.

— Вы желаете им зла?

— Конечно нет!

— Вы не воспользуетесь тем, что я пропущу вас, чтобы нанести им оскорбления и причинить им неприятности?

— Что за мысли приходят вам в голову? Я же сказала вам, что это мои друзья. Я — мадам де Пейрак, супруга хозяина Голдсборо...

— Хорошо! Я вас узнал, — сказал молодой английский офицер, пропуская ее. — Я видел вас в прошлом году, миледи. Вы возвращались из Салема, где произвели на свет двух близнецов.

***

В ту самую минуту, когда Анжелика добралась до площадки, она увидела, как из под навеса, сооруженного возле хижины, появились две фигуры, одетые в черное. Они бросились друг другу в объятия, и Анжелика поняла, что она боялась никогда их больше не увидеть.

Зная о их ненадежном положении среди пуритан Салема, она часто опасалась за их жизнь. Она не верила своим глазам, найдя их здесь живыми и здоровыми, одетыми в обычные плащи с немецкими капюшонами, ткань которых, как ей показалось, слегка поистерлась. Большая буква «А» из толстой красной материи была нашита на плаще на том месте, где находится сердце. Может быть из-за ясности этого солнечного дня с его беспощадным светом, делающим более резкими свет и тени, но Анжелика заметила, что на красивом лице Руфи появились морщинки в уголках глаз, что она была бледнее, чем обычно, а вокруг голубых глаз Ноэми залегли коричневые тени?..

Обнимая их, Анжелика почувствовала, как похудели их плечи, как согнулись их спины, увидела, какими хрупкими и тонкими стали их запястья, и это подтверждало то, что эти бедные колдуньи были несчастными земными женщинами, одинокими, изгнанными отовсюду. И всеми.

Продолжая их обнимать, Анжелика принялась выражать свое негодование и сожаление по поводу того плохого приема, который был им оказан, огорчаясь, что ее тогда не было в городе... И вот уже вновь их лица засветились нежными улыбками, и заблестели их светло-голубые глаза.

— Что ты говоришь, сестрица? Мы прекрасно устроились в этом, чудесном месте. Вода в источнике такая, вкусная!

Ноэми пошла к навесу и вернулась с кувшином и кружкой в руках.

— Выпей, сестрица. Сегодня так жарко, и ветер сушит губы.

Анжелика выпила, нашла воду превосходной, и обнаружила, что она действительно хотела пить.

Она осмотрелась вокруг.

Это было то самое место, которое описала в своем видении мать Магдалина, рассказавшая о прибытии женщины-Демона. Здесь также. Анжелика исповедовалась отцу де Вернону за несколько часов до его трагической гибели.

— Крест не мешает вам? — спросила Анжелика, зная что квакеры отрицают предметы культа, считая их источником идолопоклонства.

— Почему? Крест — это символ для всех. Это сила, устремленная ввысь, к небу, и сила земли, сопротивляющаяся ей. Сила вертикали и горизонтали. Именно в точке их пересечения все и происходит, там, где было сердце, пронзенное копьем...

Они сразу же обрели тот язык, на котором вели когда-то беседы в Салеме. Их общее взаимопонимание возникло сразу же, без усилий. Они сидели на вершине высокого мыса, а внизу, у подножия скалы бушевало море. Иногда огромные волны, разбиваясь о скалу, взлетали брызгами пены так высоко, что, казалось, могли утащить вниз за собой того, кто неосторожно приблизился к самому краю или, во всяком случае, окатить его с ног до головы.

Что и случилось с ними дважды.

Они поскорее отодвинулись назад, видя как подступает новая гигантская волна, которая обрушилась вниз, как бы разочарованная тем, что они ушли.

— О жестокое и нежное море!.. — сказала Руфь Саммерс. — С тех пор, как мы живем здесь, оно составляет нам компанию. Мы сидим здесь и подолгу

смотрим на него, видя сквозь него лик Всемогущего и дружелюбие природы, которая не желает нам зла...

Возвращаясь к хижине, Анжелика вновь заметила офицера в голубом сюртуке, а на другом краю плато еще двоих мужчин, одетых в форму английских моряков и вооруженных мушкетами.

— Но кто эти люди? Один из них загородил мне дорогу, когда я шла к вам, желая узнать мои намерения относительно вас, прежде чем пропустить.

— Они объявили себя нашими охранниками. Это люди из экипажа корабля, привезшего нас из Салема. Помните, год тому назад, когда мы покинули Голдсборо, нас взял к себе на борт капитан английского корабля, житель Лондона, имеющий влияние при дворе английского короля, то есть располагающий большими средствами для осуществления своих путешествий вокруг земли. Он обращался с нами очень открыто и вежливо, как иные приезжие из Англии, которые относятся несколько высокомерно к жителям американских колоний, и, как всякий сторонник англиканской церкви, насмешливо по отношению к пуританам, правящим в Массачусетсе, которые, однако, прекрасно правили в Англии, когда она осталась без короля. Однако его красный сюртук и все эти перья вовсе не понравились членам нашего городского управления в Салеме, которые после этого первого возвращения ожидали нас в порту со стражниками. Нашему капитану показался подозрительным такой прием, который угрожал нам позорным столбом, и когда он узнал, что нас собираются куда-то уводить, он вмешался.

Я не знаю, что он им рассказал. Я полагаю, он упомянул о вашем супруге, рекомендовавшем нас ему, обещал купить у них треску, а им привезти ножевой товар, не заставляя оплачивать пошлину. И пока на его корабль загружали бочки с яблоками нового урожая, он

проводил нас до нашего дома, который, к счастью, не был сожжен, и обещал нам, что на будущий год вернется, чтобы узнать о нашем здоровье. Он сдержал свое обещание. Когда он приехал в этот раз в Салем, он предложил нам отвезти нас в Голдсборо, чтобы потом привезти домой, когда он будет возвращаться в Европу. И губернатор, у которого не слишком сговорчивый характер, на этот раз легко согласился.

— А здесь вашему соотечественнику и защитнику вновь пришлось вас защищать.

— Эти моряки всегда настороже. Любой пустяк — и они хватаются за пистолет. Они видят вокруг себя одних лишь врагов. Я их уверяла, что здесь нам нечего бояться, но их капитан в согласии с вашим губернатором мистером Колином — она произнесла «Колин» — решил предоставить в наше распоряжение ночную охрану. Мы не хотели сразу же уезжать, так как мы чувствовали, что вы скоро приедете... — Знаете, поведение людей нас просто озадачивает, — сказала Руфь доверительно. — Жители города отвернулись от нас, но вот уже два или три человека пробирались сюда, чтобы попросить у нас лекарство или немощь...

Одного из таких посетителей Анжелика, несомненно, повстречала, когда шла по дороге, ведущей к их хижине.

— И точно так же обстоит дело в Салеме, — вновь заговорила Руфь. — Днем они кричат, что мы слуги Дьявола, а под прикрытием ночи приходят к нам за помощью, которая не может исходить иначе, как от Бога, раз она способствует улучшению здоровья...

— Нам кажется, — продолжала Руфь, — что этот навес возле хижины можно приспособить для устройства лазарета, куда во время эпидемии можно будет помещать больных, чтобы ухаживать за ними, отделив их от их семей. Здесь такой чистый воздух...

— А почему вы не обратились к моей подруге Абигаиль? — спросила Анжелика, которой все не давала покоя злоба обитателей Голдсборо. — Вы же знаете дорогу к ее дому, и она бы приняла вас...

— Мы были у нее. Но ее жилище было забаррикадировано. Я не знаю, был ли кто-нибудь внутри, но никто не ответил и не вышел на наш зов.

«Абигаиль тоже с ними!» — подумала Анжелика с тоской.

Она оглянулась вокруг. Чего-то не доставало... или кого-то!

— А где Агарь? — вскричала она. — Ваша маленькая цыганка?

Встревоженная, она спрашивала себя, не оставили ли правители Салема ее как заложницу, чтобы быть уверенными в возвращении обеих женщин.

— Агарь умерла, — сказала Руфь Саммерс.

— Они ее убили, — как эхо добавила Ноэми Шиперхолл.

Они сели на скамью в тени навеса.

***

Трагедия произошла в самое темное зимнее время, в те месяцы, когда море чернильного света, накатывает свои пенистые волны далеко вглубь земли, когда проходим приходится шлепать по улицам, залитым грязью, в те месяцы, когда чувство тоски и тревоги овладевает человеческими сердцами.

Какая прихоть заставила маленькую Агарь покинуть дом на лесной опушке, где она была в полной безопасности, в то время, как на дворе свирепствовала непогода?

Куда побежала она в это ненастное время? Над кем насмеялось по дороге это цыганское дитя? Это насмешливое дитя? Может быть, ее привлек рынок, суету которого она так любила? Может быть, прибытие корабля?

Одни утверждали, что она украла... сыр, выставленный на продажу, или яйцо... никто не мог в точности сказать. Другие говорили, что она «ввела во искушение» почтенного пастора, который принялся ее журить, или же это был матрос из Виргинии, который бросал ей семечки подсолнуха, как маленькой обезьянке.

О том, что произошло дальше, также никто толком не знал.

Раздались яростные крики, проклятия, ругательства и богохульства. Толпа, вооруженная тяжелыми дубинами, скамейками, рукоятями кнутов, всем, что попадалось под руки, сдвинулась вокруг этой пляшущей маленькой сумасшедшей, украсившей себя за неимением цветов, сухими листьями и короной из плюща... Вовсе не требовалось столько ударов чтобы расправиться с этим хрупким существом!

Ее приемные матери так и не узнали, кто из граждан Салема пришел позже украдкой к их дому и положил ее разбитое тело на сырую землю, на лужайку, окруженную белыми камнями...

— Она часто убегала в последнее время, — призналась Руфь Саммерс, качая головой. — Я думаю, что она отправилась на поиски того или той, из-за кого была вынуждена провести в заключении много недель.

Она вздохнула:

— Жестокая и тяжелая зима. Бриан Невлин тоже умер.

— Бриан Невлин?..

— Человек, за которого я вышла замуж в Салеме после того, как стала членом конгрегации, чтобы не быть среди тех, кто преследуем, как, например, квакеры, среди которых я была рождена.

— От чего он умер?

Молодая женщина ответила не сразу, и Анжелика вновь отметила на ее слишком бледном лице следы

лишений и бесконечных испытаний.

— Он приносил мне книги, — начала она рассказывать, прервав молчание, — и именно это его и погубило. Я находила пакеты с книгами возле нашей опушки: Бакстер, а также и Эразм, который запрещен. Сатирические сонеты Гарвея. Все то, что я любила. Я женщина, я не имела права читать. «Ты мне даешь больше, чем кусок хлеба», — сказала я ему однажды, встретив его на дороге. «Я это знаю», — ответил он, отводя глаза. Они заметили, что мы беседовали. Они увидели, что вместо того, чтобы в ужасе отвернуться от меня, мой бывший супруг, которого я когда, — то обидела, поддерживал со мной отношения.

Ненавидя мужчину, забывшего свое превосходство перед женщиной, и особенно, перед своей виновной женой, ненавидя его еще больше, чем саму женщину, они обвинили сто в потере рассудка и приговорили к повешению. Они говорили, что я поместила червя в его мозг. И это, может быть, было правдой. Хотя его преобразование началось задолго до моего приезда, так как он уже читал украдкой поэмы Габриэля Гарвея. По дороге на казнь они задали ему множество вопросов, чтобы доказать толпе, что он сумасшедший, и, в самом деле, этот молчаливый человек, казалось, был возбужден и произносил странные речи.

«Причешите ваши бороды, — кричал он, — и отправляйтесь все во дворец!.. чтобы судить меня!»... или же, обращаясь к судьям: «Не ешьте ни лука, ни чеснока, так как ваша речь, ваша артикуляция должны быть чистыми! Опасайтесь поэта, так как глаз поэта, вытарщенный от безумия, путешествует с земли на небо, и с неба на землю...»

«Я заявляю вам, Бриан, — сказал ему Джон Кнокс Матер, когда они прибыли к эшафоту, — что я напрасно слушал вас по дороге на казнь, и я напрасно слушал вас в суде, и я, доктор богословия, науки и всяческих,

искусств, не могу ничего понять в ваших речах. Следовательно, вы в самом деле безумны».

Бриан остановился и посмотрел ему в глаза с дерзостью и презрением, на которые я не считала его способным: «Знайте, что во Вселенной есть много такого, Горацио, что не снилось вашим философам!..»

Люди спрашивали друг друга, почему он назвал доктора Матера «Горацио»...

Потом он снова закричал: «Мир сошел со своей оси!.. Будь проклят Ты, так как именно мне придется возвращать его на свое место!»... Лишь позже они поняли, что все это время он цитировал Шекспира.

И Руфь Саммерс принялась смеяться, затем слезы заблестели на светлых ресницах белокурой англичанки.

— Какая великая душа была погублена, — пробормотала она.

Анжелике захотелось сказать ей и ее подруге «Оставайтесь! Оставайтесь! Не возвращайтесь в Салем, так как они в конце концов погубят и вас».

Но они опередили ее.

Мы не упрекаем никого. Это наша судьба! Мы приехали не для того, чтобы остаться. Мы приехали лишь затем, чтобы передать тебе фасоль с нашего поля, из которой ты так любишь готовить по воскресеньям рагу, политую теплыми сливками и кленовым сиропом. Мы приготовили сироп из кленового сока, собранного весной в лесу за нашим домом, сварив его по нашему рецепту так, чтобы он стал густым, как мед. Мы привезли тебе два кувшина этого сиропа, а ещё самый лучший китайский чай — его листья делают напиток прозрачным и тонизирующим, и он был тебе так полезен. Кроме того, мы привезли множество лекарств для твоей аптеки, и среди прочих — ивовую кору с тех деревьев, что растут на пруду, священном пруду, и которые являются лучшим средством от

лихорадки... Но хватит о подарках! У нас есть гораздо более важные дела, а времени не так уж много.

Мы приехали в основном для того, чтобы прочесть тебе третью седмицу Тароту, которую ты не захотела слушать, так как боялась заглянуть в будущее.

— Как вы догадались, что теперь я хотела бы ее услышать?

— Мы видели тебя, плывущей по реке, — сказала Ноэми.

Глава 12

— Ты была одна на носу корабля, — продолжала молодая англичанка из Салема, как бы делая точное описание виденной картины. — Корабль спускался по реке среди тумана. По краям этого тумана тебя сопровождали тени твоей жизни. Одни следовали за тобой, другие — впереди тебя. Тени жизни любят собираться на этой реке, особенно когда в жизни начинается новый этап. И тени меняются ролями. Таким образом, некоторые из них, те, что были позади, выходят вперед. Те, что были уже долгое время вдали от тебя, приближаются, давая тебе знак: «Вот и мы. Ты нас забыла». Те же, которые были тебе близки и привычны, удаляются. В этом движении теней вокруг тебя ты вдруг ощутила тревогу, ты начала сожалеть о том, что не захотела узнать третью седмицу, третью звезду, которая говорила о неожиданном путешествии, об изменениях, которые тебя пугали.

Охваченная предчувствием своей судьбы, ты сожалела, что не могла вспомнить, по каким причинам, как мы говорили тебе, ты не должна бояться будущего, так как по этой звезде мы вычислили триумф, победу, удачу. Мы прочли знак твоей победы.

И тогда, сожалея о том, что ты не захотела приподнять завесу, ты вспомнила о нас...

Анжелика в точности узнала то состояние духа, которое она испытала недавно, плывя вниз по Святому Лаврентию.

— Я вспоминаю о какой-то Колеснице, предвещающей неожиданное путешествие, последствия которого я предпочитала не знать. Но это было ребячество с моей стороны.

А позже я вспомнила также, что вы говорили о победе.

— И речь шла не о временной победе, но о победе окончательной, благодаря которой открывается новая жизнь. Так было предначертано тебе судьбой, и этот момент приближается. Угадывая, что ты будешь сожалеть, мы взяли наши карты, заперли дом и отправились в порт, куда в тот же самый час прибыл человек из Лондона в красном сюртуке и его лейтенант в голубом. И вот мы здесь... Но прежде всего вернемся в дом, чтобы укрыться от ветра и выпить чая.

Ноэми поставила чайник на очаг в углу хижины.

Обстановка была более чем простая. Доска, положенная на козлы, служила столом.

Охапки соломы, брошенные на пол и кормушка, наполненная овсом, свидетельствовали о том, что это помещение служило также, при случае, стойлом или конюшней.

Обе молодые женщины уверяли, что они прекрасно спали в этой хижине под охраной английских моряков, сидящих у костров снаружи, которым они время от времени приносили чашку чая, выпиваемую, однако, не без гримасы.

Эти суровые англичане лишний раз убеждались в том, что колонисты из Новой Англии ничего не делают, как все нормальные люди, так как они предпочли бы немного джина или рома этому чаю, столь ценимому в Новой Англии. В британской метрополии еще не вошло в привычку это знаменитое чаепитие, в то время как пуритане из Нового Света — диссиденты, бартисты, конгрегационалисты, находившие убежище в Нидерландах, а также благодаря аннексии Нового Амстердама в Америке, переняли у голландцев пристрастие к этому редкому и дорогому по тем временам напитку, приводимому из Китая,

считавшемся целебным и введенному в моду светским обществом Гааги.

Это становилось больше чем модой — ритуалом. В Массачусетсе во всех зажиточных домах было принято нить китайский чай в определенные часы, и Анжелика видела у мистресс Кранмер специальную комнату, отведенную именно для этого мероприятия. Как правило, это были небольшие комнаты рядом с вестибюлем.

Анжелика улыбнулась, увидев, как англичанки достают из своего небогатого багажа и ставят на грубый стол, сколоченный из досок, чашки из тонкого китайского фарфора. Горячие поклонники этого ритуала утверждали, что только из таких чашек можно пить чай.

Подобная утонченность не шла вразрез с их суровыми привычками, так как они с почтением относились к торговле, высоко ценили эти чайные листья и посуду, привезенную из таких дальних мест благодаря мужеству и героизму их моряков и добротности их кораблей, построенных добросовестными и трудолюбивыми людьми на судостроительных верфях Нового Света.

Руфь сказала, что этот чайник и чашки ей были подарены мистресс Кранмер в знак благодарности за то, что она вылечила и спасла ее отца, старого Сэмюэля Векстера.

Руфь сожалела, что за неимением нужных продуктов она не может приготовить тот целебный напиток, который она тогда в Салеме давала Анжелике для восстановления сил: очень крепкий чай, куда вливались взбитые яйца, молоко, сливки, ваниль и кусочки хлеба, обжаренного в масле.

Англичанки осведомились о здоровье их «бэби», близнецов и вспомнили слова той колыбельной песенки, которой они их укачивали.

Они запели ее по-английски, как вдруг услышали крик.

Человек в голубом сюртуке делал им какие-то знаки, размахивая пистолетами.

— Кто-то идет! — закричал он.

По дороге, ведущей к ним, поднималась какая-то женщина. Она бежала, несмотря на крутой подъем и тяжелую котомку у нее за спиной. В руках она тащила еще две большие корзины. Казалось, она очень взволнована. От быстрой ходьбы пряди волос выбились у нее из-под чепца.

— Это ваша подруга Абигайль Берн.

Никогда еще Анжелике не приходилось видеть Абигайль в таком беспорядке.

И тем не менее она вынуждена была признать в этой растрепанной и навьюченной как осел женщине свою подругу по Ла Рошели — спокойную и невозмутимую Абигайль.

— Ах, наконец-то я вас нашла, — воскликнула она, завидев их. — И вы, Анжелика, вы тоже здесь! Слава Богу! Мы спасены!

Она поставила свою ношу на землю и запыхавшаяся, красная начала приводить в порядок свои растрепанные волосы.

— Габриэль запер меня... чтобы помешать принять ваших друзей и помочь им. Слыханное ли дело — подобное безумство со стороны человека, о котором такое невозможно было и подумать. Я не ожидала, что он способен на такое!

Ее глаза блестели от едва сдерживаемых слез.

— Он запер меня в пристройке, и таким образом я не могла ответить вам, когда вы стучались в наш дом.

— А кто же вас выпустил?

— Лорье... Не правда ли, это такой позор, что маленькому мальчику приходится быть свидетелем того, как его отец обращается со своей супругой... Я

всего лишь мачеха ему, но ребенок уважает и любит меня... Это возмутительно!

Она перевела дыхание. Ее напряжение немного спало. Было заметно, что после этого взрыва возмущения столь несвойственного ее спокойной натуре, она чувствовала себя разбитой и опустошенной.

— Но что на них всех напало? — вздохнула она. — Можно было подумать, что их закружил какой-то вихрь, подобно смерчу...

Готовая расплакаться, она прильнула к плечу Анжелики.

— О, Анжелика! Я его так любила!.. Что мне делать, если он станет таким же безумным, как другие, мой Габриэль?

— Выпейте с нами чашку чаю, он еще не остыл, — предложили англичанки.

Ноэми разлила розоватый напиток в чашки.

— Мы вовсе не были всеми покинуты, мистресс Берн. Как видите, у нас есть чай, черный хлеб, чтобы поддерживать наши силы и... военные, чтобы охранять нас.

Она указала на человека снаружи, который вновь занял свой пост.

Абигайль объяснила:

— Я принесла вам пищу и питье. А также я захватила с собой смену белья, так как я не знаю, вернусь ли я в дом этого тирана...

— Абигайль! А ваши маленькие дочери?

— Северина увела их по приказу отца... как если бы я была недостойная мать, от которой надо убрать детей... Слышал ли кто-нибудь о подобном безумии?..

— Выпейте чаю! После поговорим...

Абигайль покорно пила чай и, казалось, понемногу начала успокаиваться. Она покачала головой.

— Габриэль и в самом деле очень изменился... Он уже не тот, после того что приключилось с Севериной.

— А что случилось с Севериной? — обеспокоенно спросила Анжелика, думая, однако, про себя, что если Северине было поручено отвести ее младших сестер, она явно жива, а это было самое главное. — Ах, да! Вы же ничего не знаете... — вздохнула Абигайль устало. — Этой весной, перед тем, как уехать с Онориной, вы зашли к нам так ненадолго. Мы не успели поговорить. Вы увозили Онорину в пансион в Монреале, и это было так грустно. Мы больше не увидим это дитя, огорченно сказала Абигайль Берн, которая, воспользовавшись упоминанием об Опарине, уткнулась в платок и дала волю давно сдерживаемым слезам.

— Моя дорогая, моя милая! Мне так тяжело, — пробормотала Анжелика, обнимая ее вздрагивающие плечи. — Наши дела нас поглощают без остатка. Чем лучше они идут, чем меньше опасность, тем меньше у нас остается времени, чтобы встречаться с друзьями и наслаждаться покоем, завоеванным с таким трудом.

— Теперь надо бороться за то, чтобы его сохранить, — улыбнулась сквозь слезы молодая женщина. —

Я часто спрашиваю себя, не потребуется ли от нас больших усилий на поддержание наших завоеваний, чем на их достижение в начале борьбы? О! Но что это?

Все четверо вскрикнули, так как одним легким движением на столе очутился пушистый шар.

— Господин Кот!..

— Мы полагали, что он поднялся на борт вместе с нами, — рассказывала Анжелика, лаская и глядя своего друга. — Мы обнаружили его отсутствие лишь в Тадуссаке.

— Он провел лето здесь.

— Мы не слишком беспокоились, зная, что он всегда делает лишь то, что захочет.

Мессир Кот путешествовал только по своей доброй воле, а не потому, что так решали другие. Никогда не было известно, по каким причинам он уходит или

остается. Это зависело только от его собственного желания. Случалось, что он исчезал в момент отплытия, если не хотел отправляться в плавание, случалось, наоборот, проскальзывал среди багажа на борт, если у него возникало желание путешествовать.

На этот раз по неизвестным причинам путешествие в Монреаль его не вдохновило, и он предпочел остаться на набережной в Голдсборо, там, где он совершил свои первые подвиги.

— Пришел ли он сюда вслед за мной, или же он ведет к нам каких-то гостей? — обеспокоилась Анжелика.

Через дверь навеса они видели английских матросов, собравшихся вместе и смотревших на дорогу.

На этот раз на площадку поднималась группа людей, видя которых можно было понять, что в Голдсборо установлен порядок.

Рядом с Жоффреем де Пейраком и Коленом Патюрелем весело шагал Ванрейк, жизнерадостный корсар из Дюнкерка. Он снял свою шляпу и начал размахивать ею, едва завидев женские силуэты на вершине скалы.

Очень красивый мужчина лет тридцати, одетый в красный сюртук, сопровождал их.

— Это он, капитан английского корабля, оказавший нам покровительство, — сообщила им Руфь Саммерс.

Чуть поодаль, но с любезными выражениями лиц, следовали господин Маниго и тот, кого по-прежнему называли «адвокат» Каррер, представляющие общину французских гугенотов из Ла Рошели.

Одна из дочерей Маниго, Сара или Дебора, а также Иеремия, вернувшийся на лето из своего колледжа в Гарварде также шли вместе с ними, нагруженные корзинами.

Судя по всему, жизнь в Голдсборо возвращалась в свое привычное русло.

Сегодня вечером будет праздник на главной площади перед «Трактиром-под-Фортом» и все шансы полюбоваться прекрасной Инес Пердито Тенарес, танцующей фанданго под звуки кастаньет.

Глава 13

Анжелика отложила на завтра гадание, толкующее положение ее третьей звезды. Она решила прежде всего разобраться с Абигаиль.

Придя к дому Бернов, она беспрепятственно проникла туда.

— Где же он?..

Абигаиль вернулась в свой дом, и обнаружила там своих маленьких дочерей. Но она была одна и печальна.

— Он не появился. Меня предупредили, что у него дела с рыбаками из Бостона, зашедшими в Мон-Дезер. Я спрашиваю себя, когда он перестанет дуться.

— Воспользуемся его отсутствием, чтобы поговорить начистоту. Абигаиль, скажи мне коротко, что произошло с Севериной такое, что вызвало гнев ее отца против нее и, как мне кажется, против меня.

— Габриэль сердит на вас, так как он считает вас ответственной за это несчастье, из-за того, что вы взяли ее с собой в плавание в прошлом году. И во время этого путешествия она познакомилась со множеством людей, оказавших дурное влияние на нее. Габриэль не устает повторять, что это ваш образ мыслей так ее испортил.

— Говорите все до конца! Пока все это не очень ясно.

Бедняжка Абигаиль не могла никак решиться. Ей было трудно сделать это признание. Она начала все заново, повторяя свой рассказ с другого конца.

— Зима была очень трудной. Габриэля не покидало скверное настроение. Он был очень зол на вас. Он упревал себя за то, что позволил своей дочери, которая еще так молода, сопровождать вас в Новую Англию, где она могла подвергнуться соблазну порочной жизни, доказательство чего, к несчастью, мы и имеем.

— Порочная жизнь! В Новой Англии! У пуритан! Это мне кажется невероятным. Даже находясь среди баптистов или лютеран, она не могла иметь никакой возможности...

— Но тем не менее, наши подсчеты не могут нас обмануть. Это именно во время этого путешествия она познакомилась с тем, кто...

Наконец Абигаиль как бы решилась «прыгнуть в воду» и поведала Анжелике о той драме, которая в этом году перевернула всю их дотоле спокойную и счастливую семейную жизнь на берегу Французской бухты.

Осенью, через некоторое время после того, как их караван отправился в Вапассу... Нет, если подумать хорошенько, это было позже, так как уже лежал снег, и приближалось Рождество. У Северины началось кровотечение. К счастью, она сразу же сообщила об этом своей мачехе, разбудив ее ночью, и та, призвав на помощи мадам Каррер, на скромность которой можно было рассчитывать, присутствовала при том, что было, по всей вероятности, неожиданно прервавшейся беременностью сроком не более двух-трех месяцев. Это событие никак не отразилось на здоровье Северины. Она очень быстро поправилась. Но несчастье и позор поселились в их семье, и Северина, хоть и не отрицала ничего, но и не желала сообщить хоть какие-нибудь подробности и раскаяться.

— Нам так и не удалось узнать, от кого она была беременна. Мы лишь могли догадываться, что она совершила этот ложный шаг во время своего летнего отсутствия. Мы поняли, что речь шла не о молодом человеке из Голдсборо. Но больше мы ничего не смогли от нее добиться. Очевидно лишь то, что она так трепетно относится к этому воспоминанию, что не проявляет никаких признаков ни сожаления, ни раскаяния. Она дошла до того, что почти улыбалась

перед своим разгневанным отцом. Единственное, что ее огорчило, это то, что она потеряла ребенка, которого ожидала в тайне от всех. Я думаю, что она была бы горда и счастлива, если бы произвела его на свет.

На все наши упреки она отвечала иногда: мадам Анжелика меня бы поняла. Что выводило из себя Габриэля... и что в результате обозлило его против вас.

Я не думаю, что слишком сурово обошлась с ней, ведь я ей всего лишь мачеха. Я сказала ей: Северина, тебе нужно повзрослеть, перестать быть такой дерзкой и легкомысленной.

Но она не может простить нам того, что, как она поняла, мы рады были этому выкидышу, так как смогли избежать скандала.

— Да, с ней всегда было нелегко, — подтвердила Анжелика. — В Ла Рошеле она чувствовала себя униженной из-за того, что она протестантка. В результате ее мятежная натура стала сопротивляться приказаниям взрослых. Но я не поощряла ее, Абигайль, вести себя так свободно и не проявляя элементарной осторожности. Так как беременная девушка, как бы ни сильна была ее любовь, — это всегда трагедия.

Я очень огорчена, что она доставила вам такое горе, уверяю вас, что я вполне разделяю его с вами и понимаю, что вы осуждаете ее, несмотря на то, что я католичка, а вы — протестанты.

— Анжелика, — сказала Абигайль, беря ее за руку, — ничто не сможет разделить нас. Вы моя сестра. И даже более того — друг. По многим вопросам наши точки зрения различны, это правда. Но когда вы прибыли к нам в Ла Рошель, то, казалось, в наши мрачные жилища проникло солнце и морской ветер. Вы мне напоминаете тех ангелов-посланников из Библии, появляющихся в сиянии лучей, которые не кажутся такими уж нежными тем, кто робок и малодушен. Они, однако, помогают нам, придя, чтобы напомнить, что

Божий день близок, что необходимо очнуться и выбрать правильный путь.

Именно такой я приняла вас, с сознанием того блага, которое приноси! ваше присутствие в нашей жизни. Я всегда любила Габриэля, но слишком снисходительно, я это признаю. Я знала, что вы пришли для того, чтобы его встряхнуть, помочь ему выбрать свою правильную дорогу.

— И на этой дороге он должен был понять, что вы созданы для того, чтобы идти рядом с ним бок о бок, вы, такая замечательная, которую он не видел, погруженный в свои бухгалтерские книги.

— Разве Господь Бог вдохнул жизнь в человека только для того, чтобы тот вел скучное существование? — сказала Абигаиль.

— Вашему Габриэлю посчастливилось в том, что вы рядом с ним, и я постараюсь ему это напомнить.

— В некотором смысле и я, и он, мы понимаем, что хотела сказать Северина, ссылаясь на вас, когда говорила о любви. Ведь я тоже обязана вам тем, что лучше поняла, что такое любовь. Я поняла, что любовь — это Дар Божий, и что нужно отдаваться ей без угрызений до конца, — добавила она, слегка покраснев.

Я знаю, что и сегодня я не смогла бы дать Габриэлю того, что могли бы вы. Но пусть так. Зато то, что могу ему дать я, он может получить только от меня. Я приношу ему утешение, успокоение. Он слишком боится всего, что выходит за рамки дозволенного. Но у всего есть свои границы. Моя покорность не означает, что я сдала позиции.

Я не могла одобрить его поведения по отношению к вашим друзьям из Салема, ни также того, что он излишне обвинял вас в том, что произошло с Севериной.

— Абигаиль, вы — мое утешение. Я знала, что вы можете стать хорошей супругой, но мне так приятно видеть, что вы меня не разочаровали.

— Вы научили меня держать голову высоко и при более тяжких обстоятельствах для женщины, чем те что я переживаю. Я запомнила ваш урок. Чего только не пришлось пережить нам на этом берегу океана.

— Сирики считает, что здесь часто дует ветер Дьявола.

— Страсти бушуют. Ветер дует и стихает. Когда все успокоится, мы будем радоваться тому, что не дали этому вору занести нас слишком далеко.

— Может быть, это Натанаэль де Рамбур, — размышляла Анжелика, возвращаясь к происшедшему с Севериной. — Больше никому. Я поговорю с Севериной а также с господином Берном. Он должен будет меня выслушать. Его отцовские неприятности не могут извинить то, что он повел себя как домашний тиран.

Они разговаривали долго. Анжелика была единственная женщина, которой могла поведать то, что накипело у нее на сердце.

Узнав, что Анжелика собирается гадать на картах, чтобы узнать будущее, Абигаиль пришла в ужас, так как еще и теперь, и может быть даже скорее, чем раньше, такие занятия могли привести на костер.

— Но мне необходимо узнать основные линии моей судьбы, — сказала Анжелика. — И что за победа меня ожидает.

— Ладно, не мне вас отговаривать, — призналась смеясь, Абигаиль. — Мне ведь это так же интересно, как и вам.

Глава 14

— Вы помните, как была расположена эта звезда? — спросила Анжелика.

Конечно! Это была очень красивая звезда. И мы часто раскладывали ее перед собой, рассматривая и думая о тебе.

На вершине скалы Анжелика, Руфь и Ноэми сидели на траве вокруг гранитной плиты, на которой Руфь раскладывала карты, вынимая их из большого бархатного мешка.

— Вот КОЛЕСНИЦА, которая тебе так не понравилась, — говорила гадалка, указывая на карту. — Мы не успели рассказать тебе, что она имеет несколько значений. Но когда она ложится первой в верхнем ряду, а напротив находится ШУТ, это означает непредвиденное путешествие... которое произойдет... хотя к нему не готовились... Быстрый отъезд без приготовлений.

— Как тогда, когда мы в несколько часов покинули Ла Рошель.

Здесь, в Новом Свете, их путешествия были предвидены и подготовлены. Имели всегда определенную цель. В конце зимы они вернулись в Голдсборо. Затем плавали то в Новую Англию, то в Новую Францию, с оружием и багажом, развозя подарки, товары и запасы продуктов.

— Вы говорили о бегстве?

— О слишком поспешном отъезде, — ответила молодая женщина. — Во всяком случае ШУТ лег напротив: это означает «поездка»... неожиданная, «похожая на бегство».. Но нужно помнить, что КОЛЕСНИЦА, сама по себе имеет двойное значение, так она означает еще и «победу над врагами». Итак, я сказала бы, что это путешествие, которое похоже на

бегство, так как решение о нем будет принято быстро и неожиданно, поскольку это путешествие будет предпринято, чтобы остановить или обезвредить врагов.

— Какое путешествие и в каком направлении? — спросила Анжелика.

Руфь взяла ее за руку, чтобы успокоить.

— Успокойся. Это путешествие — не самое главное событие для тебя. Силы, собранные здесь, очень могущественны. Это силы Дыхания. Будь почтительна с ними и соблюдай спокойствие. Звезда красива. Еще ничего, не совершилось. Решение твоей участи приближается, но сегодня, как и год тому назад, это лишь предвестие того, что тебя будет окружать в тот момент, когда Начнутся главные события твоей жизни. Я сейчас расскажу тебе, какой картой будут управляться другие аршины, и каков их тайный смысл.

Я вижу здесь СИЛУ, а напротив нее — ПРАВОСУДИЕ. Сила — это лев, символ солнца, это может быть какой-то монарх. Во всяком случае, это могущественный человек лицом к лицу с правосудием. Это означает, что этот человек, кем бы он ни был, сложит пред тобой оружие, отдаст тебе то, что он тебе должен. Справедливость торжествует. Равновесие восстанавливается и надолго, так как это то, на чем будет строиться вся твоя будущая жизнь. Чего еще лучше можешь желать ты, женщина, так долго сражавшаяся за то, чтобы твой голос был услышан тираном или властелином, или неважно каким мужчиной, который поправил твои права женщины?

На противоположной оси находятся ЗВЕЗДЫ и Умеренность, подтверждающие общую линию победы и ее продолжительности с той большей уверенностью, что эта победа будет результатом долгого и разумного постоянства.

ЗВЕЗДЫ — это терпение, это принятие жизни такой какая она есть: несовершенная, порой нелепая, но все равно чудесная и пьянящая. Умеренность рядом с Звездами усиливают те прекрасные карты, которые тебе выпали. УМЕРЕННОСТЬ означает — то, что было во тьме выйдет наружу. Из черной тины блеснет золото. Иди к цели, не следует торопиться, надо позволить событиям естественно развиваться...

Оппозиция Звезд и Умеренности — это вовсе не плохо. Почему сначала Звезды, а затем Умеренность? Это самое лучшее расположение. Так как терпение звезд напоминает нам о том, что ты защищена космосом.

Наконец, в центре находится карта, означающе МИР. Это — символ успеха Прочного, успеха на всю жизнь. Так как эта карта означает также долгую жизнь Ты — героиня, и знай, что множество путей открывается перед тобой. Получив освобождение, ты сможешь сделать свою жизнь такой, какой захочешь, и прожить еще несколько жизней. Тебе принадлежит время, высшая победа, и не только в материальном и практическом плане. Так как фокусник не выпал в этом гадание.

— А где ФОКУСНИК?

— Это карта, которая осталась неперевернутой. И действительно ей нечего делать здесь.

ФОКУСНИК — это фигляр, балансирующий в шатком равновесии на своей проволоке, означает удачу в торговле, в денежных делах и проектах Вам он уже не нужен. Звезда Давида, которую мы видим перед собой, имеет другие амбиции.

Наклонившись над картами, Анжелика рассматривала то, что было изображено на карте МИР: человеческое существо необычной красоты, увенчанное лавровым венком, держащее в обеих руках золотые жезлы, а вокруг — дождь из серебряных капель.

— Это женщина, так как она обозначает тебя, и ты видишь, что она осыпана всевозможными милостями. Это эйфория победы.

— А что она держит в руках?

— Вначале это были лучи, а потом они приняли более грубую форму жезлов, как на изображениях восточных статуй мы видим лучи, означающие теллургические силы. Здесь собраны все силы. Добро и Зло. Слабость и Сила, Инь и Янь, то есть мужское и женское начало. Все в твоих руках. Полный триумф.

— Когда это произойдет?

— Это уже произошло! — прошептала англичанка. Но во времени и в пространстве ты должна пройти еще одно испытание.

И она указала пальцем на карту, обозначавшую ШУТА.

— Об этом говорит он, ШУТ. Так как Колесница, которой ты боишься, неопасна. Но находящийся рядом с ней ШУТ означает испытание. ШУТ — это не глупец, как многие его часто интерпретируют. Это лишь тот, кто не похож на всех, некто, кто отличается. Тот, о котором ничего нельзя сказать, так как мы не знаем, в чем его отличие.

Это человек, не соответствующий тем законам, которые устанавливаются между людьми и делают их похожими между собой. Он не такой, как другие. Что вовсе не означает, что он не может быть замечательным. Это тот, кто не виновен, но кажется виновным в глазах людей и закона, устанавливаемого обществом. Его закон — внутри него самого, а его Судья — наверху. Это тот или та, которые допускают или совершают некоторые безумные поступки, за которые их порицают, а иногда и отвергают. Они совершают их не из-за любви к безумству, а подчиняясь высшей мудрости, горящей в них, помимо их собственной воли...

Она остановилась и обвела их всех по очереди взглядом.

— Это ты, это мы. Это человек, которого ты любишь, граф де Пейрак, твой супруг, связанный со всеми и в то же время стоящий отдельно от всех... Это тот человек, вон там, — добавила она, указывая в направлении англичанина в голубом сюртуке, продолжающею свое суровое наблюдение, готовый выстрелом пистолета прикончить любого, кто попытается причинить зло этим двум несчастным женщинам, которых считали опасными сумасшедшими и колдуньями. — И человек из Лондона, это капитан в красном сюртуке, забывший нас, и приехавший за нами, чтобы отвести к тебе.

— И Бриан Невлин, конечно, тоже? — сказала Анжелика.

— Да, это правда. Спасибо, сестра моя, что ты вспомнила о нем. Итак, нас довольно много, хоть мы и разобщены, мы — Шуты старшего аркана, кружащиеся в хороводе. И у каждого — свой злой пес, кусающий его за пятки. Укус, заставляющий проснуться Шута, забывшего свое предназначение. Спать запрещено, мессир Шут. К тому же, он — независимый Судья, не забывайте. А для чего нам дана свобода выбора, если мы его не делаем и спим? Укус! Пес хватает нас за пятки. Нужно проснуться, нужно действовать. Необходимо преодолеть выпавшее на нашу долю испытание, иначе то, что уготовано нам судьбой, не осуществится. Что касается тебя, ты знаешь уже, что ты сумеешь преодолев испытания, так как эти карты говорят о твоей победе.

— Если это не путешествие, то какого рода это испытание? — спросила Анжелика после некоторого молчания, так она боялась услышать тот ответ, вокруг которого ее мысли крутились с самого начала, как бродит лиса вокруг курятника.

Эта звезда с такими яркими лучами, уготовившими для нее, казалось, столь счастливое будущее, полное успехов и удач, не скрывала ли она в блеске своих ослепительных лучей ядовитый шип?

А эта собака, свирепый пес?.. Необходимо было очень серьезно отнестись к этому символическому псу, к которому Руфь и Ноэми, как ей показалось, отнеслись без должного внимания, слишком снисходительно, так как без сомнения, им самим слишком часто приходилось испытывать его укусы.

На вопрос Анжелики Руфь ответила:

— Я не знаю.

Затем, видя, что ее ответ разочаровал Анжелику, она попыталась хоть что-нибудь сказать ей. Бросив взгляд на Ноэми, она погрузилась в глубокие раздумья.

Уперев локти в колени, обхватив лицо ладонями, она устремила свой взгляд вдаль, за горизонт, за голубое пространство моря, усеянное мелкими островами, непрерывно движущееся, как шелковое полотно, встряхиваемое чье-то безмятежной рукой, собирающееся складками вокруг скал.

От долгого созерцания этой картины появлялось головокружение. Порой налетал ветер, и одно из его дуновений сорвало капюшон с Руфь Саммерс, и ее волосы развевались на ветру. Бледно-золотого цвета, они казались ореолом вокруг ее лица. Среди белокурой массы волос Анжелика отчетливо увидела седые пряди, те, что появляются преждевременно из-за внутренних терзаний, неизлечимых душевных ран, несправедливых обид. «Колдунья!..» И Анжелика вспомнила колдунью из своего детства. Была ли это Мелузина первая или Мелузина вторая?.. Скорее первая, та, которую повесили. У нее были прекрасные вьющиеся седые волосы, распущенные по плечам и украшенные цветами, что придавало ей вид счастливой старой девочки. Она более, чем Руфь Саммерс, походила на

крестьянку, и была не такой худой, но такой же мудрой и проникательной... Колдуньи!.. Деревенские колдуньи! Сколько раз в детстве Анжелика ходила с ними гулять! Сколько тайн они ей открыли... Лесные колдуньи!.. Сколько их сгорело на кострах за все это время!

Молодая англичанка все еще была погружена в размышления.

Наконец, она произнесла торжественным и почти замогильным голосом:

— Ты будешь разговаривать с мертвым! Анжелика почувствовала, как ледяная дрожь прошла по ее телу.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я в точности не знаю, — ответила англичанка, качая головой. — Это расплывчато! Это странно!

Анжелике вовсе не хотелось встретиться с видением из потустороннего мира, подобно матушке Магдалине.

— Я не хочу беседовать с мертвым.

Как же ты непокорна! Ты хочешь узнать свою судьбу, ты хочешь знать все о Невидимом, и ты ни на что не согласна!.. А если бы тебе выпала участь быть ненавидимой, гонимой, побитой камнями?.. Как нам? Что ж, я уже все это испытала!..

— Да, ты права, моя дорогая. И все устоится! Ты принадлежишь к стану победителей. Вокруг тебя будет лишь слава и триумф... И пойми еще кое-что. Нельзя читать предсказания таро буквально. Наша интерпретация — это лишь одно из толкований. Как я тебе только что говорила, например вот эта карта — это может быть король, ваш монарх, а может быть твой супруг, или какой-то другой мужчина, похожий на них. Это мы можем узнать лишь потом... Перед нами является лишь символ. Мы не должны давать волю нашему слишком несовершенному воображению. Будь покорна и терпелива перед предсказанием. Настанет день, когда ты все поймешь.

Затем они принялись смеяться, как дети, которым одним лишь известны тайные причины и их ссор, и их забав.

Волны бились об скалу, и ветер разносил соленые брызги.

Все было тихо и спокойно, все дышало согласием. На далеких просторах Французской Бухты виднелись белые паруса кораблей и поумневшие силуэты рыбачьих лодок. В тумане их контуры казались размытыми, и они плыли как бы в элегическом сне.

Ветер играл волосами трех женщин, склонившихся над магической звездой.

Глава 15

«Они не рассказали мне ни о «Сверкающем человеке», ни о «Папессе»... — подумала Анжелика, спускаясь в порт, чтобы проводить своих друзей. Она не была полностью удовлетворена. Несмотря на все их уверения в несомненном триумфе и окончательной победе, Анжелика, привезшая из путешествия в Новую Францию смутное ощущение опасности, удивлялась тому, что ее гадалки забыли рассказать ей об этих двух персонажах, о которых сами же ей когда-то с ужасом сообщили. «Черный мужчина» и «Черная женщина», его сообщница, которых они называли тогда «Сверкающий человек» и «Папесса», и о которых они говорили так точно и подробно, что это было удивительно, так как они ничего не знали о них и никогда о них не слышали.

Что ж! Они были мертвы и похоронены. Забывчивость гадалок ее успокоила.

Но Анжелика хотела бы, чтобы Руфь и Ноэми полностью развеяли ее опасения по поводу мимолетных предчувствий и тревог.

А Руфь сообщив ей об «испытании» и определив, правда без особой уверенности, но и без колебаний, «болезненность» этого испытания, больше ничего не объяснила. Это могло означать лишь то, что либо она была рассеянна, либо менее привязана к Анжелике, чем тогда в Салеме, а может быть ее силы были подорваны смертью Агарь и испытаниями, пережитыми в тюрьмы больше, чем она полагала, и она уже не могла так ясно предвидеть как раньше. Она была совершенно уверена в полной победе Анжелики. Будущее Императрицы, в которой карты узнали Анжелику, было окутано лучами славы.

Настало время прощаться.

Руфь Саммерс повернулась к Анжелике.

— Не тревожься!

— Но разве мои тревоги напрасны?

— Ты тревожиться несвоевременно. Это глупо. Ты расходуешь силы, борясь с призраками.

В порту было чуть больше народу, чем в день их возвращения.

Жоффрей пришел проводить англичанок. Он передал им подарки и среди прочих — кусок черного драпа, для того, чтобы они смогли сшить себе более удобные плащи.

Стоя рядом с ним, Анжелика смотрела на лодку увозившую ее подруг. Лодка плясала на волнах, и они стояли, прижавшись друг к другу в своих черных платьях с длинными капюшонами, делавшими их похожими на двух черных воронов, среди английских офицеров и дворян, одетых в голубые и красные сюртуки, в шляпах с галунами и перьями, с кружевными жабо и манжетами, и матросов в красно-белых полосатых колпаках, налегавших на весла, напевая прощальную песню, привезенную с берегов Темзы.

Они возвращались в Салем, очаровательный маленький городок Нового Света с лилиями, цитрусовыми деревьями и позорным столбом.

Глава 16

— Пойдем, ты поможешь мне, — сказала Анжелика Северине Берн.

После отъезда англичанок, чье присутствие так переполошило жителей Голдсборо, но к которым многие из этих жителей приходили тайком, чтобы получить помощь или лекарство, Совет города постановил превратить помещение на скале в госпиталь.

Столяры и плотники принялись за работу. Они укрепляли балки, дверные замки, чинили продырявленную крышу. Вдоль стен были устроены длинные этажерки для хранения пузырьков, коробок, тазов, ступок. Были принесены два больших пустых сундука для белья, ваты, бинтов, масло и подсвечники для освещения, запас дров.

Оставалось только подмести пол, вымыть стол и табуретки.

Анжелика поднималась по тропинке в сопровождении юной девушки, а за ними следом бежала целая стайка жизнерадостных девчушек, среди которых находились Доротей и Жаннетон с острова Монеган и маленькая англичанка, спасенная во время резни в Брунсвик-Фолс, Роза-Анна, дочка Вильямсов.

Несколько позже, когда маленькие помощницы унесли корзины с мусором, Анжелика и Северина, вооружившись солидными вениками из березовых прутьев, принялись энергично подметать площадку перед домом.

Анжелика начала атаку.

— А теперь скажи мне, есть ли у тебя новости от Натанаэля де Рамбура?

— При чем тут он? — спросила Северина, отводя глаза.

— Потому что, может быть, у него есть весьма веские причины интересоваться тобой.

Северина пожала плечами и насмешливо фыркнула.

— У него? Это меня удивило бы. Что у него в голове?.. Ничего. Более, чем ничего. Он блуждает, как большая чайка, сбившаяся с пути во время бури!.. И хуже того. Чайка пытается найти свою стаю, озабоченная ее существованием. В то время, как он, НИЧЕГО!.. Он не думает ни о чем! Строит туманные проекты. Ничего не знает.

Она перестала подметать и повернула к Анжелике свое лицо с большими черными тазами, живыми и блестящими.

— Представьте себе, что он не знал даже, откуда Происходит это слово «гугенот», которым наградили нас, французских реформаторов. Он не знал даже, что это искаженное немецкое слово «айдгеноссен», которое означает «союзники» и которое было переделано в «ейгенет» нашими сторонниками в Женеве, хотевшими примкнуть к швейцарской Конфедерации против французского герцога в Савойе.

4 А так как позже мы кальвинисты, объявили себя противниками всех старых доктрин, наши враги, католики, нам дали это прозвище, пришедшее из Женевы, города Кальвина: «ейгенет», которое понемногу превратилось в «гугенот». Мне все это известно. Тетушка Анна такая умная и ученая, а я подолгу живу у нее. Но он! его невежество!.. это стыд!..

Мой отец был прав, говоря, что дворяне-реформаторы еще более глупы и необразованы, чем дворяне-католики.

— Если ты находишь его таким глупым, таким непривлекательным, тогда я не понимаю, почему ты...

Северина принялась яростно подметан», затем бросила веник и кинулась в объятия к Анжелике.

— О, мадам Анжелика, это из-за вас...

— Не говори так! Твои родители обвиняют меня в самом худшем, в том, что я тебе давала плохие советы, оказывала дурное влияние...

— Это и в самом деле вы вдохновили меня, открыли мне, что любовь — это тайна. Раньше я думала о свадьбе, приданом, выгодной партии. И однажды я поняла, что в любви нет никакой логики. Что истинная любовь — это как удар молнии, что всякий любящий прав, но что мы теряем ее, так как не можем ее распознать, не можем склониться перед ней, не понимаем, что это божий дар... я не могу выразить все это словами... слова несовершенны... Можно было бы говорить часами об этом.

Это правда, я нахожу его глупым, некрасивым, неприспособленным к жизни. И тем не менее, как мне вам объяснить то, что произошло? Это было в прошлом году. То же самое английское судно, которое недавно увезло ваших друзей из Новой Англии. Тогда они поднялись к нам в дом, чтобы попрощаться с вами.

И меня охватило какое-то предчувствие. Я поняла, что он наверняка уедет, несмотря на то, что я потратила столько усилий, чтобы привезти его в Голдсборо. Он уедет, и я не увижу его больше. Я выскочила из дома через задний ход и побежала к площади. Я нашла его в толпе, как я и предполагала, несущего свой багаж, свой мешок, свой старый мешок к трапу корабля.

Начиная с этого момента, мне трудно объяснить вам, что произошло. Это было так, как будто мы шли по облаку. Как только я приблизилась к нему и наши взгляды встретились, он выпустил свой мешок, и мы взялись за руки. Мы шли не разговаривая, мы отошли далеко от корабля и углубились в лес. Какая сила

владела нами! Он не знал ничего. И я не больше, чем он. Это было в первый раз, мы любили друг друга в первый раз, ничего не зная об этом. Как это было чудесно, несмотря на боль! Небо засверкало, и он, он тоже преобразился в этом озарении. Мое поражение, переполнявшее его и переполнявшее меня!.. О!.. я уверена, что Адам и Ева в земном раю не были более счастливы. Вы были правы, мадам Анжелика. Экстаз стоит любых жертв, любых усилий.

Нет, не браните меня. Вы беспокоитесь за меня, так как я немножко ваша дочь, но я знаю, что вы одобряете тех, кто смело идет своей дорогой. Тот, кто всего остерегается, не такой уж хороший пример для подражания. Что же касается тех упреков, которые предъявили вам мои родители...

И Северина, смеясь, вскинула голову, и ее прекрасные черные волосы взметнулись как знамя.

— Нет! Нет! Дорогая Анжелика, это не только ваши слова или слова того письма, которое вы мне читали. Это ваш пример, скажу я вам! Это ваша личность. Это ваша супружеская жизнь заставила меня понять, что Любовь существует. И еще то, что у моего отца с Абилай... Я сказала им об этом, и мой отец разозлился на меня. Надо же мне было как-то защититься от его гнева, когда я вынуждена была признаться...

Затем, переходя от смеха к слезам, она загрустила, опустив голову.

— Я потеряла мой плод, — горько прошептала она. Сдерживая рыдания, она рассказала о своем горе. Она увидела, как течет ее кровь, унося ее надежды, возможности новой радости, той новой жизни, которую приносит рождение ребенка.

— Да, я знаю, я понимаю тебя...

Анжелика вспоминала о своем отчаянии в такой же ситуации. Ей тогда почти удалось выцарапать глаза тому дворянину, который вез ее в парижскую тюрьму,

как вдруг карета опрокинулась, и она поняла, что она потеряет эту грядущую радость.

В тот момент ей было все равно, что станет и с ней, и с Жоффреем. Ее не волновало ни прошлое, ни будущее, но лишь то, что она потеряла своего будущего ребенка. Так устроены женщины!

— Жаль, что вас не было тогда, мадам Анжелика! Никто не мог меня понять. Они были озабочены только одним, чтобы ничего не узнали соседи.

Анжелика пыталась заставить ее понять, насколько незаслуженное испытание, которому подверглись бедный Берн и его такая кроткая и добрая жена, могло нарушить все течение их жизни.

— Необходимость отвечать на ехидные замечания, терпеть несправедливую критику друзей, защищаться, защищать свою дочь, стараться создать невинному ребенку нормальное существование... Они бы выдержали это. Но кто знает, может быть им пришлось порвать со своим обществом, которое с таким удовлетворением торопится осуждать? И покинуть Голдсборо? А Лорье? А Марциаль? Мир так устроен. Ты не можешь сердиться на них за это.

— Я обижена на них и никогда им не прощу.

— Не будь такой непримиримой, глупенькая девочка! Теперь ты — женщина, а не избалованная шалунья, которая думает, что она должна получать все от жизни других людей. Ты верна этой любви! Хорошо! Готовься к встрече с супругом. Я напишу мэтру Молину в Нью-Йорк. Он нашел моего брата Жослена, исчезнувшего на долгие годы. Я буду очень удивлена, если ему не удастся обнаружить место пребывания твоего Натанаэля. Значит, это о нем ты думала, когда ты мне сказала: «У меня в сердце — тайная любовь, которая помогает мне выжить»?

— Да.

Анжелика рассказала, что эти слова произвели на маленькую Онорину такое сильное впечатление, что она, положив руку на сердце, сделала такое же заявление при их расставании в приемной Маргариты Буржуа.

— Онорина! Милая маленькая сестричка! — сказала Северина с грустной улыбкой. — Она такая непредсказуемая и забавная! Я бы дорого дала, чтобы узнать имя этой тайной любви! Мы этого наверняка никогда не узнаем. У нее всегда были собственные мысли, которые ей казались слишком важными, чтобы поверять их «этим безответственным взрослым».

Они продолжали подметать молча. Наконец Анжелика спросила:

— Значит, никаких новостей?

— От него? Никаких. Но я не отчаиваюсь и ожидаю без нетерпения. Я жду, что он вернется. И не хочу никого другого. Он вернется. То, что мы пережили вместе, никакая другая женщина не сможет ему дать. И он не сможет это забыть. И я — тоже.

Глава 17

Габриэль Берн становился у тропинки и неодобрительно посмотрел на группу молодых девушек и детей, которые втихомолку смеялись, глядя на троих сыновей старого Мак-Грегора и их отца, одевающих свои шотландские пледы. Эта процедура могла показаться забавной и вызвать любопытство прохожих, но не являлась чем-то предосудительным.

Однако, она, казалось, вызвала у мэтра Берна какие-то неприятные и горькие размышления. Он так был занят ими, что заметил Анжелику только за несколько шагов и не успел избежать с ней встречи, что он в последние дни всегда делал.

Анжелика, напротив, везде его искала и не хотела уехать из Голдсборо не высказав ему всего. Заметив его, наблюдающего за этой уличной сценкой, она поторопилась подойти к нему.

Раздосадованный тем, что его застигли врасплох, ее прошлый хозяин в Ла Рошели перешел в атаку.

— Посмотрите на этих вертихвосток! — сказал он, сделав жест в сторону насмешниц, даже не подумав поздороваться с Анжеликой. — Они кудахчут, как курицы, нашептывают непристойности по поводу этих грубиянов, которые позволяют себе появляться среди бела дня в пристойном общественном месте без штанов!

Анжелика обратила внимание на сцену, вызвавшую такое негодование.

В свете ясного утреннего солнца на пороге хижины, где они ночевали, появилось трое здоровенных молодых людей вместе со своим таким же могучим, несмотря на свои белые бакенбарды, отцом. Действительно, на них были только широкие рубашки.

Эти шотландцы Нового Света носили свою традиционную рубаху из материи, окрашенной в цвет шафрана, которая называлась ирландским полотном. Этот материал некогда пропитывался соком гороха, чтобы он выдерживал дождь и соленые брызги моря.

Они расположились на некотором расстоянии друг от друга и начали с того, что с важностью одели большие синие береты с помпонами, затем натянули красные шерстяные носки и подвязали их веревками под коленками. Рубашки их раздувал ветер, что раздражало мэтра Берна.

— Они не носят нижнего белья! В Лондоне я слышал, как их офицеры говорили, что это очень удобно, когда их подвергают телесным наказаниям.

Уже давно не имея дело с армией, шотландцы острова Монеган были далеки от подобных воспоминаний. Завязав двойным узлом свои шарфы, они приступили к самой важной части одевания — драпировке своего большого пледа с рисунком и цветами своего клана — клана Мак-Грегора, приехавшего из Шотландии с сэром Вильямом Александером в 1628 году и расселившегося по берегам Французской Бухты.

Прежде всего мужчины положили свои поясные ремни на землю, затем разложили на них свои клетчатые пледы, которые ночью служили им одеялами, таким образом, чтобы часть, которая служила им юбкой или «килтом» была более короткой. Они тщательно заложили складки пледа таким образом, чтобы края поясных ремней слегка высывались. Шотландцы улеглись на плед так, чтобы край пледа приходился примерно под коленями, задрапировались в плед и затянули пояса. Затем, поднявшись, они расположили каждый по своему вкусу складки верхней части пледа на плечах. При плохой погоде они одевали верх пледа на голову как капюшон.

Привыкнув служить забавой для толпы, когда они находились за пределами своего острова, они весело приветствовали маленьких зрителей, которые им поаплодировали, и последовали за ними на площадку к «Трактиру-под-Фортом».

Берн отвернулся, не ответив на их дружеское приветствие.

— У нас полно нежелательных людей, людей не имеющих представления о приличиях.

— Мне кажется, что это скорее ваша беспокойная совесть заставляет вас виден, плохое в гостях Голдсборо, а из них эти люди с острова Монеган — самые приятные. Хотя они и шотландцы и без нижнего белья если это вас беспокоит, мною шансов за то, что они станут пресвитерианцами, преданными Реформе. Но, хватит. Я должна во многом упрекнуть вас, мэтр Берн и не думайте, что вам удастся этого избежать!

Как вы посмели так обращаться с такой прекрасной женщиной, как Абигаиль, посмели запереть ее, как пленницу, помешали ей позвать на помощь, разлучили ее с детьми. Я первый раз слышу, чтобы цивилизованный человек позволил себе подобное незаслуженное обращение со своей супругой! А Бог свидетель, я много встречала в своей жизни хамов и недостойных людей! Никто из них не позволил себе подобного. И надо же чтобы так повели себя вы, мэтр Габриель Берн из Ла Рошели!

Вы заслуживаете того, чтобы она повела себя как ее тезка Абигаиль из Библии, которой в конце концов на доел ее медведь-муж Набал, человек из Маона, человек очень богатый, с поместьями в Кармеле. «Имя этого человека было — Набаль и жена его называлась Абигаиль. Это была разумная и красивая женщина, но муж ее был злым и жестоким...»

Вы знаете, что произошло с этим Набалем, когда жене его надоело исправлять все его несправедливости

и предотвращать кровопролития, которые могла вы звать его грубость и злонамеренность? Вы это знаете. Или напомнить вам?

— Нет, ради Бога! — запротестовал Берн, который напрасно пытался ее прервать. — Бесполезно! Я знаю Библию лучше вас.

— Это еще надо посмотреть. Во всяком случае я не буду делать вид, что не знаю причины, которые заставили вас повести себя так непростительно. Вы хотели помешать ей принять моих друзей, которые приехали из Салема, чтобы увидеться со мной. Что вы можете сказать в свою защиту? Что вам сделали эти женщины? — Они — англичанки, колдуньи и грешницы.

— «Пусть тот, кто из вас без греха, первый бросит в них камень».

Она знала, что мэтр Берн не выносил, когда она начинала цитировать Писание. Несмотря на то, что он восхищался ею, тайно поклонялся ей, он считал, что ее образ жизни, ее мысли являются «безбожными и распущенными», и ей не подобает ссылаться на Священное Писание, а ее упоминание Библии и истории Абигайль, супруги Набаля, были ему как нож острый, тем более, что он не мог ничего возразить. — К тому же, — продолжала Анжелика, — они красивы и милы в обращении, что раздражает некоторых женоненавистников с мрачным и завистливым характером. Я не хотела бы считать вас таким.

— Было сказано: «Ты не позволишь жить колдунам».

— А я возражаю: они делаю только добро. В Писании сказано: «Дерево познается по плодам его». Что касается отвратительного поведения, которое вы позволили себе не только по отношению к Абигайль, но и по отношению к моим английским друзьям, — знайте, что мне очень неприятно видеть, что дорогих мне друзей отвергают другие мои сердечные друзья. Это ставил Меня перед печальной необходимостью выбора

между ними. Это разрывает мое сердце, я этого не сделаю. Но я вынуждена плохо относиться к тем, кто из-за недостатка милосердия ставит меня перед...

Берн краснел, бледнел, задыхался.

— Признайтесь, однако, что женщины, о которых вы говорите, очень странные и необычные. И признайте, что вы были неправы, сделав их своими друзьями, — сказал он тоном, не допускающим возражения, хотя и чувствовал, что как всегда не в состоянии устоять Против ее рассуждений и сияния ее зеленых глаз.

Это не прошло ему даром. Глаза Анжелики потемнели, как небо перед грозой. Она ударила бы кулаком по столу, если бы он был поблизости.

— А вы, мэтр Берн, — не считаете ли вы себя несколько странным? И знайте, что у меня может быть много поводов порвать дружбу с вами из-за зла, которое вы сделали, хотя я и окажусь неблагодарной за то добро, которым я вам обязана.

Габриэль Берн был так раздражен и сбит с толку, что он начал идти большими шагами, размахивая руками, и не находя нужных слов, только произносил бессвязные фразы.

— «Опасность для наших детей... Достаточно даже издали их увидеть.. Пример всякой мерзости...»

Анжелика, не обращая внимания на его состояние следовала за ним.

— Вы были снисходительны к грешницам в дни вашей молодости, — продолжала она. — Я помню, что возвращаясь с друзьями — студентами из храма в Шарантоне после богослужения — и увидев женщину, которая босая бежала под дождем, вы посадили ее к себе на лошадь. Если я вас правильно поняла, теперь бы вы оставили ее топтать по грязи, бедную женщину легкого поведения, торопившуюся в Париж.

— Не говорите так! — возмутился он.

— И кем еще я была в ваших глазах в то время? Однако вы были великодушны — искренний и дружелюбный молодой человек, полный сострадания и без всякой задней мысли воспользоваться моим беспомощным положением.

— Люди меняются с годами, — защищался Берн, — с возрастом появляется груз ответственности, и это заставляет нас быть умнее. С того времени, как по настоянию отца я поступил в судейское сословие, я остепенился, я стал заурядным человеком. Я — не герой. Да, в юности гредишь о подвигах, о справедливости для всех несчастных, о преобразовании общества. Но позднее я стал понимать моего мудрого отца. Как и он, — я человек, который отвергает всякий риск, не воинственный, почитающий законы.

— О, конечно! У меня есть доказательства этого Воинственность? Мне кажется, у вас ее было достаточно, когда вы защищали от грабителей ударами палки повозки со своими товарами около Сабл-д'Олони. И тогда, когда вы в Ла Рошели на моих глазах придушили сыщиков Бомье и захоронили их тела под тюками с солью, в то время, как полицейские и религиозные уполномоченные, которые искали предлога, чтобы вас засадить в тюрьму, стучались в вашу дверь! Мне кажется, вы не всегда так почитаете законы!

Габриэль Берн подскочил, застыл на месте и посмотрел на нее растерянным взглядом, как будто упоминаемые ею события совсем изгладились из его памяти.

Она улыбнулась, довольная, что напомнила ему времена его ярости и неукротимых стражей. Он сделал над собой усилие, чтобы заговорить спокойно.

— Прежде всего, — начал он, — в те времена, когда мы жили во Франции, обыватели должны были научиться сражаться, чтобы сохрани и, свое имущество.

Их прежние защитники — дворяне — обнажали свои шпаги только для дуэлей или чтобы покрасовался перед королем. Кроме того, Ла Рошель со времени Ришелье является покоренным городом, занята людьми, чуждыми городу, врагами, стремящимися изгнать из нее коренных обитателей. Мы, гугеноты, первые из последователей Реформы, в течение более столетия продолжали борьбу, из поколения в поколение. Я не знал ничего другого и не мечтал ни о чем другом.

— Если я вас правильно понимаю, вы были заурядным обывателем, мирным и беззаботным. В самом деле, жизнь в Ла Рошели была проще, чем здесь. Там вы должны были платить двойные пошлины, поскольку вы были протестантом, должны были платить за обращенных в католичество, так как им не надо было платить в течение нескольких лет вы жили в покое с вашими детьми, которых ловили на улице и передавали иезуитам, с «провокаторами» из полиции, которые приставали к вашим женам и дочерям и которых вам пришлось удушить собственными руками перед тем, как поместить в чан с солью, а затем отправить их в колодезь г-на Мерсела, вы...

— Это была борьба к которой мы привыкли! — вскричал Берн. — И потом дело не в этом. Вы не можете понять. Разориться — это для таких людей, как мы, как мой отец и дед — это почти как потерять жизнь, быть может еще хуже! Именно это озлобляет и делает жестоким. Это — неуменье, стыд, это раздирает сердце! Когда путем работы, жертв достигаешь своей цели, приводишь свое дело к хорошим результатам, тогда чувствуешь себя в мире с Богом и самим собой. Чувствуешь, что ты выполнил свой долг по отношению к своим детям и своим предкам. Мой отец желал, что бы я принял и привел к процветанию его торговый дом.

Видя, что я собираюсь это сделать, он благословил меня на смертном ложе, передав мне плоды своих

трудов. Вы видели, как все прекрасно начиналось.

Я иногда упрекаю себя в том, что потерял все, что было нашим существованием, потерял плод труда нескольких поколений за несколько часов, оставил все в этих грабительских, расточительных и... католических руках. Настоящей добродетелью было — остаться в Ла Рошели, в наших стенах.

— И умереть на галерах?

— Не знаю. Быть может, это было бы лучше.

— Вот истинно мужское рассуждение! Вы не думаете об участии ваших детей, оставшихся бы без защитника!

Как бы подтверждая ее слова, появился молодой Лорье с покрасневшими щеками, с развевающимися по ветру волосами. С победительным и деловым видом он нес раковины, а следом за ним с берег моря шла группа детей с раковинами или сачкам, в руках.

Габриэль Берн отвернулся раздосадованный, отказываясь сдаться.

Вы заставляете нас быть героями!

— Если это все, в чем вы меня упрекаете, я своей вины не чувствую. Хотя воспоминания о том, как я убегала по пескам и болотам от драгун короля, подгоняв перед собой отряд строптивых гугенотов, чтобы их не искрошили саблями, — не принадлежит к самым лучшим и самым веселым воспоминаниям моей жизни.

Берн не ответил.

Они проходили в пылу спора последние дома поселка на опушке леса. Они оба понимали, что этот словесный поединок имел отношение к событию, которое не обходимо было обсудить: похождения любимой и виновной дочери мэтра Берна — Северины. Чтобы подойти к этой теме со стороны, он заговорил о своем старшем сыне, Марциале. Снова возник вопрос о том, чтобы послать его учиться в Новую Англию.

Занятия, которые он кое-как посещал в Ла Рошели, давно кончились, и молодой человек, довольно способный, угрожал превратиться в «бродягу по проливу», как называли в Шаранте мальчишек и подростков околачивающихся на воде. Они были такими же неразумными и ненадежными, как и «лесные бродяги», но не имели возможности разбогатеть добычей пушнины. Они зарабатывали, занимались саботажем вдоль берегов и между островами, которых было много во Французской бухте. Эти юнцы были непрочь заработать меновой торговлей, слегка сдобренной небольшим пиратством у берегов большого полуострова в тех случаях, когда корабль города-основателя запаздывал. В конце концов взрослые да слишком знали, чем занимаются эти мальчишки и какие неприятности может принести это сообщество старшим, которые больше не имели над ними власти. Их родители были вынуждены бежать со своей родины, и не переставали оплакивать блага, которые там покинули. Они, юные, были жителями Нового Света. Они уже могли лучше приспособливаться к его условиям, чем родители, и поэтому не считались с мнением старших.

— Если рассматривать положение дел с этой точки зрения, согласилась Анжелика. Но она сама и ее муж считали, что деятельность молодых «бродяг по проливу» была очень ценной для Голдсборо. Подростки патрулировали окрестности как авангард кочующего народа и охраняли их от неожиданностей.

Что касается до Марциала, то хотя он проводил половину своего времени на воде с приятелями, тем не менее он работал секретарем у губернатора Патюреля; он продолжал выполнять эти обязанности, поскольку молодой человек, предназначенный Анжеликой на замену ему, исчез, даже не соизволив попрощаться.

— Вы говорите об этом... этом Натанаэле де Рамбур?
— спросил Берн, который стал задыхаться и сделался похожим на разъяренного быка перед красной «мулетой» в испанской корриде.

— Я не удивлюсь, если этот рослый, бессовестный оболтус, был... был возлюбленным Северины, — закончила Анжелика — Ну что же, если это так, а это так, — почему так отчаиваться? Вы все время боялись что она влюбится в паписта. Теперь вы можете бы и спокойны. Могу вам подтвердить, что он реформистской религии и высокого рода. Вы не будете обесчещены, выдав за него свою дочь!

— Я буду обесчещен, выдав свою дочь за ни к чему не пригодного шалопаю, который ее уже обесчестил! — взорвался Берн, — Это знатные дворяне погубили дело Реформы.

Он произнес сбивчивую речь, в которой он обвинял знатных дворян в том, что они примкнули к делу Реформы не столько из религиозных убеждений, сколько для того, чтобы создать партию бунтовщиков против королевской власти. К счастью, буржуазия, благочестивая, суровая, работающая показала истинное лицо новой формы веры.

— Я говорю это, чтобы объяснить, почему я не считаю де Рамбура ни достойной партией, принимая во внимание отсутствие у него состояния, ни лестной партией вследствие его дворянского происхождения. Моя дочь Северина не стоит ни ниже, ни выше этого не во время подвернувшегося Натанаэля. Просто эти молодые люди не одной касты, не одного слоя общества. Это ставит между ними непреодолимую преграду и делает невозможным их союз.

— Мэтр Берн, — сказала Анжелика. — напоминаю вам, что мы находимся в Америке и вдали от предрассудков города, где вы родились. Ваши рассуждения о кастах несвоевременны и немодны.

Вот я перед вами — урожденная де Сансе де Монтелу. Я вышла замуж за графа Жоффрея де Пейрак де Моррен д'Ирристру. В нашем теперешнем споре, когда мы высказываем друг другу без стеснения горькие истины, — никакая граница каст нас не сдерживает хотя вы являетесь богатым буржуа из Ла Рошели, а мои дворянские грамоты восходят до короля Пун-Канета, или какого-то еще короля тех времен, в соответствии с изысканиями Молина.

— Вы, мадам, это другое дело!

— Нет. Здесь мы все разные — и все подобны друг другу. Это то, что сближает нас и дает нам мужество. Часто я опускаю глаза и смотрю на ваши башмаки.

— Мои башмаки — почему же?

— Потому что каждый раз — те ли это, которые вы носили тогда, или другие, — я вспоминаю, что они были на ногах спасителя, которого я увидела через окно моей тюрьмы, ноги человека, который проходил мимо, о котором я не знала, кто он — буржуа, судья, тюремщик и которому я кричала: «Кто бы вы ни были, спасите моего ребенка, который брошен один в лесу». Из-за этую воспоминания я никогда не поссорюсь с вами, хотя вы лого заслужили сотни раз!

Поэтому я возвращаюсь к тому, что меня огорчает сегодня. Некогда, когда вы приютили меня под своей крышей, вы сделали мне добро от чистого сердца. Вы часто были печальным и ворчливым, но вы были добры. Здесь, где у вас есть все, чтобы быть счастливым, почему вы позволили так ожесточиться вашему сердцу?

— В Ла Рошели я был у себя. Мне было легко быть добрым и справедливым. Повторяю вам. Я — обычный человек, и я думаю, что большинство людей — предпочитает свои привычки мимолетному, непрочному счастью, которое требует от них страсти, противной их натуре и которое интересуется их меньше...

— Чем привычка складывать цифры! Вы смешите меня, мэтр Берн! Я видела вас во власти страсти готовым пожертвовать ей и вашей торговлей, и вашей жизнью, и вашей душой.

Думаете ли вы, что только от вас потребовалась такая жертва? Кто может утверждать, что Авраам не любил свой добрый город Ур и что ему не было горько, когда Господь сказал ему: «Встань и иди в страну, которую я укажу тебе?»

— Довольно! — Мэтр Берн заткнул свои уши. — Я запрещаю вам, слышите, запрещаю цитируя мне Библию!

— Пусть так. Я замолкаю. Но и тут я должна вас поправить. Библия и Евангелие являются частями Священного Писания как для католиков, так и для протестантов. И напоминаю вам, что мы поклоняемся одному и тому же Христу.

Габриель Берн признал себя побежденным.

— Всегда приходишь к одному и тому же заключению, — сказал он. — Надо либо следовать за вами, либо вас потерять; вы все запутываете, все разрушаете! Вы заставляете нас взять рамки нашей жизни и сломать их. Крак, крак! Но знайте, что когда-нибудь это станет невозможным. Придет день, когда я не смогу уже больше следовать за вами, когда моя вера, мои взгляды вынудят меня порвать... вынудят меня отвергнуть... обоих. Вас и его. Несмотря на всю помощь и благодеяния, все, чем мы обязаны графу де Пейрак, это должно доказать вам, что речь идет не о личных чувствах, а о принципах.

Со своей стороны, я считаю, что дружба не является вопросом принципов или догм. Когда для кого-нибудь есть место в моем сердце, я не могу его легко вырвать оттуда, а вы знаете, что уже давно у вас есть там хорошее место. Мэтр Берн, я ваша служанка.

Исчерпав все свои доводы, он покачал головой.

— Вы просто обезоруживаете. — Он вздохнул.

— Женщинам нужна гармония. Они не могут жить, если их не греют их чувства.

Она взяла его под руку.

— Вы говорите — следовать за мной или меня потерять. Что за мысль! Я знаю вас, вы ловкий человек. Вы сумеете устроиться так, чтобы одновременно и не следовать за мной и не потерять меня.

Они возвратились по тропинке рука об руку.

— Он — сирота, — продолжала Анжелика, — бедный парень без семьи (он понял, что речь шла о Натанаэле). Он блуждает по берегу Америки, где ему ни где нет места, ведь он один, француз и протестант. У моего брата были подобные же проблемы — он бы один, француз и католик, до того как он нашел женщину, которую полюбил. Этот Натанаэль — это изгнанник, как и все мы, который должен был бежать, ибо на родине его ждала смерть. Я думаю, что вы разрешите мне написать Молину. Он знает все. Он найдет его и он узнает, каково положение с его наследством во Франции и каким образом возможно получить за него на и большую цену.

Однако, дела гугенотов во Франции идут плохо, если верить известиям.

— Однако, до сих пор существуют законы, на которые можно сослаться, так как они не отменены.

— Надо доложить королю, — сказал Берн. — Это должен сделать кто-нибудь, кому он будет доверять и кто ему не солжет. Может быть — вы? Анжелика вздрогнула и ничего не ответила.

«Господи, — подумала она. — Несчастные! Они воображают, что мое вмешательство может иметь какое-то значение в подобном деле. Что могу сделать я, женщина, живущая вдали, против союза иезуитов, ханжей, которые уверяют короля, что вся Франция обратилась в истинную, католическую веру, и Нантский

вердикт потерял силу, так как стал бесполезен. И потом мне придется вновь пересечь океан. Вернуться ко двору. Нет. Я еще не готова!»

У жилища Абигаиль кусты малины привлекали стайки горлиц, это были красивые птицы, хрупкие и изящные, с голубоватым оперением, с длинной, тонкой шеей. Их непрерывное воркование надоедало, и те, кто жил на опушке леса на это жаловались. Абигаиль, которая радовалась всему, любила горлиц. Она говорила, что их воркование усыпляет детей лучше, чем колыбельная песня.

С порога она с улыбкой смотрела на поднимающихся Анжелику и своего супруга.

— Вы не ревнуете, Абигаиль? — закричала ей издали Анжелика.

— Не сегодня. Но ревновала ужасно. Когда в Ла Рошели я обнаружила вас возле него и увидела — почти первый раз со времени нашего знакомства, что он поднял глаза от Библии или от своих подсчетов и смотрел на женщину другими глазами.

— Что я вам говорила, мэтр Берн?! Получили ли вы когда-нибудь это сокровище — Абигаиль, если бы вы остались в Ла Рошели? Только когда мы оказались под обстрелом посреди океана, и она увидела вас раневым, только тогда она выдала себя. Иначе она никогда не призналась бы вам в своих чувствах. Не правда ли?

— Никогда! — подтвердила Абигаиль. — Тем более, что вы были соперницей, чья красота и обаяние не давали мне никакого шанса. Я была в отчаянии, я была готова покончить с собой!

— Женщины совсем неразумны! — пробормотал Берн и прошел к себе с фальшиво-раздосадованным видом.

Но он покраснел под перекрестным огнем этого притворного спора, и он почувствовал, что совсем не было неприятно быть объектом соперничества двух

таких великолепных женщин. Без сомнения, он был моложе сейчас, чем в те времена, когда он сидел, уткнувшись в свои цифры.

— Но мужчины тоже неразумны! — согласился он усаживаясь на свое обычное место перед очагом. И он привлек к себе руку Абигаиль, которую он с жаром поцеловал — Неразумны, предпочитая привычку счастью... Счастью любить... Вы правы, мадам Анжелика.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ТВЕРДЫНЯ СЕРДЦА

Глава 18

Каждый год, возвращаясь в Вапассу к началу октября, Анжелика обещала себе провести хоть раз летнее время в своем любимом доме. Ей приходилось использовать солнечные месяцы для длительных путешествий по побережью или на визиты в Новую Францию и Новую Англию и она не могла жить в Вапассу во время цветения и сбора растений для лекарственных целей. К счастью, ее друзья Жонасы и некоторые женщины из обслуживающего персонала были ее учениками и во время ее отсутствия, следуя ее указаниям, занимались в указанное время сбором растений.

Никто, ни в одном доме, не бездельничал в Вапассу. Конец лета, великолепное, но часто такое короткое время, был особенно заполнен делами. Устраивали последние большие охоты, собирали много ягод и фруктов в долине и в лесу, собирали грибы, а вернувшиеся с юга после короткой радостной встречи должны были не мешкая заняться главными работами перед началом плохой погоды.

Нужно было сделать все, что зимой будет затруднительно, а может быть, и невозможно сделать. Дрова из леса были привезены, вязали вязанки хвороста, делали факелы. Ремонтировали сани, лыжи, рыболовные снасти. Раздавались последние удары молотков, когда пригоняли детали домов, скотных дворов и прочих строений, где семьи и домашние животные будут заперты за своими частоколами, верхушки которых будут едва видны под слоем снега.

Если зима обещала относительный отдых, каждый мог сказать, что он вполне заслужен.

Жилище это дело, которое надо непрерывно начинать сначала. Большой форт Вапассу, который ежегодно расширялся, со всеми своими службами и большим количеством зимующих в нем людей требовал усидчивой работы нескольких рабочих команд. Надо было построить или отремонтировать камины, печи, хлебопекарни, прачечные, коптильни, а также приготовить лампы и свечи.

С берега доставили несколько бочек прекрасного тюленьего жира, он обеспечивал хорошее освещение.

В этом году Анжелика выбрала время для сбора ягод, которые после варки их в больших котлах оставляли на поверхности воды восковую пленку нежно-зеленого цвета. Из этого воска, отлитого в формы, получались ароматные свечи.

Случайно в голландском посту на Кеннебеке в разговоре со старым Джошуа она узнала секрет изготовления зеленых свечей. Анжелика с грустью думала, что отец д'Оржеваль унес этот секрет с собой в могилу. Старый служащий Петра Боггана рассказал ей, что они изготавливаются из ягод кустарника, называемого ваксберри. Старый Джошуа, хотя и был англичанином, знал травы не хуже индейцев. Ребенком приехав на Мейфлауерс на американский берег в Массачусетсе, он видел, как в первую зимовку умерло две трети приехавших. Необходимость заставила уцелевших узнать все об окружающей природе.

Он не скрывал, что именно он несколько лет тому назад рассказал, как изготавливать эти свечи иезуиту отцу д'Оржевалю, у которого не было свеч для его часовни. Он приходил оттуда, сказал Джошуа, показывая на тропинку, ведущую из леса. Я никогда не боялся ни Черных Сутан, ни французов.

— И что ему было нужно у вас?

— Всего понемножку. Гвоздей, одеял, пшеничного хлеба. Он говорил на всех языках алонкинов и ирокезов.

Иногда он улыбался, сидя в моей хижине. Не могу сказать, что это была за улыбка — ну, такая, как будто он забавлялся, как будто мы в чем-то были сообщниками.

— Мы говорим об одном и том же человеке? Он знал, что вы англичанин?

Старый Джошуа не имел представления о том, что человек, посещавший его, был завзятым убийцей англичан. Он принимал иезуита со всей приветливостью людей своей секты, которые сохранили в своих сердцах и нравах евангельские заповеди.

Этот разговор оставил в уме Анжелики смешанные чувства. В ее представлении об исчезнувшем враге вкралась какая-то ошибка. Ей казалось, что «это не должно было происходить таким образом». Однако, когда она зажгла одну из этих свеч в серебряном подсвечнике, она все же почувствовала облегчение при мысли, что его уже нет на свете.

Вскоре после того, как им исполнился год, близнецы сделали первые шаги, приветствуемые смехом и овациями населения форта. Спустя некоторое время смеяться стали меньше, когда близнецы, прочно став на ножки, стали неутомимо бегать по дому, спускаясь по лестницам, влезая на табуреты, открывая все двери и все шкафы, исчезая неизвестно куда, так что их няням приходилось прибегать к помощи стражи.

Образовалась маленькая банда из различных молочных братьев и сестер. После отъезда Онорины старшим из них оказался Шарль-Анри. На него можно было положиться, он был внимателен и полон нежности и привязанности по отношению к Раймону и Глориандре, которые не могли обходиться без него.

Онорина была в восторге, видя, что у Раймона-Роже отросли волосы золотистого две га с рыжими отблесками.

Волосы Глориандры, черные как смоль, падали ей на плечи. Она была похожа на куколку с ангельскими глазками. Заметили, что она довольно своевольна, однако не была сердитой. И под внешностью инфанты в ней скрывалась очень активная натура.

Но эти черты характера проявились только с течением времени — Анжелика утверждала, что, поскольку Глориандре никогда не противоречили и разрешали делать все, что она захочет, у нее не было случая показать свою истинную сущность. Она была немного таинственна.

Часто Анжелика брала ее на руки, тихо с ней разговаривала, пытаясь прочесть что-то в ее синих глазах, — но никогда не могла сказать, о чем она думала.

— Какая же ты красивая! — шептала она, целуя свежую щечку ребенка.

Девочка улыбалась, она излучала счастье. Анжелика радовалась, что она произвела на свет счастливое существо.

В другие моменты она вспоминала рождение близнецов, вспоминала, что они были приговорены, вспоминала вой волков, приблизившихся к Салему точно для того, чтобы отпраздновать какое-то призрачное событие. Глядя на Глориандру, она спрашивала себя, — что тревожит ее в этой маленькой девочке, которая кажется такой живой и послушной. Она вздрагивала и крепче прижимала девочку к себе, охваченная недобрым предчувствием.

— Не уходи. Оставайся с нами.

Она заметила, что Жоффрей испытывал такие же чувства. Но он не тревожился из-за этого. Он говорил, что считает нормальным, что ребенок, родившийся в обстановке такой жестокости и тревоги, не может решиться окончательно остаться в этом мире. Он нежно

улыбался ей, брал к себе на руки, показывал ей забавные блестящие предметы в своей лаборатории.

Что касается няnek «маленькой принцессы», они не ставили себе таких вопросов, как ее родители. Она была совершенно здорова и иногда казалась таким же «чертенком», как и ее брат-близнец.

Мальчик перестал смущать окружающих своим отсутствующим взглядом. Когда детям выговаривали за их шалости, он прятался за свою сестру, но так как он был выше, казалось, он ее охраняет.

Жизнь была сплошным вихрем с этими детьми, их животными, собакой, котом, который соизволил сопровождать их в Вапассу, что было хорошим знаком.

Все больше индейцев, живущих недалеко от форта, перед началом ненастья посещали его, привозя своих стариков и больных. Позже, когда индейцы возвращались, многие исчезали из-за непогоды и голода.

Незадолго до Рождества Анжелика посетила вновь прибывшие семейства; новые люди прибывали каждый год.

Она обнаружила английских «лоллардов», пришедших через леса с юго-востока.

Они принадлежали к секте христиан XIII столетия, которая, отвергнутая «великими Церквями», была малочисленна, но очень предана своим верованиям.

Их предводитель пояснил Анжелике, что «лолларды» посвящали себя уходу за больными и бесплатному погребению мертвых. Над могилами они пели тихими голосами погребальные гимны, — откуда и название этой секты. «Лолларды» — от нижнегерманского «луллен» — петь тихим голосом.

Здесь каждый мог рассказывать свою историю; они были вечными странниками Предвечного, и их небольшие общества не искали учеников, а только кусочек земли для возделывания.

Собрался совет общин, чтобы установить, как жители Вапассу собираются праздновать рождество.

Быть может, это был первый раз с того времени, как религиозные распри залили кровью христианский мир, когда предводители различных сект признали, что Рождество, то есть день рождения того, кого называют Мессией, является общим праздником. И поэтому ничто не мешает, после исполнения собственных обрядов, отпраздновать его большим празднеством и обменом подарками.

***

Анжелика увидела, как Жоффрей большими шагами направился к выходу, пробормотав про себя:

— Он скрылся у Лаймона Вайта.

Она догнала его.

— О ком вы говорите?

Видя, что он выходит, она набросила на плечи плащ и пошла за ним. Это был предобеденный час, но ночь теперь начиналась рано. Было очень темно, ветер шелестел ветвями, а на земле лежал тонкий слой первого снега.

Они отошли от форта, откуда поднимались приятные запахи обеда. Сзади шли два испанских солдата с фонарями. Жоффрей де Пейрак объяснил ей, что его беспокоит, она видела, что муж озабочен и взволнован, что с ним редко случалось. Она поняла, что он упрекает себя за то, что был недостаточно внимателен и позволил дону Хуану Альваресу ввести себя в заблуждение. Но он должен был справиться о нем ранее, хотя капитан испанской гвардии и приказал своим людям молчать. Когда Жоффрей приехал в Вапассу, работы, приготовления к зиме, инспекция домов, построенных летом, знакомство с вновь прибывшими занимали все его время. Он видел дона Альвареса только мельком, и уже несколько дней он его совсем не видел. Когда наконец Жоффрей справился о

капитане — и еще надо было буквально вырвать слово за словом это сообщение у молчаливого Хуана Карильо, — оказалось, что испанский дворянин был болен уже несколько месяцев и, чувствуя близость смерти, укрылся у англичанина Лаймона Вайта, так как он хотел испустить последний вздох, не мешая многочисленному обществу, обитавшему в форте, не доставляя им забот и печали.

Это будет первая смерть в Вапассу. Лаймон Вайт, один из четырех первых строителей Вапассу, обитал в старом жилище, в котором Пейрак провел с женой и детьми первую зиму. Когда в дальнейшем все переехали в более просторные помещения, англичанин предпочел остаться в этом доме; у него были свои привычки, и он любил одиночество. Он был немой, так как пуритане в Бостоне отрезали ему язык за богохульство.

Это был человек набожный, работающий, всегда готовый помочь. Он просил дать ему возможность продолжить обработку руды и, поскольку он по профессии был оружейник, ему поручили уход за оружием. Периодически ему приносили оружие для починки, чистки и смазки. У него находились ружья, — военные и охотничьи, — мушкеты, аркебузы, различные пистолеты и даже арбалеты, а также связки клинков без рукояток, на которые был большой спрос у индейцев; они делали из этих клинков универсальные приспособления для хозяйства, для охоты, ловли рыбы и для войны.

При входе в большую комнату был виден настоящий арсенал. Кроме всего прочего англичанин изготавливал также порох и пули.

Анжелика любила посещать это их первое убежище, напомиравшее ей прошедшие дни, которые теперь, когда все трудности были преодолены, казались счастливыми.

Немой англичанин уступил испанцу собственную постель.

Вид дона Хуана Альвареса, поддерживаемого подушкой, исхудавшего и желтого, произвел на Анжелику тяжелое впечатление. Она также упрекала себя за недостаток внимания ко всем. В Вапассу было теперь слишком много народа, детей, за которыми надо было следить, болтунов, которых надо выслушать; и поэтому те, кто хотел молчать и отдать последний вздох в углу, могли это сделать здесь.

— Но почему? — сказала ему она, опускаясь на колени у изголовья, — милый дон Альварес, вы никогда не позволяли о вас заботиться! Вы не хотели унизиться перед женщиной, даже попросив у нее чашку настоя! И вот теперь...

Она протянула руку к груди больного, но он удержал ее. Это был инстинктивный жест человека, измученного страданиями, когда малейшее прикосновение заставляет стонать.

— Нет, мадам! Я знаю, что ваши руки несут исцеление, но для меня слишком поздно.

Она почувствовала под пальцами опухоль.

Жоффрей де Пейрак по-испански дружески упрекнул своего капитана гвардии.

Когда они возвращались к форту, она угадывала в Жоффрее внутреннее напряжение, боль, которая передавалась ей — ведь она считала его железным человеком. Сколько лет с ним были эти испанские наемники? Где он их набрал? В каких битвах они вместе сражались?

Граф спросил: «Что вы думаете о его состоянии?»

— Он погиб!

Но тут же она добавила:

— Но я его вылечу!

«Она его вылечила... она его вылечила! Он, кажется, поправляется».

Этому известию никто не хотел поверить. Ведь Анжелика каждый день по нескольку раз со своей сумкой и травами ходила в хижину, где умирал испанец, мало говорила об этом и никому не сообщала о результатах своего лечения. Общее мнение было, что болезнь дон Хуана Альвареса очень серьезна. Мало-помалу в обществе появился тот печальный настрой, который всегда появляется, когда ожидают, не говоря об этом, близкого конца.

Некоторые представляли себе, что Рождество будет траурным и печальным.

На Рождестве дон Хуан Альварес не мог еще участвовать в празднествах, но мог уже принимать группы своих друзей, которые приходили с поздравлениями. Он сидел в большом кресле в форме тетраэдра, которое было единственной мебелью англичанина; обычно он сидел на этом кресле, читая свою Библию.

Вознаграждением для Анжелики была счастливая искорка в глазах мужчины, которого она любила.

— Какое же сокровище получил я на этой земле! — прошептал он, поднимая ее, чтобы крепче прижать к себе.

Она заметила ему, что не сказала бы «я его вылечу», если бы почувствовала, что это невозможно. Она чувствовала, что сможет его вылечить — вот и все.

У нее были книги, все эти книги по медицине, которые он подарил ей, и колдовские рукописи, которые она ежедневно расшифровывала, удивительные рецепты, состав которых она изучала, и еще — воспоминания о том, чему учила ее колдунья Мелузина.

В те годы, когда она была в Америке, она могла в тиши и спокойствии Вапассу заниматься такими работами и опытами, от которых во Франции она была бы отвлечена заботами своего ранга и подозрениями,

которым подвергалась каждая женщина-целительница после периода «охоты на ведьм». Мужчины, называемые врачами, невежественные, но окончившие университет, заменили их у постелей больных.

Она проводила долгие часы в двух больших комнатах, где Жоффрей устроил ей аптеку, которая вскоре могла соперничать с самыми знаменитыми аптеками в аббатствах.

Во время болезни испанца она переправила в дом Лаймона Вайта большое количество банок, бутылок и сушеных трав, обнаружив в доме незаметный подвал, стенки которого были покрыты смазкой, не пропускающей влаги. Старый пост Вапассу стал не только оружейным, но и фармацевтическим складом. Это в дальнейшем оказалось также важным.

Снег установился, но большие бури еще не начались. Выздоровливающего испанца можно было перенести в форт. Ему устроили помещение недалеко от занимаемого де Пейраком, и дети приходили его навешать. Он был крестным отцом Раймон-Роже, а другой испанский воин — крестным отцом Глориандры. В Салеме, когда они несли охрану на лестнице, нужно было окрестить умирающих близнецов, и повивальная бабка — ирландка позвала их, чтобы они стали кумовьями ее дочек, крестных матерей.

В таком городе, как Салем, нелегко было найти католиков. Бог послал им испанцев.

Чтобы попасть из дома в дом, приходилось прорывать траншеи с помощью толстых брусьев, расположенных треугольником, которые тащили лошади.

Анжелика, проходя по этим дорожкам, часто вела с собой за руку Шарля-Анри.

Он походил на своего молодого дядю, Иеремию Маниго, а глаза у него были темные, как у Дженни.

Однажды, когда они спокойно возвращались домой, а снег хрустел под их ногами, Анжелика стала размышлять об этом ребенке. У него никого не было. О нем заботились, все его любили и баловали, но он был ничей. Дженни не вернется никогда. И поручила она его Анжелике.

- Шарль-Анри, — сказала она, — зови меня мамой.
- Как Онорина и близнецы?
- Да, как Онорина и близнецы.

Глава 19

Благодаря письмам Флоримона годы разлуки с двумя старшими сыновьями не были отмечены тяжелым и непроницаемым молчанием, обычным для тех, кто пересек океан и кто остался на берегу. Флоримон прожил во Франции дольше, чем его брат. У него остались прочные воспоминания, и его общительный характер позволил легко восстановить старые связи.

Он писал, что посетил их первое жилище, где они в возрасте двух и трех лет жили со служанкой Барб, а мать их держала трактир «Таверна Красной Маски». Потом, идя по следам, как истинный охотник, он нашел Давида Шалью и Жавотт, ставших преуспевающими коммерсантами и продолжавших поить шоколадом весь Париж, несмотря на конкуренцию чая.

В настоящее время она знала, что ее сыновья были совершенно здоровы.

Им необходимо было ежедневно бывать в Версале — этого требовала служба при короле, и братья и их сопровождающие были вынуждены искать себе помещение недалеко от дворца.

Не без труда они нашли маленький домик. Эти дома непрерывно строили для лиц из окружения короля.

Они жили в нем весело, хотя и несколько тесновато, до того дня, как мессир Кантор «улетучился», найдя предложенные красивыми руками жилище, стол... и все остальное.

На тему «любовные дела Кантора» Флоримон больше не распространялся.

По крайней мере, в последнем послании он разъяснил таинственную фразу предыдущего письма: «Я нашел золотое платье». Случайно он нашел одну из сестер Анжелики.

Их тетка, мадам Гортензия Фалло была, как он написал, единственная женщина в Париже и, без сомнения, во всем королевстве, которой шла новая прическа «под Фонтанж».

Этот Флоримон умел так делать комплименты, что это давало ему возможность заслужить расположение всех. Он посетил со своим братом Кантором дом своей тетушки, которая обитала в небольшом доме в квартале Марэ, известном как квартал знати. Анжелика подумала, что ее сестра не должна была похорошеть с годами. Но Гортензия понравилась своим племянникам. Она рассказала им очень остроумно об их детских годах, а потом о детстве своем и Анжелики в замке Монтелу.

«Я очень ревниво относилась к ней, — призналась Гортензия. — Я хотела, чтобы она «исчезла». Увы! Она и исчезла — один раз и другой. И я очень жалела об этом, несмотря на все неприятности, которые она нам доставляла».

И вот тогда она заговорила о золотом платье: «Она оставила у меня со своими вещами золотое платье, которое она одевала при бракосочетании или при представлении королю. Мы никогда не осмеливались от него избавиться или продать, даже тогда, когда были совсем бедны из-за немилости, которую навлек на нас процесс ее супруга».

Тетушка Гортензия привела их на чердак и показала золотое платье, уложенное в сундук.

— Я жду возвращения вашей матери, чтобы вернуть ей это платье, но увы, оно совсем вышло из моды.

***

Так прошлое и настоящее смешивались в письмах Флоримона в этом деревянном форту на краю света, принося с собой аромат старинных домов — аромат, достигаемый многими годами, если не столетиями, ухода с помощью воска за полами и обстановкой.

Полы Вапассу не были такими старинными, но в комнатах уже лежали ковры, на стенах висели драпировки, что придавало элегантный вид, помогало сохранить тепло и предохраняло от сквозняков.

В следующем году Анжелика хотела сделать красивую деревянную раму, достойную портрета своих сыновей, написанного ее братом Гонтраном.

Картины на стенах, зеркала, некоторые ценные вещи, доставлявшиеся каждый год в Голдсборо, — и каждый житель создавал обстановку, позволявшую — если не забыть резкий ветер и снежные вихри, бушующие снаружи, то хотя бы изолироваться от этого. Каждый изгнанник приносил с собой что-то, что соединяло его с прошлой жизнью. Иногда это был какой-нибудь предмет, драгоценность, книга. Он хранил это в своей новой жизни и жизни своей семьи как продолжение линии предков и, в особенности — это Анжелика замечала у многих, — чтобы сохранить что-то от жизни, которая часто была бедной, несчастливой или омраченной преследованиями, но все же была жизнью их детства и страны, где они родились.

Ей самой казалось, что пройдя через все страшные испытания, она отбросила свое прошлое. И вот теперь, читая письма Флоримона, она была растрогана, воображая такую знакомую жизнь в квартале Марэ. Эти новости, которые доставили ей большое удовольствие, вновь оживили персонажи прошедших лет, с которыми было связано трудное начало жизни, которые подавали надежды на блестящее будущее. Однако многое оказалось для них неосуществившимся или разрушенным. Столько борьбы, столько потрясений!

Молодой автор этих писем часто сожалел, что он не может спросить у своих отца и матери советов, которые только они могли ему дать.

От этих двух людей, которые вместе или по отдельности смело боролись с предательством,

опасностями, со всеми проявлениями человеческой подлости, он научился или получил в крови недоверчивость, ловкость, трезвый взгляд на трусость и подлость людей, нежелание быть сообщником всей этой низости — качества, обычно присущие тем, кто прожил большую жизнь, или тем, кто дорого заплатил за свою первоначальную наивность и доверчивость.

Этот наследственный дар сделал из этого очень молодого человека, внешне легкомысленного, смеющегося надо всем, умевшего восхитительно кланяться, смело льстившего королю с тактом, которому завидовали искушенные придворные, личность, все понимающую и способную себя защитить. Однако он обладал способностью, когда-нибудь могущей стать для него роковой: слишком ясно видеть преступления, мерзость, корыстные заговоры, которые во имя корыстолюбия, честолюбия, во имя низких страстей или сердечных увлечений превращали двор самого прославленного монарха Европы в чудовищную клоаку.

Флоримон, получив должность на службе короля, добросовестно выполнял свои обязанности. Он обладал чувством ответственности за порученное дело, и даже охотно расширял круг своей работы. Он чувствовал, что он также обязан и охранять короля, Людовик четырнадцатый благодаря своему искусству выполнять королевское ремесло, умел внушать глубокую преданность.

Флоримон писал: «О, дорогая мама, во многом ваши советы были бы мне драгоценны, ведь вы знали самые запутанные тайны двора».

Он задумался над словом «запутанные». В нем не было ничего, что могло бы вызвать подозрение в недоброжелательстве, в том случае, если бы письмо попало в руки шпиона на службе какой-нибудь из партий.

Отвечая ему, она тоже соблюдала осторожность: «Я представляю себе опасности, с которыми можно встретиться в толпе придворных».

Но, отвечая, она чувствовала себя спокойной. Она не дрогнула, когда они уезжали, юные и смелые с тем, чтобы взять на себя бремя блестящих постов при дворе. Они были в силах пройти среди интриг двора, как когда-то они ныряли в опасные воды Радужного грота, уверенные в себе, крича ей: «Смотрите, смотрите, мама, как это легко!..»

Она чувствовала их силы; они должны укрепить их собственными руками. Флоримон всегда любил рассказывать о всех нюансах своих чувств, но он был очень независим, и она знала, что, доверив ей свои заботы, он чувствовал себя лучше, и можно было держать пари, что он нашел выход.

Она чувствовала их близость, несмотря на расстояние.

«Придет день, возможно, я вернусь».

Но несмотря на очарование улиц Парижа и величие Версаля, она плохо представляла себя там.

Она была так счастлива в эти мирные дни. Столько дел было сделано. Были эти двое малюток. У Жоффрея было время видеть, как они растут.

Было много любимых дел, которые можно выполнять на свободе.

Так часто нить, связывающая их всех, рвалась, семья бывала разбита!

Но это было в то время, когда столько было от нее скрыто.

Сегодня она чувствовала себя в безопасности благодаря годам, которые она провела с Жоффреем — такие разные дни, но все освященные его присутствием. Дни в Вапассу — они больше, чем что-нибудь другое, ткали ткань их счастья и изменили ее взгляды.

Сегодня нить не может быть оборвана.

Это было такое приятное ощущение.

Она закрывала глаза, мысленно следовала за своими отсутствующими детьми, но не беспокоилась за них, так как верила в их неуязвимость.

О, конечно, она дорого бы дала, чтобы знать, что скрывается за тем, что Флоримон назвал «любовные приключения Кантора», или как невидимый дух полюбоваться на красивую осанку молодого «руководителя королевских удовольствий», открывающего бал ночного праздника, или на берегу замерзшей реки святого Лаврентия под крышей Конгрегации Богородицы увидеть маленькую Онорину, тщательно выписывающую в заголовке написанной ей страницы вензели ИМИ... Иисус, Мария, Иосиф.

Она смотрела невидящим глазом в окно, а сердце ее было с далекими детьми.

Она угадывала, что живут они отважно и с удовольствием, и это было для них самое лучшее.

Глава 20

Утреннее зимнее солнце весело играло на фасадах домов на мосту Нотр-Дам над Сеной. Флоримон де с Пейрак находился на втором этаже в скромной комнате такого дома, где никому не пришло бы в голову его искать, и разговаривал с назначившим ему здесь тайное свидание полицейским чиновником Франсуа Дегре, «правой рукой» одного из самых высокопоставленных деятелей королевства, начальника гражданской и криминальной полиции господина де Ля Рейни.

— Благодарю вас, господин де Пейрак, — говорил Франсуа Дегре, — за ваши многочисленные и ценные сообщения. Добавив их к нашим сведениям, полученным с большим трудом, потому что нам сложнее приблизиться к тем, кого мы хотим разоблачить, мы сможем представить королю доклад, где будут изложены обвинения, которые, увы, будут для него очень болезненны. Но он — человек, который способен противостоять им. В самом деле, он постоянно повторяет нам, что желает, чтобы были полностью раскрыты преступления, о которых в народе распространяются слухи, что совершающие их находятся среди его близких. Он еще питает иллюзии, что необходимо установить истину, и тогда его двор окажется вне подозрений. Он надеется, что детальное беспристрастное судебное разбирательство вслед за тщательным и беспристрастным расследованием, проведенным полицией, обнаружит, что эти слухи преувеличены, и примерное наказание нескольких второстепенных виновников окажется достаточным.

Пусть будет так! Может быть, он проявит слабость, увидев размеры бедствия, но по крайней мере мы должны представить ему неопровержимые

доказательства для открытия судебного процесса, которого он требует и желает, чтобы был объявлен возможно скорее.

Поэтому я не скрою, что я особенно хотел бы встретиться с вашим братом, юным Кантором. Его свидетельства были бы чрезвычайно ценными для меня, ибо он — единственный из нас, кто знал и видел вблизи одну из самых опасных отравительниц нашего века, подружку маркизы Бринвильер. Эту женщину несколько лет назад я должен был арестовать, но она ускользнула от меня и бежала в Америку.

Ваш брат видел ее там и может сообщить мне об ее участии. Ее имя будет одним из первых в судебном деле, которое будет подготовлено к открытию Комнаты Правосудия, до того, как королю будут представлены имена, которые ему будет тяжело узнать.

— Мой брат занят своими любовными приключениями, — ответил Флоримон со снисходительным видом престарелого отца семейства, — и если для меня эти дела не играют особой роли, то он относится к ним по-другому. Кроме того, должен вам сказать, что он по природе не болтлив, и вы из него не вытянете ни слова, если он не захочет.

— Я думаю, мы договоримся, — сказал, слегка улыбнувшись, Дегре, — не забудьте, вас обоих я когда-то держал на коленях!

— Хорошо! — согласился Флоримон с притворным вздохом. — Я попытаюсь вырвать его из постели любовницы, хотя это не будет легким предприятием. Я приведу его вам под собственным сопровождением.

Когда Флоримон де Пейрак удалился своей легкой походкой, Франсуа Дегре отошел от своего бюро и подошел к окну, глядя на Сену, текущую внизу под арками моста. Он машинально перевел взгляд на черно-белые плитки пола своей комнаты и улыбнулся. Первый раз за долгое время он вспомнил рядом со своим столом

скульптурную осанку достойного и верного пса — Сорбонна.

— Эти времена... — прошептал он.

Пальцы Дегре повернули маленький ключик одного ящичка его бюро. Как только он его открывал, он видел письмо. Это письмо он взял очень осторожно, так как оно потерлось по краям, и поднес его к лицу.

«Дегре, друг мой Дегре! Я пишу вам из дальней страны. Вы знаете, откуда. Вы должны это знать или догадываться. Вы всегда все знали обо мне...»

Когда он брал в руки это письмо, он не перечитывал его. Это делалось, чтобы видеть и чувствовать все — бумагу, почерк, знать, что это она держала перо, которым были начертаны эти строки, что это ее легкие аристократические пальчики сложили эту бумагу; в ней еще чувствовался ее аромат, ее неуловимое присутствие.

Он часто это делал, но предпочел бы погибнуть на плахе, чем кому-нибудь признаться в этом. Но он не мог сопротивляться этому, обойтись без этого.

Облеченный миссией исследовать самые отвратительные стороны человеческой природы, больше всего он ужасался все годы, когда преследовал преступников, тому, как множество честных людей совершали преступления с полной беспечностью, как если бы общество его времени вернулось к обыкновению языческих цивилизаций, часто рассматривавших убийство даже как добродетель. И так как такое возвращение вспять после столетий господства христианства представлялось невозможным, следовало примириться с мыслью, что существует в обществе какое-то заразительное сатанинское сумасшествие, какое-то бессознательное безумие, охватившее сердца, мозг и души людей — эпидемия, которая ослепляла их и стирала границу между ужасающим и нормальным.

Как всякая эпидемия, этот бред был временным. А он был из тех, кто должен был все знать, не примкнуть к нему и не дать себя уничтожить.

Что его ужасало и приводило в недоумение, это какой-то род мистической экзальтации, в особенности у женщин, с которым некоторые преступники купались в зле, умывали себе руки в крови.

«Итак, в ночи Парижа, города, который тонет в наихудших мерзостях и не знает этого, у меня есть только это письмо, на которое я могу опереться.

...Я знал женщину, которая была вполне способна вонзить кинжал в сердце чудовища, но она сделала это, чтобы защитить своего ребенка, и в этом она оставалась женщиной, ибо женщина способна убить, чтобы защитить своих детей.

...Те, с кем я сейчас имею дело, кого я смог арестовать благодаря этому письму, которые садятся на этот стул и кого я допрашиваю, они скорее способны вонзить кинжал в сердце собственного ребенка, иногда они это и делают, если этим получают возможность встретить Дьявола и получить частичку его адского могущества. Поэтому они мне кажутся разложившимися трупами, как бы они ни были красивы. Когда я на допросе чувствую омерзение, иногда я открываю этот ящичек, чтобы бросить взгляд на листок с ее почерком. Это письмо я ношу с собой всегда при разъездах, или... я смотрю в окно на Сену и говорю про себя: «Маркиза Ангелов! Маркиза Ангелов! Колдовство действует! Я знаю, что ты существуешь... и, быть может, вернешься. Где-то на свете остается частичка света... И это — она.

Какой-то далекой ночью в Новом Свете, — мне кажется, эта ночь была темной, морозной, и в ней слышались странные, непонятные крики, — она писала мне эти строки.

«Дегре, друг мой Дегре, вот что я должна сказать вам...»

И достаточно только мне их перечитать, как я вновь чувствую головокружение, охватившее меня, когда, сломав печать письма, переданного надежным посланцем, я понял, кто их написал, и что ко мне обращается она...

Незабываемый вкус ее губ на моих, ее страстные поцелуи, которые облагородили губы противного полицейского, который вынужден непрерывно сыпать оскорбления, чтобы запугать и вынудить признание у отвратительных преступников. Ее взгляд только мне одному, ее сияющий взгляд, ее тихий голос в шуме ветра: «Прощайте, прощайте, друг мой Дегре».

Это — то, что помогло мне сохранить человечность.

Кто-то тихо постучал в дверь. Один из часовых, охранявших вход, сообщил ему о приходе нового посетителя.

Посетитель этот вошел, сопровождаемый часовым, и Дегре, узнав его, широко и приветливо улыбнулся.

— Ваш слуга, месье де Бардань. Садитесь, пожалуйста.

Пришедший, не отвечая на это приглашение, остался стоять, не снимая шляпы.

Он огляделся кругом и внезапно спросил:

— Не Флоримона де Пейрак я видел уходящим отсюда?

— В самом деле.

Никола де Бардань побледнел, покраснел и пробормотал:

— Бог мой! «Они» в Париже?

— Нет еще. Но они послали своих старших сыновей к королю — вот уже три года.

— Уже три года! — повторил Бардань. — В самом деле, прошло уже столько времени!

Потом очень холодным тоном, по-прежнему отказываясь сесть, он сообщил, что это — его первая поездка в столицу после возвращения из Канады, и он

исполняет то, что он обещал себе сделать в настоящих обстоятельствах, а именно: найти полицейского Дегре и проинформировать его о том, что он, де Бардань, думает о нем и его поведении. Он, де Бардань, думал, что когда Франсуа Дегре рекомендовал его королю Франции для выполнения миссии в Новой Франции, он сделал это из внимания к его опытности и талантам, в то время как Дегре уже прекрасно знал или, скажем, догадывался, кого должен встретить там королевский посланец, и какую роль эта особа играла в его жизни. Поэтому он, де Бардань, не зная о прошлом означенной особы, написал королю донесение, которое навеки погубило его во мнении короля. Это было тем более унижительно, что в продолжение всей этой суровой зимы в Квебеке, зимы, когда месяцами вы надеетесь получить ответ и не знаете, каков он будет, — все это время вы считали, что поступили правильно, гордились своей осведомленностью, как наивный человек, как глупец!

Дегре слушал его, заложив руки за спину, с непроницаемым лицом.

— И эту долгую зиму в морозном Квебеке — жалеете ли вы о ней, о пережитом?

— Н... нет.

— Тогда на что же вы жалуетесь?

— Разве не был унижительным весь этот обман? Ведь она сразу же поняла вашу затею, поняла, какую вы мне отвели нелепую роль. С самого начала она знала, что надо мной посмеялись.

— И... она вас пожалела?

Никола де Бардань почувствовал, что краснеет и опустил глаза, избегая острого взгляда полицейского.

— Да, она меня пожалела, — признал он сдавленным голосом.

Он не знал, глядя на квадратную спину Дегре, который внезапно отвернулся к окну, что выразит лицо

его собеседника после этого признания.

Он увидел, что плечи Дегре задрожали, лицо его приобрело веселое выражение, и он расхохотался, показывая свои крупные белые зубы.

— Я так и знал, что это случится! Ха, ха, ха! Нет женщины более лояльной и великодушной! Она способна на все. На все, чтобы исправить несправедливость, чтобы утешить наивное сердце, которое подлым образом ранил презренный полицейский! Друг мой, вы очень неблагодарный человек, если вы сердитесь на меня, доставившего вам такое утешение.

Он потирал себе руки.

— Ха, ха! Сколько раз она должна была говорить себе, видя, как я вас одурачил: «Этот Дегре — каков чертов жандарм!» Видите! Я довольтвуюсь даже тем, чтобы она меня оскорбляла в сердце своем!

Внезапно он перестал смеяться, и они помолчали, — Она... вернется? — прошептал, наконец, Бардань.

— Король надеется на это... Но поймите хорошенько, сударь! Вы... Я... Король... Мы получаем только крохи. И это правильно. Это драгоценно. Это — то, что делает незабываемой нашу встречу с ней. Подумайте, как нам повезло!.. Когда-нибудь проезжая в своем экипаже по вашей провинции, в сопровождении человека, которого она обожает, или одна, проезжая мимо по дороге в Аквитанию, — она или они остановятся в вашем замке... Вы примете ее за своим столом... Вы покажете ей свои сады, свои поля и быть может, кто знает, вашу очаровательную жену, ваших счастливых детей...

Разве вы не готовы терпеливо ждать эти, несколько часов такого радостного сна?

А я?.. Я, чиновник, которого все боятся, я, который заставляет трепетать наемного убийцу и благородного аристократа, заплатившего за это убийство, я, который

оскверняет свои руки, копаясь в отвратительных интригах, я, который не перестаю терзать своими коварными вопросами стольких омерзительных людей, умеющих только лгать, сердца которых тверже камня, души — гнилые, как протухшие груши, я, который работает, чтобы очистить Париж и двор короля, который преследует без отдыха разбойников и колдуний, отравителей и убийц — как вы думаете, что мне помогает в этом неблагодарном и зачастую опасном деле? Мысль, что она когда-нибудь сможет вернуться к нам без риска для своей жизни! Что когда-нибудь, и я не надеюсь ни на какую другую награду, она, заметив меня издали в толпе придворных, пошлет мне веселый взгляд, легкую улыбку.

Вот — истинные тайны мужчины. Те, которыми они гордятся. Которые дают им радость, доказывают, что у них есть счастливая звезда! Пусть, благодаря встрече, часто короткой, случайной, приносящей иногда страдания, человек может повторять себе всю жизнь: «Пусть хоть раз, но я любил».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. КАНТОР В ВЕРСАЛЕ

Глава 21

Маркиза де Шон играла в пикет с господами де Сугре, де Шавиньи и д'Ореман, когда в конце галереи показался одетый в белое юный паж. Он неслышно приблизился к играющим и внезапно оказался позади них стоя, держа руку на бедре.

Это была малая игра, король был в Марли. Но особы, расположившиеся вокруг карточного стола, не прервали игры при появлении пажа, стоявшего совершенно неподвижно.

— Кто вас послал, месье де Пейрак? — спросил раздосадованный Сугре.

Он узнал младшего из братьев де Пейрак, прибывшего, судя по письмам, из Гаскони. Впрочем, некоторые говорили, что из Новой Франции, что было менее почетным.

С самого начала они сумели хорошо поставить себя в окружении монарха, и старший быстро получил звание «Руководителя развлечений короля», очень завидную и очень почетную; она была трудной, но хорошо оплачивалась.

— Мы задали вам вопрос, юный Кантор, — проговорил Сугре, который считал, что он в приятельских отношениях с братьями, к которым благоволил король, и которые явились ко Двору со свитой, достойной посла.

Несмотря на их молодость, они, казалось, поездили по свету и, еще более удивительно, отлично знали Версаль.

Мадам де Шон, заняли до этого своими плохими каргами, с которыми рисковала протратить, не обращавшая ни на кого внимания, подняла глаза на

пажа и была поражена двумя вещами: он был сияюще красив, и смотрел только на нее.

***

Мадам де Шон была из тех женщин, которым всегда дают тридцать лет. У нее была тонкая талия, прекрасной формы грудь — ни слишком большая, ни слишком малая, нежно-розовый цвет лица, не меняющийся под влиянием эмоций, тонкая кожа и волосы пепельного цвета.

Однако, несмотря на то, что она была моложе маркизы де Монтеспан, она чувствовала себя более тронутой влиянием лет, чем пылкая маркиза, которая, похорошев после недавнего материнства, продолжала восхищать Двор своим ярким темпераментом, своей живостью и телом, находившимся в расцвете красоты.

У мадам де Шон боязнь старости была внутренним ощущением. Она никому не говорила об этом. Она знала, что это не было заметно, и что все, наоборот, завидовали ее юному виду. Непосвященные даже принимали иногда ее за благородную юную девицу, только вышедшую из монастыря или приехавшую из провинции ко Двору, чтобы научиться там светским манерам. Когда в результате такого недоразумения виновник был в полном изумлении, она, смеясь, напоминала, что прибыла ко Двору в четырнадцать лет и делала первые шаги в Лувре под надзором мадам де Маре.

В это время самые молодые фрейлины учились танцевать с королем, который был их возраста.

Мадам де Шон была воплощенная ловкость. Более чем двадцатилетний опыт жизни при Дворе обучил ее всем тонкостям и всем западням придворной жизни.

Придворная дама королевы, она умела показать ей свою привязанность, не раздражая короля, и исполнять свои обязанности, почти никогда не бывая на месте. Ее видели всюду, и это не мешало ей исчезать и

укрывать в своей маленькой квартире недалеко от дворца — вследствие усталости, или для галантного приключения, или просто, когда этого хотелось. Она знала, что достигла возможности уединяться, что никому не придет в голову осудить ее, настолько было невероятным, что она этого заслуживает. Считалось, что все, что она делает — это для выполнения своего долга, соответствующего ее званию. Она была безукоризненной придворной дамой. Такт, умение быть в меру дерзкой, нюх, стремление участвовать в танцах, прогулках и занимать место за карточным столом — делали ее желанной компаньонкой великих мира сего. Она хорошо играла в карты, выигрывала скромно, проигрывала очень изящно и всегда не позднее чем через час выплачивала свои карточные долги.

Как будто зависящая от других по роду своей службы, а на деле самая независимая из дам Версаля, она вела себя так, что никто даже не задумывался над вопросом — вдова ли она, или ее муж еще жив, и в таком случае, где он находился? В своих землях? В армии? Может быть и при Дворе, — кто знает?

Такова была женщина, которая, подняв глаза от карт в своей руке, заметила молодого придворного, который не сводил с нее глаз, блестящих, цвета изумруда.

По неизвестной причине, может быть из-за отражений в зеркале и оконных стеклах, выходящих на Южный Партер, его лицо и весь он, казалось, светились, как будто свет, а не кровь текла в его жилах. Она подумала это в то время, как молчание сгущалось, и все присутствующие, в том числе и она, начали чувствовать себя глупо.

Она услышала точно в отдалении свой голос:

— Что это значит? Что с вами, мессир? Прошу вас, скажите, кто вас послал, и что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, мадам, что вы мне бесконечно нравитесь.

Его спокойная серьезность делала это заявление еще более дерзким.

Мадам де Шон выпрямилась, ее светская выдержка непонятным образом ей изменила.

— Что... что вы хотите сказать?

— Что я буду самым счастливым человеком на свете, если вы допустите меня на свое ложе!

— Вы что, потеряли голову?

— Мадам, неужели вы такого низкого мнения о своем очаровании, что не можете даже понять мою просьбу. И хотя вы находите ее дерзкой, все же считайте ее естественной — как дань восхищения вашей прелестью.

— вспомните, сколько вам лет, — сказала она. И испугалась того, что чуть не крикнула с гневом: «И сколько мне?»

— Мой возраст? Поэтому, мадам, я и обращаюсь к вам. Удел моего возраста — неведение и неумение, а его преимущество — пылкий темперамент и стремление к любви. У меня мало любовного опыта — я никогда не был близок с дамой Вашего круга, такой гордой и красивой. Мне показалось, мадам, что в вашей божественной особе я нашел все, чего искал. Вы такая светская и, как мне кажется, опытная во всем, поможете выйти из моего грустного положения.

Мадам де Шон не находила слов.

Она сказала, заикаясь:

— Ваши... Ваши... Ваши претензии просто невероятны, невообразимы. Советую вам подождать. У вас еще молоко на губах не обсохло, и вы смеете...

— Ждать... Неужели вы, мадам, последовательница этих жеманниц, которые требуют от своих возлюбленных ждать их пять или десять лет, чтобы проверить искренность и постоянство их чувств? Это

совсем вам не идет! И я этому не верю! Потому что слухи, которые считаются недоброжелательными, но в моих глазах только прибавившие вам очарования, описывают вас как не слишком жестокою и готовую принести жертвы на алтарь Венеры, в том случае, если эта жертва вам нравится!

— Посмотрите на этого наглеца! — вскричала мадам де Шон, расхохотавшись.

Она посмотрела на своих партнеров, ища в них поддержки своему негодованию. Но они не оказали ей никакой помощи. Застыв с картами в руках, переглядываясь друг с другом, они выглядели совершенно ошеломленными. Живость и острота диалога не оставляли им времени на осмысливание происходящего. Мадам де Шон, смущенная и взволнованная поведением молодого человека, не обращала внимания на то, что по щекам ее текли слезы.

— Вы заслуживаете того, чтобы я вас поймала на слове!

— Это предел моих мечтаний, мадам. Где? И когда?

— У меня. После ужина королевы.

— Я приду.

Такое ледяное высокомерие и снисходительность со стороны пажа приводили ее в изумление и почти ужасали.

Она попыталась выйти из положения, отшутившись.

— Значит, вы собираетесь прийти? И вы собираешь предложить мне свежесть ваших щечек, ваши оные губы и... ваш юный темперамент?

— А вы, мадам, что предложите мне взамен? Вне себя она ответила смело, вызывающе:

— Науку любви, раз вы этого просите, прекрасный паж. Разве этого так мало?

Она не хотела и не могла выдержать более и, дрожа-идя от непонятного возбуждения, она схватила

свои перчатки и веер; закрывая его, она щелкнула им как кнутом и убежала.

Очевидцы этой сцены пришли в себя с ощущением, как после короткого сна с нелепыми сновидениями.

Привыкнув не оставлять никаких событий без комментариев, они все же, несмотря на свое ошеломленное состояние, обменялись впечатлениями.

— Юнец не лишен отваги! — сказал д'Оремон. — Он достиг успеха!

— Какого успеха? — проворчал де Шавиньи, пожав плечами. — Он богаче, чем она, и всем известно, что он и его брат находятся в милости у короля.

— Тогда что с ним произошло?

— В особенности с ней.

— Нет, с ним!

— Нет, с ней.

Вернувшись к себе, маркиза привела в полное — смятение своих слуг, требуя от них всяческих услуг и в то же время отсылая их прочь. Она не хотела ничего присутствия в доме. Она уже не знала, ни чего она хочет, ни чего она ждет. Она никогда не любила детей, у нее их не было. Из-за этого она не имела преимуществ матерей, особенно если они произвели на свет наследника. В частности, может быть именно поэтому молодые люди ей не нравились. Она замечала, что очень юные мальчики возраста, когда ребенок превращается во взрослого, странным образом возбуждали ее гнев. Ей были противны их ломающиеся голоса, их нахальные манеры маленьких мужчин, которые начинают сознавать свою силу. Этот был постарше. Ему можно было дать шестнадцать или семнадцать лет. Но наглости ему не занимать.

Она то собиралась не пустить его на порог, то прочесть ему отповедь и, если он будет настаивать, убежать... защищаться....

Придет ли он? Если он не придет, она чувствовала, что способна на нелепые поступки, разбить любимые ценные безделушки, изрезать лучшие картины, даже свою любимую совсем новую ширму из лионского шелка.

Но если он придет... Она заранее дрожала от испуга.

И когда он пришел, она была готова поверить, что он все это придумал, чтобы ее прирезать без свидетелей.

Ее чувства были видны у нее на лице, так что немного помолчав, он с удивлением спросил:

— Мадам, вы чем-то встревожены? Моя шпага со мной. Если вам кто-то угрожает, укажите мне его, я готов его проучить.

— Это правда, я боюсь.

— Кого вы боитесь?

— Вас. Я не понимаю, чего вы хотите.

Он застыл в крайнем изумлении, потом улыбнулся. Он подошел к ней и, встав на колени, обнял ее, положив голову ей на грудь. Она пошатнулась и чуть не упала, но он удержал ее с неожиданной силой.

— Мадам, чего вы боитесь? Я — только молодой человек, неискушенный в любви. Вы внушили мне доверие, а ваша красота вызвала волнение, муки и желание вашей близости. Остальное в ваших руках. Прикажите, и я исполню. Научите меня, и я послушаюсь.

Она подняла его.

Ее пальцы дрожали, расстегивая пуговицы его камзола. Она раздела его как ребенка. Она боялась до удушья, что не будет ему желанна, что он будет разочарован, и к го знает, может быть, он испытает отвращение, заметив следы ее возраста. Но она увидела, что он со всем пылом юности стремится удовлетворить ее желания, те требования, которые

менее страстные, чем он, мужчины считали чрезмерными. Все зависело только от нее.

Она шептала те слова, те просьбы, которые она никогда не произносила.

— ...Еще... Останься... Снова...

Просьбы, которые он выполнял не только пылко, но и с благодарностью.

Получив такие явные и бесспорные доказательства того, что она ему нравится и нужна ему, мадам де Шон успокоилась. Она перестала волноваться из-за его молчаливости. Тем более, что когда она решалась спросить, о чем он думает, он не делал тайны из своих мыслей. Он был прост, как ребенок.

Волнуясь и боясь его рассердить, но желая знать о нем все, она спрашивала, отодвигая с его лба вьющуюся прядь:

— Где ты? О ком ты мечтаешь?

Она любовалась его необыкновенной красотой. Он лежал вполоборота к ней, опершись на локоть; другая рука лежала на колене поверх кружевного одеяла. Его обнаженная гладкая грудь блестела, как мрамор в игре света и теней алькова.

— Я думаю о нем, — говорил он, — он так далеко... И так одинок. Это маленькое лесное существо. Говорят, что он свиреп, что в нем живет душа демона. Но это не так. У него человеческий ум, он даже умнее, чем те люди, которые за ним охотятся. Да, многие из его рода свирепы и зловредны, потому что слишком хорошо умеют защищаться и вредить, уничтожать западни, делать невыносимой жизнь тех, кто их преследует... Но мой был воспитан слишком близко к людям...

Она поняла, наконец, что он описывает ей дикое животное, неизвестное во Франции, живущее в этой Америке, откуда Кантор вернулся.

— Их боятся, потому что природа создала им черную маску вокруг глаз, как у бандитов с большой дороги, и у

них по краям челюсти растут два острых и длинных зуба, как у вампиров. Но если бы вы знали, мадам, какая у них трогательная душа, — говорил он, делаясь почти словоохотливым, говоря об этом мохнатом звере, которого он воспитывал с малого возраста и который, став взрослым, следовал за ним всюду, как собака или ручной кот.

— Он думает обо мне. Когда-нибудь мы забудем друг друга, но я знаю, что он еще думает обо мне, несмотря на то, что живет дикой жизнью в лесу. И если он меня не забывает, это значит, что между нами еще не все кончено. Иногда я чувствую, что он меня призывает. Это не зов о помощи, он ничего не боится. Это связь между нами, понимаете... Он чувствует себя связанным со мной... Мадам, что вы об этом думаете? Что мы должны еще сделать вместе — он и я?

Мадам де Шон старалась ответить ему, дать нужный совет и вспоминала свое детство, когда в отцовском замке она часто разговаривала со старой совой.

Но внезапно он улыбался, охваченный угрызениями совести, увидев ее озабоченное лицо.

— Мой прекрасный друг, этот разговор не достоин внимания красивой придворной дамы.

— Все, что касается тебя, дорогой мой, для меня драгоценно. Мне нравится ваша невинность, — и вы возвращаете мне мою.

— Так докажем же это! — вскричал он, схватив ее в объятия и покрывая жадными поцелуями.

В его красивых мускулистых руках, только слегка покрытых светлым пушком, она теряла голову от радости и восторга.

Ей нравилось, что несмотря на внешнее простодушие, он так умен и так полон чувственности. Ей уже казалось, что до него она не знала, что такое чувственность и наслаждение. В сравнении с тем, что

она теперь чувствовала, все, что она переживала с другими мужчинами, было только подделкой.

Она узнала у своей субретки, что он улыбается только ей.

— Даже в присутствии короля и несмотря на милость к нему монарха этот молодой человек никогда не улыбается. Это мне сказал ваш кучер, а ему — лакей короля.

— Значит... ты говоришь, он улыбается только мне?

— Даже не королю! И не мне! А ведь я пыталась... Только вам, мадам. Это потому, что вы ему нравитесь, и он так любит бывать с вами. Я не вижу других причин.

— В самом деле? Ты так считаешь? — не решалась поверить мадам де Шон, ожидая приговора девицы с таким волнением и тревогой, что субретка оставила всякое злоречие и заговорила от чистого сердца.

Мадам де Шон, найдя ее живой и грациозной, взяла ее к себе на службу, чтобы спасти от участи таскать всю жизнь ведра на ферме.

— Вы заслуживаете его, мадам, — приветливо сказала она, — поверьте, вы заслуживаете его за вашу красоту и доброе сердце.

«Ее просто пожирает сладострастие», — утверждал де Маре, этот придворный по профессии и почти по рождению он родился в одном из закоулков Лувра от придворной дамы королевы Анны Австрийской в день, когда на церемонии должны были присутствовать все ее дамы.

Он знал все обо всех — можно было подумать, что все поверяют ему свои тайны. Это было не так. Наоборот, зная, что он разгадывал с первого взгляда любой секрет, если надо было что-то скрыть, от него просто бежали. Но напрасно. Можно было подумать, что он держал в каждом алькове шпионящего дьяволенка.

Более элегантно выразилась мадам де Скюдери, говоря на языке жеманниц, который начал выходить из

моды, после того как Жан-Батист Поклен, королевский комедиант, высмеял его.

Мадам Скюдери сказала, что «она заблудилась в лесу страсти и прошла через грот сладострастия, который приводит ко Дворцу Тайных Возвышенных Чувств», — что было несколько витиевато, но отражало действительность.

***

Это были дни и месяцы безграничного безумия. Жизнь мадам де Шон заполняли часы сладостного ожидания, за которыми следовали часы, когда все ее пламенные надежды исполнялись, когда он следовал ее самым бредовым урокам, а затем повторял этот урок с радостной и неутомимой страстью.

Она видела в нем воплощенную красоту и очарование, называла его «Мое лакомство», не видела в нем никаких недостатков.

Она удерживала его, когда он хотел после любви облиться водой. Сильный запах его юного тела действовал на нее, как любовный напиток.

Она говорила ему «поешь» и «пей», наливала ему сама вино, смотрела, как он пьет, и его зубы сверкают у края хрусталя, смотрела на него, когда он выбирал персик, свежесть которого соперничала с его свежестью, и впивался в него зубами с яростью юного аппетита и радости существования.

И в довершение ее обожания она обнаружила, что в этом молодом принце — таком совершенном и таком красивом, имеющем над ней неограниченную власть, который мог бы так легко язвительным словом, гримасой, зевком заставить ее невыносимо страдать, — совсем не было злых чувств.

Она была опьянена, была как в бреду.

Она купалась в счастье, не решаясь признаться, что это счастье.

Это было больше, чем счастье.

Ей не приходила в голову мысль пойти исповедаться а своем грехе и получить отпущение, как она это делала после своих — прошлых любовных похождения.

Наоборот. Ею овладело такое безумие, что часто, успокоенная, проснувшись тихой ночью, глядя на него, спящего рядом с ней, в золотистом свете ночника, любясь на это юное девственное тело, на этот капризный рот, который никогда не был капризным, когда она будила его поцелуем, она спрашивала со смиренным изумлением и бесконечной благодарностью Богу, какое же доброе дело она совершила в своей эгоистичной и легкомысленной жизни, чем она заслужила этот дар Неба.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ОНОРИНА В МОНРЕАЛЕ

Глава 22

Онорина помогала матери Буржуа изготавливать свечи. Игуменья Конгрегарции Богородицы часто брала на себя эту работу. Она любила напоминать, что была дочерью мастера из Труа.

Ей помогала маленькая ученица, для которой это было честью и вознаграждением, а для умелой учительницы возможностью поговорить дружески и конфиденциально с одной из девочек, порученных ей.

Сегодня ей помогала Онорина де Пейрак. Она должна была держать фитиль — хлопковые нити, на которые при помощи ковшика монахиня заливала в формы расплавленный воск.

Онорина, очень поглощенная своей работой, вспомнила, что в форте Вапассу тоже изготавливали свечи.

Она также помогала своей матери разбирать травы для настоек.

Маргарита Буржуа расспрашивала ее и слушала с интересом. Приключения этих европейцев, которые обосновались в глубине самой непроходимой местности Северной Америки, покинутой даже местными индейцами, которые погибли или ушли к берегу, своей дерзостью и предприимчивостью поддерживали в ней веру в достижение цели, дух, который вдохновлял основателей малого поселения Виль-Мари. С другой стороны, уже не первый раз она спрашивала себя о причине сдержанности, с которой ребенок говорил о месте, где, по-видимому, она должна была быть очень счастлива.

— Я не хочу вернуться в Вапассу, — внезапно сказала Онорина.

Мать Буржуа попыталась узнать истинную причину ее нежелания.

— Я никогда не вижу старика в изгибе горы, а все другие его видят. Это несправедливо. Я думала, что если есть глаза, они видят все.

— Увы, нет. Для каждого это будет слишком много. Глаза души выбирают то, что им необходимо, чтобы открыть мир вашей жизни. Мы не можем сразу получить все подарки. Будьте терпеливы. Когда-нибудь вы получите этот подарок.

Онорине нравилось, что директриса в разговоре о серьезных вещах говорит ей «вы», как взрослой, а при обыденных разговорах — возвращается к обращению «ты».

Став доверчивой, она рассказала о кое-каких своих претензиях, но это было совсем не то, чего ожидала монахиня — ревности к своим маленьким брату и сестре, или проявления эгоизма.

Но ее старшие братья покинули ее, и больше всего ее задел отъезд Кантора.

Ее покинул ее медведь Ланцелот. Она не обнаружила его, когда вернулась из Квебека. «Они» выпустили его в лес. Она по крайней мере хотела поверить, что он спит в хорошем убежище, в берлоге. Но волки, волки! Кто будет разговаривать с волками теперь, когда нет ни Кантора, ни ее?

— Мы можем всегда выполнить только малую часть нашего долга по отношению к другим, — пояснила мать Буржуа в ответ на встревоженный взгляд девочки.

И она рассказала обо всех детях, которых она научила читать, окружила заботой, которые теперь стали большими, переносят испытания вдали от нее, подвергаются иногда большим опасностям у язычников или на реке, и им никак нельзя помочь, несмотря на всю ее к ним привязанность.

— Но мы всегда можем помочь издали своей любовью.

— Да, любовь влюбленных, — сказала Онорина с понимающим видом.

Мать Буржуа посмотрела на нее с любопытством, потом улыбнулась, вспомнив послание, которое она написала мадам де Пейрак.

— Да, любовь влюбленных, — повторила она. — Она не боится ничего и может все, потому что ее источником является божественная любовь, и она заботится только о благе любимого человека. Она делает невозможное возможным. Так мы можем помочь тем, кто нас покинул, тем, кто далек от нас.

— Даже волкам?..

— Даже волкам. Об этом вам расскажет святой Франциск Ассизский.

После разрешения этих двух вопросов Онорина, казалось, сбросила с себя большую тяжесть. Она весело болтала во время изготовления пяти или шести свечей.

Рассказывая о некоторых персонажах из Вапассу, она описала близнецов, и ею овладел приступ ностальгии.

— Я хотела бы их увидеть, — простонала она, — они такие забавные. Они не говорят, но они понимают все, о чем я говорю. Вы разрешите мне летом поехать вместе с «лесными бродягами», чтобы добраться до Вапассу лесом?

— Лесом? Но это безумие!

— Почему? Я оденусь как мальчик и буду спокойно сидеть в каноэ...

— В этом районе полно опасностей. Мне говорили, что тропинки теряются, реки плохо проходимы. Самые сильные мужчины бывают измучены...

— На корабле это слишком долго. Я знаю, я смотрела карты у отца и Флоримона.

«Какая еще мысль придет ей в голову?» — подумала директриса. Если она вздумает удрать в леса, как маленькие индианки?

— Летом, — продолжала она вслух, — приедут вас навещать, и они прибудут на кораблях. Как мы будем рады их приезду! Но до тех пор нужно сделать большие успехи в письме.

Они начали вынимать из форм уже остывшие свечи и Онорине поручили их почистить, снимая остатки воска маленьким ножом.

— Вы довольны, что учитесь писать и считать, — спросила мать Буржуа, которая уже была достаточно знакома со своей маленькой ученицей и знала, что если ее спрашивать с нежностью, она не будет скрывать своих мыслей.

— Я пришла для этого, — ответила молодая особа, не прерывая своей работы.

Анжелика предупредила настоятельницу, что Онорина сама попросила отвезти ее в Монреаль, и монахине хотелось получить подтверждение от самой девочки.

которая, может быть, уже не помнила этого, или действовала под влиянием каприза или, чем была озабочена воспитательница, под влиянием ссоры или ревности. Эти причины, мелкие, но существенные для ее внутреннего мира, бывают иногда такими неожиданными, что часто взрослые, даже очень внимательные и имеющие лучшие намерения, не подозревают о них.

Она упрекнула себя в том, что задает косвенный вопрос, но разве не стоит иногда «говорить неправду, чтобы узнать правду»?

— Вы не жалели, что ваши родители посылают вас так далеко учиться читать и писать? Ведь Монреаль — это еще дальше, чем Квебек.

Онорина прервала свою работу и внимательно посмотрела на директрису. В ее глазах почувствовалась суровость, но она смягчилась. Она как будто улыбнулась, и Маргарита Буржуа подумала, что в мире нет ничего более трогательного и прекрасного, чем взгляд маленького ребенка, который отдает вам свою юную душу с полным доверием и полной невинностью.

— Я сама хотела сюда, — ответила Онорина тоном, в котором чувствовалось: «как будто вы этого не знаете».

— Я видела вас в Тадуссаке, а также в соборе, когда пели «Те деум», и мне всегда нравился свет вокруг вашей головы.

Монахиня слегка вздрогнула при таком неожиданном ответе.

— Моя маленькая девочка, правда, что ты отличаешься от других детей. Нужно принять это без борьбы и не сердиться на тех, кто не всегда будет тебя понимать. Потому что ты видишь вещи, которые мало кто видит.

— Но мне не нравится свет вокруг головы матери Деламар, — продолжала Онорина, старательно собирая крошки белого воска.

— Если вы уедете, матушка Буржуа, я хочу тоже уехать.

— Но, милое дитя, я не собираюсь уезжать.

— Не оставляйте меня здесь, если командовать будет мать Деламар. Она — не вы, и она меня не любит.

«Это правда», — подумала святая директриса. Она перекрестила Онорину и сказала, что нужно молиться Богу. Она задумчиво ласкала длинные, цвета меди волосы и этот жест был похож на благословение.

Потом она вернулась к практическим вопросам.

— Мое маленькое дитя, скоро наступит лето и ты будешь страдать от жары из-за своих волос. Ты не хочешь их заплетать. Если я тебя остригу только до плеч, чтобы тебе было полегче?

— Моя мама не хочет. Как только трогают мои волосы, она устраивает целую историю.

Она рассказала, как хотела устроить себе прическу, как у ирокезов и какие неприятности из-за этого вышли.

Рассказ очень позабавил Маргариту Буржуа. Она смеялась, смеялась так искренне, так молодо, что Онорина, восхищенная тем, что ей удалось развеселить настоятельницу, которую она считала несколько суровой, очень радостная отправилась в сад играть в мяч со своими маленькими подругами.

В этой игре в мяч часто принимали участие дети ирокезов из миссии Ханаваке. Их принимали в Конгрегации Богородицы, когда их семьи либо из-за рынка, либо из-за дел с французами, либо желая совершить покупки, приезжали в Монреаль.

Резервацию ирокезов, обращенных в христианство, приходилось несколько раз переносить, так как их языческие соплеменники совершали на них нападения. Пришлось переселить много ирокезов — христиан к Монреалю, под защиту французских фортов и поселений.

Теперь эта резервация обосновалась на правом берегу реки Святого Лаврентия, в месте, называемом Ханаваке — быстрина.

Двадцать лет тому назад резервация была ближе к городу и насчитывала пять хижин. Теперь их было пятьдесят и более тысячи жителей.

Мать Буржуа говорила, что новообращенные ирокезы могли служить всем примером. Несмотря на резню, которую устраивали их соплеменники за то, что они обратились в христианство, они считали себя ответственными за спасение своих языческих братьев и поддерживали дружеские связи с семьями Пяти Племен. Они могли выносить то, что они стали народом без территории и без корней, потому что на самом деле они не считали себя отделенными от народа Длинного

Дома, который жил в священной долине, где царствует маис, тыква и фасоль под солнечной защитой полей подсолнуха.

Онорина сожалела, что ей не удалось видеть приезд индейцев в дом приюта Богородицы, украшенных военной раскраской и при оружии, но услышав замечания матери Буржуа, она поняла, что и ей нравится встречать ирокезов из миссии. Онорина любила посидеть с ними, когда они приходили учиться французскому языку и хвасталась тем, что она хорошо знает Тахонтагета, великого вождя сенеков и Уттаке — бога облаков.

Они его называли Красная Туча.

Среди женщин, которые сопровождали индейских детей, проводивших несколько дней в Вилль-Мари, была молодая индианка, с которой Онорина любила играть, петь, молиться. В глазах маленькой французенки, наверно, очень светлый ореол обрамлял красивую головку с черными косами и традиционной повязкой, украшенной жемчугом.

Ее звали Катерина. Ее изгнали из племени могауков, потому что она хотела жить в соответствии с христианскими идеалами и быть крещеной, как ее мать, христианка из племени алгонкинов, которую похитили ирокезы. Вся семья Катерины умерла в эпидемию оспы, выжила только она.

Сирота, преследуемая своим дядей, который хотел навязать ей мужа, она в конце концов оказалась в миссии Ханаваке. Она сияла от счастья, найдя избранное ею место рядом с церквями и часовнями, где обитал Бог любви, который был избранником ее сердца. Ее соплеменники добавили к имени, полученному ею при крещении — Катерина — или более легко произносимое Катари, еще имя — символ Такаквита, имевшее двойной смысл, так как оно обозначало «кто опрокидывает препятствия» и свидетельствует об ее

воле выжить при всех обрушившихся на нее испытаниях, но также «кто идет, вытянув руки вперед, чтобы не наткнуться на препятствия», ибо, после оспы, перенесенной ею в возрасте четырех лет, она осталась наполовину слепой.

**ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. КАРТОЧНЫЙ
ШУТ И ЕГО ПОЗОЛОЧЕННЫЙ
ПОЯС**

Глава 23

Они прибыли накануне в Тидмагуш на восточном берегу. Им сообщили, что гавань забита рыбацкими судами, судами, отплывающими в Европу и прибывающими из нее, поэтому они бросили якорь южнее, в гавани напротив острова Святого Иоанна, и пошли на пост пешком, сопровождаемые членами экипажа и домашними, которые несли на голове, на спине, в руках мешки и сундуки для устройства на короткое время.

Место оставалось довольно бедным, исключая портовые сооружения и бараки, где жили бретонские рыболовы из Сен-Мало, которые каждый год нанимали лодки.

Граф де Пейрак и его жена обычно останавливались на несколько дней в старом укрепленном доме Никола Париса.

Еще не было времени сделать его более просторным и удобным.

Каждый раз граф обещал себе распорядиться о проведении работ, но не было в поселке доверенного человека, который бы мог руководить ими. Старый Иов Симон был слишком занят своими рыболовными делами и своей мастерской для изготовления скульптур и позолоты фигур для носовой части кораблей, а зять Никола Париса неприветлив и неспособен следить за работами по перестройке дома.

Таким образом Тидмагуш оставался только местом для захода в порт.

Анжелика неохотно приезжала сюда, хотя ее и увлекали воспоминания о тех напряженных и решивших ее судьбу днях, которые она провела во время своей дуэли с женщиной-Демоном. Воспоминания нахлынули

на нее как только она почувствовала горько-соленый запах рыбных коптилен, смешанный с ароматом летнего, разогретого солнцем леса.

Тидмагуш служил также перевалочным пунктом на полдороге между Квебеком и Голдсборо. Поэтому, несмотря на то, что это место возбуждало чувство радостного нетерпения при мысли либо о возвращении в имение на юге, либо, как в этот раз, о встрече с их друзьями в Квебеке, с Онориной, которую они должны были навестить в Монреале и о свидании с семьей вновь обретенного брата Анжелики. Анжелика, как всегда, приезжала сюда неохотно.

По всем этим причинам Анжелике очень бы хотелось оставаться здесь не более суток. Но это было место встреч, и Жоффрею надо было разрешить здесь много вопросов.

В этот год близнецов увезли из зимовки в Вапассу в порт приписки, в Голдсборо — Обсуждался вопрос об их поездке в Новую Францию. Но все же решили их оставить в Голдсборо; они еще были слишком малы для такого длительного путешествия, да и пришлось бы взять с собой слишком много лишних людей. В Голдсборо } них уже была целая свита, боровшаяся за их милости. Надзирала за всем Абигаиль.

Оставив Тиссо и его команду наводить порядок в доме, над которым взвился голубой флаг с серебряным гербом, Анжелика вышла. Перед ней раскинулся в утренней дымке широкий амфитеатр бухты, по которой бесшумно скользили лодки рыбаков и доносился приглушенный шум работ по обработке выловленной рыбы.

И, это было непреодолимо, она не могла помешать себе вспоминать ту, которая: в своих эксцентричных туалетах, со своим изяществом танагрской статуэтки, своей невинной улыбкой, своими трогательными огромными глазами когда-то царствовала над этим

заброшенным королевством, населенным одинокими людьми, наивными или грубыми, простодушными, как дети, или порочными, как демоны, которых случай или необходимость ловить треску забросили летом на эти отмели вне времени и пространства, как на проклятый остров затерянной звезды.

В прошлом году, при возвращении из Новой Франции Анжелика, встревоженная досужими вымыслами Дельфины де Розуа и допросом комиссара полиции Гарро д'Энтремона, попыталась прогнать от себя печальные и неясные заботы, дать время проясниться полученным сообщениям, и потому не предпринимала никаких шагов. Сегодня в этом путешествии, которое она совершала вместе с Жоффреем, она чувствовала в себе больше решимости.

В письме, которое ожидало ее здесь от мадам де Меркувиль, всегда щедрой на письма, сообщалось, что Дельфина де Розуа ожидает ребенка в конце августа. По расчетам Анжелики, она могла быть в Квебеке во время счастливого события, в крайнем случае, прибыть к крестинам. В другом теплом письме от Маргариты Буржуа, датированном тоном, содержались детальные и положительные отзывы об ее маленькой девочке, и в послание был вложен листок, на котором большими буквами было написано: «Моя дорогая мама, мой дорогой отец». Продолжения не было, так как места на листке больше не было. Это первое доказательство здоровья, милого характера Онорины, ее успехов в письме наполнили радостью сердце Анжелики.

***

Насекомые приветствовали прекрасное время года пронзительным жужжанием.

Анжелика вышла на тропинку и пошла среди трав, превратившихся от жары почти в солому. Это был первый раз, когда она рискнула прийти на это место. До

этого она старалась даже не поворачивать голову в направлении леса.

Несмотря на разросшуюся растительность, деревянный крест возвышался на прежнем месте. Он только слегка покосился из-за муравейника у его подножия.

Видимо, никто все эти годы не приводил в порядок эту могилу. После погребения Франсуа де Пейрак распорядился поставить на могилу тяжелый надмогильный камень и щедро заплатил одному из бретонских рыбаков, занимавшемуся гравировкой по камню, чтобы он выгравировал имя, без эпитафии, богатой, благородной и набожной французской герцогини, нашедшей трагическую гибель в Новом свете на заброшенном берегу. Бретонец проделал свою работу добросовестно и уместил на камне имя Амбруазина и фамилию де Модрибур, хотя ему и пришлось перенести часть слов и к концу слов поставить буквы несколько более тесно. Ему удалось еще выгравировать сверху маленький крест и внизу — дату смерти.

«Если можно было верить ее служанке, Петрониле Дамур, Амбруазина была старше меня», — припомнила Анжелика. — Но она благодаря своей почтительности производила впечатление младшей. Вот еще одна, открывшая секрет вечной молодости. Но благодаря покровительству Мефистофеля!»

Припоминая все — была ли она действительно так молода и красива, или это было влияние очарования, исходившего от нее, которое застилало глаза окружающим?

Анжелика наклонилась, чтобы разобрать надпись, закрытую золотистым кружевом паутины. Она соскребла паутину, отодвинула растения, стерла пыль и пальцем проследила след каждой буквы:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ

МАДАМ АМБРУАЗИНА ДЕ МОДРИБУР.

Она выпрямилась и отошла на несколько шагов, чтобы посмотреть на могилу издали. Она не испытывала никакой боязни или злопамятства, не так, как каждый раз, когда при ней произносили имя этой женщины.

Кто покоился здесь? Тело, смертная оболочка женщины — Демона, духа-суккуба, разгаданного отцом иезуитом Жан-Поль Марше де Вернон, или бедной девушки Генриетты Майотин, привязанной к своей госпоже, восторженной, способной на все ради той, которую она обожала и которая, преданная Амбруазиной и ее тайными сообщниками, была гнусным образом обманута, принесена в жертву, убита?

Анжелика, нервные силы которой были исчерпаны, когда из леса на носилках принесли смертные останки герцогини де Модрибур, не захотела приблизиться к трупу. Только издали она узнала грязные лохмотья пестрой канареечного и голубоватого цвета юбки, ее странной одежды.

Но великодушная Марселина, желая оказать благочестивые заботы этому истерзанному телу, по крайней мере, одеть на него саван до погребения, говорила ей о том, что лицо ее было неузнаваемо. «Какая-то каша из плоти и костей. Как будто оно было изуродовано ударами деревянного молотка». Никто не обратил внимания на ее замечание, не все его слышали. Предпочли все объяснить вмешательством волков и рысей.

«А волосы, Марселина? Какие у нее были волосы? Длинные? Черные?»

Без сомнения, пропитанные кровью, с вырванными прядями.

Все же нужно когда-нибудь задать Марселине этот вопрос.

Она возвратилась к могиле.

Среди жужжания насекомых это место оставалось тихим, спокойным. Анжелика удивилась тому, что она не испытывала тяжести на душе, как обычно в Тидмагуше. Могила была окружена цветами. В траве росли высокий кипрей, защищавший могилу от ветра, который заставлял слегка колебаться его верхушки. В его тени росли маленькие лиловые астры с желтым сердечком, белые аквилегии, розовый полевой люпинус, а крест обвивал молодой плющ.

«Ее нет здесь! Если бы она была здесь... цветы не расцвели бы», — сказала себе Анжелика.

Потом она поднялась и удалилась, решившись все же перекрестить могилу, повторяя себе, что ее рассуждения по поводу цветов были просто ребячеством — ведь природе несвойственны такие предрассудки.

Даже если предположить, что герцогиня де Модрибур благодаря своей хитрости и своей власти над Никола Парисом или другим из тех людей, которых она подчинила себе, могла спасти свою жизнь, Анжелика не могла представить себе, что она может быть так же опасна, как ранее.

Такая борьба является суровым испытанием и не может возродиться в прежних условиях, с теми же действующими лицами — они выходят из этой борьбы изменившимися.

Она считала, что в прошлом она боролась неплохо, но теперь она не позволила бы сбить себя с толку хитростями и чарующей улыбкой злодейки. Она вздрогнула и почувствовала страх и смирение, вспомнив некие отблески в светлых глазах соблазнительной женщины, которые нельзя было приписать человеческому существу. Иногда из этих женских глаз смотрел Демон. Перед — такой встречей с духом тьмы любое существо трепещет, и даже самые сильные цепенеют, как кролики перед удавом.

«Мой грех, — сказала она себе. — Если я получила какой-то опыт в этой борьбе — это то, что, по крайней мере, я не считаю себя сильнее адского духа.. Я рискую опять быть обманутой, если забуду об этом.

«С такими вещами не шутят, — говорил маркиз Виль д'Аврэй, несмотря на все свое легкомыслие. — Я узнал руку Сатаны в этой записке. Дорогая моя, не прикасайтесь к ней!»

Он дал исследовать подпись мадам де Модрибур иезуиту Жанруссу, и тот, кажется, несколько раз перекрестился.

Маркиз очень серьезно опасался тайных сил, которые она представляла, но при этом не оставлял своих жеманных манер и осыпал Амбруазину комплиментами, изображая наивного простака, что было наилучшим средством защиты.

«Восемьдесят легионов, мое милое дитя, это кое-что! Да, я немножко изучал демонологию», — небрежно бросал он, вынимая с отставленным мизинцем конфетку из коробочки.

Живя в соседстве с ним в эти мрачные дни в Тидмагуше, она могла заметить, что он и в самом деле силен в различных науках.

Растроганная этими воспоминаниями, она думала о нем — и вдруг он появился. Такой, как всегда, идя размеренным шагом, помахивая тростью с ручкой из слоновой кости с той же царственной грацией, как и король. Его красные каблуки уверенно попирали песчаную прибрежную тропинку, а шелк его камзола и цветы вышитого жилета великолепно блестели в свете, затененном облаками солнца.

Обнаружив ее, он остановился. Располагающая улыбка, которая всегда цвела на его губах, сделалась еще шире.

— Анжелика! — вскричал он. — Вы здесь? И я об этом не знал!

Опомнившись от своего изумления, она смотрела на него, все еще не веря своим глазам.

— Месье Виль д'Аврэй! Я считала, что Вы во Франции!

— Но я приехал повидать Марселину, — сказал он, как будто речь шла о визите к соседке.

— Вы пересекли океан, чтобы навестить Марселину?

— Она этого стоит, — сказал он свысока. — И я хотел привезти ее сына и дать ей возможность его поцеловать.

— Как поживает этот «чертеночек» Керубин?

— Очень хорошо, и сделался самым настоящим придворным, если верить его отцу.

— И потом, не забывайте, что я остаюсь губернатором Акадии. Вы не думайте, что я оставлю братьев Дефур и всех других разбойников этого берега увеличивать их состояние в мое отсутствие, зная, что они не будут давать мне проценты! Я не говорю о месье де Пейраке. В Париже его банкир всегда вовремя приносил мне мою десятину. Однако, принимая во внимание особое положение Западного берега, который всегда считался экстерриториальным, он мог найти предлог, чтобы этого избежать. Старый Парис, тот никогда особенно не стеснялся и стремился не платить. Теперь — он умер... Во Франции и в бедности! Так ему и надо! Его зять только что сообщил мне об этом. Но в общем, я доволен моим обходом. Все вернули утаенное.

— Вы поедете дальше в Квебек?

— В Квебек? Ни в коем случае!

Там дела идут неважно. Однако я несколько колеблюсь.

Видите ли, я был вчера в Шедпаке, собирался вернуться в Шигнекту, где я оставил Керубина, как вдруг я узнаю, что губернатор де Фронтенак собирается остановиться в Тидмагуше, Я предпочел приехать и

ждать его здесь, чем встречать его в заливе, где можно запутаться в островах.

— Месье де Фронтенак направляется к Западному берегу? Никто нам об этом не говорил.

— Я один об этом знаю. У меня есть свои шпионы... По-прежнему очень преданные. Заметьте, если господин де Пейрак с вами, ему также об этом сообщат. Господин де Фронтенак прибывает на «Королеве Анне», адмиральском корабле, и его сопровождает «Неукротимый» и один маленький трехтонный корабль «Мужественный». Прекрасный эскорт, присланный ему Королем. Но я решил его подождать. Всегда хорошо при длительном морском путешествии быть в обществе. И потом, в этом случае, я уверен, что господин де Фронтенак оценит присутствие такого надежного друга, как я.

— Он собирается отправиться во Францию?

Виль д'Аврэй опустил глаза и кивнул головой.

— По приказу короля.

Осмотревшись по сторонам, он сказал:

— Это — выглядит для него очень плохо. Его враги, в том числе иезуиты, похоже, могут испортить ему репутацию.

— Это произошло так внезапно! Что можно поставить в упрек управлению господина де Фронтенака?

— Интрига — это оружие, не имеющее ничего общего с такими вещами! Что может случиться... и я один это знаю... ибо он этого еще не знает... даже не подозревает... но вам я об этом скажу: когда я уезжал, поговаривали, что его собираются сместить с поста губернатора Новой Франции... Но тсс... В свое время слухи распространятся. Если он не знает об этом, его надо предостеречь...

Вы не преувеличиваете?

Анжелика была растеряна. Прежде всего, она не могла привыкнуть рассуждать о чем-либо с людьми, которые рассматривали путешествие через Атлантику как простой проезд в карете из Парижа в Тур.

В Канаде существовали два очень различных сорта людей. Те, кто не колебался пересечь океан, чтобы обсудить свои дела в метрополии, невзирая на бури, пиратов и морскую болезнь, и тех, кто предпочел бы умереть, чем вновь оказаться на борту океанского корабля. Хотя и не впадая в такую крайность, Анжелика была все же ближе ко вторым, чем к первым.

Тревоги ее первого океанского путешествия оставили в ее памяти впечатления непреодолимых пространств и окончательной разлуки.

— Кто может стремиться повредить этому превосходному губернатору? Вы, который вхож ко двору...

— О, так мало! — сказал маркиз с жестом сожаления. Вы знаете, что король меня недолюбливает. Когда я все же появился в Версале после многих лет отсутствия, король, у которого исключительная память, при виде меня нахмурил брови. Соблюдая осторожность, я держал в запасе свое тайное оружие и тотчас заговорил о вас. С этого времени он меня переносит, но не более того. Однако, тема моего разговора ему понравилась, потому что после того, как я случайно упомянул о вашей любви к душистым растениям и травам для медицинских целей, я слышал, что он поручил Ле-Нотру сделать для вас плантацию трав в уголке его сада. Ах, вас не забыли, дорогая Анжелика. Я видел ваших сыновей. Я еще расскажу вам о них. Они — общие любимцы. Я мельком видел мадам де Кастель-Мориса, она очень похорошела!

Он слегка ей подмигнул, но в этот момент она была очень озабочена, и смысл этого от нее ускользнул.

***

Они присоединились на берегу к графу де Пейраку, которому сообщили о появлении кораблей Королевского Флота, прибывших из Квебека, на борту которых находился губернатор де Фронтенак.

Виль д'Аврэй подтвердил. Он наслаждался изумлением, которое вызвало его появление и еще более тем, что оказывалось, что он в курсе всего ранее других, даже относительно дел в колонии.

В то время, как вдали появились пирамиды белых парусов и высокие позолоченные башни линейных кораблей, Жоффрей задал маркизу тот же вопрос, как и Анжелика.

— Вы не знаете, кто во Франции может стремиться повредить господину де Фронтенаку?

— Нет, увы! Я держусь несколько в стороне от слухов, не желая быть замеченным. Один осведомленный человек из Морского министерства рассказал о прошении, которое будто бы подал старый владелец Западного берега Никола Парис с просьбой оценить его заслуги в освоении Нового Света и дать ему за это вознаграждение или пенсию. Но теперь он умер, что сильно уменьшает вес его претензий, и говорят, что он не выиграл свое дело.

Это дело скорее направлено против вас, месье де Пейрак. Защищайтесь, если окажется, что его зять считает, что на основании этого прошения у него есть права.

Глава 24

С берега, усыпанного людьми, они смотрели, как маневрируют корабли. Рейд Тидмагуша, привыкший к более скромному флоту, никогда не принимал так много блестящих гостей.

Виль д'Аврэй концом своей трости показал Анжелике корабль, меньший, чем прибывающие, но украшенный скульптурами, позолоченными, как церковный оклад. Он поднял якорь и очень грациозно маневрировал, чтобы уступить место в гавани судам Его Величества.

— Это мое судно. Вы не помните? Это то самое, которое вручил мне господин Пейрак взамен моего бедного «Асмодея», потопленного бандитами.

На носу корабля Анжелика различила очертания фигуры очень красивой сирены с длинными волосами и внушительной грудью.

Но когда корабль развернулся, показались украшения на корме. Окруженное изобильно позолоченными гирляндами цветов и фруктов сияло название этой прекрасной птицы моря.

— Афродита!

— К счастью, Вы пообещали господину де Сен-Шамон не давать языческого имени вроде «Асмодея».

Она искренне рассмеялась, увидев сцену, написанную на юте и представляющую «Афродиту, рождающуюся из пены морской». Как и полагается, это была очень красивая обнаженная женщина, изображение которой могло посвященным показаться знакомым.

— Вам все-таки удалось осуществить свой самый сумасбродный каприз?

— Это было очень трудно, но я нашел художника. Не правда ли, похоже? — говорил он, обрадованный. — Все вас узнают. Картина Патюреля на «Сердце Марии» по сравнению с этой, ничего не стоит.

— Не слишком ли вы смешиваете все символы? Вы помните, что до того, как попасть к вам, это судно было в руках сообщников мадам де Модрибур и составляло часть того флота, который она наняла, чтобы захватить нас и убить.

— Вот именно! Лучшее средство для изгнания злых духов — отдать этот корабль под покровительство богини Красоты и ваше, соединенные в одном образе!

Я вас нахожу всегда радостной и наделенной очарованием, которое вы сами не замечаете — это делает вас неуязвимой, и каждый раз, когда можно ожидать, что вы потеряете часть вашего обаяния, вас находишь еще более соблазнительной. Как у вас это получается? Я думаю о короле. Я ему это скажу. Ибо он вас ожидает, но я чувствую, что он также страшится того момента, когда после стольких лет вашего отсутствия, воспоминаний и грез о вас, вы вновь появитесь. Я смогу — о, конечно, очень тактично его успокоить.

— Не впутывайтесь в это!

— О, Анжелика, как вы жестоко со мной разговариваете!

***

После обычных маневров к берегу пристали шлюпки и губернатор Фронтенак в сопровождении моряков в новых формах большими шагами приблизился к графу де Пейрак и его жене.

— Я счастлив, что встретил вас до того, как продолжу свое путешествие. Возможно, это безумие. Но я думаю, что вы одобрите мое решение. Я решил поехать во Францию и поговорить с королем. Я не думаю, что он будет недоволен. Речь идет лишь о

поездке туда и обратно. Нам необходимо объясниться лично. Потому что есть люди, которые вредят.

Анжелика посмотрела в сторону Виль д'Аврэя. По его словам де Фронтенак был вызван королем и находится почти в немилости. Что, маркиз по-прежнему любит выдумывать, и его склонность с невинным видом сеять смуту увеличилась от общения с сильными мира сего?

Он ответил на ее немой вопрос, подняв к небу глаза с видом сострадания.

Потом, обращаясь к де Фронтенаку так, как если бы говорил с тяжело больным, он сказал ему:

— Мы проделаем эту дорогу вместе. Это будет очаровательно.

— Как, и вы здесь?.. — проворчал Фронтенак, обнаружив Виль д'Аврэя. — Вы выбрали плохое время для возвращения. Квебек невыносим!

— У меня совсем нет намерения ехать в Квебек.

Фронтенак был очень весел, хотя и сожалел, что из-за этого незапланированного путешествия ему придется отказаться от своей экспедиции на озеро Онтарио в форт Фронтенак, чтобы там в торжественной обстановке принять ирокезов и установить вместе с ними, что топор войны надежно зарыт.

— Тщательно взвесив все за и против, — сказал он, — я решил использовать летнее время и возможность навигации, чтобы оправдаться перед теми, кем нужно.

Эти сведения ему сообщила его супруга, хорошо принятая при дворе.

Говоря о ней, он обращался больше к Анжелике.

— Несмотря на нашу глубокую семейную размолвку, вы знаете, что постоянное присутствие при дворе моей жены Анны де ла Гранж очень полезно; она всегда защищает интересы Канады, в особенности, когда дело идет о клевете на меня королю.

Но на этот раз она мне сообщила, что не может найти источник зла, но что интрига сплетена очень сильно и ловко задумана. Мадемуазель де Монпансье, ее давнишняя приятельница и, вы знаете, очень хитрая интриганка, признала свое поражение. Я должен приехать. Заметьте, что я не знаю, не придают ли дамы слишком большое значение моему влиянию. Я слишком злоупотреблял моими почти семейными связями, соединявшими мою семью с Бурбонами. Мой отец был партнером в игре Его Величества Людовика XIII, который был моим крестным отцом. Я сохранил привычку считать короля своим кузеном и недостаточно с ним церемонился. Но я не могу разочаровать графиню, которая знает, что я питаю самое глубокое уважение к ее мнению. Терять мне нечего. В Квебеке, надо сказать, все идет — хуже некуда, и на месте эту загадку не разрешить.

Он показал им копию письма епископа, полученную от своих шпионов. В этом письме де Фронтенак обвинялся в том, что он заставил построить форт Каракум, чтобы там тайно обогащаться продажей мехов.

— Даже епископ покидает меня, хотя я поддерживал его против иезуитов. Карлон тоже «подставляет мне ножку».

— Интендант? Мы считали, что он в немилости?

— Он и есть, но тем не менее старается мне противодействовать, чтобы поддержать своего родственника, который командует в Монреале, и которого я хотел арестовать. Он считает, что отрекшись от меня, он присоединится к выигравшей стороне. Он питает иллюзии... его преемник уже в дороге. Он, Карлон, ожидает его спокойно, потому что ему сказали, что этот человек будет замещать его только временно, пока он съездит во Францию сделать денежный отчет.

Я, по крайней мере, уезжаю, не передав никому своих полномочий. Мой секретарь будет разбираться с текущими делами. Это будет очень затруднять деятельность нового интенданта. Как будто ему даны распоряжения.

— Чьи распоряжения?

— Это то, что следует выяснить. Месье де Ла Вандри, который с первыми кораблями привез мне депеши короля, не в курсе дела. Если только он не притворяется.

— Король не может таким образом снять все «власти» колонии без предварительного извещения.

— Тогда его нужно уведомить. И для этого я еду во Францию. Но речь идет только о визите к королю.

Он вздохнул, озабоченный.

— Еще одно дело иезуитов, — проворчал он, — отзыв о та де Мобёж, сторонника выжидательной политики, который заставлял этик грабителей с Больших Озер соблюдать, по крайней мере, видимость религиозной деятельности, положил конец политике умеренности.

Чтобы более откровенно разговаривать с ними, он подошел ближе к группе Жоффрея де Пейрака, Анжелики, Виль д'Аврэя, окруженной офицерами флота де Пейрака, Барсемпью, Урвилль, де Куеннаком и другими, с которыми он также был знаком и видел их в своих салопах замка святого Людовика.

Де Фронтенак продолжал говорить вполголоса, в то время как разряженные офицеры Королевского флота трясли своими носовыми платками, чтобы развеять запах рыбы и тающей на солнце тресковой печени, а работающие на солке бретонские рыбаки в передниках, пропитанных морской солью и осыпанных рыбьей чешуей, столпились кругом, глаза на это светское общество.

— Вы не можете представить духа, царящего в Квебеке. Он напоминает время перед землетрясением или перед вашим приездом, когда этот отец д'Оржеваль стремился командовать всеми и вся, и преуспел в этом, несмотря на свои смиренные и спокойные манеры. Никто не был хозяином в своей миссии, своем доме, своей хижине, также как и губернатор в своем дворце. Я вздохнул с облегчением, когда узнал о его кончине. Его объявили мучеником Церкви и героем Новой Франции. Это было самым лучшим концом, я говорю вам это без обиняков.

Как бы то ни было, живой или мертвый, он доставляет мне много забот. Многие вспоминают его слова и стремятся увлечь всех на тропу войны, чтобы почтить его память.

Когда я покидал Квебек, распространился слух, что под городом прошла «вереница горящих лодок». Я их не видел, но вы знаете, на народ это каждый раз производит сильное впечатление. Они видят в этом предсказание грядущих бедствий или указание свыше, переданное теми, кто является, чтобы напомнить живым об их долге. И что же, в этот раз там был он.

— Кто?

— Д'Оржеваль. Меня уверяют, что его там видели и узнали. В компании первых мучеников, иезуитов и трапперов. Что можно с этим сделать? Сумасшедшие! Я был вынужден послать жандармов против банды бешеных, стремившихся отправиться на Орлеанский остров, чтобы повесить Гильометту де Мансарра-Беар, помещицу, которую считают колдуньей.

Необходимо заставить короля понять, с чем мне приходится бороться на этом краю земли, и какой вред причиняют они интересам монарха Нового Света, возбуждая население.

Жоффри де Пейрак, успокаивая своего земляка, положил ему руку на плечо.

— Мой дорогой друг, у вас позади несколько дней путешествия. Солнце в зените. Если мы останемся на берегу, мы рискуем расплавиться, как эта тресковая печень. Я советую вам пойти отдохнуть на борту вашего корабля.

Сегодня вечером я приглашаю вас на ужин, и мы сможем обо всем этом на досуге поговорить и составить план.

Его слова и жест как будто успокоили Фронтенака, и он снова стал улыбаться.

Граф де Пейрак подошел к де Ла Вандри и пригласил его и его штаб выпить турецкого кофе в тени его скромного бревенчатого колониального дома. Каменными были только подвалы и склад для пороха.

Благодаря этому жесту вежливости он мог не принимать их позже в обществе де Фронтенака. Выпив этого восхитительного напитка и обойдя владения графа при температуре пылающей печи, они возвратились на корабли, радуясь хотя бы небольшому морскому ветерку, а господин Тиссо, управляющий, начал подготавливать большую гостиную форта для достойного приема вечером губернатора Новой Франции.

Зять Никола Париса был тяжеловесным и мрачным мужчиной тридцати лет. Он родился в области Сен-Пьер Бретонского берега в то время, когда там находилось не более четырех хижин поселенцев и маленькая часовенка. Этот человек обладал все же некоторой живостью ума и коммерческими способностями. Благодаря наплыву сезонных судов и матросов Старого Света, медлительные по натуре поселенцы Акадии становились более развязными. Когда он мог вставить свое слово, он энергично защищал свое мнение.

Старик действительно подавал свое прошение королю, но уже два или три года тому назад, по возвращении из Америки. Поэтому нельзя было считать

это прошение, которое, возможно, король и не соизволил прочесть, причиной внезапных перемен в колониальной политике Парижа. Затем старик женился. Он умер в отдаленной провинции, где он обосновался, чтобы наслаждаться своей супругой и состоянием, полученным от продажи своего имения в Акадии, а также от последующих щедрот короля. Его вдова вновь вышла замуж за высокопоставленное в этой провинции лицо-интенданта или кого-то в этом роде и будто бы не интересовалась американским наследством.

Все это он и дочь Никола Париса внезапно узнали из почты, доставленной на одном из первых весенних бретонских кораблей.

Он вынул из кожаного, на завязках, мешка увесистый пакет бумаг. Ему и его жене, наверно, пришлось долго попотеть, чтобы разобраться в этих бумагах, потому что это были составленные нотариусами и чиновниками первые и единственные новости, полученные от старика. Когда они их одолели, то вздохнули с облегчением; прочтя документы о подаче его прошения в Версаль, его браке и его смерти, они пришли к заключению, что эта мачеха — никому не нужная вдова — не приедет оспаривать их наследство. Все-таки старик должен был кое-что оставить. Может быть «там», где он им всегда говорил; кроме того, что он привез из Америки, у него что-то было, и нотариусы как будто намекали, что можно кое-что и наскрести, во всяком случае здесь, в Акадии.

— Здесь, друг мой, — прервал его Виль д'Аврэй, все ясно и может быть изложено на пергаменте со всеми нужными подписями и печатями. Не вздумайте затеять бесконечный процесс, чтобы завладеть территориями, которые ваш тесть продал графу де Пейраку.

Я был свидетелем передачи прав. Все было сделано по требуемой форме перед господином Карлоном, интендантом Новой Франции. Он оставил вам

Кансо, песчаные отмели, которые вы можете сдавать рыбакам, и часть залежей каменного угля. Что касается до того, что может находиться «там» — ничто не мешает вам сесть на корабль и — отправиться во Францию для выяснения.

Зять Никола Париса, не настаивая, ушел со своей женой. После длительных размышлений перед кружкой хорошего английского джина он сказал супруге, что дело это требует терпения. Надо подождать. Сначала разобраться, в какую сторону дует ветер.

Вот начали поговаривать, что господин де Фронтенак уезжает в немилости, что его «отозвали». Может быть, то же будет и с Карлоном? В этом случае чего будут стоить права искателя приключений без чести и совести, так называемого графа де Пейрак, который собирал дань со всего Западного берега? Его можно будет легко выжить, потребовав наследства или отказав ему в иске как пирату или союзнику Англии.

Будет его очередь, зять Никола Париса, стать королем Западного берега. А что касается дел с этими бандитами в Европе, то ему, никогда не бывавшему даже в Квебеке, тоже лучше подождать. Может быть, в будущем году. В настоящее время он только напишет всем этим нотариусам, писцам и адвокатишкам и объявит о своем приезде, чтобы они держали его экую «тепленькими».

В Тидмагуше, в четырехбашенном форту, здании очень скромном с виду, в зале, хотя и с низким потолком, но просторном, можно было накрыть стол для приема так роскошно, как Жоффрей де Пейрак любил принимать своих гостей. В случае необходимости можно было устроить празднество не хуже, чем официальные приемы в Квебеке, с изысканными винами, многими блюдами на золоченой посуде. В этот вечер можно было любоваться поданными в честь губернатора бокалами из богемского с красным

отблеском хрусталя. — Таких бокалов не было даже у короля.

Господин Тиссо, метрдотель, прислуживал с большой помпой с помощью четырех помощников, восьми лакеев и целой кучи поварят, все они знали свои роли лучше, чем труппа актеров, выступающих перед королем.

Губернатор де Фронтенак был очень тронут таким царственным приемом — ведь он ожидал, что ему придется поспешно съесть кусок дичи на мостике корабля.

Он прибыл вечером в сопровождении начальника городского хозяйства Квебека, д'Аврэнсона, который должен был вернуться в столицу Канады после отъезда губернатора, обычной группы советников и членов свиты и некоторых членов городского муниципалитета.

Он был несколько мрачен, поразмыслив, видимо, еще над своими планами. Но вино привело его в лучшее настроение. Он развеселился. В конце банкета, когда посыпались рассказы о битвах, об интригах Двора и о любовных похождениях, он увлекся и процитировал знаменитые стихи, которые стоили ему почетного изгнания. Он был на двенадцать лет старше, чем Людовик XIV; в те времена отбить у короля его пылкую любовницу — значило только дать свидетельство своих талантов обольщения и мужской доблести. Он, типичный гасконец, не жалел ни о чем, потому что очень позабавился последующим скандалом.

Он напевал:

— Я в восторге от того, что король, наш государь

Любит Монтеспан

Я, Фронтенак, я весело смеюсь

Познав все до него!

И я скажу — ты не лучше других

И, государь, получил лишь мои остатки.

О государь!

Лишь мои остатки!

Превосходные напитки способствовали созданию климата веселого соучастия, и общество весело хохотало.

Повелитель, объект насмешек, был далеко.

Самые льстивые и угодливые получали злорадное удовольствие от того, что король, внушавший им трепет и уважение, оказался обиженным, как простой смертный и унизился до мести.

Поэтому все стремились льстить Фронтенаку, довольные его храбростью, благодаря которой он мстил королю за его пренебрежение к ним. Так они освобождались от глубоко загнанных вглубь обид и предавались веселью без угрызений совести, зная, что эта свобода — ненадолго.

После того, как пары алкоголя улетучатся, некоторые из присутствующих особ используют этот анекдот для подрыва положения слишком дерзкого губернатора.

Фронтенак понял это даже до того, как протрезвел. Может быть потому, что в глазах хозяина он прочел дружеское предостережение.

Он понял, что собираясь в поездку для дружеской беседы с королем, предаваться таким воспоминаниям не следовало.

Анжелика страдала за него; ведь он казался таким уверенным в успехе. Он ожидал от своей беседы с королем столько хорошего для колонии. Однако, как тонкий политик, он подозревал что-то и уже давно чувствовал беспокойство, ибо в беседах, вслушиваясь в интонации различных людей, он не мог не заметить, что его окружение, его самые надежные и искренние друзья, как, например, граф де Пейрак, не разделяли его оптимизма.

— Возможно, я совершаю ошибку, но я настолько чувствую необходимость этого визита во Францию, что

не могу от него отказаться.

— А у вас есть выбор? — спросил Виль д'Аврэй. Разве это не король вас вызывает?

— Вы глубоко ошибаетесь. Это я сам принял решение поехать. Спросите господина де Ла Вандри.

— Господин де Ла Вандри — обманщик, который вам завидует и вас ненавидит. Он уже предложил трех своих друзей на замену вам на посту губернатора.

Фронтенак подскочил, поперхнулся, выпил стакан воды, поданный лакеем, потом успокоился.

— Я не верю ни одному слову из всей этой чепухи. Я уже ранее собирался встретиться с королем.

— И когда Ла Вандри, приехав, держа в кармане распоряжение о вашем отзыве, смущенный, не зная, как вам это сообщить, увидел, что вы так стремитесь уехать, он просто стал поддерживать вас в этом намерении.

— Этот низкий человек! Если то, что вы говорите — правда, я заставлю его отдать мне письма, которые он, трус, не решился мне отдать.

— Не нужно показывать ему, что вы разгадали его игру. Оставайтесь спокойным. Вы будьте только больше начеку.

— А если меня арестуют в порту и отправят в Бастилию?

— Дело не обстоит так! — возразил Виль д'Аврэй тоном, в котором слышалось, что до этого не так-то далеко.

— Да говорите вы прямо! — внезапно вскричал Фронтенак, схватил Виль д'Аврэя за жабо и стал его трясти, — говорите все, что вы знаете!

Виль д'Аврэй стал уверять, что он мало что знает. Когда он в мае уехал, а сейчас было начало августа, — это были только слухи в низших слоях министерств. Он готов был держать пари, что король ничего не знал и продолжал быть благосклонным к Фронтенаку,

которому он был обязан обнадеживающим примирением с графом и графиней де Пейрак.

Но следует сказать, что эхо этих слухов быстро распространилось, а он, Виль д'Аврэй, задержался в Акадии на Мельнице Красавицы Марселины, Если по приезде на берег он обеспокоился за Фронтенака, так это потому, что, во-первых, он знал намерения де Ла Вандри и узнал об его приезде, а во-вторых, у него тонкий нюх, и он никогда не ошибался, когда нос предупреждал его, что дела кого-то из его друзей идут плохо.

Фронтенак повернулся к Жоффрею де Пейрак, как будто ожидая его мнения. Граф посоветовал ему сохранять свою тактику как полноправного губернатора, который едет к королю, чтобы обсудить с ним проблемы своей должности.

— Король ценит тех, кто добросовестно выполняет свою работу, и оценив это ваше качество, король Франции никогда не позволит себе, потворствуя интригам, лишиться человека, достоинства которого он уважает.

— Это верно, — признал Фронтенак. Но вот этот сонет... — сказал он жалобно. Я посмеялся над ним, и этого он никогда не простит.

Он пришел в раздражение, вспомнив все те фальшивые обвинения и глупости, которые его враги собирали против него и, как бы они ни были мелочны, могли повредить ему во мнении короля, не расположенного по отношению к нему к снисходительности.

— Знаете ли вы, что меня обвиняли даже в том, что я избрал в качестве королевского и государственного символа Новой Франции белое, с золотыми лилиями знамя Бурбонов! Я хорошо знаю, что он введен только со времен Генриха IV, и что французы с трудом его приняли, потому что белое знамя было у гугенотов и

напоминает о белом плюмаже Генриха Наваррского, когда он сражался с католиками и морил голодом Париж, до того, как стать Генрихом IV, первым Бурбоном.

Я знаю также, французы почитают Орифламму, или красное знамя Сен-Дени, и даже самое старинное знамя синего цвета облачения Святого Мартина. Что до меня, то я предпочитаю лазурное знамя кавалерии, к которому наш король Людовик XIV добавил золотое солнце.

Но в Канаде мне пришлось руководствоваться другими соображениями. У ирокезов красное обозначает войну, и даже смерть, в то время как белое означает мир, а золото — богатство.

Таким образом, оказалось, что белое знамя, мало используемое во Франции, представляло здесь, символически, много больше. Вот почему я его выбрал.

— И прекрасно сделали! Король не может быть недоволен тем, что вы оказали ему честь, выбрав, для того, чтобы представлять Францию и короля, символику его предков, Бурбонов.

— Как знать? — прошептал Фронтенак с разочарованным видом. — Это может быть представлено в другом свете... Люди так злы... и так глупы.

Все средства хороши, чтобы меня погубить. Дошли до того, что говорили, будто я подбиваю ирокезов на войну против нас, потому что одолжил им оружейного мастера для починки их оружия.

Но у меня есть, — сказал Фронтенак с трогательным пылом, — много бесценных ожерелий — вампумов, которые мне неоднократно передавали вожди Пяти Племен. Я могу показать их королю!

Присутствующие обменялись сострадательными взглядами, а Виль д'Аврэй состроил гримасу.

— Я очень сомневаюсь, что король и Кольбер осознают важность этих неизвестных трофеев.

— Но ведь они представляют собой мир в Северной Америке. Мир с ирокезами... открытие дороги к Миссисипи...

— Во всяком случае, все эти тонкости необходимо объяснить лично Его Величеству и Кольберу, — сказал д'Авренсон.

— И тем, слова которого ни у того, ни у другого не вызовут подозрения, — сказал маркиз. — Во всяком случае я, несмотря на всю мою привязанность к вам, за это не возьмусь. Я «нажегся» в истории с китайской вазой брага короля. Но я буду защищаться.

— Значит, придется отражать атаки короля одну за другой.

Что особенно уязвляло Фронтенака, это обвинение в том, что улучшая управление делами, он стремился обогатиться. Для блага Канады он потратил личные средства!

— Если меня попытаются в этом обвинить, я не постесняюсь выложить все о торговых делах иезуитов...

Потом, понимая, что эти сплетни не понравятся королю, тем более, что при Дворе иезуиты были всегда поблизости и тайно, но активно делали свое дело, он замолчал.

— Нет, нет! — вскричал он внезапно и жестом руки чуть по сбросил свой бокал, который ближайший к нему лакей едва успел подхватить. — Нет, я не могу предпринять столь важное дело, имея так мало в руке козырей, так мало деятельных, прилежных, искренних помощников. Козыри! Что я говорю! У меня и одного нет. Я приезжаю весь пронзенный клеветой, как стрелами. Почва подготовлена чиновниками, которые не имеют ни малейшего представления о нашей работе и опасностях в этих диких местах, зная ровно столько, чтобы мне вредить, и сверх того, каждый раз, когда я

открываю рот, чтобы защищать дело Канады перед королем, между нами стоит память о моих оплошностях. Как я смогу заставить меня выслушать? Каких ждать результатов?

— И все-таки, — сказал он грустно, — я имел в виду только спасение и величие Новой Франции, над которой реет его знамя с цветками лилии.

Опершись локтем о стол, он опустил лоб на скрещенные руки и задумался. «Это необходимо, — повторил он несколько раз. — Нет другого решения. Иначе это путешествие будет просто неудачей, маскарадом».

Он поднял голову с решительным видом, глаза его заблестели надеждой, и нерешительность исчезла с его лица.

— Что из того, что это окажется смелым маневром, хитростью! Это в моих обычаях, и король не должен быть недоволен тем, что идет на пользу его властолюбия и сделано с целью служить ему. Я убежден в одном. В моем окружении есть только один человек, который может ясно и беспристрастно изложить королю наши дела, один человек, который может завладеть его вниманием, отвлечь от воспоминаний о моих прошлых проказах. Этот человек один способен заставить короля внимательно его выслушать, разбудить интерес Его Величества к проблемам колоний, проблемам, которые раздражают его, тем более, что никто в окружении Его Величества не может или не хочет открыть ему эти тайны. Есть только один такой человек. Это — вы, граф де Пейрак.

Встав с места, он долго смотрел перед собой в одну точку, как будто взгляд его терялся в переливающимся блеске вина в хрустальном бокале.

Затем, подняв бокал и повернувшись к хозяину: — Граф де Пейрак де Моррен д'Ирристру, мой брат по нашей общей родине, мой земляк, — сказал он, — во

имя дружбы, которая нас связывает, услуг, которые мы оказывали друг другу, во имя наших обширных и прекрасных проектов, созданных для блага и мира народов этой страны, которую мы оба любим, я настоятельно прошу, я умоляю, я заклинаю вас: будьте моим спутником!

Глава 25

«Земляк мой, заклинаю вас, сопровождайте меня во Францию, чтобы защитить мое дело и дело Новой Франции!» — вскричал Фронтенак, обращаясь к графу де Пейрак.

«Это — никогда», — как эхо ответил женский голос, голос Анжелики, как только она поняла смысл произнесенных слов.

— Это — никогда! — повторила она тоном, не допускающим возражения.

И в то же время она осознала, что Фронтенак был прав, и что это свершится, потому что это было наилучшим решением! Молин в одном из своих последних писем напоминал о пользе «визита» в ответ на долготерпение короля. Пусть даже визита чисто политического.

— Нет, нет, никогда. Я не позволю ему уехать! Европа — это слишком далеко! Океан слишком велик. Когда уезжали с одного континента на другой — это было навсегда.

Она перестала смотреть в сторону востока. Правда, там находились ее сыновья. Но ее сыновья вернутся. Сегодня речь шла о ее жизни. А ее жизнь — это Жоффрей. Она не может жить без него. Она поклялась себе, что они больше никогда не разлучатся. Если они расстанутся, разлука, расстояние, полный разрыв, представляли страшный риск, который казался ей непоправимым.

И океан был именно всем этим!

Жоффрей на Французской почве, Жоффрей перед королем — это была его гибель.

Нет, никогда, никогда она не позволит ему уехать!

Она повторяла: «Это — никогда».

Она смотрела с вызовом на всех этих мужчин, которые каждый по-своему принимали, взвешивали и осуждали ее волнение, ее импульсивную реакцию, ее возмущение. Одни — с удивлением, другие — оскорбленные, раздосадованные, позабавленные или заинтригованные. Фронтенак не понимал. Он был так доволен своей находкой. Он никогда бы не подумал, что противницей будет мадам де Пейрак. Виль д'Аврэй понимал и не был удивлен. Он знал, что такое любовь и знал, какая любовь жила в сердце этой женщины. Он думал, что после обсуждения будут еще альтернативы на будущее, что можно еще поспорить.

Что касается Жоффрея... Нет, Анжелика не хотела прочесть на лице Жоффрея то, что она понимала, что он принимал предложение Фронтенака. Он предавал, он оставлял ее!

Она выбежала из дома и, пройдя поселок, почти бегом бросилась по тропинке, идущей вдоль берега. Она торопилась, как будто она могла убежать от испытания, свалившегося на ее плечи, от мучившей ее дилеммы, которую нужно обсудить не только с собой, но и с другими, чтобы в конце концов покориться с разбитым сердцем и пережить то невообразимое, невыносимое, то, что она обещала себе не переживать больше никогда, никогда не допустить, чтобы жизнь заставила ее принять разлуку.

Дойдя до края тропинки, которая прямо доходила до скалистого берега, она возвратилась и упала без сил у подножия бретонского креста, воздвигнутого около столетия назад отважными ловцами трески. Потом она поднялась и поспешно ушла, вспомнив, что именно с этого места Арман Деко, гнусный секретарь Амбруазины сбросил со скалы бедную Марию-Кроткую. Она не могла сосредоточиться, она только повторяла, что ненавидит этот ужасный Западный берег, который всегда приносил ей несчастья.

В конце концов, она уселась на тропинке. Правда, это было то самое место, где она плакала на груди абенака Пиксарета, воображая, что Жоффрей обманывал ее с коварной соперницей; женщиной-Демоном.

Все это было в прошлом. Выигранная битва, из испытаний которой она вышла другой и более сильной, чем ранее. И вот теперь она была слаба перед новым испытанием.

«Бегство, поражение!» Вот что означал в картах этот шут, которого собака кусает за пятку! Нет, нет, только не это! Для нас не должно быть больше ни бегства, ни поражения — если только это не будет смертью физической или моральной.

Теперь мы можем суммировать все: итак, что сказали? «Нежелательное путешествие, которое вам придется совершить... Обязанность, которой нельзя избежать». Шут, одетый в небесно-голубое, дух, и его позолоченный пояс-листика! Путешествие?.. Пусть! Если это будет соответствовать нашим целям — защитить себя и добиться успеха. Но не разлука! Нет! Не второй раз! Не второй раз эти страдания, этот ужас, эта страшная судьба! Не разлука! Я буду сопротивляться всеми силами! Разлука — это море мрака. Это значит: она на одном берегу, а он на другом.

Они вместе приехали в Новый Свет и вели вместе бок о бок общую борьбу за общий успех.

Временные разлуки, навязанные им обстоятельствами, помогали скорейшему достижению цели — возможности жить в мире, рядом, как это представлялось на заре их любви, когда они встретились в Тулузе, уверенные в своем счастье.

Они часто вспоминали об этом решающем мгновении возникновения их страсти.

Любовь с первого взгляда!

Разве они не заслужили того, что хотя бы на этой Новой Земле то, что было возвращено, не было отнято снова?

То, что происходило сейчас, это было падением в пропасть.

Нет. Нельзя совершиться этой ошибке... разрешить ему удалиться.

Когда она вернулась в форт Тидмагуш, Жоффрей де Пейрак ожидал ее в их комнате. Без сомнения, он видел из окна, как она возвращалась. Он стоял со скрещенными руками, опираясь на подоконник, в свободной позе, которую он принимал, чтобы дать отдых больной ноге, со слегка склоненной головой, задумчивым взглядом и легкой улыбкой на губах, чтобы не выдавать беспокойства... или вызвать его? «О ты — это только ты! — подумала она. — Одинокий мужчина в этом большом мире. Со своими мыслями, мечтами, знаниями, своей силой и своими слабостями. А я, если ты исчезнешь, я снова окажусь в пустоте!»

— Если ты исчезнешь, я снова окажусь в пустоте, — сказала она вслух.

— Какое безумие произносить подобные слова, — сказал он ей. — И это говоришь ты, которая любит скакать одна на капризном коне жизни?

— Ничего больше нет, — ответила она, — ты взял все.

Ее собственное существование было сметено. Под его покровительством, под его охраной она могла мечтать о свободе, следовать своим тайным целям, своим личным планам. Но как только ее воображению представлялось видение разлуки, ее сердце оказывалось в плену, ее охватывали женские страхи, страх всех женщин, которые бегут вслед за уходящим мужчиной, цепляются за его одежду, ломают ногти об его кольчугу, целуют доги всадника и падают лицом в пыль, когда он удаляется.

— Женщины имеют возможность предаваться подобному взрыву чувств, — сказал он, целуя ее глаза и мокрые от слез щеки.

— Им повезло, что у них есть право на крики, слезы, они могут ломать руки, рвать на себе волосы и падать лицом в пыль — это приносит облегчение жестоким страданиям. Но что будет дозволено мне, мужчине, когда я увижу, что вы покидаете меня, вы — пристанище моего сердца, утешение в горе, постоянное обещание самых опьяняющих радостей, которые может узнать мужчина? Что должен сказать я, бедный мужчина, жизнь которого освещает только надежда увидев вас? Я, который будет исполнять свои обязанности на бесплодных дипломатических встречах, не имея даже того утешения, что вечером я смогу обсудить их с вами. Я буду должен это принести в жертву комедии нелепого, тщеславного света, не имея даже возможности встряхнуть его пресыщенное чванство, показав самое удивительное и ослепительное существо то в мире, а вечером, после всех этих долгих хитросплетений, дипломатических маневров мне остается только снова грезить в одиночку, без конца повторяя, что кроме той, которой нет со мной, ни одна женщина не сможет меня отвлечь от тяжелых мыслей и щедро одарить, и надеяться, что и она...

Прижавшись лбом к его плечу, она сначала соизволила улыбнуться, потом — расхохоталась. Она подняла голову.

— Я не верю ни одному слову из ваших уверений, и вы не заставите меня сжалиться над вашей участью. Я очень во всем сомневаюсь, в особенности насчет последнего, — Она приложила палец к его губам, не давая возразить.

— Никаких обещаний... Я вам уже сказала, я ничему не верю и не хочу ничему верить. Я не хочу даже думать, представлять себе, воображать, как вы будете

жить вдали от меня. Да не все ли равно! Все мне безразлично! Не все ли равно, какой вы вдали от меня. Вы есть — и далеко. Как я смогу это перенести? И она вновь зарыдала.

— Я умру!

Она прижимала голову к его груди, обнимала его, как будто хотела упиться его теплом, его запахом, всем, что она в нем любила. Его объятия, сила жизни, исходящая от его большого тела, которая проявлялась во всех его жестах и проявлениях его натуры — это все давало ей наслаждение в каждое мгновение; она жила этим.

Он был так полон жизни, что все другие казались ей не только ничтожными, просто неживыми, да, смертельно скучными, невыносимыми.

— Так, значит, в самом деле вы не хотите поверить, что я буду без вас очень несчастен?

— Нет. Я вам совсем не доверяю. Я вас слишком хорошо знаю! Вам доставляет такое удовольствие властвовать над людьми, распутывать интриги и заговоры, преодолевать препятствия, создавать из ничего, строить заново то, что было разрушено. Вы — мужчина. Сам король — это только ставка в вашей игре. Вы не сомневаетесь в том, что сумеете его провести, потому что вам представляется для этого случай и время. У вас будет слишком много дел, и слишком много блестящих подвигов вам придется совершить! Вы не заметите, как пройдет время!

— О, а с вами не будет то же самое, мадам? — сказал он, взяв ее лицо своими сильными, теплыми руками, заставив ее взглянуть ему в глаза. Я тоже вас слишком хорошо знаю. И, благодарение Богу, любовь к жизни, которая переполняет вас, во всем вам поможет во время моего отсутствия, и я знаю, что я вновь найду вас торжествующей над вашими и моими врагами, и прекрасной, еще более прекрасной!

— Что же, видно мне придется примириться с участью одинокой супруги. Она более грустна, чем ваша, потому что это мужчины уходят.

— Иногда и женщины. Вы недооцениваете место, которое вы заняли в моей жизни. Это я буду страдать, представляя себе, как вы удаляетесь, возвращаетесь в Голдсборо, ведете жизнь, в которой долгие месяцы мне не будет места, и я не буду иметь даже права пожаловаться на свое одиночество, на свое беспокойство, и, не в обиду будь сказано, на свою ревность. Она мучает меня, когда я представляю вас снова одной, хозяйкой своей жизни, не считая того, что ситуация, которую я оставляю позади, в Америке, может ухудшиться. Мне придется забыть, что вы можете оказаться в опасности.

В этих словах, она почувствовала, звучало серьезное беспокойство, и это помогло ей взять себя в руки.

— Я отвечаю за себя. Я не боюсь за себя, не бойтесь за меня, вы можете уехать спокойно.

— Тогда ответьте мне тем же. Поверьте мне, когда я говорю, что из любви к вам сумею избежать опасности и выбраться из любой западни. Ваше сегодняшнее отчаяние беспредметно. О чем идет речь, если мы посмотрим на вещи хладнокровно? Одна зима, которую мы проведем далеко друг от друга, но не без друг друга. Миссия, которую хочет мне поручить де Фронтенак, очень важна. Вы знаете это не хуже меня. Этот раз мне кажется, что наше вмешательство в дела короля необходимо; все может быть спасено и все может погибнуть из-за слова, которое не будет вовремя сказано, из-за доклада, который может предотвратить бесполезные войны, вредные для дела изгнания. Во время этой борьбы вы будете со мной, как и я буду с вами.

Так, осторожно расставив по местам все пешки на этой перевернутой шахматной доске, он сумел разумно

разыграть партию, которую нельзя было избежать, и сумел смягчить ее слепую первую реакцию — отказ.

Находясь в его объятиях, прижимаясь к нему, она должна была признать, что — да, более высокая цель, которая определяла их будущее, будущее их детей, их владений, их друзей и союзников, вынудила их принести эту жертву.

При внимательном рассмотрении — да, но сравнениями со всеми преимуществами такой жертвы, приходилось преодолеть минимум испытаний. «Все будет хорошо, — не переставал он повторять. — Эти месяцы разлуки пройдут очень быстро».

В самом деле, она ему верила. Она знала, что все будет хорошо. Море он переплывет без происшествий. Разве он когда-нибудь попадал в плен? Или терпел кораблекрушение? Она представляла его сходящим на берег во Французском порту, где рядом с ним окажутся его «корреспонденты» и прикроют его покровом покровительства и сообщничества, который он сумел соткать для себя и своих во всех концах света. Она видела его перед королем. И что проще и естественней? Вельможа из старинной семьи Аквитании занимал свое место среди равных себе.

«Это должно было когда-нибудь случиться», — сказал бы де Молин.

Король! Жоффрей де Пейрак! Двое людей, которые могли без затруднений услышать и понять друг друга, если отбросить старые обиды и недомолвки, ибо причина для этого возвращения и незапланированной встречи была близка сердцу их обоих: величие короля Франции в его владениях в Америке. Людовик XIV любил сам все проверять. И она верила в Жоффрея. Он был такой сильный, такой ловкий. У него был такой ясный и такой разумный взгляд на всех и на все.

Глава 26

Назавтра, выйдя из дома, она увидела ожидавшего ее маркиза Виль д'Аврэя, который взял ее под руку. Он шел по песчаной тропинке и ставил на нее ноги и трость со своей обычной грацией. Он стал рассказывать ей о садах короля.

— Я творю вам не об обычных увеселительных парках и садах, а о фруктовых садах и огородах. Они великолепны благодаря красоте всех фруктов, овощей и цветов, посаженных с необыкновенным вкусом. Они восхищают взгляд, как если бы вы прогуливались в картине художника. Что до запахов, то аромат груш у подножья стены с га ступеней, против которой король приказал посадить рядами грушевые деревья, в теплый день конца лета таков, что можно упасть в обморок от чарующего и невинного блаженства такой особе, как вы.

— Зачем вы рассказываете мне о всех этих тонкостях, когда мы находимся так далеко от всего этого среди дикой и неблагодарной природы, не говоря уже об аромате, которым нас обволакивают эти тресковые солильни? А в Вапассу я даже не могла заставить цвести нормандскую яблоню!

— Именно поэтому. Вспоминая о владениях королевского садовника, зная вашу любовь к жизни и стремление к подобным удовольствиям, я надеюсь склонить вас к мысли, что вы можете вновь увидеть все это!

— Этьен, вы знаете, что я не могу уехать с де Пейраком. Вы это отлично знаете. Все задерживает меня в Америке. Мое место — рядом с моими детьми, с нашими преданными друзьями и соратниками. Могу добавить, что независимо от обязательства оставаться

здесь в отсутствие моего мужа, я не уверена, что когда-нибудь решусь вернуться в Европу.

— Вы вернетесь, вы вернетесь! Помните: я приглашал вас в Квебек, а вы говорили; «Я не могу вступить на французскую территорию, я буду там в опасности». А потом вы приехали, и мы провели такой приятный зимний сезон в нашей маленькой столице, и ваше пребывание только укрепило узы дружбы.

— Счастливый результат, который сейчас внезапно оказался под угрозой!

— Ну, что вы говорите? Какая вы пессимистка, дорогая Анжелика! Ничего не случилось! Это только интрига нескольких завистников и врагов, которая заставила Фронтенака сорваться с места и ехать объясняться в Париж. В конце концов, я не знаю, соответствует ли действительности слух, что король его отзывает во Францию. Фронтенак прав. Он получит разрешение навести порядок в своем доме. Это только интрига «колониальных» торговцев мехами, нетерпимых иезуитов, о которой, готов держать пари, сам король и не слышал.

Он казался очень уверенным.

Анжелика спрашивала себя, скрывает ли он что-то от нее, или она сама, ослабевшая из-за своей привязанности к Жоффрею, мужчине своей жизни, от привычки к счастью, придавала ожидающему их испытанию драматический оттенок и без всяких оснований ожидала плохого результата.

Приняв решение, она занялась ежедневной деятельностью, хотя ощущала еще боль и чувство потрясения, как после ударов, несмотря ни на что сдерживалась, чтобы не выказывать страха, временами охватывающего ее так, что хотелось кричать.

В ближайшем будущем предстояло решать связанные с этим проблемы. Ведь целью их теперешней поездки было посещение Онорины! Анжелика

собиралась продолжать поездку до Квебека и Монреалья, подняться по реке Святого Лаврентия. Но Жоффрей де Пейрак воспротивился этому, и по его реакции Анжелика поняла, что он не хотел, чтобы она ехала в Новую Францию в отсутствие Фронтенака.

— А Онорина?

Разочарования следовали одно за другим. Появлялось много мелких затруднений, и веселая беззаботность, с которой они ехали навешать свою дочь, сменилось неприятной неопределенностью.

После двух дней различных споров и колебаний было решено, что судно Иова Симона «Святой Корантен» с руководителем экспедиции де Барсемпью выйдет в Квебек и Монреаль с путешественниками, которым была обещана перевозка: господином де Бовенар и его приятельницей «кружевницей», Адемаром, Иолантой и их детьми, которых они должны были представить родителям в Квебеке, Яном де Куеннак, который сделает остановку, чтобы встретиться с Мавританкой, и других.

Барсемпью и священник господин Квентин продолжат путешествие до Монреалья, как посланцы графа и графини де Пейрак. Они повидаются с Онориной, поговорят с Матерью Буржуа, навещают владельца де Лу и его семью, сообщат известия, передадут почту и возьмут в Квебеке на борт пару Адемар-Иоланду, а также Яна и, возможно, его невесту.

Анжелика писала письма во все концы. Несмотря на это, мысль что она не сможет посетить Онорину, что ее только навещают знакомые из Голдсборо и Вапассу и после разговора с ней привезут ей новости о ребенке, ее очень тревожила.

— Я сама поеду в Виль-Марию, — обещала ей добрая Иоланта. — Я сумею сообщить вам больше новостей о ней. Она встретится со мной, и это ее немного утешит в том, что она в этом году не увидит вас, мадам.

«Нуждается ли Онорина в утешении?» — спрашивала себя Анжелика. Она грустила, что ее ребенок так далеко и, без сомнения, стала совсем другой. Она, наверно, привыкла к жизни маленькой девочки, разделяющей игры, занятия и молитвы с детьми своего возраста под мягким руководством добрых сестер Конгрегации Богородицы. Анжелике эта разлука была очень тяжела. Разочарование, которое постигло ее из-за невозможности видеть своего ребенка, о свидании с которым она думала с такой радостью, еще ухудшило ее угнетенное состояние из-за близости времени отплытия де Пейрака. После «Святого Корантена» в море выйдут «Королева Анна» с Фронтенаком и его свитой, «Слава солнца» и «Мон-Дезер» с графом де Пейрак.

Перед отплытием «Святого Корантена» Анжелика отозвала Иоланду в сторону.

— Привези ее, — сказала она настойчиво, — привези ее, если сердце тебе подскажет. Привези! Я написала об этом матери Буржуа. Она, без сомнения, будет считать меня слабой и глупой матерью, но в отсутствие моего мужа я боюсь чувствовать ее так далеко еще целый год.

— А если малышка будет выглядеть счастливой и не захочет возвращаться? — осведомилась Иоланда, которая знала девочку. — Помните, — мадам, ведь это она сама хотела поехать в монастырь к матери Буржуа.

Анжелика еще колебалась.

— Если ей там хорошо, и она счастлива, тогда оставь ее. Мы увидимся будущим летом. Но... не доверяйся только тому, что она тебе скажет. Посмотри вокруг себя. Проверь, не подвергается ли она какой-нибудь опасности. Если тебе покажется, что мы можем потерять наше влияние в Новой Франции и иметь трудности с поездками туда, привези ее. Я тебе

доверяю. Я пишу также моему брату и поговорю с господином Барсампью.

Чем ближе приближался день и час отплытия, тем больше она понимала страдания и храбрость женщин прошлых времен, которые провожали рыцарей в крестовые походы — на годы, а может быть, навеки.

Но это не то же самое. Люди того времени не любили друг друга так, как мы. Надо иметь каменное сердце, чтобы выносить эти расставания, пустой и тупой ум, заботящийся только об ежедневных материальных потребностях отупляющего существования в этих мрачных средневековых замках, или у мужчин — стремление ударом шпаги удовлетворить жажду крови и использовать свою грубую силу.

Потом она опомнилась и просила прощения у своих предков, вспоминала, что они уходили, чтобы освободить могилу Христа, вызывая в памяти «Песни о подвигах», которые украшали вечера в Вапассу, и прекрасную Од, умершую от горя на руках Шарлемана при вести о гибели Роланда.

Любовь, любовь — страсть, мистическая любовь существовали во все времена истории человечества. В этой вечной песне слышны волнующие и трогательные интонации прощания женщин с мужчинами, уходящими на войну. Женщины видят, как удаляется любимый — доблестный рыцарь, призванный защитить слабых и угнетенных, бороться за справедливость силой своих мускулистых рук, потрясая тяжелым мечом, тяжелым копьем, тяжелым мушкетом, защищая женщину и ребенка всеми средствами, часто грубыми и кровавыми. Доблесть мужчине дана ему в удел во искупление хаоса, с которым он борется и создает себя в этой борьбе.

Жоффрей разрушил этот образ.

— Вы уедете до нашего отплытия, дорогая моя. Так вы будете страдать, видя, как мало-помалу наши паруса исчезают за горизонтом.

Но она не хотела этого. Она была такой же женщиной, как и другие. И женщины остаются на берегу.

Он приблизил свое лицо к ее лицу и повторил несколько раз: «Моя дорогая, моя дорогая».

Вихрь непреодолимо отрывал их друг от друга. Они расставались с грустью в сердце, еще не освоившись с мыслью о разлуке, когда уходит часть себя самого, Они уходили каждый к предназначенной им судьбе, задаче, которую они должны были решать поодиночке. У Жоффрея штаны уже были предначертаны, он мог уже многое предугадать и ко многому подготовиться, но он предчувствовал, что именно Анжелике предназначена самая трудная задача, самая жестокая битва. Он пытался стряхнуть с себя это ощущение, и как он сумел убедить Анжелику меньше беспокоиться о нем, так теперь он пытался убедить себя меньше беспокоиться о ней. Предмета для беспокойства пока не было, но ведь и в нем их разлука также вызывала чувство тревоги и страха.

Он никогда не был спокоен за нее, если сам не находился рядом, чтобы охранять ее.

Анжелика иногда видела, как он, озабоченный, ходит из угла в угол. В это время он не думал о том, что докладывать королю, хотя в его обыкновении было — поставив себе задачу, немедленно искать средства для ее выполнения. Он удивил ее, открыв, что непрерывно думает о том, где она должна жить в его отсутствие.

Не был ли Вапассу слишком изолирован, слишком далек от берега? Он предлагал ей с детьми провести зиму в Голдсборо.

Внезапно он почувствовал себя почти англичанином. Он хотел, чтобы она жила на открытом море, по

которому можно бежать; море представлялось ему доброжелательным сообщником, которому можно доверить их драгоценные жизни.

— В случае, если что-нибудь случится, вы можете отправиться в Салем или в Нью-Йорк к Молину.

— Чего вы боитесь?

— По правде говоря, ничего. Но в Голдсборо вы будете менее одинока, больше в окружении людей.

— Я люблю Вапассу. Я там у себя и достаточно окружена людьми. Кроме того, я считаю, что мне необходимо там быть. Это — наш форпост, и надо, чтобы кто-нибудь из нас был зимой с его защитниками, не правда ли?

Совершенно очевидно, что один из них должен был оставаться на земле Америки, чтобы охранять знамя французов в Голдсборо и Вапассу.

Кроме того, принятая стратегия соответствовала плану развития их отношений с королем. Все начнется с дел с мужчиной Женщина, яблоко раздора, появится позднее, в свое время в более мирной обстановке.

Никогда граф де Пейрак не чувствовал так сильно свою любовь к ней. Никогда они не были так близки, к чувствам, вызванным этими грустными днями расставания, всегда будут примешиваться воспоминания о самозабвенной любви еноти.

Никогда они не были так близки. Позднее Анжелика в отсутствие мужа будет жить воспоминаниями об этих днях, когда к грустным чувствам перед предстоящей разлукой примешивались чувства страстной любви, нежной и самозабвенной, может быть, никогда еще не достигавшейся ранее. Именно в этот момент, когда между ними ничего не стояло, им предстояла разлука. По крайней мере у них было чувство, что жестокая несправедливость разлуки застигла их на вершине счастья и взаимопонимания. Ибо взаимное понимание

увеличивает наслаждение любовью. Нельзя достигнуть предела любви.

То, что они переживали, открывало новую главу в истории их совместной жизни, и им казалось, что они с болью закрывают безоблачную и сияющую страницу своей любви.

«Мы только что соединились, и вот опять надо расставаться». — жаловалась Анжелика, что было не совсем справедливо, ибо им было дано прожить друг возле друга несколько долгих лет, но она чувствовала, что не успела еще вдоволь насладиться чудом их встречи. Ей казалось, что она потратила слишком много времени, избавляясь от своего недоверия, к нему, и недостаточно радовалась каждому дню, каждому году. И все же это было не так. Каждый день, каждый час этих лет, которые они прожили в Новом Свете, помотал стать их любви более нежной, более сияющей, более прочной.

В последний вечер перед разлукой они стояли в своем убежище в форту, целуя друг друга как безумные, как утопающие, повторяя, что это — последние испытания, что каждый из них сумеет защитить право остаться навсегда вместе, что они мысленно не разлучатся и будут поддерживать друг друга.

— На этот раз, — говорил он, лаская ее волосы, покрывая поцелуями ее лоб, чтобы ее успокоить, — на этот раз мы не расстанемся, если вы этого хотите. — Если Анжелика хочет, она сможет помочь ему не только здесь в Америке, в Голдсборо и Вапассу, но и оставшись связанной с ним их любовью, ведь всю полноту этой любви он увидел только теперь. Это — то, что они забыли сделать когда-то, то, о чем они не знали первый раз. Они тогда недостаточно любили друг друга.

Разлука порвала серебряную нить их страсти. Они очутились в пустоте, страдая от обманутых желаний,

разочарования, которое считали окончательным, потрясенные потерей, казавшейся непоправимой, как дети у разбитой игрушки.

А ведь они могли взаимно поддержать друг друга... Но разве это было не так? Разве не их великая любовь привела их в конце концов друг к другу?

— Мы верим теперь в силу Любви. Взаимная связь, тоска по любимому, стремление к встрече, страдание от лишения любимого существа, которое стало частью тебя, — вот что создаст связь, упрочит силу притяжения между ними.

Это влечение не только связь, которую нельзя порвать, это — наша поддержка, увеличение наших возможностей, нашей сопротивляемости в борьбе, нам предстоящей.

— Я буду беспрестанно думать о вас, любовь моя, — говорил он. — Как когда-то, тоскуя по вашим прекрасным глазам. Но не так, как раньше, со страхом и недоверием, придавая женщине, которую я обожал и потерял, свойства безразличия, легкомыслия, забывчивости, присущие всем женщинам.

Теперь я вас знаю такой, как вы есть. Вы — это вы. И я люблю в вас все. Я не боюсь ничего от вас. Я хочу, чтобы вы оставались собой. Меня восхищает в вас все. Я понял благодаря вашему ежедневному дару себя, что я зажег вашу жизнь, как вы зажгли мою. Ничто не сможет погасить этот огонь, и это единственное, что имеет для меня значение.

Будьте сильной, любовь моя, будьте радостью для глаз и сердец всех наших людей, всего нашего царства. Живите, смейтесь, пойте, увлекайте всех вокруг вас радостью жить, любить, смеяться, строить. Такой я вас вижу, такой люблю. Такой я вас знаю, и это то, что мне в вас нравится. Я знаю, в вас нет недостатков, и вы никогда не терпели неудач. Вы — мое сокровище, мой мир, моя жизнь. Продолжайте жить, продолжайте

собирать вокруг себя друзей, лечить больных, облегчать участь «простых душ», продолжайте слушать легенды, разговаривать со всеми, и вы увидите: ветер будет дуть в наши паруса, бурь не будет, и я скоро вернусь. Надо прожить только одну зиму! Дни пройдут за днями такие, как вы их любите, все отличные друг от друга, каждый со своей маленькой сценой, драмой или комедией.

Вы увидите — надо прожить только одну зиму. Берегите себя. Берегите себя в этой жизни. Это — все, о чем я вас прошу.

Они так страдали в этот последний вечер, что у них не было ни сил, ни желаний. Только на рассвете после мертвого сна в объятиях друг друга, они проснулись в мягком рассветном свете, отдохнувшие и облегченные, улыбаясь друг другу, как перед лицом вечности, и сжали друг друга в объятиях, внося в этот последний момент очарование и забвение, упоение и страсть, безумие и нежность — все то, о чем они могли бы мечтать для своего самого последнего часа любви на земле.

***

— Не беспокойтесь, я буду охранять его, — шептал Виль д'Аврэй, обнимая плечи Анжелики и поддерживая ее любящей рукой. — Мне бы лучше было остаться возле вас, но, уехав, я послужу вам лучше. Я буду охранять месье де Пейрака, я буду всегда при нем, — повторял он. — И это не пустое обещание. При дворе я — отличная ищейка, я знаю все обо всех, и никто не может меня провести.

Он решил последним остаться на твердой земле с Анжеликой, чтобы помочь ей пережить первые тяжелые часы после расставания.

«Афродита» выйдет в море при следующем приливе, и он утверждал, что она вскоре догонит основную флотилию.

Что до Керубина, не было времени искать его в Хигнекту, ему придется провести год во Французской Бухте, и будем надеяться, что он не забудет свои хорошие манеры и алфавит, выученный с таким трудом.

Столько отъездов видели эти берега! Надо было уметь держаться. Перед глазами зрителей, привыкших к этому театру, Анжелика и Жоффрей де Пейрак смогли все же поцеловаться, ведь это был не ханжеский Бостон, но сдержанно, как это подобало их рангу французских аристократов. Жоффрей де Пейрак не забыл никого при прощании и дал всем указания.

Потом он возвратился к Анжелике, говоря себе, что нигде на земле нет таких прекрасных глаз, как у нее.

Однако в последний момент она его удивила, тихо и настойчиво прошептав:

— Обещайте мне! Обещайте мне!

— Слушаю вас!

— Обещайте мне, что вы не поедете в Прагу!

— В Прагу?

— Нет времени на объяснения. Вы обещаете?

Он обещал. Она была совершенно непредсказуема.

— Прага? В самом деле, — вспомнил он. Это был город в который он, как ученый всегда мечтал съездить...

Усаживаясь в шлюпку, он, позабавленный ее словами, смотрел на Анжелику, думая: «Моя очаровательная жена! Моя непредсказуемая!»

Анжелика чувствовала удовлетворение и облегчение от того, что в последний момент не забыла вырвать у него это обещание.

Де Фронтенак, упомянув однажды о колдунье с острова Орлеан, напомнил ей о неопределенном предсказании Гильометы. Лучше было принять все предосторожности.

Этот небольшой инцидент нарушил это невыносимое чувство, возникшее, когда первые взмахи

весел уносили шлюпку от берега к борту корабля, где уже начались приготовления к отплытию. «Слава Солнца» был очень красивый корабль; Жоффрей де Пейрак заказал его на верфи Салема, и это было его первое плавание в океане.

Долго, стоя на корме, граф де Пейрак смотрел на землю, где постепенно уменьшался любимый облик той, которую одну он видел в толпе.

Никогда он так не сожалел о том, что сила человека не может сдвинуть все горы, что он не может пережить испытания вместо обожаемого существа. Чувство бессилия вынудило его искать свыше средства помочь ей.

«Я останусь рядом с тобой всегда, я тебе это обещаю. Я буду с тобой непрерывно, моя любовь, моя красавица, мое любимое дитя. И в борьбе моя сила добавится к твоей».

Его слуге Энрико Энци показалось, что его никогда не показывавший слабости хозяин побледнел, и первый раз с тех пор, как он сопровождал его в путешествиях, ори всех опасностях и трагедиях, в его черных, дерзких глазах блеснула влага, похожая на слезы.

Анжелика отплывала на судне «Радуга», который поднял якорь в одно время с «Афродитой». Она должна была признать, что присутствие живого и веселого маркиза ей очень помогло.

После того, как он заставил ее вместе с ним выпить фляжку изысканного вина, он сообщил ей все последние известия о жизни при Дворе, в Версале, о королевском брате, его жене, на которой он женился вторым браком, весьма бодрой и жизнелюбивой, создающей приятную атмосферу, наконец, он долго говорил о ней, о ее двух сыновьях, Флоримоне и Канторе.

В море настал момент, когда кораблям пришлось расстаться. Один направился на запад, уходя вместе с

ночью в море, другой направился на юг вдоль диких побережий Новой Шотландии, которые посылали Анжелике, отныне одной на борту, ароматы полей в цвету.

В Голдсборо она бросилась в объятия Абигаиль и там откровенно расплакалась. Абигаиль, терпеливо дав ей возможность высказаться, сидя рядом с ней, полная доброты и участия, задала ей вопрос:

— Скажите, у вас есть, кроме этой неприятности, этой разлуки с мужем на несколько месяцев, еще причины, чтобы так отчаиваться?

— Да — и нет, — призналась Анжелика. — Я поняла, что участь женщины — познать испытание разлуки, и женщины, конечно, переносят это тяжелее, чем мужчины. Кто из любящих супругов может похвастаться, что они прожили жизнь, никогда не разлучаясь? И особенно в эти смутные времена. Но к этому добавляется еще тяжелое предчувствие, и я боюсь, что меня ожидают еще другие огорчения.

Она добавила, что думала о словах, сказанных Пиксаретом: «Доверяй своим предчувствиям». И она боялась, что это предчувствие означало не только личные неприятности, но предчувствие несчастий, которые должны обрушиться на них в отсутствие Жоффрея.

— Я не знаю, что со мной происходит, но иногда меня охватывает ужас. Хотя, по правде говоря, я не боюсь за него. Я ведь не боялась, когда уезжали мои сыновья; я чувствовала, что они сильны, как и Жоффрей.

Абигаиль слушала ее, и Анжелика, зная, что эта женщина с одинаковым вниманием и снисходительностью слушала лепет ребенка, жалобы мадам Маниго и наставления своей тетушки, рискнула высказать ей свои страхи, у которых, казалось не было серьезных оснований.

— Вы понимаете, Абигаиль, это — как порыв ветра на море, который внезапно изменяет погоду. Сразу делается темно и холодно.

Анжелика вернулась к событиям прошедшего года; она заметила во время своей последней поездки в Квебек, что отношение к ней изменилось. Возможно, это было просто вызвано летней суматохой. Но что было совершенно определено — это расследование, предпринятое Гарро д'Энтремоном по поводу «Единорога» и «Дочерей короля».

Она рассказала Абигаиль о работе, которую провели они с Дельфиной де Розуа и о том, что оказалось невозможно выяснить участь одной из «Дочерей короля». Из-за этого возникло подозрение, что женщина-демон жива.

— Вы говорили об этом с месье де Пейраком?

— А что я могла ему сообщить?

В какой-то момент сестра Жермена Маллотэн исчезла, и никто не мог сказать — ни где, ни как.

— В этом году отозвали де Фронтенака. Возможно, все эти события никак не связаны друг с другом, но мне не нравится этот ряд оплошностей, неудач, интриг и недоразумений.

Абигаиль внимательно ее слушала. Она сказала, наконец, что рассмотреть ситуацию, какой бы неясной она ни была, это значит уже ее прояснить. Если против них существует заговор, можно порадоваться тому, что уже приняты энергичные меры. Во Франции Жоффрей де Пейрак не даст себя обмануть, и он сумеет нанести удар в сердце спрута, если опасность существует.

Вместе с Абигаиль они решили, что в последующие месяцы могут произойти какие-то потрясения. Надо быть бдительными, удвоить осторожность. Это — переходный период.

— Все находится в движении, — заключила Абигаиль. — Свет и тени. Солнце и буря. Полагаю, что

мы, живые существа, можем находиться за гранью этого движения, значит самообольщаться.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ВЕТЕР ДЬЯВОЛА

Глава 27

Смятение началось после преждевременного возвращения Адемара и Иоланты.

Они появились, стоя рядом друг с другом, застывшие в нелепой позе, похожие на тех деревянных раскрашенных человечков, которые им так нравились.

Анжелика завидела их в тот момент, когда, выходя из лесу и ведя за руку близнецов, она направлялась к харчевне с намерением как следует пообедать. Она не могла понять, откуда они взялись, если это действительно были они, и где она могла в последний раз их видеть. Наконец, вспомнив, что это было в Тидмагуше, она удивленно спросила себя, что означает их появление? Насколько она помнила, они отплыли со своими двумя детьми на «Святом Корантене» — бригантине, принадлежащей Джобу Симону, чтобы навестить своих родных в Квебеке, а затем добраться до Монреалья, узнать там новости об Онорине и, если это будет возможно, привезти ее назад.

Даже если им сопутствовал самый благоприятный ветер, они не могли бы так быстро возвратиться.

Что же это означало?

После долгого молчания, во время которого они больше, чем когда-либо были похожи на деревянных кукол, Анжелика, наконец, спросила:

— Что вы здесь делаете? Где Онорина?

— Нам не удалось пересечь Гаспе, — ответила мрачно Иоланта.

— Почему?

— Кораблекрушение.

— «Святой Корантен» затонул, — добавил Адемар.

— Затонул?

— Да, затонул.

С того времени, как они поселились в этом краю дикарей, ни один корабль Жоффрея де Пейрака ни разу не тонул.

Корабли ветшали, совершая каботажные плавания вдоль берегов или с триумфом пересекая океан. Но не один из них не терпел кораблекрушения.

Некоторое время Анжелика недоверчиво молчала.

— Буря? — спросила она наконец.

Они отрицательно покачали головой и переглянулись, повернувшись друг к другу движением марионеток. Анжелика уже была готова начать их ругать, чтобы хоть как-то заставить заговорить, как наконец Иоланта решилась.

— В нас стреляли.

— Ядро! Два ядра попали в наш корабль! — продолжал Адемар. — И вот, «Святой Корантен» погружается в воду, а мы барахтаемся в волнах.

Начав говорить, они уже теперь говорили сразу вдвоем. Это произошло тогда, когда их небольшая яхта вошла уже довольно далеко в устье Святого Лаврентия.

В очень густом тумане они едва различили другой, очень большой корабль. На нем что-то сверкнуло, раздался пушечный выстрел, и в тот же момент их швырнуло на пол. От этого выстрела корабль начал скрипеть и крениться, а люди бросились на помощь плотникам, чтобы заткнуть дыру, через которую текла вода.

В то время, как господин Барсемпью отдавал приказ спустить на воду большую лодку и советовал пассажирам, среди которых было несколько женщин, занять в ней места, сам он спустился в маленькую шлюпку вместе с четырьмя членами экипажа. Стоя в лодке и размахивая знаменем де Пейрака, Барсемпью повторял в рупор, что они плывут из Голдсборо, и что он требует объяснений и помощи.

Их шлюпка исчезла из виду, подплыв, несомненно, к тому кораблю с другого борта.

За это время, подчиняясь рекомендациям капитана, все пассажиры «Святого Корантена», не участвующие в ремонте судна, спустились в лодку.

И они вовремя это сделали, так как спустя немного времени, сквозь еще более сгустившийся туман, сверкнула еще одна молния, и на этот раз корабль Джоба Силона, получивший удар по ватерлинии, покачнулся и пошел ко дну.

— Всем удалось спастись?

— Увы, нет! Два человека, не успевшие подняться из затопленного трюма, исчезли вместе со «Святым Корантеном».

Остальные же, выброшенные в воду, и среди них старый Джоб Симон, который отдуваясь и отплевываясь кричал о проклятье, преследующем его до конца его дней, были подобраны на лодку, которая будучи сильно перегруженной и готовая вот-вот перевернуться и в свою очередь пойти ко дну, осталась одна на поверхности реки, которая несла ее в своих ледяных потоках среди туманов.

— Вам все это приснилось!

Она пыталась отыскать в их лицах признаки того, что они повредились в уме или — она надеялась на это какое-то мгновение, — того, что это была злая шутка.

Нет! Растерянность, ужас, ошеломление во власти которых они находились, не были притворными.

Иоланта разрыдалась.

— Где ваши дети? — вскричала Анжелика, охваченная ужасным подозрением.

Молодая женщина принялась плакать еще громче.

Наконец, среди рыданий, всхлипываний, причитаний этой мужественной жительницы Акадии Анжелика с облегчением узнала, что оба ребенка, Мелани и

Ансельм, находились в безопасности у их бабушки, Марселины ля Бель на мельнице в Шинекту.

Хотя бедные малыши чуть было не погибли, когда эта лодка пошла ко дну, как тяжелый башмак.

Им попалась, в конце концов, большая лодка местного колониста Танкреда Божара, подобравшая их и переправившая в его имение на скалах возле Гаспе. Господин Божар, друг месье и мадам де Пейрак, выслушав их, посоветовал им не пытаться добраться до Квебека. По его мнению новый губернатор затевал что-то недоброе. Он готов был поспорить, что это именно его корабль потопил «Святого Корантена».

«Как можно скорее возвращайтесь назад и предупредите господина де Пейрака», — сказал им старый Божар.

Он предоставил в их распоряжение свою маленькую одномачтовую яхту и своего лоцмана: «Вы приведете их мне позже, когда сможете, с грузом угля с Кап-Бретон и несколькими связками хорошей сушеной трески».

Мало-помалу они добрались до Тидмагуша. И вот, когда они собирались пересечь рукав между Восточным берегом и островом Сент-Жан, оказалось, что весь залив заполнен массой тюленей, сбившихся с дороги во время миграции.

— Ну уж в этом-то нельзя винить нового губернатора, — сказала Анжелика.

— Когда человек начинает терять рассудок, в природе тоже все рушится, — заявил сентенциозно Адемар. Если только не наоборот: когда в природе что-то не в порядке, человек теряет рассудок!

К Адемару вновь вернулась привычка произносить плаксивые проповеди. Вздыхая, он продолжал:

— Ах! Двести тысяч тюленей в проливе. Поверьте, мадам, когда природа делает ошибку, на это страшно смотреть. И это тоже знак. Конец света близок! Возможно, начало ужасных катастроф.

Остановленные тюленями, сбившимися с пути из-за каких-то необъяснимых явлений, связанных со звездами, луной или солнцем, они высадились на побережье Шедиака, а затем пешком перешли перешеек, чтобы добраться до Французской бухты.

Оставив детей у Марселины, они тут же отплыли в Голдсборо, чтобы предупредить их.

— Танкред говорил о новом губернаторе, — удивилась Анжелика... Может быть речь идет все-таки о новом интенданте?

— Он говорил: губернатор.

— А Барсомпью и его люди остались в руках этих пиратов? Говорите!

— Вот! В то время, как часть пассажиров спускалась в лодку, а другая часть пыталась спасти «Святого Корантена», который дал крен — это было еще до второго выстрела — они заметили сквозь туман некое видение: лейтенант Барсемпью, висевший на мачте.

— Повешенный!?

— И не только мы это видели. Спросите вот их. — Адемар указал на двух людей, подошедших к ним.

Они подтвердили этот невероятный рассказ.

Они были из Французской бухты и входили в состав экипажа «Святого Корантена». Спасшись после кораблекрушения, они привезли свои семьи под защиту свободного порта Голдсборо.

Видя, что они все еще дрожат и готовы расплакаться, как дети, Анжелика отвела их к Колену Патюрелю, чтобы они ему все подробно рассказали. Можно было как угодно пытаться объяснить это происшествие, начиная от ошибочного выстрела в тумане, кончая объявлением войны между Францией и Англией, новость о которой еще не достигла Америки.

Но была смерть Барсемпью — непонятная и не имевшая объяснений. Анжелика надеялась, что это ошибка. Ей был симпатичен этот молодой человек,

который на самом деле был не так уж и молод, но который тронул ее когда-то своей искренней и чистой любовью к Мари Ла Дус, одной из «Дочерей Короля». Эта девушка была предательски убита Арманом Дако, секретарем Амбруазины-Демона, и он так и не утешился с тех пор после ее смерти. Любовь и страдания искупили ту преступную и хищную жизнь пирата, которую вел когда-то этот человек, бывший лейтенантом Золотой Бороды — пирата из Нормандии, известного своими кровавыми подвигами.

— Повешен! — повторяла она. Это невыносимо. Даже капитан английского судна, шныряющего в заливе Святого Лаврентия никогда не осмелился бы... Эти бедные напуганные люди просто плохо видели от страха. Барахтаясь в соленой воде, как говорил Адемар, испуганные первым выстрелом пушки, ослепленные туманом, сквозь который они могли лишь частично рассмотреть своих противников, они, вероятно, вообразили самое худшее. И ко всему этому, Жоффрей уехал! И господин де Фронтенак тоже!..

Во всем этом нагромождении дурных новостей и событий Анжелика уловила тот дух разрушения и беспорядка, который царил всегда, когда появлялась Дьяволица.

Бессильная более точно определить свои ощущения, она лишь подумала: «Все идет к худшему».

Глава 28

Женщина-Демон! Ее ловко сплетенная паутина опутывала незаметно жертвы, лишая их воли, усыпляя их бдительность, обманывая их зрение.

Анжелика чувствовала, что эта сеть вновь плетется вокруг них.

Поэтому она почти не удивилась, услышав однажды утром какой-то шум и крики, доносящиеся из порта. Однако, при виде растрепанной женщины, бьющейся в руках поддерживающих ее мужчин, она испытала шок, «Нет, не может быть!»

К ней прибежали дети, крича:

— Мадам Анжелика! Идите скорей! Только что на берег высадилась какая-то женщина, и ей очень плохо.

Анжелика постаралась привести себя в спокойное состояние, так как только так можно было бороться с тем, что означали эти пронзительные крики — с явной истерикой.

Еще издали она увидела молодую женщину, вырывавшуюся из держащих ее рук. В припадке она сорвала с себя чепец, и ее распущенные волосы закрывали лицо. Несомненно она была чужеземка, то есть не жительница побережья Французской бухты, так как на лицах обитателей Голдсборо было то безразличное и одновременно слегка насмешливое выражение, которое как бы говорило, что эта сцена их не слишком трогает, так как эта женщина «которую никто не знает». Если на некоторых лицах можно было прочесть хоть немного жалости, так как всегда грустно видеть человеческое существо, потерявшее рассудок, большинство все же пришли просто поглазеть из любопытства на происходящее. Приблизившись,

Анжелика пробралась сквозь толпу, обступившую несчастную, стоявшую на коленях.

— Что здесь происходит? Кто эта женщина?

— А кто знает? Она не захотела назвать свое имя, — объяснил один из матросов, держащий ее за руки.

Он представился как уроженец Бретани, входящий в состав морского экипажа, занимающегося сезонным промыслом трески. Ему было поручено привезти сюда эту несчастную, которая не переставала повторять: «Голдсборо! Голдсборо!» и которую из жалости переправляли с корабля на корабль, идущих в направлении к Голдсборо от самого залива Святого Лаврентия.

Пока он говорил, женщина, довольно молодая, стройная и хрупкая, продолжала пребывать в прострации, почти стоя на коленях, и если бы не несколько крепких рук, поддерживающих ее, она, несомненно, рухнула бы лицом прямо в песок, так как, казалось, была почти без сознания. Однако она успокоилась, едва услышав голос Анжелики, или же это было простым совпадением, так как в тот момент ее наконец оставили в покое и перестали кричать на всех языках и наречиях, чтобы «она вела себя потише». Но вдруг все увидели, как она сделала конвульсивное движение, подобно рыбе, которую уже считают мертвой, но которой невероятным прыжком удается выкинуться за борт, так как вырвавшись из державших ее рук, бедняжка бросилась к ногам Анжелики и обхватила ее колени своими руками.

Затем, подняв голову, она закричала в ужасе и отчаянии:

— Она вернулась! Она вернулась!

И Анжелика, в изумлении, узнала в этой бледной, перепачканной грязью женщине, изящную супругу лейтенанта Жильдаса, служащего в полку Кариган-Сальера, Дельфину Барбье дю Розуа собственной

персоной. В прошлом году она виделась с ней во время своего пребывания в Квебеке.

— Дельфина! Неужели это вы? Дельфина, что произошло? Почему вы приехали сюда? И в таком состоянии! Отвечайте мне!

Губы молодой женщины задрожали. В уголках рта появилась пена. Казалось она с трудом ворочает языком.

— У нее все пересохло во рту от жажды, — сказал кто-то.

Бретонские моряки подтвердили, что действительно, в течение нескольких дней она отказывалась от воды и пищи, неустанно повторяя лишь одно: «Голдсборо, скорее, скорее!»

— Может быть это не жажда, а страх.

Анжелика взяла в свои руки лицо Дельфины и ласково заговорила с ней, чтобы помочь ей успокоиться: она прибыла в хорошее место, — уверяла ее Анжелика, — она сможет переодеться, поесть и отдохнуть. Здесь, в Голдсборо, никто не желает ей зла...

Ее слова в конце концов дошли до сознания молодой женщины, она перестала застывшим взглядом смотреть в одну точку и попыталась объяснить.

— Я видела ее, — удалось ей выговорить не без труда. — Я видела ее! Ах, я знала, что наши предчувствия нас не обманывали, что не так-то просто отделаться от нее навсегда. Она настигла нас! Мы пропали. Я видела ее.

— Но кого же?

— ЕЕ! — выдохнула Дельфина дю Розуа, глядя блуждающим взглядом. Вы прекрасно знаете. ЕЕ! Герцогиню, благодетельницу. Она...

И с этими последними словами она потеряла сознание и упала в обморок.

***

По приказанию Анжелики Дельфину перенесли в форт, в ее личные апартаменты и положили на ее собственную кровать. Это было самым подходящим местом для того, чтобы ухаживать за ней и выслушивать ее признания.

Анжелика начала с того, что смочила ей губы, как больным лихорадкой, затем потихоньку заставила ее выпить свежей воды, и так как Дельфина и в самом деле долго страдала от жажды, она пила долго, что помогло ей прийти в себя и даже обрести цвет лица. С глубоким вздохом она опустилась на подушки, но вскоре ее вновь охватила дрожь.

— Боже мой! Что с нами станет, — стонала она, ломая руки. Она всегда меня ненавидела, меня в особенности. Ненавидела за то, что мне удалось ускользнуть от нее... Она убьет меня, убьет Жильдаса, моего бедного мужа. Она поклялась уничтожить меня. Даже в течение этих последних лет мне приходилось вскакивать по ночам, слыша, как она зовет меня и обещает отомстить... И вот, она появляется из могилы! О, мадам Анжелика, помогите мне.

— Я очень хочу вам помочь, но нужно, чтобы вы немного успокоились и изложили те события, которые привели вас в такое ужасное состояние.

— Ну так вот! Я ее видела, там, живую, и я видела, что она меня тоже увидела! Боже, какой ужас!

— Где же, Дельфина? Где вы были в тот момент, когда увидели ее?.. В вашей постели?.. во сне?

— Нет! На набережной, как и все остальные. Я пришла посмотреть на нового губернатора, прибывшего к нам из Франции со своей супругой, и вдруг я увидела ее там, в окружении ее свиты. Ах, у меня кровь застыла в жилах. Я поняла, что этот момент настал. Это была она!

— Но может быть вас обмануло сходство. Вы ведь не переставали бояться ее появления.

— Конечно боялась!.. А разве мы все не догадывались о ее коварстве и хитрости? С тех пор, как было обнаружено исчезновение Генриетты Майотен, у меня уже не было никакой надежды.

Она продолжала пылко настаивать:

— Разве вы, как и я, не знали об этом? Та могила в Тидмагуше, это была могила Генриетты Майотен, сестры Жермены, которая дорого заплатила той, которую хотела спасти. Они ее убили, обезобразили, а затем бросили в лесу, переодетую в платье герцогини, в то время как герцогиня снова оказалась на свободе и могла продолжать свои злодеяния.

— Но как ей удалось выжить после всех ран?

— Старый Николя Парис занялся этим. У него было предостаточно сообщников и таких мест, где он мог укрыться... Не забывайте, это был король восточного побережья, более могущественный, чем все индейские сагаморы и даже, чем господин де Виль д'Аврэй. Именно так все и произошло, я в этом уверена. Двое слуг Сатаны стали сообщниками... это кое-чего стоит.

— Но если это была она, почему она так долго выжидала, прежде чем — появиться?

Молодая женщина пожала плечами.

— Кто знает... Для нее времени не существует. Она вечна. Это демон. Демон, который выждал какое-то время, пока о нем забыли... чтобы, прикинувшись мертвым, избежать суда Инквизиции... чтобы восстановить свое здоровье, свою красоту... чтобы ускользнуть от тех, кто мог бы его выдать. Во Франции, куда она возвратилась, она была преследуема как сообщница мадам де Бренвилье.

— Но старый Парис умер.

— Вот именно поэтому она и возвращается! Видите, все совпадает. Годы? Что они значат для нее? Они коротки для нас, пытающихся восстановить наше разрушенное счастье.

Ей же время нужно для того, чтобы покончить со старым любовником, разорив его, убив и выйдя замуж за другого, который даст ей новое имя, что позволит ей появиться вновь в Канаде, где, зная все обо всех, она примется за новые злодеяния, и, обведя всех вокруг пальца, отомстит нам.

— Если предположить, что это она, раз вы так быстро и легко ее узнали, почему же другие не заинтересовались ею? Она рискует быть узнанной, даже сейчас.

— Кем? Вокруг этого дела установилось молчание по воле тех, кто был его свидетелем. Кто же осмелится?

— Интендант Карлон, например. Он знает многое. Дельфина рассмеялась безрадостно.

— Интендант, что он может? У него слишком плохая позиция, чтобы стать разоблачителем... Он понимает, что рискует либо стать посмешищем, либо... умереть. У нового губернатора в руках вся власть...

— Но это не мешает...

— Мешает... Так как вы не знаете, что новый губернатор женат, что его жена сопровождает его в Канаду, и что... супруга нового губернатора, мадам де Горреста... это и есть ОНА! Ну а то, что касается других, их она сумеет обмануть. Она вовсе не утратила свою дьявольскую силу. Эта сила еще могущественнее и темнее, чем прежде. Она обманет их всех, и в Квебеке и здесь, как когда-то она обманула и вас, когда она причалила, якобы после кораблекрушения, специально разодрав одежду и растрепав свои обожаемые, всегда расчесанные и надушенные волосы, и никто, никто ничего не понял, даже вы, поспешившие ей на помощь, даже мы, обожавшие ее и считавшие доброй и прекрасной. Как люди любят поддаваться иллюзиям и боятся реальности. Она играла на этой потребности в мечте и забвении. Она умеет усыплять, очаровывать

своим смехом, своими нежными словами, взглядами, полными намеков и обещаний.

При этих словах Анжелике показалось, что перед ней возникло лицо Амбруазины и на нее взглянули ее золотистые глаза, умеющие завораживать.

— Это невозможно! — вскричала она громко, отказываясь верить в реальность. — Дельфина, неужели это в самом деле она?

— Она стала другой, может быть. Другое лицо, другие черты... Волосы другого цвета — но это так легко достигается — и одета несколько по другому, в другом стиле... который ей совсем не идет. Она во многом другая. Она не так красива, выглядит постаревшей...

— Вот видите!

— Но у нее тот же взгляд, та же улыбка, те же манеры и, когда она посмотрела на меня... я была парализована, как кролик под взглядом змеи. Она прошла рядом со мной, когда я стояла в толпе, окруженная своими людьми, все время улыбаясь, и она сказала мне так, что никто другой этого не услышал: «Этим вечером ты умрешь!..», глядя мне прямо в глаза и почти не разжимая губ.

— Вы и в самом деле слышали эти слова? Узнали ее голос?

Дельфина вздохнула и устало прикрыла глаза.

— Я поклялась бы в этом перед Богом. Ее взгляд мне все сказал. И тогда, вспомнив, как ловко она расправлялась со своими жертвами, я поняла, что не должна давать ей ни единого шанса поймать меня, когда с наступлением вечера она пошлет мне своих убийц. Квебек — это закрытый люк, это западня; если я хотела спастись, я должна была бежать немедленно.

Воспользовавшись общей суетой, связанной с прибытием нового губернатора, я поспешила сесть в лодку, которая через некоторое время доставила меня

вместе с другими пассажирами на маленький корабль, шедший в Тадуссак. И...

Она прервала на мгновение свой рассказ, затем, слегка расслабившись, продолжала:

— И вот я здесь. Обезумевшая и умирающая после этого ужасного путешествия. В начале я не имела никакого представления о том, куда плывет эта лодка, У меня было одно желание — убежать как можно дальше от Квебека... ДО НАСТУПЛЕНИЯ ВЕЧЕРА... Затем, мало-помалу мне пришло в голову, что я должна добраться до вас, так как ВЫ были единственной, единственной, кто мог бы меня понять и поверить моему рассказу.

Она замолчала и вновь дрожь пробежала по ее телу.

— Но, моя дорогая Дельфина, — спросила Анжелика, тщательно взвешивая каждое слово, — не боитесь ли вы, что вы поддались волнению, слишком поспешному впечатлению? Эта женщина находилась среди вновь прибывших, много новых лиц. Хорошо известно, какая суета сопровождает прибытие корабля. Некоторое сходство... и вы подумали...

— Нет! Нет! Ее взгляд невозможно забыть! И эта торжествующая улыбка, когда она меня увидела. Мы все ожидали прибытия нового губернатора, господина Горреста, и его супруга... это была она, уверяю вас.

— Неожиданное сходство с этой прибывшей придворной дамой вам напомнило те мрачные события.

Молодая женщина вздрогнула и посмотрела на Анжелику потухшим взором.

— Вы мне не верите?

— Чтобы отвлечь ее от этой навязчивой идеи, Анжелика осведомилась:

— А где Жильдас?

— Жильдас? — переспросила Дельфина с отсутствующим видом.

— Да! Жильдас, ваш супруг.

Дельфина провела несколько раз рукой по лбу.

— Жильдас! Ах, да! — сказала она, как бы очнувшись ото сна. Бедняга! Лишь бы... Нет! К счастью он ни о чем не знает. Он ничего не поймет. Она не сможет причинить ему зла. И, во всяком случае, мне удалось от нее убежать.

— Но все же, Дельфина, вы предупредили вашего мужа?

— Нет, нет! Я уехала так быстро. Так было нужно. Ее глаза сказали мне: «Сегодня вечером!» У меня был лишь один выход: исчезнуть, как можно быстрее. Река была рядом... Мне была хорошо известна та дьявольская ловкость, с которой она расставляет одновременно множество ловушек, в которые мы попадаем, как мухи, прежде чем даже успеваем заметить паука, сидящего в центре. Но я ее слишком хорошо знаю. Я помню, как обронив несколько слов, она давала мне понять о ее намерениях, и ее планы туг же начинали осуществляться, как будто ее слова, подобно змеям, выползали из ее рта и устремлялись к той цели, которую она им указывала.

В то время, как Анжелика раздумывала над достоверностью того, что ей поведала Дельфина, молодая женщина, казалось, приходила в себя. Она села на край кровати, затем осторожно поднялась. Оглядевшись вокруг и будто узнав то место, где она находилась, она попыталась руками разгладить свое платье и направилась к окну.

Оперевшись об оконную раму, она смотрела наружу. Она была спокойна... Понемногу ее лицо осветилось выражением тихой радости и нежности. Медленно она воздела обе руки к небу, как бы моля о чем-то, но в то же время в этом жесте была странная колдовская грация.

— О, Голдсборо! Голдсборо! — прошептала она. Как я люблю тебя и одновременно ненавижу. Здесь начало

моих страданий, но также и моего возрождения. Здесь все обнаружилось, и она была разоблачена. Как я ненавижу тебя, Голдсборо, за то, что именно здесь я узнала, кто она такая, и как я тебя люблю за то, что ты помог мне вырваться из ее когтей.

В те времена, когда Дельфина была в Голдсборо, она проявила необычайное мужество, борясь с превратностями судьбы. Еще тогда Анжелика выделила ее среди прочих девушек, которые, инстинктивно, сгруппировались вокруг нее. Анжелика высоко оценила ее хладнокровие и умение контролировать свои поступки. Лишь герцогиня де Модрибур имела над ней таинственную власть, однако Дельфина одна из первых начала все понимать.

Тогда она доказала, что не из тех, кто теряет рассудок по пустякам.

Не оборачиваясь к Анжелике, Дельфина вновь заговорила. Теперь ее голос звучал спокойно и даже покорно, с оттенком грустного упрека.

— Почему вы не верите мне, мадам де Пейрак? И почему вы считаете меня сумасшедшей?

Она продолжала смотреть в окно.

— Вы напрасно пытаетесь сделать вид, что не разделяете мои опасения. Еще в самом начале вы спросили у меня о количестве девушек, сопровождавших герцогиню. И мы прекрасно поняли друг друга, когда составляли этот список для господина д'Антремона. Но я устроена так же, как и вы, я знаю, что мы не теряем надежду, пока ничто не нарушает нашу полууверенность, которую мы храним в тайне, боясь, что произнесенные вслух, слова тут же обретут форму. Однако, из нашего опыта по меньшей мере следует то, что необходимо соблюдать спасительную осторожность и иметь мужество быть готовыми к худшему. Это именно то, что на этот раз и позволило мне спасти свою жизнь.

И вы, мадам Анжелика, должны были бы скорее поздравить меня с тем, что я ни секунды не колебалась, чем беспокоиться о состоянии моего рассудка.

Вы хорошо знаете меня, мадам. Вы знаете, что наша дьяволица может заставить меня совершить поступки, которые внешне покажутся безумными, но она не в силах сделать безумной меня.

Итак, она действовала совершенно разумно. Растерянная и не зная, что и думать, Анжелика в замешательстве разглядывала Дельфину, ее похудевшую фигуру, вырисовывавшуюся на фоне окна, и вдруг одна деталь ее поразила.

— Дельфина, мне, кажется, говорили, что вы были беременны? Если мои расчеты верны, вы должны быть сейчас на шестом или седьмом месяце?

Дельфина согнулась, как от невыносимой боли.

— Я потеряла его, — вскричала она, рыдая. Она закрыла лицо руками. О, мой Бог! Обещание такого счастья... а затем... все кончено! Бедный малыш! Бедный Жильдас! Ему, который так радовался этому, было очень тяжело!

Анжелика подумала, что возможно эта драма и объясняет все. Ее горе помрачило ее рассудок. Это случается иногда.

Дельфина угадала ее мысли.

— Вы ошибаетесь. Это произошло не в Квебеке, — сказала Дельфина, подходя к ней. — В Квебеке я чувствовала себя хорошо, и готовилась к счастливому материнству. Возможно, это ее взгляд убил его во мне, но я полагаю, что скорее это в результате того, что я пережила во время этого тяжелого путешествия.

Задыхаясь, она поведала душераздирающую историю о своем выкидыше:

— Это случилось на этом проклятом корабле из-за ужасной бури, которая застигла нас в тот момент, когда мы пересекали залив Святого Лаврентия. Нас,

пассажиров, находящихся в трюме, швыряло от стенки к стенке. Через некоторое время после шторма я почувствовала, как мои внутренности будто рвутся на части, затем я потеряла сознание и очнулась лежащей на полу в крови. О! Мое бедное дитя!..

Она безутешно рыдала, раскачиваясь из стороны в сторону.

— ...Он уже был такой хорошенький, такой нежный, такой чудесный. Матросы хотели выбросить его в море, на корм бакланам. Но я вырвала его у них, и так долго, как только могла, прижимала его к сердцу.

Наконец, капитан видимо понял, в чем причина моего состояния, и принес мне маленький деревянный ящичек, к которому был привязан свинец. Я сама положила туда это маленькое незаконченное существо. Я сама отнесла его на палубу. Я хотела быть одна, когда буду бросать его в море. Но когда я вышла на воздух, я была оглушена адским шумом. Казалось, разверзлась преисподняя и оттуда слышны крики навеки проклятых. Подойдя к борту, я увидела, что все море полно морских котиков, которые, сбившись с пути, устремились в пролив и ревели при виде нас от страха и возмущения, толкаясь так, что это становилось опасным для корабля. Так как я стояла застыв, испуганная этим зрелищем и этим хриплым лаем, капитан взял у меня из рук ящик и бросил его в море. Но, слава Богу, я сама видела, как он тотчас же пошел ко дну, среди кишаших в море черных и блестящих животных. Этот капитан был славный человек, — заключила она. Она молчала и слезы текли по ее щекам.

— На следующей стоянке меня выходили индеанки. Но я уже ничего не видела вокруг себя. Я мечтала лишь об одном: быть рядом с вами. Я повторяла: «Голдсборо! Голдсборо!» Капитан поручил экипажу этого судна, промысляющего треску, привезти меня к вам, и они обещали ему доставить меня в Голдсборо.

Она замолчала, утомленная своим повествованием.

Ее рассказ подтверждал то, что она полностью сохранила ясность ума. Эта история с морскими котиками была абсолютно достоверной, то же самое ей рассказывал Адемар. Их зрелище, должно быть, сделало еще более тягостным расставание молодой матери с маленьким тельцем. Дельфина не была сумасшедшей. Напротив, она сумела проявить мужество, принося одну из самых тяжелых жертв.

— Бедное маленькое создание, — прошептала Дельфина с бесконечной грустью. — Бедная маленькая крошка. Он стал одной из первых жертв после возвращения Демона, ее первым преступлением. Но за ним последуют и ДРУГИЕ.

***

— БУДУТ И ДРУГИЕ, — предупредила Дельфина дю Розуа. — И вы, мадам, будьте особенно осторожны, так как именно ненависть к вам привела ее снова в Канаду.

Иногда Дельфина подбегала к окну и глядела в сторону порта, как если бы она была готова к внезапному появлению Амбруазины-демона.

— Отдохните, Дельфина! Она так быстро сюда не доберется. У нее нет все-таки дара быть одновременно повсюду, она не может перелететь из Квебека в Голдсборо.

Анжелика обняла худые дрожащие плечи Дельфины.

— Вы должны отдохнуть, бедная моя Дельфина. Я поухаживаю за вами. Здесь вы сможете хорошенько выспаться, чего наверняка не делали уже в течение долгого времени. Повторяю вам: здесь вы в безопасности.

— А если, не найдя вас в Квебеке, она кинется в Голдсборо?

— Она все равно не сможет приехать завтра.

— Нет, она сможет приехать завтра, — сказала Дельфина, плача, как ребенок.

— Нет! Подумайте. Вы покинули Квебек тотчас же, в тот самый момент, когда она высадилась на берег. Если она прибыла в качестве супруги нового губернатора, ей необходимо время для официального приема, для размещения... Даже если она и в самом деле вас узнала, она не могла сразу же броситься за вами в погоню.

— Нет, она могла бы.

— Но нет!

— Она может послать своих слуг...

— А я повторяю вам, что как бы там ни было, у нас впереди еще много дней, чтобы успеть вооружиться против нее. Мы поговорим об этом с господином Патюрелем. Здесь мы среди друзей и очень хорошо защищены.

Она крепче обняла эту несчастную хрупкую женщину, желая ее успокоить. Это не позволяло ей самой пускаться в размышления, так как она боялась, что тогда ее тоже охватит паника.

— Успокойтесь, — повторяла Анжелика в сотый раз, и затем, исчерпав земные доводы, сказала:

— Друг мой, что бы не случилось, помните, что помощь и победа приходят к тому, кто желает торжества Добра на земле... что бы не случилось. И даже если ей и суждено появиться перед нами, в сопровождении всех демонов, обитающих на земле, помните и никогда не забывайте: Бог всегда побеждает.

Глава 29

К вечеру Анжелика устроила Дельфину у тетушки Анны, которая часто сдавала одну из комнат своего дома.

Ей не удалось поговорить с Коленом Патюрелем, как она намеревалась, так как он был в отъезде. Ей также необходимо было заняться своими детьми, которых она оставила у Верное. В двух словах она рассказала Абигаиль о непредвиденном прибытии Дельфины дю Розуа, но не стала подробно говорить о причине ее приезда. Ей все еще хотелось убедить саму себя, пока не было более ощутимых доказательств, что Дельфину обмануло сходство.

Она почти поверила в это, проснувшись на следующее утро и начиная новый день, полный забот. Ей необходимо было готовиться к отъезду в Вапассу.

Но как только Анжелика слышала с берега шум, возвещавший о чьем-либо приезде, она не могла помешать себе тут же бежать к порту и всматриваться в группы людей, стоявших в отдалении, в страхе увидеть среди них силуэт дьяволицы. Затем она начинала сама себя успокаивать, «Даже если предположить, что это она, мне нечего ее теперь бояться. Она была побеждена. Я готова ее принять».

Но когда к ней пришли с сообщением, что ее спрашивают две иностранные дамы, она была убеждена, что видела, действительно ВИДЕЛА, как блестели там, на берегу, красные, ярко голубые и золотистые цвета костюма герцогини.

«Ну вот и началось» — сказала она себе, остановившись, чтобы собраться с силами. Она раскрыла глаза. Никаких пышных одежд сияющих расцветок не было на этих двух приезжих, которые

только что высадились на берег и которых, как обычно, толпа людей провожала к ней. И если появление Польки, тяжело поднимавшейся по набережной Голдсборо, бранящей и понукающей своего маленького слугу, можно было отнести к разряду непредвиденных событий, это не было, тем не менее, неприятным сюрпризом, и ее фигуру никак нельзя было спутать с хрупким силуэтом, подобным эльфу, принадлежащим очень красивой и очень опасной мадам де Модрибур, ставшей теперь мадам де Горреста.

Полька была разгневана: из-за своего веса она по щиколотки погружалась в песок при каждом шаге.

— Помоги же мне, — сказала она Анжелике, протягивая ей свою пухлую руку. — Ну что? Да, это я! А ты что думала? Что я не могу как все остальные сесть на корабль, чтобы повидать тебя в твоём Голдсборо на краю света?

Брызги намочили то высокое сооружение из ткани, которое возвышалось у нее на голове, и которое она время от времени поправляла, когда оно жалко свешивалось набок.

— Это «фонданж», — объяснила она, — Говорят, что любовница короля, которую, как и тебя, зовут Анжелика, носит только это. И твоя мадам де Горреста завела эту моду в Квебеке.

— «МОЯ» мадам де Горреста, — переспросила Анжелика, — что ты хочешь этим сказать?

— Жюльена мне рассказала, — шепнула ей Жанин Гонфарель, заговорщицки подмигивая. — Я знаю все. Но пока, молчок. Мы поговорим обо всем позже, мне есть, что тебе рассказать. Что сейчас главное, так это хорошая тарелка супа и стакан красного вина, так как я не держусь на ногах от усталости.

Анжелика заметила Жюльену, это была вторая путешественница. Еще одна «Дочь Короля», плывшая на затонувшем у этих берегов «Единороге». Ее супруг

Аристид, бывший пират, был тут же. Поднимаясь по тропинке, ведущей от причала, он нес вещи обеих дам и, несмотря на его кружевное жабо, костюм из добротной шерсти с роговыми пуговицами и трехцветный колпак, одетый слегка набекрень, но ровно настолько, чтобы подчеркнуть его непринужденное достоинство, ему не очень-то нравилось вновь оказаться в Голдсборо, видевшего его когда-то узником, закованным в цепи.

— Если бы не Жюльена, вы бы не увидели меня здесь, мадам, — сказал он, заметив Анжелику. Но она во что бы то ни стало решила покинуть Квебек, как будто за ней гнался сам дьявол.

И он добавил, понизив голос:

— Кажется, Благодетельница, «герцогиня» сатаны, жива!

С того самого момента, когда Жанин Гонфарель бросила ей «твоя мадам де Горреста», Анжелика была неспособна вымолвить ни слова и рассыпаться, как того требовала ситуация, в радостных и удивленных приветствиях. Она ощущала в своем желудке ледяной ком. И она поняла, что до сих пор она не верила окончательно Дельфине. Теперь же необходимо было признать очевидное: Амбрузина-Демон вернулась!..

***

Ни говоря ни слова, она вела своих посетительниц, которые не обращая внимания на ее молчание, довольствовались ее машинальной улыбкой и сами спрашивали и отвечали, обрадованные и успокоенные тем, что наконец после долгого плавания добрались до цели.

Анжелика привела их в «Трактир-под-фортом», они прошли в маленькую комнату, примыкавшую к большому залу, где могли поговорить, не боясь быть услышанными и привлечь внимание публики.

Как бы повинуюсь интуиции, Дельфина дю Розуа уже была там, и увидев Жюльену, бросилась ей на шею.

— Так значит, ты тоже ее узнала! — вскричала она, забывая в своем волнении и той дистанции, которую она сохраняла между собой и бедной Жюльеной в те времена, когда они вместе находились среди других «Дочерей Короля», ехавших в Канаду вместе с мадам де Модрибур.

Радость Жюльены при виде Дельфины также была удивительна, так как они всегда избегали друг друга.

— Дельфина, милая, я находила вас часто слишком спесивой, но ведь мы вместе пережили кораблекрушение, не правда ли? Вместе нам пришлось пережить смерть и страдание с этой дьяволицей, вместе мы жили в мире и покое в Квебеке, и я счастлива видеть, что вам удалось ускользнуть от нее.

— Так значит это правда? Вы, Жюльена, вы тоже узнали ее? — спросила Анжелика.

— Узнала? Еще бы! Это она, никаких сомнений. Это именно ее глаза. Ее лицо немного изменилось из-за шрамов. Я видела ее совсем близко. Она не так красива. Но это она. Я видела ее шрамы.

Жюльена никогда не заблуждалась относительно Благодетельницы, чем в свое время заслужила неприязнь своих спутниц.

— Какой удар! Я то уж давным-давно забыла об этой гадине! Мертвой она была, мертвой осталась. С момента приезда мадам де Горреста до меня доходили только слухи. У меня не было времени идти в порт и встречать нового губернатора и его жену, так как у меня были дела поважнее в Отель-Дье со всеми этими больными и ранеными, которых привозили нам индейцы и французы. И вот однажды к нам привели Генриетту.

— Какую Генриетту?

— Генриетту Губэ, спутницу мадам де Бомон. Они только что обе вернулись из Франции. Я видела

Генриетту. Она рассказывала о Париже. Она была невестой управляющего мадам де Бомон. Она была счастлива. И вот нам привозят ее умирающую. Несчастный случай, так нам сказали... Падение! Я побежала к ней, ведь мы принадлежали когда-то к одному братству, не так ли? Я сразу же поняла, что она умрет, и когда я склонилась над ней, говоря: «Моя бедная Генриетта, скажи мне, что с тобой произошло?» к ней уже спешил священник, вызванный матушкой Жаннеро, чтобы в последний раз причастить ее, и когда я подняла глаза, я почувствовала чей-то взгляд, и я увидела ЕЕ в нескольких шагах, с другой стороны кровати, и я сразу же узнала ее, потому что она смотрела на меня и улыбалась. Она не умерла, и она вернулась. Сначала я подумала, что это дьявольское наваждение, а потом я все поняла. Боже! Какой ужас. Мадам де Бомон мне рассказала, что мадам де Горреста, будучи их соседкой, подобрала Генриетту, когда та упала с крыши, куда она поднялась, чтобы проверить, хорошо ли закреплена пожарная лестница, а затем она поместила ее в свою карету, привезла в Отель-Дье и вызвала священника. Как знать, не упала ли Генриетта, увидев ее и узнав в окне соседнего дома? Как знать, не прикончила ли мадам де Горреста ее в своей карете? Кто это сможет когда-нибудь узнать? Во всяком случае, если я сразу же не умерла, так это потому, что у меня крепкие нервы, а кроме того у меня было как бы предчувствие с тех пор, как Роншон приходил ко мне, чтобы задать несколько вопросов по поводу «Единорога», так как из Франции требовали сведения о нас. Воспользовавшись тем, что все присутствовали при соборвании несчастной Генриетты, я удрала через черный ход и таким образом спаслась. Я сразу же бросилась искать Дельфину, но ее не было дома. «У меня нет времени», — сказала я себе и

побежала за Аристидом, который, как обычно, был в лесу со своим перегонным аппаратом.

— От этой герцогини всегда одни неприятности, — проворчал Аристид. — Мне пришлось оставить незаконченным производство такой водки, какой не было у самого господина Фронтенака, и отправиться вслед за моей Жюльеной, чтобы плыть... сами не зная куда!

— Я, может быть, дважды спасла тебя от смерти, — сказала Жюльена. — Ты наверняка отравился бы своей бурдой.

Анжелика слушала их и не могла окончательно решить, не были ли они все жертвами общего безумия.

Случались ведь аномальные явления, сбивавшие с толку простодушных людей: огненные лодки в небе, бури, тюлени в проливе...

— Во всяком случае, Генриетта мертва, — заключила Жюльена. — И нас ожидало то же самое, если бы мы вовремя не спаслись.

Полька заговорила вполголоса, с таинственным видом:

— Я, конечно, видела ее эту «губернаторшу», и она мне сразу не понравилась с ее слащавым видом... Меня-то не проведешь — старую обезьяну не учат, как делать гримасы. Я сразу же поняла, что она явилась ко мне и расточала свои улыбки, потому что ей сказали, что у меня лучшая кухня в городе, а затем она потихоньку завела разговор о тебе: «Мадам де Пейрак! Вы знакомы с мадам де Пейрак?» — и, когда я произнесла твое имя — Анжелика — она провела языком по губам, как бы облизываясь.

— Опиши мне ее.

— Ну, ничего особенного. Кроме глаз: иногда они, как золото, иногда — как ночь. Но не только из-за этого я отправилась в плавание. Есть еще кое-что.

Однажды утром мне принесли записку из монастыря урсулинок, где сообщалось, что мои деревянные подсвечники, которые я отдала в золотильную мастерскую, были готовы. Однако эти подсвечники уже давно стояли у меня в молельне. Но ты ведь знаешь, угождать служителям Церкви и быть с ними в хороших отношениях — это одно из моих правил, и я сказала себе, что какая бы не произошла ошибка, возможно, они хотят дать мне понять, что им необходимо увидеться со мной.

Я объявила, что собираюсь идти за подсвечниками, и отправилась туда в портшезе.

В золотильной мастерской находилась матушка Магдалина, работавшая там в одиночестве, и при виде меня, она чуть было не упала в обморок от радости, как будто я была ей послана самим Богом.

— О! Вы пришли, милая дама, — сказала она мне, почти целуя мне руки. — И к счастью, — продолжала она, оглядываясь, — мы одни. О! Мадам Гонфарель, вы — подруга мадам де Пейрак, и необходимо, чтобы вы передали ей это. Вы скажите ей, что на этот раз я ее узнала.

— Кого же? — спросила я.

— Демона из Акадии.

Я продолжала непонимающе смотреть на нее.

— Но, — сказала она мне, разве вы не слышали, дорогая мадам Гонфарель, вы, которой все известно, о том видении, бывшем уже давно, предвещавшем Демона из Акадии?

— Конечно, — ответила я ей. — О! Я его знала слово в слово, как и все остальные жители Квебека, а также и то, что этим Демоном считали мадам де Пейрак. Но вы объявили, что она тут не при чем. И вы хотите сказать, что теперь вы видели настоящего Демона?..

И тогда, почти шепотом, она сообщила мне, что этот Демон — та самая благородная дама, посетившая вчера

с губернатором монастырь урсулинок. Время от времени кто-нибудь из сестер заглядывал в мастерскую, и тогда матушка Магдалина выглядела так, будто ее застигли на месте преступления.

— Но, моя дорогая сестра, — сказала я ей так же тихо, — если вы уверены в этом, в том, что эта дама, которая, по правде говоря, мне совсем не нравится, и есть тот самый Демон, тогда почему же вам не сообщить об этом епископу или вашему духовнику? Именно людям церкви надлежит заняться ею, а не искать дальше, и не впутывать снова в эту историю нашего друга мадам де Пейрак, не согласны ли вы с этим, моя дорогая сестра?..

Она принялась плакать:

— Я им все рассказала, им всем!.. Но ОНИ МНЕ НЕ ВЕРЯТ!

И вот тогда я решила поехать, — продолжала Полька. Я должна была предупредить тебя, так как эта женщина — твой враг. Она ищет именно тебя... чтобы отомстить, как мне кажется.

— Она не нашла меня в Квебеке, куда первым делом явилась. Что же до того, чтобы приехать сюда, это ей не так-то уж просто будет сделать. И на этот раз мы предупреждены. Здесь мы в безопасности, и любой губернатор из Канады ничего не может нам сделать.

— Но она может отправиться в Монреаль, — вздохнула Дельфина.

— В Монреаль!

И внезапно Анжелика почувствовала, как бледнеет. Холодный пот выступил у нее на лбу.

Монреаль — это Онорина.

В Монреале была Онорина.

А что если это ужасное создание, находясь в Квебеке, узнает, что дочь Анжелики живет в пансионе в Виль-Мари и решит отправиться в Монреаль, чтобы причинить зло Онорине?..

И по лицам всех окружавших, она поняла, что их мучают те же опасения.

— Но почему вы все разбежались, как зайцы? — вскричала Анжелика, обратившись к прибывшим.

Ведь наоборот, надо было не спускать с нее глаз, и если бы она решила поехать в Монреаль, отправиться немедленно вслед за ней на том же корабле.

— На том же корабле? — повторила Жюльена, широко раскрыв от ужаса глаза.

— Нужно было следить за ней, выдать ее, помешать ей творить зло!..

Неужели вы не понимаете?.. Если она отправится в Монреаль, и если это действительно она, тогда Онорина окажется в ее руках!..

Полька вскочила и стремглав выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

Немного погодя она так же внезапно появилась, сопровождаемая мадам Каррер и ее дочерьми, которые быстро стали расставлять на столе миски, кружки, вилки и ножи. Поставили стаканы и три оловянных кувшина и, наконец, два огромных блюда с вареными раковинами и с дымящимся рагу.

Анжелика очутилась сидящей на скамье перед полной тарелкой и стаканом вина, в руки ей, как ребенку, вложили вилку и нож, и Полька поднесла вино к ее губам, заявив, что если Анжелика сейчас же не выпьет, то она силой заставит ее проглотить вино с не меньшей решительностью, чем палач в Париже, вливший в нее когда-то два чайника холодной воды с тем, чтобы заставить ее признаться в том, что она стащила две унции водки из соседнего кабака.

— Хорошее то было времечко! Да уж! Его не воротишь! Теперь мы свободны, и я не допущу того, чтобы хоть одна из этих бандиток из высшего общества, этих отравительниц, приехала сюда, чтобы нас отравить. Пей и ешь, мы поговорим после.

Я сказала хозяйке: «Милая моя, вы трактирщица. Накормите нас быстро и вкусно. Так дальше продолжаться не может, иначе мы все сойдем с ума».

Отгнав прочь все мысли, Анжелика согласилась разделить эту трапезу со своими друзьями, умиравшими от усталости и волнений, пережитых во время путешествия.

Глава 30

— Следить за ней?.. Выдать ее? Легко говорить! — сказала Польша, когда они подкрепились и почувствовали себя спокойнее. — Ты поняла, что произошло с Генриеттой, с мадам Ле Башуа?.. Она действует быстро, эта убийца, она это умеет. А мы? Что мы против нее?.. Если уж матушке Магдалине не поверили, разве могли мы рассчитывать, что поверят нам, Жюльене и мне?..

— Но кто спасет Онорину? — вскричала Анжелика, ломая руки.

Чтобы преодолеть то расстояние, которое отделяло их от Монреаля, требовалось время: дни, недели, возможно, месяцы, если учесть те непредвиденные обстоятельства, которые могли задержать их в пути. Это расстояние непреодолимой преградой вставало перед Анжеликой, подобно гигантской стене, мешающей ей полететь на помощь своему ребенку.

Она выскочила на улицу и побежала к дому Колена, который, к счастью, уже вернулся.

— Ну, прежде всего, почему вы решили, что эта женщина немедленно отправится в Монреаль, — возразил господин Берн. — Она и ее супруг прежде всего должны будут заняться административными делами Квебека, что на какое-то время задержит их в столице. Да к тому же, сезон навигации уже заканчивается.

Их совещание происходило в доме губернатора Патюреля, куда были приглашены также Верны, от которых они ждали советов и поддержки.

Колен не выразил никакого мнения по поводу вероятности появления бывшей Благодетельницы «Дочерей Короля». Внимательно выслушав и тех, и

других, он долгое время молчал, пока присутствующие тревожно смотрели на него.

Не теряя лишних слов, губернатор начал с того, что предложил немедленно отправить в Монреаль гонца, но не по реке, а по суше. Для этой цели необходим был опытный траппер, хорошо знавший все тропинки и места переходов через реки и болота, снабженный всяким дешевым товаром и водкой для того, чтобы заплатить индейцам, которые смогут самым быстрым образом доставить его на каноэ до Виль-Мари. Он должен будет передать от Анжелики письмо для матушки Буржуа, содержащем настоятельную просьбу, как можно более внимательно постоянно следить за Онориной, не под каким предлогом не отпускать ее одну или с кем бы то ни было. Если матушка Буржуа сочтет нужным, пусть предупредит дядю Онорины, Жослэна дю Лу. Согласовавшись с ним, пусть попытается посадить Онорину на корабль, который довезет ее до Голдсборо, Пока еще можно было успеть переправиться по Святому Лаврентию до наступления льдов.

Анжелика отправилась к себе, чтобы написать это письмо, а Колен занялся поисками подходящего траппера.

Она полностью погрузилась в составление своего послания, почти успокоенная поскрипыванием гусяного пера и тем, что она хоть что-то может сделать для Онорины.

Она колебалась, не зная, стоит ли особо подчеркивать, какую опасность представляет для Онорины жена нового губернатора,, мадам де Горреста, если вдруг она окажется с визитом в Монреале. Ни за что на свете матушка Буржуа не должна допустить того, чтобы эта женщина приближалась к Онорине. В конце концов, Анжелика решила выложить все на чистоту и дважды подчеркнула имя упомянутой мадам

Горреста, объяснив, что это ее давний заклятый враг. Анжелика надеялась, что матушка Буржуа отнесется со всей серьезностью к этой просьбе. Она была умна и обладала тонкой интуицией, и Амбруазине не так-то легко будет ее провести.

Время от времени Анжелика поднимала голову и смотрела в окно. За окнами форта шел дождь. Он стучал о стекла, и красивые светлые стекла, привезенные из Европы, покрывались мельчайшими каплями, стекающими вниз и похожими на слезы. Анжелике казалось, что природа разделяет ее горе. Море внезапно разбушевалось, волны яростными ударами бились о набережную, разлетаясь брызгами пены.

Кто-то тихо постучался, и так как она не отвечала, Колен позволил себе войти, не дожидаясь приглашения.

Он успокоился, видя ее сидящей возле окна и послушно пишущей письмо.

Он сделал бы все от него зависящее, чтобы облегчить ее горе.

Он сказал, что обо всем как следует подумал.

Наилучшим решением было бы, предупредив матушку Буржуа об опасности, угрожающей маленькой Онорине, не вдаваясь в подробности, которые могли быть объяснены позже, чтобы Анжелика попросила ее срочно отправить Онорину с их посланником, который, присоединившись к группе охотников или индейцев, покидающих Монреаль и спускающихся к Мэну, мог бы, таким образом, доставить ее в Вапассу. Это путешествие, хоть и более трудное, было бы значительно быстрее, чем путь по реке и вдоль извилистой береговой линии по морю.

— Онорина — крепкая девочка, — сказал он. — Она воспитывалась почти как маленькие индейцы. Находиться долгое время в каноэ, преодолевать волоки, спать под открытым небом, для нее это пустяки.

Напротив, она будет счастлива, если с ней будут обращаться как с канадским мальчишкой. У нее будет возможность надеть свои маленькие мужские мокасины, не так ли?

Кроме того, Колен нашел посланника, и он расценивал это, как знак свыше, как знак одобрения этого его второго плана, когда ему пришло в голову выбрать на эту роль метиса Пьера-Андре, сына Мопертюи, одного из их самых верных соратников, которого Онорина хорошо знала. Молодой человек прибыл в Голдсборо через горы Вермонта, нагруженный добытыми шкурами, которые он собирался обменять в Бостоне на скобяной товар и ножи английского производства.

Он сразу же отменил свои торговые дела и выразил готовность отправиться на помощь Онорине вместе со своим братом-индейцем.

К вечеру он уже был в пути.

Анжелика вкратце сообщила ему о содержании этого срочного письма, объяснив, что главная его цель — добиться того, чтобы ему доверили Онорину для того, чтобы он смог отвезти ее в Вапассу. Колен снабдил посланника всем необходимым: продуктами, сушеным мясом, самой лучшей водкой, что позволит ему без труда найти проводника и носильщиков, золотыми экю, которые ему могут понадобиться в Монреале. По дороге, — сказал он, — он сможет также добывать пушнину, необходимый обменный товар, так как он прибудет к концу осенней меховой ярмарки. Все это в придачу к ловкости и проворству этого уроженца Канады, его преданности и горячему желанию помочь Онорине, должно было не дать осуществиться любым искусным маневрам жены нового губернатора.

Он был хорошо знаком с Маргаритой Буржуа, выучившей его читать, и она сможет ему довериться.

***

Анжелика всю ночь не сомкнула глаз, мысленно следуя за продвижением Пьера-Андре, переносясь в воображении в Вапассу, представляя себе тот момент, когда она сможет прижать к себе Онорину.

В тот момент история с появлением Амбруазины потеряет для нее всякое значение. Пусть другие сами разбираются с этим демоном-суккубом.

Надежно защищенные в их форте в Вапассу, охраняемые как солдатами, так и зимними льдами, Анжелика и Онорина, вместе с маленькими принцами смогут спокойно и весело проводить дни в ожидании весны и Жоффрея. Их будут окружать друзья, их дети, к ним будут приходить с визитами индейцы. Они будут наблюдать, как меняются земля и небо. В те дни, когда будет свистеть зимняя вьюга, они соберутся у очага, чтобы рассказывать сказки и петь песни. А в те дни, когда солнце начнет свой золотой и лазурный танец в сверкающих снегах, они будут устраивать карнавалы и печь блины, кататься с гор и гулять на бодрящем морозном воздухе.

***

Колен устраивал для них званые обеды.

Понимая отчаяние этих женщин, вовлеченных помимо их воли в печальные события, угрожающие их жизни и их спокойствию, он оказывал им поддержку самым своим присутствием даже в большей степени, чем советами. Он следил за тем, чтобы они как следует питались и отдыхали, так как ему было известно, как легко женщина — супруга, мать или возлюбленная теряет сон и аппетит.

Вот почему он постоянно созывал их к себе на обед, посылая им торжественные приглашения. И они обретали покой, находясь рядом с ним. Он заводил с ними самые различные беседы, прося мадам Гонфарель описать жизнь и нравы в Квебеке. Слушая ее, невозможно было соскучиться. Иногда он взглядом

поощрял Анжелику притронуться к ее тарелке, и, чувствуя его заботу, она легче переносила свою тяжкую тревогу. Он, как и Жоффрей, обладал даром смягчать драматизм ситуации, не отрицая при этом ее серьезности.

— Ваши дети разумнее вас, мадам, — говорил он. — Посмотрите, как хорошо они едят, прямо как взрослые господа.

Малыши тоже были с ними за столом, а иногда и Абигайль и Берн со своими детьми, Лорье и Северина и другие приглашенные.

Благодаря ему им было спокойно, а иногда и весело. Каждый прошедший день приближал их гонца, бегущего через горы, леса и реки, к Монреалю и к ребенку.

Они надеялись, и это помогало им не терять присутствия духа.

— Она не сможет отправиться в Монреаль в это время года. Гонец прибудет вовремя.

Дельфина, находясь в их окружении, понемногу приходила в себя, ее лицо теряло выражение загнанного зверя и даже немного порозовело.

В порт прибыла маленькая яхта. Это был «Святой Антоний» господина де Ла Фальера, которого не видно было с начала сезона.

Его потомство, как всегда, бежало за ним по пятам с радостными криками.

Господин де Ла Фальер сказал, что возвращаясь из Квебека, он заехал в свое имение в Порт-о-Зюитр, чтобы забрать семейство, а затем вновь поднял паруса и поплыл в Голдсборо узнать какие-нибудь новости.

— Когда вы были в Квебеке? — спросили у него, едва он успел усестыся за стол в харчевне у мадам Каррер перед основательным куском сыра, в который он тут же погрузил свой нож и размеренными движениями начал подносить ко рту то колбасу, то хлеб, прерывая

их лишь затем, чтобы сделать глоток из кружки с пивом, или чтобы бросить, как он бросал бы чайкам, какой-нибудь кусок одному из своих босоногих ребятишек, который хватал этот кусок на лету и убегал, в то время как выскакивал другой.

— Я был там приблизительно месяц тому назад, — ответил он между куском хлеба и глотком пива. Я хотел поговорить с новым губернатором относительно той арендной платы, с которой меня надул господин де Виль д'Аврэй.

Но господин де Ла Фальер прибыл слишком поздно. Нового губернатора уже не было на месте. Он уехал со своей супругой в Монреаль, чтобы объявить о себе, как о новом вице-короле вдоль всего побережья Святого Лаврентия.

— Со СВОЕЙ СУПРУГОЙ!..

— Очень любезной дамой, как говорят, — заметил Ла Фальер, так усердно работая челюстями, что не заметил того тяжелого молчания, с которым были встречены его слова.

— Почему он так поспешил отправиться в Монреаль, едва успев приехать в Квебек? — спросил Колен, произнося тот вопрос, который готов был у каждого сорваться с языка.

— А кто знает?

Владелец Порт-о-Зюитр прервал свою гастрономическую деятельность, чтобы поразмыслить.

— Конечно! Он мог бы меня и подождать. Я напрасно съездил. Не мог же я рискнуть отправиться за ним вдогонку, так как мне было бы трудно возвращаться потом назад. Индейцы говорят, что зима в этом году наступит рано. Я мог бы застрять во льдах.

Но этот новый губернатор, говорят, он очень спешил, а его жена еще больше.

Глава 31

Анжелика поникла на плече у Абигаиль.

— Гонец прибудет слишком поздно. Она убьет ее! Она убьет ее!

Абигаиль вздрогнула, но внешне осталась спокойной. Ее длинные светлые ресницы опустились и скрыли тот ужас, который блеснул в ее глазах. Анжелике нужны были сейчас слова утешения.

Она повела ее к себе.

Окружив Анжелику, все члены семьи Бернов с помощью многочисленных доказательств пытались уверить ее, что удача будет на их стороне.

Марсьял высчитывал время, которое понадобится кораблю губернатора, чтобы подняться вверх по течению Святого Лаврентия. И учитывая то, что вряд ли мадам Горреста тут же отправится в дом Конгрегации, и что мадам Буржуа сумеет проявить осторожность и отнесется к ней с подозрением; таким образом Пьер-Андре будет иметь достаточно времени, чтобы добраться до Монреала, — говорил он Анжелике.

Ведь он будет мчаться, как ветер.

И Анжелика благословляла Канаду — край, возрадивший эту породу людей — трапперов, способных совершать то, что было не под силу обыкновенным людям.

— И почему мы решили, — продолжали утешать Анжелику, — что этой женщине известно, что дочь Анжелики находится в Монреале? Возможно, она об этом не знает? Может быть она никогда, и не узнает?

— Она сразу узнает обо всем. Она так хитра!

Стоило Анжелике лишь вообразить Амбруазину-Демона, рыскающую по улицам Виль-Мари в поисках Онорины, как у нее мурашки бежали по коже.

Время от времени, маленькие дети, Элизабет, Аполина и близнецы, игравшие вместе, нарушали тревожные размышления взрослых, подбегая к Анжелике и ласкаясь к ней, протягивая свои маленькие ручонки. Шарль-Анри не осмеливался вести себя так же шумливо. Он стоял молча возле них, и Абигаиль, поняв, что он разделяет их тревогу и что у него также тяжела на сердце, взяла его к себе на колени.

Кот держался в стороне; усевшись в углу и недоверчиво прищурясь, он разглядывал их издали.

Габриэль Берн заметил, что они сделали все возможное, все, что было в их человеческих силах. Теперь можно было ожидать лишь помощи свыше.

***

Часто, оставшись одна в эти последующие дни, Анжелика останавливалась и вглядывалась в пейзаж Голдсборо, который никогда еще не казался ей таким спокойным. Вокруг шла обычная повседневная жизнь. Ветер Дьявола продолжал дуть. Но он дул в другом месте.

Он захватил теперь значительно более широкие пространства, чем этот маленький уголок на краю света.

Он дул в некоторых душах, в некоторых сердцах. Внезапно, охваченный непередаваемым ужасом, некто, кто видел, кто знал, чувствовал себя чужим своему собственному брату.

Тогда те, кто как проклятье ощущали смертельное одиночество, отделявшее их от равнодушной толпы, начинали находить друг друга, встречаться на какие-то мгновения с теми, кто как и они были посланы, чтобы принять участие в драме или разделить страдание. Драма, развитие которой было лишь коротким актом другой, более грандиозной или более тайной драмы. На вопрос «почему» нельзя было дать ответа... Они не могли все знать. Они видели лишь на расстоянии

нескольких шагов в этом смерче. Ветер Дьявола дул, но он дул не для всех. Тайна переходила от одного посвященного к другому, до последнего акта они вынуждены были вести скрытую игру, ни на минуту не отвлекаясь от этой игры, полной ловушек.

Вспоминая, что она сама спасла жизнь Амбруазине, Анжелика с возмущением видела, как теперь ее появление грозило гибелью ее ребенку. Это было слишком несправедливо!

Она не хотела больше жертв. Это нельзя было допустить. И в особенности, когда это касалось Онорины, маленькой Онорины!

Анжелика вспоминала, как она видела Онорину, стоящей среди своих подруг, такую серьезную и внимательную, очаровательную в свои восемь лет, глядящую на мир доверчивым взглядом, выражающим горячее желание жить, любить и быть любимой, не допускающим мысли о том, что с ней могут поступить жестоко, оттолкнуть, предать, тогда как она никому не сделала зла!

Анжелика почувствовала, как в ее душе рождается крик, призывавший небесные силы на помощь в борьбе за справедливость.

«Святая Онорина. Святая Онорина... Вы, чье изображение находится на фронтоне маленькой часовни, посвященной вам... возвышающейся там, на вершине Гатинэ, где находят убежище восставшие против Короля... неужели вы оставите в беде ребенка, которого при крещении нарекли вашим именем, вверили вашему покровительству? А вы, аббат? Неужели вы оставите его?»

Ледигъеры! Ледигъеры! Ко мне! На помощь!

***

Когда в порыве исступленного крика о помощи, обращенного к неземным силам, она подняла глаза к небу, то вдруг увидела рядом с собой три темных

силуэта негров-невольников, стоявших здесь уже довольно давно. Их было даже четверо, если считать маленькую Зоэ, чья круглая мордашка с большими внимательными глазами, выглядывала из-за плеча ее матери.

— Мадам Анжелика, — произнес голос Сирики, вырвавший ее из того оцепенения, в которое она погрузилась, — мы знаем, какая опасность нависла над вашим ребенком. Бакари-Темба предлагает свою помощь.

— Кто это — Бакари-Темба? — спросила Анжелика, сделав усилие, чтобы вернуться на землю.

— Сын Акаши. Ее старший сын. Тот, который приехал вместе с ней из Африки, из страны сухих трав, откуда я также родом.

Анжелика взглянула на мальчика, о котором говорил Сирики. Он не вырос с тех пор, как Жоффрей де Пейрак купил его на набережной в Ньюпорте. Анжелика впервые увидела его, очнувшись после тяжелой болезни, и от этого ей тогда показалось, что она находится в королевстве Марокко в гареме Мулэ Измаила. Этот мальчик уже не вырастет больше. Казалось, что его голова стала больше, ноги — еще более кривыми и тонкими, а одно плечо — выше другого.

— Темба предлагает тебе свою помощь, — повторил Сирики.

— Свою помощь? Но как он может мне помочь? — удивилась Анжелика, рассеянно глядя курчавую голову бедного гнома.

Сирики бросил взгляд на свою супругу и, получив одобрение с ее стороны, начал свой рассказ. Он старался сделать его как можно короче, но этот рассказ был совершенно необходим для того, чтобы Анжелика могла заинтересоваться его предложением.

***

В стране, откуда прибыли Акаши и ее сын, существовал обычай, требовавший приносить в жертву всех больных и слабых новорожденных. Ту суровую жизнь, которую вели эти негритянские племена, не носившие никакой одежды и разводившие скот в самом сердце саванны, где обитало множество хищников, где в лесах жили враждебные племена людоедов и других первобытных людей, могли выдержать лишь сильные и здоровые люди, воины, способные охотиться и сражаться с врагами. Не должно было быть ни одного бесполезного рта. Детей, обреченных на смерть, относили в лес и клали на вершину гигантского муравейника, прожорливые обитатели которого очень быстро уничтожали эти тщедушные создания.

И когда королева произвела на свет (небывалое до сих пор несчастье) ребенка, оказавшегося горбатым и уродливым, она не избежала общего для всех закона.

Новорожденный без всяких церемоний был отнесен на съедение плотоядным насекомым.

Через два дня охотник, выслеживающий льва, проходил мимо «башни» муравьев. Вдруг он услышал крик новорожденного. Подойдя поближе, он удостоверился, что ребенок был по-прежнему жив, а муравьи оставили свое жилище.

Увидев в этом знак покровительства богов, жители племени вернули убогого ребенка его матери, королеве Акаши.

Будучи единственным уродливым созданием среди этого племени великолепно сложенных мужчин и женщин, он рос, окруженный страхом и уважением, так как очень скоро начали проявляться его магические способности.

Вскоре их места посетили работорговцы. Они подкупили короля соседнего племени, чтобы он напал на охотников из саванны и выманил их подальше от деревни.

Воспользовавшись отсутствием мужчин, работорговцы захватили почти всех женщин и детей, оставшихся дома.

Вот так королева и ее кривоногий сын оказались на побережье Сенегала, где были проданы их похитителями работорговцу из Голландии; затем они попали в Сент-Юсташ, затем в Сент-Доминик и, так как они оказались несчастливым товаром, который никто не хотел покупать, очутились на набережной в Ньюпорте, в бухте Провидения, в одной из семи английских колоний на севере Америки, где эта жалкая пара привлекла внимание графа де Пейрака, из сочувствия купившего их.

И вот теперь, узнав об опасности, которая нависла над дочерью их спасителя и благодетеля, маленький колдун просил разрешения совершить то, что на языке негров из западной Африки называлось «билонго», то есть магический обряд.

— Он видел во сне плохую женщину. Он уверяет, что может кое-что сделать, чтобы помешать ей творить зло. Он уже приготовил из дерева и кости фигурку, изображающую ее.

К счастью, ребенку удалось взять с собой из Африки самые основные предметы, необходимые для его магических действий, и во время путешествий их у него не отобрали, так как на голландских кораблях хорошо обращались с неграми, если они вели себя послушно.

С гордостью, как если бы он показывал любимые игрушки или какой-нибудь трофей, он достал из мешка, сделанного из шкуры антилопы, различные странные предметы, значение которых ей было неизвестно: коготь пантеры, перья, пакетики с шерстью, пылью, порошком, волосы из конской гривы.

Из твердого дерева он уже начал вырезать довольно грубую статуэтку, изображавшую Амбруазину. Как он сказал, достаточно было лишь головы и шеи.

Нужно было еще вставить камни того же цвета, что и ее глаза...

— Ты не веришь, — сделал вывод Сирики, не сводавший глаз с Анжелики. Ты зря не веришь в такой важный момент, когда речь идет о жизни твоего ребенка.

— Но ты же сам знаешь, что вся магическая наука твоего маленького колдуна не уберегла его от того, что он был похищен вместе с матерью работорговцами.

Белки глаз Сирики начали бешено вращаться.

— Разве ты забыла, что те двое землевладельцев с плантаций, купивших Акаши за ее красоту в Сент-Юсташе, а затем в Сент-Доминго, умерли в последующие часы, даже не притронувшись к ней? И что именно по этой причине англичане и французы с Антильских островов старались от нее избавиться, не осмеливаясь просто убить ее, опасаясь еще худших несчастий?

И так как она продолжала молчать, он продолжал:

— Разве тебе не известно, что магия — это орудие слабого? Это все, что остается женщине, ребенку, рабу, чтобы противостоять силе мужчины с его оружием из железа и огня. Но тех, кто посвящен в искусство магии, немного. Вот почему, сильный человек все больше подчиняет себе слабого, пользуясь своей силой и своим оружием.

Ты скажешь, что я сам — мужчина, что я породил маленькую Зоэ, но я, как и моя горячо любимая Акаши и ее сын, всего лишь раб. Чтобы понять, какое проклятье тяготеет над женщинами, детьми и всеми, кто слаб, надо побывать пленником, попавшим в руки тех, кто сильнее. Мне пришлось пройти путь от слабого ребенка до слабости угнетенного.

Арабские работорговцы похитили меня, когда я еще не достиг того возраста, чтобы отправиться убить своего первого льва в саванне, чтобы доказать людям

моего племени, что я стал взрослым мужчиной. Арабы тащили меня через пески, избитого, грязного, голодного, но я оказался недостаточно красивым или недостаточно юным, чтобы понравиться какому-нибудь паше, недостаточно сильным, чтобы быть носильщиком, слишком слабым к тому времени, когда мы пересекли пустыню, чтобы выдержать операцию, сделавшую бы меня евнухом, я был ничем, я был так истощен, что стал негодным товаром. Меня отправили на корабле вместе с другим грузом. В Ла Рошели меня купила Амос Маниго, несмотря на то, что от меня не было никакой пользы. В ее доме я узнал о Боге, который пришел, чтобы защищать слабых и угнетенных... Неважно, что те, кто поклоняется ему, немного забыли о смысле его учения. В их доме он, распятый Бог, шептал мне: «Я пришел к тебе. Узнай мой язык и мою силу...» Когда магия служит защите слабых и невинных, она становится орудием Бога. Он перевел дыхание, и прежде, чем она смогла его прервать, продолжал с новой силой:

— Разве ты забыла, что Иисус был волшебником, магом, и что именно благодаря этому он стал известен? Иисус был одним из самых слабых людей своего времени. Это был человек из низов, ремесленник, своими руками добывавший себе пропитание, бедняк, принадлежащий к угнетаемой нации, чьи земли были оккупированы римлянами, этими воинами, сжимавшими мечи и одетыми в доспехи, которые царили тогда на всей земле! Кем был этот ничего не имевший молодой человек, который несмотря на свою тайную силу, не мог противопоставить насилию сопротивление с помощью оружия?.. С самого рождения, с детства он был поставлен в положение гонимого и угнетаемого... Его единственным оружием была его тайная сила. Он изгонял злых духов, терзавших бедных людей, он умножал хлебы, лечил больных, воскрешал мертвых...

А его первые ученики? Первые христиане? Такие же бедные люди, необразованные, невежественные, кем были бы они, если бы не свершилось чудо, перед которым могущественные, богатые ученые могли лишь склониться, пав на колени и промолвить: «я верую...»

— Сирики, ты замучил меня своими проповедями! — вздохнула Анжелика. — Я уже перестала что-нибудь понимать!..

Великан-негр сказал что-то на своем языке мальчику, и тот ответил ему довольно длинной речью. Затем все пошло гораздо быстрее.

— Он говорит, что он уверен, что обладает властью над демоном этой женщины. Но для этого ему необходим какой-нибудь предмет, одежда, принадлежавшая ей, которую она носила или к которой прикасалась, и что лучше всего подойдут обрезки ногтей или пряди волос...

— Предметы! Обрезки ногтей этой женщины? Вы сошли с ума! Кто же осмелится сохранить у себя хоть что-нибудь, что принадлежало этому созданию?.. Если у кого-нибудь и было что-либо из ее вещей, их давным-давно уже выбросили или в страхе и с молитвой сожгли. Я знаю, что мадам Каррер избавилась даже от иголок, которыми она зашивала ее одежду.

Старый Сирики подумал и затем предложил:

— А если мы попробуем расспросить тех двух женщин, которые прибыли из Квебека и недавно видели ее?

Они направились к Дельфине и Польке.

На их вопрос слышались негодующие возгласы:

— Какой-нибудь предмет? Принадлежащая ей одежда! Боже сохрани? Мы бы сразу же бросили ее в огонь. Во всяком случае, мы так быстро удрали, что не успели собрать даже наши собственные вещи.

Однако подобное утверждение находилось в некотором несоответствии с теми тяжелыми

чемоданами, принадлежавшими мадам Гонфарель, которые пришлось тащить Аристиду Бомарше.

Их беседа происходила в «Трактире-под-Фортом». Мадам Каррер, подойдя к ним, подтвердила, что она выбросила не только иголки, которыми пользовалась, зашивая одежду герцогини, якобы испорченную из-за кораблекрушения, но также и наперсток и катушки с нитками. Она сделала это не без колебаний и сожалений, так как галантерейный товар стоил очень дорого в их краях, но она предпочла скорее лишиться всего этого, чем прикасаться к тому, что могло бы напомнить ей эту ведьму и отравительницу, которая хотела тогда отправить ее «к праотцам».

В это время появилась Северина Берн, которая уже прослышала о том, что они ищут. Она вспомнила, что тетушка Анна, у которой она жила зимой, кажется говорила, что герцогиня де Модрибур оставила ей в подарок индийскую шаль в знак признательности за оказанное гостеприимство. Тетушка Анна вначале никак не могла понять, что от нее хотят. Тот факт, что она какое-то время жила в одном доме с демоном, никак не отразился ни на ее здоровье, ни на здоровье ее служанки, старой Ребекки. Они никак не пострадали в результате той мрачной истории, хотя и не применяли камфару для изгнания злых духов с той постели, где спала Амбруазина, как им советовали, ни подвешивали связки чеснока, чтобы прогнать вампиров.

Тетушка Анна сказала, что она никогда не надевала ту шаль, которую ей подарила мадам де Модрибур, что доказывало, что она гораздо более суеверна, чем делала вид. Она к ней даже не прикасалась. Несмотря на те мудрые беседы, в которых они вместе проводили время, тетушка Анна не испытывала симпатии к мадам де Модрибур. Шаль осталась лежать в сарае, и совсем недавно, когда она рылась в сундуках в поисках книг по математике, она наткнулась на нее, а также на

гобеленовый ридикюль, содержащий ленты и другие предметы туалета, забытые мадам де Модрибур. Все это должно быть на месте, так как ни у нее, ни у Ребекки, ни у Северины никогда не хватало времени заняться уборкой в этом помещении, столь удобном для хранения всякого хлама.

Они побежали туда.

Тетушка Анна вошла в сарай и через несколько минут радостно воскликнула.

— А! Вот и те вещи, которые мне оставила эта дама.

Она обернулась и с беззаботным видом протянула им пыльную шаль и маленькую дамскую сумочку, в которой находились ленты, гребенка, щетка и — невероятная находка — на щетке и на гребешке были ВОЛОСЫ! длинные и черные.

При виде этих страшных напоминаний о герцогине, к которым никто из них — ни Анжелика, ни Северина, ни мадам Каррер не притронулись бы ни за какие сокровища и которые тетушка Анна, в конце концов, положила на пол, юный Бакари встал на колени.

Они смотрели издалека, как он принялся совершать какие-то ритуальные действия; он бормотал, плевал, издавая при этом звуки, похожие на змеиный свист, в то время как его руки, сложенные так, что кончики всех пальцев соприкасались друг с другом, направленные на лежащие перед ним вещи, делали движения, имитирующие извивающихся змей, выплевывающих свой яд.

Темба закончил тем, что осторожно, как пинцетом, подобрал шаль, ленты, гребенку и волосы и положил каждый из этих предметов в отдельные мешочки, изготовленные из мочевого пузыря американского лося, а затем положил все это в большой кожаный мешок. В одной руке он нес этот мешок, в другой — сумку с личными лекарствами.

Они заметили, что выпуклый лоб ребенка покрылся капельками пота, и что он с трудом дышал.

Встав с колей и прикрыв глаза, он произнес монотонно и печально несколько фраз, а затем, пройдя мимо них, не взглянув ни на кого, вышел из сарая.

Медленно они возвращались от тетушка Анны, которую «камфара» математики и «чеснок» мудрых размышлений, казалось, навсегда защитили от колдовства.

Анжелика увидела, что лица большого Сирики и стройной красавицы Акаши побледнели.

— Что он вам сказал?

— Он говорит, что это очень сильный демон. Очень сильный демон-избранник, окруженный множеством других демонов. Но не нужно бояться. Когда он покончит с главным духом, остальные разбегутся, как блохи, покидающие труп, и их уже можно будет не опасаться... Это будет тяжело, очень тяжело, но он утверждает: твоя дочь будет спасена. Его магическая сила превосходит силу демона, так как он обращается за помощью к Замби, богу Неба, более могущественному, чем бог Земли.

— Он сам подвергается какой-нибудь опасности?

— Он может умереть, — прошептал Сирики. — И Акаши это знает.

***

Накануне своего отъезда в Вапассу Анжелика обедала с глазу на глаз с Коленом.

Ей было приятно просто находиться в его присутствии, когда можно было не притворяться, не отвечать на вопросы, не разговаривать.

Та спокойная уверенность, которую он излучал, та горячая любовь, которую он испытывал к ней, успокаивали ее боль, как наркотик.

И ей удалось проглотить несколько ложек супа, и когда она подняла голову и посмотрела на него, она

увидела, что его голубые глаза пристально смотрят на нее.

— О чем ты думаешь, Колен?

— Я думал... Насколько женщины становятся недосыгаемы, когда их ребенок в опасности. И какими мы себя чувствуем беспомощными, мы, мужчины, когда не можем защитить их.

— Вы можете гораздо больше, чем предполагаете. Так хорошо звать, что ты любишь ребенка не одна.

И она вспомнила, как Жофрей склонялся над маленькой, Онориной, когда она была еще совам крошкой, и как она спрашивала у него:

— Почему ты меня любишь? Почему?

И он отвечал ей:

— Потому что я — ваш отец, мадемуазель.

Она была не одна.

Колен покрыл ее ладонь своей широкой и теплой ладонью.

— Ты не одна, — сказал он, как эхо, повторяя ее мысли. — Наша любовь охраняет и ее.

И он с уверенностью повторил ту же самую фразу, которую произнес Сирики:

— Ничего не бойся. Твоя дочь будет спасена.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ОДИССЕЯ ОНОРИНЫ

Глава 32

Онорина знала, что дама с желтыми глазами желала ее смерти. И еще хуже!

Когда в приемной на нее упал взгляд этой дамы, она почувствовала себя очень плохо.

А ночью ей снился взгляд ее желтых глаз, устремленных на нее. «Мадам Ломбард, отравительница».

С того времени, как уехала мать Буржуа, в ней поселилась болезнь, которая мешала ей дышать и не давала заснуть. Если бы она описала эти симптомы больничной сестре, может быть сестра объяснила бы, что эта болезнь называется страх.

У нее никогда ранее не было этой болезни.

«Даже медведица, которая хотела нас убить, чтобы защитить своего детеныша, не была такой свирепой, как эта женщина с желтыми глазами.

Мать Жалмена и все ее маленькие подружки, говорившие в восторге: «Вы поедете в Коляске жены губернатора», — они просто глупы. Когда эта дама придет, они со смехом и идиотскими замечаниями заставят Онорину следовать за этой ужасной женщиной, уехать с ней. И она опять почувствует, как на ее руке сомкнется эта рука, как это было в первый раз, — но на этот раз не будет матери Буржуа, которая тогда вмешалась. И ничего нельзя будет поделать! С этим не могли совладать даже ее лук и стрелы. Если она попытается, все будут только смеяться и издеваться над ней, и ей придется подчиниться. Ее уведут насильно, и она станет пленницей!

Когда ей сказали, что после полудня за ней заедет мадам Горреста, чтобы везти ее на праздник, она решила спрятаться. Но ее бы скоро нашли.

Она подумала: «Нужно бежать! Но куда?»

Внезапно ей пришла в голову мысль: «Я убегу к моему дяде и тете де Лу возле Ля-Шин». Было приятно об этом вспомнить. «У меня есть семья!» Она была членом этой семьи. Семья должна защищать тех, кто к ней принадлежит. А с чужими людьми, даже если они вас очень любят, никогда нельзя быть уверенной, что когда-нибудь они не отвернутся от вас. Вы же не «часть» их семьи.

«Мой дядя, моя тетя, мои кузены», — повторяла она с удовлетворением. И ее тетя была такая милая.

Увидев, что дверь сада открыта, она была готова тут же осуществить свой план. Но жаль было оставлять две свои коробочки с сокровищами, поэтому ей пришлось на перемене последовать за другими девочками во двор, где им дали на десятичасовой завтрак бутерброд и грушу.

Онорина положила хлеб и грушу в карман своего полотняного форменного передника. Дорога будет длинной, и ей понадобится в дороге поесть.

Ей удалось, не будучи замеченной, возвратиться в дом и подняться в спальню.

Взобраться на кресло и поставленную на него табуретку, чтобы добраться до этажерки, было не так-то просто. Достав свои коробочки и опустившись на пол без потерь, Онорина забрала индейскую сумку Мелани Кутюр, это ей наука — она никогда ее не одалживала, — положила в нее свои вещи и одела сумку на плечо.

Она шла по течению реки счастливая, что удалось незаметно выйти из сада и убежать, шла неуверенно, нетвердо зная направление. Голубоватый туман окутывал окрестности, стирал очертания берегов. Если бы туман еще сгустился, Онорина могла бы также стать незаметной.

Ее внимание привлекал то полет стрекоз, то жужжание какого-нибудь насекомого; временами она

совсем останавливалась — маленькая особа в полотняном платье с сумкой, доходящей ей до щиколоток. Ее волосы, падающие из-под белой полотняной шапочки, казались в тумане пятнышком зари.

За прибрежными ивами слышалось пение молодого голоса, и парусная лодка со спущенным парусом пристала к берегу. Хозяин лодки Пьер Лемуан, высокий молодой человек, узнал Онорину.

— Вы гуляете, мадемуазель?

— Я должна посетить моих дядю и тетю, — сказала Онорина с важностью, — они — помещики де Лу в Сен-Пьере.

По внезапному вдохновению она добавила:

— Вы не сможете меня туда довести?

— Почему нет? — бодро ответил молодой человек. Сын реки, он чувствовал себя счастливым только на борту своей лодки и не терял никакой возможности насладиться чувством свободы, плывя между небом и водой.

Он помог ей войти в лодку, усадил на скамейку, и, после того, как на веслах достиг середины реки, посвистывая, поднял квадратный парус.

Дул попутный ветер. Прекрасно зная фарватер, молодой рулевой уже через два часа сумел достичь пристани у Сен-Пьера.

После церкви святого Мартина туман рассеялся, и река заблестела под голубым небом как кожа змеи. На гладкой поверхности реки местами появлялась рябь — предвестница быстрины Ля-Шин.

Это была прелестная прогулка. Они пели по одиночке или вместе все песни своего школьного и церковного репертуара.

Пьер Лемуан знал еще и другие песни, так как он побывал на Великих Озерах, и научил Онорину песне, которая начиналась так:

«Я вернулся с верховьев реки. Прощайте все дикари».

— Вам придется еще пройти, — сказал он, высадив ее на берег, — но я покажу вам кратчайший путь.

Когда вы поднимитесь до того красного бука, не выходите на Королевскую дорогу, по ней очень длинный обход, а поверните направо и, пройдя мимо леска, вы окажетесь у тропинки, идущей через большие пастбища. Усадьба де Лу находится в конце.

Она видела, как он ушел, напевая песенку. Ему очень повезло, что он — парень и может уходить в леса до Теплых Морей или до Долины Ирокезов.

Она отправилась в путь, успокоенная, узнав знакомые места, которые уже проходила здесь, когда навещала дядю вместе с матерью.

Анжелика перед отъездом очень советовала ей видаться с этой семьей, когда ей станет скучно. Но до сих пор ей совсем не было настолько скучно, чтобы стремиться их навестить. Ведь она была очень счастлива у матери Буржуа. Ее дядя и тетя иногда ее навещали, но она на них дулась, теперь она не помнила, почему.

Но несмотря на это, она была уверена, что дядя ее защитит.

Ее дядя сказал: «Это дочь моей сестры! Не приближайтесь!»

Она тоже, когда будет большая, будет защищать детей Глориандры. Она скажет: «Это дочь моей сестры». Она попыталась вообразить себе Глориандру с детьми.

Она храбро семенила дальше. Было очень жарко. Ее лоб покрылся испариной, сумка становилась тяжелой, пришлось перекинуть ее на другое плечо. Она думала, будет ли иметь право защищать также детей Кантора и Флоримона.

Кантор, конечно, не захочет. Он не доверял ей, не принимал в семью. А Флоримон был слишком хитер, и его дети не будут нуждаться в покровительстве кого-либо, кроме него самого.

Ей придется довольствоваться детьми близнецов. Они были не очень-то толковые и, конечно, будут рады ее помощи. И прежде всего, они не смогут возражать, ведь она была их старшая сестра.

Эти поглотившие ее внимание рассуждения помогли ей незаметно пройти длинную дорожку. Подняв склоненную голову, она увидела тропинку, о которой говорил Пьер Лемуан. Эта тропинка пересекала широкие, плавно поднимающиеся поля, где паслись овцы и коровы.

Она пошла по тропинке, шла с опущенной головой, чтобы не пугаться предстоящего расстояния. Ей показалось, что она услышала звуки лошадиного галопа и катящихся колес, но не обратила на это внимания. Тропинка поднималась кверху, она устала.

Она увидела, наконец, на той стороне холма печные трубы усадьбы дяди Жослена. Ее маленькое сердечко забило. Скоро она будет «в своей семье». Тетя Люс встретит ее, и когда она наклонится, чтобы обнять Онорину, можно будет обнять ее за шею и спрятать голову на ее плече. Хорошо, что на свете есть такие женщины, как ее тетя Люс, которые любят детей и не боятся их.

Она торопилась, и из-за того, что она слегка задыхалась, горло у нее было сухое и горело.

Она достигла вершины холма, тропинка продолжала виться перед ней вдоль по полям, но ей уже хорошо была видна усадьба с ее белым, розоватым от солнца фасадом и красивой голубой крышей.

На этих полях были устроены заграждения. Около одного такого заграждения стояли, опершись на него, какие-то дворяне, потому что против солнца были

видны плюмажи их шляп. Они только что приехали в карете по «Королевской дороге». Они преграждали Онорине путь к дому дяди. Среди них находилась женщина в парадном туалете.

Узнав ее, ребенок остановился в ужасе.

Женщина с желтыми глазами!

Глава 33

В этой маленькой кладовке позади ветхого и необитаемого деревянного дома, — его хозяин был во Франции, — изолированного от улицы и окружающих домов одичавшим садом, они разглядывали ее без сострадания, нечувствительные к ужасу ребенка.

— Она хитрее всех монахинь, вместе взятых, — сказала Амбруазина, скрежеща зубами, — но ей не поможет то, что она опасалась меня и убежала.

Она рассматривала маленькую трепещущую фигурку, стоящую перед ними, и наслаждаясь, воображая за этим круглым личиком перепуганного ребенка отчаяние в лице Анжелики.

Она ликовала и дрожала в истерическом восторге. Наконец она насладится долго вынашиваемой мезтью.

— Мы вернемся за тобой, — сказала она, — и тогда мы славно позабавимся с тобой, милочка! Ты пожалеешь, что родилась на свет и что ты — дочь своей матери.

Она приближалась мелкими шажками, и ее глаза сверкали все больше.

— Да! Ты сможешь пожалеть, что ты ее дочь. Запомни это. Это из-за нее я заставлю тебя умереть в мучениях. Хочешь почувствовать, как это будет?

Она схватила прядь волос, видных из-под шапочки, и дернула с такой силой, что вырвала кусочек тела.

Онорина не вскрикнула. Она открыла рот и не произнесла ни звука.

Амбруазина расхохоталась.

— Вы не видите, она же онемела от страха! Можно не беспокоиться. Она не позовет на помощь. И не нужно закрывать дверь на цепь. Она и не двинется. Уходим. Мы и так потеряли много времени, чтобы ее добыть.

Мое отсутствие может вызвать удивление. После окончания церемонии мы вернемся. И заберем ее... вы знаете, куда.

И все же, несмотря на то, что она сказала, они заперли дверь и на цепь и на ключ.

Это ничего не меняло. Женщина с желтыми глазами была права. Она не убежит; она не могла двинуться с места.

Онорина испытывала страшное чувство стыда и ярости против себя самой. Это было то, что больнее всего, хуже, чем боль от рваной раны около лба, откуда кровь струйкой потекла ей на висок и щеку.

Змея, которая усыпляет кролика.

«Я — кролик». Чем больше был ее ужас, тем сильнее был охвативший ее паралич. Она открывала рот и оттуда не выходило ни звука. «Вы разве не видите, она стала немой?» — сказала женщина с отвратительным смехом.

Никогда больше она не будет бегать, не будет смеяться. Мысли застывали в ее голове, как лед. Временами ей казалось, что она исчезает, проваливается, как тонущий. Потом она возвращается на поверхность, и это было еще страшнее, ибо тогда она вспоминала.

Время шло, время двигалось... мрак приближался.

Ей послышался отдаленный шум голосов, среди них — дьявольский смех.

«Они» возвращались.

«Я хочу умереть».

Дверь открывалась...

Но нет, это была не дверь, это была доска, сдвинутая с места в шаткой стенке хижины, и в эту светлую щель скользнул хрупкий и гибкий силуэт. Онорина узнала молодую индеанку Катерину, с которой она так весело играла в приемной в день праздника.

«Катери! Катери!» — хотела она закричать. — «Спаси меня!»

Но ирокезка не могла ни услышать этого внутреннего вопля, — он, не проявляясь наружу — ни заметить ее, ведь сумерки сгущались.

«И она почти слепая, она меня не увидит! Я погибла». Изнемогая от отчаяния, она повторяла: «Она меня не увидит! Она меня не увидит!» — до того, как она поняла со взрывом радости, что Катерина Тетаквита именно ее искала в этом погребке, искала ее, маленькую Онорину.

Ибо наконец, различив ее в углу, стоящую неподвижно, как статуя, как деревянный тотем, она улыбнулась тихой и торжествующей улыбкой.

Снаружи голоса и сатанинский смех приближались.

Молодая индеанка приложила палец к губам. Она сделала знак Онорине следовать за ней. Потом, поняв, что она не может двигаться» Катерина подняла ее своими слабыми руками.

Те, что пришли и остановились возле кладовки, чтобы схватить свою невинную жертву для омерзительного жертвоприношения, уверенные в ее бессилии, не торопились повернуть ключ. Они заранее предвкушали нездоровое наслаждение, которое приносит развратным людям ужас и страдания слабого и незащитного существа, попавшего в их руки, — единственное наслаждение, которое было доступно многим из них, погрязших в пороках и разврате. Эти гнусно хохочущие демоны, следующие за своей предводительницей, готовые помочь ей в ее жестоком и развратном развлечении, позже вспомнили, что в переулке они видели молодую индеанку, несшую ребенка, закрытого красным платком. Она исчезла за углом.

— О, Катерина! Ты меня спасла! — сказала Онорина, обняв за шею молодую ирокезку. — О, Катерина! Ты

спасла меня в последний момент!

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ОСЕННИЕ ОГНИ

Глава 34

Караван двигался по тропинкам американской области Мэн, между Кеннебеком и Пенобскотом. Под сенью деревьев философствовали маленькие дети.

— Когда приходит Несчастье, мессир Кот уходит.

— Какое оно, это Несчастье?

— Это большой черный человек с большим мешком.

— Может быть, Несчастье съест мессира Кота.

Шарль-Анри и близнецы обсуждали отсутствие мессира Кота, которого при сборах каравана в Вапассу нигде не могли найти. Они лишались своего товарища игр до будущего сезона, и Анжелике это не понравилось. Не то, чтобы она боялась за мессира Кота. Он всегда с торжеством появлялся там, где ему хотелось. Но Анжелике казалось, что если он покинул ее, значит у него были важные причины.

И в то время, как шаги мулов, несших детей, и шаги ее лошади звучали по каменистой тропинке, она спрашивала себя — может быть кот убежал от нее, чуя проклятие женщины-Демона, как от зачумленной.

Об этом рассуждали детишки, хорошо устроенные каждый в маленьком креслице на спинах резвых, с уверенностью ступающих мулов. Они не остались глухи к разговорам взрослых, и она слушала пересказ этого важного разговора в переводе Шарля-Анри, который одновременно был и участником разговора и его переводчиком. Слова близнецов, ставших очень болтливыми, все же нуждались в переводе. Они в своих маленьких головах создали образ гигантского и темного Несчастья, которое заставляло взрослых беспокоиться.

— Я не хочу, чтобы это Несчастье съело мессира Кота, — сказала Глориандра, розовые губы которой

дрожили от подступающего плача.

— Мессир Кот не позволит себя съесть, — тут же утешила ее Анжелика. — Наоборот, может быть мессир Кот выцарапает ему глаза, этому Несчастью.

— Но у Несчастья нет глаз, — ответил ей Раймон-Роже, взглянув на нее своими глазами цвета темного каштана. Когда он смотрел на кого-нибудь, они, контрастируя с его вьющимися золотисто-каштановыми волосами и белым цветом лица, округлялись до такой степени, что видели только их.

Анжелика любила эту их дорожную болтовню.

По очереди она сажала их перед собой на седло и в течение нескольких часов, держа на руках это маленькое доверчивое тельце существа, ум и сердце которого пробуждалось к жизни, как сердце птички перед первой песней, она ткала тесные и теплые узы, которые в течение их жизни будут все время укрепляться: «мое дитя», «моя мать».

Синие глаза Глориандры и ее черные волосы, прекраснее чем самая прекрасная ночь, «некрасивая красота» Раймона Роже, «рыжего графа», всю их жизнь очаровывали всех. В нем, Раймоне Роже, она чувствовала ту несгибаемость в борьбе, которая помогла Жоффрею в детстве, когда он отказался умереть в корзине крестьянина-католика.

Потом, этот Шарль-Анри, чужой ребенок, отмеченный судьбой добрых людей, храбрый, с редкой, но милой улыбкой. Он смотрел на нее с такой сдерживаемой радостью, когда она брала его на свою лошадь. И его взгляд напоминал ей взгляд пропавшего ребенка, имя которого он носил.

***

Американский олень — грустное животное с мрачным характером. Он любит влажные места.

В пути они проходили рядом с прудом ярко-зеленого цвета, и каждый раз, проезжая мимо, они видели там

пьющего оленя: его великолепные рога, казалось, стремились к солнцу.

Анжелика внушила себе, что это был всегда один и тот же олень, делавшийся каждый год все больше и поджидавший их здесь.

Она говорила ему: «Добрый день, охранитель Кеннебека!»

И дети после нее повторяли это приветствие.

Им понадобился месяц для пути из Кеннебека в Вапассу.

Было еще не позднее время года, караван не торопился, и можно было останавливаться в знакомых местах.

В Вольвиче, английском городке в Мэне, где родился их друг врач Фине, Анжелика думала встретиться с лекарем Шаплеем. Он не приехал, и они возобновили путь, жалея, что не удалось увидеть его, его жену индианку, его сына и невестку, которая выкормила Глориандру. Анжелике тем более неприятна была эта неудача, что ее запасы коры хинина против малярии истощались, и он один мог ее обеспечить этим лекарством.

Перед ними расстилалось русло большой реки с его многочисленными полуостровами и островками, поросшими темными соснами, нижние ветви которых купались в воде. В этом лабиринте пробирались индейские каноэ и суда; мачты и паруса их появлялись над вершинами деревьев.

Каждое лето пираты Караибов проходили с моря первые мили русла реки, в туманной надежде достичь Эльдорадо, но достигали только поста голландца Питера Боггена на острове Хаусснок. Его самым главным богатством являлось умение выпекать большие караваи пшеничного хлеба, любимого индейцами, и варка пива.

Пираты усаживались вокруг котла обжигающей смеси, секретом которой владел голландец; в нее входило два галлона наилучшей мадеры, три галлона воды, семь фунтов сахара, молотый чистый овес, сухой виноград, лимоны, пряности — все сваренное вместе в большом серебряном чане.

Караван прошел далее мимо Норридзвука, покинутой миссии д'Оржеваля, и остановился на несколько дней на руднике Сот-Барре. Хозяином его был ирландец О'Коннел. С тех пор, как он женился на повитухе Глории Хиллери, его характер несколько улучшился.

В продолжение этого путешествия было только одно происшествие, но очень важное.

***

Немного времени спустя после того, как они покинули рудник Сот-Барре, первые носильщики вернулись с встревоженным видом и сообщили, что они видели много ирокезов. Уже несколько лет после драмы в Катарунке, которая произошла в этих местах, здесь не было замечено никакой банды ирокезов, появляющихся летом грабить и убивать.

— Может быть, это были гуроны?

Но туземцы настаивали на своем. Их инстинкт, обостренный прежними набегами и резней, не обманывал. Некоторые стремились отстать от каравана и бежать. Солдаты авангарда окружили Анжелику и ее детей.

Она сидела на своей лошади и, осмотревшись, поняла, что они находятся далеко от места, называемого «бухточка трех кормилиц». После ее последнего посещения там было построено много новых помещений, так как с этого места начинался путь к реке на баржах.

— Попытаемся добраться до этого поста, — предложила она. — Мы там сможем

перегруппироваться, если нужно — воздвигнуть лагерь для защиты.

Она не была по-настоящему обеспокоена. В ее вещах находилось «слово» матерей ирокезских Пяти Племен, которое уже сослужило службу в Квебеке.

Поверх реки она искала глазами стражу, которая не должна была быть далеко. И действительно, на другом берегу реки между деревьями она увидела неподвижного, как деревья, в его обычной театральной позе — Уттаке, вождя могауков.

Это был он, хотя и с другой прической.

Его султан был более коротким и торчащим, как щетка, проклеен воском, окрашенным в ярко-красный цвет, и в него было воткнуто единственное перо черного ворона.

Он был один. Но можно было предположить, что так далеко от Долины Пяти Озер, он не появится один в этих враждебных местах, и что каждое дерево скрывало настороженного ирокеза.

О'Коннель, который сопровождал караван до следующего этапа, шумно вздохнул.

Прошлый раз, когда тут проходили ирокезы, он потерял все при страшном пожаре Катарунка, весь свой запас мехов. Это не должно было повториться!

Уттаке поднял руку и приветствовал Анжелику словами:

— Привет тебе, Орокаванентатон!

Для пущей торжественности он произнес во всю его длительность имя, которое они ей дали; это было имя полярной звезды, «та, которая указывает дорогу на небесном своде и не отклоняется от спасительной дороги, которую она указывает».

Она ответила: «Привет тебе, Уттакевата».

— Мы пришли омыть кости наших мертвых, — объявил Уттаке.

Река была довольно узкой, и можно было говорить, не повышая голоса. Было как бы эхо, отражавшееся от поверхности воды.

— Пришло время почтить наших мертвых из-под Катарунка.

Мы не можем еще вернуть их родным для великого праздника мертвых, но мы должны омыть их останки и завернуть их в одеяния из бобровых шкур, чтобы их почтить. Иначе они будут недовольны, наши братья и вожди, предательски убитые в Катарунке. Позднее мы вновь вернемся и возвратим их в страну длинных домов, где их место; но сегодня они должны принять наше посещение и утешиться нашим присутствием.

Увы, мы не сможем рассказать им о подвигах великого союза ирокезов. Обещания, данные нами тебе и твоему супругу Тикондероге, а также Ононцио, приковывают гордых ирокезов, как женщин, к их поселениям и плантациям, и они потеряют вкус к войне, в то время, как эти собаки гуроны, а также бродячие алгонкины, земляные черви, пользуются этим, чтобы острить свои секиры и томагавки. Но что из этого? Мы обменялись «честными словами», и я от этого не отступлю.

Чтобы тебе угодить, я бросил свой клич: «Осквенон», что значит мир. И я не беру его назад, я его повторяю.

Он снова поднял руку и бросил свой клич: «Осквенон».

Клич этот был повторен глухим эхом его невидимых воинов, скрытых деревьями и кустарниками леса.

— Осквенон!

Клич мира, но он вызывал больше страха, чем любой военный клич в Европе.

Уттаке повторил свои обещания и уверил, что он, сопровождаемый двумя стаями воинов, предназначенных представить Пять Племен перед

погибшими вождями, — что вновь заставило задрожать его слушателей, — появился здесь только с целью выполнить священный и старинный долг, что его намерения мирные и что никто не пострадает от их прохода по этой местности, если никто не будет пытаться их остановить и мешать им перейти Кеннебек, чтобы вернуться к себе.

— Церемония будет продолжаться шесть-восемь дней. Все это время оставайтесь в своих лагерях, расположенных выше по течению, и пусть никто не двигается оттуда до определенного времени. Когда вы узнаете, что празднество мертвых окончено, мы будем уже далеко и не будем рисковать тем, что кого-нибудь предательски захватят в плен.

— Как мы узнаем, что церемония закончена, и мы можем отправиться в путь?

— Орел пролетит над вашим лагерем.

— Орел пролетит над лагерем. Извольте ли видеть! Все так просто! — ворчал О'Коннел. — Как можно привыкнуть жить в подобной стране! Подумать только, они облачат эти старые скелеты и прогнившие трупы в великолепные одежды из бобровых шкур, стоящих состоянии — и все это затем, чтобы закопать их в землю! Это просто какая-то нелепица!

Но ему пришлось, как и другим, терпеливо пребывать в лагере в течение шести-семи дней, пока продолжался праздник мертвых.

Старый Катарунк был недалеко, и иногда над вершинами деревьев проносился громовый клич: «Хае, хае!»

— Это их военный клич?

— Нет, этот клич называется криком душ! Когда высоко и спокойно пролетел орел, никто не поверил своим глазам; в путь пустились с робостью в сердце. Но ничего не произошло.

Кончились последние акации, начались первые большие массы хвойных деревьев, думов и тюльпанного дерева, а потом — царственные рощи кленов; различные их виды будут сильнее отличаться друг от друга, когда краски осени покроют пурпуром их узорчатые листья. Следуя линии водораздела, они проходили через леса, которые украшали вершины гранитных массивов, и оттуда было видно плоскогорье с разбросанными по нему ледниковыми озерами. Вдали самые высокие горы Мэна на фоне голубого неба выглядели великолепно, расцвеченные первыми красками грядущей осени.

Из-за резкого похолодания, произошедшего в последние ночи, зажглось трепетное золото березок среди зелени других деревьев. Но дни оставались жаркими, и приходилось в самые горячие часы устраивать остановки.

Буйство, разгул красок.

Вдали виднелась гора сиреневого цвета, на ней — клены, розовые, вишнево-красные, золотые, зеленовато-золотистые, золотисто-медового цвета, цвета амбры — отражавшиеся в синих озерах, переливающиеся красками от серебристой посередине до темно-фиолетового или цвета изумруда у берегов.

Анжелика вспоминала своего брата Гонтрана, который сумел бы изобразить это на плафонах Версаля.

В глубине лесов, где сияли краски, как отблески пламени, раздавался пронзительный крик голубой сойки.

Дальше все они смогли двигаться на лошадях. Дорога была не такой трудной, как при первом путешествии, через ущелье Черепахи был перекинут мост в том месте, где перед Анжеликой появился знак ирокезов, запрещающий проезд дальше.

За два дня до цели гроза вызвала целый водопад воды, устремившейся в русло высохшего потока, по

которому шла дорога.

Пришлось отправить назад лошадей, носильщики остались ожидать в пещере в скале, а остальные продолжили путь пешком. Детей мужчины несли за спиной.

Вернулась хорошая погода. Два дня пешего хода, подъемов вдоль каскадов с плакучими ивами по берегам прошли быстро, как прогулка.

Это был всегда радостный момент, когда, выйдя из леса, вы слышали мычание коров, мирно пасшихся вблизи от Вапассу в широких пространствах болот, ныне осушенных.

На берегу озера цвета шифера рос золотистый тростник, а среди него соломенно-желтое просо, где резвилась водяная дичь.

Она заметила в очертаниях скал черты старого человека, высвеченные лучами вечернего солнца. И ее сердце сжалось при мысли об Онорине, которая всегда так огорчалась, что не может его увидеть. Она не переставала думать об Онорине. Но она старалась держать в узде свое воображение, не разрешая себе останавливаться на мыслях о жестоких испытаниях, уже омрачавших короткую жизнь ребенка в прошлом и об еще более ужасных и жестоких, угрожающих в настоящем и ближайшем будущем.

Она старалась сохранить спокойствие, выгравировать, как на камне, в памяти слова: «Ты будешь спасена, дитя мое».

Неважно как. Скорее всего благодаря приезду посланца. Она считала этапы пути, потом шаги, которые нужно предпринять для «побега» Онорины.

Самые оптимистические прогнозы не позволяли думать, что Онорина ожидает их в Вапассу, но можно было ожидать, что вскоре они с Пьером-Андре туда приедут.

В Вапассу все было на месте. Сараи, дома, склады, общие помещения, кухни, большой колодец у входа во двор и другие два внутри в кухнях, как принято в домах Квебека и Монреалья.

Женщины и дети занимались делами. Собирали выстиранное и выложенное на берегу для просушки белое белье; из диких уток, подстреленных при осеннем перелете делали на зиму вкусные заготовки.

Из отверстий вигвамов маленького индейского поселка поднимались, как курения благовоний, ленивые струйки дыма. Из окна главной башни Анжелика смотрела в ночь, надвигавшуюся на огромные, исчезающие вдали горные просторы, украшенные золотом и пурпуром осенней листвы. Они постепенно скрывались в поглощающей их тьме.

Над фортом развевалось голубое с золотым щитом знамя де Пейрака.

Однако за идиллическим спокойствием Вапассу скрывалось нечто тревожное.

В эйфории возвращения, радости обретения своего дома она заметила это только через несколько дней.

Внезапно поселение показалось ей обезлюдевшим. Отсутствовало большинство мужчин. Не было даже итальянца Поргани. Он отлично справлялся с обязанностями начальника охраны и управляющего постом и в отсутствии де Пейрака должен был стать командующим фортом. Анжелика удивилась, не увидев его среди встречающих. Его замещал Антин, полковник отряда наемников, которых он набирал из своего швейцарского кантона. Он и его помощник Курт Ритц добросовестно исполняли свои обязанности, они продолжали охранять форт, но под их командованием оставалось только три солдата. Объяснение, которое ей по этому поводу дали, было обычным и не могло служить источником беспокойства.

Все остальные, сказали ей, участвуют в больших осенних охотах вместе с племенами металлаков.

Это стало традицией, начиная с первой осени, когда они прибыли сюда, лишенные всего, почти без крыши над головой в ожидании зимних холодов. Большая предзимняя охота совместно с индейцами, прибывшими по зову Мопунтука, вождя металлонов, спасла их, дала возможность выжить.

Как и в то прекрасное лето, исключительная мягкость этой осени способствовала приготовлениям к празднеству.

Томас и Бартелеми, двое детей Эльвиры, также получили разрешение участвовать в нем. Для оставшихся женщин и детей приготовления к празднеству после триумфального возвращения охотников казались столь же важными, как и их обычные осенние заботы: сбор грибов для сушки и сбор ягод. Ягоды сушили на плетеных сетках, а грибы нанизывали на нити и сохраняли, подвешивая от края до края потолка.

Эти мелкие заботы отнимали много времени и требовали много рабочих рук, и Анжелика после первой же проверки обнаружила, что сделано очень мало.

Она заметила, что капуста, посаженная на другой стороне холма, не была снята и перевернута так, чтобы подмерзнуть во время первых заморозков. Часть ее должна была уже засолена в бочки для получения кислой капусты, которая помогала бороться с цингой.

В качестве оправдания ей сказали, что боялись нехватки соли. К счастью, она привезла с собой несколько мешков соли, их несли частью мулы, частью люди на спине. Чтобы уговорить солдат, неохотно ходивших срубать капусту с помощью больших ножей, ей пришлось напомнить им, что господин де Пейрак особенно стремился сохранить свои бочки с капустой, и что он будет недоволен.

— Господин Антин, у вас осталось очень мало людей, не слишком ли оголили форт? Если вдруг что-нибудь случится? Нападение? Как знать!

Но счастливые обитатели Вапассу посмотрели на нее удивленно. Что могло случиться в Вапассу? Это был форт, вокруг которого образовался поселок. Каждый на 100 лье вокруг привык считать его, хотя он и был смешанным франко-английским, местом отдыха, перевалочным пунктом, необходимым убежищем, нейтральной территорией, на которой могли проводиться переговоры, заключаться союзы и торговые сделки. По отзывам тех, кто путешествовал по Африке, атмосфера, царившая здесь, напоминала то перемирие, которое существует у источников воды, когда в сумерках львы и газели приходят, бок о бок, пить.

Анжелике очень хотелось верить этим успокаивающим словам. Солнце светило по-прежнему.

Каждый выигранный день — это была уверенность в более безопасном путешествии для Онорины, без ураганов, без поваленных деревьев и перевернутых лодок. При малейшем шуме на опушке леса она надеялась увидеть караван метиса Пьера-Андре.

Как-то индеец, бродивший около форта, воспользовался тем, что она вышла за ограду, и подошел к ней. Он делал ей знаки, чтобы она следовала за ним, но не давал никаких объяснений. Несмотря на все ее вопросы, он ничего не отвечал, а довольствовался тем, что все шире улыбался и подмигивал. Наконец, она подумала, что он хочет проводить ее к кому-нибудь из своих — больной женщине или ребенку, и покорно последовала за ним.

Он поднялся на холм позади форта, пересек небольшую рощицу на его вершине, потом спустился, удостоверившись, что она за ним следует, на дно высохшего за лето ручейка.

Там на уступе рос великолепный гигантский куст сумаха, более пламенно-красный, чем пылающий куст, явившийся Моисею. Из глубины этой раскрашенной осенью листвы слышался голос спрятавшегося там существа. Голос этот был более похож на рев раздраженного медведя, чем на божественный голос.

Среди этого нечленораздельного ворчания Анжелика, наконец, различила, что ее звали по-французски.

— Соседка! Соседка!

— Кто вы такой? — спросила она.

— Ваш сосед.

— Покажитесь же!

— Вы одна?

— Одна? Да. Исключая этого индейца, который меня привел.

Что-то двинулось из кустарника, некое подобие медведя, и появился канадский траппер. Она узнала его по сапогам.

— Месье Банистер!

— Вы можете меня называть Банистер де ля Каз, Я выиграл процесс возвращения дворянства.

— Поздравляю вас!

Вслед за ним появился более низкий силуэт. Его старший сын, один из четырех.

— Пойдемте в форт, чтобы отдохнуть и подкрепиться.

Гордый Банистер посмотрел вокруг с подозрением.

— Не может быть и речи. Я не хочу, чтобы меня видели у вас, чтобы кто-нибудь мог сказать, что я был здесь. Считают, что я на дороге к Теплым Морям, и я оставил свою лодку и поклажу в Сот де Маагог. Мне пришлось сделать большой крюк, чтобы добраться сюда, клянусь Божьим кадилом! Но мне нужно было поговорить с вами тайно.

Повелительным жестом он приказал индейцу приблизиться, другим жестом — подойти сыну. Индеец, взволнованный и смеющийся, протянул небольшую просмоленную фляжку из коры, и мальчишка налил ему из маленького боченка, который он нес на плече, порцию алкоголя. Его сильный запах смешался, как запах терпкого ладана, с запахом сухих листьев и леса, который чувствовался в этом перегретом солнцем овраге.

По другому повелительному знаку широкой лапищи индеец скрылся.

— «Они» убьют отца и мать за стакан водки, — прошептал Банистер с презрением.

Бросив взгляд на своего сына, он сорвал с него шапку.

— Даму приветствуют, если ты канадский дворянин! Сам он не снимал свой, надвинутый на лоб, головной убор.

Анжелика хотела настоять на своем приглашении, но он приложил палец к губам и приблизился к ней, оглядываясь кругом.

Он всегда считал, что квебекское общество его преследует, и его недоверие не исчезло, несмотря на выигранный процесс. Он прошептал:

— Я пришел сообщить вам новости о маленькой соседке, вашей дочке!

— Моя дочка! Онорина!

— Тише! — опять приказал он.

— Онорина! — прошептала она тише. — Скажите мне, умоляю! Где она?

— Она у ирокезов.

Глава 35

Это было светлое утро начала октября, в воздухе уже чувствовалось приближение зимних дней. Свежесть, которая ускоряла движение крови и делала мысли ясней.

Анжелика всегда будет помнить это мгновение, когда давящая ее тяжесть спала. Онорина была спасена. Но Анжелика прошла, однако, через все стадии страха и тревоги, беспомощной ярости, когда поняла, что предчувствия ее не обманули, что воскресшая Амбруазина в самом деле стремилась отомстить ей, завладеть ее дочерью. Анжелика трепетала, узнав, с какой ловкостью эта страшная женщина сумела удалить от бедной малышки всех, кто мог ее защитить, с каким остервенением она стремилась ее найти, когда ребенку удалось ускользнуть.

По сравнению с этим запоздалым страхом, который она теперь испытывала, разочарование, что ее посланец, хотя почти успевал, не мог опередить Амбруазину, и тревога за дочь, которая теперь находилась так далеко, больше чем за шестьсот миль от Вапассу, — все это отступило перед уверенностью, что ее дочь в безопасности благодаря ирокезке — христианке, сумевшей вовремя спасти ее от преступных рук извращенных палачей.

После того, как она засыпала медлительного Банистера градом вопросов и узнала главное, Анжелика предоставила ему изложить свой рассказ по его усмотрению.

— Все это произошло из-за жены нового губернатора, — сказал он, — мадам де Горреста. Хорошо, что все губернаторы, которые до этого приезжали, не брали с собой жен. Но эта — она стояла

дюжины. В это время в Монреале говорили о маленькой пансионерке монастыря Конгрегации Богородицы, которая сбежала или была похищена — одним словом, исчезла; и мадам Горреста, называвшая себя другом семьи, предлагала целое состояние тем ловким следопытам или «путешественникам», которые смогут расследовать это дело и найти ее.

— Лицемерка! — не могла удержаться Анжелика, дрожа.

Он пошел в замок, где остановились губернатор, его супруга и его слуги, и встретился там с несколькими знаменитыми следопытами, которые знали языки всех поблизости поселившихся индейцев.

— Она дала нам каждому по кошелек, полному золотых монет, и сказала: «Найдите мне ребенка, и я вам дам вдвое больше».

И вот мне пришло в голову, что ее надо искать в стороне Ханаваке, в резервации крещеных индейцев напротив Ля Шин.

Она тоже сказала, что хочет посетить этих бедных кровожадных дикарей из миссии Ханаваке, которые наконец-то приняли христианскую веру, и вот она переехала через реку со всей своей свитой и иезуитами, очень довольными, что могут показать ей плоды своей миссионерской деятельности.

Прекрасная флотилия переплывала реку Святого Лаврентия! Сдается мне, что у этой дамы такой же отличный нюх, как и у нас, потому что она пошла по тому же следу. Я вошел в индейский лагерь, когда на воде уже слышались голоса, и вся пышная компания приставала к берегу. И мадам Горреста стала обходить миссию с длинными домами крещеных индейцев.

Сам Банистер пошел в большую хижину Аньеров. Оттуда вышел его сын и сказал: «Папа, она там. Мы будем богаты!»

В больших хижинах ирокезов всегда темно. Нужно иметь наметанный глаз. Но он ее сразу узнал. Он ей сказал: «Э, это не вас ли, малышка, ищут по всему Монреалю?»

Она схватила его за рукав двумя руками.

«Сосед, моя мама сохранила вам ваши сапоги и ваши экю, а вы однажды вечером нас спасли на дороге от солдата, который хотел нам плохого. Спасите меня еще от женщины с желтыми глазами. Она очень злая».

— Она умная малышка. Она сумела произнести нужные слова: «Сосед, сосед, не предайте меня, ради моей мамы».

Анжелика слушала его, затаив дыхание. Она так сжимала свои сложенные руки, что суставы пальцев побелели.

На Баннистера, этого грубого человека, произвела впечатление эта сцена и поведение ирокезов, живших в большом доме, где приютили Онорину. Все они объявили, что скорее погибнут, чем отдадут девочку женщине, которую она так боится.

— Все ирокезы, которые там были, женщины, дети, старики и несколько «храбрых», желающих креститься, окружили меня и говорили: «Аквираш, ты что, с ума сошел? Ты что, не видишь, что эта женщина, которая идет сюда — демон?»

Некоторые, видевшие мадам де Горреста в городе и знавшие про ее странности, называли ее Ассонтекка, имя, которое ирокезы дают луне в том случае, когда они говорят о ней в тревожном смысле, и что буквально означает; «Она приносит ночь».

Но большинство называет ее «Атхонвита», что значит: «С двумя лицами», а в применении к женщине — колдунья.

Дикари были недовольны. Они были испуганы, почти ошеломлены тем, что почитаемый ими отец иезуит не был чувствителен, как они, к темному излучению,

исходящему от этой знатной французской дамы, которой все кланялись. В это время она входила во все хижины и расточала жеманные улыбки, но ее взгляды жадно обшаривали все закоулки и были подобны отравленным стрелам.

В хижине Аньеров дикари и дикарки окружили Банистера.

«Аквараш, — говорили они, — ты, который был кровным братом одного из наших великих вождей, правда умершего, но в тебе должна быть частичка его разума. Как ты можешь сделать такое безумное дело? Если ты выдашь ребенка, золото этой женщины задушит тебя. Оно будет причиной твоей смерти и, что для тебя еще хуже, твоего разорения».

Он знал, что сказать.

— Закрой свой клюв, — приказал он своему сыну. — Если ты пикнешь, я оскальпирую тебя собственными руками.

Когда гости проходили мимо хижины, где был спрятан ребенок, он загородил дорогу своей мощной рукой, и никто не смог бросить взгляд внутрь.

Двоюродный брат Катерины Тетаквиты отвел его в сторону.

— Завтра же на заре ребенок будет с нами в дороге к Долине Пяти Озер. Никто не будет ее там преследовать, ибо никто подозрительный не проникнет на территорию ирокезов без риска для своей шевелюры. Что до белой женщины, то ее пол и положение не позволяют ей перейти быстрины Ля Шин. Она не может летать по воздуху, хотя ее черная душа на это способна. Но ее человеческое обличье держит ее на земле. Наш вождь Уттаке будет тебе благодарен за то, что ты сделаешь для ребенка и ее семьи.

Вот таким образом Банистер де Ля Каз свернул с дороги, ведущей к южной точке озера Иллинойс, где находилась его зимняя стоянка торговца мехами, чтобы

пройти через Вапассу и сообщить родителям девочки об ее участи.

Мадам де Горреста не смогла ее поймать. Она не переставала злобствовать и отказывалась возвратиться в Квебек. Это не нравилось жителям Монреалья, несмотря на оказываемую им честь.

У них уже была в городе одна чересчур набожная особа в лице мадам д'Арребус, и они не слишком стремились иметь дело с еще одной.

Анжелика с признательностью несколько раз пожала мозолистые руки своего старого соседа. Она не знала, как выразить ему свою благодарность, и смотрела на него со смесью зависти и восхищения при мысли, что он встретил Онорину живой и вне опасности.

— Как она выглядит? Опишите ее мне!

— Довольная, — сказал Банистер, несколько подумав, как человек, не слишком привычный к подобным расспросам. — Ну, конечно, маленькая ирокезка, смазанная медвежьим салом с ног до головы, но... довольная. Да, это можно сказать! Довольная!

— Воображаю, — сказала Анжелика со слабой улыбкой. — Она ведь как мечтала о жизни в лесах!

Не волнуйтесь. Ей будет хорошо у дикарей. Они добры к детям, и она им понравилась. Они все уже смеялись над историями, которые она им рассказывала. Но они поступили осторожно, отправив ее в Долину Ирокезов, а не оставляя ее в Монреале, где эта злая дама могла ее найти.

Уттаке, великий вождь Аньеров, ваш друг. Он примет ее под свое покровительство, и с наступлением весны он вам ее возвратит. Надо только пережить эту зиму.

Он сказал то же, что и Жоффрей: «Надо только пережить эту зиму».

Уже отойдя от нее, он вернулся.

— Берегитесь, соседка. Эта женщина очень вас не любит. И индейцы называют ее Атхонвита.

Он удалился и исчез, а следом за ним и его отпрыск.

Двигались они совершенно бесшумно.

Возвращаясь домой, она шла спотыкаясь, опьяневшая от бесконечной радости.

Онорина избежала когтей Амбруазины! Онорина была спасена!

Проходя мимо одного из источников, указанных Мопунтуком, она встала на колени, с жадностью выпила ледяной воды, омыла свое горящее лицо. Она вспомнила, что ей говорила Онорина накануне рождения близнецов: «Нужно пить! Вода тяжелая, она помогает ангелам спуститься!»

Анжелика подумала о священных источниках, куда идут умолять о чуде. На ее родине тоже был священный источник рядом с часовней святого Гонория.

В форте ее встретили Раймон-Роже и Глориандра, заливаясь слезами.

Они сели, держась за руки. Это было их высшим утешением при невзгодах этой жестокой жизни. Несмотря на их слезы, они показались Анжелике такими красивыми, что она подняла их обоих на руки и страстно поцеловала.

— Что случилось, куколочки мои? Какое еще случилось несчастье?

— Ушел глупый пес, — сообщил ей Шарль-Анри, который всегда появлялся вслед за малышами.

Из их объяснений вытекало то же самое: глупый пес убежал.

Он пошел за ней, когда Анжелика ушла из форта, и не вернулся. Она вспомнила, что в то время, как она разговаривала с Банистером, ей показалось, что животное пробралось в заросли.

Быть может, пес учуял своих старых хозяев и, узнав их, решил последовать за ними... до Больших Озер?

После отступничества кота еще и эта измена очень огорчила детей.

Анжелика послала «больших» звать его по полям и ложбинам, но он не вернулся.

«Если он пошел за ними, значит он и в самом деле глуп, — сказала себе Анжелика, — или же значительно умнее, чем мы думаем!»

— А теперь, если начнется пожар, как мы это узнаем? — спросил Шарль-Анри.

***

Вскоре должны были вернуться охотники. Все заготавливали решетки для копчения мяса, которое доставят охотники. Подготавливали осеннее празднество. В свете этого милосердным образом исчезали все плохие предчувствия.

Милосердным? Или пагубным?

Колоссальные ковры пурпурного цвета, все в ягодах брусники, спускались до берега озера, вокруг старого маленького форта, где они провели свою первую зимовку. В нем теперь жил только немой англичанин Лаймон Вайт. Он занимался починкой оружия, работали на руднике и изготовлением пороха и пуль.

В сопровождении близнецов и Шарля-Анри, собрав всех свободных от работ женщин и детей с корзинками, Анжелика отправилась со своим отрядом на сбор ягод. Был жаркий безоблачный день, и воздух был напоен ароматом спелых ягод. Все принимались собирать деревянными гребнями, чтобы набрать возможно больше ягод до заката солнца.

Анжелика остановилась и смеялась, глядя на трех малышей рядом с ней, с рожицами, вымазанными красными ягодами.

Форт Лаймона Вайта был в нескольких шагах, и она с признательностью смотрела на их первое, — простое убежище, где протекали их первые героические, но не лишенные прелести дни.

Англичанин с длинными белыми волосами, посмеиваясь, вышел на порог и сделал им приветственный знак.

Она услышала, как закричала Джуди Голдман, старшая дочь из семьи квакеров, поселившихся в Вапассу год назад. Анжелика только что отошла от молодой девушки, которая уносила две полные корзинки ягод на место, где была большая плетеная корзина.

Обернувшись, Анжелика увидела индейца, который, схватив Джуди за руку, быстро увлекал ее за собой, несмотря на ее сопротивление. Одновременно раздались другие крики. Индеец с поднятым томагавком бежал по склону, перепрыгивая через ягодные кусты. Она смотрела на эту сцену, не способная еще от неожиданности воспринять ее смысл. Вдруг она почувствовала на своем плече что-то теплое и жирное. Она увидела на себе руку краснокожего! И маленький браслет из перьев вокруг мускулистой руки коричневого цвета. В двух дюймах от ее лица к ней наклонилось татуированное лицо индейца — абенака, но это не было лицо Пиксарета.

Она отчаянно отбивалась с криком «оставь меня» на всех известных ей языках. Кресты, четки и ожерелья из зубов медведя содрогались у него на груди, но он не отпускал ее, и это напоминало ей атаку на английское поселение Брунсвик-Фалл. Раздался выстрел.

Дикарь, державший ее, подпрыгнул, как рыба, попавшаяся на удочку, потом упал, увлекая ее за собой, Лаймон Вайт, схватив ружье, со своего порога выстрелил. Ибо со своего места, глядя на холм, он видел то, чего она не могла видеть.

Когда Анжелика, сбросив с себя руку убитого дикаря, поднялась, она увидела то же и поняла. Нельзя было терять ни секунды.

Уже не первый раз подобная картина представлялась ее взору, но никто секунду назад не мог бы вообразить что-нибудь подобное. Из леса на вершине холма множество индейцев, потрясая томагавками, мчалось к ним по склону, по красному ковру брусники.

— Скорей беги... беги прямо, — сказала она Шарлю-Анри, показав ему Лаймона Вайта.

Немой англичанин бросился к мальчику, схватил его, бросил внутрь дома, выстрелил еще раз, чтобы прикрыть отступление Анжелики, которая, схватив близнецов, ворвалась вслед за ним в большую входную комнату старого форта.

— Закройте дверь. Задвиньте засов. Быстрее!

Лаймона Вайта не нужно было подгонять. Только он закрыл тяжелые створки, как послышался звук от удара томагавка о двери.

Опустив тяжелый кленовый брус на железные скобы засова, немой вновь взял свое ружье и, взяв со стойки другое ружье, бросил его Анжелике. Показав ей постель в другой комнате, он сделал ей знак положить туда детей и подняться с ним на лестницу, ведущую на крышу.

***

Крыша первого поста Вапассу была устроена в виде закрытой защитной платформы. Кроме главной двери, тяжелой и низко утопленной в землю, к которой нелегко было подобраться, форт можно было осадить только со стороны крыши. На ней была построена стенка с бойницами, амбразурами; это позволило стрелять из укрытия.

Выскочив на крышу, Анжелика и немой начали стрелять, и каждый выстрел достигал цели.

Перед этим сопротивлением индейцы отступили, отошли на достаточное расстояние, как будто

посоветовались, затем, повернувшись, удалились в направлении большого форта.

Первая волна приступа была молчаливой и малочисленной. Теперь же отовсюду слышались вопли, крики, призывы. Но этот содом довольно быстро окончился, и воцарилось ошеломляющее молчание. Не считая нескольких трупов абенаков, лежащих в бруснике, можно было подумать, что предшествовавшая сцена приснилась.

«Но... что это все за безумие?» — подумала она, ошеломленная.

Со своего наблюдательного поста она могла видеть только верхушку главной башни и, немного пониже, бастион левого крыла форта.

На главной башне кто-то, мундира которого она не могла различить из-за закрывающего его парашюта, опускал голубое с серебряным щитом знамя де Пейрака, потом, немного погодя, поднял на мачту другой флаг и, несмотря на расстояние, она смогла различить рисунок на нем.

На четырех сторонах белого шелкового знамени красное изображение сердца, а в центре — тоже сердце, пронзенное мечом.

Машинально она перезарядила свое ружье, которое передал ей немой англичанин в первые минуты атаки. Это было кремневое немецкое ружье, буковый приклад которого был украшен резными охотничьими сценами. Красивое оружие, но очень тяжелое, тем более что к нему была приделана небольшая коробка с пулями и порохом. Это еще увеличивало тяжесть, но позволяло ей быстрее перезаряжать.

Она смогла выстрелить несколько раз до того, как Лаймон Вайт подобрался к ней с другими мушкетами. Однако у нее не было времени выбрать себе более удобное оружие.

На гребне холма появился дворянин и счал к ним спускаться. Он был без оружия. Это был офицер, одетый в серый мундир с белым крестом. Она узнала графа Ломени-Шамбор.

Глава 36

Сжав руками ружье, она смотрела, как он приближается. Чем больше он приближался, тем больше возрастало ее напряжение. Она боялась дать ему приблизиться — но ведь он был их другом.

Когда он был достаточно близко, чтобы ее слышать, она крикнула:

— Остановитесь, де Ломени! Не приближайтесь... или я стреляю.

Он приостановился, посмотрев в ее сторону, и обнаружив ее, казалось, не поверил своим глазам. Он сделал движение вперед, но она опять его остановила.

— Не двигайтесь. Со своего места я могу прекрасно вас слышать. Вы должны мне все объяснить...

Она не хотела, чтобы он приблизился к ней или ушел с линии прицела. Смена флага на башне была явным жестом объявления войны, и это вызывало крайнее недоверие.

Она не знала, что произошло с защитниками большого форта. Если она принимала его в качестве парламентаря, все могло случиться. В то время, как она будет вести с ним переговоры, солдаты и союзники Ламени-Шамбора могут занять маленький форт, Лаймон Вайт не сможет защитить его один. Когда падет этот последний бастион сопротивления, ситуация станет необратимой.

— Мадам де Пейрак?

— Шевалье де Ламени?

Она увидела, что он бледен, как смерть. Он молчал.

— Я вас слушаю.

— Дорогая Анжелика, подчинитесь.

— Чему же? Или кому?

— Божественному закону. Тем, которые настолько добродетельны, что могут быть его хранителями.

— Это что, нового губернатора или его вдохновительницу, супругу, вы считаете хранителями божественного закона?

У него стал изумленный и растерянный вид.

— О ком вы говорите?

Он как будто не знал, что в Новой Франции — новый губернатор.

— Тогда, если не эта мрачная марионетка или его демон — жена посылают вас... тогда это «он», — сказала она, сверкая глазами, — это «он», флаг которого вы водрузили, вечно «он», наш ожесточенный враг, даже мертвый. И вы — его послушный инструмент.

— Анжелика, — вскричал он, — нужно, чтобы вы поняли!

Он сделал шаг вперед.

Она откинулась назад под защиту бойницы, по-прежнему держа его на мушке.

— Не приближайтесь!

Он остановился. Он говорил кротко, словно стараясь ее успокоить. Он говорил, что находился в походе более месяца из-за сообщения, что отряд ирокезов бродит в окрестностях Кеннебека.

И тогда, проходя мимо Вапассу, он получил внушение свыше. Это давало ответ на многие жестокие вопросы, которые он многие месяцы себе ставил.

— Я понял, что настало время выполнить миссию, которую я не смог выполнить ранее.

— Я понимаю! Нанести вновь удар, не удавшийся в Катарунке... И даже не подумав, что вы нападаете на меня и моих детей!

— Я не мог предположить, что вы здесь. Было известно, что вы и де Пейрак уехали, как каждое лето.

— И вы пришли, как вор. Как в Катарунке, еще раз! Он не слушал ее, продолжая говорить то, что считал

нужным, чтобы довести до конца свою миссию, как если бы он шел на распятие.

— Вы последуете за нами, мадам, с вашими детьми и слугами. Из Вапассу мы спустимся до Французской бухты, чтобы завладеть этой прекрасной страной, Акадией. Погода еще это позволяет.

— И вы рассчитываете на меня, чтобы я предала все наши поселения в Кеннебеке и Пенобскоте и открыла вам. путь в Голдсборо?

— Друг мой, — ответил он. — Вы — женщина, женщина очаровательная, и я не могу вас осуждать, но вы — женщина. Поймите же. Ни вы, ни ваш супруг не можете сопротивляться этому. Умирая, Себастьян д'Оржеваль показал нам дорогу, открыл истину. Сомнение и поиски других путей приводят к ереси. Забвение запретов — ко греху. Мы должны бичевать зло.

— Вы заблуждаетесь. Зло не там, где вам кажется. Вы всегда ведь были нашим другом.

— Я был слеп, как Адам. Вы были моим искушением. Я это заметил слишком поздно. Но сдайтесь, мадам. И вы будете прощены.

— Вы сошли с ума. Все, что вы говорите, неправда, и вы это знаете. Шевалье, придите в себя! Женщина-искусительница не здесь. Вас предали. Вы сами себя предали. Опомнитесь. Уведите ваш отряд, соберите ваших индейцев. Оставьте нас в покое.

Возможно, она совершила ошибку, добавив:

— Вапассу вам не принадлежит, и я буду защищать его до конца. Ваши поступки нарушают договор, и вы действуете против воли короля.

Он выпрямился, оскорбленный.

— Всякий клочок земли принадлежит Богу, — сказал он, повысив голос, — и должен быть передан в руки тех, кто служит Ему, по Его законам. Сказано: «Кто не со Мной, тот против Меня».

Он, казалось, был во власти вихря противоположных мыслей. Стрдание искажало его красивое лицо:

— Вы были искушением, — повторял он, — я не хотел понимать этого, но все повторяется, все начинается снова. Вечная трагедия. Женщина, которая всегда вводила в заблуждение мужчину, предназначенного быть хранителем заповедей и воли Бога. Я должен был помнить об этом, не забывать, что Адам поддался голосу соблазнительницы и совершил ошибку.

Внезапно Анжелика почувствовала, как устали ее руки, державшие тяжелый мушкет. Она недостаточно упражнялась в этом году. Острая боль передавалась в затылок и вплоть до мускулов лица, напряженных, чтобы не потерять цель.

На мушке ее ружья был этот человек, одетый в серое с белым крестом на груди, символизирующим его мистическое безумие. Он продолжал медленно продвигаться вперед, произнося слова, которые казались ей ложными... и даже глупыми.

«В особенности, глупыми», — думала она. Ей хотелось кричать от отчаяния.

Она ведь знала его таким близким, совсем другим. В нем жила правда, он не боялся покинуть старые дороги, он пытался увидеть вдали другие стороны забытого посланничества.

Где был он, ее друг в Квебеке, который так целомудренно коснулся ее губ в саду у губернатора?

Офицер, дворянин, мальтийский рыцарь, который стоял перед ней, стремился погубить ее, вовлечь в тенета так называемых «религиозных» распрей, в политическую игру бесконечной войны, бесконечной резни. Это было только его обличье, лишенное души.

«Другой» — фанатик, иезуит, его любимый друг, овладел им, высосал его сердце.

Она теперь понимала, что он смотрел на нее другими глазами, глазами мертвого иезуита, и против этого видения у нее не было никаких доводов.

И вот — он снова стал приближаться.

— Остановитесь! Остановитесь! — закричала она. — Не приближайтесь!

Она выпрямилась, тоже охваченная безумием, в отчаянии. Она видела призрак своего друга, которого поработила воля другого, который дал себя вовлечь, не понимая этого, в сети демонической сообщницы иезуита Амбруазины. Он приближался, с кротким видом, а она умоляла его остановиться. Она выпрямилась, в ужасе от своего бессилия, испуганная при мысли, что может уступить искушению сдаться, чтобы не погубить его, чувствуя в панике, как тает ее воля к сопротивлению, ее решимость во что бы то ни стало защитить Вапассу, исчезает чувство, которое подсказывало ей, что сдача — это хуже, что это будет гибель ее, а вскоре и ее детей, что своим подчинением она обречет всех своих и дело их рук на уничтожение, что своей слабостью она предает Жоффрея, который вдали боролся за них и рассчитывал на ее мужество, что она лишит его всего, нанесет своей рукой ему последний удар.

«Они» в конце концов этого добьются. Добьются гибели человека «выше других» и, в особенности, гибели их любви. Никогда!

Она выпрямилась, сопротивляясь этим ужасным призракам, и закричала изменившимся голосом, который эхом отозвался в лесах и холмах.

— Вы ошибаетесь. Змей находится не здесь. Он — там, откуда вы пришли! Он обвивает вас своими кольцами. Он завладел вами, де Ломени. И он душит вас... он вас душит!

***

Внезапно, понимая, что он может воспользоваться их диалогом, ее волнением, что она может выронить ружье, что, стоя таким образом, она может попасть под дуло спрятавшегося где-нибудь стрелка, она бросилась под защиту амбразуры, снова приложила ружье к плечу. Она чувствовала, как части ружья врезаются в ее плоть, но испытала от этого только какое-то яростное сладострастие. «Мое оружие, — тихо прошептала она, — не предай меня. У меня — только ты!»

— Не приближайтесь, шевадьере. Или я вас убью.

Не слушая ее, он продолжал идти к ней — как будто не видя ее... или, наоборот, видя только ее.

Она выстрелила.

***

Он лежал на поле, и ей казалось, что прошли уже целые часы, как она смотрит на это неподвижное тело, которому она не могла оказать никакой помощи.

Он лежал там, убитый ею, он, их друг, мальтийский рыцарь, так печально покинутый всеми в смерти, и его тонкое тело, привычное к владению оружием, к молитве, утонченности светской жизни, обретало в последнем сне свойственный ему облик кротости и изящества.

Наступал вечер, и в свете заката, выделяющего свет и тени, она начала различать, как рядом с этим безжизненным телом медленно растекалась лужа крови.

Она несла свою вахту, уже не понимая ничего, забывая, почему она находится у этой бойницы.

Рука немого на ее плече привела ее в чувство. Он ей пояснил: «Нет никого. Они все ушли в форт».

— Они вернутся ночью, — сказала она.

Он утвердительно кивнул головой. Его мимика означала, что да, увы, было много шансов на то, что ночью повторится попытка штурма. И она вспомнила, что узнала во время стычки в Катарунке: крещеных

индейцев нужно бояться больше других, ибо они не боятся сражаться ночью.

Она внимательно осмотрела окутанные сумерками окрестности. Вечерний ветерок доносил до них запах дыма. В стороне Вапассу она по-прежнему видела силуэты главной и угловой башен.

Если все осаждающие ушли в форт, то это значит, что против Вапассу действует какой-то небольшой отряд, предназначенный для проведения быстрого и неожиданного удара.

Теперь у них убили командира, возможно, единственного офицера, способного руководить экспедицией.

Не зная, что может произойти вследствие этой смерти, Анжелика и немой должны были сторожить и ночью.

Анжелика не хотела засыпать этой ночью. Она оставила немого охранять платформу крыши только на то время, когда она спустилась к детям. Они заснули в большой постели, поев брусники и галет, которые дал им Вайт. Она проверила все входы, затем проверила все бутылки со спиртом, которые были в помещении. Нашла водку, настоящую на можжевельнике, выпила большой глоток и поднялась наверх к боеприпасам.

Надвигалась безлунная ночь. В сумерках еще было видно тело Ломени Шамбора. Англичанин спустился вниз, чтобы наблюдать за дверью, откуда может начаться атака, а Анжелика осталась на крыше. Наконец, ничего не стало видно в непроницаемой тьме. Анжелика продолжала сторожить, держа под рукой оружие.

Проходили часы ночи, а окаменевшая в своей позе с пальцем на спусковом крючке ружья, она внезапно почувствовала как бы приближение невидимого и неожиданного врага, который подбирался к ней изнутри, вливал яд в ее жилы.

Она превращалась в камень, в соляную статую. Она не понимала, что с ней происходит. Ей показалось, что на нее рухнула часть крыши, и она чуть не упала.

Маленький желтый огонек рядом с ней прорезал густую темноту и, как видение сна, появилось бледное лицо немого, освещенное светом небольшого факела. Он попытался знаками что-то ей объяснить, двигая тонкими губами похожего на черную дыру рта без языка и поднимая палец к небу. Советовал ли он ей положиться на небо?

Скорее, казалось, он указывал, что оттуда исходит опасность. Видя, что она не понимает, он изменил тактику и приблизил к ее рукам, держащим мушкет, пламя своего огонька. Не от ощущения ожога, а от ощущения жара, она почувствовала невыносимую боль и поняла, что случилось с ее пальцами, застывшими, мертвыми и белыми, поняла, что хотел сообщить немой, показывая поднятым пальцем в глубину беззвездной ночи.

Холод! На сверкающую, переливающуюся всеми красками осеннюю природу прошедшего дня неожиданно, как планетарная катастрофа, обрушился холод. Анжелика чуть не упала под тяжестью тяжелой меховой накидки, которую на нее набросил Лаймон Вайт, и приняла ее за падающий кусок крыши. Это произошло потому, что она попросту замерзла стоя.

Когда теплом своего огонька ему удалось вернуть кровообращение ее рукам, он осторожно снял ее пальцы с оружия и одел на них толстые меховые варежки. Руки, оказавшиеся в тепле, так заболели, что ей хотелось кричать. Тогда он знаками показал ей, что он зажег огонь внизу и тепло укрыл детей в их большой постели.

На рассвете они увидели в нескольких шагах от форта высокую стену серого тумана, в котором блестели капельки инея. К середине дня туман,

казалось, неохотно отступил, открыв часть поверхности поля. Его изумрудная зелень с вкрапленными пурпурными ягодами брусники сверкала, как негодующий упрек внезапно появившейся зиме. Она увидела, что тело шеваляе де Ломени-Шамбора исчезло.

«Они», значит, унесли его под покровом ночи. Но, без сомнения, обескураженные смертью своего командира, сменой температуры и отчаянным сопротивлением маленького форта, они не пытались воспользоваться темнотой и захватить его.

К середине дня этот враждебный, плотный, непроницаемый туман закрыл все. Но холод смягчился, и в окружающей серой мгле начали летать снежинки.

На следующий день был такой же туман, и все покрылось снегом.

Он поднимался почти до платформы, то есть до крыши маленького форта и закрыл двери и окна. Им пришлось непрерывно сгребать снег с крыши, а потом с помощью кусков коры и кожи они соорудили укрытие для пороха и боеприпасов.

Анжелика и немой, сменяя друг друга, провели ночь, сторожа и разгребая снег. Порывы ветра задували снег в их убежище на крыше.

***

Канадцы отступили в своей обычной манере, то есть бесшумно.

Двое сторожей не заметили этого и поняли, что произошло только тогда, когда за снежной дымкой появилось смутное розовое пятно.

Это произошло среди ночи, и Анжелика подумала, что начинается заря. Но розовый отблеск увеличивался среди мрака этого закрытого мира, где тихо падал густой, молчаливый снег.

Это огромное сияние на другой стороне холма — это было пламя большого пожара, в котором в эту ночь

сгорел большой форт Вапассу, «хозяйский замок», как его привыкли называть путешественники, встречавшие там радушный прием.

Огонь, снег — это была странная борьба двух сил: огонь, стремившийся все сжечь и снег, стремившийся все засыпать.

Ярость ветра, раздувавшего пламя, противостояла действию снега, обилие которого могло бы потушить огонь.

Сколько часов продолжался этот пожар? Анжелике и англичанину пришлось уйти с платформы на крыше, ибо снег покрывал все таким плотным слоем, что хотя они его непрерывно сбрасывали, с трудом можно было представить, что под ногами находится дом.

Спускаясь по лестнице, унося с собой оружие, им казалось, что они опускаются под землю, чтобы уйти с ее поверхности, сделавшейся невозможной для обитания.

Кошмар кончился, когда они оказались внутри дома, где было тепло, светло, тихо — не чувствовалось ярости стихий, бушевавших снаружи.

Трое детей играли тем, что дал им Лаймон Вайт. Лесок в ящике, черпачки.

Когда Анжелика и Лаймон Вайт неделю спустя смогли рискнуть выйти из их убежища, было уже слишком поздно.

Упавший снег плотным слоем покрыл почерневшие развалины, и подобраться к ним было невозможно. Затем была изморозь, закрывшая все ледяным покровом, потом снова и снова снег.

Воспользовавшись днем, когда ноябрьский туман несколько рассеялся, немой Лаймон Вайт прикрепил свои снегоступы, взял очень малую порцию еды в свой вещевой мешок, взял ружье и патроны и, объяснив знаками Анжелике, что он попытается пойти на юг, добраться до Кеннебека и побережья, чтобы сообщить

своим о последних событиях, покинул маленький форт. Человек никогда не должен рисковать идти один в подобную погоду. Несмотря ни на что, Анжелика надеялась. Шло время. Дни становились короче, ночи все длиннее и темнее, и короче светлое время, когда она пыталась проверить западни и подстрелить какую-нибудь дичь. Напрасно. Ревущая буря заглушала все. Горечь воспоминаний об уничтожении Вапассу уходила на задний план, оставляя место только одной неотступной мысли.

Она была пленницей зимы, с тремя маленькими детьми и, если в течение нескольких недель им не придут на помощь, все четверо в этом погребенном под снегом форте рискуют умереть от голода.

Воюющая снежная буря, слепо разрушающая все, казалось, напоминала, что адскому порождению иногда разрешается свирепствовать на земле.

Чтобы предотвратить беду, разрушить цепь несчастий, порожденных женщиной-Демоном, когда же, наконец, явится Архангел?

**ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.
ПУТЕШЕСТВИЕ АРХАНГЕЛА**

Глава 37

Архангел шел по следу дьяволицы до самого момента той неожиданной встречи в приемной короля.

Край приподнимающегося гобелена, дверь, открывающаяся перед узким коридором, две или три ступени вверх. Хроника упоминает также другие ступени, ведущие из гостиной госпожи де Ментенон в бильярдный зал, куда король отправлялся каждый вечер сыграть партию.

Паж, идущий впереди и поддерживающий край гобелена, дамы, при поклоне погружающиеся в парчу, и одна из них, которая выпрямляется.

Два взгляда — один золотой, другой изумрудный — скрещиваются. И в полумрак лабиринтов Версальского дворца врывается солоновато-горький привкус далекого побережья Америки, зловоние протухшей на солнце рыбы, фигура женщины, которая, стоя на коленях перед телом, пронзенным гарпуном, истошно кричит: «Дзалил! Дзалил! Не умирай!»

«Это она, я в этом уверен», — подумал Кантор де Пейрак.

Без промедления он вложил золотой луидор в руку лакея:

— Имя госпожи, с которой мы только что встретились!

Лакей не знал ее имени, но, поощренный таким щедрым вознаграждением, вернулся спустя минуту и, протиснувшись между людей, стоявших вокруг бильярда короля, прошептал на ухо красивому и щедрому пажу:

— Мадам де Горреста.

— Ее муж? Кто он? Его титулы? — дополнил свой вопрос паж, одарив лакея еще одной монетой.

На этот раз лакей отлучился со своего места факельщика на час, сообразив, что, если это дезертирство и грозит ему выговором, он в любом случае будет с лихвой вознагражден за услуги молодым господином.

Еще до того как король закончил бильярдную партию, лакей вернулся и шепотом передал Кантору сведения, которые удалось узнать.

Эта дама была женой нивернского губернатора, прибывшего недавно в Версаль по вызову короля. Ходили слухи, что его может ждать новое важное назначение. Его жена — высокопоставленная дама, скромная и приятная в общении, завоевала расположение госпожи де Ментенон, которая приняла ее в число своих приближенных дам, что предоставляло ей прекрасную возможность блистать в лучах славы госпожи де Ментенон.

Он также узнал, что супруги уже готовы сесть на корабль в Гавре, чтобы отправиться в Канаду, куда господин де Горреста был назначен временным губернатором.

На следующий день ему стало известно, что речь идет именно о «вдове» престарелого Париса, вступившей в брак с господином де Горреста.

Все совпадало.

И если Кантор хотел срочно раздобыть денег для путешествия за океан, то возникала необходимость прибегнуть к уловкам. Он понимал, что уже нельзя терять ни дня, ни часа. /

Кантор устремился к госпоже Шолн — своей любовнице, и нашел ее обеспокоенной тем, что она уже сорок восемь часов не видела юного возлюбленного. Не объясняя причин своего неожиданного решения, Кантор сообщил, что должен немедленно отплыть в Новую Францию и поэтому ему крайне необходимы двадцать тысяч франков.

Госпожа Шолн почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

Она издала ужасный крик, в котором сама ощутила весь стыд, отчаяние и желание, разрывавшее ее. Животный крик человека, лишённого надежды.

— Нет!.. Вы — нет! Никогда! Не покидайте меня! Он взглянул на нее с негодующим изумлением.

— Мадам, быть может, вы не знаете, что ничто не длится вечно? Вот почему мы должны собирать плоды и вкушать их тогда, когда это предопределено. Вы это хорошо понимали, когда меня принимали в вашей постели. Нет ничего вечного в мире! Я должен уехать!

Она представила его проносящимся вскачь по улицам, одинокого, атакованного бандитами, утонувшего.

— Но море! — простонала она.

Он рассмеялся. Море? Пустяки. Только несколько недель скучного путешествия, когда, покачиваясь на волнах, гредишь и напеваешь, связанный одной судьбой с кораблем, на котором плывешь, только вопрос терпения.

Этот юношеский оптимизм вызвал у нее сожаление о том, что она не умела легко переносить жизненные трудности, когда была в его возрасте.

— Хочешь добраться до него? До твоего маленького лесного зверя?

Кантор нахмурился. Тень пробежала по его лицу.

— Нет уверенности, что и найду его. — сказал он с озабоченным видом.

— Вас вызывали?

— Не знаю.

— Не рассердите короля.

— Мой брат уладит дела.

Они обменивались короткими фразами в то время, как мадам де Шолн раскрывала шкафы и ларцы,

наполняя сумку Кантора золотыми луидорами, даже не давая себе труда сосчитать их.

— Я не позволю тебе уехать.

— Ваш долг не обсуждать, мадам.

— Но что происходит, наконец? Может быть, ваша семья в опасности там, в Америке?

— Хуже!

Она склонила голову ему на плечо, орошая его слезами.

— Мой милый господин, скажите хотя бы, кого вы хотите вызвать на бой?

— Зло!

Он поднял голову, и она отстранилась. Теперь она видела его как сквозь туман.

Она будет ждать его, вспоминая его жесты, редкие улыбки и такие мудрые слова: «Мадам, быть может, вы не знаете, что ничто не длится вечно...»

— Спасибо, — сказал он. — И молитесь, молитесь за меня!

Он уже бежал к двери.

— Нет! Вы не можете уйти так... не попрощавшись!

Он вернулся и в порыве смущенной нежности заключил ее в объятия. В то время как Кантор целовал ее, она осознала, что отныне он становится тем человеком, которого она так желала встретить на заре жизни, с которым так мечтала пройти по жизни, день за днем.

— Подождите, мой дорогой. У меня возникла идея. Вот две бриллиантовые сережки и жемчужное ожерелье, которые вы можете обменять.

Она вложила драгоценности в его ладони и сжала их, как бы вручая ему в дорогу свое бедное сердце.

Он покрыл поцелуями эти щедрые руки, лежащие на его ладонях.

— Благодарю, благодарю. Я извещу моего брата, чтобы он позаботился о возмещении стоимости

драгоценностей в ближайшее время.

Она всхлипывала уже без слез.

— Нет. Возьмите все себе. Это то немногое, что останется на память обо мне.

Он бросился на колени, как в первый раз, и обнял ее.

— Мой нежный друг, да благословит вас Господь!

На всю жизнь она сохранит память о его крепких объятиях, тесно сжимавших ее бедра, о молодом челе, прижатом к ее лону.

Она умрет с этими ощущениями, этим причастием.

Это то единственное, что должно быть сохранено, единственное сокровище всей жизни.

Потрясенная горем разлуки, она поклялась в этом.

В своем единственном причастии любви!

***

Преследование привело Кантора де Пейрака в Гавр-де-Грас — порт в Нормандии.

Корабль, увозивший временного губернатора Новой Франции, его жену и свиту, вышел в открытое море два дня назад. Оставалось только надеяться, что буря, разыгравшаяся в Ла-Манше, заставит повернуть их к Бискайскому заливу и замедлит путешествие настолько, что позволит Кантору найти попутный корабль. Это оказалось не таким уж легким делом. Флот, сезонная рыболовецкая флотилия, а также торговые суда, перевозившие почту и пассажиров в Новую Францию, поднимали паруса одновременно — они отчаливали почти в один и тот же день. В конце концов он нашел небольшое судно, отправление которого задерживалось в связи с проведением заключительных ремонтных работ. Это была «карретта», однако Кантор, узнав, что капитан намерен держать курс на залив Святого Лаврентия для укорочения маршрута, предложил хорошую плату, чтобы подняться на борт. Опыт путешественника и знакомство с морскими судами

говорил» ему, что эта скрипящая ореховая скорлупа с немногочисленным экипажем, состоящим из людей, которые большую часть жизни провели в море, а не на суше, может превзойти в скорости величавые трехпалубные монументы, вооруженные двадцатью пятью пушками.

Одновременно он заметил по лицам матросов, что его вид и показанные им золотые луидоры не могли не зародить в их головах вполне определенной мысли, а именно: обокрасть и убить его.

На вторую ночь путешествия, когда две тени проскользнули в камбуз, где расположился Кантор, и, набросившись на спавшую фигуру, принялись колоть ее ножами, два сильных и точно направленных удара привели их в бесчувственное состояние.

После этого Кантор де Пейрак разбудил капитана и попросил сопровождать его, чтобы определить ущерб, причиненный нападением, единственной жертвой которого стала кукла из холста и лоскутьев, лежавшая на койке.

— Капитан, — сказал он, — я считаю вас человеком чести, не зная об этом заговоре, однако меня удивляет, что вы, зная ваших людей, не позаботились о защите доброго имени вашего корабля. Я в ваших руках, но и вы в моих. Предлагаю сделку. Я дам вам половину золота из этого кошелька, если прибуду живым на канадский берег. Если вы убьете меня, чтобы завладеть всем золотом, вы будете вынуждены не только поделиться со своими бездельниками, но и не сможете воспользоваться даже несколькими оставшимися у вас луидорами, поскольку в этом случае ваши дни будут сочтены. Я сообщил близким, на каком корабле отплываю. В каком бы уголке земли вы ни укрылись, люди моего отца найдут вас и, самое меньшее, перережут горло. Моего имени я не назову,

чтобы вам не вздумалось задержать меня в качестве пленника и потребовать выкуп.

В этот момент один из матросов, который, обладая большей сноровкой, сумел освободиться от пут, слишком поспешно накинутых Кантором, вооруженный ножом, пришел на помощь капитану. Кантор обернулся и выстрелил в него в упор.

— Вы убили одного из моих людей, — сказал капитан, задержав взгляд на безжизненном теле, как бы не понимая, что лежит у его ног.

— Кто не умеет убивать, не может жить, — возразил юный собеседник. — Вот истина, которую каждое утро повторял мне мой старший брат и которую мы оба усвоили от отца и по его примеру. Следовательно, капитан, это вмешательство показывает вам серьезность сказанного мною. Подумайте хорошо. Либо половина моего золота в обмен на мою жизнь, либо все мое имущество и моя смерть, причем вы недолго будете пользоваться награбленным. Я не говорю уже о том, что эти бандиты, ваши матросы, постараются обворовать вас. Поэтому защитите меня от этих бездельников всей властью и авторитетом, которым вы пользуетесь на этом судне, где человеческие законы сделали вас единственным господином после Бога, И я начну с предложения: поставьте к позорному столбу второго матроса, покинувшего пост вахтенного, чтобы совершить преднамеренное преступление, которое можно признать легким, так как было бы разумнее подвергнуть его трехкратному наказанию трюмом.

***

Предположения юного мореплавателя оказались верными.

«Карретта» с резовостью беспородной собаки, оставляющей позади себя своих чистопородных собратьев, умело уклонялась от порывов шквального

ветра, урагана, пиратов и штилей и быстро шла по заданному курсу.

Это был легкий морской переход, из тех, которые оставляют морякам время для скуки.

Юный блондин, постоянно сидевший спиной к борту, игравший на греческой пастушеской свирели и часами любовавшийся морем, продолжал оставаться предметом большого искушения для бандитов, искавших случая присвоить его деньги более хитроумным способом. Для решающей попытки был выбран некий уроженец Дьеппа, прозванный Львом-мусульманином после десяти лет плена, проведенных в Алжире среди берберов, и имевший, как они, слабость к тюрбанам и юношам.

Слащавая улыбка, с которой он подошел к Кантору, застыла у него на лице, когда, оказавшись на коленях перед юношей, он ощутил острие тесака, приставленного к ребрам.

— Что тебе нужно от меня? — спросил юный блондин. Человек в тюрбане попытался объяснить. Кантор одной рукой крепко держал его, а другой сжимал тесак, не позволяя пошевелиться.

— Знаешь ли ты морской закон: за прегрешение — кара? Известны ли тебе пределы греха, который ты просишь совершить с тобой?

Кантор произнес ровным голосом школьника, отвечающего урок: прегрешение — содомия. Наказание — вздернуть на рее и сбросить в море или высадить на необитаемый остров, иногда без воды.

— Наш капитан закрывает глаза на эти вещи.

— Я могу попросить его раскрыть глаза. Я заплатил ему за это.

Незадачливый «мусульманин», отвергнутый в своих домоганиях, вернулся к сообщникам, утверждая, что ничего нельзя было сделать. Ему даже мельком не удалось увидеть кошелек с золотыми луидорами. Зато

под расстегнутым камзолом блондина он увидел настоящий арсенал: два пистолета, нож и небольшой топор, напоминавший индейский. И это кроме шпаги, висевшей на портупее, и по тесаку в каждом сапоге.

После этого происшествия остаток путешествия прошел спокойно. Шла уже вторая половина пути, когда стал ближе огромный Американский континент, а не родная Европа.

Глава 38

В Новом Свете Кантор убедился, что корабль, перевозивший губернатора, его жену и свиту, проследовал, как и предполагалось, на Квебек. Следовательно, можно было заключить, что в гавани на берег никто не сходил и не отплывал в сторону Французского залива.

Он почувствовал себя спокойным за «свою семью».

В Тадуссаке он покинул «карретту», предварительно рассчитавшись с капитаном. Кантор испытывал удовольствие, оказавшись снова в этой стране, узнавая запах костров, пушнины и более приятный запах реки, такой успокаивающий после стольких дней, наполненных солоновато-горьким воздухом, хотя вода в реке была соленой почти до самого Квебека. Находя в природе друга, он остерегался человеческих существ, предпочитая оставаться неузнанным. Довольно свежий предосенний туман позволял ему прятать лицо за отворотом плаща, а большую часть пути на кораблях, поднимающихся по реке Святого Лаврентия, он спал в шляпе, надвинутой на глаза.

Когда с корабля стал виден остров Орлеан, он решил сделать все возможное, чтобы сохранить инкогнито, пока не узнает, «куда дует ветер», какие ходят слухи, и не выяснит, как Квебек принимал временного и его супругу, что демонстрирует все расположение «благодетельницы», чтобы завоевать столицу. Чувство настороженности, владевшее им, могло создать у него другое впечатление от города.

Погруженный в густой туман город, особенно красивый благодаря своим колокольням и башням, создавал ощущение скорбного очарования,

возникающего при виде затопленного города. При этом он не был ни безлюдным, ни спящим. Городской шум по обе стороны крепостной стены показался Кантору нереальным.

Колокол звонил по умершему.

Поднимаясь вверх по Монтань и прислушиваясь к разговору прохожих, он понял, что умерла мадам де Башуа.

По спине Кантора пробежала дрожь.

Начинались злодеяния.

Выйдя на угол кафедральной площади, Кантор увидел похоронную процессию. Она медленно двигалась; одетые в черное люди пели псалмы. Мелкий туман заволакивал верхушки деревьев, колокольни и купол собора. Плоды дикой вишни, росшей вдоль ручья, были кроваво-красного цвета. В город пришла осень.

Он пошел направо, пересекая площадь, пряча лицо между воротником плаща и тапабором, крестьянским головным убором, который он купил во время путешествия из-за широких старомодных полей, хорошо защищавших и от солнца, и от дождя, но прежде всего от нескромных взглядов.

Кантор начал подниматься по улице Птит-Шапель. Таверна «Соль Левант» была закрыта. Из-за дождя как лось, что с вывески капает слезы.

Он хотел постучать в дверь мадемуазель д'Урредан, однако ставне были закрыты. Дом казался вымершим. По глухому лаю он понял, что в доме остались только служанка — английская пленница, и домашняя собачка.

Он пошел дальше от этого места, поскольку знал из разговоров, что каждую зиму его россомаха возвращалась и бродила вокруг: «Она почувствует, что я прихожу...»

В то же время местность казалась другой. Действительно, здесь находились и дом Виль д'Аврэя, и вяз, и небольшая стоянка гуронов с вигвамами из

древесной коры и двумя бронзовыми атлантами в траве. Но это была лишь сцена.

Казалось непостижимым, что по этой грязной, пустынной и грустной тропинке проходила его мать, такая красивая в окружении детей, дикарей и кавалеров, всегда смешных в страстном стремлении успеть уловить каждое ее слово и каждую улыбку.

Все было предано забвению. Все казалось печальным сном, полным тайн и угроз. Увидев струю дыма, лениво рассеивающегося над домом маркиза, Кантор запрыгнул на насыпь, пересек двор и, подтянувшись, заглянул в окно большого зала, где были видны отблески небольшого огня в камине.

Он различил служанку Виль д'Аврэя, которая не пожелала оставаться, когда узнала, что она не одна будет заботиться о своем господине. Она была занята чисткой серебра, словно на следующий день в этом покинутом доме должен состояться прием знатных гостей на званый обед или ужин.

Кантор постучал в дверь.

Она сразу узнала его и произнесла своим обычным ворчливым тоном:

— Ну! Прибыли наконец, мой мальчик. Вы привезли всю семью?

— Да какое там! Я привез вам вести от вашего господина, которого я встречал много раз в Версале, у короля Кантор всегда опирался на мнение простых людей, понимая лицемерие власть имущих и не поддаваясь воздействию их слащавых речей. Лакеи, кучера, служанки молчат, но при этом и думают. Он и сейчас вдруг почувствовал, что эта женщина, имени и фамилии которой он не помнил, стала для него самой близкой из всех людей, встреченных с момента отъезда.

Какое облегчение, когда есть возможность говорить с открытым сердцем, не прибегая к вынужденным

словесным уверткам. Выражение лица, дыхание, пожимание плечами... уже говорили все.

Еще не была съедена тарелка супа, поданная молодому путешественнику, а он уже знал, что думала служанка о жене нового губернатора мадам де Горреста, и если все местные дамы обрадовались ее приезду, сходясь во мнении о ее набожности, бесконечном великодушии и утонченной учтивости в отношениях со всеми, она, Жованна Серен, родившаяся в Канаде, обладает собственным чутьем и оно говорит ей, что в этой даме есть что-то неприятное, коварное. Жизнь научила ее узнавать настоящих ведьм, иногда имеющих привлекательный вид. Во всяком случае, она зарядила свой мушкет, даже если не с помощью мушкетов решаются некоторые дела.

— Думайте о ней что хотите, мой дорогой, но дьявол существует. Я никогда не ошибаюсь. У нас не так, как везде. Вспомните о господах, гадающих на черном камне, которых заклинатель злых духов должен был позднее обезвредить с помощью креста и хоругви.

— Это ее он видел на черном камне, — сказал Кантор.

И он начал рассказывать во всех подробностях о драмах и преступлениях, случившихся летом на берегах Акадии, зачинщицей которых была женщина, которую он узнал и сопровождал вплоть до Версаля.

Долгий рассказ с многочисленными эпизодами служанка выслушала, сидя напротив, подавшись, как и он, вперед, опершись руками о стол, чтобы быть ближе друг к другу. Рассказ велся тихим голосом, в то время как день перешел в ночь и отчетливо слышался звон колоколов, отбивавших время. Жованна Серен прерывала его только чтобы сделать краткие замечания.

— Я не удивляюсь. Это именно то, что теперь постоянно происходит. Город потрясен, люди лишились

рассудка. Вот почему Энрикетта — служанка госпожи Бомонт — умерла. Она установила, что имели место многочисленные необъяснимые покушения. На честных людей подобно граду обрушиваются несчастья. Дельфина сумела бежать и, что гораздо серьезнее, исчезла Жанина Гонфарель, владелица «Навир де Франс».

Она подалась вперед еще.

— Необходимо знать, что мучает мать Мадлен, которую господину губернатору удалось найти, и от чего в страхе монахиня упала в обморок.

В этот момент часы на соборе пробили два или три часа ночи — время полного покоя, но неожиданно юный путешественник и канадка, переглянувшись, прервали разговор; оба почувствовали едва заметное изменение в тишине ночи.

Кантор бросил быстрый взгляд на окна и с облегчением удостоверился, что с наступлением ночи служанка закрыла внутренние ставни. Снаружи никто не мог видеть сидящего за этим столом, на котором догорала большая свеча, превратившись в раздутую пирамиду.

Оба собеседника подумали: «Они» приближаются! «Они» окружают дом.

По его знаку встали оба и бесшумно спустились в подвал. Как и в прошлый раз, здесь дремали овцы на соломе, под которой он спрятался. Служанка зашла в свою комнатушку, вход в которую открывался на середине каменной лестницы. Он поразился скорости, с которой она появилась снова, одетая в халат и ночной чепец, как раз в тот момент, когда на первом этаже глухой шум града ударов кулаками уже сотрясал двери, за которыми слышались крики и требование: «Открывайте!»

Притворившись внезапно разбуженной ото сна, она поднялась наверх, и он из своего тайника услышал

взволнованный диалог, переходящий иногда в пререкания.

Кантор изумлялся тому, что эта многочисленная группа людей, шумно кружившая вокруг дома, еще не ворвалась к ним, чтобы обыскать все сверху донизу.

Служанка возвратилась одна: ей удалось внушить этим людям уважение к священному крову ее господина, маркиза Виль д'Аврэй.

Группу возглавлял руководитель Службы церкви в сопровождении солдат, осуществлявших досмотр, и представителей нового губернатора. Он имел задание выявлять сразу же по прибытии кораблей нелегальных сторонников реформизма, протестантов, стремившихся поселиться в Новой Франции. Разыскивался молодой блондин, который по прибытии не явился в канцелярию, чтобы засвидетельствовать свое католическое вероисповедание.

Верный страж дома Виль д'Аврэя, отказалась отодвинуть засов и открыть двери.

— Что за манеры! Что вам нужно в такой поздний час?

Она открыла только верхнюю часть боковой двери и стояла там, выглядывая, как из окна, так что в дом нельзя было войти, не оттолкнув ее в сторону и не преодолев половинку двери, которая была достаточно высокой.

Руководитель Службы церкви ушел в сопровождении своих людей, но дал понять, что может вернуться.

Она вновь понизила голос.

— Та отдала приказ или этот руководитель Службы церкви был тем, кто по ее приказу распорядился найти вашу росомаху и убить ее. Белые и дикари за хорошую плату больше недели устраивают облавы вокруг города, поскольку думают, что здесь находится ее нора.

Кантор почувствовал, что бледнеет.

Это именно «она»! Если у него еще оставалось сомнение в отношении личности дьяволицы, теперь же он хорошо распознал эту мелочную жестокость ко всем, обидевшим ее, эту потребность мстить всякому, даже бедному лесному зверьку!

Поэтому он ее узнал, он — Кантор де Пейрак, в королевской гостиной, — юноша, отразивший однажды ее нападение, сын той, которой не удалось привести противника в смятение.

— Моя росомаха будет сильнее их всех, — с жаром произнес он, думая о Вольверене.

— Да, конечно! Несомненно! — согласилась служанка. — Мы все знаем, что она хитрее человека!

О том, как выйти из дома незаметно, не подвергаясь опасности быть задержанным, он почти не беспокоился.

Получается, что прежде всего он все-таки хотел встретить мать Мадлен! Дорога была открыта.

При том масштабе подземных земляных работ, которые проводились в Квебеке и, между прочим, послужили поводом для массы заявлений о нарушениях и для бесконечных судебных процессов, было бы поистине грешно не воспользоваться созданной сетью подземных проходов, такой удобной в непогоду, когда ураган мешал выйти за ворота или когда хотелось избежать любопытных взглядов соседей. Он вспомнил, что из подвала месье Виль д'Аврэя можно попасть в подвал дома Банистер-ле Конье, который судился с монастырем Урсулы, чьи подземные коммуникации по ошибке достигли складов, сооруженных на его земельных владениях.

Таким образом, еще до рассвета, пробравшись через подвалы и очутившись в конце пути среди бочек с вином и сыров монастырского погреба, Кантор де Пейрак сумел проникнуть в мастерскую золотых дел одержимой монахини.

Глава 39

«Они» не верили ей! «Они» ей больше не доверяли.

И это уже когда жена нового губернатора посетила монастырь урсулинок.

Притесняемая, порицаемая и наказываемая сестра Мадлен, маленькая одержимая монахиня, была отослана в мастерскую золотых дел, где в наказание должна была работать без передышки, лишённая права разговаривать с подругами днём, а ночью вынужденная следить за кипячением «клея из обрезков перчаток» или «ориана», и гуммигута, с помощью которых готовится вермель и которые должны вариться на слабом огне.

Поговаривали о лишении её права на ежедневное святое причастие, однако обильными слезами она сумела добиться милосердия игуменьи.

«Пусть Бог поможет вам, пусть внушит раскаяние. Признайтесь, что вы хотели вызвать к себе интерес... хотели вмешаться в дело, которое вас не касается. Конечно, мы сочувствуем господину Фронтенаку, но вы не были в состоянии это сделать».

«Мать игуменья, я сказала только святую правду. Это её, её я видела выходящей из воды... дьяволицу!»

«Хватит! Оставьте вашу навязчивую идею. Отныне это дело закрыто, а ваши видения доставили нам и без того достаточно неприятностей, чтобы теперь мы становились врагами нового губернатора».

Следовательно, она оставалась одна и без защиты со своей угнетающей и страшной тайной.

Она почувствовала холод в сердце: «Господи, ты хочешь покинуть меня?»

Город совсем изменился и казался перевернутым вверх дном. Только и говорили о набожности,

скромности и милосердии госпожи Горреста.

Мадлен прислушивалась к слухам, проникавшим за монастырскую стену. Одна среди этого хвалебного хора госпожа Ле Башуа произнесла двусмысленную фразу, которая была понята как объявление войны, вызванной, возможно, завистью или преданностью, которую многие хранили к госпоже де Фронтенак.

В ответ на высказывание о мягкости в манере общения первой дамы Новой Франции, сделанное в присутствии госпожи Ле Башуа, она ответила репликой: «И у змеи мягкие манеры».

Мать Мадлен стала надеяться.

Госпожа Ле Башуа считалась грешницей, но это было признаком отваги и мужества, вот почему эта дама не могла уступить. Если бы только бедная монахиня имела возможность поговорить с ней по секрету! Матери Мадлен удалось передать ей известие о заказе дарохранительницы, которую горожане Нижнего Города хотели предложить приходской церкви берега Бопре. Однако маленькая посланница вернулась с известием, что добрая госпожа перенесла апоплексический удар и ее жизнь под угрозой. Весь день, хлопоча вокруг своих орудий труда, Мадлен молилась за ее выздоровление. Затем она услышала колокольный звон по умершему. Говорили, что госпожа Ле Башуа, очевидно, слишком многим жертвовала ради любви и нечто подобное в этот или другой день должно было с ней произойти. Она умерла.

Отчаяние и ужас заполнили сердце маленькой монахини.

Хотя она знала, что однажды «другая» вернется, чтобы наказать ее, она опасалась не столько за свою жизнь, сколько за судьбу едва вырвавшейся из пут язычества страны, которой она отдала свое призвание.

Смерть для нее не имела значения.

Как она могла не понять, что еще НИЧЕГО не случилось. Это было то, что она должна была сказать судьям и проповедникам, когда они допрашивали ее и устраивали очную ставку с госпожой де Пейрак. Еще НИЧЕГО не произошло! Поэтому не спешите успокаиваться так быстро и делать какие-то выводы. Они решили, что дело с видением закрыто. Но теперь пришло время, когда может разыгаться драма в Акадии, подвергнутой нападению кошмарного демона, вышедшего из йоды. И теперь уже никто об этом не думал.

Она упала на колени в безлюдной мастерской: «Господи! Помилосердствуй!»

В ярком световом ореоле, напоминавшем нимб Христа, она увидела, как вырисовывается вечный образ, навеждение этих лет — вызвавшая полемику и споры обнаженная женщина изумительной красоты с глазами, выдающими порочные чувства, и она задрожала всем телом.

«Господи, ты не сделаешь ничего, чтобы спасти меня?» За ее спиной раздался легкий шум.

Обернувшись, она увидела архангела.

Глава 40

Бог сжалился над ней.

Архангел из видения — тот самый, который, вооружившись саблей, заставил отступить дьяволов, в то время как чудовище с острыми зубами, казалось, повинувшись его приказам, бросается на дьяволицу, разрывая ее на куски.

Порыв радости наполнил ее сердце подобно реке, возрождающей сухую почву.

Почему она сомневалась? Разве она не знала, что добро восторжествует?

Он подошел к ней, прижав палец к губам.

— Сестра, меня зовут Кантор де Пейрак. Вы знакомы с моей матерью.

Теперь она поняла. Боже милостивый! Ты посылаешь людей для твоего суда и помощи невинным.

Она так разволновалась, что была вынуждена снять очки, затуманенные слезами, чтобы протереть их.

Затем тревога снова овладела ею. Если госпожа де Пейрак находится в Квебеке, ей грозит опасность.

Он покачал головой.

— Нет, не бойтесь. Она находится в своем имении, и мои родители даже не знают, что я возвратился в Америку. Я решил прийти к вам, сестра, как только узнал, что госпожа Горреста находится на пути в Канаду.

— В таком случае... знаете, кто она?

— Да, знаю.

У сестры Мадлен задрожали губы. В волнении сжав руки, она произнесла на одном дыхании:

— Помешайте ей вредить дальше. Это ужасно. Никто мне не верит.

— Никто. И те, которые знают, молчат или дрожат от страха. Молчите. Я один. Надо молчать. Не надо ничего больше говорить. Я пришел к вам, чтобы посоветовать именно это, и поэтому знайте, что я начинаю действовать.

— Но... как вам удалось войти?

— Молчите, — повторил он вполголоса. — Надо делать вид, что ничего не произошло. Не навлекайте на себя ее мести. Смиритесь. Извинитесь и смиритесь. Где она сейчас?

— Говорят, в Монреале.

— Это не мешает ей следовать по стопам смерти. Сестра, избегайте присутствия любого, кто придет в монастырь и попросит о встрече с вами. Если необходимо, подчинитесь священному уставу. В противном случае она сумеет умертвить и вас.

— Я не боюсь смерти.

— Запрещено уступать победу разрушителю, — прошептал он, — когда это возможно. Будьте сильнее ее ухищрений. Я уйду, чтобы добраться до нее.

Его глаза засияли таким нежным и чудесным светом, что она почувствовала себя как бы ослепленной. Поняв, что он исчез, она испытала чувство слабости и оглушения, которое бывает при выздоровлении после долгой и изнурительной болезни. Она все еще дрожала, но с этого момента к ней вернулась стойкость.

Глава 41

Кантор отворил ворота сада монастыря урсулинок, преодолел ограду и перелез через стену.

С этой стороны его не искали, к тому же предутренний туман был густым. Спустившись до берега реки Сен-Шарль, он догадался, что охотники обшаривают этот район в поисках росомахи. Время от времени слышались тяжелые шаги, недалеко проходили неясные фигуры, окликая друг друга. Он стал тоже отзываться под видом одного из своих, в тумане он был неразличим.

— Нашли росомаху?

— Нет еще. Проклятый зверь!

Солнце начало пробиваться сквозь туман, который превратился в мелкий дождь. Издалека кто-то крикнул:

— Мы нашли ее!

С бьющимся сердцем Кантор бросился бежать на крик, схватившись за оружие.

Издали тело зверька, распростертое на земле, с длинной золотистой полосой вдоль хребта, выделявшейся на фоне темного меха, показалось ему меньшим по размеру и не таким сильным, как раньше.

«Что заставило его жить в лесу? Плохо приспособленный к дикой природе, он не сумел защитить себя? Вольверен...»

Но, подойдя ближе и разглядев животное, лежавшее навзничь, он установил:

«Это самка. Это не Вольверен».

Присев на колени рядом с неподвижным зверем, он внимательно осмотрел его.

Несмотря на черную разбойничью маску вокруг глаз, обладавшую способностью пугать индейцев, маленький зверь, глаза которого были закрыты, имел очень

кроткий вид. Его массивное мохнатое тело с длинным роскошным хвостом, на который алчно взирали охотники, контрастировало с маленькой головой и короткой мордой Губы, вытянутые в гримасе боли, не позволяли до конца рассмотреть устрашающие зубы. Несчастное животное даже не смогло применить их для защиты, так как было поймано в капкан. Короткие передние лапы со сжатыми когтями были безжизненно выпрямлены, как руки куклы.

Кантор погладил густую шерсть росомахи между маленькими круглыми ушами.

Он вдруг понял:

«Самка! Это была росомаха-самка».

Кантор поднялся, глядя на людей, молча стоящих рядом, на лес, окутанный дымкой дождя, куда охотники могли вернуться, чтобы продолжить охоту на Вольверена.

«Они убили самку! Еще одно преступление из тех, которыми отмечен путь дьяволицы. Но я здесь, Вольверен».

Вольверен был там. Или, может быть, очень близко. Он видел все. Захват и конец. Он не забудет этого.

Даже узнав его, Кантора, разве приблизился бы он к одному из этих человеческих существ, которые убили его подругу, выслеживали и преследовали их обоих в течение долгих дней и мучительных ночей?

Он никогда бы не забыл ни преступления, ни тех, кто его совершил, кто преследовал, схватил и умертвил его подругу, не дав возможности загрызть своих преследователей, растерзать и оставить на верхушке вяза их головы, оторванные от тела острыми когтями и карающими зубами.

Кантор снова перевел взгляд на людей, наблюдавших за росомахой. Они не узнавали его.

С решительным видом, ничего не объясняя, он вручил поочередно каждому охотнику вознаграждение,

чтобы они прекратили охоту и удовлетворились этой добычей.

— Но... жена губернатора тоже хорошо заплатила нам, чтобы мы прикончили росомаху, которая бродит уже две зимы вокруг Квебека и причиняет большой вред, — заметил один из охотников — Мы обещали показать ей шкуру при возвращении в Монреаль.

— Шкуру? Вы имеете одну, — сказал Кантор. — Она должна быть вполне удовлетворена этим.

Его уже там не было.

Он удалился молча, оставив охотников, оживленно обсуждавших, кто из них станет обладателем шкуры росомахи.

За оставшиеся утренние часы он успел углубиться в почти непроходимые заросли кустарника, образующие подлесок, который служил границей вспаханных полей, проходящей по склонам холмов, спускался к их подножию и подходил почти к самому городу, к еще не тронутым землям.

Ему казалось, что росомаха находится где-то рядом, что она идет по его следу или впереди, наблюдает за ним, и он продолжал разговаривать с ней на странном языке, состоящем из французских, английских или индейских слов с добавлением звукоподражательных сигналов. На время этот язык стал их общим.

Когда наконец он был у края небольшой долины, то с трудом различил неясные очертания притаившегося в зарослях зверя и почти человеческий настороженный взгляд.

Было много грусти и много недоверчивой радости в этих глазах, которые искрились, подобно ягодам дикой смородины, много страдания и много счастья.

«Прости меня, Вольверен, — сказал Пейрак. — Я не успел прийти на помощь. Но мы отомстим за нее, твою подругу».

Он продолжал говорить до тех пор, пока не почувствовал, что связь между ними восстановлена снова. Тогда он бросился бежать, перескакивая через препятствия в густом подлеске, к берегу большой реки, к водному пути, крича во весь голос:

— Следуй за мной, Вольверен, теперь следуй за мной. Идем, идем со мной, Вольверен! Идем со мной в Монреаль!

Глава 42

Прежде чем представиться той, которую он преследовал на протяжении такого долгого пути, госпоже Модрибур павшей женой нового губернатора, Кантор бродил по монреальской улице Виль-Мари. Город у подножия Мон-Ройяль являл еще приметы большой осенней пушной ярмарки. традиция которой сохранялась соседними племенами.

Кантор никогда раньше не бывал в Монреале и чувствовал себя неуверенно.

Все его мысли были поглощены двумя противоположными стремлениями: Амбруазина, которую необходимо было настигнуть, увлечь в западню; Онорина, которая нуждалась в защите и безопасности, если еще было не поздно.

Он шел вперед, затем возвращался назад, колеблясь и не в состоянии решить, кому первой нанести визит, пока не понял, что был неосторожен и в конце концов привлек к себе внимание. Кто-то из прохожих уже оборачивался, разглядывая его. Здесь новости передавались быстро. К тому же он не должен был забывать, что госпожа Горреста пыталась его убить перед отъездом из Версаля и арестовать в Квебеке.

Не медля больше, Кантор решил отправиться в монастырь Нотр-Дам. Он не строил иллюзий. Его нерешительность в попытках собрать сведения об Онорине объяснялась страхом. Страхом убедиться, что он прибыл слишком поздно. Его без конца мучило предчувствие. Он слишком хорошо знал дьявольское существо, которое он поклялся на этот раз уничтожить окончательно. Если «она» прибыла на остров Монреаль три недели назад, то, конечно, не колеблясь должна была приняться за дочь Анжелики, потому что именно

та являлась целью предпринятого путешествия в его официальной версии. И это тоже он понимал инстинктивно. Поэтому, когда высокомерная монахиня под черным покрывалом с белой окантовкой приняла его в комнате для посетителей, где пахло воском и свежесобранными яблоками, он не удивился, услышав, что Онорины де Пейрак там больше нет. Однако, уловив имя госпожи де Горреста среди довольно запутанных объяснений своей собеседницы, он почувствовал, как у него оборвалось сердце. Тем не менее, сделав над собой усилие, он резким и категоричным тоном попросил уточнений и в итоге узнал, что девочка исчезла и что, будучи непослушной, убежала уже несколько раз.

Госпожа де Горреста, которая представилась самой близкой подругой госпожи де Пейрак, стала интересоваться девочкой. Узнав, что та пропала, она тотчас пустила в ход все средства, чтобы найти ее, «перевернула небо и землю», как выразилась монахиня. «Небо и землю! Скорее преисподнюю!» — подумал Кантор. В общем, было трогательно видеть такое благочестие этой знатной дамы, которую теперь имели удовольствие принимать с тем, кто занимал самый высокий пост в колонии.

— Это было, — пояснила монахиня со значительным видом, — знаком благословения, поскольку до того момента во главе колонии были только губернаторы, лишенные мягкого и благотворного влияния спутницы, и можно представить, каким благом также может стать для дел милосердия верховная власть, более открытая для понимания женской деятельности, поэтому было волнительно и воодушевляюще наблюдать, с каким усердием госпожа де Горреста перевернула вверх дном всю колонию в поисках маленькой послушницы и какую неожиданную помощь оказала она бедным монахиням Нотр-Дама в столь трудный момент.

Кантор без снисхождения рассмотрел свою собеседницу и нашел ее неприятной.

Он попросил встречи с матушкой Маргаритой Буржуа, вдруг вспомнив, что встречал ее несколько раз в Тадуссаке и Квебеке и что эта человеколюбивая и живая женщина производила впечатление настоящего друга его матери.

Однако, сжав губы, матушка Деламар ответила, что их настоятельница Буржуа, обязанности которой приняла на себя сама Деламар на время ее отсутствия, срочно вызвана в Квебек его святейшеством епископом и, вероятно, вначале отправится во Францию для объяснения с парижским архиепископом, а затем в Рим для обсуждения устава своего ордена монахинь, занимающихся обучением, что вызывало немало нареканий в церковных кругах.

Юноша покинул монастырь в состоянии большого возбуждения, в котором смешались гнев к монахине, исполнявшей обязанности настоятельницы; беспокойство за Онорину и ужас, вызываемый именем Амбруазины.

Подойдя к изгороди, окружавшей фруктовый сад, он принялся разглядывать невысокий белый дом в глубине аллеи, позади которого густая сеть дыма смешивалась с небом такого же серо-голубого водянистого цвета. Вдали линия бесконечного, американского леса с трудом различалась сквозь легкий туман, предвещавший зиму.

Сидя в траве под золотистыми яблонями и вишнями с листьями красного цвета, несколько детей ели бутерброды с патокой и с любопытством разглядывали его.

Над этой идиллической картиной витала зловещая тень. Смертельное дуновение отравляло воздух подобно заразному испарению, затмевающему цвет и блеск счастливой жизни, пропитывая его грехом.

Как могла настоятельница Буржуа оставить вместо себя принявшую его монахиню, которая разговаривала с видом экзальтированного чудовища порока. Амбруазина? Вот другая, позволившая обмануть себя и неожиданно оказавшаяся среди благочестивых женщин для защиты зла.

Проходя по дубовой аллее, выходящей на проезжую дорогу и укрывающей его со стороны дома, он услышал, как кто-то бежит у него за спиной, и увидел молодую монашку, которая спешила его догнать под громкое шуршание тяжелых юбок.

— Месье, как я поняла, вы брат нашей маленькой Онорины. О, месье, найдите ее! Что скажет матушка, когда вернется? Она оставила орден для того, чтобы девочка смогла отправиться транспортом, как просил посланник вашей матери. Как могла наша сестра Деламар позволить так обмануть себя?

Задав ей несколько вопросов, юноша понял, что произошло. Амбруазина, пользуясь исключительным правом своего положения, мягко и одновременно непреклонно воздействуя на людей как с доброй, так и с темной душой, изменила ход событий.

Она задержала отъезд Онорины и она же заставила ее вернуться назад. После этого девочка исчезла, но, по всей вероятности, она не попала в руки Амбруазины, поскольку та занималась ее поисками. Если только она не хитрила чтобы скрыть совершенное преступление. Она действительно была способна на все. Однажды мог быть обнаружен обезображенный детский труп. Тревога Кантора была та кой сильной, что болело сердце.

— Я не могу высказать вслух свое мнение, — прошептала монашка, оглядываясь вокруг, — но я рада, что малышка убежала, потому что эта женщина, жена нового губернатора, кажется мне ужасной!

— И вы правы, — подтвердил он, — ибо я знаю из надежных источников, а именно церковных, что она

дьявол, кошмар.

Монашка издала крик ужаса, закрыла лицо руками и, плача навзрыд, бросилась бежать к дому.

Кантор был взбешен. В самом деле все эти монахини не в себе? Одна пренебрегает своими обязанностями настоятельницы, чтобы предпринять путешествие, которое может продолжаться еще два года; другая, как только ее игуменья повернулась спиной, нарушает ее распоряжения; третья прячется из-за опасения стать предметом осуждения, но пытается защитить девочку. Потом он успокоился. Бедные женщины. Отсюда чувствовался тот ветер смятения, который поднимался с появлением дьяволицы.

Но все же, что случилось с Онориной?

Он дошел до берега и стал прогуливаться вдоль реки, еще не зная, что предпринять. Чтобы атаковать врага — изворотливое существо с змеиным языком, — надо было прежде всего воспрянуть духом. Он думал об Онорине и за словами, произнесенными в приемной: «будучи непослушной», «исчезла», «устроила ужасный скандал», «убежала», снова видел детскую фигурку с ярко-рыжими волосами, ростом «с три яблока», с такой круглой мордашкой, некрасивой, но так комично посаженной на грациозную шею, и такой характерной манерой держаться, в которой сочетались вызов и достоинство.

Какая неукротимая сила в этом маленьком существе! Именно по этой причине все предпочитали относиться к ней бессердечно и несправедливо. Сначала и он сам, подумал Кантор, мучимый угрызениями совести. Она действительно была несносной.

Но он продолжал чувствовать раздражение ко всем женщинам, и когда подумал о несправедливости, жертвой которой всегда становилась Онорина, его раздражение перешло на тех, кто занимался ею и не

сумел полюбить, после чего постепенно он стал сердиться на самого себя. Все хотели освободиться от этой девочки. И он, будучи в Вапассу, желал ей наказания. Его беспокоила эта требовательная и обидчивая девочка, обеспечившая себя отцом и матерью, не имея никаких прав. Откуда она пришла? Лучше не думать, иначе появлялось желание избавиться от нее.

Что же случилось теперь? Неизвестно было, даже где она находится. Были всякие предположения, но было страшно, беспокойство давило больше, чем свинец. Потому что она была такой маленькой и смешной. Она была гордой, своенравной, но беззащитной. «Что такое ребенок? — спрашивал ирокез. — Нельзя придавать значение его поступкам, поскольку он не имеет разума. Какие обязанности у взрослого по отношению к ребенку? Защищать его, ожидая, пока он не подрастет и не обретет разум!»

Но Онорина была сорвана с места и брошена на произвол судьбы! Он вспоминал, как она приносила ему букетики цветов, чистила ему сапоги, чтобы сделать приятное. Он был ее любимцем всегда. Почему же она отвергла его? Он не мог этого понять. Она была всего лишь ребенок! Нельзя позволять себе быть снедаемым такой глупой ревностью. А теперь Онорина потеряна по вине всех, по его вине.

Его глаза наполнились слезами. Он силился удержать их.

— Я пойду по ее следам! Пойду на край света. Я заставлю эту ведьму сознаться. Я найду Онорину и привезу ее домой.

Онорина за молитвой. Это было последнее воспоминание о ней. Он отправился в монастырь урсулинок в Квебеке, чтобы попросить у нее прощания прежде, чем подняться на борт с Флоримоном. Однако она передала через матушку-игуменью, что молится в

капелле, что имела видение и решительно отказывается увидеться с ним. Что за тупая голова!

Он вытер глаза.

— Я найду тебя, тупая голова!

Одинокий, Кантор шел вдоль берега реки. Он был далеко от города, оставив позади последние дома, разбросанные среди садов и полей.

Слышался только шелест высокой травы под сапогами и гудение насекомых конца лета, начинающих исчезать из-за холодных ночей.

Машинально он устремился к западу, в направлении, противоположном месту его стоянки, под ивами, у крайней точки острова, где на возвышенности находилась только покинутая старая мельница, поскольку владелец не привез людей для заселения этих земель. Предоставленные права на владение землей рассматривались для возобновления, однако дело затянулось, а тем временем место стало прибежищем водоплавающих птиц.

Кантор де Пейрак высадился на берег утром. Он приближался к острову Монреаль с большой осторожностью, извилистым путем, чтобы запутать следы и находить на каждом привале своего спутника, Вольверена, который следовал за ним по берегу. Росомаха, обладавшая инстинктом, позволявшим на расстоянии угадывать намерения человека, иногда ожидала его под прибрежными кустами, где юный путешественник оставлял лодку или судно, на котором поднимался вверх по реке Святого Лаврентия, или спустя несколько часов неожиданно появлялась, радостно подпрыгивая, перед Кантором, сидящим у костра.

Лодка служила ему для перевозки росомахи на остров. Надо было действовать быстро, прежде чем собаки, индейцы, местные жители, горожане, рыбаки,

охотники или любовные парочки не обнаружили его и не уведомили власти о его присутствии.

Кантор де Пейрак должен был составить план. Но сначала ему нужно было успокоиться.

Он постарался думать хладнокровно и воодушевился при воспоминании о всех приятных минутах, проведенных с Онориной, этой шалунишкой с рыжими волосами. Потому что в основном они находили общий язык. Часто он сажал ее себе на плечи, чтобы танцевать и прыгать «как индейцы», исполняя боевые танцы, выкрикивая «ух! ух!», а в один из вечеров он тайком повел ее послушать при лунном свете вой волчат, приблизившись настолько, что их можно было видеть.

До него донесся молодой голос, певший над водой:

Шестого мая прошлого года

Я был призван на военную службу,

Чтобы отправиться в долгое путешествие

И побывать в далеких землях

Среди дикарей...

Кантор поднял голову и увидел, как пришедший издалека туман снова покрывает реку. Но это был проходящий туман, который мог либо задержаться вокруг горы Мон-Ройяль в северном направлении, либо рассеяться как по волшебству. Осень отличалась прозрачным и свежим воздухом, яркими, но мимолетными цветами.

За пологом тумана приятный голос продолжал петь:

Когда приходит весна,

Апрельские ветры наполняют паруса

И несут меня в мой край родной,

В местность Святого Сульпиция.

Я поклонюсь моей жене,

Которая прелестнее всех.

Из тумана показалась лодка. На борту был виден только юноша восемнадцати-двадцати лет, крепкий с

виду. Кантор его сразу узнал. Это был Пьер Лемуэн, третий сын купца из Виль-Мари. Старший, Шарль Лонге, служил в чине лейтенанта в Сен-Лоранском полку в Версале и входил в их компанию.

Обменявшись взглядами, они поздоровались. Пьер Лемуэн тоже был при дворе в течение непродолжительного времени. Несмотря на молодость, он был отличным моряком, уже водившим корабли через океан.

— Я полагал, что вы во Франции. Есть ли у вас сведения о нашем брате Шарле? Недавно мы узнали от Жака, второго брата, что он сопровождает господина де Горреста, нового губернатора.

Видя, что Кантор наморщил лоб, он добавил:

— Это не значит, что мы согласны с ним. Жак немного сумасшедший. Он участвовал в интригах против господина Фронтенака. Однако этой зимой все успокоится. А вы, как мне кажется, тоже прибыли вместе с губернатором?

— Я прибыл в поисках сестрички Онорины де Пейрак.

Пьер Лемуэн привязал лодку к речной свае и спрыгнул на землю. Он плыл в «Ла Шинь» и решил сделать остановку, ожидая, когда рассеется туман.

— Говорите, ваша сестричка? — спросил он, задумавшись. — Представьте, что меньше трех недель назад она была здесь, где мы находимся. Она стояла совсем одна, маленькая и с большой сумкой. Я видел ее. Она сказала мне, что хочет отправиться в замок Луп, к своим дяде и тете. Я взял ее в лодку и оставил недалеко от форта.

— Мой дядя де Сансе! — воскликнул возбужденно Кантор, почти напавший на след Онорины.

Он не думал искать родственников в Канаде. Ему было достаточно уже тех, которых Флоримон раскопал в Париже.

Кантор сел вслед за юным канадцем в его лодку, чтобы получить более полную информацию. «Та девочка, однако, — говорил он себе, совсем ободренный, — если уметь хорошо выведывать!»

Свежий ветер разогнал туман. Они разминулись с лодкой, нагруженной детьми. Юные монреальцы проводили жизнь на воде, управляя парусами.

У горы, отмеченные белой пеной, показались пороги.

Пьер Лемуэн оставил Кантора на берегу. Он сказал, что готовится отправиться в верховья реки Святого Лаврентия и что, если Кантор хочет найти его, пусть ищет в «Ла Шинь», куда плывет за багажом и товарами.

Глава 43

Эльф с белокурыми волосами бежал ему навстречу по большому, еще зеленому лугу, пританцовывая на ходу.

Взгляд эльфа показался ему знакомым. Он сразу же отметил ее привлекательность, и когда она остановилась в нескольких шагах, Кантор, внимательно рассмотрев ее, вспомнил, что одна из дочерей этого дяди, найденного после тридцатилетнего молчания, имела, как говорили, телосложение, напоминавшее фигуру его матери, Анжелики де Пейрак, урожденной Сансе де Монтелу. Сразу это показалось ему невозможным. Но теперь, в глубине души, он должен был честно признаться в ошибке.

Теперь он мог стать не единственным, воскрешающим в памяти лицо, заставлявшее вздыхать короля при своем появлении, что в то же время обольщало и беспокоило юного пажа, поскольку против его воли пробуждало смутные воспоминания у Его Величества.

По-видимому, девушка думала примерно о том же. Молодые люди действительно были так похожи друг на друга, что рассмеялись одновременно.

— Кузина! Давайте обнимемся! Как ваше имя?

— Марианжела. А вы, я полагаю, Кантор?

Он огляделся вокруг, изумляясь полному отсутствию людей, как если бы девушка с обликом феи была единственной обитательницей сонного царства.

Она объяснила, что родители отсутствуют. Они были вызваны в Квебек и должны были отправиться в столицу на встречу с губернатором, присланным на смену господину Фронтенаку, что не помешало

вышеназванному губернатору отправиться в Монреаль еще до прибытия месье и мадам де Лу.

— Но что это за мания путешествовать и бегать за губернатором? — воскликнул Кантор возмущенно. — Народ сошел с ума?

— Действительно.

— Почему?

— Потому что новый губернатор, и прежде всего его жена, переворачивает вверх дном всю страну.

Наконец появился один, который не позволил себя околдовать. Она смотрела на него ясным и спокойным взглядом чуть насмешливых глаз.

— Почему вы так огорчены отсутствием моих родителей?

— Они могли бы сообщить мне сведения о моей сестричке Онорине. Я знаю, что она пыталась добраться до них.

— Если вы тревожитесь о вашей сестре, я могу сообщить вам сведения о ней.

Он чуть было не тряхнул ее.

— Вы видели ее?

— Нет. Но я знаю, что с ней. Один индеец принес мне известия о ней.

— Говорите, умоляю вас.

— Сначала она укрылась у ирокезов Кеннебекской миссии у сестры Мадлен, напротив «Ла Шинь», после чего индейцы увезли ее дальше.

— Почему?

— Потому что она спасается от той женщины, которая хотела ее убить.

Душа Кантора наполнилась невыразимым облегчением.

— Милая кузина, вы мне нравитесь, — сказал он, дружески обнимая девушку за плечи. — Пойдемте, расскажите мне все подробности в укромном месте, подальше от назойливых глаз.

Он полагал, что они войдут в дом, но его повели к подсобным службам в обширное строение, служащее и сеновалом и складом. С потолка свисали связки меховых шкур, подвешенные на крючьях. В углу было свалено заготовленное на зиму сено, на которое они и сели.

Он заметил некоторые предметы туалета, гребень, щетку, лежащие на сундуке, подушку, плащ и жаровню, какие бывают на кораблях.

Мари рассказала, что произошло после отъезда родителей.

— Вернулись «они». Я увидела их издалека. Карета остановилась в глубине большого луга на Королевской дороге. Я не знала, с какой целью «они» приехали и чего ждут. Я узнала это только потом. А они-то ждали девочку и именно там ее и схватили.

— О, Господи! — воскликнул побледневший Кантор. Она тронула его за руку.

— Имейте терпение. Я вам хочу сказать, что она убежала. Позвольте продолжить мой рассказ. Они вернулись через день — эти французы, похожие на попугаев, с красными каблуками, кружевами и перьями. На этот раз они поднялись к фактории. Жена губернатора шла во гневе. Я сказала своим братьям: «Бежим! Выходим черным ходом и прячемся в лесу».

Мы вернулись, когда дом был уже пуст. Однако после их визита я была не в состоянии оставаться в этих стенах. Я послала братьев в город: старших — на обучение к господам из Сен-Сильписа, младшего — к сестре, вышедшей замуж за офицера гарнизона в поселке Сен-Арман. Тем временем я переселилась в это складское помещение. Несколько дней спустя я заметила индейца, который бродил вокруг в поисках кого-нибудь, кому он мог передать сообщение. Я позвала его, и он мне все рассказал.

Онорина сумела убежать благодаря помощи одной из их крещеных сестер племени агние, которые укрыли ее у себя, в Кеннебеке. Но, когда они увидели, что эта женщина вернулась в упорном стремлении найти ее и что их отцы-иезуиты из благих побуждений помогали ей, они были очень напуганы. Тогда они доверили ее каравану индейцев Пяти Племен, которые, хотя и были крещеными, желали снова сблизиться с землей ирокезов.

— Она спасена! — воскликнул Кантор, поднявшись на ноги и бросая в воздух шляпу. — Дорогая сестричка, вы снимаете большую тяжесть с моего сердца! Эти напыщенные попугаи, эти скоты не смогут больше охотиться в чаще наших лесов!

— Они даже и не пытались. Говорили, что госпожа де Горреста с трудом пыталась скрыть свою досаду от бесплодных поисков.

— Какой дорогой пошли люди из Кеннебека, чтобы дойти до земли Пяти Племен?

— Я этого не знаю. Этот крещеный индеец сказал мне, что маршрут должен оставаться в секрете, чтобы не подвергать риску девочку.

— Пусть так! Я найду ее позднее. Прежде всего я должен покончить с этим дьяволом. И поверьте, друг мой, будет совсем нелегко освободить землю от ее жестокого присутствия.

Он сделал жест, как бы желая проститься, но девушка удержала его.

— Вечереет. Вам придется идти по суше, поскольку этот участок реки ночью становится несудоходным. Зачем возвращаться в город с риском быть узнанным? Оставайтесь хотя бы до завтра. К тому же отправитесь в дорогу с новыми силами. Я пойду принесу вам что-нибудь поесть.

***

После ее ухода Кантор погрузился в рыхлое сено. Расслабил натруженные руки и ноги. Теперь, когда он успокоился в отношении судьбы Онорины, он почувствовал себя обессиленным. Он не мог больше думать ни о чем другом, кроме как об этой встрече с кузиной Марианжелой. Несомненно, она походила на его мать, которая, наверное, в свои юные годы в Монтелу отличалась такой же непринужденной живостью. Причем сохраняла ее даже тогда, когда торопилась выполнить работу или отдать распоряжения, а также в случае других важных дел: она принималась бегать, носиться по лугу или дому, весело взбегать по лестнице или карабкаться по крутой лесной тропинке, забывая о возрасте и своем общественном положении.

Удивительным было также то, что Марианжела имела что-то от склада ума Анжелики и рядом с ней он себя чувствовал так, как будто знал ее всегда и это она играла с ним в Плесси или Версале, когда он был ребенком.

Она вернулась, неся большие ломти хлеба, сосиски и бокал сидра. В то время как Кантор ел, она растянулась рядом с ним на сене и рассказала, как отец предложил ей поехать во Францию, чтобы узнать, как живут молодые люди знатного происхождения. Опершись на локоть, он заметил, что она наблюдала за ним взглядом, сияющим от удовольствия.

Ситуация давала почувствовать ему некоторое неудобство. Не следовало забывать, что эти канадские девушки были достаточно смелыми. Пользуясь привилегиями своего пола в этой стране, в которой недоставало женщин, непорочные и «спонтанные», как все, рожденные вне принуждения или неравенства старого иерархического общества, они не заботились о соблюдении дистанций и не мучились сомнениями, которые казались им безрассудными. Извилистые

тропинки Любви, нанесенные на Карту Страны Любви, и утонченность парижских жеманниц и вовсе были им неизвестны.

Приходские священники и монахини, занимавшиеся их воспитанием, имели убедительные основания для того, чтобы довести своих воспитанниц от школьных розог прямо до брака. Уже в четырнадцать лет они становились юными женами колонистов, готовыми не бояться зимнего одиночества, рожать раз в год и работать на поле и на скотном дворе, в отдаленной местности.

Марианжела де Луп в свои шестнадцать, а точнее, почти семнадцать лет, не будучи замужем, отвергнув всех претендентов и не испытывая призвания к религии, находилась в положении, которое очень скоро могло стать трудным. Одновременно она должна была быть и более близкой к детству, и более зрелой, чем подруги, родившиеся и выросшие, как она, в Новой Франции, но которые, начиная с колыбели и кончая браком, воспитывались со строгой установкой на тот жизненный путь, который их ожидал, — жен пионеров, основательниц семей.

Здесь годы светского воспитания в расчет не принимались.

— Кузен, можно теперь перейти на «ты»?

— Как хочешь, сестричка.

Она снова встала, чтобы принести большую шубу, которой, лежа рядом, они укрылись, поскольку вечерний холод давал о себе знать.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— Завтра будет день битвы, — ответил он, сложив руки на груди и закрыв глаза, так что казался надгробной скульптурой.

В глубине души он был благодарен ей за то, что она не задавала ему других вопросов и не старалась

развлечь, а заснула, доверчиво уткнувшись носом в его плечо.

Глава 44

Госпожа де Горреста, или Амбруазина де Модрибур, раздраженно осматривалась. Она сидела перед туалетным столиком, временами отражавшим ее лицо, к которому она еще не совсем привыкла. Умело используя румяна и белила, она старалась уложить локоны своей прически на виски и щеки, однако на лице имелись опухольи и шрамы, которые скрыть совсем не удавалось.

Она находилась в том большом доме, сложенном из массивных камней, который предоставили в ее распоряжение в Монреале, и, с одной стороны, она должна была признать, что дом очень хорошо меблирован, а с другой — стала испытывать чувство неудобства, узнав, что до нее там гостила Анжелика.

Исчезновение маленькой Онорины показалось ей дурным предзнаменованием.

Она начинала также понимать чуждость этих мест.

Она могла бы вспомнить, что далекие земли испускают неведомую энергию. Она испытала это в Голдсборо. Но здесь было еще хуже, поскольку скука ослабляла ее жажду деятельности.

Здесь все было ужасно скучным. Тогда как в Голдсборо...

Прежде всего там была Анжелика. Женщина, обладавшая такой красотой, что было удовольствием видеть ее живой, завоевывать, заставляя страдать. И она использовала каждый момент общения, каждый нанесенный удар. Какое удовольствие видеть, как темнел зеленый цвет ее глаз от волнения, когда она дала ей понять, что Жоффрей де Пейрак, в которого она была так безумно влюблена, пытался стать любовником госпожи де Модрибур!

Но именно при этом воспоминании Амбруазина помрачнела.

Он! Он! Почему этот галантный мужчина с южной кровью не уступил ее обольщению?

Ей понадобились годы, чтобы понять это. «Он презирал меня, Угадывал мою ложь С первого же момента он не доверял мне. Я думала, что он попал в мои сети, в то время как, напротив, каждый из его коварных вопросов имел целью разоблачить меня».

Даже сейчас ее жгла эта позорная неудача. Сейчас, когда для мести она вернулась к исходному пункту, она чувствовала себя полной горечи, воскрешая в памяти долгие страдания, пережитые дьяволицей, потерпевшей поражение.

***

Увы! Столько лет притворства!

И даже не иметь возможности предоставить себе тайное удовольствие заставить мучиться какую-нибудь молодую жену-провинциалку, украв у нее мужа, или еще более сладострастное удовольствие видеть, как перед ее прелестями рушится мужская стойкость людей, имеющих репутацию неподкупных: духовных и ответственных должностных лиц.

Ей приходилось быть осторожной, безупречной.

В течение всех этих лет ее план действовал великолепно. Она могла радоваться, что не дала повода для подозрений.

Горький и непостижимый опыт, приобретенный на земле Америки, сделал ее осторожной.

Сначала она имела скромный внешний вид и предпочла выходить в город под вуалью, стараясь не привлекать к себе внимания, поскольку жила под покровительством богатого человека преклонного возраста, вернувшегося из колоний, который сделал ее своей любовницей, некоего Никола Париса.

Необходимо было дождаться, когда время уберет с ее лица следы ран.

В общем, хороший товарищ и надежный сообщник, этот старый Парис.

Оба они придерживались условий того договора, который заключили в одну хмурую ночь на восточном берегу Тидмагоуча.

Он хотел ее. Она всегда хотела его, так же как и он хотел ее, эту раненую, обезображенную женщину, но с нетронутым телом. Он хотел ворочаться на ней, как боров в грязи.

Она хотела быть в безопасности, недостижимой для своих врагов, которые, если бы она осталась в живых, отдали ее на суд короля как убийцу, колдунью и отравительницу.

Она должна исчезнуть. Исчезнуть окончательно.

Старый Парис мог бы удовлетворить ее плотские аппетиты. Она всегда предпочитала старых, потому что уже с юного возраста Амбруазина всегда умела использовать самые неожиданные уловки, чтобы разжечь пылающую страсть угасающей мужской силы.

Договор был заключен.

Ни он, ни она не испытывали и малейших угрызений совести, убив Генриетту Майотэн, которая помогла им спастись, обезобразив и бросив ночным зверям, чтобы те сделали ее неузнаваемой, эту молодую женщину, которая должна была занять свое место в могиле.

Корабль вышел в открытое море.

Многолюдная Франция позволяла супружеской ларе замести все следы.

В более отдаленных провинциях нетрудно найти в обмен на приличную сумму звонких эскудо нотариусов, дельцов и даже приходских священников, готовых составить брачные свидетельства на основании имени, данного при крещении, и вымышленной даты и места рождения.

И шутки ради Амбруазина заявила, что она родом из провинции Пуату. Однако эта прихоть дорого стоила ей в дальнейшем. Это фиктивное удостоверение личности фактически непрерывно напоминало, что, если ей и удалось обмануть Анжелику в отношении своего происхождения, в итоге Анжелика стала еще сильнее.

Таким образом, эта история с Пуату, вместо того чтобы развлекать, всякий раз озлобляла ее. И она же питала ее желание мести.

Но, оставаясь такой осторожной, спокойной и скромной, не забудет ли она свою единственную цель: отомстить «им» и в первую очередь «ей»? Было ли более трудным делом забыть, поскольку она должна была выполнить свою миссию, порученную патроном, который не допускал неуспеха?

Может быть, она не пыталась иногда забыть? И тогда ужасный озноб сотрясал ее всю, пробуждая ненависть к тем, которые нанесли ей поражение.

Увы! Столько лет пришлось притворяться и следить с помощью зеркала за излечением, а затем и возрождением своего лица. Некоторые следы, по-видимому, не исчезнут никогда. Но не это ее мучило. Она уже была абсолютно такой же, как раньше, и временами была рада этому. Она не была уже такой же красивой, такой молодой, и это по вине Анжелики, считала она, так как ей казалось, что Анжелика из каждого ее поражения получала новую порцию живительного сока для своей красоты и молодости «Чем больше тускнеет моя красота, тем ярче сверкает ее. Да... даже в Тидмагоуче, когда она была больна и находилась в моей власти».

И так прошло несколько лет, в течение которых Амбруазина, затворница, отцветающая дама, продолжала таить свою злобу.

Вуаль становилась все менее густой, по мере того как зеркало извещало, что она уже может показаться

при дневном свете. Для бедного Париса пришел момент уйти в лучшую жизнь под действием некоего лекарственного настоя. И вскоре после этого для нее, вдовы, пришел момент уехать в другой город и показаться на людях с открытым лицом и под другим именем.

В дальнейшем все осуществлялось согласно ее тщательно обдуманному плану и по ее желанию.

Только выйдя замуж в Невере за месье де Горреста, ответственного интенданта провинции, она начала вербовать «верных людей»: разорившихся мелких землевладельцев или слуг, не отягощенных совестью, — темные души, подобные ей, которых она подчиняла своей воле и которые, будучи щедро вознаграждаемы тысячью способов, затевали по ее приказу интриги, заключали соглашения и организовывали заговоры, а также, если в этом была необходимость, заставляли замолчать навсегда неугодных.

Может быть, первым ее помощником, хотя и не подозревающим этого, был этот человек небольшого ума и большого тщеславия, но имевший надежную поддержку и блестящие связи, из которого она сделала своего нового мужа, то есть господин де Горреста?

Всегда готовая воспользоваться случаем, она очень скоро воодушевила его заняться делами колонии, а затем и добиться назначения на пост временного губернатора на период отсутствия тогдашнего — господина де Фронтенака, вынужденного отправиться в Париж для объяснения с королем. Обстоятельства складывались так, что реальностью могла стать опала Фронтенака, и его заместитель поэтому мог считаться вице-королем на несколько ближайших лет.

Для Амбруазины, его жены, которая стала зваться Арманд, урожденная Ришмон и вызывала восхищение своей храброй готовностью сопровождать мужа в столь далекие и неосвоенные земли, было достаточно одной

или двух недель в Париже, чтобы сунуть нос в одно подозрительное место, где с помощью корреспонденции и судебных крючкотворов попросила пролить свет на деятельность «Единорога». Она испытывала возбуждение, когда, приведя доказательства своих родственных связей, попросила сведений о мадам де Модрибур и ее экспедиции.

Затем она отправилась в Версаль поклониться королю, который совсем не заметил ее. Однако поклон был лишним, В дверном проходе ее неожиданно ослепил взгляд зеленоглазого юноши.

Сразу после этого визита карета увезла Амбруазину, которая была счастлива покинуть столицу и взойти на борт корабля, в Гавр.

Она не страшилась переезда и не придавала большого значения необходимости начинать с этого городка канадской провинции, как этого требовала новая для нее роль жены губернатора. Впервые она стала «благодетельницей», свободной в своем желании ехать куда хочет. Но в этот раз она должна была переехать в Квебек и уже запаслась терпением и приготовила самую приятную свою улыбку.

Но... что они думали?

Ее целью, конечно, не было курить фимиам перед этими неотесанными колонистами.

Она никогда не имела намерения киснуть в Квебеке, холодном городе антиподов, потому что она, кроме того, претендовала на переезд в столицу. «Маленький Версаль», — говорил этот смешной Виль д'Аврэй, И Фронтенак, этот шут, верил этому.

Но их новая должность обязывала сделать там обстановку приятной, принять гостей и получить официальные приветствия, если будет необходимо; с другой стороны это не было совсем бесполезным, поскольку она намеревалась свести счеты с теми, кто был указан ей как сторонник ее главных врагов —

Жоффрей и Анжелика де Пейрак — и кто способствовал падению в немилость отца Себастьяна д'Оржеваля. Известие о его смерти подействовало на нее как удар шпорами.

«Голдсборо позднее, — сказала она себе. — Будем терпеливыми необходимое время».

Она была права.

Уже с первых дней плавания к заливу Святого Лаврентия настоящее снова посылало ей лики прошлого. И уже были мертвы те, кто должен был умереть. Ах, какое удовольствие было видеть свисающего с реи ее флагманского корабля лейтенанта Бассомпье, который ненавидел ее за убийство Мари ла-Дюс, своей возлюбленной.

«Это англичане! — убежденно сказал ее муж, новый губернатор. — Предатели и враги, которым удалось проникнуть в устье Святого Лаврентия. Казните его и покажи те, что вы не такие, как губернатор Фронтенак, снисходительный к врагам Франции и к этим отступникам, французским гугенотам, которые находятся в союзе с ними»

Жаль, что из-за тумана не удалось захватить весь экипаж небольшой яхты, плававшей с поднятым свободным флагом графа Пейрака.

И в Квебеке, ощущая на себе несколько узнающих или подозрительных взглядов, она быстро осуществила расправу.

К сожалению, эта дура Дельфина и толстая владелица «Навир де Франс», к которым она испытывала антипатию, ускользнули. Почему? Каким образом? Она забеспокоилась, чувствуя, как колеблется непогрешимость ее обманов.

Затем она почувствовала, что счастливая судьба и то тайное покровительство, в котором временами она начинала сомневаться, снова помогают ей, когда узнала, что дочь графа и графини Пейрак — девочка,

для которой Анжелика собирала аметисты на берегу Голдсборо, — находится в гостях у монахини Нотр-Дам, в Монреале.

Случай давал ей в руки дочь ее врагов. Теперь она ликовала. На этот раз Дьявол был на ее стороне. Остров Монреаль был далеко — в верховьях реки, но удовольствие, которое она предвкушала от этой охоты и мучений вполне стоило скуки этого речного путешествия среди знаков почтения, как ей казалось, фальшивых и опасных, этих сельских колонистов, простолюдинов, которые желали называться «коренными жителями» и считали себя «господами», поскольку им были даны разрешения на охоту и рыбную ловлю.

В свою очередь, она ненавидела их все сильнее и получала от этого все больше удовольствия, лотом) что впоследствии она будет иметь возможность рассчитаться с этими типами за их спесь. В конце концов, она могла даже согласиться провести зиму среди снегов в скромном доме губернатора в Квебеке, тем более что у нее не было выбора. «Попозже, Голдсборо, ты можешь подождать, Голдсборо, я навещу тебя. Месть — это блюдо, которое подается холодным». И, повторяя эту поговорку, она разразилась резким смехом. «Очень холодным».

Она могла подождать смаковать это главное блюдо, уже получив удовольствие от попытки похитить маленькую Онорину в Монреале, замучить до смерти и посылать по одному доказательства своему такому ненавистному, такому желаемому, такому проклятому врагу, — Анжелике, обладающей необыкновенной красотой, непостижимой способностью обольщать, Анжелике — матери этой девочки.

«Быстро отправляемся в Монреаль! — сказала она мужу — Хорошо бы познакомиться со всей нашей администрацией до зимы и предать забвению в каждом

из них память о прежнем губернаторе господине де Фронтенаке».

Да, все шло великолепно до того момента. До момента, когда она оказалась перед этой маленькой фурией, которая принялась кричать во все горло и обзывать ее отравительницей. «Это мадам Ломбард! Это мадам Ломбард, отравительница!»

Сколько терпения и сколько показной самоотверженности пришлось ей продемонстрировать для того, чтобы изгладить неприятное впечатление от этой сцены. Эти канадцы были склонны до смешного обожать детей и оправдывать их во всем.

Ей удалось удалить мать-игуменью Буржуа, устроив вызов к епископу в Квебек, а также удалить дядю и тетю, после чего, к своей большой досаде, она узнала, что в окрестностях находится брат Анжелики; это было действительно досадно, потому что вынуждает остерегаться тайного союза членов одной семьи, поскольку между ними создается, в том числе между мало знающими друг друга и имеющими расхождения, соучастие, трудно объяснимое по своей природе, но сильное.

Таким образом ей удалось удалить от девочки ее главных защитников и вновь схватить ее после бегства из монастыря. Но затем снова необъяснимый поворот судьбы. Ее добыча исчезла, точнее сказать, превратилась в ничто. Все поиски, стоившие состояния, были бесплодными.

Амбруазина теперь ясно поняла. Это происходило не потому, что уменьшились ее способности вследствие топа длительного периода бездействия, когда она была сослана во французскую провинцию, не потому, что лишилась сатанинского покровительства, которого не стало меньше, не потому, что французы и индейцы Канады менее податливы и труднее поддаются обману людей из Старого Света; не по этой причине

Амбруазина, дьяволица, начала испытывать затруднения. Но потому, что она еще раз вступила в сражение с «ними». И потому, что должна была признать, что девочка была так же опасна, как мать.

Даже больше!

Что в этой семье было направлено так против нее?

Она рассыпала перед собой на туалетный столик содержимое двух шкатулок, обнаруженных в вещевом мешке девочки.

И, видя это разнообразие предметов, имевших разную ценность: бирюзу и перья, раковины и зуб кашалота с резьбой, она догадалась, что некоторые из них, по-видимому, принадлежали Анжелике, прежде чем попали к дочери.

На столике лежала также спутанная прядь длинных рыжих волос, которые она сама вырвала, будучи вне себя от ярости. Она взяла прядь двумя пальцами и провела по ней рукой.

Где она теперь, эта маленькая неудачница? Как найти ее? Как навредить?

«Многое можно сделать с помощью волос...»

В Париже она могла бы иметь бесконечное число полезных адресов, имен предсказателей и колдуний, позволяющих без труда найти их. Но здесь?

«Мне надо было взять на службу мага».

Но как это сделать, не привлекая внимания полиции и оставаясь вне подозрений и расследований?

Проездом через Париж она пожелала проконсультироваться у самой известной из гадалок, Мовуазен, прозванной Ля Вуазен.

Подойдя к ее дому, она увидела группу выходящих от нее «миссионеров», тех священников, которые принадлежали к ордену, основанному святым Винсентом де Полем для того, чтобы проповедовать бедным людям, и поскольку это показалось ей тревожным и необычным, она стремительно удалилась.

Спустя два дня весь Париж узнал об аресте гадалки. Амбруазина, даже дрожала от страха. И за этим арестом все тот же страшный полицейский агент Франсуа Дегре.

Именно из-за него ее отъезд в Гавр был почти бегством. Точно так же, как в первый раз, когда она чудом ускользнула, а он арестовал ее ближайшую подругу, маркизу де Бренвийе.

На этот раз полицейский поразил в самое сердце крепость отравителей.

Новости распространяются быстро, и до того, как господин и госпожа Горреста сели на корабль, стало известно, что Ля Вуазен была осуждена за попытку отравить короля. Атенаида де Монтеспан покинула двор.

«Допрошенная, она назовет мое имя. В свое время вместе с моей любимой Бренвийе я была одной из самых постоянных ее клиенток. Но какое это имеет значение, если она назовет ее имя. Я мертва, мертва!»

Она издала громкий смех, который резко погас в мрачной усмешке.

«Герцогиня де Модрибур умерла!» — сказала она вслух.

Но она не смогла удержаться, чтобы бросить по сторонам настороженный взгляд.

Разве это нелогично?

Всегда опасаться. Постоянно прятаться, постоянно притворяться.

Тем не менее Амбруазина почувствовала облегчение от мысли, что она сядет на корабль и скроется в Новом Свете, где будет легко сохранить инкогнито; и, как в первый раз при неожиданно повторившихся условиях, она ускользнула от этого Дегре и его командира, лейтенанта королевской полиции, господина де Ля Рейни, двух ретивых псов короля.

Было лучше не оставлять после себя следов.

Что касалось магов, она рассчитывала на господина де Варанжа, опытного в колдовском искусстве, который ждал ее в Квебеке.

И вот теперь ей сообщают, что он умер... и недавно. В действительности он исчез. Его исчезновение совпало с посещением Квебека господином и госпожой де Пейрак.

Почему Варанж исчез именно тогда, когда прибыли они? Как если бы он хотел уступить им место.

Страшное подозрение начало овладевать ею.

«Опять «они» за этой смертью, этим исчезновением», — сказала она себе.

— Это она убила его! — воскликнула Амбруазина. Настолько уверенная в своем предчувствии, она была не в состоянии различить, находится ли во власти фантастических наваждений или под действием какой-то магии следует реальному течению жизни.

Анжелика убила господина де Варанжа. Никто не мог, кроме нее. Где? Когда? Почему? Как ей удалось догадаться, что этот старый развратник ее сообщник? Это невозможно понять. Однако именно Анжелика убила графа Де Варанжа.

— Если я заявлю, что она убийца, меня объявят сумасшедшей. На меня станут смотреть с подозрением. Даже этот Гарро д'Антремон, который не ждет ничего другого, как именно такого заявления. Он тоже знает, что она убила Варанжа.

Но ей потребуются доказательства!

Эта новая полиция, учрежденная королем, требовала доказательств. Раньше было достаточно бросить обвинение, заявить о колдовстве.

Сегодня нужны были доказательства.

И самый цвет французской знати был отправлен в Бастилию, ссылку или даже на эшафот по вине трупов новорожденных, принесенных в жертву на черных мессах, оплаченных звонкой монетой, потому что они

совершались на животе распутной женщины. Какое смешное и несообразное суждение! Какую ценность представляли собой эти безымянные младенцы, настоящие человеческие личинки, по сравнению с важными особами, которые платили такую дорогую цену за принесение их в жертву.

«Человеческие личинки, примитивные белые черви, суесящиеся с раскрытыми ртами, — повторила она, скривив губы в гримасе отвращения, — не имеющие имени и не крещеные. Ах, да! Кажется, Ля Вуазен или другая крестная мать окрестили их, прежде чем погрузить им в сердце иглу. Какая глупая! Она дорого заплатит за то, что вырвала у Сатаны его добычу».

Доказательства! Она не могла обвинить Анжелику, но представив доказательств!

Она резко прервала безумный ход своих мыслей. Ей больше не надо было строить планов. Ее охватил страх. Страх! Это было впервые. Не испытав его раньше, она предположила, что это страх сжал ей горло.

Она допустила ошибку, забыв.

Забуть, что произошло в Акадии. Поражение! Полный разгром! А разве она не осталась в живых для одной цели: довести до конца свою миссию? В противном случае она не имела никаких оснований для того, чтобы уцелеть. Если ей не удастся довести начатое до конца, ей больше не позволят остаться в живых. Страх и ненависть переполняли ее сердце, вызывая сладострастное томление. Ее руки раскрывались и сжимались в желании сдавить шею девочки, высокую и тонкую белую шею, очень красивую шею Онорины, которая таила в себе возможную боль Анжелики.

— Ах, какая ненависть к обеим!

Неудовлетворенность и желание увидеть осуществленными свои фантастические планы возбуждали и доводили ее до исступления.

— Какое наслаждение, — повторила она с долгим вздохом, исходящим из глубины ее плоти.

Ее плоть пробуждалась. Слава Господу! Вот что она могла сказать, если бы внутренний договор, заключенный с силами ада, не запрещал ей употреблять это слово только для проклятий и обмана. Как слаба плоть! Так отдельно от какой бы то ни было стратегии она желала любовных объятий, чтобы унять жар, почти причиняющий боль и вызванный непристойными воспоминаниями о ее расстроенных планах и несовершенной мести.

Она хотела наслаждаться, а не страдать, и ее тело казалось ей слабым, порабощенным и угнетенным желаниями, которым она сама дала волю.

«Неужели и я превратилась в человеческое существо?» — спросила она себя со страхом.

***

Она услышала голос слуги, извещавшего о визите молодого человека.

— Впустите!

Она почувствовала чье-то присутствие на пороге, в нескольких шагах, и обернулась.

Ее бросило в сильную дрожь. Дрожь страха и удовлетворения. Этот только что вошедший юноша был ответом на ее сомнения и неопределенность. С противником она предпочитала сражаться один на один.

В этом случае она была сильнее. И если речь шла о таком красивом юноше, как этот, победа была обеспечена заранее. Она могла заставить женщин плакать, ломать их, разрушать их существование, но не покорять, за исключением некоторых. А этих глупых самцов, рабов своих чувств и тщеславия, было даже слишком легко подчинить своей воле и дрожащими поставить на колени.

Но был также страх.

С того момента, как она заметила, что он узнал ее в королевской приемной Версальского дворца, она молча приняла к сведению, что он не остановится на этом. Вот почему она захотела убить его сразу. Следовательно, покушение было неудачным?

Страх не переставал ее мучить. Смешно! Поэтому, добравшись до Гавра со своим мужем, она наконец-то взошла на борт корабля, чтобы плыть в Новую Францию.

Однако, несмотря на это, она не переставала представлять себе этого Кантора де Пейрака, с глазами такими же, как у матери, который пытался больше узнать о ней. И который, возможно, поплыл следом за ней. Она так глубоко была в этом убеждена, что, прежде чем покинуть Квебек и отправиться в Монреаль, она предусмотрела свой приезд, написала своим прихвостням, оставленным там, я отдала точные распоряжения в отношении его и его росомахи. Зверь был убит, однако каким образом удалось ему и на этот раз выскользнуть из ее рук?

Он грациозно снял шляпу и приветствовал ее низким поклоном.

— Мадам, вы узнаете меня?

— Конечно, — ответила она, с вызовом подняв голову, — и в этом совсем нет моей заслуги, потому что от самого Версаля вы идете за мной следом. Могу я узнать, почему?

— Я узнал вас, мадам, в то время как все считали, что вы умерли несколько лет назад. Естественно, мне хотелось убедиться, что глаза не обманули меня.

— Такое необузданное любопытство, что оно толкнуло вас ради его удовлетворения на другой край света? Вы насмехаетесь надо мной, месье, или лжете.

— Мадам, при моей пылкости и страстности что для меня пересекать моря... Сущий пустяк, только бы убедиться в этом чуде. Вы живы. На самом деле, идти по вашим следам означало для меня совсем другие

желания, а не простое любопытство. О, мадам! — продолжил он без паузы, не оставляя ей времени почувствовать фальшивость его слов, — сколько я пролил слез, сколько угрызений совести мучили меня, сколько горечи я испытал. На берегу Тидмагоуча с вами обошлись очень жестоко и несправедливо. Безумие людей не имеет пределов, когда они находятся во власти зависти. Вот то, мадам, что я хотел сказать вам, и вот почему я пересек моря, поскольку счастливое совпадение позволяло, попросив у вас прощения, успокоить мою совесть.

Поверила ли она его словам? В удлинённых глазах Амбруазины сверкал холодный и убийственно-неподвижный свет.

Она повторила:

— Я видела, как вы бегали по всему Квебеку.

— Я искал вас.

— Я не верю вам, милый паж.

Как он был красив, Кантор де Пейрак. Его имя и его красота заставляли ее скрежетать зубами и одновременно вызывали приток слюны во рту.

В Версале, когда она была при дворе, до нее дошли сплетни об одной из знатных дам из окружения королевы, которая была безумно увлечена им. До такой степени, что королева, ценившая ее, вместо порицания и наказания предоставила ей любовные каникулы с неограниченным сроком для того, чтобы она смогла насладиться юношей по своему желанию.

Маленький бог, маленький господин, уже полный седи и надменности, вот он здесь, в этой грубой провинции, оставив все ради нее, как он сказал.

— Вы оскорбляете меня, мадам, ставя под сомнение мою память и мой порыв. Какое лучшее доказательство я мог предложить вам, как не это безумное следование за вами. Что искал я в этой безрассудной гонке? Подумайте сами! Убежденный в том, что я вас узнал, я

немедленно оставил все мои обязанности при дворе. Я рискую попасть в немилость. Но не могу ни о чем думать! Кто мог бы не совершить подобный поступок, не будучи побуждаем горячим и искренним чувством, в котором я осмеливаюсь вам признаться. Не признать этого означает довести меня до отчаяния и отрицать также ту силу страсти, которую вы разжигаете во мне. Ах, госпожа де Модрибур! Я произношу это имя, не веря в это.

— Тише! — торопливо сказала она. — Вы действительно не должны произносить его.

Она тревожно огляделась. Ее существо раздвоилось. Она все еще, хоть и не без труда, оставалась госпожой де Горреста, создавшей себе репутацию благочестивой и целомудренной дамы, женой нового губернатора, уже получившего муниципальную власть над колонией, но после того как ей представился этот юноша, она была прежде всего авантюристкой из Нового Света — как только ей понравилась эта роль, — пережившей несколько лет назад на берегу Акадии тайную одиссею, перипетии которой продолжались.

— Тидмагоуч! — сказала она с горечью. Уголки рта опустились. Она знала, что эта гримаса делает ее некрасивой, но была не в состоянии удержать ее. — Тидмагоуч, я не помню что-то, чтоб вы обошлись со мной по справедливости.

— Я был только подростком.

— Именно это мне нравилось, — сказала она вполголоса с лицемерной и жестокой улыбкой.

«Накажи меня, Господи, за мое прегрешение, — подумал Кантор, — но чтобы, по крайней мере, моя плоть служила для того, чтобы ошеломлять ее, смущать и вводить в заблуждение!»

Она содрогалась от дрожи. Забьется ли она в истерике, изрыгая огонь и пламя, как на берегу

Тидмагоуча, или эта дрожь была предупредительным знаком ее капитуляции? Он заметил ее слабость и страх. Надо опираться на них, чтобы перенести ее в прошлое и в то же время заставить бояться настоящего. Она не хочет быть узнанной. Она еще не устранила всех опасных свидетелей своего прошлого. Было много случаев, когда она теряла уверенность в себе, нуждалась в ободрении. Но среди прочего нужно принять во внимание ее красоту и способность обольщать.

— Это действительно вы, — пробормотал он, делая смущенный вид. — Вы реагировали на свое имя. У меня оставалось сомнение.

— Почему, — с беспокойством спросила она. — Значит, я так изменилась?

— Да, вы изменились, но тем не менее я вас узнал.

Каким чудом вы еще красивее, чем в моей памяти; больше похожи на ту, которую я видел во сне, мадам де...

— Не произносите моего имени, — снова потребовала она.

— В таком случае Амбруазина! Амбруазина! Это полное очарования имя преследовало меня все ночи, не переставая звучать во мне.

Зеленые глаза встретили взгляд, отливающий янтарем, и затем сковали его, принуждая к подобию передышки, к временному прекращению борьбы.

Она почувствовала рядом с собой крепкую фигуру очень молодого мужчины и решила поверить ему, потому что теперь уже он и эта глубокая и надежная чувственность, примитивная по своей природе, вызывали у нее непередаваемое ощущение голода и жажды. Желание все больше охватывало и покоряло ее, сотрясая тело и наталкиваясь при этом на стену демонической подозрительности. Она была во власти противоречивых чувств. Перенесенная в далекую

жизнь, забытую и вычеркнутую из памяти, в которой он был почти тот же, перед ней, на берегу, немного моложе и ближе к подростку, она потеряла контроль над собой.

— Тем не менее и вы присоединились к тем, кто бросался на меня, чтобы убить!

— Бог свидетель, мадам, я испытывал сострадание в отличие от насилия, которое над вами совершалось в тог момент. Поверьте мне.

В зрачках Амбруазины мелькнуло коварство.

— Я не верю вам, — повторила она. — Я помню вашу злость в Голдсборо, когда я хотела приласкать вас.

— Я был только подростком, мадам, боящимся любви и того смятения чувств, которые еще не были мне известны.

— Поэтому я предложила вам начать.

— Мне было страшно.

— Вы боялись гнева вашей матери, завидовавшей моей красоте, соперничавшей с ее, и ненавидевшей меня, поскольку мне удалось обольстить вашего отца, привлекая взгляды и других мужчин.

Кантор почувствовал, что бледнеет.

Ужас и отвращение сжали ему горло.

На его счастье, она повернулась, чтобы взглянуть на себя в зеркало, не отдавая отчета, что этим самым она невольно дает понять, что уже далеко не уверена в своей красоте и своих силах. Затем, успокоенная, она улыбнулась.

— В дальнейшем, — продолжала она, — он отрекся от меня и солгал, чтобы угодить ей. И вы тоже, маленький глупец, не осмелились ей противоречить. Не слишком ли поздно сегодня просить у меня прощения?

Никогда больше, поклялся себе Кантор, испытывая отвращение, он не будет выслушивать женщину, нашептывающую ему нежные слова и сладострастные обещания. Во время ее речи он видел, как она нервно

вертела вокруг пальца длинную нить цвета красного золота и меди, гибкую и переливчатую, привлекавшую его взгляд, пока наконец он не понял, что это были волосы Онорины, прядь ее длинных волос, которую гарпия, по-видимому, вырвала из головы девочки, мучая ее в приступе ярости.

***

«Я убью тебя, — сказал он себе с мрачной решимостью, единственным чувством, позволявшим ему контролировать свой гнев. — Я убью тебя, дьяволица! Пусть Бог поможет мне и направит мою шпагу!»

— «Они» не уступили мне, — пробормотала она — Они! Только они! Они ускользнули от меня! Это недопустимо! Они будут наказаны! О, как я ненавижу их обоих! Что касается его, я не была в обиде, оказавшись отвергнутой. Нет. Он был мужчиной. Мужчина имеет все права. Мужчина имеет право быть сильнее, потому что он более слабый. Я делаю с ним что хочу, не в этот, так в другой раз. Но женщины, нет, женщины не имеют права брать надо мной верх! Женщины принадлежат мне. Женщины должны быть либо моими жертвами, либо моими сообщницами! Что касается мужчин, я их не боюсь. Но они, они надсмеялись надо мной.

О, как я ненавижу их обоих!

В нескольких шагах от нее он понял, что она говорит об Анжелике и Онорине. Горячее возмущение омрачило его лицо. Его мать! И девочка, его сводная сестра! Во всяком случае, девочка, оказавшаяся под его защитой, поскольку он стал старшим сводным братом.

Как осмелилось это чудовище так говорить о них в его присутствии? Как, если он в родстве с ними?

«Надо быть внимательным! — сказал он себе, силясь прогнать все другие мысли. — Она не должна заподозрить ничего из того, что волнует меня».

И он перехватил взгляд, направленный на него в зеркале туалетного столика. Она пыталась угадать его чувства, готовая броситься на него, как фурия, при малейшем признаке, при малейшем проблеске гнева или отвращения, которые позволяли ей судить о его искренности. Она хотела видеть его у своих ног, скованным плотским желанием, которое ослепило бы его и сделало безразличным ко всему, кроме нее, глухому к ужасным словам, нарочно произнесенным ею, чтобы вызвать его гнев. При малейшем подозрении она подписала бы ему смертный приговор.

Но в этих ясных глазах, устремленных на нее, она прочитала только бесстрашие и то отсутствующее, одержимое и почти неосмысленное выражение, которое иногда появляется во взгляде людей после подавления их страстного желания.

Восприимчивая к этому неотразимому языку, она испытала наслаждение, будучи удовлетворенной.

Удалось ли ей ввести его в заблуждение? Она надеялась на это. У бедного Кантора спина стала мокрой от страха выдать себя, обнаружить хотя бы одну мысль.

Он решил держаться со всякой хитростью и хладнокровием своего отца. В эти мгновения он понял ту способность к притворству графа де Пейрака, которая часто раздражала или вводила его в заблуждение, раня его детскую чувствительность. Теперь он сам полагался на эту способность и радовался такой защите.

Кантор понял, что оружие закаляется на агрессивности врага, на степени опасности и что избежать предательства можно только путем предательства.

Он сделал еще один шаг к ней.

«Пусть моя плоть, моя плоть, которая покоряет ее, по крайней мере послужит достижению цели, — для

блага всех».

Она так близко увидела его чувственный и решительный рот и сдалась, услышав его шепот:

— Где и когда?

Этот ультиматум действовал уже и раньше.

Флоримон подсказал ему некоторые правила стратегии и словесные формулы, по его мнению, неотразимые.

Она вздрогнула.

Выражение алчности и растерянности, появившееся у нее на лице, вызвало у него чувство тошноты.

Тяжело дыша, она ответила:

— Сегодня вечером, на конце острова, вниз по реке. Там есть заброшенная мельница, окруженная ольхой и осиной. А туман делает ночь еще темнее, чтобы скрыть тех, кто предпочитает остаться невидимыми. Я буду ждать вас там, на опушке рощицы...

Глава 45

Укрытая серым плащом, взятым у одной из горничных, и сливаясь в этот вечерний час с тенью от заброшенной мельницы, она ждала.

Многочисленные слабые шумы, наполнявшие это место, заставляли ее дрожать. Она была охвачена смешанным и непривычным для нее чувством нетерпения и тревоги.

Шлепанье лягушек в зарослях тростника, потрескивание, кваканье, приглушенные падения чего-то тяжелого со стороны леса, хлопанье крыльев, напоминавшее шум от опавшего паруса, по дощатому покрытию мельницы, где начинали просыпаться и вылетать из гнезд маленькие пушистые совы, уже дважды издававшие свой переливчатый призывный крик.

Какое безумие дать соблазнить себя этой затеей! Он уже должен был умереть. Это было так просто и так необходимо сделать.

— Нет, — повторила она себе. — Я убью его, но потом!

И при этой мысли она облизала губы. Что-то ускользнуло от нее, как будто из ее рук выпали поводья, которые она всегда так крепко держала, — да, всегда.

Откуда пришло это страстное желание тела юноши, это нетерпение знать о нем все, узнать силу его рук, утонуть в его прозрачных зрачках, напоминавших глаза ее соперницы, женского общества, эту сестру, которую она могла так легко поработить и которая насмеялась над ней?

— Все. Но не отрекаться от этого мгновения, — сказала она себе, сгорая от желания, которое казалось

ей неизвестным и которое проникло во все члены подобно коварной змее.

Она услышала стук лошадиных копыт.

Освещаемая последними лучами бледного заката, больше жемчужного, чем розового оттенка, появилась белая лошадь с долгожданным юным героем в седле.

Почему он прибыл верхом?

Он казался нереальным.

Она была ослеплена великолепием его золотых локонов под большой шляпой, украшенной пером и создававшей в этом свете как бы нимб вокруг головы.

Опьянение, которое она почувствовала, увидев его, почти парализовало ее. Она была не в состоянии ни пошевелиться, ни сделать шаг. Огонь страсти раздирал все ее тело.

— Это то счастье, которое испытывают человеческие существа? — спросила она себя со страхом, понимая слишком поздно, что ее тело, эта плотская оболочка, о которой она так заботилась, теперь взамен готовило ей ловушку. Ее как бы засасывало внутрь спирали чувственности, превращавшей ее плоть в раскаленное и величественное пламя, этот кроваво-красный огонь, ради которого «они» готовы продать душу, увлечь себя в коварный и роковой водоворот по причине НЕПОВИНОВАНИЯ ГОСПОДИНУ — и уже это само по себе было поводом для страха — и переносить страдания от разрывания, разделения несовместимых свойств. Во власти этих чувств, сравнимых с казнью четвертованием, она не заметила темного и мохнатого шара, который бросился ей навстречу, рассекая траву со скоростью снаряда.

От того, кто упал с неба в ад, нападавший имел сверкающие глаза и страшную усмешку.

Утерянная красота сатаны была вся у того — другого, который на своем серебристом коне, на опушке

рощи, смотрел на нее ясными и светлыми глазами цвета голубой родниковой воды.

— Ангельский лик, будь ты проклят! — воскликнула она.

Атака зверя опрокинула ее на землю. И немедленно она превратилась в растерзанную добычу.

— Позволь мне приблизиться, — сказал Кантор. Несмотря на отвращение и страх, он сошел с коня и обошел вокруг отвратительной сцены, пытаясь успокоить разъяренную росомаху.

Но зверь не желал уходить. Все еще разъяренный, он снова бросался в атаку на свою жертву.

— Позволь мне подойти! Я должен это сделать!

С животным, которое он вырастил и которое успело одичать, он много разговаривал по пути вполголоса, только и думая об этой женщине-убийце, которую ему предстояло лишить жизни.

Что знал Вольверен? Вспоминал о гигантских собаках, ростом с медведя, которых Амбруазина натравила на него в Тидмагоуче? Может быть, он догадался, что это ее приказам, ей подчинились охотники, выслеживавшие его в окрестностях Квебека и убившие его самку у него на глазах? Случайно «увидел», как в случае с котенком, кто в действительности была она?

— Позволь мне подойти! Я должен это сделать! Я обещал. Я должен вонзить ей в сердце шпагу, чтобы быть уверенным в ее смерти. Я обещал. После этого можешь делать с ней что хочешь!

Лошадь заржала, охваченная паникой, встала на дыбы, сделала сильный рывок и, сломав ветку, к которой была привязана, галопом умчалась!

***

Разразилась гроза. Гроза без дождя. Молния, сверкнув зигзагообразно над крышами Виль-Мари, ударила в шиферную крышу дома, предоставленного в

распоряжение господина губернатора, и отскочила, подобно своенравному огненному шару, под один из коньков крыши.

Время ушло на организацию живой цепи до реки и черпание ведрами, и все было кончено. Остались только стены из почерневшего камня.

Прислуга спаслась чудом. Губернатор в этот вечер был у господ Святого Сульпиция. По этой причине никто не стал сразу искать госпожу де Горреста, которую посчитали погибшей во время пожара.

Только когда стало возможным провести поиск среди еще дымившихся развалин, ко всеобщему изумлению, не было обнаружено никаких следов погибшей. Тем временем явился охотник за дрофами, рассказавший, что он обнаружил страшно обезображенный труп в окрестностях мыса Мельницы.

Эти неузнаваемые останки, клочья мяса и ткани, служившие пищей для лисиц, только усилили сомнения.

Однако ужасная находка, обнаруженная недалеко, на развилке вяза, женская голова с длинными распущенными волосами, пропитанными кровью, сняла все сомнения у всех свидетелей этого страшного спектакля, который довел до тошноты официальных лиц л дворян, только ч го прибывших из Франции и вынужденных облегчить свои желудки, прислонившись головой к стволу дерева.

Быстро и с надлежащими почестями останки злополучной жены нового губернатора были преданы земле, и, в то время как на могиле о покойной было сказано много добрых слов, у многих ее исчезновение вызвало определенное облегчение, незаметное для посторонних.

На острове Монреаль следствие, разумеется, не было таким серьезным, как в Квебеке, столице, где Гарро д'Антремон добросовестно старался утвердить королевское правосудие с помощью полиции,

вдохновляемой преобразованиями лейтенанта гражданской и криминальной полиции королевства, господина Ла Рейни. Мучимый свойственным ему тщеславию и необходимостью принимать меры, господин де Горреста приказал повесить ирокеза по имени Магониганбауи. Он был крещеным, но его обвинили в измене, так как его имя означало «друг ирокезов».

Этот вид казни, при которой они никогда не присутствовали, поверг в ужас всех индейцев. Они сочли постыдным, что при таком способе казни осужденному не дали возможности исполнить свою предсмертную песню.

Продолжая воплощать свой прежний замысел превзойти в героических делах своих предшественников, которые были просто губернаторами, тогда как он рассчитывал вести себя подобно вице-королю, он воспользовался поводом для отмщения за позорную смерть жены для того, чтобы немедленно начать кампанию репрессий вплоть до Долины Пяти Племен.

В Монреале, где не испытывался недостаток случаев смертей, требующих отмщения, можно было легко найти энтузиастов, готовых поддержать эту инициативу.

Были набраны четыре роты, столько же ополченцев, несколько меньшая группа абенаков, альгончинов или гуронов и флотилия смельчаков, которые отплыли вверх по Святому Лаврентию в крепость Фронтенак, распевая песни.

Был вызван миссионер, отец Рагюе, который вместе с капелланом, отцом де Герандом, отправился в районы, населенные индейцами, и сумел убедить их направить делегацию в Катаракви, чтобы выразить уважение новому губернатору.

Племена, которым было жалко упустить традиционную летнюю встречу, сопровождаемую пиршеством и танцами, с господином де Фронтенаком, позволили соблазнить себя столь лестным, хотя и запоздалым приглашением. Большая группа вождей и знатных людей Пяти Племен в сопровождении небольшого эскорта воинов выступили в поход к озеру Онтарио.

***

В конце пиршества, когда гости отяжелели от роскошного обеда, новый губернатор приказал своим солдатам окружить их и привязать с веревкой на шее и руками, стянутыми цепью, к колодкам, заготовленным заблаговременно плотниками незаметно для постороннего глаза. Видя такой ход событий, «они стали во всю глотку петь свои предсмертные песни» Таким образом сорок пять ирокезских вождей были взяты в плен и отправлены сначала в Виль-Мари, а затем в Квебек, где большая их часть была немедленно погружена на корабль для доставки на галеры в Марсель.

Узнав, что сорок представителей Пяти Племен находятся на пути во Францию, господин Горреста, как всегда безрассудный от ярости и грандиозных идей, подобно одержимому, послал своих солдат против районов, населенных ирокезами. В Катаракви он приказал высадиться в ближайшем пункте, а именно на юго-восточном берегу озера Онтарио. Выбор места оказался несчастливым.

Онондаги уже несколько лет вели себя миролюбиво.

Они не ответили на призывы к массовой резне французов, с которыми продолжал выступать Уттаке, один из самых энергичных вождей племени агние.

Такая сдержанность не дала преимущества онондагам. Шестьсот солдат регулярной армии, триста ополченцев и столько же союзников из дикарей

неожиданно напали на них. В течение нескольких дней два из самых больших поселений, Кассуэт и Туаншо, были преданы огню.

Их воины, к тому же многочисленные, но рассеянные по округе в связи с последней сезонной охотой, не сумели своевременно соединиться.

Тем временем зима, словно сама природа внезапно отреагировала на бредовые безумства людей, опустила свою тяжелую лапу на едва наступившую осень, обещавшую быть мягкой.

Солдаты, прибывшие из метрополии в летней форме, просыпались под снегом или не просыпались вовсе, замерзнув во сне.

Многие были раздавлены деревьями, которые, не успев сбросить листву, падали под тяжестью преждевременного снега.

Ситуация стала катастрофической. Без снегоступов, недостаточно укрытые, люди проваливались в сугробы, невидимые болота и озера, не замерзшие полностью в некоторых местах и имевшие вид равнин.

Кантор де Пейрак, который за это время поднялся по реке Оттава и достиг залива Джорджии, намереваясь добраться до земель ирокезов, двигаясь в южном направлении, был застигнут в пути снегами и сумел достичь большого острова Манитулен, чтобы провести зиму у оджибеев.

Восточнее Онтарио вооруженные отряды, по крайней мере уцелевшие, оказавшиеся в менее худшем положении, ведомые канадскими ополченцами, также испытывающими затруднение вследствие преждевременного прихода зимы, но знавшими при этом местность, нашли убежище в укреплениях миссий, в фортах озер Шамплен или Сан Сакраменто к северу от реки Гудзон, в фортах Сен Луис и Сайта Тереза, Святой Анны на острове Ламот и в других фортах вдоль реки Ришелье до Сореля.

Господин де Горреста остался в форте Фронтенак, на острове Онтарио.

Сначала надеялись на возвращение хорошей погоды, повышение температуры и возобновление нормального сезона. Но все было не так.

Белая пустыня, которая на долгие месяцы покрывала бесконечные пространства, протянулась до побережья Атлантики на юге и до залива Святого Лаврентия на востоке, где по черновато-зеленоватому морю плавали ледяные глыбы.

И в одной точке этих бесконечных пространств, в населенном пункте Вапассу, женщина и трое маленьких детей, пленники небольшого засыпанного снегом форта, лишенные всякой помощи, подвергались опасности умереть от голода в течение нескольких недель.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ. БЕЛАЯ ПУСТЫНЯ

Глава 46

Тревога, грозившая перейти в тоску, постепенно и с коварной неуклонностью овладевала ею.

Она не успевала еще открыть глаза, как это чувство хватало ее за горло. У нее, еще не ощутившей прихода нового утра и живительного дневного света, в момент пробуждения ото сна и спасительного забвения, как тисками сжимало сердце, и тяжесть в груди почти не давала дышать. Это было чувство беспокойства, вызванное ее полным пониманием ситуации; неопровержимая истина, которая четко фиксировалась ее подсознанием, но которую она сразу отвергала и, подобно тому как заставляют пятиться упрямую лошадь, сопровождая усилия ругательствами и проклятиями, она выкладывала весь богатый словарный запас, заимствованный при «дворе чудес», и чаще всего повторяла то выразительное слово, начинающееся с буквы «г»..., слово, известное каждому французу любого сословия я пола чуть ли не с рождения и хранимое в уголке памяти про запас для того, чтобы выразить в критические моменты все свое раздражение.

Признание неудачи, констатация бедственной, действительно безнадежной ситуации, протест против злосчастной судьбы и всех тех врагов и предателей, на которых она возложила вину, скрытый упрек в собственной глупости, заставляющий бить себя в грудь и считать себя глупой, — все содержалось в этом слове, коротком и одновременно символическом, в этом крике позора, бессилия, но и неистового бунта против неба и людей, и, повторив это несколько раз, Анжелика чувствовала себя лучше. Этот крик должен был быть услышан и понят тем, чьей обязанностью это было.

Оглашая криком окружающее пространство, она испытывала облегчение и обретала мужество. Ее рассуждения снова становились более спокойными, и благодаря своему характеру в конце концов она начинала смотреть на вещи здраво и оптимистично.

Фактически ругаться было не к чему. Продуктов должно хватить на несколько дней, а за это время могло быть найдено решение или же мог прибыть караван. Она рывком вставала с постели, выпрямляясь, встряхивала волосы, платье, как бы освобождаясь от ощущения беды. Иногда она разражалась громким смехом, когда видела вытаращенные глаза, полные лукавства и возмущенного изумления, Шарля-Анри и даже близнецов — этих маленьких «негодяев», как говорила Иоланда — всегда настороженных и внимательно слушающих запретные слова, не пропуская ни одного из ее сильной обвинительной речи против несправедливости и этой «мерзости», то есть жизни.

— Вставайте, малыши! Сегодня не так холодно. Мы должны идти искать капканы Лаймона Уайта.

Детям очень нравилось выходить, когда позволяла погода, и она понимала, что это не только из удовольствия побродить на свежем воздухе, но и от счастливой возможности снова открывать свое такое первозданное место обитания.

Для них это всегда был Вапассу. Новыми глазами смотрели они на опустошенный пейзаж, как бы стараясь узнать в изменившемся лице дорогого человека.

Дети были правы. Никто не мог бы вычеркнуть из памяти счастливые моменты, пережитые в Вапассу, совершенные дела, успехи, вызовы...

Она сказала им: «Я построю для вас королевство». Это было не королевство. Это слово на американской земле казалось им неправильным. Это была маленькая

республика. При этом дети по вечерам взяли привычку играть в «Маленькую республику».

Она спрашивала:

— Кто живет в нашей «Маленькой республике»?

И они старались вспомнить лица людей, которых они любили и чье отсутствие ощущали.

Шарль-Анри выступал в роли переводчика для близнецов, когда она не могла понять, что они в большом возбуждении пытаются вспомнить или объяснить.

— Они говорят о Колен, о собаке, о Гренадин...

Она поощряла их воспоминания, интересуясь образами, которые запоминались им и позволяли оценить их индивидуальность.

— И вы помните того самого? И ту самую? Она была милая? Ты говоришь, что он был плохой? Что он сделал, что не понравился тебе, Раймон-Роджер?

Она рассказывала им о тех, кто оставил след в их воспоминаниях или которых они забыли, придавая рассказываемому аромат легенды, изображая их как героев романа, и эпизод за эпизодом рассказывала о деяниях, совершенных их друзьями, обитателями «Маленькой республики».

Эта хроника давала ей также возможность снова более пристально увидеть каждый образ. Портреты, комментарии к которым, часто остроумные, делали дети, добавляли интересные и иногда неожиданные детали.

Эти разговоры позволяли им забытья, погрузиться в приятные воспоминания, уйти от монотонности быта, прерываемой только очень короткими периодами завтрака, обеда и ужина, а также ожидания другого спасительного момента забытья — сна. К счастью, дети не отдавали себе отчета в этом неизменном ежедневном ритме, который постепенно упорядочил их жизнь; в них еще чувствовалось живое устремление

играть, прыгать, бегать или предаваться этим специфическим детским занятиям, которые взрослые определяют как «занятия чепухой». Иначе Анжелике было бы очень трудно продолжать придавать вид нормальной их жизни заживо погребенных.

Вспоминая всех их друзей, обещая скорую встречу с ними, она как бы наполняла живым присутствием это убежище, слишком безлюдное для детей, привыкших с рождения жить в коллективе. Ей самой было приятно вспоминать счастливые годы, прожитые рядом с Жоффреем, и ту беспокойную жизнь, созидательную и многообразную, в которой всегда присутствовали помощь друзей и их энергичное участие.

И постепенно Анжелика осознала роль, сыгранную ею в недавней трагедии, последний акт которой — смерть графа де Ламени-Шамбора — вызывал у нее сердечную боль.

«Я их остановила!»

Пришельцы, рассчитывая воспользоваться их отсутствием, как в первый раз в Катарунке, нашли ее в Вапассу.

Если бы ее не было там или она капитулировала, они могли продолжить продвижение на юг, вдоль Кеннебека, и могли захватить без боя рудники и различные поселения, которые принадлежали Жоффрею де Пейраку, и затем Голдсборо. С Голдсборо, возможно, не обошлось бы без боя, но в этих условиях, с помощью Сен-Кастин или без нее, знамена короля Франции заменили бы на главной башне форта другие — с серебряным гербом независимого дворянина.

Такая ситуация, утвердившись однажды, могла бы потребовать больше усилий для разрешения, чем нынешняя.

Вапассу был сожжен, однако мстители отца д'Оржеваля этим и ограничились. Они снова поднялись наверх, в северном направлении.

«Я их остановила!»

Она ставила себе это в заслугу, чтобы обрести храбрость.

По правде говоря, на этот раз, несмотря на спокойный внешний вид, она и Жоффрей не позволили застать себя врасплох.

По мере того как идут годы и накапливается опыт, необходимым становится не столько желание всегда оставаться с теми, кто жив и защищен, что может стать не всегда возможным, сколько обретение шестого чувства, позволяющего прибыть вовремя для оказания помощи в уязвимых точках обороны крепости, иногда даже не зная об угрозе.

И он и она, живя вместе, формировались этой неосознанной игрой в оборону ненамеренно и почти безотчетно.

Их инстинкт необыкновенно развился. Подумав, они понимали, что принятое решение — ему сопровождать Фронтенака, ей возвращаться в Вапассу, несмотря на нежелание расставаться, — следует считать естественным, потому что это то, что следует делать.

Удача неизменно сопутствовала им при своевременном достижении слабых пунктов в обороне, взятых на прицел неприятелем.

Это не означало, что им удалось спасти все и, как говорится, «снова опериться».

Однако это была лучшая стратегия или та, которая позволяла избежать худшего.

«Худшего удалось избежать, — повторила она, с вызовом глядя на ледяные просторы, ежедневно и ежечасно менявшие окраску в зависимости от освещения. — Это закон, логический закон природы. Он сыграл в нашу пользу. Мы успели вовремя к бойнице, к которой уже приблизился враг, и вовремя вооружились. Зачем ты, природа, даешь волю слепой жестокости без цели?»

Стоя на вершине холма, она разговаривала сама с собой, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Через несколько дней она перестала говорить вслух и шевелить губами, потому что и это требовало энергии, но по-прежнему настойчиво обращалась к своему единственному собеседнику — пейзажу, с постоянной сменой ощущений: от страха до эйфории, от уверенности до боязни, до злобы, от уверенности в покорении своего подавленного состояния до отказа сопротивляться этому слепому гнету.

Через эти ощущения она постепенно начинала видеть инертность природы, ее окаменелую неподвижность, жестокость человеческой судьбы и обещание ее величия.

Она олицетворяла человеческий род на пороге Эдема, тяжелые врата которого, охраняемые ангелом со сверкающим мечом, закрылись за ее спиной. Перед ней холод, голод, боль, забота о хлебе насущном. Но также и красота, тайна скрытых сокровищ, секрет утешений в этом жизненном испытании, который, давая о себе знать, постоянно питает стремление жить.

На эти почти ежедневные прогулки она отправлялась как на любовное свидание, как на бал или праздник.

К этой радости примешивалось чувство ожидания, уверенности в том, что в этот раз, в этот день она увидит какое-то движение вдали, приближение каравана, прибытие помощи.

Она также знала, что, если горизонт остается безмолвным, она может получить причастие, цветок надежды.

Через грандиозное представление проходил поток надежды, укреплявший ее существо и делавший для нее понятными спасительные истины: «Через меня ты можешь созерцать улыбку Господа!»

Стоя на площадке или на краю рва, она делала несколько шагов вперед, как бы помещая себя в центр одиночества, в котором ее присутствие как человеческого существа, хрупкого, но с этим маленьким живым сердцем, этой красной и горячей кровью, циркулирующей в венах, приобретало решающее значение.

Этот день, этот рассвет, оргия цветов, линий, форм казались сценарием лирической оперы.

Глава 47

В это утро на востоке завеса ночи поднялась над двумя тучами, похожими на дюны из слоновой кости, окаймленные золотом. Они стояли неподвижно за горой Катаден. Изменение их окраски возвестило восход дневного светила.

Космические корабли, нагруженные угрозами или, наоборот, щедрыми утешениями.

Кап и они, Анжелика, стоя на куче мерзлого снега, ждала солнца.

Она поднялась очень рано и первым делом сняла с углей большой котел, чтобы плеснуть горячей воды на кожаные петли двери и раскрыть ее. Если в один прекрасный день деревянная обшивка, железные крепления и петли покроются льдом, ей не хватит сил сдвинуть эту тяжелую дверь и открыть доступ наружу.

Если ночью шел снег, она разогревалась, сгребая снег лопатой и очищая порог и ступени, вырубленные во льду и позволяющие выбираться из этого рва, который каждую зиму становился все глубже. С этой проблемой они столкнулись во время зимовки в Вапассу. Первоначально их теперешнее жилище служило приютом для четырех горняков, устроенным под склоном горы, внутри которой проходили галереи рудника, и представляло собой настоящую нору. Так что, уже наполовину погребенных под землей, снег засыпал их еще больше. Работы по расширению и благоустройству форта, проводившиеся в течение нескольких лет, не изменили главного входа. Поэтому каждое утро она должна была убирать выпавший снег, чтобы расчистить проход.

Выглянув наружу, в начинающую бледнеть ночь, Анжелика оценивала силу ветра и мороза и если они

были терпимыми, выходила из жилища и поднималась на возвышение, расположенное в нескольких шагах, которое позволяло ей окинуть взглядом горизонт, освещенный восходящим солнцем.

Когда она была не в состоянии убирать снег, она поднималась на площадку через люк. Отсюда тоже можно было охватить взглядом весь горизонт, но не так детально, как с возвышения, потому что склон, к которому лепилось жилище, заслонял часть озера Вапассу, носившего название Серебряного. Теперь, покрытое толстым слоем снега, оно образовало у ее ног большое белое пространство.

В период сильных холодов, когда погода ухудшается, предрассветные часы кажутся менее трудными. Если нет метели и порывистого ветра, кажется, что мороз ослабляет свои тиски, милостиво дает передышку.

Анжелике нравилась эта погода, как бы обещающая улучшение.

Ее не страшила мысль остаться одной там, в бесконечном мраке неба и земли, не пропускавшем никакого света. Она частично утратила ощущение времени, и когда начинал разливать дневной свет, открывая эту безмолвную белую пустыню, глухую и неподвижную, она не хотела допускать, что пришел тот период года, когда, как в прошлые зимы, обитатели Вапассу имели обыкновение говорить или думать — не она, а те, кто придавал этому значение — «зима закрылась».

Во всяком случае, она шла туда не для того, чтобы обдумывать свое одиночество. Это была жизнь, движение, к которому она была чувствительна в этот величественный момент, повторяющийся каждый день и в то же время всегда разный, когда всходило солнце.

Эта была жизнь. Она была в движении. Разговаривала. Театр раскрывался ей в каждой точке

горизонта. Сцена никогда не была одинаковой.

Иногда солнце удавалось увидеть в течение дня единственный раз. Сквозь прозрачный туман поднимался огромный розовый щит и затем исчезал, как будто поглощенный тяжелой завесой из туч.

Но в другой раз перед глазами разворачивался великолепный спектакль, акт за актом, пока, разорвав все завесы и заглушив все инструменты оркестра, солнце не проходило своим путем в чистом мире, вновь ставшем в этот День белым и голубым.

Сейчас два облака за более высокой горой казались двумя темными китами, неизвестно как появившимися из бледно-голубой дали. Спины у них были темные, серого цвета, предвещающего бурю, а живот ослепительной белизны. Их форма удлинялась, расширялась и разделялась, образуя острова, реки, пляжи цвета меда на реках с голубой водой слегка зеленоватого оттенка. Из этого чистого нефрита всходила золотая звезда.

На западе рождающийся свет уже заставил сверкать рубиновые точки, умножал пригоршни разбрасываемых на лету драгоценностей, аметистов, жемчуга, алмазов на фоне темной и неровной массы сияющих гор.

В неясных долинах тучи выделялись своим темно-серым цветом и лениво растекались над реками и ручьями, заполняя их излучины.

Этот облачный покров неторопливо расстилался от одной точки к другой. День мог быть солнечным. В полдень, пожалуй, можно будет вывести детей. И, как каждое утро, покидая площадку или террасу, она колебалась, не решаясь возвращаться, как бы околдованная.

Чтобы решиться вернуться, надо было дождаться, когда холод начнет пронизывать до костей и когда не будешь чувствовать ни рук, ни ног. Один раз она даже

опасалась, что у нее отмерзнет нос, как это случилось с Эфросиной Дельпеш, квебекской крестной матерью, оставшейся следить за действиями госпожи Капель-Моржа. Вернувшись в тепло, она с беспокойством рассматривала себя в зеркало, решив больше не допускать подобной неосторожности. Если бы через день-два ей пришлось вернуться в Версаль, она бы почувствовала себя плохо с лицом, сохраняющим неизгладимые следы путешествия в Новый Свет. Шрамы служат символом славы только для мужчин.

***

Однако в это утро что-то ее удерживало. Несколько раз она возвращалась от самых дверей к своему наблюдательному пункту со смутным чувством, что что-то ускользнуло от ее внимания. Внезапно ее охватило сомнение.

Между этими блуждающими и далекими туманами, скопившимися над замерзшими озерами и пропастями с заледеневшими водопадами, ее взгляд остановился на далеком пятне беловатого цвета и почти прозрачном, переменной формы, которая то закруглялась, как от дуновения ветра, то вытягивалась вверх в чистом и неожиданно спокойном воздухе, как белая нить. Сначала круглое пятно, затем белая нить, которая удлинялась, но не перемещалась.

Обнаружив его, она больше не сводила с него глаз, и почти задержала дыхание, чтобы лучше разглядеть. Оно было бесконечно далеко и не было уже плодом сновидения.

Но его нельзя было спутать ни с туманом над рекой, ни с облаком.

Это был дым.

***

Она вернулась в дом вне себя от радости и не в состоянии верить этой хрупкой примете.

Действительно ли это был дым?

Несколько раз в течение дня она выходила наружу проследить за этим едва видимым знаком и всякий раз убеждалась, что он на том же месте.

— Ты опять уходишь, — хныкали дети.

В конце концов она не сомневалась: это был дым. И за дымом были люди. Кто бы это ни был, это означало спасение.

***

Перед наступлением ночи она вышла еще раз. Глядя в том направлении, где наблюдался дым, она не могла различить ни одной красной точки в сумеречной тени, выдававшей присутствие огня.

— Ну конечно! — ободрилась она. — «Они» покинули место и погасили огонь, потому что продолжили путь в нашу сторону.

Она наблюдала так долго, что, когда почти глубокой ночью решила вернуться в форт, ей трудно было двигаться, настолько она замерзла.

Несмотря на неудачные попытки обнаружить красную точку, она продолжала считать увиденное раньше многозначительным признаком, дающим новые поводы для надежды.

«Они» приближаются, поднимаются к ней. Эти огни означали привал перед последним этапом пути, который, может быть, приведет их в Вапассу этой же ночью.

Еще несколько часов, и затем люди из рудника Со-Барре, Круассан и, может быть, Голдсборо могут скатиться в снежный ров прямо до дверей, как в тот первый раз, когда под проливным дождем они нашли там укрытие после Катарунка, и будет большой праздник: О'Коннел, Лаймон Уайт, Колен Патюрель...

Она зажгла огонь в большом зале. Чтобы приготовить им хороший прием, она не могла сделать ничего больше, как предложить водку и вино.

Она предусмотрела и маяк — снова вышла и закрепила в снегу большой факел.

Приготовила соломенные тюфяки и одеяла и подождала еще.

Всю ночь она была настороже, следила за огнем, прислушиваясь к малейшему поскрипыванию снаружи, надеясь услышать звук шагов или голоса, доносимые ветром, и бросаясь им навстречу, на порог в ледяную ночь.

Но даже утром никто не пришел и тишина по-прежнему была главным властителем.

Однако, поднявшись на платформу, она убедилась, что далекий дым все еще на том же месте, как бы насмехаясь над ее ожиданием; он то поднимался малыми хорошо заметными клубами, то рассеивался совсем, чтобы затем появиться снова. Этот дым был всегда там, как человеческое дыхание, которое свидетельствовало о жизни, как вздохи на поверхности земли.

***

Тогда она решила подойти ближе, чтобы посмотреть. По крайней мере она попыталась бы приблизиться настолько, чтобы объяснить себе это явление. Если там находились люди, это было спасение, случай, который нельзя было упускать. Ее беспокоила мысль, что надо оставить одних трех детей, пусть даже на несколько часов. Они были такие маленькие. Она сделала тысячу наставлений Шарлю-Генри: в частности, не приближаться к огню, который она приготовила из кусков торфа, горевших медленно и не дававших высокого пламени.

— А если огонь погаснет?

— Ляжете в постель под одеяло, чтобы согреться. Вы не будете лежать долго. Я вернусь до наступления ночи.

Она надела штаны Лаймона Уайта, его плащ из грубой шерсти, опустила капюшон на шляпу и, кроме того, укрыла голову одним из тех шерстяных беретов, которыми пользовались все мужчины Вапассу.

Выбрав из снегоступов самые легкие, она взяла кремневое ружье и повесила на пояс рожок с порохом и мешочек с пулями.

Дети проводили ее до ворот, обещая быть примерными.

«А если со мной что-то случится? Несчастный случай? — говорила она себе с тревогой. — Что будет с ними?»

Она вспомнила свое беспокойство, когда во время набегов в Пуату оставила Онорину, которой было только восемь лет, привязанной к подножию большого дерева, чтобы бежать на помощь своим людям, в бой, была ранена пулей, потеряла сознание и очутилась в тюрьме, не зная, что стало с девочкой, оставленной в одиночестве в лесу.

Не ведая, что ждет ее в конце похода, она вернулась в комнату и написала на листе бумаги: «В форту Вапассу находятся трое детей. Помогите им ради Бога», — и сунула записку в карман камзола. Если она будет ранена, если... Необходимо все предвидеть и действовать «как если...».

Но в действительности она была убеждена, что устремляется в это предприятие только чтобы снять невыносимое сомнение: действительно ли это был дым или нет? Чего больше всего она боялась, так это стать жертвой миража.

Она нашла детей в большом зале, где было больше места для игры, чем в комнате.

— Можете немного поиграть здесь, и не выходите.

— Даже чтобы покататься на озере? — спросил разочарованный Шарль-Анри.

— Боже мой! Нет! Не выходите, я вам говорю.

— Даже чтобы поиграть в снежки?

— Даже чтобы поиграть в снежки, — повторила она.

— Прошу тебя, будь примерным человечком, будь старшим братом, как Томмас. Вспомни, что он тебе говорил: «Выполняй приказ». Мой приказ: не выходить.

Что касалось близнецов, у них был один приказ: слушаться Шарля-Генри.

И повторив ему еще один раз, что надо и что не надо делать, ода в последний раз обратилась с молитвой к их ангелам-хранителям и устремилась по равнине.

Она продвигалась вперед, не сумев измерить расстояние, которое должна была покрыть. Она не знала, близко ли находится точка, к которой она направлялась и с которой не спускала глаз, или до нее несколько дней пути.

Этот дым, маленькое пятно, то пропадавшее, то возникавшее снова, казалось дыханием умирающего, и его прекращение могло бы стать для нее почти смертельным и в любом случае потерей безумной надежды.

К счастью, с каждым шагом дым все больше принимал реальные очертания в ее глазах, которые слезились от холода и постоянного усилия не потерять из виду в этом слепящем свете бледно-голубой след, ставший в определенной точке более отчетливым и близким под завесой черных деревьев.

На опушке леса люди разожгли костер. Не видя их, она была уверена в их присутствии.

Теперь ее осаждали другие мысли. Люди! Друзья? Враги?

Люди, которые видели ее приближение, этой неясной и неуклюжей фигуры, движущейся по безбрежному белому пространству, думая, что перед ними зверь, могли даже выстрелить в упор.

Совершенно неожиданно в этот момент к ней приблизилась с левой стороны полоса довольно плотного желтоватого тумана, окутывая своим покрывалом.

«Так лучше», — подумала она.

Ее вел уже ясно ощущаемый запах дыма. Он был опьяняющим. И, несмотря на возможную опасность, Анжелика дрожала от нетерпения.

В один момент почва под снегоступами куда-то пропала.

Продвигаясь в облаке тумана, покрывшего все вокруг, она слишком поздно заметила край глубокого обрыва. Она только успела ухватиться за выступающий ствол невысокого деревца.

Глава 48

Анжелика наклонилась над обрывом. Именно оттуда со дна обрыва, поднимался ленивыми спиралями дым, образуя дымовой слой, который смешивался с густым туманом.

В этот момент сук, за который она ухватилась и который весь был покрыт льдом, обломился, как сделанный из стекла, и она покатила в обрыва, ударяясь о камни» но не причиняя себе вреда благодаря толстому слою снега, увлекаемому за собой.

Она очутилась на дне оврага, почти погребенная снежным обвалом, и ей стоило большого труда выбраться наружу, найти потерянное оружие и одну из сорванных с рук перчаток. Снег набился ей в рукава, за воротник и в капюшон.

Двигаясь подобно пловцу, она сумела выбраться на более твердую почву, рядом с полузамерзшим ручьем.

Перед ней поднимались ледяные столбы водопада, «прыжка», как называли его в этих местах. Она находилась у подножия водопада, скованного льдом и безмолвного, который задерживал дым, выходящий из заостренных куполов двух индейских вигвамов, полузасыпанных снегом, этих убежищ, которые кочующие индейцы быстро сооружают из гибких жердей, покрываемых корой вяза или березы. Через щели в коре, даже не растапливая при этом снег, просачивался дым, признак жизни.

Повсюду вокруг, несмотря на свежавыпавший предыдущей ночью снег, были видны следы ног. Она заметила сани и упряжь, и ей показалось, что она слышит рычание собаки внутри одной из двух конур, накрытых белым.

Держа палец на курке, она затаилась в ожидании. Она была лишена всякого человеческого общения в течение стольких недель или даже месяцев, что была в нерешительности и боялась встречи. Друзья? Враги? Или канадские охотники?

Полог из коры, служивший дверью, отодвинулся. Появилось лицо индианки с украшением из бусин на лбу, но сразу исчезло, уступив место индейцу, своему господину и повелителю, который, чтобы выйти из вигвама, наклонил голову с высоко собранными лоснящимися волосами, украшенными черными вороньими перьями. Выпрямив, голову, он заметил непрошеную гостью, стоявшую в нескольких шагах за кустами.

По орлиному профилю, короткому подбородку и маленьким блестящим глазам она заключила, что перед ней индеец из племени южных абенаков, похожий на Пне карета. Казалось, вид карабина не произвел на него впечатления.

Она издали окликнула его и приветствовала на родном языке. Он ответил на французском.

— Привет. Мое имя Пенгаши, я из Федерации Вапаног. Откуда ты явился, юноша?

По-видимому, он принял ее за молодого бледнолицего. Она показала рукой в сторону обрыва.

— Из Вапассу, оттуда сверху.

Он сощурился, чтобы лучше разглядеть ее.

— Я думал, что там все умерли. Издали я видел развалины форта и домов.

Ей показалось, что, услышав ее имя, он был приятно удивлен. Она сказала также, что осталась в Вапассу одна с тремя детьми.

— Подойди поближе! Входи! — повелительно сказал он, отступив в сторону, освобождая узкий вход.

Оставив снегоступы у порога, она проскользнула в вигвам. При закрытой двери или, точнее говоря, с

установленным на место щитом из коры, прикрывающим вход, было уютно в этом тесном помещении, в котором можно было находиться только в сидячем положении. Внутри было много густого дыма, но Анжелика сразу уловила запах похлебки, исходивший из горшка, поставленного на угли, из которого двое или трое детей разливали в деревянные миски остатки содержимого.

Они, конечно, были очень бедными, и она не решилась попросить у них поесть. Пенгаши рассказал, что зима настигла их раньше, чем он успел продать свои меха на летней ярмарке на берегу Нью-Гемпшира. Он не успел также вовремя поохотиться и закоптить мясо и рыбу, необходимые для зимнего пропитания.

Без запасов провизии, вынужденный оставить меховые шкуры в тайнике под деревом, он поднялся к внутренним горам, чтобы соединиться с людьми своего племени, которые, в свою очередь, находились примерно в таком же положении и поэтому были рассеяны по большой территории в поисках возможности выжить, каждый по-своему. Его старший брат уговорил его отправиться на север и провести зиму под защитой белых из Вапассу. Но после долгого и утомительного путешествия он повстречал несколько отдельных небольших групп абенаков и альгончинов, сбившихся с пути, которые рассказали ему, что форт Человека Грома разрушен и там не осталось живой души.

Однако он не захотел этому верить и продолжил путь, затем увидел издали почерневшие руины, примирился с судьбой, но прежде чем выбрать другое направление, не имея провианта, нашел место для непродолжительной остановки на время, необходимое для установки нескольких капканов в надежде поймать дичь, которая стала крайне редкой из-за ранней зимы.

Он сделал остановку на три дня. Занятый только установкой капканов и охотой, перед тем как отправиться в дальнейший путь, он не думал подниматься ближе к Ваг-пассу и искать там следы жизни и объяснил это тем, что ни разу не видел дыма над фортом.

Он намеревался продолжить путь на север, чтобы найти приют для своей семьи в миссиях вдоль реки Ришелье или в форту Святой Анны.

Разговаривая, он курил трубку короткими затяжками с удовлетворенным видом человека, убежденного в абсолютной правильности своих действий.

— Ришелье? Форт Святой Анны? Но они очень далеко, — заметила Анжелика. — Почему вы не хотите подняться до Квебека, идя вдоль Ла-Шодьер? Вы бы сократили себе путь.

Он покачал головой. Он слышал разговор, что войско нового губернатора зимует в фортах Ришелье, а также озер Сан-Сакраменто и Шамплен и что осенью лодки доставили туда из Монреала большое количество провианта.

Там они не только не будут страдать от голода, но и он сам окажется на месте, чтобы принять участие весной в большой кампании, подготавливаемой против Пяти Племен ирокезов.

Неожиданно он захотел узнать имена детей, оставленных в форту и, услышав ответ, снова остался им очень доволен.

— Шарль-Анри! — повторил он несколько раз. Затем, наклонившись к ней с хитрым видом, доверительно сообщил:

— Я деверь Дженни Маниго.

Оказалось, что он приходился братом Пассаконавею, вождю пемакоков, похитившему Дженни, к которому

она добралась после своего бегства, оставив сына Шарля-Генри на попечение Анжелики.

Пенгаши считал, что его старший брат совершил зло, похитив француженку.

«Вначале мы все сказали ему это, родственники и друзья. Брат мой, будь осторожен, — повторили мы. — Ты похитил француженку, и наши бледнолицые союзники-канадцы рассердятся на нас». Тогда он решил найти убежище в Зеленых Горах, но позднее известил меня, что его пленница исповедовала ту же религию англичан, приверженцы которой распяли нашего Господа Иисуса Христа, и что по этой причине ее французские соотечественники могли отнестись к ней как к пленнице, если бы было предложено вернуть ее им. И вместо того чтобы выкупить ее, французы могли отдать ее другим абенакам в качестве военной добычи. Поэтому он понял, что никто не стал бы ее похищать, остерегаясь как одних, так и других.

В последний раз, когда Пенгаши увиделся со своим братом, вождем, Пассаконавеи готовился отправиться со своей семьей, состоявшей из Дженни с ребенком, его матери и молодого двоюродного брата, потерявшего всю семью в войне с королем Филиппом.

Зима заявила о себе слишком сурово в Зеленых Горах. Он хотел вернуться на побережье, не вызывая подозрения английских колонистов, которые во все большем количестве продвигались к горам вырубать лес, и чуть не снял свое украшение из перьев, видя повсюду вооруженные отряды северных канадцев, французов и абенаков, пришедших за скальпами.

Пассаконавеи не был крещеным, как он, Пенгаши, ставший христианином, как и его семья и родственники. Пассаконавеи опасался белых людей, которые могли прийти и забрать у него Дженни, французов, поскольку она была их рода, я англичан, поскольку была одной

религии с ними. Он был бы счастлив, если бы Пенгаши привез Дженни известия о сыне.

— Если я пойду на север, я не смогу повидать твоего брата и рассказать Дженни о ее сыне, — сказала она.

Однако эта оценка времени и расстояния не произвела никакого действия на индейца. В любом случае кампания против ирокезов вынудила бы их оставаться недалеко от места, где скрывался Пассаконвей и его маленькое племя.

После уничтожения ирокезов Пенгаши мог бы последовать за одним из отрядов, имевшим намерение собрать скальпы англичан у жителей границ, благодаря чему он оказался бы на сопредельной территории Нью-Гемпшира и Зеленых Гор. Там он бы сумел удалиться за несколько дней от мест боев, чтобы найти своих.

В вигваме Пенгаши были две женщины. Та, что была моложе, кормила грудью младенца, привязанного к подвеске. Она была старшей дочерью, муж которой был убит упавшим деревом во время их похода.

«Снег выпал слишком рано. Многие деревья с еще не опавшими листьями ломались под тяжестью снега».

Вторая женщина, жена, смотрела на Анжелику с неприязнью. Несмотря на тесноту жилища, она занялась туалетом и принялась смазывать волосы топленным медвежьим жиром. Краснокожие всегда уделяли большое внимание своим волосам. Эта индианка даже в условиях такой походной жизни не отказалась от своих привычек. Она спросила Анжелику, не может ли она подарить ей черепаховый или костяной гребень, так как ее собственный, деревянный, сломался.

Пенгаши, недовольный, шикнул на нее, и Анжелика поняла, что он упрекает жену за бездумное расходование медвежьего жира из их иссякших запасов.

Старшая дочь, молодая вдова, в свою очередь, спросила, может ли белая женщина дать ей корпию для новорожденного. Она тоже сердилась на зиму, потому что не успела сделать достаточный запас той пушистой массы, которая получается из камыша или истолченной древесины ели и используется для ухода за грудными детьми и предохраняет от порчи меховую одежду. Индеец снова прервал речь своей дочери, браня обеих женщин за то, что они использовали древесную муку для обезжиривания волос перед мытьем и последующим повторным смазыванием. Их волосы, вечно их волосы! А у них нечего есть.

Однако спустя мгновение он сам попросил у Анжелики для себя спирт и одеяло, поскольку ему не удалось во второй раз обменять меха и привести с кораблей или из лавки голландца товары, в которых он нуждался.

Анжелика сожалела, что не взяла с собой спирт. Она отправилась в дорогу настолько убежденная, что идет к миру, что не имела даже мысли взять с собой что-нибудь, хотя бы те мелочи, которые служат обменным товаром. Она снова начала рассказывать о себе. Она одна в этом небольшом форту с тремя детьми, один из которых Шарль-Анри. У нее есть дрова для обогрева, но иссякает запас продуктов. Она ждет помощи, за которой отправился ее оставшийся в живых спутник, но до последнего момента никто не пришел. А снег полностью засыпал капканы.

Разговаривая, она не могла удержаться, чтобы украдкой время от времени не бросить взгляд на миску с медвежьим жиром и остатками маисовой похлебки, которую дети после продолжительного спора отдали собаке, терпеливо ожидавшей их решения и жадно набросившейся на еду.

С проницательностью, типичной для представителей его расы, Пенгаши, продолжая курить,

по всей вероятности, понял немой язык ее взглядов. Он докурил трубку и, подмигнув, пригласил ее следовать за ним.

Выйдя наружу, он направился ко второму вигваму и знаком предложил ей войти вместе с ним. Внутри было двое стариков: мужчина и женщина с белыми косами, сидевшие с большим достоинством в глубине вигвама. Мужчина в меховой шапке курил свою маленькую трубку из красного камня и время от времени протягивал ее старой женщине, делавшей несколько затяжек. Девочка, по виду двенадцати лет, сидя на корточках у очага, тщательно выскабливала шкуру, удаляя последние полоски мяса и жил, которые всякий раз бросала в маленький горшок, поставленный на головни очага в центре жилища.

Анжелика и ее хозяин нашли место, чтобы присесть. Пенгаши объяснил, кто эта женщина и причины ее визита. Они слушали его, не переставая курить короткими затяжками, с лицами, на которых не дрогнул ни один мускул, настолько, что хотелось спросить, понимают ли они, что говорит им их сын. Он не позволил себе нарушить их безучастный вид и выжидал в соответствии с правилами хорошего воспитания.

Разглядывая маленькую индианку, погруженную в работу, Анжелика улавливала на себе ее любопытные взгляды, обратив внимание на светлые глаза девочки на худеньком личике, потемневшем от загара и жира, но позволявшем различить даже веснушки. Несмотря на жир, которым они были смазаны, ее волосы, уложенные в косички и поддерживаемые на лбу лентой, украшенной раскрашенными бусинками и иглами дикобраза, имели золотистый оттенок. Она тоже была маленькой английской пленницей.

— Мой брат был без ума от своей бледнолицей пленницы. Ко мне тоже пришло желание иметь такую же в моем вигваме. Несколько лет назад мы

сопровождали экспедицию Черной Одежды с отрядом союзников, который спустился до окрестностей Портмута. Там я похитил эту девочку. Она была такой маленькой и такой светлой. Я был тот, кто надел ей на ноги ее первые мокасины. Я нашел возможность скроить и сшить их во время бегства через лес, поскольку Иеннгли преследовали нас и мы были вынуждены убить почти всех других пленников, которые не могли следовать за нами. Я обул ее в эти мокасины. А потом все кончилось. Она больше не была девочкой Иеннгли. Через небольшое время она будет достаточно взрослой для того, чтобы стать моей женой. По этой причине она не нравится Ганите, и я оставил ее как служанку моим родителям.

Анжелика слушала его, менее внимательная к его словам, чем к жестам.

Он прошел в глубину вигвама, приподнял щит из коры, служивший стенкой, и втянул вовнутрь объемный сверток, завернутый в кожи и покрытый снегом. Аккуратно закрыв отверстие, он грубым голосом приказал маленькой служанке раздуть огонь. Прежде чем развернуть шкуры, затвердевшие от мороза, он подождал, пока в вигваме снова не стало тепло. Не без гордости он показал на большой замороженный блок розоватого вещества. «Позавчера я удачно поохотился. Молодая лань. Но я не рассказал всего моей жене Ганите, потому что она сразу бы захотела устроить пир. У нее нет ума. Мои родители говорить не станут. Они ценят, что я очень бережлив. Зима — коварный и жестокий враг, и никогда нельзя предусмотреть всего необходимого для защиты».

Он взял в углу старое остро отточенное лезвие сабли и тремя-четырьмя решительными взмахами вырезал большой кусок мяса треугольной формы, который обернул так же аккуратно отрезанным куском шкуры. Приказав маленькой служанке зашить края

шкуры, что она сделала быстро и ловко, через другое отверстие в стенке вигвама он втащил внутрь мешок, из которого извлек две репы и мешочек, завязанный тесьмой. Развязав ее, он с усердием скупого, пересчитывающего свои золотые монеты, сосчитал черные или коричневатые кусочки легкого продукта, который, судя по всему, представлял для него очень большую ценность.

Поколебавшись, он добавил два или три комочка, подумал мгновение, встряхнул мешочек и, по-видимому, изменив свое решение, отсыпал еще. Наполнив ладонь, он попросил Анжелику принять этот драгоценный дар.

— Раствори в бульоне эти маленькие лесные плоды. Они хорошо помогают при земляной болезни.

Он говорил о цинге.

Она рассыпалась в благодарностях.

— Я деверь Дженни Маниго, — ответил он, как будто эта родственная связь накладывала на него обязательства по отношению к ней.

— Нет ли у тебя какой-нибудь вещи, которую я бы мог показать ей при встрече? Мой старший брат любит называть меня лжецом. Так я смогу доказать, что говорю правду.

Анжелика стала искать, что могла бы оставить краснокожему для подтверждения Дженни его встречи с ней. Для Дженни достаточно написанного слова. Однако у нее не было ни бумаги, ни чернил, не было на ней в этот раз и драгоценностей, не считая кольца, ставшего слишком большим для ее пальца. Наконец она сняла его почти машинально и вручила Пенгаши, объяснив, что Дженни может узнать это кольцо, поскольку видела его на ее руке.

— Ты можешь дать мне еще твой карабин? — спросил абенак, положив кольцо в кошелек, висящий на шее, который носят на груди все индейцы. — Я имею право на карабин, потому что крещен.

Жест великодушия, который наполнил радостью индейца, стоил ей дорого, но, учитывая весь арсенал оружия, собранный в форту Вапассу, она могла позволить себе это.

Пенгаши ликовал.

— У меня тоже есть маленький подарок, который дала мне Дженни для своего сына, но мне уже не удастся найти его. Бьюсь об заклад, что его ukrала у меня эта сумасшедшая и бешеная Ганита. Но я задам ей хорошую взбучку. Возвратись сюда через три дня. Кто знает, может быть, с карабином, если Великий Дух будет добр ко мне, я буду иметь немного мяса, чтобы поделиться с тобой.

Хотя и крещеный, он, если дело касалось охоты, предпочитал обращаться к Великому Духу.

Она пообещала принести ему спирт, одеяло для старой матери и корпию для младенца.

***

Радость от мысли, что она принесет домой пропитание на несколько дней, облегчила и ускорила обратный путь. Она вернулась домой засветло.

С чувством облегчения она прижала детей к сердцу. Какими смелыми они оказались, такие маленькие, ожидая ее без страха, не теряя головы и не делая глупостей.

— Мы поели, а потом спали, — сказал Шарль-Анри.

Она воздержалась от немедленного разговора о его матери.

Этот Пенгаши смутил ее своими планами возвращения к Зеленым Горам. Удастся ли этому бедняге добраться по крайней мере до северных миссий? Ей следовало повременить несколько дней, прежде чем снова отправиться к стоянке индейцев.

В эти дни начал дуть резкий ветер. Сухой, но одновременно и ледяной, он, как стальная пыль, разъедал поверхность снега. Она выжидала, понимая,

что не сможет сделать и двух шагов за ворота, как будет опрокинута на землю и, если захочет двигаться на четвереньках, покатится кубарем, и ветер начнет швырять ее и в ту, и в другую сторону; и еще она поняла, почему Пенгаши поставил свои вигвамы на дне оврага.

Наконец пришел день, когда ветер начал ослабевать, оставляя под низким и сумрачным небом гладкий пейзаж, покрытый ледяной коркой. Хвойные деревья была черными, как нарисованные тушью, без снега на иголках, а лиственные были голыми, цвета кости, с ветками без сучьев, похожими на канделябры. Но было уже дневное время, и она ждала следующего дня, чтобы отправиться к стоянке индейцев. Она намеревалась взять с собой бутылку спирта, гребень, немного корпии и два одеяла из английской лимбургской шерсти для стариков, хотя сама имела их в обрез.

Ночью снег начал сыпать крупными хлопьями. Боясь заблудиться при таком снегопаде, она переждала день, и еще один. Теперь ветер больше не дул, но снег продолжал падать, сырой и безмолвный. На следующее утро наступил момент покоя. Хлопья снега, все более ленивые и редкие, постепенно перестали падать.

На западе очистился участок горизонта, небольшой, однако достаточный для того, чтобы знать, в каком направлении идти.

Как и в предыдущий раз, сделав необходимые наказания Шарлю-Генри и кое-как освободив вход, она вышла за ворота и пустилась в путь по равнине. Против всякого ожидания, она обнаружила, хотя и очень слабые, следы своей старой лыжни., Вдали по-прежнему было туманно и облачно, и на этом безмолвном горизонте трудно было различить признаки дыма маленькой индейской стоянки.

Небо становилось все более низким, снег стал падать снова.

Он был густым, но ветер, превративший уже потемневший пейзаж в неопределенную стену, еще не поднялся и, по всей вероятности, мог не подняться вообще. Тогда она продолжила путь.

На этот раз она запаслась связкой палок, чтобы отмечать ими свой путь. Очень скоро она пожалела, что ни заготовила более длинных палок, потому что густой снег своими рыхлыми хлопьями грозил погрести их до ее возвращения.

Несмотря на снегоступы, с каждым шагом она погружалась в снег по колено. Она медленно продвигалась вперед, более неуклюжая, чем медведь, придерживаясь едва заметного собственного следа.

Как и первый раз, дойдя до обрывистого края оврага, она потеряла равновесие и скатилась вниз по той же снежной борозде, смягчавшей удары. Ей понадобилось больше времени, чтобы освободиться от снега, но в этот раз она не потеряла ни снегоступов, ни перчаток.

Овраг имел призрачный вид: деревья казались длинными гигантскими свечами с каплями мертвенно-бледного воска, исчезнувший водопад сливался с затопленными скалами.

Следов вигвама не было видно.

«Они ушли отсюда...»

Затем, приблизившись, она различила округлую форму одной из хижин и, обрадованная этим, не была смущена тем, что не видно никакого признака дыма. На ее оклик никто не ответил. Она подняла деревянный щит, отодвинула полог из коры и различила две старческие фигуры, сидящие на полу, рядом друг с другом со скрещенными руками, старик в своей меховой шапке, а старуха в вышитой повязке, украшенной

перьями, в той позе, в какой она оставила их в прошлый раз.

Она приветствовала их. Мелкая снежная пыль, залетая через отверстие в крыше, припудривала почерневшие угли в очаге и двух стариков, отмечая белым цветом складки их одежды.

Казалось, они не обращали внимания на этот мелкий снег, постепенно покрывавший их, и бесстрастно смотрели на нее своими потухшими глазами.

Только спустя долгое мгновение, заметив погасшую трубку, положенную перед стариком, и ощутив, что все пространство заполнено неуловимым дуновением этой пыли, она поняла, что они мертвы.

Когда Пенгаши и его семья приняли решение переселиться через заснеженные пространства и ураганы, в направлении столь же далеком, сколь неопределенном, для предка пришел момент сказать: «Сын мой, я остаиваюсь. Здесь заканчивается мой след».

Согласно ритуалу и традиции, Пенгаши оставил им вигвам в качестве укрытия, последний зажженный огонь, последний горшок, поставленный на угли с двумя последними порциями маисовой похлебки, последнюю щепотку табаку для трубки отца, после чего, аккуратно установив на место щит из коры, служащий дверью, сопровождаемый женой, сыновьями, старшей дочерью со своим младенцем и пленницей-англичанкой, медленно двигаясь на снегоступах, неся и волоча за собой последнее скудное имущество, он продолжил путь на север, на поиски французских миссий и факторий.

Анжелика оставалась неподвижной, стоя на коленях перед двумя полными достоинства мумиями, пока не заметила, что снег начинает оседать на ее одежде, и не почувствовала, что коченеет от холода.

Инстинктивно она протянула руку к горшку. Но, как она и предвидела, он был пустым и уже наполовину заполнен снегом.

Неторопливо они выкурили трубку, передавая ее друг другу, после чего старый индеец положил священную вещь перед собой. Подождав, когда погаснет последняя головня в очаге, они разделили между собой последние куски земной пищи. После этого, положив руки на колени, в темноте, которая становилась все более холодной, они стали ждать прихода смерти.

Когда упавшая ветка продырявила крышу вигвама, они были уже далеко, на пути к равнине Великого Духа, туда, где только тепло и свет.

В мертвенно-бледном свете, проникавшем через дыру в крыше, она, не чувствуя усталости, созерцала их, удерживаемая против своей воли, без мыслей, не зная почему, этой жуткой возвышенной и спокойной сценой. Они настолько казались живы, что она должна была подавить неосознанное желание укрыть их плечи принесенными одеялами.

Постепенно ее оцепенелое внимание привлекло что-то необычное. На раскрытых ладонях этих двух почти священных фигур лежали какие-то непонятные комки. Они напоминали большие куски затвердевшей грязи, припудренной снегом.

Но приблизившись, она разглядела, что это была пища. Два больших куска замерзшей мучной похлебки с кусочками мяса и сухими фруктами. Последняя еда, к которой они не прикоснулись.

Дрожа от безумной радости, она оторвала пищу от мертвых ладоней и, помедлив, взглядом спросила их: «Это для меня? Вы знали, что я вернусь?»

На груди у них, среди амулетов из медвежьих зубов, игл дикобраза, пол у светлы к раковин, четок и подвесок она увидела сверкание тех маленьких золотых

крестов, которые своими руками изготавливают крещеные индейцы юго-восточных районов.

Должна ли была она видеть в этом высшее подношение Богу бесконечного милосердия, почитать которого научили их Черные Одежды?

Должны они были подумать, что значит иметь одной порцией больше на земле, в то время как они собирались отправиться туда, где будут всегда сыты? Белая женщина и белые дети из Вапассу были голодны.

Полная благодарности, она опустила трофей в сумку. В руке умершей была еще одна сумка, которую она тоже взяла, поскольку посчитала ее частью подношения.

Она уже выходила из вигвама, когда натолкнулась на что-то, завернутое в шкуры, не замеченное раньше. По форме предмета она догадалась, что это стальной капкан для мелких пушных зверей, и вспомнила, как рассказала Пенгаши о неудачных поисках капканов, поставленных немым англичанином осенью.

В обмен на карабин индеец оставил ей одну из своих охотничьих принадлежностей, которая давала ей последнюю возможность найти пищу.

Пятясь на коленях, она выползла из вигвама, бросив на стариков последний взгляд.

«Спасибо! Спасибо! Да благословит вас Бог».

Ока поставила на место и тщательно пригладила щит, закрывающий вход в вигвам, после чего как можно лучше закрыла отверстие в крыше, чтобы уберечь их возможно дольше от проникновения хищных животных.

Глава 49

Когда Анжелика ослабила тесемку маленькой сумки из кожи, найденной рядом со старой индианкой, и опустила туда руку, она обнаружила у себя в ладони две сережки, сделанные из маленького граната, оправленного чеканным серебром. Эти сережки носила Дженни Маниго из Ла-Рошели в тот день, когда была похищена индейцами.

Анжелика с волнением рассматривала их, надеясь на этот раз, что ее кольцо когда-нибудь попадет к этой бедной девочке. Она была почти готова передать этот подарок Шарлю-Генри и рассказать ему о его матери, но удержалась.

Голод сделал их всех очень слабыми. Их чувствительность обострилась. Любой пустяк смущал их, задевал, и никогда нельзя было знать, как они будут реагировать на малейшее волнение.

То, что испытывала она, взрослая, испытывала и, дети, хотя отвлечь их было легче, и она опасалась нарушать спокойствие ребенка.

Она знала, что он не сохранил приятных воспоминаний о своей одиссее с отцом, который в течение двух сезонов носил его из вигвама в вигвам. Он всегда избегал говорить об этом и не отвечал на намеки. Если, с другой стороны, он узнал в ней свою мать, может быть, это разделение не оставило у него раны? Вызвало бы напоминание о ней тоску, заставляя погрузиться в меланхолию? В Вапассу он научился смеяться, но на это потребовались долгие месяцы.

Подумав, она опустила обратно в сумку эти скромные украшения.

В будущем она передаст их ему, когда он подрастет или когда они выйдут из этого кошмара и снова все

соединятся, сидя вокруг богатого стола у Абигаль, которую он очень любил, потому что только она скрасила его детство брошенного ребенка.

Как только это стало возможным, она установила капкан, оставленный Пенгаши, на некотором расстоянии от форта. Для прикрытия она использовала дерево, установив капкан в месте, где вероятнее всего могла проходить дичь, пожертвовала мясную котлету для приманки, спрашивая себя, именно ли это должна делать, упрекая себя за то, что не проявляла большего интереса к правилам пользования этими орудиями смерти. Оружие браконьера! Ее отец, мелкий землевладелец, проклинал крестьян, которые тайком мародерствовали в его заповеднике, чтобы бросить себе в кастрюлю зайца. Схваченный на месте преступления браконьер рисковал жизнью и мог быть повешен согласно феодальному закону. Однако Сансе де Монтелу всегда были слишком бедны, чтобы оплачивать услуги лесного сторожа, и барон никого не повесил. Иногда соседние землевладельцы, доведенные до голода, как и их крестьяне в неурожайные годы, устраивали облавы на их землях, чтобы подстрелить одного-двух оленей, которых затем делили между собой.

Смутно думая об этом, она трогала пальцем жесткую стальную челюсть капкана, грозившего захлопнуться на ее запястье.

Здесь, в Америке, как белые, так и индейцы охотились на дичь с ружьем. Многие охотились также с луком, поскольку огнестрельное оружие оставалось преимущественно у вождей, но при этом оно получало все более широкое применение. Капканы использовались для ловли пушных зверей, мех которых служил обменной монетой для индейцев, привозивших его весной белым купцам, «путешественникам» и «собираателям шкур», приезжавшим к индейцам На

своих лодках, и обмен на такие товары, как топоры, ножи, сабли, печные горшки, водку и множество предметов, без которых индейцы не могли обойтись.

С самого начала в Вапассу не была разрешена торговля мехами, и по этой причине Анжелика так мало разбиралась в ней. Ей было неприятно думать об этих срабатывающих капканах, захлопывающихся на маленьких лесных зверьках, этой мрачной музыке, которая звучала в обширных лесных массивах. Она считала себя поглупевшей. В юности она не была такой чувствительной к животным. На нее повлияла Онорина, имевшая манию отождествлять себя с любым мучимым невинным созданием.

Она встретила человеческие существа, и тем не менее после этого ситуация показалась ей хуже прежней. Они дали ей пищу на несколько дней, но отняли надежду.

Посещение этой маленькой семьи, блуждающей по белой пустыне, дало ей почувствовать ту степень изоляции, в которой она находилась.

Ей пришла в голову мысль, что Пенгаши мог бы рассказать о ней. Ведь он знает, что она жива.

Но удастся ли Пенгаши выжить? Бесконечная дорога, смертельные бураны. Застигнутая зимой дичь исчезла как в небе, так и на земле. С ружьем индеец получал какую-то возможность выжить. Разумеется, она не сожалела, что оставила ему оружие.

На крайний случай индейцы могли бы съесть собаку.

Ей приснились бобы с салом и бостонская фасоль, которую они ели в Салеме со сливками и патокой, и тогда она позвала на помощь Рут и Номи. Она проснулась с криком разочарования, испугавшим детей.

Воображение рисовало ей горы дымящихся блюд, как на королевском столе.

Эти последние годы были отмечены сверкающей жизненной силой, аурой земной красоты и духовного

опыта, которая придавала всему особый смысл, отличающийся от пережитого раньше.

В первые дни она думала об их прибытии в Новый Свет.

Она думала о Валли, кобыле, беспокойной и измученной, как она сама, вступившей в схватку с гигантской черепахой, символом ирокезов.

«Лошади! Лошади!»

Прошлой осенью, во время атаки индейцев, когда она уже бежала к хижине Лаймона Уайта, чтобы укрыться, она в какое-то мгновение увидела лошадей, скачущих галопом, вдали, через прерию, охваченных паникой, поняв, что это конец Вапассу и что надо спасаться. Она не знала, причиняет ли ей это видение боль или успокаивает.

— Они спустятся к югу. Они будут стремиться к равнинам и плоскогорьям. Свободные, они снова обретут свой инстинкт и собьются в табун.

Но Мэн был такой непроходимой стеной, покрытой лесами и обрывами, к тому же слишком рано наступила зима.

«Не думай об этом. Лучше представь себе, что они счастливы снова найти большие пространства. Они привыкли жить на свободе, и в конце лета некоторые снова стали дикими и неукротимыми».

Дети закричали, а Шарль-Анри склонился над ней.

— Вы плачете, мама! И кричите: лошади! лошади!

Она выпрямилась, опершись на подушки, и прижала к себе троих малышей.

— Не плачьте больше. Я видела, как они неслись галопом. Не надо грустить. Они сумеют найти свою дорогу. Они уйдут в те места, где меньше снега и много травы, и они заселят Америку.

Она должна была бороться с безумием безмолвия и заставляла себя разговаривать с детьми, не давая притупить их вниманию.

Она говорила им, что глуповатая на вид собака оказалась очень сообразительной. Она ушла до пожара к в определенном смысле известила о нем. И ушла на поиски Онорины, которая находилась у ирокезов. Когда Онорина вернется, она научит их стрелять из лука.

Их похудевшие мордашки прояснялись, когда произносилось имя Онорины.

«Онорина, моя маленькая. Мое сокровище».

Онорина может выжить. Она была сильнее всех.

Глава 50

Анжелика начала сомневаться, что «худшего удалось избежать». «Ты обманул меня! Ты обманул меня! — говорила она с упреком немоу горизонту, когда поднималась на площадку. — «Ты обещал... Мы привезли тебе кров и живительный дым очага. Мы привезли тебе союз людей доброй воли. Труд людей, огонь их сердец и силу таланта».

Худшим итогом может стать смерть детей, а затем и ее самой. И она думала о Жоффрее, если он получит это известие о нем, говорившем: «Теперь я мог бы жить без вас».

Он, такой одинокий, такой осуждаемый; она не могла сделать ему такое. С ее исчезновением именно она могла бы нанести последний удар этому неукротимому человеку. Она обеспечила бы триумф его врагам, поклявшимся сломить эту жизнерадостную силу, этот свободный дух.

Он получил бы право на вечный упрек. Он сказал бы ей:

— Ты разорвала мое сердце, только ты могла это сделать. Я не позволил заманить себя в сети Любви, потому что ты исчезла, оставив меня беззащитным перед теми, кто поклялся погубить меня: епископами, верующими, глупцами, невеждами, педантами, ревнивцами, бездарными и посредственными людьми, слабыми и вдохновенными тиранами, подобно тому Королю-Солнцу, который соперничал со мной из-за тебя, Анжелика, любовь моя, но тем не менее тирану, что само по себе отвратительно; ты оставила меня, забрав у меня все мои силы, как Далила с волосами Самсона.

— Нет! Нет! Не говори так. Я обещаю тебе, что останусь в живых, — вскричала она.

Нет! Было бы ужасно, если бы дети умерли, а она осталась в живых, появившись перед ним, как в первый раз, без детей! Адский замкнутый круг, возобновленная история, написанная жестоким хроникером, которая разрывала их сердца. И хор посредственностей, хор разрушителей, который с радостью провозглашал: «На этот раз, на этот раз они побеждены!»

«Не думай об этом! Не думай об этом!» — говорила себе Анжелика, когда ее воображение шло по этому тревожному пути. Она понимала, что в таком случае ее силы иссякают без пользы.

У нее не было больше храбрости даже жаловаться по утрам на судьбу, как она делала это раньше. Просыпаясь, она не употребляла больше энергичных выражений Двора Чудес, приходивших ей на ум, но в полусне она замечала, что бормочет: «Бог мой! Бог мой! Бог мой!», возгласы, которые прыгали по поверхности ее сознания от отчаяния, как пузыри.

И каждый знает, что это уже обращение к крайнему средству; когда оно обнаруживается в человеческом существе, даже убежденном, что может выбраться из какого-либо затруднения собственными силами, это означает предвиденье конца своих земных надежд и высшую степень безнадежности.

Никто! Никакое человеческое существо!

Можно ли верить в Бога? Бога, который остается Богом, который, как гласит молитва, «повсюду, в любом месте!».

Иов, сидя во прахе, жаловался Богу:

«Может быть, ты не сцедил меня, как молоко, и не отжал, как сыр...»

«Иов! Не надо забывать... В конце концов Бог, вернул ему все».

Ясно видно, что все это написано мужчинами, а не женщинами!

***

Она стала варить ремни, куски кожи, чтобы сделать студень, добавляемый к скудной и экономно распределенной пище. Самое большее, еще два или три дня. А потом? Уступая детям свою суточную порцию, она отказывалась от еды и поддерживала себя спиртом.

Ее преследовал страх галлюцинаций. Необходимо было смириться. Последствия голода все больше давали о себе знать.

Она наливала немного спирта на ладонь, и растирала детей, чтобы придать им силы. Обыскав все углы, она обнаружила на дне жестяной байки остатки кофе. Лаймон Уайт имел свои маленькие слабости. Это был счастливый день. Приготовив кофе со всей возможной старательностью, она пила его, как драгоценный нектар, и чуточку дала детям. Шарль-Анри сделал глоток.

— Он противный.

Однако выпил его с жадностью, и после этого все трое казались не такими оцепеневшими.

Отправиться в дорогу. Дойти до леса, туда. Сможет ли она это сделать? Кого она там найдет? Снег не переставал падать. Сегодня она не дотащилась бы до оврага Пенгаши.

***

Она доходила до капкана, и всегда он был пустым. В конце концов она срезала приманку, которая могла еще послужить им пищей.

Однажды она вышла при сильной метели на поиски капкана, заблудилась и сумела вернуться в форт только благодаря очень слабому запаху дыма.

В другой раз в пути она упала в обморок, пришла в себя от холода и сумела, непонятно как, дотащиться до форта.

***

Когда погода ненадолго улучшалась, она еще заставляла себя утром открывать дверь и подниматься,

чтобы наблюдать восход солнца, удаление от дома, в котором находились дети, казалось ей почти бегством. У нее не хватало мужества смотреть, как они слабеют. Особенно когда они спали. Она разогревала их озябшие тела отваром из смеси многих успокоительных трав, которые еще имелись в запасе. Во сне они забывали муки голода. Но она вспоминала рассказы старой Ревекки из Ла-Рошели. Старой Ревекки, которая, когда она была молодой матерью трех детей, пережила осаду Ла-Рошели при кардинале Ришелье. «Что можно найти в городе, когда все, что может употребляться в пищу, съедено? Травинка не успевает вырасти между двумя камнями булыжной мостовой...»

— Старший из детей умер первым, — рассказывала она. — Однажды утром я думала, что он спит, а он был мертв.

Тогда Анжелика бросалась к изголовью детей и ловила их дыхание на бледных губах.

После этого она снова поднималась на возвышение. Стоя перед горизонтом, она поднимала руки, сложив ладони, как в мольбе, жрица, одна совершающая жертвоприношение.

Буро-серая окантовка гор протянулась на фоне желто-розового неба. «Почему ты такая жестокая, — кричала она природе, — такая прекрасная и такая равнодушная?»

А затем она была лишена и этих мгновений, в которых черпала силы и ощущала себя занятой делом, так как двигалась и выходила.

В этот вечер закат резкого желтого цвета контрастировал с голубым морским цветом гор. Было красиво, но беспокойно. Ночью началась пурга. Неистовство стихии разбудило детей, хотя и привыкших к завываниям зимних ночей и хлопанью ставен.

Анжелика опасалась, что крыша может не выдержать. Она благодарила небо, что форт так

надежно закреплен в земле и скалах.

Она прижимала к себе детей, целуя их и успокаивая словами:

— Это пройдет, пройдет. Это только временно. Однако черные эскадроны пурги продолжали атаковать.

Ночи и дни следовали друг за другом так, что нельзя было различить, когда был день, а когда — ночь.

Глава 51

Собрав всю свою энергию, она должна была двигаться в том тесном пространстве, которое у нее еще оставалось. Если бы она затаилась в этой единственной комнате, в дальнейшем у нее не было бы сил подняться, и она бы постепенно погрузилась в смертный сон с обнявшими ее малышами, вплоть до момента, когда, не будучи больше в состоянии отдавать им свое тепло и свои жизненные силы, она и их обречет на последний непробудный сон рядом с ее ледяным телом.

— Встань! Двигайся!

Она вставала, стараясь держаться прямо и двигаясь как автомат. Набрасывала на плечи плащ привычным ежедневным жестом. Открывала дверь комнаты и выходила в коридор с той же решительностью, с какой он имела обыкновение в любое время года и в любой день выходить на порог главного жилого дома в Вапассу, проходить внутренние дворики, осматривать конюшни и склады, обходить ограду, посещать ближайшие лагеря индейцев, фабрики, за стеной, ходить от семьи к семье. Сейчас снаружи пустыня. В этот день в большом зале она заметила, что дверь, заваленная снегом, мешает ей выйти. В другой раз — обещала она себе, — когда она почувствует себя более сильной, она постарается ее открыть, чтобы добрести, шаг за шагом, до капкана. Сумеет ли она найти дорогу, очистить снасть от выпавшего снега? Она принялась ходить по комнате, стуча ногами в пол, чтобы услышать звук своих шагов.

Она подошла к окошку — единственному отверстию, через которое еще мог проникнуть до дна их убежища

дневной свет, хотя и скудный, подобно мутной воде. Может быть, отсюда будет легче выскользнуть наружу.

Ножом она рассекла завесу из шкуры. Проем почти полностью закрывала ледяная стена. Через прорезь проник колючий холод, хлестнувший по лицу. Чтобы защититься, она подняла воротник плаща до самых глаз. Ее взгляд блуждал по снежному пространству, на которое невидимый источник света наносил мазки медного цвета: заря или закат? Она наблюдала достаточно долго и решила, что это сумерки. Так, по крайней мере, можно было определить чередование дней и ночей. Лишь бы буря не возобновилась и не окутала мир своей вечной ночью.

Она вновь установила на место шкуру, служившую стеклом, и уложила перед окошком защитный слой из мха и меха, закрепив его гвоздями. Раз у нее оставались охотничьи принадлежности, надо было умело пользоваться ими. Каждый день ей приходилось отгибать край этого щита, закрывавшего окно, чтобы проследить за изменением погоды и температурой. От слабости она покрывалась потом, но понимала, что во время работы к ней возвращаются силы, потому что необходимо двигаться и заниматься делом, когда мороз доводит до окоченения и делает неподвижным тело и душу.

Она накормила детей, считая каждый кусок, озабоченная их аппетитом, который не удавалось насытить, ухаживала за ними, баюкала, снова закутывала в шкуры дикой кошки, чувствуя, что надежда возвращается к ней при виде улыбок, смеха, звуках голоса. Однако успокаивал и ободрял ее только их сон, хотя детей и не оставляла беспокоящая ее апатия. Когда они не спали, она слишком ясно видела, в чем они нуждались, и каждый день боялась заметить первые признаки страшной болезни, цинги, то есть признака смерти.

Еще оставались какие-то продукты: сало, солонина, маис на три-четыре дня, может быть, больше.

Потом есть уже было нечего. Проглотив последние куски, дети свернулись клубком в своем оцепенении. Голод мог прийти раньше цинги. Сама она, потерявшая уверенность и спокойствие, гнала от себя картину их последнего сна. Поднявшись до окна, напрягаясь всем телом, она выбралась из прорытого хода и встала на ноги, крича:

— Не хочу видеть их смерть!

Продолжая бежать по ледяному сверкающему насту, повторяя: «Не хочу видеть их смерть!», она подумала, что удаляется от форта точно так же, как в пустыне Агар уходила от дерева, под которым умер ее сын Исмаил.

Споткнувшись, она упала прямо на челюсти капкана, в который попала белая зайчиха, почти невидимая на этом белом фоне снега, заледеневшая и твердая, как сам капкан.

Чудом ей удалось освободить ее от капкана, действуя руками, защищенными шалью, и пользуясь ножом. Взяв зайчиху в руки, она прижала ее к груди.

«Спасибо! Спасибо, сестричка! Какая ты хорошая! Какая смелая, что пришла сюда!»

Никогда она не ощущала такой сильной и тесной связи между человеком и животным. Животное, которое, казалось, говорило человеку: «Я согласно... Возьми меня, пользуйся мной, чтобы выжить, теперь, когда по твоей вине мы все потеряли земной Рай».

Я расскажу об этом детям.

Еда еще на два или три дня!

«Спасибо, спасибо, сестричка!»

И это был знак. Знак того, что они смогут дойти до конца туннеля. Что те, кто был на пути к ним, неся спасение, придут вовремя. Она баюкала маленького

зверька, окоченевшего, с большими торчащими ушами.
«Спасибо, спасибо, сестричка!»

***

На следующий день она вернулась к капкану.

Из остатков мяса, соскобленного со шкуры зайчихи, и истолченных костей она приготовила наживку, которая могла привлечь более крупных и хищных животных. Зарядила капкан.

Однако она не смогла вернуться к нему, потому что пурга разыгралась снова, продлевая заключение обитателей форта, и каждая попытка выйти и отдалиться означала идти навстречу верной смерти.

Призрак голода замаячил снова.

***

Был печальный вечер. Продукты кончились. Приближалась смерть.

Пурга за оградой стихла. Анжелика пошла в большой зал, чтобы попытаться освободить проем окна, однако на этот раз она убедилась, что выход стал недоступный. Все было закупорено и загромождено. Снег, лед или упавшее дерево? День или ночь? Она не могла знать. По ее расчетам выходило, что была ночь. Но какая польза в подсчете дней и часов? Они умирали. Она ходила туда и сюда по большому залу, пустому и холодному. Даже ее мозг начал стремительно работать, заставляя заново переживать этапы жизни, которые привели ее к этому мгновению.

Горькая желчь, сжигавшая ее внутренности, от голода и отчаяния превратилась в волну горечи, которая поглощала все ее мысли.

Она видела себя в центре необъяснимого переплетения враждебности, которая сопровождала ее в течение всего существования, и отчетливо осознавала, что, привлекая к себе друзей, она никогда не была свободна от врагов. Не от жестоких врагов, знавших, по какой причине они хотели уничтожить ее. А

от природных, профессиональных врагов, если можно так их назвать.

Просто от врагов, которые были ее врагами, потому что не могли быть ее друзьями.

Какую ошибку совершила она, чтобы заслужить это наказание? Она не могла смириться? Должна ли была она смириться?

«Но я подчинилась любви...»

«О, моя любовь, — воскликнула она, — это только ты и всегда был только ты. Я обещаю тебе, мы еще уедем. Больше мы не вернемся. Мы отправимся в Китай или в любое другое место, какое это имеет значение! С тобой».

Она ходила по комнате взад и вперед, как зверь в клетке, и чувствовала, что строит новые жизненные планы, в то время как в засаде ждала смерть.

Вопросы теснились у нее в голове. Мы были неправы в том, что не поняли? Не смирились? Нельзя быть правым по отношению ко всем, ко всему миру? И особенно по отношению к представителям Бога?

Ломени заклинала ее.

«Мы не имеем права забывать уроки нашего детства и что при рождении нам была дарована благодать крещения. Смерть святого напомнила мне об этом. Дорогая Анжелика, покоритесь... потому что я чувствую, вы будете неправы по отношению к нему».

Предсказание подтвердилось.

Но Анжелика, растерянная, обессиленная, продолжала терзаться.

«За какую непростительную ошибку, совершенную мной, я должна заплатить смертью моих сыновей? Мне не доставало смирения? Кто мне это скажет? Кто признает нас? ЕСЛИ БОГ МОЛЧИТ... И кто тогда карает его посланников, бросающих вызов?!»

«У нас не доставало смирения?» — повторила она, обратив взор во все углы комнаты, как бы приглашая

собеседников, спрятавшихся в тени, которую не мог рассеять жалкий свет зажженного факела.

«У нас не хватает веры, уверенности, храбрости?» — кто скажет мне это?

Конечно, в обвинителях недостатка нет. Но кто скажет мне: «Ты не ошиблась. Ты утешала меня своим рвением.

Ты не передала послания».

***

Она ждала. Все было тихо. Факел издавал звук, похожий на плач, короткий и слабый, тоже затухающий.

Все рухнуло.

Они грезили о Новом Свете. Работали, чтобы построить его. Она полюбила Вапассу, Голдсборо, Салем и Квебек. И Квебек сменил Вапассу, а в один день Рут и Номи были вздернуты на виселицах Салема.

Проходили чередой лица. Она впервые видела то, что скрывалось за их общим внешним видом. Все было таким ясным и прозрачным отныне.

Иллюзии! Она жила только иллюзиями! Иллюзии, которые у нее кристаллизовались в этой наивной картине Голдсборо.

Она остановилась. Ее возбуждение спало. Занавес, перед которым она слишком долго томилась, поднялся, и вот, по крайней мере, она не должна больше питать пустых надежд. Сколько раз она мечтала, что придет день, когда она поселится в Голдсборо, среди своих друзей, и все станет приятным! Трудности будут преодолены. Больше не будет ожидания. В этом состоянии опустошенности, вызванном голодом и тревогой, ее мозг стремительно продолжал работать, как мотор на высоких оборотах, который ей не удавалось остановить, однако во всей этой череде мыслей, на вид противоречивых и непоследовательных, присутствовали логика и ясность.

Главное было не в том, чтобы служить Богу, Главное было в форме ритуального повиновения, в соответствии с которой она решилась служить ЕМУ.

Дух исчез за жесткими и точными схемами, догмами и обычаями, которым они поклонялись, больше заботясь о сохранении своей веры и больше боясь потерять, чем угодить Всевышнему.

Ломени предвидела правильно. Со святым не ведут борьбу. А этот святой решил вести свою войну с тремя принципами, которые он порицал.

Прежде всего ЖЕНЩИНА, соперница мужчины в сердце Бога и развратная по природе, затем КРАСОТА, которая в его глазах была вовсе не небесным даром, а западней Сатаны, и, наконец, СВОБОДА ДУХА — дверь, открытая для всякой ереси, и кроме того, недопустимая в женщине.

И сегодня, когда уже все из благодетельной и огромной работы было потеряно, ни один палец не поднялся бы для обвинения, ни один голос не воскликнул: «Иезуит, вы преступник! Вы разрушитель!»

«Он торжествует победу! — сказала она себе, — а мы погибли».

Состояние, напряженное, как натянутая тетива, разом спало.

У нее поникли плечи.

«Он торжествует победу, — подумала она с унынием. — Ах, почему, почему же он должен торжествовать так?»

В этот самый момент, когда на смену экзальтации пришло, подобно душной волне, берущей верх, сознание теперешнего тяжелого состояния, она услышала какой-то звук, похожий на удар в дверь, отдавшийся в почти могильной тишине маленького форта, засыпанного снегом. Звук был коротким и неожиданным, но вполне отчетливым.

Что-то ударилось о дерево, и в то время как она, дрожа, затаила дыхание, не веря слуху и не в состоянии определить, с какой стороны точно пришел этот шум, раздался второй удар, более глухой, похожий на сильный удар кулаком по входной двери, дубиной или прикладом ружья, кто знает? Затем все стихло.

На этот раз она не сомневалась. Два хороших раза ударили в дверь.

Оставаясь неподвижной, она прислушалась еще раз к загадочной тишине и свисту ветра, чтобы убедиться окончательно, что она не стала жертвой галлюцинации.

Дрожь недоверчивой радости пробежала по ее жилам, с бурлением, шелестом шелка, подобно ручьям во время оттепели, чуть ли не лишая ее чувств и прерывая дыхание, в то время как всю ее сотрясал озноб. У нее было такое же ощущение, какое заставило ее вскочить на ноги однажды вечером, во время первой зимовки в Вапассу, когда им грозил голод, а за стеной завывала пурга и неоткуда было ждать помощи. В тот раз не было никакого удара в дверь, взволновавшего ее, а только внезапное чувство чьего-то присутствия. Она тогда сказала ровным голосом:

«У двери кто-то есть».

И о госпожой Жона они приблизились к двери, этой самой двери, в то время как их спутники покачивали головами, насмехаясь над ними. Согнувшись от усилия, две женщины открыли тяжелую дверь, всю покрытую льдом. И в вихрях пурги они различили обнаженные фигуры, которые высывались из снежных рвов. Это был Тагоунтагует и его могауки, посланные Уттаке и Советом Матерей ирокезов доставить им провиант.

В этот раз та же радость ожидания чуда охватила ее с такой силой, что она могла упасть при малейшем движении.

«Я знала, что он должен прийти — Уттаке! Уттаке! Я знала, что он не мог покинуть меня, что «они придут!»

Она дрожала всем телом. Скоро она сможет накормить своих детей фасолевым супом, горячим и заправленным измельченным сушеным мясом. Ах, маленькие! Какой это будет суп! И еще дикий рис, несколько горстей этих прозрачных и бурых зерен, на поверхности озера Иллинойс, ложного овса, который оставляют для прорастания в небольшом количестве теплой воды и затем используют против цинги...

Хватит ли у нее сил открыть эту, дверь? Должно хватить.

Неуверенным шагом, волоча, как, старуха, негнущиеся ноги, она подошла к двери.

Подняв перекладину, повернув ключи в замке и уже взявшись за тяжелую створку, она замерла в нерешительности. А если это была галлюцинация? Нет! Нет! Разве она не хранила постоянно в сердце, не признаваясь в этом, надежду, что повторится чудо той первой зимовки?

Ей пришлось бороться, как в кошмаре, с дверью, чтобы открыть ее, выходящую как бы в опасную пропасть, полную затаившихся чудовищ. И, сделав усилие, чтобы выдержать тиски холода, она подняла глаза к верхней части рва.

Пурга не была такой сильной, как в прошлый раз. Между рваными тучами цвета черной жести, стремительно несущимися по свинцовому небу, появилась луна.

Перед дверью искрился белый гребень высокой снежной насыпи на фоне, в котором непрерывно и беспорядочно чередовались темнота и слабый свет.

Может быть, это ей приснилось?

Она жадно всматривалась вокруг глазами, слезящимися от холода. Ей хотелось любой ценой сохранить живой эту надежду. Она как бы держала на весу огромный груз, который в случае падения мог разбиться, а она могла лишиться жизни. Нет! Нет! ЕЙ

это не приснилось! Она слышала удар, даже два. Она чувствовала, чувствовала, что что-то произошло. Что-то переменилось, пришло в движение, нарушив неизменную и жестокую тишину, окружавшую их и державшую в плену. Ночь перестала быть безлюдной, к ней добавилось присутствие человека.

Всматриваясь в снежную насыпь, она сделала шаг вперед, но в этот момент луна скрылась за сплошными темными тучами, которые внезапно бросились на штурм неба, как бы раскаиваясь в том, что несколько секунд они бездействовали, дав себе передышку. Чувствуя скорое возобновление пурги, она сделала еще несколько шагов, споткнулась и чуть было не упала, задев за что-то.

Она натолкнулась на лежавшую в снегу твердую темную массу, показавшуюся ей большим камнем, брошенным у порога. Тронув его рукой, она нащупала складки необычной ткани, кожи или грубого полотна, уже начавшие покрываться снегом! Мешок! Большой мешок! Продукты! Провиант!

Значит, это ей не приснилось!

«Они» пришли.

Она схватила этот мешок, который, по всей видимости, сброшенный с верхнего края рва, застрял между стенками и преградил вход-Мешок был огромный, раздутый и изобиловал выступами.

Фасоль? Маис? Сушеная тыква?

Продукты!

Не имея сил, чтобы передвинуть его, она сменила тактику. Лихорадочно, голыми пальцами, с которых мороз, казалось, сдирал кожу, она попыталась нащупать неровность, чтобы приподнять мешок и оттащить к легкому уклону, ведущему ко входу.

Она была слишком слабой. Она подумала было о возвращении в дом, чтобы взять перчатки, но ничто на

свете не смогло бы заставить ее оставить добычу из-за страха, что в случае ее ухода сон прервется.

Пурга разразилась неожиданно, заслонив луну, опустив небо почти до земли и низвергая в ров, в котором она стояла, снежные вихри, угрожая за несколько секунд погresti под собой и ее, и мешок, который она всеми силами пыталась сдвинуть.

Наконец на одном конце мешка она нащупала более удобную складку, ухватилась за нее, сдвинула мешок и, птясь на коленях, наклонив голову, чтобы защититть ее от снежных шквалов, пядь за пядью сумела найти порог и войти в большую комнату, волоча мешок по полу, сопровождаемая снежными вихрями.

Слабый свет факела колебался в углу комнаты.

Оказавшись, наконец, под защитой стен и опасаясь, что пурга погасит факел, Анжелика снова побрела к выходу, чтобы закрыть тяжелую дверь, прежде чем обильно сыплющийся снег сделает невозможной эту операцию.

Собрав все силы, она встала. Ее утомляло малейшее движение. Она сгребла снег, плотно закрыла дверь, сдвинула засов, повернула ключ в замке и установила на место поперечный брус.

Снова наступила тишина. Анжелика, обессиленная, оперлась о створку двери, чтобы не упасть.

Затраченные усилия были такими большими и изнурительными, что чувство радости и ликования, испытанное при виде этого мешка перед дверью, прошло. Остались только грусть и усталость. Силясь не упасть в обморок, она прерывисто дышала, хватая ртом воздух, который, подобно горячему пламени, проходил через ее легкие, горло и губы, ставшие сухими и нечувствительными, от холода.

Зал, казавшийся ей незадолго до этого холодным, казался теперь перегретым. Она успокоилась и приободрилась, закрыла и снова открыла глаза.

Мешок все еще лежал на полу, этот мешок, в котором заключалось спасение для нее и ее детей.

В полумраке зала форма мешка показалась ей странной. Тусклый свет факела, отбрасывая тень, делал его чрезмерно длинным.

Охваченная сомнением и неожиданным предчувствием, она подошла к мешку и стала на колени. Успевший растаять снег открыл длинный кокон из грубо выделанной шкуры, перевязанный снизу доверху кожаной тесьмой.

Но на одном конце она была развязана, и через образовавшуюся узкую щель Анжелика, охваченная внезапным страхом, различила как бы лицо человека.

Потрясенная, она протянула руку и откинула то, что было похоже на капюшон.

Ей открылось лицо человека, почерневшее, как после ожогов, с восковыми веками, бледными и опущенными. Она окаменела, подавленная невыразимым разочарованием.

Это был не мешок, полный продуктов, оставленный у ее двери.

Это был труп.

***

Ее рассудок отказывался понимать. И то ликование, которое она испытала несколько раньше — обнаружив у порога, — теперь бесследно прошло. Пусть бы этого никогда не случилось! Пусть это будет неправдой! Судьба не имела права так забавляться ее несчастьем! Наверное, эта голова мертвеца в темном капюшоне только шутка? Что за странное шутовство?

По бледности опущенных век, которые выделялись на темном лице, покрытом пятнами отморожений и жесткой черной бородой, она поняла, что труп принадлежал белому, по-видимому, французу. На лице запеклась также черноватая кровь. Тонкие темные

линии губ, приоткрытых на фоне белых зубов, придавали лицу выражение мрачного оскала.

Заблудившийся охотник на пушного зверя? Может быть, он, исчерпав последние силы, умер у ее двери? Но нет! С самого начала он не показался ей бесформенным тюком. Теперь было ясно видно, что тело плотно зашито, с головы до ног, в вывернутую шкуру, гладкой стороной наружу, как в саван.

Значит, «они» приходили.

«Они». Французы или ирокезы? Абенаки? Человеческие существа в гибельной и безлюдной зимней ночи, и вместо того, чтобы представиться, «они» оставили мертвого на пороге и после этого исчезли, как призраки.

Только ирокезы были способны на такой жестокий и бесполезный визит. Но для чего?

Машинально она ослабила петлю и расширила отверстие. Стараясь отогнуть край затвердевшей кожи, она невольно оторвала что-то и увидела, что это кусок черной ткани с приставшим к ней мясом. Казалось, что кожа и мышечный слой этого человека уже разлагаются. По цвету они были похожи на деготь или смолу. Но это была горелая человеческая плоть, которая при малейшем прикосновении распадалась на куски.

У Анжелики захватило дыхание. Судорога ужаса к сострадания сжала горло.

«Мученик! Священник!»

На груди покойника, прямо на ранах, лежало распятие — маленький миссионерский крест.

Потрясенная, с широко раскрытыми глазами, она вскочила на ноги.

«Что ты сделал, Уттаке? Что ты сделал?»

Она стояла, дрожа больше от бессильной ярости, чем от страха.

Неверие и уверенность в том, что она видит кошмарный сон, что ею начинают овладевать безумные галлюцинации, смешались с ощущением неизбежности судьбы, напоминая, что она всегда ждала чего-то подобного. До такой степени, что, как ей казалось, она уже несколько раз видела происходящее в этот момент. В момент, когда ей бросилось в глаза сверкание рубина в центре маленького креста, похожего на каплю крови и излучающего красный свет.

Глава 52

Она хотела бы сказать себе: это кровь. Но она не договорила. Она не думала ни о чем.

Она знала. Мгновение, которое должно было прийти, пришло.

Она могла бы сказать себе: этот крест, ЕЕ крест, несет другой священник.

Но ее разум отвергал любую форму пощады. Абсурдность столь фантастического объяснения была очевидна.

Она знала! Этот крест принадлежал мученику, который лежал там, безжизненный.

Это было ЕГО тело! Это был ЕГО труп!

Наконец-то ОН! Преследователь! Безликий враг.

Уттаке сдержал обещание: «Тело твоего врага брошу к твоим ногам!»

Он у ее ног, проклятый иезуит.

Себастьян д'Оржеваль, непреклонный. Он у ее ног, это бесформенное тело, которое разлагается, разбитое, обожженное, истерзанное сотней способов?

Мертвое!

И она, Анжелика, женщина, с которой он не был знаком и которую преследовал, ненавидя, стоит перед ним и бросает на эти жуткие останки почти угасший взгляд.

***

Сколько времени она оставалась так, неподвижная?

Может быть, несколько секунд? Может быть, долгие минуты? В эти мгновения милосердная природа избавила ее от всяких ощущений и мыслей. Ни боли, ни возмущения, ни ненависти, ни радости, ни ликования.

Затем она постепенно начала приходить в себя и возвращаться в реальную жизнь. Она уже не дрожала и

не страдала больше ни от голода, ни от страха. В ней была только глубокая опустошенность, которая постепенно, подобно серому приливу, тихо нарастала и вздымалась, наполняя ее бесконечной тоской. Горькая и бесполезная победа! Этот прилив подступал к ее горлу, заставляя шататься.

Время от времени до нее доносился жалобный стон, напоминающий шум далекой морской раковины, горестный зов, печальный и тоскливый, какой можно услышать туманными или лунными вечерами в окрестностях Салема или Голдсборо. Этот душераздирающий стон привел ее в сильное замешательство, он был похож на человеческий. И вновь она пришла в себя, отыскивала мерцающий свет факела на неровной деревянной стене форта Вапассу и вновь ощутила свое смертельное одиночество; у ее ног лежало тело, от которого, как ода догадалась, иногда исходил печальный стон.

Теперь ее, испытавшую предельное отчаяние, возмущение и отвращение, чувство новой тревоги заставило собрать последние силы для решения дилеммы.

Если с губ этого мертвеца срывался стон, значит, он был еще жив?

И вновь ей показалось, что она потеряла рассудок. Ее мозг, словно под ударами хлыста, быстро пришел в действие, опасаясь вновь оказаться в бреду, и она, полная решимости, приказала ему высказать все без утайки, какой бы страшной ни была правда.

Она подвела его, словно сопротивляющееся животное, к препятствию и заставила преодолеть его, пресекая всякие увертки.

Не сошла ли она с ума? Или же, если она поняла, что черные уста этого мертвеца издавали стон, — следовало признать, что он... жив?

В таком случае почему Уттаке бросил его перед ее дверью? Почему он доставил его живым?

Чтобы удовлетворить свое чувство мести или инстинкт каннибализма? Чтобы добить его? Чтобы съесть?

Он хотел этого? По его логике и примитивной этике, в которой чудовищно сочетались мудрость и безумие, великодушие, и жестокость, и еда.

Неожиданно она почувствовала спазмы и жжение в измученном от голода желудке и приложила руку ко рту, чтобы подавить подступившую к горлу тошноту. Она испытывала страшное чувство голода. Ей хотелось мяса! Вкусного мясного бульона! Для нее это спасение и жизнь!

Она бросилась к двери, чтобы не видеть больше этих страшных картин. Возмущение и злость удвоили ее силы, позволили приподнять и потянуть на себя тяжелый засов, повернуть ключ в замке, с трудом открыть дверь, покрытую снегом и льдом.

Она выскочила наружу, в снежную бурю, с криком: «Возвращайтесь! Возвращайтесь, индейцы! Возвращайтесь!»

На нее обрушился ледяной ветер, и тысячи ледяных иголок с пронзительным свистом ослепили ее и заставили отступить. Но она продолжала кричать: «Вернитесь! Вернитесь! Могаук! У вас нет на это права! Вы не имеете права делать это!»

Она путала французские и ирокезские слова.

Слышали ли дикари ее голос, притаившись голыми за сугробами заледенелого снега?

«Вы предали меня, индейцы! Вы предали меня, ирокезы. Вы меня убили! Я умираю по вашей вине!»

Она упала без чувств в глубокий и мягкий саван из снега, скопившегося у ворот. Позже она вспоминала, что, проваливаясь в снег, испытывала бесконечное облегчение.

Мысль о детях вернула ее к жизни. Ей показалось, что она видит перед собой три серые маленькие фигурки в гиблой снежной буре, плачущие и зовущие ее, и, охваченная ужасом, она резко встала на ноги: «Они замерзнут!»

Ее готовые помочь руки натыкались только на пустоту, и на этот раз она поняла, что действительно стала жертвой галлюцинации.

Однако когда она снова была в форте, ее продолжала мучить навязчивая мысль, что, вероятно, дети проснулись и, не найдя ее, отправились на поиски.

Шатаясь от усталости, она дотащилась до комнаты и увидела, что все трое продолжают спокойно спать в большой кровати, Шарль-Анри посередине в обнимку с близнецами, склонившими к нему головки.

Успокоенная, она вернулась ко входу закрыть дверь, которую второпях оставила приоткрытой.

Ей пришлось хорошо поработать лопатой, чтобы освободить от снега дверь, но она уже не чувствовала прежней усталости.

Страх, что ее обморок мог вызвать их смерть, был столь велик, что все остальное уже не имело значения.

Ее мучило чувство вины.

Как она осмелилась дать волю чувствам, зная, что она единственная защита для этих маленьких существ?

Она собрала последние силы, чтобы закрыть дверь.

Вихри снега проникли даже в центральную комнату, образовав большой сугроб, но это не имело значения, потому что их жилище было снова закрыто. Зимние метели тщетно могли стучаться в их дверь, а проникший внутрь снег должен был растаять.

Вернувшись в свою хорошо натопленную комнату, она ощутила большое чувство благодарности небу.

Миновало ли самое плохое?

Какое-то время она внимательно смотрела на детей, и ей показалось, что их щеки покрыты легким

румянцем. Может быть, им пошла на пользу та жидкая похлебка из мха и семян, которую они выпили перед сном? Она осмотрела содержимое миски, разогрела остаток похлебки на углях и выпила горячую смесь. Да, это тоже пошло ей на пользу и было достаточно. Не нужно было ничего другого! Сев на камень плиты, она оперлась о косяк камина.

Щедро питаемый вязовыми дровами, огонь мог не гаснуть продолжительное время. Ей пришла в голову мысль немного отдохнуть, а потом поразмыслить. Она уснула, проснулась, дрожа от холода, подбросила в камин поленья и торф, почти машинально нырнула под меха рядом с детьми в большую кровать, которая оказалась восхитительно теплой. Она снова уснула, счастливая.

Проснувшись, она ощутила себя на несколько минут как бы между забытием после сна и боязнью того, что ее ожидало после возвращения к реальной действительности. Эти минуты позволили ей безболезненно перейти к действительности. «Все решено, — сказала она себе с большим облегчением, — все решено».

Она чувствовала себя слабой, но отдохнувшей.

Мысль о детях вырвала ее из состояния вялости и какой-то сладостной беспомощности, которое отнимало у нее все силы. Каждый раз, когда она вставала с постели, ее взгляд, полный тревоги, был обращен к детям, и каждый раз у нее обрывалось сердце при мысли, что смерть могла настичь их во время сна.

Но они всегда спали спокойно. Ей показалось даже, что она видит на их похудевших личиках отражение блаженства, которое она сама испытывала во время сна. Но затем ее стало беспокоить, что они слишком долго спят и их надо разбудить.

Но, проснувшись, они бы попросили есть.

Она облокотилась о спинку кровати и вспомнила, что никакой еды уже не осталось.

Вспомнила, что хотела выйти на охоту, чего бы это ей ни стоило. Всплывая как будто из глубины ночного океана, перед ее глазами проходили отрывочные воспоминания происшедшего накануне вечером: стук в дверь и мешок, в котором были продукты. Она всеми силами отказывалась вспоминать жестокое разочарование, которое ее почти убило. Это не были продукты, нет. У нее вырвался стон, ей не хотелось больше ничего знать.

«Мне это приснилось».

Там был труп, и этот труп был живым.

«Мне это приснилось».

И для успокоения она повторила снова: «Мне это приснилось».

Кругом было тихо, как внутри форта, так и снаружи. Буря утихла. Снежный покров поднялся до уровня окон, но по слабому белоснежному свету, который разливался по комнате, смешиваясь с пламенем ночного светильника, она догадалась, что снаружи в ясном небе сияет солнце.

«Может быть, мне это приснилось?»

Она посмотрела на свои руки, израненные льдом. Ей вспомнилась каждая деталь ее бессмысленной борьбы со льдом, дверью, тяжелым мешком, оставив ощущение горечи во рту.

Ее разочарование, страх, гнев против Уттаке, пасть ночи, хватавшая ее своими клыками, почти поглотившая ее со зловещими криками, гробовая тишина большого зала, после того как ей удалось вернуться и закрыть тяжелые створки двери. И это огромное черное тело, неподвижно лежащее на полу посреди комнаты.

Было ли тело еще там, в соседней комнате?

Кто знает!

И мысль о присутствии другого, который делил с ней заброшенное пристанище, показалась ей ужасной и необычной.

А если «он» был действительно там?

«Что же ты сделала? — подумала она растерянно. — Он действительно был при смерти, а ты его покинула!»

Слабая, но ясно мыслящая, она не могла себе объяснить, что же побудило ее спастись бегством, чтобы избавиться от ужаса этого непредвиденного случая, который нарушил уже и без того ужасное однообразие ее жизни, то побудило ее погрузиться в целительный сон.

«Что за бред меня охватил? Я подумала, что это... отец Д'Оржеваль. Откуда такое наваждение?»

Почему Рут написала ей: «Они выйдут из могилы!» Она чувствовала себя безрассудной и виноватой. Действительно ли она видела сверкание рубина на распятии? Может Сыть, это была только кровь, только кровь. Может быть, она не убедилась, что этот человек был сплошной раной? Она потеряла голову!

«Что же ты сделала?»

Она медленно встала, машинально расправила складки платья и набросила на плечи плащ.

Огонь в камине ослабел, и, когда она снова раздула его, взметнулись радостные языки пламени. По сравнению с хорошо натопленной комнатой коридор и зал были ледяными, и от ее дыхания сразу поднялось облачко пара. Она шла, опираясь о стены, дрожа от волнения, все еще не веря и в глубине души надеясь, что все следы этого кошмара исчезли.

Но он был еще там. Длинное, черное и неподвижное тело лежало посреди зала, на полу, так, как она оставила его накануне вечером.

Стоя на пороге, она рассматривала его издали, окаменевшая от страха и отвращения.

У некоторых примитивных племен принято убегать и переносить в другое место лагерь в случае, если, к несчастью, к ним попадает сверток, имеющий форму трупа. Она их хорошо понимала и была охвачена таким же страхом.

«Что же ты сделала? Несчастный умирал. И теперь он действительно умер».

Мысль о том, что вождь могауков мог разыграть этот ужасный спектакль, чтобы позволить ей отомстить своему врагу, нанеся ему последний удар или просто съев его, вызвала в ней естественное чувство отвращения и гнева.

«Ты не знаешь меня, Уттаке! Ты не понял, кто я такая!»

Как бы то ни было, победил он, краснокожий!

Потрясенная увиденным, она спаслась бегством.

«Что же я сделала? Даже если это был ОН, что даже абсурдно предположить, я не имела права оставлять умирающего».

***

С чувством огромного сострадания и раскаяния она осторожно приблизилась и опустилась на колени рядом с телом.

Склонившись над ним, она раздвинула края затвердевшего кожаного капюшона и, как в средневековых склепах, под каменными капюшонами, надвинутыми на глаза, открываются плачущие лица «плакальщиков», охраняющих гробницы королей, увидела то же самое восковое лицо с опущенными веками, которое она видела накануне вечером, застывшее, как мрамор, и потемневшее от щетины, пятен крови, ссадин и ожогов. Она подумала: «Прости меня! Прости!»

Это был белый, священник, католический миссионер, француз, иезуит, и теперь она не могла

понять, почему его вид так испугал и разозлил ее, заставив убежать. Это был христианин, мученик, брат.

И она не должна была покидать его.

Она уступила Уттаке, варвару.

«Прости меня, отец. Я согрешила. Прости меня, бедный человек»

Слезы застилали ей глаза.

Затем она начала упрекать себя: слезами не поможешь; что должна она делать теперь, когда он умер? И по ее вине.

Ее взгляд упал на распятие. Действительно на нем сверкал рубин. Рубин!

Пристально глядя на это мученическое лицо и стараясь узнать эти незнакомые черты, она спрашивала себя, кем бы мог быть этот иезуит. И почему он носил на шее распятие отца д'Оржевала?

Она вздрогнула. Ей показалось, что она заметила слабый пар над этим неподвижным лицом. Он был еще жив? Невероятно!

Лихорадочно пошарив в карманах, она нашла свое зеркальце и поднесла его к застывшим губам.

Ее рука дрожала, взгляд затуманился, однако она не могла не заметить слабого дыхания, которое коснулось ее.

«Он жив!»

Неожиданно она обрела силу и храбрость.

«Я вылечу его! Я должна его спасти!»

Она сразу принялась за дело, движимая желанием искупить вину и оказать срочную помощь. Если бы ей удалось вырвать этого человека из лап смерти, сказала она себе, все они были бы спасены.

Это был знак. Знак Искупления, знамения Неба на Земле.

Знак того, что их охраняла сила более справедливая и милосердная, чем человеческая.

Она прошла в другую комнату разжечь огонь под котлом с водой.

Дети еще спали.

Она вернулась с кружкой теплого питья, сумкой с лекарствами, хирургическими инструментами и небольшим количеством корпии.

К питью она добавила хорошую порцию спирта. Это снадобье либо убило бы его, либо воскресило. Это был риск. Однако она всегда верила в обещание, заключенное в латинских словах: aqua vitae — вода жизни.

Под почерневшими и сухими губами челюсти были сжаты, как тиски. Но через просветы на месте недостающих зубов, выбитых или выпавших, ей удалось влить снадобье каплю за каплей. Чтобы сделать это, ей потребовалось много времени и осторожности, поскольку она опасалась, что драгоценная жидкость вытечет наружу, однако.

видимо, благодаря незаметному глотательному рефлексу кружка стала пустой. Анжелика подумала, что это лекарство по крайней мере пропитало высохшие сосочки языка и постепенно окаменевшее тело. Необходимо было следить за тем, чтобы он не разогрелся слишком быстро, потому что она знала, что только холод поддерживал в нем жизнь, вызвав оцепенение подобно тому, в каком пребывают звери во время зимней спячки, препятствуя нагноению ран.

Она омыла ему лицо целительной «водой», секрет которой был известен только ей, а веки, слипшиеся от крови и гноя, смазала смягчающим бальзамом. Прежде чем обработать ожоги на груди, следовало немного повременить, так как работа по удалению черных, прилипших лоскутков ткани требовала большого терпения.

Она не стала отдирать распятие от этого окровавленного тела.

***

Чтобы полностью освободить его от своеобразного кожаного мешка-кокона, в который он был завернут и зашит, она стала резать твердую и толстую кожу. Заметив веревку в головной части мешка, она представила себе, как индейцы волокли его много, много миль в мешке из грубо выделанной кожи, прочной и гладкой, подобно полозьям саней.

Тело тряслось на ухабах дороги, проходившей по заснеженным горам и долинам, и волочилось полуголыми индейцами, ирокезами и абенаками, подпрыгивая на снегоступах, бежавших вслепую по чистому снежному ковру и в ясную погоду, и в темноте завывающей пурги, волоча за собой это тело, зашитое в мешок, и все для того, чтобы бросить его у дверей пристанища, где Анжелика, Госпожа Серебряного Озера, и ее дети, покинутые всеми, умирали от голода.

«Я никогда не пойму вас, индейцы».

Морщинистый чехол не поддавался, и она вынуждена была резать его на куски, как снимают кожуру. Под твердой оболочкой она с удивлением обнаружила нечто вроде подушек, подложенных под тело мученика. Она вытащила одну из них, оказавшуюся туго набитой замшевой сумкой и, прежде чем развязала узел, на ощупь определили его содержимое.

Как и разочарование предыдущего вечера, радость сегодняшнего дня могла убить ее.

«О, Уттаке! Уттаке, бог небесный!»

Так же, как в прошлый раз!

Фасоль, фасоль долины Пяти Озер!

Она пропустила их сквозь пальцы, с восхищением разглядывая их, подобно скупому, пересчитывающему золотые монеты.

«Съестные припасы! Дети!.. Они будут спасены!»

Из других сумок и мешков она высыпала рис и дикий овес, предназначенный для прорастания, семена и куски сушеной тыквы, а также кукурузу, горох и фасоль.

«Спасибо, Господи, спасибо!»

Стоя на коленях, она подняла руки, сложенные в жесте благодарности.

Сияло солнце. Сквозь узкое окошко проникал луч света Тьма отступила. Жизнь входила в свою колею.

«Они спасены! Спасибо, мой Бог!»

Она говорила вслух, смеясь от счастья.

Внезапно она ощутила, что кто-то стал свидетелем ее безумной радости.

Она повернула голову и увидела, что веки умирающего приоткрылись, и поймала невыразительный и бесцветный взгляд, который, однако, был взглядом живого человека.

Каким бы необычным ни был способ помочь ей, выбранный хитрым Уттаке, этот умирающий принес ей спасение.

Она вновь почувствовала сильное желание вырвать у нимба его дух, который уже много дней блуждал у порога смерти.

Она сказала вслух:

«Отец, вы в безопасности. Не бойтесь. Я буду вас лечить и вылечу».

Возможно, эти слова помогут ему понять, что он жив, и вспомнить, что с ним произошло.

«Отец, вы слышите меня? Если слышите, подайте знак, попробуйте приподнять веки».

Прошла целая вечность. Веки не шевелились. Глаза были неподвижными и угасшими.

Он умирал?

Несколько раз губы приходили в движение, тщетно пытаясь раскрыться, затем послышался звук, и далекий голос устало, но отчетливо произнес:

— Кто вы?

Какое-то мгновение она колебалась. У нее кружилась голова от изумления. Она была на пороге, внушающем ей страх, и прежде чем переступить его, она должна была отступить.

Всматриваясь в эти невидящие глаза, она ответила слабым голосом:

— Я графиня де Пейрак.

Хотя взгляд его остался таким же неподвижным, она могла поклясться, что в его мутных глазах появился блеск, который мгновенно исчез.

Может быть, она ошиблась? Плод ее навязчивой фантазии?

Никакая сила не могла бы заставить ее спросить, кто он.

Следовательно, он слышал? Понял?

«Пойду приготовлю поесть детям, — сказала она себе, — потом будет видно».

Но вот все повторилось снова. Угасшие глаза оживились и, окрасившись, зрачки то вспыхивали, то просвечивали снова голубым светом, очень мягким, очень насыщенным и чистым, но содержащим жестокую и колючую искру, настоящим сапфировым светом.

Послышался тот же приглушенный и слабый голос, контрастирующий со взглядом, заключавшим в себе всю энергию этого неподвижного тела. Ей пришлось наклониться ближе к нему, чтобы разобрать слова. И было тяжело и почти мучительно слышать его прерывистый голос и видеть, как эти израненные губы пытаются произносить учтивые слова и выражения, принятые среди людей, воспитанных в аристократическом духе.

«По... позвольте, мадам... представиться. Мое имя... Себастьян д'Оржеваль».

Тонкий луч света медленно перемещался по комнате.

Все было тихо в этом затерянном форте; казалось, в нем нет ничего, кроме легкого облачка от их дыхания, сгущаемого холодом.

Хрупкий признак жизни, двух жизней на грани затухания, серебристый пар от их изнуренного дыхания парил между ними.

Так не должно было случиться. Это было слишком поздно!

Но это произошло.

Анжелика де Пейрак и иезуит Себастьян д'Оржеваль по иронии судьбы оказались лицом к лицу.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ. ПЛОТ ОДИНОЧЕСТВА

Глава 53

Воскрешение умирающих от голода людей котелком маиса, заправленного сушеным мясом, относится к тем чудесам, которые заставляют забыть несовершенство мира и помогают поверить в доброго и благородного Бога.

И действительно, требовалось немного — скромные дары земли, — чтобы отдалить от края могилы этих полных жизни малышей, которые чахли от голода, как цветы без воды.

Анжелика кормила их маленькими порциями, как птичек, и в промежутках между едой они засыпали. А теперь они просыпались, как в добрые времена, проведенные в Вапассу, высовывали из-под одеял похудевшие ножки, готовые встретить все неожиданности наступающего дня.

А Шарль-Анри, аккуратно одевшись и настояв, чтобы близнецы надели поверх ночных рубашек хотя бы куртки, встал перед Анжеликой и сказал:

— Я могу, мама, помочь тебе в лечении этого «мертвеца»?

Сумел ли он выйти из комнаты и обследовать дом? Обнаружить в большом зале лежащее тело? По-видимому, да.

Все трое были гораздо больше уверенными в себе, чем она, которой все еще казалось, что она приходит в себя после обморока, а не после сна.

В первый вечер — был ли это действительно первый вечер — она, подобно трудолюбивому муравью, только и делала, что переносила бесценные сокровища в общую комнату: мешочки с сушеным мясом и диким рисом, мешки с фасолью и маисом, куски сушеной тыквы, которые она сложила по отдельности, разделив

на однодневные порции О, дорогая и благословенная пища!

Прежде всего она повесила на цепи над камином котелки. В один она бросила пригоршню маиса, а в другой фасоль, добавив для ускорения варки соду. В теплую воду она положила размокать сушеное мясо, чтобы побыстрее накормить детей протертой тыквой с мясом. Они проглотили эти первые кусочки, даже не открывая глаз. И только после этого она позавтракала сама, отгоняя в глубину своей памяти воспоминание о тех роковых словах умирающего: «Я — отец д'Оржеваль!»

Странный способ, выбранный Уттаке, чтобы помочь ей, продолжал удерживать ее в состоянии неопределенности. Тот же Уттаке заставил их сказать: «Отец д'Оржеваль умер», и все теперь показалось ей галлюцинацией.

Но ничто не позволяло утверждать с абсолютной уверенностью, что продукты прислал сам Уттаке, вождь индейцев-могауков. И несчастный умирающий мог оказаться также бедным иезуитом больших озер, сошедшим с ума от пыток.

Она услышала шепот:

«Я их не переносу больше, этих дикарей! Я их больше не переносу!»

— Нет, — сказала она вслух, обращаясь к Шарлю-Генри, — ты очень мал, дорогой Но было бы лучше, чтобы ты остался здесь присматривать за Раймоном-Роже и Глориандой, чтобы они не упали в огонь и не наделали глупостей.

Она взяла щетку для волос и стала расчесывать сначала волосы детям, а потом себе.

Вот, достаточно немного супа в желудке, и ты снова чувствуешь себя человеком.

В конце концов, жизнь заключается лишь в этом: в пище. Не начинай снова думать, не утомляй свой мозг.

Еще много дней надо преодолеть, прежде чем закончится зима. Но теперь, несмотря на шаткость их положения, они шли по пути спасения.

После того, как случилось это чудо, в тот самый момент, когда она была на пределе отчаяния и думала о конце, пришла уверенность в том, что они все доберутся живыми до конца этого долгого путешествия через зиму.

Даже он, этот несчастный, пребывающий на грани жизни и смерти.

«Но какая же я злая, — сказала она себе, держа щетку в руках. — Разве я его брошу в таком состоянии? Разве я покину его еще раз?»

Утомившись, она немного отдохнула и подумала: «Немного раньше, немного позже, но он умрет! Он уже умирает! Что поделаешь? Но кто это может быть?»

Она совсем не была уверена, что он разговаривал с ней и его слова — «меня зовут Себастьян д'Оржеваль» — смешивались в ее сознании со сном или галлюцинациями. Только теперь она по-настоящему верила в предсказание о смерти, сделанное отцом де Марвиль. И по-другому быть не могло.

Тем не менее она стала готовить все необходимое для лечения этого несчастного: травы, бальзамы, корпию — все, что у нее было. А также бульон, ведь его надо будет покормить после того, как он выйдет из этого летаргического состояния.

Она будет лечить его в соседней комнате. Там был ледяной холод, но именно он сделает его нечувствительным и не позволит умереть.

А потом его надо будет перетащить в эту комнату и положить у огня. Согреет ли это его? Вернет ли к жизни? Выйдет ли он из своего смертельного круга? Этот труп, это несчастное тело, за которым она будет ухаживать, как за ребенком, сможет ли он обрести

человеческий облик, рассказать о себе и разделить с ними все тяготы зимнего заточения?

Ее пугала мысль, что мальчик увидит, до какого состояния человек может быть доведен жестокостью себе подобных. Возможно, Шарль-Анри, рожденный на земле Америки, перенесет происходящее легче, чем она; как все дети, он сможет принять, не задумываясь, дикую среду, в которой родился и вырос, законы того театра, в котором, как в «Героических деяниях» или «Мистериях» Старой Европы, на подмостках, сооруженных во дворах церквей и соборов, каждый персонаж играл свою символическую роль, следуя неизменному ритуалу.

Здесь, на фоне лесов и каскадов озер о бесконечными горизонтами и пустынными долинами, ставились «Героические деяния» двух противоположных миров, те же действия на сцене, те же непримиримые персонажи: с одной стороны, миссионер в черном одеянии, в большой шляпе, с крестом в руке и тревогой на бородатом лице и страстным желанием привнести Бога в языческие души; с другой — голый безбородый индеец, с перьями и татуировкой и своим диким и необъяснимым пристрастием, настоящим кодексом чести, к смерти, пыткам как по отношению к нему самому, так и другим.

***

А сейчас ей предстояло обработать все раны с головы до ног. Как и было решено раньше, она занялась этим в большой комнате, на том месте, где он лежал с самого начала. Он все еще дышал, но так слабо, что она не знала, с чего начинать, боясь неосторожным и резким движением разорвать ту тонкую нить, которая соединяла его с жизнью.

Хотя она и промывала раны теплой водой, приняв все возможные меры предосторожности, на его груди,

после того как она сняла распятие, остался кровотокающий отпечаток на фоне почерневшего мяса.

Она взяла в руки самшитовый крест с крошечным глазком сверкающего рубина, бережно вымыла его и подожила на чистую ткань. Ей пришлось разрезать шнурок, на котором он был подвешен к шее.

Она не смогла бы точно сказать, во что был одет этот человек. Не без труда разрезав жесткий камзол из кожи буйвола, она по кускам разорвала черные края сутаны.

Ожоги, еще ожоги, некоторые из них издавали запах гниения.

«Несчастный! Бедный страдалец!» Она не могла удержаться, чтобы не прошептать эти слова, обрабатывая одну рану за другой и не понимая, каким образом он еще жил, имея столько ожогов. Но когда она несколько раз омыла тело, страшно худые руки и ноги, обнаружила любопытное распределение ожогов. Некоторые остались от раскаленного топора, а некоторые от шила, которым протыкали мышцы. Значительная часть тела осталась нетронутой. Никакого повреждения не было и на мужском органе.

В обычаях ирокезов было уважать жертву в том, что, по их мнению, было самым святым. Они не привязывали к столбу пыток своих врагов с намерением унижить и оскорбить. Напротив, эта традиция ирокезов умерщвлять в самых жестоких пытках тех, с которыми они сражались, была признаком чести, от которой не должен отказываться мужественный противник. Выдерживать пытки и уметь их грамотно применять составляло одно из наиболее ценимых направлений обучения, представляющего собой дисциплину, принципы и подготовка которой не переставали доминировать в их жизни, начиная с рождения и кончая смертью, которую любой воин, достойный называться таковым, всегда желал себе, медленную и ужасную.

Насколько Анжелика знала по рассказам людей из Канады, ирокезы были специалистами в применении пыток настолько, что могли пытать пленника от двенадцати часов до двух дней, не доводя до смерти и сохраняя в ясном уме. Чтобы добиться такого результата, они избегали потери крови.

— Это целая наука, — почти с гордостью сказал ей некто Л'Обиньер или Никола Перро, — и наши гуроны, которые одного происхождения с ирокезами, чрезвычайно искусны в этом деле.

На этот раз они, пожалуй, пытали миссионера так, чтобы позволить ему выжить. Но только ненадолго!

Она чувствовала тошноту.

Несмотря на пронзительный холод в большом зале, она была мокрой от пота.

Она надеялась заметить какую-либо реакцию на лице несчастного. Но, кроме легкого облачка над его губами, он не подавал никакого признака жизни. Как могла, ножницами она подстригла щетинистую бороду, спутанную и испачканную запекшейся кровью.

Закончив, она осмотрела его, сплошь покрытого мазью и бинтами. Труднее было перетащить его в комнату.

Когда она попыталась сдвинуть его, он издал глубокий стон. Первый. И она поняла, что, приходя в себя, он одновременно обретает ощущение боли.

— Я должна вас перенести, — сказала она громко, надеясь, что звук ее голоса дойдет до его сознания.

Но он снова потерял сознание, издал хрип и стал еще тяжелее. Пока она не добралась с ним до комнаты и не поднесла зеркала к его губам, она боялась, что он испустил последний вздох.

Она намеревалась разместить его рядом с огнем на соломенном тюфяке, но такое решение не удовлетворило ее. Лежа на полу, он мог замерзнуть, а рядом с огнем рисковал умереть от ожога щеки, если

огонь будет слишком жарким, как это случилось с несчастным королем Испании, который, почувствовав себя плохо, не нашел рядом никого, кто бы своевременно удалил от него жаровню, поскольку согласно придворному этикету это поручалось определенному лицу из приближенных и именно оно отсутствовало.

А ожогов у него было предостаточно.

Шарль-Анри предложил ей решение, которое она из-за усталости не могла найти сама.

— Мы должны уложить его на нашу кровать, она всегда теплая. С одной стороны положим его, с другой будем мы, а вы, мама, ляжете посередине и будете ухаживать за всеми.

— Ты прав, мальчик.

На этот раз она приняла помощь мальчика. С большим трудом, стиснув зубы, он приподнял забинтованные ноги, а она подхватила под мышки эту длинную разбитую куклу, с трудом положила ее на край постели. Его подняли после нескольких попыток, и каждое их движение сопровождалось глубокими стонами мученика, голова которого болталась во все стороны, откидываясь то вперед, то назад, подобно голове птицы со сломанной шеей.

В конце концов им удалось положить его вытянутым во весь рост, и она вздохнула с облегчением, убедившись, что он уже лежит не на холодном полу, а на кровати, как уважаемый больной в стадии выздоровления или как умирающий, для которого созданы достойные условия, чтобы отойти в мир иной.

Котелки, завернутые в кожу или плотную ткань, помогали сохранить тепло, оберегая его последние силы в борьбе с холодом. Теперь, когда было преодолено это состояние коматозной спячки, он не должен был снова впасть в летаргическое состояние, предвещающее смерть. Путь к выздоровлению, оставив

позади фатальный рубеж, должен был продолжаться к возвращению в сознание, означающее жизнь. На подушку из конского волоса и травы, на которой лежала его худая голова, она положила кусок белой ткани. Ночью, находясь рядом, она могла бы смачивать его сухие губы, поить маленькими глотками и проверять температуру, облегчать его страдания, менять компрессы, ослабляя болезненное воспаление ран с помощью мазей.

В тот же день, уложив больного в постель и немного отдохнув, она стала стричь ему волосы и обнаружила на затылке тонзуру. Это означало, что он действительно был священником.

Затем она растерла ему затылок и виски медицинским уксусом, наложила на опаленные глаза компрессы, защищающие от опасной для зрения белизны снега.

Она почувствовала, что ее умелая помощь благодаря навыкам, приобретенным фактически с детских лет, сблизила их. Из чужого он превратился в сына, а она в мать.

Анжелика старалась помнить, что речь идет об отце д'Оржевале, их враге и даже убийце, но она все меньше верила в это, так как лечить и получать лечение — это не что иное, как один из самых естественных языков мира и взаимопонимания.

Она пыталась сопротивляться той привязанности, которая постепенно могла возникнуть между ними из его зависимости и ее набожности.

Неподвижный, почти без всяких признаков жизни, он с трудом позволял поверить в реальность его существования, и в течение дня она не раз вздрагивала, видя в кровати его неподвижное тело.

Когда сгустились сумерки, она уложила детей спать, подготовила лекарства и питье, которые в течение ночи могли ей понадобиться, прикрыла

угольями огонь и долго не решалась лечь рядом с несчастной мумией, уже окоченевшей, подобно мертвому; ее мучили тысячи вопросов, омрачавших радость от полученных продуктов для спасения детей.

«Что же я должна делать? Правильно ли я поступаю? В чем состоит долг человека в наше время? Я его лечу, но кто же он? Это ошибка или он действительно наш заклятый враг? В обоих случаях это опасно! Я спасла Амбруазину. Я вырвала ее из рук людей, которые хотели ее убить, и таким образом позволила ей продолжать совершать злодеяния. Я подвергла опасности жизнь моей дочери!»

Она положила крест иезуита на полку камина, и огонь углей придавал рубину еще большее сверкание.

«О, крест, прости меня, — сказала она вслух. — Я знаю, что от тебя исходит любое чудо»

Ночь была спокойной.

Утром она проснулась с убеждением, что это вторжение в ее безысходную жизнь — лишь сон. Затем она ув дела его снова, охваченная смешанным чувством удовлетворения и страха. Она не могла забыть, что с его появлением щеки детей порозовели и в форт, погребенный под снегом, вернулась жизнь.

В первые дни, видя, как дети, обретя вновь силу и подвижность, резвились по всему дому, испытывая потребность двигаться, она подумала, что им лучше выйти на воздух.

Сияло солнце. Его лучи пробивались сквозь щели окон и ставен, которые она тщательно заделала на зиму, при мысли, что солнце сияет над их закоптелым убежищем, у нее возникло желание ощутить его ласку. Солнце обладало исключительными целебными свойствами. После воздействия его лучей на язвы, раны, экземы и другие повреждения кожи она неоднократно отмечала их излечение. Немного живительных солнечных лучей, и у ослабленных детей снова

появится аппетит и сила. Жоффрей рассказывал ей, как его мать, когда он был ребенком, приняла его, раненого и контуженого, из рук крестьянина из Севенны, который принес его в дом, спасая от резни стоившей жизни его кормилице, и поместила на террасе Тулузского дворца, где он оставался несколько лет под лучами бога Аполлона, восстанавливая свое здоровье.

Через люк Анжелика подняла одного за другим детей на площадку, служившую крышей комнаты, которую они раньше занимали, и присоединилась к ним; они оставались какое-то время там, ослабевшие, в бледном золоте жестоких и ослепительных лучей, ранящих их ослабевшие от полумрака глаза с покрасневшими от постоянного дыма веками.

Хотя дети были укутаны так, что виднелся лишь кончик носа, они очень замерзли и напоминали птиц в лесу, окоченевших от холода и падающих с веток. Когда Шарль-Анри попытался заговорить, слова застряли у него в горле от порыва ветра, и он остался стоять с открытым ртом, не в состоянии закрыть его.

Анжелика поспешила спустить их вниз, закрыла люк площадки, люк ложного верхнего амбара, и все укрылись в общей комнате. Она разожгла огонь в камине, чтобы вскипятить воду в большом котле. Прямо в одежде она уложила их в кровать рядом с «лежащим». Затем она напоила их горячим напитком с хорошей ложкой меда — того меда, который она нашла в берестяном сосуде среди других припасов и который был ценнее золота, принесла в спальню котлы с кипящей водой и наполнила деревянную лохань. Когда ванна была готова, она раздела детей, они оцепенели от холода и от увиденного ими мельком пейзажа, похожего на конец света, мертвенно-бледного и в то же время окрашенного в прозрачный голубой цвет.

Дети сразу же покраснелись и принялись оживленно болтать. Они стояли в лохани

возбужденные, с горящими глазами. Жестикулируя и расплескивая вокруг воду, близнецы рассказывали какую-то историю, причем один дополнял рассказ другого подробностями.

Анжелика улавливала лишь некоторые слова их детского языка, которыми они постоянно пользовались: лодка, птица, не надо, не надо!

— О чем же они говорят? — спросила она Шарля-Генри, которому этот язык был понятен и который следил за их рассказом, выражая одобрение кивком кудрявой головы.

— Они говорят, что воды еще не отступили и не надо выпускать голубя! Знаете, мама, как в Ноевом ковчеге! Я им рассказал, что мы находимся в Ноевом ковчеге. Им очень нравится эта история, но они говорят, что не надо выпускать голубя. Очень холодно. О, мама, это правда, ему негде было сесть. Он не смог бы летать. Видите, как они машут руками и затем останавливаются, чтобы объяснить, что он не сможет летать.

— Плюф! — произнес этот звукоподражательный звук, Раймон-Роже упал среди брызг воды в лохань; то же самое сделала, следуя его примеру, сестра.

— Видите, они говорят, что он упал бы, плюф, как камень...

Шарль-Анри повернулся к кровати и спросил:

— Может быть, неправильно, «мертвый», что еще рано выпускать голубя?

— С кем ты разговариваешь?

— Я разговариваю с «мертвым». Я с ним часто разговариваю, когда вы готовите пищу или идете за дровами в сарай.

— И он тебе отвечает?

— Нет. Но все понимает.

Затем температура понизилась еще, и разразилась зимняя буря. Холод был таким сильным, что эта буря

была страшнее, чем те, которые сопровождаются снегопадом. Ураган, северо-восточный ветер «нордейт», как называют его канадцы, «этот жестокий враг человека», пришедший с полюса, прошелся по земле с невероятной скоростью, силой и бешенством, вырывая с корнем деревья, срезая, как гигантским лезвием, кустарник на озерных островах, сметая лачуги из коры вместе с их обитателями и разрушая целые деревни.

Зима в том году, обрушившаяся на канадскую землю от Лабрадора до юго-запада Мэна, была такой суровой, что даже медведи, спавшие в своих берлогах, умирали от холода, что случается крайне редко.

Порой Анжелике казалось, что этот ревущий ветер обрушится на Вапассу, расположенный на склоне наполовину в земле, и снесет крышу, словно крышку с кастрюли.

Она перенесла в общую комнату много дров и сложила, заняв ими четверть помещения. Благодаря этому ей не надо было больше выходить из своего последнего убежища, дверь которого, хотя и не выходила наружу, время от времени содрогалась от ветра. В течение трех-четырех дней они оставались в постели под шубами, свернувшись калачиком и стараясь заснуть, чтобы забыть шум бушующего за стенами урагана. Анжелика вставала только для того, чтобы подбросить дров в огонь, проверить все проходы, двери, окна, усилить поперечины створок, приготовить еду — снова опасаясь, что продукты слишком быстро расходуются, — накормить все эти жадно раскрытые рты напоить детей и больного. Лучше было давать им теплый настой из ромашки и липы, от которого они много спали, чем позволять нервничать и волноваться, пугаясь дикого шума бури, яростно бушевавшей там, наверху.

Шум ветра, казалось, не беспокоил детей. Пурга и ураганы Северной Америки убаюкивали их короткую

жизнь. Они снова много спали, но сон их был лучше. Она же бодрствовала, позволяя себе лишь короткие минуты отдыха в постоянном ожидании несчастья от этой страшной и грозной бури, которая доносилась снаружи: она боялась, что их жилище будет разрушено бушующим ветром или вот-вот начнется пожар от огня, задуваемого порывами ветра обратно в комнату.

Кроме того, она должна была продолжать лечение раненого. Занятие долгое и неблагодарное, от которого она очень уставала.

Он по-прежнему оставался неподвижным и был без сознания.

Моментами ей казалось, что он где-то далеко, в другом месте, где он может восстановить силы, но иногда его бессознательное состояние, в которое он впадал, предупреждало ее о приближении фатального конца.

«Он гаснет», — подумала она через несколько дней.

Бессознательно он начал отказываться от пищи. Еда текла сквозь приоткрытые губы, и Анжелика и раздражалась и отчаивалась одновременно, потому что, с одной стороны, ей жалко было переводить столь ценные продукты, а с другой — это означало, что он стал терять чувство выживания.

Она разговаривала с ним тихим голосом, мягко и убедительно, потому что знала, что человека можно привести в сознание и вывести из состояния апатии звуками голоса или словами. Как и в детях, она старалась пробудить в нем, религиозном человеке, интерес к жизни и подбодрить его, чтобы он сделал усилие над собой и начал снова принимать пищу.

«Надо жить, отец... это ваш долг! Этого желает Бог! Откройте рот! Постарайтесь проглотить! Сделайте усилие. Из любви к Богу! Из любви к Пресвятой Деве».

Но эти благочестивые слова не имели никакого эффекта. А иногда он казался более мертвым, чем когда

она нашла его внутри кожаного мешка.

Между тем раны на лице стали зарубцовываться.

В первый раз, когда она начала лечить его, она заметила, что раны оставлены не ожогами, а какими-то иглообразными или крючкообразными орудиями. Они отекали и гноились. Через несколько дней опухоль начала спадать и образовались струпья, придающие больному несчастный вид. Но, как только струпья отпали, стали исчезать и следы самих ран. Ткань восстанавливалась, хотя кожа и была мертвенно-бледной. Щеки стали округляться, лоб, на который падали пряди золотистых волос, оказался очень широким, и постепенно она начала замечать черты лица, не лишенные красоты, правильной и мужественной. «Красота Христа» — так говорили со вздохом и несколько восторженно некоторые прихожане о своем духовнике, отце д'Оржевале.

Глава 54

Через шесть дней ураган начал стихать, и к середине ночи ветер совершенно стих. Воцарилась удивительная тишина, которая совпала для Анжелики с глубоким целительным сном, отсутствовавшим у нее долгое время, а также с чарующим сновидением.

То ли, предчувствуя окончание бури, она инстинктивно поняла, что можно расслабиться, то ли, как в любом драматическом эпизоде, наступил момент, когда страх сменяется надеждой, — как бы то ни было, она спала, как счастливый ребенок, и ей приснился сон, по ее мнению, очень правдоподобный, потому что именно во сне она вспомнила ужасный кошмар, пережитый накануне ночью. В этом кошмаре она находилась с детьми под землей и над их головами свирепствовал ураган. А теперь какой удивительный сон! Теперь была весна, погода была чудесной, и среди деревьев радостно пели птицы.

Она прогуливалась под руку с Жоффреем по аллеям парка или леса, полного переливчатых красок и хорошо ухоженного, с красивыми и правильно посаженными деревьями разных пород, дубами и каштанами, окруженными маленькими рощами из бука и ясеня с редкими голубовато-серебристыми березами с розовыми стволами. Элегантное хвойное дерево своей темной окраской оттеняло яркий шелк зелени листвы.

Лес, который мог быть парком, потому что дорожки и тропинки отличались чистотой и элегантностью ухоженных аллей, и она видела, как на песке остаются следы ее атласных туфель, вышитых розовой и серебряной нитью.

Было удовольствием идти по такой тропинке в таких красивых туфлях.

Гуляя под руку с Жоффреем, она ощущала тепло его руки, тела, ноги рядом с собой. Она чувствовала его обожающий взгляд, который он постоянно останавливал на ней, сладость этих губ на лице, на глазах, на губах, на лбу и на волосах, как будто он никак не мог насытиться ее живым телом и сладостью кожи, ее улыбкой и ее присутствием.

Они дошли до края высокого мыса и остановились, оставив за спиной шумящий лес.

Одной рукой Жоффрей обнял ее за плечи, а другой показал вниз на маленький светлый замок, перед которым лежала мозаика красных, голубых и малиновых газонов, разбитых на французский манер.

Тот же лес подступал к замку, но вид этого леса успокаивал своим чередованием света и тени, скал и журчащих вод, стадами оленей и кабанов; а за лесом видны были другие имения и возделанные поля.

Маленький замок в глубине леса был как бы островком золотистого цвета.

К своему удивлению, Анжелика, видевшая замок впервые, вспомнила, как, проснувшись в то же утро, увидела белую птицу, излучающую свет, которая села на одно из ее окон: это была голубка с Ноева ковчега.

Она спросила:

— Здесь есть голубятня?

— Да, есть.

Она была счастлива, как бывает только в сказках, но все было на самом деле.

— Это наш дом? — спросила она.

Она услышала голос Жоффрея, обнимавшего ее за плечи:

— Я построил для вас много дворцов и домов. Но это ПОДАРОК КОРОЛЯ!

Вдруг ястребиные когти сжали ее запястье, и она не смогла крикнуть. Упал ли ястреб с бледно-голубого неба Иль-де-Франс? Хотел ли он схватить голубку?

Она проснулась с ощущением сильной боли, лишившей ее дара речи.

Когти на ее запястье оказались рукой.

Отвратительной рукой с обрубленными, костлявыми пальцами.

Неизвестный ей человек с выпученными глазами наклонился к ней, почти касаясь ее лица, повторяя:

— Там недалеко лось, лось!!! Проснитесь, мадам.

Этот повелительный голос сразу вывел ее из состояния сна и оцепенения.

— Вставайте, вставайте! Там лось. Вы должны убить его. Вы обеспечите себя мясом... мясом до весны.

Эти слова постепенно дошли до сознания Анжелики. Резко освободившись от тисков ястреба, она соскочила с постели. Прерывисто дыша, с широко раскрытыми глазами, она спрашивала себя: кто этот бородатый человек, лежащий в постели на месте «мертвеца»?

Он снова повторил:

— Убейте его, у вас будет мясо до весны.

Машинально она стала надевать камзол и сапоги, затем сняла с крючка карабин, поискала рожок с порохом и мешочек с патронами. Затем внезапно повернулась к кровати и пристально посмотрела на этого незнакомца, который говорил с ней голосом, шедшим издалека, и тоже смотрел на нее горящими глазами.

— Но что вы говорите? Откуда вам знать, что там есть дичь, лось?

— Я достаточно долго был пленником у ирокезов, чтобы распознавать близкое присутствие зверя. Торопитесь! Что же вы медлите? Вы не должны позволить ему уйти.

— Вы бредите...

— Нет. Я это знаю. Скорее, не дайте ему убежать. Тогда она подумала, что жизнь — если это не наяву, если она еще жива — приобретала поистине

фантастический и смешной оборот. Впервые она разговаривала с ним, как человек с человеком, как живой с живым.

Он действительно был здесь и действительно был жив.

Перед ней был отец Себастьян д'Оржеваль.

Они спорили и горячились из-за мяса, пищи, от которой зависела их судьба, как индейцы, злые от голода, как все существа в этой белой пустыне во власти адской зимы.

— Торопитесь, торопитесь! Чего вы ждете?

— Я не могу выйти. Слишком холодно! И я слишком слаба.

И она прислонила карабин к стене, не в силах держать его.

— Значит, вы не верите мне, — сказал он в бешенстве. — И все же жизнь там, за оградой. Вы ДОЛЖНЫ выйти.

Она уже готова была поверить ему и рискнуть пойти навстречу иллюзии и миражу. Но каждое действие казалось ей невыполнимым. Откуда выйти? Сможет ли она подняться на крышу? Надеть снегоступы? Пройти по глубокому снегу? Она могла упасть, умереть совсем одна...

Никто не пришел бы ей на помощь.

«Если я упаду, никто мне не поможет. Дети умрут».

***

— Подойдите.

Тот же чужой голос упрашивал ее: «Подойдите». Полулежа в постели, он делал ей знак.

— Приблизьтесь! Идите сюда!

Она подчинилась ему, не совсем уверенная, что приказание исходит от него, боясь, что безумие могло овладеть этим наполовину мертвым человеком, но не в силах противостоять ему.

— Подойдите ближе!

Он протянул с усилием плохо сгибающиеся руки, которые схватили ее и сломили сопротивлявшуюся волю. Что он хотел от нее? Он заставил ее стать на колени перед кроватью. Все с той же железной волей, против которой ее слабость не значила ничего, он прижал к своему плечу ее голову.

Она услышала над собой его голос:

— Вы сможете! Вы всегда побеждаете! Этот лось обеспечит вас и ваших детей мясом до самой весны. Вы должны его убить. Вам это удастся.

— А если я промахнусь?

— Не промахнетесь. Разве не говорят, что вы метко стреляете, мадам де Пейрак? Лучше любого аркебузира. Вы победите! Вы опять победите, мадам де Пейрак. Вы были на войне командиром.

***

Внезапно она оказалась на ногах в полном снаряжении и исполненная твердой решимости. Направилась в большой зал. Решила выйти на площадку через слуховое окно. Оттуда, сверху, она сможет увидеть прежде всего, есть ли действительно вблизи форта лось, как он это утверждал.

Ночь была еще холодней, чем она думала, но удивительно светлой от почти полной луны, хрупкой, как жемчужная раковина и, казалось, готовой расколоться от холода. Небо было усеяно множеством маленьких, мерцающих, подобно искрам, звезд, смягчающих бархатную голубизну ночи. Все было белым и черным под небосводом. Белой была ледяная пустыня, черными — купы деревьев и лес, на опушке которого незаметный шлейф тумана, качалось, задерживал слабые проблески лунного света.

Она огляделась вокруг, спеша уловить в этой мертвой тишине эхо шагов и движение тени. Никакого движения. Было больно глазам. Она почувствовала на

ресницах маленькие кристаллики льда. Буря сорвала снег с деревьев, придав им мрачный вид.

Она не хотела верить отцу д'Оржевалю, но теперь, не обнаружив никого, была так разочарована, что поняла: надежда все же овладела ею.

Она обошла всю площадку, прослеживая всю линию горизонта. Если животное прошло около форта, она обнаружит следы. Однако снег вокруг форта образовал белоснежный нетронутый ковер, по которому уже давно не ступали ни человек, ни животное. Она решила обследовать соседний лесок, выделявшийся островом в молочно-белом море.

Прежде чем отказаться от поисков лося, она решила испытать все возможности и перебраться через земляной вал, возвышавшийся на два-три метра и почти сравнявшийся с землей из-за большого скопления снега, чтобы выгнать из нор в лесу ту призрачную дичь, если она действительно была там. Именно в это мгновение она заметила движение в темном месте на опушке леса. Из своего укрытия с большой осторожностью выходил зверь. Его силуэт казался гигантским на фоне снега. Он нерешительно прошел вперед, обнюхивая воздух. За ним что-то зашевелилось, и появился маленький лось.

— Двое! Их двое! Самка с детенышем!

Сначала она убьет взрослое животное, а потом не упустит и второе.

Она подошла к деревянным перилам, на которые хотела опереться.

Капли холодного пота щипали лицо. Ей очень хотелось пить, и во рту так пересохло, что она зачерпнула горсть снега и положила в рот.

От холода свело скулы, но это помогло мыслить более четко. Она поняла, что ее движения должны быть медленными, четкими и уверенными.

Она рассчитала, что с этого расстояния смогла бы его поразить. Но животное, возможно, что-то почуяв,

фыркнуло, отошло на несколько шагов и пустилось бежать.

Лось удалялся мелкой рысью по твердому насту, и эхо от его копыт, звучавшее все глуше по мере удаления, усиливало ужасное разочарование Анжелики. Теперь она уже не могла стрелять в него с платформы. Было слишком далеко.

Малыш старался не отставать от матери, однако вдруг остановился в нерешительности. Она решила попытаться убить хотя бы малыша.

Внезапно взрослое животное вернулось вскачь. Анжелика, которая в этот момент меняла позицию, чтобы лучше прицелиться в молодого лося, сначала не поняла, в каком направлении движется эта огромная масса, эта черная тень в лунном свете. Видя, что она увеличивается в размерах, она поняла, что зверь приближается к ней, и проворно вскинула карабин, упершись в перила.

Уперев карабин в плечо, она положила палец на спусковой крючок; почувствовав, что палец примерз к стальной пластинке, она убрала его, оставив на ней полоску кожи. Она почти не заметила, что поранилась. Боль была не в счет в такой критический момент.

Она намеревалась дать животному приблизиться, учитывая, что он со скоростью пули мчится к форту.

Но, видя, что лось замедляет шаг, останавливается, нюхает воздух, поворачивая то влево, то вправо зобастую и длинную козлиную морду, она выстрелила, боясь, что он снова убежит.

Мобилизовав все свои зрительные способности, точность и интуицию, она прицелилась в загривок, чтобы попасть в сердце, опасаясь, что небольшая голова представляет менее надежную мишень.

Когда многократно повторенное эхо выстрела докатилось до изогнутых вершин Аппачей, она стала

искать глазами животное и увидела, что оно стоит на ногах.

Она торопливо перезарядила карабин, не чувствуя пальцев, онемевших от холода.

Но когда, дрожа от волнения и тревоги, она подняла карабин, чтобы прицелиться снова, лося уже не было видно. На его месте на белой заснеженной поверхности возвышался черный бугор. Лосенок убежал, ища укрытия в леске.

Животное упало замертво. Только благодаря своему весу, равномерно распределенному на четыре ноги с широкими и цепкими, как присоски, копытами, лось удерживался несколько секунд в стоячем положении, а затем тяжело рухнул.

Анжелика испытала ликование от такой полной победы и еще больше от уверенности в спасении. Убитое животное означало, что зима им уже не страшна.

Она бросилась вниз по лесенке, ведущей к слуховому окну, через комнаты и коридоры, почти не касаясь пола.

— Я это сделала! Я это сделала!

Смеясь и рыдая, она упала к подножью кровати и крепко обняла тело своего живого «мертвеца».

— Я это сделала! Я это сделала! О, мой дорогой отец, спасибо вам! Мы спасены! Мы спасены!

— Вы втащили лося в дом?

Он отстранил ее с такой силой, что она чуть не упала.

— Вы втащили его в дом? Нельзя допустить, чтобы он стал добычей волков!

Она вскрикнула от возмущения, изнеможения и уныния!

— Ах!.. Вы не даете мне прийти в себя... отдышаться! Говорите, волки? Волки! Боже мой!

— Если вы дадите им время подойти, они вам ничего не оставят. Торопитесь, глупое создание! Они недалеко, я их чувствую!

Может быть, огоньки, которые, как ей показалось, она заметила на опушке леса, были их глазами? Он хочет, чтобы она вышла в ледяную стужу и там умерла. Нет, она больше не могла! Она пойдет за лосем завтра.

— Быстрее, быстрее, — повторил он. — Берегитесь волков. Возьмите факел, это лучшее оружие. И двустволку на всякий случай. Если нет, то только факел. Возьмите тобогган или большой кусок ткани или плотного материала, чтобы волочь животное по снегу, возьмите бинты, чтобы связать его, это лучше, чем жесткие веревки. Кожаные ремни, чтобы тащить его. Идите! Идите!

— Я не смогу!

— Идите, я вам говорю! Время не ждет. Двустволка? Нет, не было ни одной исправной.

В большом зале она занялась факелом. Взяла один, длинный, как свеча, хорошо смазанный салом, и зажгла его в общей комнате от огня. Она взяла себя в руки: иногда внутренняя сильная злость порождает хладнокровие, отвлекая от непреодолимых насущных проблем. Сейчас она была очень спокойной. Временами она спрашивала себя, сможет ли ненавидеть иезуита, который причинил им столько зла. Но сейчас она знала, что ненавидит его из всех сил.

Она была взбешена им, этим человеком, этим непрошеным гостем за ту злость, с которой он оттолкнул ее, крикнув: «Торопитесь, глупое создание!»

Она должна была признать, что ее поведение выглядело странным и безрассудным, когда она бросилась его обнимать в состоянии истерии, плача от радости, не принимая во внимание опасности нападения волков на застреленного лося.

Охваченная жаждой мщения, она быстро разработала все этапы операции. Прежде всего следовало очистить вход у главной двери или хотя бы открыть ее. Немыслимо поднять убитого лося на платформу, ни тем более протащить через очень маленький люк, предварительно не разрезав его на куски, что невозможно сделать вне дома. Единственно возможное решение: протащить убитого лося через дверь и положить в безопасное место в общей комнате.

Эти мысли пронеслись в ее голове с головокружительной скоростью, и надо было, не раздумывая, принять решение.

К счастью, усилия, предпринятые в ночь, когда она нашла у порога «мертвеца», были не напрасны. Дверные петли, замочные скважины и железные засовы хорошо работали. Она их смазала маслом, добавив немного желатина из ягеля. Достаточно было ударить несколько раз лопатой и киркой, чтобы дверь распахнулась настежь.

Ров перед фортом был заполнен смерзшейся снежной пылью, принесенной ветром с поверхности затвердевшего снега. По этому гладкому, как будто стесанному рубанком снегу могли бы скользить без усилия своего рода сани, если их раскрыть по всей ширине. Те самые сани из невыделанной кожи, в которых ирокезы привезли ей отца д'Оржеваля.

С факелом в руках, с мешком, наполненным ремнями и полосками ткани, волоча за собой громоздкие сани, она вышла из рва и сразу же услышала тихое рычание, показавшееся близким.

Она побежала, крича и размахивая факелом, и, обогнув горку, образованную засыпанным снегом фортом, выбежала на равнину.

Она не успела надеть снегоступы, которые сейчас оказались бы бесполезными из-за затвердевшего снега и лишь замедлили бы ее ход.

Лосиха все еще лежала на месте. Вокруг мертвого тела кружил, осторожно ступая тонкими ногами, лосенок. Он оглядывался вокруг, словно не видя выхода, и наконец, задрожав всем телом, оцепенел. Анжелика остановилась и воткнула факел в снег. Молодой лось был настолько испуган, что даже звук ее тяжелых, приблизившихся к нему шагов не заставил его уйти от тела матери. Она выстрелила в него почти в упор. «Их двое, — подумала она, увидев, как он падает рядом с матерью. — С ними мы точно продержимся до весны».

И, подобно нарастающему шуму прилива, она услышала непрерывные короткие, частые удары и там, на опушке леса, увидела бежавших рысью волков.

От выстрела они на мгновение оцепенели, а затем снова побежали по направлению к замеченной добыче, приближаясь к ней, как волна серой пены со множеством крапинок золотистого цвета и тысячами глаз. Она не испугалась их скрытого и быстрого возвращения.

— Слишком поздно, друзья мои, — сказала она им. — Это мясо будет моим.

Она взяла факел и воткнула его в снег за тушей лося, образовав круг света, который должен был удерживать на расстоянии голодных хищников, испытывающих страх перед огнем человека.

Перезарядив карабин, она положила его рядом с собой.

Она ни на минуту не теряла из виду немой и беспокойный танец волков, которые в лихорадочном волнении метались взад и вперед. Одновременно она толкала, тянула, опрокидывала на сани огромную тушу лося, хватая его за что придется — ноги, уши, — и в какой-то момент поняла, что тиски мороза приковали к земле бок животного. Яростно поработав ножом и топором, она сумела довольно быстро отодрать его.

Связала, как могла, полосками ткани, рекомендованными отцом вместо веревок, погрузила сверху без особого труда тушку лосенка и укрепила сзади факел так, чтобы он удерживался самим весом животных. Положив на сани карабин и набросив на плечи кожаные ремни, она сумела сдвинуть с места эту странную грудку.

Лед, по которому она двигалась, облегчал скольжение груженных саней. Она шла быстро, почти бежала, интуитивно чувствуя, что волки бросились за ней в погоню, удерживаемые на расстоянии только светом факела и дождем искр, падающих при каждом толчке. Но неожиданно ее верный помощник зашатался. Анжелика едва успела остановить сани, броситься назад и схватить факел, прежде чем он упал на снег, рискуя погаснуть.

Он зашатался из-за того, что лосенок вывалился из саней, так как был плохо привязан. К счастью, она заметила это менее чем через десять шагов. Инцидент, который в первый момент заставил остановиться волков, пугавшихся малейшего шума и любого внезапного движения.

Это был удобный момент. С факелом в руках Анжелика побежала, чтобы поднять его и погрузить снова, но споткнулась и упала. Когда она поднялась, волки были уже очень близко, готовые вонзить клыки в лося.

Она стала лихорадочно вращать факелом, крича: «Назад! Назад!»

Но они отступили ненадолго и приняли выжидательную позу, с лапами, упертыми в землю, готовые бежать или прыгнуть вперед. И когда она наклонилась, чтобы ухватить ногу молодого лоса и подтащить к себе, она увидела глаза волков, которые так нравились Онорине, почти на одном уровне со своими. Сейчас они показались ей не такими

светящимися, как на опушке леса, они были просто блестящими, еще более кроткими, чем собачьи, почти человеческими, и, казалось, умоляющими, жадными и грустными. Волки были худыми, их было немного: пять, шесть или десять, и, так же как она, они подвергались адскому испытанию: ГОЛОДУ.

У них не было видно признаков ярости. Самой жестокой была она, не желающая делиться своей добычей.

«Я оставлю им лосенка, — подумала она, — я должна это сделать, должна».

Медленно, на коленях, она отступила назад, продолжая размахивать факелом, чтобы держать их на как можно большем расстоянии.

— Я вам оставлю лосенка, — крикнула она.

На этот раз они подпрыгнули и отступили, испугавшись человеческого голоса, прозвучавшего в морозном воздухе так удивительно ясно и сильно. «Я оставлю вам лосенка, потому что вы голодны и потому что мы братья... братья».

«Голодны, голодны, голодны! Братья, братья, братья!» — повторило эхо в мире льда. Оставаясь на коленях, она добралась до саней, что было намного опаснее, чем стоять на ногах.

Она это делала, чтобы быть на уровне их глаз, и пока она пристально смотрела им в глаза, они не двигались.

Лишь поднявшись, она увидела, как волки приблизились к лосенку, еще не веря неожиданной удаче, и жадно набросились на него.

С удвоенной энергией Анжелика снова схватилась за кожаные ремни. Небольшой уклон облегчил ее бег к форту, и груз без труда следовал за ней, подпрыгивал и терся о неровности почвы с сильным шумом, оглушавшим ее. В конце концов факел потерял равновесие, перевернулся и упал с шипением на лед.

Она предпочла не останавливаться. Она летела, и сани иногда обгоняли ее.

Она погрузилась в тень, отбрасываемую фортом. Возникли препятствия. Попадались ямы, в которые она падала. Груз опрокидывался, туша лося теряла равновесие, и она укладывала ее каждый раз, как могла, на сани, перевязывая узлы бесчувственными пальцами.

Добравшись, наконец, до края рва, она опрокинула вниз груз и столкнула сани.

Ее мучил вопрос: не начнут ли волки, расправившись в два счета со своей скудной добычей, преследовать ее? Подняв глаза, она, как ей показалось, различила в ночи самого большого, худого и старого волка, вытянувшего свою острую морду, в то время как она толкала дверь, силясь протащить огромную тушу лося.

Она находилась внизу, в схватке с огромной, как лошадь, тушей лося, которая, падая, накрыла карабин, она боролась и с дверью, которая никак не открывалась. А сверху на нее смотрел волк.

Какие мгновения! Пройдет немало времени, прежде чем она вспомнит почти с нежностью о том волке с вытянутой мордой, раскосыми глазами, напоминающими человеческие, грустными и мечтательными, которые с большим интересом следили за ее движениями, о том волке, который, возможно, померещился ей.

Она вспомнит, как шептала ему потрескавшимися губами: «Умоляю тебя! Умоляю тебя!»

Она расскажет детям, как эхо форта, который когда-то назывался Вапассу, повторяло: «Мы братья... братья... братья!»

Протаскивание лося через дверь и темный коридор форта можно было бы сравнить с ужасными родами, где она была маленькой акушеркой, совсем как в истории с

Гаргантюа. Она заставит детей смеяться, хлопать и вскрикивать с испугом и облегчением, потому что со временем многие моменты пережитой трагедии воспринимаются как комичные.

«Дети мои, — скажет она им, — лось наконец был в главном зале форта. Обе двери были закрыты. Ни волки, никто другой не мог забрать его у нас. Наконец у нас было мясо. Мясо до самой весны!»

— Я оставила его волкам, — заявила она ему с вызовом, — я отдала им лосенка!

Лежащий смотрел на нее с иронией, по крайней мере, ей показалось, что ее эмоции кажутся ему детскими.

— Завтра утром пойдите и посмотрите, не оставили ли волки копыта. Из них выйдет хороший холодец, очень питательный, и послужит последним запасом. А теперь надо разделать тушу. Нельзя терять время, — нетерпеливо сказал он, словно спеша помешать ей жаловаться на усталость. — Следует вынуть внутренности, чтобы мясо не испортилось, отрезать язык, убрать потроха, желчь и мочевого пузырь. У вас есть кожаный фартук?»

В течение всей ночи он не переставал давать ей указания по разделке туши, этап за этапом. Анжелика разожгла большой огонь в другой комнате, приготовила все котелки, кастрюли. И растрепанная, с окровавленными руками, подходила к нему всякий раз и спрашивала:

— А сейчас?

Он отвечал:

— Возьмите пилу, топор, большой нож. Пилите, режьте, скоблите, рубите на мелкие куски.

Ее особенно удивляло, что убитая лосиха оказалась лосем.

— Но почему же это не самка?

— Потому что это самец, — возразил он все с той же гримасой, которую она приняла за ироническую улыбку.

Он раздражал ее тем, что не обращал никакого внимания на то состояние изнеможения, доходящее до одурения, в котором она находилась.

— За ним гнел лосенок.

— Вероятно, это был не лосенок, а молодой лось, похудевший и меньшего роста, чем взрослый.

Он дал ей очень точные указания, как вынуть сердце, пищу королей.

— Нет больше сердца, — сказала она резко. — Пуля разорвала его.

— Вы решили целиться в сердце?

— Да.

— Только один выстрел?

— Да.

— С какого расстояния?

— С прицельного.

В глазах все та же ирония.

Она заметила, что уже не только рассвело, но и наступил день, только когда увидела перед собой Шарля-Генри, который предлагал свою помощь, в то время как двое малышей, аккуратно одетые с помощью Шарля-Генри, стали копаться в кусках мяса и проявлять интерес к ушам и большим потухшим глазам лося под щетками ресниц. Они не были такими сентиментальными, как Онорина, которая сказала бы: «Бедный лось!»

— Вы дадите мне хотя бы немного времени, чтобы заняться детьми и приготовить им бульон, — крикнула она своему мучителю и учителю по убою скота.

Он поинтересовался, вынесла ли она на мороз основные куски мяса, завернутые в кожу или кору, и разрешил ей наконец прервать работу.

Он продиктовал ей рецепт бульона, советовал, какие куски следует использовать согласно рецепту

«его тети Нанибуш», после чего она стала смотреть на него как на сумасшедшего.

А может, она начинала сходить с ума от этих испарений крови и теплых внутренностей? Она чувствовала тошноту и перевозбуждение.

Она напоила детей, испытывая от этого такую радость, что забыла о боли в суставах и об усталости от напряженной работы. Выпила и сама, чуть не падая в обморок от удовольствия. Однако расслабляться было не время. Приготовила ему чашку этого теплого, божественного нектара и, захмелевшая, как после бокала крепкого вина, напоила маленькими глотками. Он молчал. Анжелика подумала, что после разделки лося и наведения порядка надо поменять ему компрессы.

— Мальчик оказал мне кое-какую помощь. Я могу подождать. Отдохните, мадам.

— Неужели? Вы даете мне возможность немного отдохнуть? Я не ожидала от вас такой доброты, — сыронизировала она.

Она, шатаясь, направилась к огню, удивляясь, что еще в состоянии двигаться, но довольная, что жизнь возвращается к ней вместе с агрессивностью, суждениями и реакцией живого, а не полуживого человека. Это означало, что смерть не смогла вырвать их из жизни. О! Спасибо вам, иезуит! Дорогой вестник ночи и ирокезов. Отвратительно, но и приятно обладать способностью раздражаться против кого-либо. Жизнь снова входила в свою колею. Движения становились более уверенными, движения тех, у которых было что разогреть и чем питаться.

Ничего не произошло. Бросая взгляд на постель, она в который раз задавала себе вопрос, что же там делает этот человек.

У него были ярко-голубые глаза.

Два чистых огонька, возникающих из серого болота, в котором до сих пор терялся его взгляд. Его голос, вновь далекий, слабый и дрожащий, произнес:

— Считаю себя обязанным извиниться перед вами, мадам, за мою грубость. Животное было близко, и нельзя было терять ни секунды драгоценного времени.

— Тем не менее не было причин оскорблять меня, как это сделали вы — причина нашего нищенского существования, моего и бедных детей, вы даже мертвый продолжаете свою разрушительную работу, вы — причина того, что мы все потеряли, все, о чем мечтали, планировали, строили с такими усилиями и лишениями.

Она перевела дыхание и, так как он молчал, дала волю своему гневу.

— Прежде всего я должна вам сказать, что правильно сделала, что не бросилась вниз с крыши, на которую забралась, чтобы принести сюда огромную тушу. Я не смогла бы ни дотащить до форта, ни подняться снова на крышу и войти в дом. Дверь была заперта. Может, вы помогли бы мне или один из этих слабых детей! Вы ничего не знаете! Вы отталкиваете меня. У вас лишь презрение, гордость, эгоизм. Думаете, что мне доставляло удовольствие лечить ваши раны и тратить до изнеможения силы, чтобы вернуть вас к жизни, вас, кому я несправедливо обязана столькими бедами, поражениями, смертями и несчастьями. И ко всему вы меня же оскорбляете! Ах, как вы ненавидите женщин!

Она увидела, как он побледнел, его взгляд погас, но не могла остановиться и продолжала говорить. Пришла пора ему услышать правду из ее уст, и тем хуже для него, если он вновь приобретал облик мертвого и гнилого ствола, сваленного на землю, которая поглотит его и похоронит. Вот что он из себя представлял.

Она замолчала, и заговорил он. Речь его была четкой, хотя замедленной и хриплой.

— Вы правы, мадам, приношу вам все мои извинения. Находясь среди дикарей, сам становишься грубым, и вся низость, которая прячется в глубине души, всплывает на поверхность у тех, кто недостаточно силен духом, чтобы перенести унижения. Простите меня, мадам.

Он повторил это несколько раз умоляющим тоном: «Простите меня, простите меня», после чего замолчал.

Эта внезапная покорность умерила ее гнев, который сгорел, как солома в огне, и оставил ее опустошенной, без сил, ослабевшей до такой степени, что она вынуждена была опереться о стену.

— Не знаю, что на меня нашло, — призналась она, — почему я так кричала и потеряла голову после того, как убила лося. Я была как безумная, но не могу сказать, от чего: от радости, от благодарности к вам или от упоения победой.

— Наши тела слишком слабы, чтобы выдержать подобные нагрузки, — сказал он. — Случается, что чувства, глубоко спрятанные в душе, внезапно всплывают наружу всплесками ярости или ребяческими выходками, которые в других случаях никогда бы не проявились. Бешенство овладевает нами, когда мы настраиваемся на победу, но, оказывается, мы к ней еще не готовы.

— Я не готова переносить такие прекрасные мгновения, — сказала она, чувствуя сильное сердцебиение от волнения, которое она была не в силах ни преодолеть, ни объяснить.

— Надо всегда воспринимать жизнь такой, как она есть, — ответил он, — но не всегда это то, чего мы ожидаем. Отсюда наша растерянность.

Голос стал тише.

— Знает Бог, что я совсем не был готов к тому, что мне суждено было пережить. Для меня все было неожиданным.

Удивительно, что он говорил так ясно и четко, и в таком месте. Он снова замолчал и, казалось, лишился чувств; исчез, как будто его покинули та непреклонность и решительность, которыми он обладал в течение нескольких часов.

Внезапно она увидела его бледность, синеватые закрытые веки и заострившийся нос и поняла, что усилия, приложенные им в битве за лося, довели его до полного изнеможения. Он собрал последние силы, произнес последние слова: «Простите меня»... и умер.

Для нее это был страшный удар. Он умер, на этот раз он действительно умер.

Она упала на колени рядом с кроватью, подавленная чувством страшного разочарования, которое перечеркнуло радость победы.

«Мясо до весны».

Вновь она осталась одна. Он умер. Она снова одна со своими детьми.

Она прислонилась лбом к его безжизненной руке и разразилась рыданиями.

***

Шумная болтовня детей разбудила ее. Она так хорошо спала, что не понимала, где находится. На ее плечи было наброшено меховое одеяло. Она спала на коленях, прислонившись лбом к его мертвой руке.

— Кто набросил на меня одеяло? — спросила она стоящего рядом с ней Шарля-Генри.

— Он! — ответил мальчик, указывая на лежащую на постели фигуру.

Значит, он не умер. Эти воскрешения и умирания изнурили ее.

Тогда она спросила себя, не посетил ли ее «настоящий» мертвец, который время от времени

умирал, а затем воскресал, вновь возвращаясь в свое тело.

— Когда?

— Прежде, чем вы заснули.

— Я подумала, что вы умерли.

Она ответила голосу, похожему на голос призрака.

Но почувствовала, как задрожала рука, которую она держала в своей, и услышала восклицание:

— Итак, вы хотите мне доказать, что страдаете из-за моей смерти, из-за моей кончины. Из-за меня — самого большого вашего врага?

Она осталась на коленях, не обращая ни на кого внимания, подперев щеки руками, как бы удерживая дрожь. «Какая в нем скрывается сила!» — думала она, вспоминая те мгновения, когда ей было сказано: «Приблизьтесь, идите сюда! Подойдите ближе!»

Он поймал ее ледяными руками и прижал к своему плечу. Его сила — сила смертника, сила, способная возвысить или убить.

Находясь продолжительное время на коленях, пребывая как бы в восстанавливающем сне, она наконец подняла голову и улыбнулась. Казалось, ее губы сопротивляются улыбке. Наступила тишина.

Глава 55

Она допускала, что он мог быть Себастьяном д'Оржевалем, который уже два года считался павшим от руки ирокезов. Но для того, чтобы убедить себя в этом, ей необходимо было время. Прошлое создало ситуации и образы, которые вдруг обратились в прах в соприкосновении с реальностью, для того чтобы воссоздаться вновь с особой отчетливостью. Отец д'Оржеваль умер, а перед ней был самозванец? Надо было выждать время, чтобы получить ответы на возникающие у нее вопросы. Больной был в плену сильной горячки, и, когда на следующий день она осматривала его ноги, то обнаружила, что одна из них сильно вздулась, натянув кожу. Анжелику охватил страх перед возможностью гангрены. Когда случается подобное, существуют лишь два выхода — либо смерть, либо ампутация пораженной ноги.

«Нет. Нет! Я никогда не смогу пойти на это!» — подумала она. Однажды ей приходилось разделять лося, но отрезать ногу у живого человека — нет, она не смогла бы этого сделать. Анжелика вновь обрела свою внутреннюю силу. Он должен был жить, и они тоже. Было уже много знамений, и Анжелика усиленно предалась лечению его всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении.

Призрак гангрены постепенно растаял, но жар не спадал. Больной метался, стонал и, мотая головой из стороны в сторону, повторял: «Пусть она замолчит! О, пусть она замолчит!» Большую же часть времени он бормотал необъяснимые фразы на языке ирокезов.

Когда горячка спала, он стал неподвижным, и вновь Анжелике почудилось, что в ее доме лежит мертвец, а если и живое, то неполноценное существо, что

выдержать было еще тяжелей. Ведь теперь, когда мяса должно было хватить надолго, ей хотелось бы расслабиться и насладиться.

Если это действительно был отец д'Оржеваль, страшно было подумать, что индейцы могли довести до такого состояния — не только увядания и истощения, но даже и оглупления — этого великого миссионера.

Боль, гнетущая его, далеко выходила за рамки физической. Свойственная ему энергия, временами поблескивавшая в его глазах, казалось, не принадлежала тому же человеку, который, отдаваясь ощущениям своего беспамятства, медленно и трусливо двигался навстречу смерти.

Ей хотелось уничтожить следы перенесенных им пыток, вернуть прежнего, великого, обладающего трудным характером отца д'Оржеваля. Того человека, который вел войска на бой, размахивая своим вышитым штандартом; погружался в молитву у подножия алтаря; ненавидел женщин, ибо знал лишь недостойных, и потому сражался с ними, как если бы они были воплощением зла; который страдал от предательства друзей; обладал, по слухам, даром вездесущности; исповедовал в Акадии, на Великих Озерах и в Квебеке. Вернуть человека, знавшего все, инициатора тысячи интриг, одновременно изготавливавшего зеленые ароматные свечи из воска, полученного из плодов тамариска.

Однажды, расчесывая волосы детям и рассказывая им какую-то историю, она почувствовала, что он в сознании и смотрит на нее. Повернувшись в его сторону, она поймала на его лице странное, двусмысленное выражение. Оно было похоже на насмешливую гримасу, показавшуюся ей пошлой. Хотя она и не поняла ее смысла, у Анжелики вновь родились сомнения. Лежащий человек был самозванцем, затаившимся разбойником, отлученным от церкви,

пьяницей, ради собственного спасения присвоившим распятие и сутану отца д'Оржеваля. Он смотрел на нее с язвительной, беззубой улыбкой, которая пробудила в ней неприятное ощущение. Не удержавшись, она резко спросила его:

— Кто вы?

При этом внезапном вопросе выражение его лица сменилось, и он показался обеспокоенным.

— Я говорил вам. Я — Оржеваль из братства Иесуса. Его взгляд дрогнул, обозначив косоглазие, развившееся у него после высокой температуры.

— Нет, вы не отец д'Оржеваль! Он был исключительной личностью. Вы, вы — отвратительны. Вы украли его распятие, его «я», но вы — это не он. Я чувствую это.

Она приблизилась к его постели и вгляделась в это чужое, с оттенком двусмысленности и тревоги одновременно, лицо.

— Кто вы? — повторила она. — Вы не являетесь тем святым мучеником иезуитом. Я разоблачу вас, — она придвинула к постели стул и села у изголовья, не спуская глаз с таинственного человека. Она захотела запутать его, заманить в ловушку. — Расскажите мне о вашей молочной сестре, — сказала она ему как бы невзначай.

Он встревожился, как ребенок, испугавшийся, что не сможет найти правильный ответ. Настаивая на своем, она продолжала.

— Да, ваша молочная сестра, чье имя начинается на «а», как у дьяволицы. Неужели вы смогли забыть это зловещее создание? Амбруазина?

Землистого цвета лицо побледнело. Взгляд потух, и он отвернулся. Потом нерешительно он ответил:

— Это не... не моя сестра, а молочная сестра Залиля, — он вновь иронично заулыбался и, выдержав паузу, продолжал: — Мать Залиля была и моей кормилицей,

еще до него. У его старшего брата, которого она кормила вместе со мной и который и был моим настоящим молочным братом, была уродливая нога. Я чувствовал, что, лежа рядом со мной, он хотел убить меня. Мне рассказывали, что все кончилось тем, что я задушил его в нашей общей люльке. — Анжелика вздрогнула, вспомнив слова, которые Амбруазина любила повторять с восторгом и тоской: «Там, в горах Дельфината, нас было трое проклятых детей». Очнувшись, она резко возразила ему:

— Ерунда! Они заставили вас поверить в эту небылицу, чтобы надежней подчинить своей воле. Я верю тому, что в детстве вас окружали испорченные и жестокие женщины. Я поняла это, общаясь с Амбруaziной. Но чтобы вы были таким же, как они, — в это я "не могу поверить.

— Вы защищаете меня с таким пылом, но, возможно, вы правы. Чем более странно рождение, тем более требовательна судьба.

— На вас взвалилась тяжкая ноша, отец, и это не случайно.

— Могли бы вы объяснить мне причину этого, мадам?

— Я недостаточно знаю вас. По правде говоря, я вас вообще не знаю. Тот образ, в котором вы предстали перед нами: миссионер, воин, завоеватель новых миров во славу Господа и королевства, священник, посвятивший себя спасению душ, — были ли это вы или это была лишь маска, за которой вы скрывались на время? Может быть, вы стали иезуитом, чтобы быстрее ступить на вашу собственную дорогу?

— Куда же она должна была меня привести?

— Туда, куда, возможно, вы уже пришли.

Он вздрогнул.

— Нет. Я не могу в это поверить. Я не могу согласиться с тем, что весь этот ужас, все эти низкие

поступки и составляют мой жизненный путь, угодный Богу. Ваши рассуждения пахнут ересью. Вы близки к Лютеру, заявившему: «Греси, но сильно греси!»

— О нет! Хватит, прошу вас! Я не в состоянии сейчас рассуждать о теологии. Догматы, Писание — все это оружие, способное убивать. Я просто хочу сказать, что вам нужно взглянуть на свою жизнь иными глазами, сквозь призму иных истин. Бросьте разбираться, что говорили Лютер, Кальвин или святой Фома, ибо вы не властны решать, что есть, а что не есть грех!

Она говорила не подумав. Это был мгновенный обмен фразами, похожий на то, как скрещиваются два блестящих клинка в начале схватки дуэлянтов, когда оцениваются силы противника. Последние ее слова заставили его вздрогнуть еще сильнее, чем прежде, и она вновь заметила опасный блеск в его голубых глазах, которые по мере выздоровления становились все яснее. Но Анжелика не дала себя запугать.

— Да, да! Это так, и даже если вы иезуит, вам не удастся меня переубедить. Не будем лучше больше касаться столь мрачных тем.

На мгновение он остался в напряжении, но затем откинулся назад и замер, закрыв глаза. Она задалась вопросом: не собирается ли он от досады покинуть этот мир и укорила себя за грубость и недостаток заботы в обращении с ним. Однако, когда она собиралась встать, чтобы дать больному отдохнуть, он вдруг одним ловким движением сел и, заключив ее ладонь в свои, приложил к губам.

— Да благословит вас Бог! — прошептал он. Следующие дни прошли спокойной, тихой чередой, не лишенной, правда, той живости и привлекательности, которые свойственны горящим углям под покровом пепла. На деле же этот покров был снежным.

Анжелика слегка потеряла счет времени, поделив его на ночи, когда ей надо было вставать, чтобы

поддерживать огонь, и на дни, в течение которых она занималась различной работой, отлично сознавая, сколь медленно она ее выполняет. Приготовление пищи, купание детей, расчесывание волос, смена повязки больному, распределение пищи — день, настолько темный и слабо отличающийся от ночи, был очень краток. Конец его был для нее радостью, ибо вновь можно было укутаться в одеяло. Чуть позже она вновь подымалась, чтобы еще раз покормить всех, после чего можно было удалиться за занавесь, предаться омовению, а затем усесться перед зеркалом и заняться своими волосами. Но иногда она уставала так сидеть, и тогда быстро возвращалась в постель, довольно вздыхая. Это была постель, в которой было тепло и в которой можно было отдаться во власть спасительного сна, забыв о голоде и заботах следующего дня. Постель, пронесшая их через все дни и ночи этой проклятой зимы, как настоящий плот, заполненный обессиленными людьми, который плыл по течению реки-ночи по направлению к весеннему свету.

В тарелки с жилистым мясом день за днем она добавляла маленькие порции риса или лжеовса. Эта добавка представляла собой защиту от цинги, называемой также «земляной болезнью», — настоящей опасности в период зимы, равно как и на корабле при недостатке свежей пищи. Каждый день она давала по ложке этой добавки детям. Когда же она попыталась просунуть ложку меж губ больного, тот отвернулся, простонал и затем прошептал: «Отдайте это детям. Я для вас только лишний рот, Зачем вы меня спасли? Почему вы меня не съели?»

***

Вскоре все переменилось. Белая пустыня медленно отходила вспять. Ночью временами она просыпалась в удивлении от того, что наслаждается сладостью этих

мгновений, когда наконец пропала та тревога, которая давно закралась глубоко ей в душу.

Она испытывала чувство облегчения: тепло и отдых, наконец предоставленный ее натруженным членам, спокойный сон прижавшихся к ней детей — все это позволяло ей расслабиться и вкусить радость этих мгновений успокоения, когда все, казалось, вновь встало на свои места. Свет от углей под слоем золы рождал розовые блики, плясавшие по низким сводам их прибежища. Присутствие человека рядом с ней перестало вызывать у нее двойственное беспокойство, в котором были смешаны страх, вызванный вражеским именем, и нежелание, прочно укоренившееся в ней, видеть его умирающим. Ее первые чувства и переживания улеглись, и оставалась лишь навязчивая идея, что ко всем неудачам, постигшим ее по его вине, он добавит еще и свою смерть. Она расценила бы его конец как роковое предзнаменование их собственной гибели. Она уже была готова обвинить его в этой последней подлости, когда однажды и это наваждение исчезло, и она осознала, что из-за своей привязанности к нему не хочет, чтобы он умер. В ночной тиши она прислушивалась к дыханию своего «покойника», временами прерывавшемуся хрипом и бормотанием: «Жажда! Жажда!» или «О, пусть она замолчит! Пусть она замолчит!» Это был человеческий голос, который нарушал то гробовое молчание, которое грозило свести ее в пропасть сумасшествия. Ее обостренная чувствительность фиксировала каждое проявление пришельца, присоединившегося к ним на дне этой пропасти. С помощью беглых фраз, произнесенных шепотом, между ними медленно рождалось подобие понимания, так же как у слепых, ищущих друг друга во мраке собственного неведения, или как у потерпевших кораблекрушение, зовущих друг друга сквозь пелену тумана.

— Вы спите?

— Нет.

— Вы страдаете?

— Нет.

Однажды он ответил:

— Не знаю. Я давно позабыл, что такое жизнь без страданий.

И он начал, в свойственной ему ученой манере, толковать о положениях, выведенных в «Практике инквизиции», одном из наиболее известных трактатов на эту тему, написанном Бернарелем, знаменитым инквизитором Тулузы начала XII века. Он упомянул о «допросе с пристрастием» как о наиболее распространенной форме пыток. В ходе этого «допроса», говорил он, как бы в продолжение начатого с ней ранее разговора, кровь не должна была литься рекой, дабы не вызывать слишком быструю смерть. Вот почему предпочитали придерживаться трех основных вариантов: колесо, «кобыла» и пытка водой. Только затем, для очищения, использовался огонь.

Вначале, думая, что он бредит, она позволила ему продолжать его зловещий рассказ, но, почувствовав, что он ожидает какой-нибудь реакции с ее стороны, она тихо потребовала от него:

— Замолчите. Эти темы лишь питают наши ночные кошмары. Ночью лучше просто спать.

— Сейчас не ночь, а день.

Не двигаясь и даже не открывая глаз, он всегда знал, что было за окном: ночь или день, шел ли снег или небо было безоблачное, поднимался ли ветер или надвигалась стужа. Это помогло Анжелике вновь придать своему существованию тот порядок, который помогает простым смертным следовать жизненной череде, где день сменяется ночью, а ночь — днем, чтобы затем превратиться в месяцы и годы. Так как днем надо было быть на ногах и заниматься делами,

Анжелике лучше удавалось противостоять искушению лечь и окунуться в сон. Это искушение преследовало ее с тех пор, как она, не имея иной возможности ориентироваться, кроме как по слабым просветам, которые не знала, как расценить, предавалась очарованию ночи.

***

Так проходили часы, дни и недели, целые месяцы посреди темной и суровой зимы, прерывающейся редкими солнечными днями, еще более опасными, нежели периоды снежных бурь и изматывающих и непрерывных снегопадов. Это время было бесконечным и кратким одновременно; обманчивым, как лабиринт; темным и подавляющим, как подземелье, в котором продвигаешься ползком, отчаянно надеясь увидеть в глубине дневной свет. У этого времени были и прекрасные, полные сладости и нежности моменты, рождающиеся из чарующей глубины этой обволакивающей зимы, в пушистом снегу которой растворялись дни, когда сон играл большую роль, и ночи, когда мысль, сознающая пустоту окружающего мира, свободно блуждала, не зная, день это или ночь. Это было время вне времени, когда Анжелика почувствовала себя потерянной, охваченной непонятной жизненной силой, пришедшей ей на помощь, чтобы пережить зиму в том состоянии благодати, которое сравнимо с хождением по водной глади и которое до тех пор, пока они оставались в добром здравии, должно было их оградить от забот, тревог и беспомощности, подавляющих людей.

«Как мы были счастливы тогда!» — скажет она однажды. Эти слова родятся у нее при воспоминании о тех далеких днях. Все было наделено смыслом. Все было легким, простым и невероятно ясным: движение, молчание, слова и даже слепота сна. Рассказы, открытия, откровения, признания, споры, наставления

— обман был пошлым. «Ничего не хотелось бы забыть»,
— говорила себе Анжелика, сомневавшаяся в своей ослабевшей памяти.

В будущем она представляла себя сидящей с пером в руке перед залитым солнцем окном, распахнутым на какой-нибудь парк с его шорохами, погруженной в написание этой «Хроники плота одиночества». В этой книге два голоса, приглушенные тяжестью зимы и мраком ночи, как бы из подземелья, вели диалог, эхом которого было детское щебетание или потрескивание в каменном очаге. Это был диалог, в котором шаг за шагом давались ответы на разные вопросы — о прошлом и будущем, о судьбах, о коллизиях времени и духа, подбираясь к главному вопросу, возникшему у нее однажды: «А я? Кто я?» На это Рут, салемская ведьма, сказала ей тогда: «Придет день, и кто-то тебе ответит».

***

Для иезуита хроника событий в основном сводилась к медленному и беспорядочному процессу выздоровления и, в определенной мере, возвращению разума. После жесточайших потрясений, сковавших его мозг и оставивших явственные следы на его теле, разум постепенно вновь занимал свое место. По его рассказам, в годы его плена его ежедневно били, в основном по голове. Слова, временами невольно слетавшие с его губ, помогали понять глубину пережитых им страданий. Однажды, например, советуя, как сделать вкуснее «сагамит» — кукурузную похлебку, он объяснил:

— Моя тетка Нанибуш от души била меня, но была хорошей поварихой. Она знала по крайней мере восемь разных способов приготовления кукурузы.

— Кто это ваша тетка Нанибуш?

— Моя ирокезская хозяйка.

Вначале воспоминания возвращались к нему в каком-то странном порядке, как будто он пытался

воссоздать в глубине себя образ, когда-то разбившийся вдребезги. Он мог внезапно спросить своим твердым, но охрипшим менторским голосом:

— Мадам, не хотели бы вы, чтобы я рассказал вам о лосях?

— О лосях?

И Шарль-Анри, убедив прислушаться и близнецов, говорил:

— Мне нравится, когда он рассказывает о животных, мама.

Это произошло в день, когда Анжелика отварила в котле копытца молодого лося, которые она пошла искать на следующий день после охоты и с большим трудом нашла среди следов волков и остатков их пиршества — несколько костей и обрывков шкуры. Именно тогда д'Оржеваль объяснил ей, почему это не могла быть самка с малышом. «Но у нее же не было рогов». — запротестовала она.

— Самец лося теряет свои рога в декабре. Новые начинают вырастать лишь в апреле, а в замечательное украшение они превращаются только осенью, в сезон любви. Тогда его опасный и раздражительный призыв раздается в лесу. Самка же принесет приплод лишь спустя восемь месяцев. Вот почему в эту пору невозможно встретить здесь самку с малышом.

— Какая глупость с моей стороны! Ведь я же не знала об этом, но я была вне себя.

— Оба зверя — взрослый и молодой, изгнанные непогодой со своей территории, видимо, были единственными уцелевшими особями из стада, пострадавшего от голода и холода.

На ее вопрос: «Откуда вы узнали, что там был лось?», он мгновенно парировал: «А вы? Как вы узнали той январской ночью, что отец Массера и его спутники погибали под снегом в нескольких шагах от вашего дома?» Он многое знал о ней, да и о них всех. В конце

концов нечему было удивляться: достаточно было подумать, до какой степени, на протяжении всех этих прожитых в Америке лет, жизнь этого иезуита смешалась с их собственной. Постепенно она начала прояснять для себя некоторые загадочные события.

— Отец, — обратилась она однажды к нему. — В Квебеке, во время шествия, в специальной реликварии проносят один из ваших пальцев. Это, конечно, ни о чем не говорит, ведь народ в Канаде, как миссионеры, так и следопыты, никогда не скупилась на свои фаланги ради спасения индейцев, желая показать язычникам крепость своей христианской веры и верность королю Франции. Но по отношению к вам, Себастьяну д'Оржевалю, речь идет уже о святых мощах. Вы ведь мертвы, отец, вы пали от руки ирокезов. Ваше имя — в списке на причисление к лику святых, отправленном в Рим. За этим сразу же последует канонизация. Как же распространился слух о вашей мученической смерти, якобы происшедшей более двух лет назад?

Он закрыл глаза и помолчал некоторое время, прежде чем ответить презрительным тоном:

— Болтунам нравится создавать легенды.

— Тот, кто принес эту весть, вовсе не был болтуном, как вы говорите. Это был один из членов вашего ордена, отец де Марвиль. Он показался мне очень строгим и мало склонным к шуткам. Я сама слышала из его уст: «Отец д'Оржеваль пал от руки ирокезов. Я тому свидетель». Он описал нам перенесенные вами пытки и ваш конец. Он был в сопровождении Тахонтагена — вождя онондагов. Тахонтаген передал моему мужу ожерелье «вампум» от Уттаке — вождя могауков — и известие, что отец д'Оржеваль мертв. Я видела это ожерелье и расшифровала его смысл.

***

Иезуит приподнялся, и в его глазах блеснула ярость. «Он сделал это! Он сделал это!» — повторил он, не

давая понять, говорит ли он об Уттаке или о де Марвиле. «Он посмел!» Он зло посмотрел на нее.

— Что конкретно означало это ожерелье?

— По правде говоря, поверили этому первому толкованию, подтвержденному словами отца де Марвиля. Но настоящий смысл вампума впоследствии оказался иным: «Твой враг больше не может навредить тебе».

Она увидела его охваченным судорогами и подумала, что он задыхается, но он просто смеялся, смеялся хрипло и разочарованно.

— Это правда! О да, это правда! Твой враг не может навредить тебе.

Он повернулся к ней и, потеряв силы, откинулся на подушку, шепча: «Но это по вашей вине, это ПО ВАШЕЙ ВИНЕ. ВСЕ... ПО ВАШЕЙ ВИНЕ!» Глядя на эту вспышку обиды, она легко узнала в нем человека, долгое время бывшего их врагом, преследовавшего именно ее.

— Откуда столько неприязни в мой адрес, отец? В ведь никогда раньше не знали и не видели меня!

— О нет, я видел вас!

Так то, что ранее было лишь подозрением, внезапно стало явью. Догадываясь, какой именно случай он имеет в виду, она поняла, что ни он, ни она не в силах говорить об этом с честностью и прямоотой. Коснувшись этой темы, он наткнулся на препятствие, которое заставило его тяжело дышать, словно он вдруг окунулся в горестные воспоминания. Видя это, она предпочла ограничиться этими первыми откровениями. Для них обоих пока лучше было довольствоваться поверхностными объяснениями. Сердце подсказывало ей, что в один из дней ему придется совершить прорыв в запретные зоны своего «я». Она чувствовала, что ее долгом будет помочь ему в этом и что лишь она в силах сделать это.

***

Он с готовностью рассказывал ей о своем детстве, и она поощряла его в этом. Оно казалось Анжелике знакомым, может быть, благодаря рассказам и самому образу Амбруазины, связывавшей их тем, что хорошо знала их обоих. Детство его было мрачным и темным, все оно прошло под знаком ночи и запомнилось постоянной резней, в которой он еще мальчишкой принимал участие бок о бок со своим внушающим всеобщий страх отцом. Тот уже в столь ранние годы вложил ему в руки меч, благословленный сборщиком податей замка, дабы он мог сокрушить еретиков в сопредельных землях.

Стало быть, он родился среди демонических женщин, каждая из которых по разным причинам отдала свою душу дьяволу. «Все они, — говорил он, — были из рода Лимет — первой грешницы, женского начала Зла». Амбруазина, юная и привлекательная, как ангелочек, была первой во всех грехах, особенно во лжи и жестокости.

— Именно эту грешницу послали вы нам для достижения вашей цели — уничтожения своих соперников на всей территории Французского залива!

На его лице появилась ироническая улыбка.

— Прелестная война между двумя прелестными женщинами! Она не подозревала, что вы будете с ней сражаться ее же собственным оружием — дерзостью и хитростью. Вы победили.

— К сожалению, не до конца! Она, увы, не погибла и вернулась, чтобы довести до конца свое черное дело.

Однако, когда Анжелика с пылкостью начала разъяснять ему ход последних событий, он оказался к ним весьма равнодушен. Казалось, он не был уверен, что речь шла все о той же, чрезвычайно опасной Амбруазине. Его мысль, похоже, все еще была занята первым этапом их борьбы. То, что произошло после его отъезда к ирокезам, его не интересовало. Когда он

упомянул имя Ломонье, своего старого товарища по колледжу, она захотела узнать, что привело его в начале юности из сурового Дельфината к иезуитам. Он охотно поведал ей об этом.

***

— У меня был дядя, брат моего отца. Он был епископом или каноником, точно не вспомнишь, но так или иначе столь же усердно порол овечек своего прихода, сколь отец отличался в резне еретиков. Он решил, что хотел бы видеть меня членом ордена. Мой отец долго протестовал, ведь я был его единственным наследником, но сделать ничего не смог. Может быть, священник как младший брат хотел присвоить себе часть наследства — я не знаю об этом. Эти два гиганта два дня боролись как с помощью угроз и увещеваний, так и с помощью грубой силы. Мое вмешательство принесло победу епископу.

Слава Богу, я понимал, что жизнь моя при отце добром не кончится, что рано или поздно я угасну телесно и духовно. Потому я настоял на том, чтобы следовать за дядей. Так я очутился в иезуитском Клермонтском колледже в Париже.

Он часто возвращался к годам своего ученичества, рассказывал о дружбе с юношей по имени Клавдий де Ломенье-Шамбор. Чуть менее он распространялся о периоде послушничества, ибо это были долгие годы, связанные с посвящением, приобщением к таинствам ордена, согласно уставу не подлежащими огласке. Затем он возвращался снова к детству, но теперь для того, чтобы с сожалением признать, что отрочество его было загублено.

— Ребенок долго хранит воспоминания о чем-то непередаваемом. Порой только на него, невинного, нисходит благодать свыше. Слишком быстро песок и пепел покрывают его мечты. Мне казалось, что частичка моего детства воскресла при встрече с Клавдием де

Ломенье, который был на несколько лет младше меня. Но путь, на который я был вынужден позже встать, отдалил меня от него из-за мягкости его характера.

Они мне что-то сломали здесь, — сказал он, показывая на свою грудь. Анжелика подумала, что он имеет в виду его палачей-ирокезов, но в действительности он говорил о своих учителях-иезуитах.

— Они не просто разбили сердце, но выжали все соки, пока оно не засохло, не окаменело без всякой возможности к возрождению. Я был дитя природы под властью вод и крови. Женщине легче избежать подобного влияния. Ей лучше удастся совместить свет и тень, гармонию и хаос. Еще тогда, когда я только отплывал в Америку, где меня ожидал все тот же Клавдий де Ломенье-Шамбор, ставший мальтийским рыцарем, я питал какие-то иллюзии. Америка! Я говорил себе, что там я обрету свет. Еще позже, спустя много лет борьбы, я надеялся на это. Дело, начатое мною, вполне отвечало моим стремлениям! На просторах этой дикой земли я видел царство Христово, возвестить о котором я и прибыл. Поэтому, как только я узнал, что какой-то дворянин, искатель приключений, не зависящий ни от короля Франции, ни от короля Англии, решил поселиться на этой ничейной земле Мэна на берегах Акадии, я тотчас же насторожился. Я собрал сведения о нем. Он оказался флибустьером с Карибских островов. Но было и еще кое-что. Я видел в нем опасность, но то, что он говорил, представлялось мне опасностью неизвестного свойства. Этот пришелец, я был уверен, несет мне гибель.

— Я думаю, что смогу вас заверить в том, что мой муж, приехавший в Мэн с верительными грамотами от Массачусетса, ничего не знал о вас. Наоборот, он желал встретиться с любым обитателем этих земель или миссионером любой страны; французом, англичанином,

шотландцем, чтобы войти с ним в союз. Что же касается меня, то в начале его пребывания на берегах Французского залива я вообще не была с ним.

— По правде говоря, насторожиться меня заставила не опасность его прибытия. Французский залив представляет собой такую смесь народов, что каждый может здесь найти свое место. Но у меня было видение Голос с небес прокричал мне: «Все начинается! Все начинается!»

***

В тот день он отказался что-либо добавлять. Когда он стал притворяться, что больше ничего не помнит и путается, она поняла, что это признак нестерпимой боли, которую он не в силах был побороть, что он не мог об этом говорить, не почувствовав себя затем плохо. Тогда она пожелала ему терпения и вопросами по пустякам перевела разговор на менее болезненные темы. Но пустяков в его жизни, как стало ясно, не было.

Глава 56

— А все-таки до того момента мне удалось сделать так, чтобы плотины не обрушились, — заявил он внезапно. Потом, как с ним обычно случалось, он выдержал долгую паузу, производя впечатление заснувшего или запутавшегося в собственных мыслях человека. Затем он продолжал, говоря приглушенным, однотонным и слегка дрожащим голосом:

— Первый раз плотины рухнули в тот осенний день. Я тогда шел по лесу. Между тем Ломенье, по моему приказу, должен был напасть на поселение в Катарунке. Мы с ним условились раз и навсегда уничтожить непрошенных гостей, угрожавших расплодиться без меры. Мы действовали без одобрения Фронтенака, но нам с другом было не впервой совершать что-нибудь лишь по собственной инициативе. Я призвал его действовать немедленно, дабы оказаться на месте раньше «их» — тех, кто прибыл караваном с юга. Клавдий должен был поджечь поселение, а затем подготовить засаду. Я со своей стороны должен был присоединиться ко второму вооруженному отряду, шедшему из Труа-Ривьер и Виль-Мари, а также со стороны Ришелье. Это были гуроны и алгонкины, во главе которых стояли лучшие канадские дворяне, которые уже были со мной во время моих кампаний против еретиков Новой Англии: де Обиньер, Модрейль, Пон-Бриан. Я шел им навстречу, уверенный, что предпринял все возможное, чтобы покончить с пришельцами. Но я шел, как в кошмарном сне, ибо мне сообщили, что «они» двигались с лошадьми. Не знаю, почему эта деталь врезалась в мой мозг, как бурав, глубоко входящий в дерево, выходящий насквозь и опустошающий его. Было что-то дерзкое в этом

проникновении на доселе пустынную территорию не только с женщинами и детьми, но и с лошадьми, что говорило о решительности, желании не останавливаться ни перед чем, спокойной уверенности в своей превосходящей силе. Я расценивал это как вызов.

Предчувствие, извлеченное из видения, заставило меня начать сомневаться в удачном завершении кампании, несмотря на тщательность ее подготовки, сомневаться в том, что никто из чужаков не уйдет из схватки живым. Я как будто бы раздвоился. Я был одновременно и с чужестранцами и их лошадьми, и с Ломенье и войсками, ожидавшими их, чтобы уничтожить.

Лес был охвачен огнем. Я хочу сказать, что в моих глазах он пылал. Красного и золотистого цвета деревья окружали меня, как недвижимые языки пламени, а раскаленный дневной воздух способствовал моему миражу. Повсюду меня преследовало это тревожное ощущение. Мое беспокойство было столь велико, что, взобравшись на вершину мыса, возвышающегося над одним из озер, я вынужден был остановиться, чтобы перевести дух. Тогда-то я и увидел ЕЕ. Ее, «обнаженную женщину, выходящую из воды».

«Наконец-то!» — подумала Анжелика. Он замолчал. Видя это, она не пыталась нарушить тишину. Не столько в силу терпения, сколько из-за усталости, не столько по причине стыдливости, сколько потому, что свыклась с этим обвинением. Слишком уж много раз приходилось ей защищать свое неотъемлемое право на купание жарким днем индейского лета в одном из десяти тысяч озер американской земли Мэн, считающейся к тому же настолько непроходимой, что практически невозможно было предположить, что в радиусе тысячи миль найдется кто-нибудь, кто пройдет именно там и увидит ее.

Этот эпизод положил начало целой череде драм, осложнений и дал повод для развязывания тех войн, которые в любом случае рано или поздно вспыхнули бы. Именно это пытались втолковать ей на протяжении тех лет, когда она заметила искусственный характер происшедшего, но также и его тайный, скрытый от всех, или почти от всех, смысл.

Желая докопаться до истинного смысла происшедшего, ей пришли на ум единственно возможные слова, которые бы заставили его признаться в том, что он использовал ее, чтобы разжечь страсти.

— Не говорите мне, что вы приняли меня за акадийскую дьяволицу, привидевшуюся матери Магдалине, пришедшую, чтобы совратить ваших овечек-прихожан! Вы менее других должны были поверить этому!

— Это так, — признал он сдавленным голосом — Это правда, у меня никогда не было и тени сомнения, что вы не имеете отношения к видению матери Магдалины из Квебека. Напротив. Но я затаился. Я решил спрятаться за пеленой лжи не потому, что не верил вам, а потому, что был похож на зверя, спасающегося от опасности. После того, что со мной случилось, у меня не было иного выбора.

***

Он застонал. Грудь его приподнялась в одышке. Она встала, чтобы налить ему горячий напиток. Затем, подойдя к изголовью постели, она, придерживая его рукой за плечи, дала ему пить.

— Теперь говорите, если хотите. Что вы хотели скрыть?

— То, что случилось со мной.

— Ну что же?

— Я не знаю. Может быть, пробуждение неизвестной мне ранее страсти? Вы не в силах понять. Когда-нибудь я вам объясню все. Как передать то

чувство, которое овладело мной? Это было не просто чувство, а нечто большее, требовавшее от меня бросить все, как евангельскому богатому юноше, выйти к вам навстречу, к вам — чужестранцам, обреченным на гибель, и признать, что я — один из вас. Еще хуже было то, что, действуя таким образом, я отдавался во власть мучительной страсти, которая могла принести лишь смерть и разрушение, ибо только так я всегда расценивал избыток любви. Я знал, что эта страсть останется неудовлетворенной, превращая меня в проклятого небом грешника, осужденного гореть в пламени, о громадной власти которого я никогда не подозревал.

Сколько раз в исповеди мне описывали те же чувства — непобедимые и манящие, открывающие врата в рай, пойти в который можешь ты один; дарующие усладу и горечь, вкусить которые можешь ты один. Я внезапно ощутил себя пленником этих чувств. Меня словно ударила молния. Даже больше — я оказался один. Один в мире, населенном врагами. Любовь! Я понял, что такое любовь!

Она осторожно спросила:

— Неужели надо было делать из этого драму?

— Да! Потому что это было отрицанием всей моей жизни, а стало быть, и моим проклятием. Я оказался нагим, не обладая даже верой в какое-либо божество, которому бы преподнесли жертву моего преобразования. Подчиниться озарению? Я не мог этого сделать. Это было слишком. Я решил продолжать выбранный мною путь. Но с этого дня все рухнуло. Все превратилось в медленное и судорожное скатывание в пропасть.

Против вас и ваших сторонников я испробовал все свои ухищрения. Я послал во Францию за отчетом о процессе по обвинению в колдовстве вашего мужа. Но ваша победа под Квебеком опередила меня, и я не удивился этому. Я был заранее побежден, как, впрочем,

это всегда и было. Когда мы подошли к Квебеку, Моберже отправил меня в ссылку.

Он остановился, а затем, с вновь возникшей яростью, сказал:

— Если бы вы не мешали, я бы вновь занял город, и он бы вам никогда не достался. — Затем в другом тоне он продолжал:

— Моберже, мой начальник, выслал меня. Перед этим он очень резко обращался со мной. Но то, что он высказал мне при нашей последней встрече, я уже знал. В одно мгновение я все понял тогда, на берегу озера. Мой обет послушания вынуждал меня удалиться именно в тот момент, когда я ощущал себя наиболее незащищенным. Один, без друзей, я ушел вдаль. Я потерял свою власть. В душе меня сковывал страх, мучила слабость и боязнь утратить то, что составляло мою силу, державшую в подчинении других.

Он мало рассказывал о месяцах, проведенных в поселках, разбросанных между озером Фронтенак, или Онтарио, и озером гуронов. Местом сбора миссионеров был форт Святой Марии, возведенный над проливом, соединяющим озеро гуронов с Верхним озером и озером Трейси. Этот форт находился в нескольких месяцах плавания от ближайшего населенного пункта Новой Франции — местечка Ла-Шине, неподалеку от Монреалья, откуда через водопады выступали все экспедиции к верховьям реки Святого Лаврентия и к Великим Озерам. Кроме гарнизонов фортов, таких, как форт Фронтенак, далеко расположенных друг от друга, порой в недельных переходах, кроме одиноких путников или в какой-то мере незаконных охотников, кругом были только дикари.

Миссии объединяли крещеных и неофилов из числа представителей разрозненных и сокращенных войнами ирокезов племен и их языческих братьев. Туда же приходили и нейтралы — эри, андасте, а также ирокезы

союза Пяти Племен, обращенные в веру и потому преследуемые и изгоняемые со своих станов. Они покидали долину Пяти Озер, чтобы объединиться под сенью французов и иезуитов не только для отправления своей новой веры, но и ради получения защиты со стороны французских войск.

Из того, что он дал понять, одинокий ссыльный иезуит, казалось, провел эти годы активного проповедничества в состоянии тревожного беспокойства, умело скрываемого от глаз его собратьев по ордену, их помощников и слуг — французов. Он избегал охотников и канадских сборщиков налогов, не желая ничего знать о происходившем в Канаде или в Акадии. Вот почему вскоре в городах и селах Новой Франции распространился слух о том, что он попал в плен к ирокезам, ведь никаких вестей от него не поступало. Никто не попытался что-либо узнать о нем или передать ему какое-либо письмо.

— Я хорошо понимал, что до меня, в сущности, не было дела, — сказал он с горечью. — Не было дела ни до того, что могло со мной случиться, ни до важности того дела, которому я посвятил те дни. Господин и господа де Пейрак были в Квебеке, и все внимание было привлечено к ним, все хотели что-нибудь выгадать от этой встречи. Все хотели забыть обо мне, и я исчез. Самым простым было сказатья пленником ирокезов. Правда, я действительно попал туда, но только после моей «смерти»... той смерти, о которой, по вашим словам, было объявлено вначале в Новой Англии, а затем и в Новой Франции.

Глава 57

— Вот при каких обстоятельствах я был пойман. Однажды летним утром я шел из деревни, отслужив мессу, в сопровождении отца де Марвиля, молодого канадца Эмануила Лабура, годом ранее прибывшего, чтобы обращать в нашу веру дикарей, а также нескольких неофитов. Внезапно мы оказались окруженными отрядом ирокезов. Вы хорошо знаете, как это происходит. Вы идете по кажущемуся пустынным лесу, но вдруг смолкают птицы и из-за каждого дерева появляется фигура человека, и вы оказываетесь окружены украшенными перьями призраками, берущими вас в плен.

Наступила пора тяжелых испытаний. На третий день пути мы оказались вблизи одного из первых больших поселений долины ирокезов. Ни у кого из нас не было никаких иллюзий. Нас ожидали пытки и смерть. Ночь в хижине, куда нас поместили, была долгой. Мы знали, что уготовила нам судьба. Я с завистью смотрел на моих товарищей — Марвиля и Лабура, которые, помолившись, углубились в спокойный сон. Я сам призвал их к спокойствию, сказав, что мы — в руках Божьих. Но слова мои казались мне чуждыми.

Меня бил озноб. Они, успокоенные моими словами, мирно спали, в то время как я, считая часы, чувствовал приближение страшных мук, которые мне уже приходилось испытать. «Пусть никогда не кончится эта ночь, — думал я. — Пусть не наступит новый день, пусть Господь остановит мир, пусть он уничтожит всех нас, безумных и жестоких, отбросы мироздания, но пусть никогда не наступит миг той боли, которую нам готовят. Ты еще не жил, — говорил я себе. — Ты не познал еще счастье. Теперь же это тело, не знавшее

любви, окажется во власти варваров, обрекающих его на пытки, которые твоя плоть не хочет испытать».

Ах, как мне были близки в ту минуту страдания Христа, его кровавый пот. Но ангел не спустился, чтобы утешить меня. Я был слишком грешен. Я очутился в аду. Небеса были глухи к моим мольбам. Я был в аду, населенном демонами. В аду, у входа в который я оставил всяческую надежду.

В моем теле присутствовал лишь глубинный страх перед пытками, а в моем мозгу — причины этой ужасающей неизбежности. И предо мной вновь возник образ той, кому я был обязан моим проклятием. Лицо, фигура все время одной и той же женщины. Вы, возникшая из этого хаоса, чтобы смеяться надо мной, радоваться, наслаждаться моим несчастьем...

***

— Нет, — вымолвил он, положив руку на ее ладонь, пред восхищая ее протест. — Все это ложь. Вы не были повинны в этом кошмаре, который так долго терзал мне душу, разве что тем, что существуете, что вы предстали тогда предо мной!

Но в этот момент, охваченный ужасом, дрожащий с головы до пят, как пойманный зверь, ощущающий приближение смерти и ожидающий последний выстрел, я испытывал странное утешение от этого чувства обиды и ненависти по отношению к отвлеченному образу женщины, которая своим появлением нарушила весь ход моей жизни.

Однажды я сказал вам, что я не был абсолютно готов к тому, что я начал делать. Но одно дело осознать совершенную ошибку, неудачу, — каждому время от времени приходится сталкиваться с этим; совершенно другое и более опасное — понять, что твоя долгая жизнь — не что иное, как смешной и зловредный обман, плод ужасающей лжи, коварство которой никогда тобой не замечалось. С этой мысли начался мой крах. Сквозь

эту брешь улетучилось все, что до тех пор предохраняло меня. Мое присутствие среди этих дикарей, демонов, готовых принести меня в жертву, казалось мне не только невыносимым, но и нестерпимо несправедливым. Внутри меня родился крик, сдерживаемый лишь последними каплями чести и достоинства. Не два раза! Не дважды!

Я надеялся, что прошлыми пытками я заслужил уже право на безмятежность, на некоторое превосходство, но даже в этом Бог обманул меня. Ему не хватило того, что меня уже пытали, что мне отрезали пальцы...

Ближе к рассвету я услышал наших индейцев-христиан — гуронов и ирокезов, которых поместили в другую хижину, запевающих свои смертные песни. Я понял, что за ними пришли, так как звуки песен постепенно отдалялись, но иногда были еще слышны из леса над поселением. Потом я почувствовал хорошо различимый запах горелого мяса, доносимый к нам легким ветром. Это был запах пытки.

Взошло солнце. Сквозь щель в стене хижины я видел, как занимался день, чистое и ласковое, как поверхность озера, небо. Нас, в свою очередь, привели на лужайку, где, порядочно поджаренные, наши индейцы продолжали обзывать своих мучителей. Другим, у которых был отрезан или выжжен язык, приходилось молчать, но их взгляд был ясен и тверд. Нас ожидали три столба. Воины, стоявшие перед пленными, были многочисленны и объединены торжественным и напряженным молчанием, прерываемым лишь временами чередой взаимных оскорблений, которые, согласно ритуалу, палачи и жертвы бросали друг другу, объясняя, почему они ненавидели друг друга, сражались и убивали родных и друзей.

Передо мной появился Уттаке, встретивший меня своим живым взглядом. Трусливая тошнота сдавила мне

все внутри. Тогда-то он подошел ко мне с острым кремнем и зубилом и, заставив открыть рот, быстро и начисто выбил пару зубов. «Ты так гордишься своими зубами, Черные Одежды! — сказал он мне. — Ты, как и все белые, завидуешь нам из-за наших здоровых зубов. Я слышал, как они говорят: какие прекрасные зубы у этих дикарей! Я знаю также, что ты пытался разгадать наш секрет, как сохранить зубы красивыми и блестящими, когда ты прибыл в наши края. Я видел тебя жующим резец — перемешанную чистую глину с соком сумаха, как это делаем мы, чтобы сохранить их белизну. Тебе не нравится страдать. Черные Одежды, не нравится быть униженным перед твоими врагами, а главное — перед твоими друзьями!»

Меня била дрожь.

Один из воинов подошел к Эмануилу и, схватив его руку, начал отрезать ему фалангу пальца при помощи острой ракушки. В моих глазах все смешалось. Я чуть не обезумел при виде терзаемого ракушкой белого пальца юноши и капель крови, тяжело падающих на землю. В ту минуту я думал: мне уже отрезали два пальца. На этот раз, если я лишусь других, мне настанет конец. Я не смогу больше служить мессу. Папа откажет мне в этом из-за моих увечий, тем более зная, что я более недостоин сана. Это было нелогично и глупо, но над моим духом властвовал вихрь протеста и отчаяния. Вопль, вопль ужаса возник в моей груди, яростный, как ураган. Я слышал его и не знал, что это кричал я сам.

Я бросился на колени перед Уттаке. Я ползал у его ног, моля пощадить меня. Избавить от пыток, вынести которые дважды я был не в силах. Я кричал ему: «Убей меня, но избавь от пыток! Я сделаю все, что захочешь!» Самым ужасным в тот момент было видеть растерянные, возмущенные и изумленные взгляды окружающих меня — и палачей, и обреченных на мученичество моих бедных товарищей. Меня

преследовали взгляды неофитов, уже проливших свою кровь во имя христианской веры, и тех, уже полумертвых, которые видели мое бесчестье. Потом все они исчезли, их чувства слились в одном взгляде — голубых и честных глаз этого канадского юноши, Эмануила, Его, обнаженного, привязывали к столбу, но он не проронил ни слова, не сделал ни единого испуганного жеста. Он смотрел на меня... смотрел ужасаясь! Не из-за мук и последующей смерти, но из-за меня... он ужаснулся!

— Не плачьте, — сказала она. — Это плохо для ваших глаз. Вы рискуете ослепнуть. — Она встала и вытерла ему веки. Слезы текли тоненькими струйками по его истерзанному лицу, и он разразился глухими и ранящими душу рыданиями.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — тихо и нежно говорила она ему. Легкой рукой она погладила ему лоб, испещренный ссадинами и кровоподтеками. — Успокойтесь, отец. Мы поговорим об этом в другой рад. — Но он должен был закончить свой жуткий рассказ.

— Есть что-то сладостное в том, что вдруг оказываешься трусом, когда всю жизнь провел в борьбе с Демонами страха, — продолжал он. — Я не скрываю этого. Что вам сказать? Как описать постыдное облегчение, которое я испытал, зная, что я жив, и видя, как зловещий призрак нечеловеческих страданий отдаляется от меня? Я не обращал внимания на презрение, которое испытывали ко мне все — мертвые и живые, жертвы и палачи, враги и друзья.

Я слышал, как вожди договорились передать меня в руки женщин и детей. Так было принято обходиться с трусливыми воинами, смалодушничавшими перед лицом смерти и столбом пыток. Поверьте мне, эти маленькие невинные создания с острыми ногтями были не менее искусны, чем их отцы и мужья, в деле сведения в могилу труса путем непередаваемых мучений. Но это

унизительное решение вопроса было расценено как слишком почетное для того, кто покрылся несмываемым позором, как я. «Слава Богу», — сказал я себе, угадав приговор. Будучи в полуобморочном состоянии, я лежал в пыли лицом вниз. Я хотел целовать, я хотел есть эту землю. Меня резко подняли на ноги.

Глаза Уттаке были похожи на два острых кинжала. «Не жди ничего от меня, — процедил он, — Я не дарую тебе смерть от томагавка, на которую ты, наверно, рассчитываешь. Ты недостойн славы мученика среди своих братьев. Я не допущу этого. Ты слишком низок, и ты оскорбил нас своим поступком, а ведь я уважал тебя. Ты заставил нас усомниться не только в величии твоего Бога, но и в его существовании».

Ничто не ранило меня больше, чем их презрение. Даже то, что я был брошен, как пыльный мешок, к ногам старухи, чьим рабом я должен был стать, заменив убитого на войне сына, оставило меня безучастным. Когда ее сын погиб, у нее не осталось никого, кто бы доставлял ей дичь и кто бы выполнял ту работу, которой она не могла заниматься в силу своего возраста.

Моя хозяйка от души била меня, тем более что я был очень неуклюжим и довольно слабым работником. К тому же она стала жертвой постоянных насмешек со стороны подруг, ибо никогда ранее женщине этого поселения не доставался пленник, показавший себя таким трусом, встретившись со смертью, отвратительно моливший о пощаде. Часть стыда падала и на нее. «Как ты мог так поступить со мной, — говорила она мне, — ты — заменивший мне сына?» Я пытался объяснить ей, что все случилось еще до того, как я сделался ее рабом, но ей было все равно.

В некоторых вещах для индейца не существует понятий «до» или «после». Она не различала меня и собственного сына и постепенно убедила себя в том,

что я — ее сын или что его душа переселилась в меня. Это очень расстраивало ее. Тогда я напомнил ей, что ее сын погиб весьма героически, выдержав, по крайней мере, шестичасовую пытку от руки месье де Обиньера. Но это не утешало ее, потому что во сне ей привиделось, что я — ее сын, и мое поведение на глазах у вождей Пяти Племен обесчестило ее. Теперь вы знаете, что для индейцев сны играют много большую роль, чем реальные события.

Глава 58

Когда он, вконец измученный, замолчал и закрыл глаза, она еще долго сидела у его изголовья. Смысл только что выслушанной исповеди многое прояснил для нее. «Теперь я поняла. Вот какой ужасный секрет хотел сообщить мне Эмануил тогда в саду», — тихо сказала она себе. Внезапно он открыл глаза.

— Эмануил? Значит, ирокезы не расправились с ним?

— Нет, мы видели его живым. Он сопровождал отца де Марвиля, когда тот, под охраной Тахонтагена, вождя онондагов, прибыл в Салем, чтобы донести весть о вашей «смерти» и... о вашем мученичестве.

— Почему Уттаке захотел оповестить первыми англичан?

— Не «англичан первыми», а нас. Уттаке знал, что мой муж и я находимся в Новой Англии, и захотел, чтобы мы знали об этом раньше французов.

— Для тебя я лишь один из самых страшных врагов... — прошептал он. — Значит, прежде всего вам, с кем так долго я сражался, послал он то самое ожерелье, что обозначало: «Твой враг больше не может навредить тебе»? О да, он был прав. Разве существовало более презренное и менее способное навредить вам существо, чем я? Я понимаю, чем руководствовался де Марвиль, бывший свидетелем моего предательства, когда объявил меня мертвым. Надо было спасти честь ордена.

«Он действительно не жалел слов, это точно», — подумала Анжелика, вспоминая то изобилие подробностей, с которым иезуит в Салеме описывал им «славную смерть» отца д'Оржеваля. Ее догадка

оказалась правильной. Она постоянно чувствовала какую-то ложь за всей этой историей.

За горделивой внешностью отца де Марвиля она почувствовала скрытую острую боль, сотканную из чувств унижения, разочарования, страха и тревоги. Хорошо можно было себе представить, что испытал этот убежденный иезуит при виде краха своего учителя, трусости величайшего и лучшего из них всех. На орден иезуитов была брошена тень самого страшного греха — предательства.

— Пусть ваш собрат объявил вас павшим, не имея возможности по-иному скрыть ваш позор, но то, что он воспользовался этим, чтобы возвести на нас проклятие небес и возложить ответственность за ваши страдания, — это чистой воды лицемерие. Есть ли толика правды в том обвинении, которое вы будто бы бросили во время пытки: «Это из-за нее, из-за нее я погибаю!»

— Все так и было. Да, я изо всех сил прокричал эти слова. В тот миг, когда Уттаке опустил руку в знак презрения и пощады, во мне родилось желание оправдаться, дать тем, кого покорило мое поведение, хоть какое-то объяснение. Например, заставить их поверить в то, что я стал жертвой злых духов! В этом хаосе, как я говорил вам, единственной виновницей моего несчастья мне казалась женщина, облик которой поверг меня непонятным образом в безумие, столь отличное от того прямого пути, каким до этого шла моя жизнь. Это дошло до того, что я поверил в свою правоту, бросая обвинение в колдовстве, и потому кричал им: «Это она! Она — моя гибель, ей. Даме Серебряного Озера, обязан я проклятием, своей смертью».

Он сделал глубокий вздох, более похожий на хрип.

— Я говорил о смерти, которая должна была обрушиться на меня, о настоящей смерти, моей полной и окончательной гибели. Гибели героя, которым я был,

которым я хотел и мечтал быть. Меня больше не было, а убийцей была она — Женщина — мой извечный враг.

Я знал, это было ужасным безумием обвинять лично вас, но моя одержимость в течение долгих лет молчания и одиночества подпитывалась таким количеством заблуждений, что в конце концов я сам поверил, что стал жертвой колдовства. Я кричал: «Это она, Дама Серебряного Озера, причина моей смерти. Отомстите за меня! Отомстите!» Я вгляделся в их мертвенно-бледные и суровые лица. Я понял, что призывы мои тщетны. Они не отомстят за меня, чего я был достоин. Они не были моими друзьями! Они спали во время моих сомнений. Ужаснувшись моим предательством, они оставили меня. От чувств любви, преданности, уважения, которые, мне казалось, они испытывали ко мне, не осталось ничего. Я понял, что они никогда не любили меня. Я для них был ничто.

***

Он начал метаться, и Анжелика, боясь нового приступа горячки, не придавала значения его словам и объявила, что наступал час трапезы. Она встала, чтобы приготовить и разогреть пищу, тогда как он продолжал говорить.

— Это правда. Глубоко униженный своим позором, я кричал, что нужно уничтожить эту ведьму. Таким образом я указал совершенно растерянному Марвилю путь, следуя по которому он продолжал бы мою борьбу. Наверное, пока Тахонтаген сопровождал его к побережью, он с горечью раздумывал о случившемся. Раны, нанесенные его душе, наверняка потрясли его больше физических пыток, и, не находя в себе силы смириться с действительностью, он, вероятно, уцепился за мысль о необходимости борьбы с врагами. Чтобы не пасть самому, он должен был создать свою версию событий. Хорошо. Хорошо! Он хорошо поступил.

Анжелика слушала его в замешательстве.

— В конце концов кажется, что вы чуть ли не одобряете его! Значит, действительно правду говорят, что иезуиты всегда поддакивают друг другу, что бы ни случилось!

Но было не время возобновлять спор. Надо было будить детей. Одного за другим она брала их на руки, покачивая, чтобы осторожно разбудить. Она целовала их розовые щечки, их взъерошенные шелковистые волосы. Она любила их хрупкость и невинность, радостный свет глаз и улыбок, их маленькие слаженные тела, в которых вновь начинала биться жизнь. «Вы — утешение мира! Вы мое единственное сокровище!» — шептала она. «Вы — оправдание наших схваток и глупых битв!»

Каждому из них она говорила слова, полные нежности, пела на ушко, как бы втайне, какую-нибудь песенку, прохаживалась взад и вперед по комнате, затем сажала на скамью напротив себя, разливала по тарелкам похлебку и кормила с ложечки, как маленьких голодных птенчиков. Этот ритуал был неизменным.

Смотря на близнецов, которым исполнилось уже два с половиной года и которые уже прочно занимали свое место на земле, она вспоминала их первый каприз, когда эти два маленьких существа, едва появившись на свет в Салеме, громко не одобрили выступление отца де Марвиля. Может быть, это произошло из-за его неприятного и грозного тона; или потому, что они внезапно почувствовали себя покинутыми теми людьми, которые обычно были к ним так внимательны, а теперь вдруг сбежавшихся, как куры на двор, из-за приезда этого иезуита в пуританский Салем; или от того, что инстинктивно учуяли в нем нечто враждебное по отношению к их семье, их роду, их дому, будущему и окружающему? «Вы уже тогда были частью племени, мои маленькие Пейраки!» — подумалось ей. А может

быть, просто встревоженные и любопытные кормилицы забыли, что это был час кормления?

Анжелика — мать, в ночной рубашке, сидела на ступеньках лестницы госпожи Кранмер, окруженная всеми англичанками и еретичками дома, а внизу отец де Марвиль, как пророк-мститель, с лицом, отмеченным лишениями, в разодранном платье, указывал на нее, крича: «Вы повинны в его смерти!» Вот тогда-то и прозвучал протестующий хор близнецов, этих едва появившихся созданий, весивших вместе не более шести фунтов. Представление закончилось.

Против воли, это воспоминание рассмешило ее, но она удержалась от того, чтобы поведать о нем своему гостю, хотя ей и хотелось этого. Время для смеха еще не наступило.

Закончив кормить своих птенчиков, она дала им погрызть палочку кунжута, чтобы утолить голод, если они еще не наелись. Потом она согрела котел воды для купания и, подвинув стул к изголовью больного, помогла ему присесть, чтобы было удобнее есть. Держа тарелку в руке, она начала кормить и его с ложечки. Она не знала, сможет ли когда-нибудь кормить его без особых трудностей, ибо, может, из-за апатии, может, не желая съедать их запасы, он с отвращением воспринимал любую пищу. Может быть, его унижала собственная беспомощность, своеобразная детская зависимость от нее? Его руки были слишком слабы, чтобы самому подносить ложку ко рту.

В эти мгновения она не находила его таким отталкивающим, как в минуты, когда он разговаривал с ней своим повелительным тоном. Она видела в нем человека, который переоценил свои способности укротить своенравную лошадь-жизнь, жизнь, которую для себя он задумал по высшим критериям, но на деле безжалостный и неверный скакун судьбы выкинул его из седла. «Когда вы не готовы к чему-то, события сами

дадут вам об этом знать!» Это изречение подходило и для нее, а потому, исходя из собственного опыта и оценивал его в свете выслушанных ею признаний, она начала воспринимать его как соратника, соратника по борьбе.

— Я рад, что его пощадили, — прошептал он — У этого юноши такое красивое имя... Эмануил, а я так глубоко огорчил его. Я очень доволен, что он избежал огня и спас свою жизнь. Он знает, что с ней делать, и употребит во славу Господа и на помощь людям Видя его спокойным и расположенным принимать пищу, подносимую ею, она подумала, что сейчас неподходящее время, чтобы открывать ему всю правду о бедном Эмануиле, который, увы, тоже умер.

Глава 59

Они порой говорили о таких вещах, которые заставили бы наострить уши не живших в Америке; задавались вопросы и давались ответы, какими можно было обмениваться только людям, ослабевшим от сумрака долгой зимы. «Съели бы вы меня?» — спросил он однажды, когда она рассказывала, как нашла его на пороге и как была изумлена, обнаружив вместо продовольствия труп неизвестного человека.

— Может быть! Нет. Я подумала об этом, но лишь на секунду. Это был миг искушения, когда разум помутился от голода. Я была на исходе сил, понимая, что никогда больше не увижу любимого человека, что мои дети могут умереть. У меня не было больше никаких запасов... а я так надеялась их найти. Нет, правда — если у меня и мелькнула такая мысль, я ужаснулась ей. А потом... Вы ожили! Нет, я не могу понять, чего добивался Уттаке! Неужели он отпустил вас ко мне, чтобы я прикончила и съела вас?

Это безумие, это был бы конец, конец света. Не надо думать об этом.

— А вот они полакомились мною. Так, немного — кусочки, которые один из воинов хорошо заостренным ножом срезал с моих лопаток, пока вел меня на пытку.

— Это от того ножа у вас две раны на спине?

Она заметила, что это не были ожоги и что, несмотря на все ее старания, затянувшиеся язвы оставили два глубоких шрама.

— Да, он ел меня, а затем выплевывал, приговаривая: «Ну и паршивое же у тебя мясо!»

— Когда это случилось? Во время первой пытки?

— Во время второй или третьей, скажем так.

— Но я подумала, что Уттаке решил пощадить вас!

— Я тоже так думал, почувствовал себя спасенным. С течением времени я свыкся с рабством. Естественно, меня крепко били с утра до ночи, что позволяло моей доброй тетке Нанибуш поддерживать форму, изливая свое недовольство на мне, но, по сути, мы были хорошими друзьями. У нас были интересные споры. Они совсем не глупые, эти индианки. У них масса здравого смысла. Они любят рассуждать о человеческих судьбах, а их сны раскрывают широчайший простор для воображения. Я рубил и собирал для нее дрова, ходил в лес за дичью, которую добывал ей какой-то родственник. Я шел, спотыкаясь о корни деревьев и теряясь в зарослях, под общий смех маленьких шустрых женщин, которые тоже ходили подбирать дичь, подстреленную их отцами и мужьями. Я всегда возвращался позже их всех, они называли меня «Черной Женщиной», смеясь над отсутствием у меня способностей ориентироваться в лесу. Нам, миссионерам, неуклюжим в своих сутанах, больше, чем охотникам, много перенявшим у индейцев, принадлежит пальма первенства по неловкости, присужденная этими дикарями. «Ты еще более неуклюж, чем англи», — говорили они мне.

Вел ли я счет времени? Прошла ли одна осень или две, а может, и три? Но потом пришло то утро, когда они вернулись за мной. Свирепствовала зима, и снег выпал рано. Я был занят обработкой шкур, которые мы с теткой должны были отдать ее родственнику-охотнику. Я ничего не понял, когда передо мной вдруг предстали четверо воинов из молодых удальцов, чтобы доставить меня в соседнее поселение, куда прибыл вождь могауков, Уттаке. Меня охватило смертельное беспокойство, когда я услышал о возвращении моего худшего врага.

Я уже сказал вам, что начал чувствовать себя в безопасности. Мне были больше не страшны ни побои,

ни превратности судьбы, ни однообразие унижительной работы. Я не боялся и не желал смерти, если только не нанесенной ударом томагавка. Я был только одержим мыслью не сгореть в мучительном огне. Таким было состояние моей души тем утром, когда они пришли за мной и застали за выделкой кожи. Они пришли и сказали ритуальные слова, от которых я пришел в ужас: «Брат мой, мужайся! Пришел час пропеть свою песню смерти».

Я следовал за ними не просто молча, но в состоянии какого-то оцепенения и прострации, из-за которого меня так качало, что им пришлось держать меня за руки. Они были совсем юными, и мое поведение их изумило. Тогда-то один из них и начал резать мне спину. Что же до Нанибуш, то она начала петь мою песню смерти, перемежая ее криками и проклятиями. Она в ярости цеплялась за мои лохмотья, желая оставить при себе. Только на полдороге воинам удалось избавиться от нее. Я долго еще продолжал слышать стоны и возгласы этой бедняжки, у которой во второй раз уводили ее сына-пленника-раба. Ее крики все еще стоят у меня в ушах и иногда мешают мне спать.

— Я слышала, как вы повторяете: «О, пусть она замолчит! Пусть она замолчит!»

— Несомненно, это я говорил о ней. Добравшись до поселения, мы встретили там нескольких воинов, окружавших вождей Пяти Племен, а во главе их могаука Уттаке. Он обратился ко мне с длинной речью. «А, вот и ты, Хатскон-Онтси! Обрел ли ты вновь дружбу своего Бога и его силу? Ты, величайший из великих среди Черных Одежд, ранил и оскорбил нас, как никто другой. Мы, появляющиеся на свет, гордясь своей смертью, радующиеся с малых лет идее погибнуть в муках, чтобы показать свое величие, были оскорблены тобой».

Я знал, что сильно обидел Уттаке. Моя трусость превратила его в моего злейшего врага, охваченного тихой яростью, ибо он считал себя бессовестно обманутым, но это не трогало меня, его слова не долетали до моих ушей. Наконец он замолчал. Потом, после долгого молчания, он сказал: «Но твоему лицу видно, что ты не исправился, поэтому ты не заслуживаешь чести испытания отважных. Но не радуйся слишком скоро, ибо мы передадим тебя женщинам». Те вдруг начали выскакивать с дикими воплями из своих хижин, похожие на поток, сметающий своими смертельными водами все на своем пути.

Как это описать вам? И здесь мои воспоминания чрезвычайно размыты. Я явственно помню лишь, как очутился во власти тысячи маленьких рук, они искололи мне лицо какими-то острыми палками. Потом две женщины еще ближе подошли ко мне, держа в руках маленьких грызунов, пытавшихся вырваться из плена. Из рук наружу торчали лишь головы с острыми зубами во рту. Они водили ими мне по щекам и лбу, и те грызли и кусались, а истеричные женщины смеялись и повторяли, что дадут им добраться и до моих глаз. Тогда, больше со страха, чем от боли, я принялся кричать. Теперь я понимаю, что мне надо было побороть это чувство отвращения и замолчать, потому что я еще молча мог сносить боль. Но было уже поздно. Я снова покрылся позором.

Тогда вмешались старики, которые вытащили меня из толпы женщин и детей и вытащили в зал советов. Они совещались между собой и смотрели на меня строго и с упреком, как врачи, рассматривающие безнадежный случай, серьезность которого выходила за рамки их компетенции. Я слышал, как они произнесли слова, означавшие примерно: «его надо подготовить». Порешив на этом., они привели меня в другое поселение, где была специальная курительная хижина.

Она была маленькой, и в ней едва помещались вожди, старейшины, несколько шаманов и я. Трубка «калумет» начала переходить из рук в руки, и когда доставалась мне, я вынужден был делать больше затяжек, чем другие. Это продолжалось очень долго, и я не удивился бы, если узнал, что сидел там два или три дня. Мы курили и ничего не пили и не ели. Вначале по рукам ходила тыква в форме кувшина для жидких потребностей тела, но позыв скоро перестал ощущаться. Мы опустошились, наполненные лишь одним дымом. Воздух был тяжелым и синеватым. Только монотонное пение не давало впасть в беспамятство.

Меня тошнило, мои легкие разрывались. Потом я полностью забылся, будучи охваченным чем-то не поддающимся описанию, потому что все почти полностью стерлось из моей памяти.

Наверное, во время этого своего «отсутствия» я вновь обрел душу. Не только свое «я», но, что много сложнее, я встретился с лицами, образами далекого прошлого, закравшимися в недра моего сознания, парализовавшими, сдавившими его, как усики дикого винограда. Они мешали моему новому существу свободно следовать своей судьбе, изгнав прочь эти тени. Наверное, мне удалось это сделать во время своего «путешествия».

Я как сейчас вижу эту сцену. Старейшины продолжали окружать меня, более похожие на врачей, чем на истязателей. Да, с помощью наркотика я смог вернуться ни круги своя. Понадобилось это испытание, чтобы разрушить каменную оболочку вокруг моей души. Действительно, порой только дурман в силах помочь человеку вновь обрести путеводную нить своей судьбы, в то время как дьявол, как всегда, забавляется тем, чтобы все более запутать его, чтобы завладеть его душой. Когда наркотики не становятся привычкой, они спасают душу, не разрушая тела. Индейцы в испанских

владениях знают гриб, имеющий способность давать такое ощущение или, по крайней мере, помогающий выжить, не сходя с ума, когда в тебе не остается ничего человеческого.

***

Затем он начал рассказывать о тайнах, запретных познаниях, хранящихся в еще не исследованных районах Нового Света. Анжелика же терпеливо ожидала. Наконец он после долгих раздумий возобновил рассказ о том, что произошло, когда они покинули курительную хижину.

— В любом случае я не получил исцеления. Старейшины не давали себя обмануть, ведь я видел, как они продолжали с сомнением в глазах смотреть на меня; сам же я чувствовал себя прошедшим через хирургическую операцию по изъятию важных, но воспаленных и ставших опасными органов. Только будущее могло показать, какую выгоду я смогу извлечь из этой необычайной терапии.

Я догадывался, что думали они в этот момент. Для них белые представлялись неблагодарной и непрошеной расой, не способной воспринимать бесценные сокровища их мудрости. Необходимо брать их в малолетстве, говорили они, чтобы сделать из них людей, достойных носить имя «человек».

Они настолько уверились в том, что ничего путного из меня не выйдет, что перестали настаивать на том, чтобы я спел свою песню смерти перед тем, как снова привезти меня к жертвенному столбу. Я для них был человек без чести, я покрывал их позором. В этот раз для пытки такого низкого создания было выбрано место вдалеке от поселения, где высился неиспользовавшийся столб, и там они принялись накалять на огне топоры и крючья с выражением отвращения на лице, словно им предстояло выполнить скучную и бесполезную работу.

Анжелика увидела, как он посмеивается, как бы вновь переживая эти минуты, он расписывал сердитые лица оскорбленных мучителей, которых начал перечислять по именам: Уттаке, Тахонтаген, Госадайя, Хиятгоу, Гарагонти. Затем он вновь рассмеялся, раскрывая в себе юношеский задорный дух, обнажить который он смог лишь после пребывания в плену дикарей.

— Что же случилось потом?

— Этого я не знаю.

Он молчал так долго, что Анжелика подумала, что он заснул.

Но он повторил:

— Этого я не знаю. Все же я помню также... раскаленные топоры, которые мне прикладывали к бедрам; до сих пор я ощущаю этот выворачивающий душу запах горелого мяса, от которого я тогда задышался. Мне кажется, что я выдержал муку, но все так туманно. Я не помню, кричал ли я, покрывая еще большим позором своих проклятых палачей.

Он вновь рассмеялся, нервно и судорожно.

— Последнее воспоминание более походит на видение. Я вижу перед собой Уттаке возвышающимся надо мной, подобно великану. Возможно, я лежал тогда па земле, и оттого он казался столь огромным, а позади него было солнце и большие белые облака, наливавшиеся светом и скользившие по небу, как парусники. Он сказал мне: «Не думай, что я забыл твой позор, Хатскон-Онтси. Ты, бывший столь великим, обманул и оскорбил нас сильнее кого бы то ни было на земле. Я не позволю, чтобы ты оставил в нашей памяти лишь презренный отпечаток; не могу позволить, чтобы говорили, называя твое имя: этот, недостойный даже имени, был врагом Уттакеваты; ступай прочь. Я отпущу тебя по ту сторону гор. Но я буду преследовать тебя, я отыщу тебя».

Я спросил его: «Почему тебе не прикончить меня?» — «Это не в моем праве, — ответил он. — Ты обзавелся врагами более могущественными, и это в их власти». Перед тайной этого ответа меня вновь охватил страх. Кому он передаст меня? В его глазах виделись жестокие языки пламени. «Я скажу тебе, Хатскон-Онтси. На этой земле ты познаешь все виды боли и страсти, пока ты не станешь достойным того, что я прочитал в твоём сердце».

***

За этим последовали долгие скитания, о которых я ничего не могу сказать. В самом мрачном периоде моего детства я помню, что всегда надеялся однажды увидеть святящееся лицо женщины, познав перед этим ее ядовитую сущность. Во время этих скитаний я даже и не догадывался, что жизнь моя обретет какой-то смысл. Мне казалось, что я приехал в Америку как миссионер, но теперь я знал, что я ехал навстречу иной цели.

Когда я очнулся, я был в объятиях. Она залечивала мои раны и поила меня, как ни одна мать, ни одна женщина не поступала со мной прежде. Я узнал ее, хоть никогда даже не мечтал видеть ее столь близко. Она поведала мне свое имя, которого я ждал со страхом и удивлением. Наконец я понял, чего добивался Уттаке. Какой тонкой и изысканной была его месть! Так же, как я не смог избежать раскаленных углей, которыми мне прижигали кожу, так и теперь мне было не уйти от этого последнего испытания.

Сон мой рассыпался бы в прах; чаша спасения обошла бы мои губы; я снова очутился бы среди неотвратимых доказательств жестокости мира, от которых не было спасения. Однако же, когда я сообщил ей свое имя, на ее лице я смог прочесть только грусть, боль и сострадание.

Глава 60

За этими двумя тягостными и долгими повествованиями последовал длительный период молчания. Казалось, что в нем он хотел скрыть перенесенное унижение своего достоинства. Анжелика все же продолжала говорить с ним, стараясь поддерживать ясность его ума. В то же время она из осторожности стремилась не поддаваться искушению назвать имя Жоффрея де Пейрака. Инстинктивно она избегала этого, так же, как и сочетания «мой муж», зная, что голос ее тогда дрогнет, и он от того испытает чувство раздражения, смешанного с горечью.

Если он громко заявил, что она была бы его основным врагом, ясно было, что имя Жоффрея будило в нем более мрачные воспоминания, ибо в его лице «предательство» исходило от мужчины, а это значило, что ему пришлось бы отказаться от созданного им видения мира, в котором мужчины должны были объединиться, чтобы унижить и заставить замолчать Еву, виновную в том, что завлекла Адама и все мироздание в греховный хаос.

***

Как бы бросая вызов, не отказавшись еще от желания оправдаться, он вновь заговорил с горечью в голосе:

— По вашей вине я потерял двух своих лучших друзей.

— Пон-Бриан?

В нем отозвалось раздражение.

— Пон-Бриан был не из тех, кого можно возвести в ранг друга. Он был простым исполнителем. То, что с ним случилось, было справедливым и закономерным.

— Но ведь именно вы с дьявольской хитростью подтолкнули его к нам.

— Как же можно оценить людей, если не дать им возможность собственного выбора, чтобы тем самым высветить истину? Я выдвинул эту пешку и благодаря этому маневру понял не кем был он, которого я слишком хорошо знал, а кем являетесь вы и на какие провокации способен дать ответ господин де Пейрак.

Но оставим в покое Пон-Бриана, он сделал свое дело. Я же говорил об одном из моих братьев по ордену — святом отце де Верноне и о шевалье де Ломенье-Шамборе, моем драгоценном товарище еще по Клермонтскому колледжу. Мне было четырнадцать, а ему всего одиннадцать тогда. У нас никогда не было ссор, никогда тень не пробегала между нами — полное взаимопонимание, абсолютный союз! Мы были едины во всех делах. Но достаточно было вам появиться, чтобы все рухнуло. О бедные мои ушедшие друзья! Какая нестерпимая боль потерять вас, бывших частью меня самого!

— Откуда вы узнали, что шевалье де Ломенье мертв?

— Мертв?

Его крик был криком человека, чье сердце пронзил кинжал убийцы. Анжелика поняла, что до сих пор, говоря «я потерял его», он имел в виду лишь потерю дружеских чувств со стороны мальтийского рыцаря, но что он ничего не знал о его смерти. Она присела на край кровати, чтобы видеть его лицо. Весь вытянувшийся вперед, он смотрел на нее безумным взором, пытаясь отгадать на ее лице тот приговор, в который он отказался поверить.

— Это вы убили его?

— Да.

Мертвенно-бледный, он медленно откинулся назад.

— Неужели я причиной тому?

— Вы причина всех несчастий Акадии. Вы — тот черный призрак, стоявший за спиной дьяволицы из видения. Да вы и сами всегда это знали.

— Нет, это невозможно! Когда? Когда и где это произошло?

— Прямо здесь, осенью.

— Я не говорил ему приходить сюда, не желая вмешивать в свое несчастье. Я слишком дорожил его жизнью.

— Но именно он откликнулся на ваш призыв о мести. Вы вновь призывали его отомстить, и он пришел. Для него это было святой миссией. В этот раз он не должен был потерпеть неудачу, как при Катарунке, и обязан был выполнить ваше посмертное желание. А вы, вы опять обманываетесь. Вы всегда рассчитывали на него, более чем на кого-либо, чтобы склонить нас к сдаче оружия. Вы всегда надеялись на его «прозрение», на то, что он откажется от нашей поддержки и вернется к вам, признав свои ошибки, отлучавшие его от своего друга и хозяина. Он вновь попытался действовать, как под Катарунком — взять приступом форт Вапассу в наше отсутствие и сжечь его. Но я была здесь.

У него не было другого выбора; или убить меня, перед этим добившись возвращения всех наших земель вплоть до Голдсборо, или вернуть меня в Новую Францию, но уже не победительницей, а пленницей. Там бы меня отдали в руки Амбруазины, и дьявольский круг замкнулся бы. Все как вы и хотели.

С высоты этой башни, в которой мне удалось укрыться, я видела его приближающимся к форту. Он был уверен, что я поддамся на уговоры, и я убила его. Что же мне оставалось делать? Сдаться, предав моего мужа, моих друзей, всех, кто верил в меня? Лишенный командира, его отряд отступил, но вначале разграбил и сжег Вапассу.

Он закрыл глаза, побледневший и разбитый горем. «О, Клавдий! Клавдий! — воскликнул он. — Брат мой, друг мой! Я надеюсь, он умер на месте? Ваша легендарная меткость, по крайней мере, избавила его от длительной агонии? Потому что раненого, лишённого помощи лучше докончить, чем заставить самого карабкаться по долгой дороге в мир иной. Скажите мне! — Он схватил ее руку. — Он умер на месте, правда?»

— Я не знаю! — прокричала она, яростным жестом выдернув руку, поскольку в глубине души всегда боялась, что вздрогнула в момент нажатия курка. — Они оттащили тело и отошли.

— Если его страдания и его агония были долгими, я никогда не прощу этого вам.

— А я, должна ли я простить вас? Заботились ли вы о наших раненых, о тех, кого ваши «мстители» оставляли агонизирующими в прерии или, может быть, в плену пожара? Я ничего не знаю о своих друзьях, да, может, это и к лучшему. В противном случае я бы никогда не смогла вам простить участь женщин и детей, моих товарищей, моих подруг, детей, чье рождение прошло на моих глазах здесь, в Вапассу, и которых «заставили карабкаться по длинной дороге в мир иной», либо умерших от голода, усталости и холода, либо доставшихся в качестве военной добычи вонючим дикарям?. По вашей вине! По вашей вине!

Они с недоверием поглядывали друг на друга, тяжело дыша, как два уставших борца под конец схватки, зачарованно смотрящих на струящуюся кровь.

— Вонючие дикари? Почему вы их так называли? Я же слышал, как вы радовались, узнав, что ваша дочь Онорина в безопасности среди ирокезов.

— Конечно! Лучше грязь и паразиты длинных хижин ирокезов, чем попасть в руки какой-нибудь Амбруазины, поклонницы сатаны, люцифера, белиала и

восьмидесяти легионов ада! Но это не значит, что необходим индейский плен.

Затем они прекратили спорить, не потому что исчерпали запас взаимных обвинений, а потому что не было сил продолжать. Многократно он отрицал, что заставил госпожу де Модрибур приехать в Америку.

— Если я и привел ее к реализации своих замыслов, то не думал, что она сама захочет приехать. Амбруазина нашла меня в Париже, когда я вернулся туда, чтобы проповедовать, она никогда не простила меня за то, что я старался ее избегать. Она знала, что ее страсть вселяла в меня ужас. Все это имело такие давние корни. Она никогда не прельщала меня, олицетворяя мой страх, страх перед женщинами, ставший преградой между ней и моим желанием.

Узнав, что она стала богатой и влиятельной дамой, у меня родилась мысль использовать ее, убедив оказать покровительство экспедиции, целью которой ставилась посылка колонов из числа корсаров и флибустьеров для возвращения территории, которую я считал французской — Голдсборо, захваченной еретиками.

В Париже она творила чудеса, переходя от одного министерства к другому. Крючкотворы, как мухи, попадались ей в сети. Самые твердокаменные судовладельцы слушали ее с жадностью. Она наняла Колена Патюреля, и зафрахтовала его судно со всем экипажем. Дав ей возможность воспользоваться всей хитростью и изворотливостью, шанс сыграть роль обольстительницы в общении с множеством мужчин, мы смогли договориться. Я стал ее духовником. Я также уговорил ее выдавать себя за благодетельницу, ставящую своей целью спасение Новой Франции. Она была в восторге от участия в деле, которое должно было привести к трагедиям и войне. Ее глаза заблестели, когда я рассказал ей о вашем муже. В тот момент вас еще не было с ним рядом, и лишь когда вы

воссоединились, она должна была принять решение присоединиться к экспедиции. У нее хватило времени собрать все нужные сведения о вас. Ее ловкость столь велика, что она далеко выходила за рамки данных ей мною советов.

Мне показалось, что к моменту отплытия «Ликорна» ею заинтересовалась полиция. Ее лучшая подруга, мадам де Бринвиль, незадолго до этого была арестована полицейским Дезгресом. Так была разоблачена одна из величайших отравительниц в истории, чудовище разврата, испорченная еще с самых ранних лет.

— Амбруазина тоже никогда не была ребенком. Она — создание ада.

— Ее не следовало вообще нарекать любым именем. При ее упоминании меня охватывает дрожь.

— Имя ей — легион... Отец Верной сразу понял это. Он обвинил ее в адресованном вам письме, которое она выкрала у него, после того как замыслила его убийство. Я держала это письмо в руках и помню, что суть его заключалась в следующем: «Да, отец мой, дьяволица действительно в Голдсборо, но это не та женщина, на которую вы мне указали, то есть графиня де Пейрак!» Разве то, что отец Верной разоблачил ее, является достаточным поводом для того, чтобы ставить мне в вину разрыв вашей дружбы? Он оставался вам полностью предан. Вы не можете обвинить его в том, что он не был ловким и действенным исполнителем ваших поручений, были ли это слежка за жителями Новой Англии или поимка меня на корабле Колена Патюреля.

— Он также не смог противостоять вашим чарам?

— Но вы просто одержимы вашей идеей! Он, отец Верной, был настоящим иезуитом, месье! И каким иезуитом! Он напоминал мне моего брата Раймонда,

такого же холодного, как лед. Мне не составило труда понять, что он был англичанином.

— Он был влюблен в вас, держал вас в своих объятьях.

— Для того чтобы вытащить меня из воды! Но откуда вы узнали?

— Я получил от него сверток, который был им послан из замка Пентагю. Я еще пребывал у барона де Сан-Кастина, после того как дал вам вернуться в Голдсборо. Так же, как и полковник де Ломенье-Шамбор, он решился нарушить мой приказ и осудить мои стремления. В этом свертке было письмо с его печатью и несколько строк, в которых он просил меня потрудиться передать его вам, госпожа де Пейрак, в случае, если с ним случилось бы несчастье.

— Это письмо... вы его читали?

— Конечно, я был его духовником.

— Хорошеньким же духовником!

— Эти вольности позволительны для духовных пастырей.

— Хорошенький пастырь!

— Это было любовное письмо. Оно начиналось так: «Моя дорогая девочка! Моя маленькая подружка Белой Птицы...»

Внезапно у Анжелики изменилось настроение, и она рассмеялась, причем так сильно, что проснувшиеся дети последовали ее примеру. Успокоившись, она извинилась:

— Простите меня, но жизнь так прекрасна! Гадалка сказала мне однажды: «Любовь хранит тебя». Любовь меня действительно сохранила. Отец де Верной не смог привести в исполнение приговор, не мог дать мне утонуть. Он прыгнул. О, мой милый Мервин! Как я счастлива!

Чуть позже он вернулся к вопросу о де Ломенье-Шамборе. Он не мог свыкнуться с этим. Больше всего он

не выносил ее бесчувственности. Он остался неприятно потрясен прямоотой, с которой она подвела черту под той трагической сценой: «Он шел безоружным, говоря о мире! Я убила его». Это было невероятно!

— Для меня было бы более ужасным и разрушительным, если бы он смог смягчить меня, заставить меня уступить и последовать за ним, отдав ему Вапассу, моих друзей, моих детей. Если бы я позволила ему продолжить, как он намеревался, свою кампанию вплоть до Голдсборо, где с помощью Сан-Кастина, а может быть, и вопреки его воле — кто знает? — желанная должность была бы ему обеспечена. Прошло бы это бескровно? Не думаю. Наверное, были бы потери. Слабость часто лишь отсрочивает бойню, увеличивая ее размах.

— Вы нашли мои слова жестокими, отец. Почему я избавила вас от всех переживаний, которые вывернули мою душу и разбили мое сердце, в те несколько секунд колебаний перед выстрелом? Мне потребовалось бы несколько часов, чтобы описать их вам. Я кричала ему: «Не приближайтесь! Не приближайтесь!» Но он продолжал идти. Он тоже сделал свой выбор, разрывая заключенный с нами союз, делая ставку на нежность, которую я питала к нему, чтобы заставить меня покорно сдаться. Что происходило с ним? Попал ли он под вашу власть настолько, что забыл о своей чести, для того, чтобы угодить вам или вашей памяти? Может быть, наоборот, он пытался бежать? Бежать от этого выбора, от всех нас, более не понимавших его? Вот почему я убила его.

Теперь была очередь Себастьяна д'Оржевала медленно повернуть голову, чтобы посмотреть на профиль этой женщины, лежащей рядом. Профиль ее вырисовывался на фоне света, исходящего от очага, освещающая тонкий, совершенный рот, произносящий эти слова.

— Сейчас я понимаю, как вы смогли одолеть Амбруазину. Вот что она не в силах простить вам. Вы считаетесь чувствительной и ранимой женщиной, и вдруг вы оказываетесь хитрой и безжалостной.

— Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что я нарушаю правила игры? Меня не в первый раз упрекают в этом с сожалением. Как бы было все просто иначе, не правда ли? «Правила игры»! Какой игры? Той, по которой мне, слабой, следует пасть ниц перед силой? Той, по которой женщина, покорная по своей природе, склоняется перед мужчиной, перед воином? Это «игра», по правилам которой чувствительность и щедрость неизбежно подавляются и рушатся под ударами жестокости и предательства врагов, не обладающих понятием чести.

Легко можно воспользоваться щедростью и широтой души человека, чтобы потом погубить его. Я родилась под знаком Стрельца. Я никогда не могла позволить врагам наслаждаться моим поражением без того, чтобы не воздать им за это сторицей. Это — вопрос справедливости. Надо восстанавливать равновесие между добром и злом; законами неба и земли. Есть еще одно: человек всегда находится между ними, и у него нет выбора.

Мы, люди «мягкие», не действуем жестоко и непреклонно без веских на то причин. Это жизнь заставляет поступать так, равно как и потерянные и бесчестные люди. Посредственность и злодейство — вот что заставляет делать выбор. Хочется нам того или нет, мечтаем ли мы о гармонии, мире, повседневном счастье, детях — как венце наших дел, неизбежно наступает день, когда ты вынужден выбирать, вынужден браться за оружие, для того чтобы выжить или защитить невинных. Именно это принуждение я и ненавижу больше всего, но поняла, что оно неизбежно.

Лишь немногим удастся избежать столкновения с этим хоть раз в жизни.

Клавдий де Ломенье мертв, потому что сделал выбор — Служить вам. Знайте, господин д'Оржеваль, что вы навязали мне проступок, который не даст мне покоя никогда, потому что я тоже любила его.

Эти два спора оставили их потрясенными и опустошенными. Набираясь новых сил, лежа друг рядом с другом, как бы паря над водной гладью, они осознали бесполезность этих споров и глубину чувства, появившегося издалека, которое похоже на дружбу. Над их головами свистел, ветер и проносились стаи туч, напоминая невероятные скачки.

Глава 61

Они были уверены, что все уже было сказано, что между ними установился мир, и вот, одного слова, одного намека оказалось достаточно, чтобы расшевелить обиды, отчаяние и горечь. Обиды за то, что пришлось заплатить такую высокую цену; отчаяние перед необратимым; горечь и сожаление за то, что проявили себя слабыми, несовершенными, что приняли участие в игре низменных страстей, при удовлетворении которых они на поверку оказались слишком ничтожными по сравнению с последовавшими разрушениями, смертями и слезами.

Но их противостоянию суждено было проявиться еще один раз, причем в день, который должен был стать для них радостным. Это был их первый выход за пределы крепостного убежища после долгого и сурового периода бурь и мрака, заставившего безвылазно находиться взаперти. Выход, при котором «воскресший из мертвых» смог бы сделать свои первые шаги при свете дня.

С самого начала Анжелика позаботилась о том, чтобы его ноги не ссохлись, заставляя его сгибать и разгибать их, несмотря на дикую боль, заставлявшую его кричать. Она подметила, что он иногда был способен совершать движения, указывавшие на наличие у него скрытых запасов ловкости и энергии, как тогда, когда он приподнялся, чтобы взять ее за руку и поцеловать ее. Необходимо было избежать оцепенения конечностей, был риск сделаться уродливым от безобразных шрамов, оставшихся после ожогов.

— Сегодня вы должны постараться сесть, — сказала она однажды, держа его для опоры за руки.

Потом настал день, когда надо было убедить его пойти чуть-чуть дальше. Прогресс был медленным, но основные этапы преодолевались шаг за шагом, и чудо свершилось. Наконец настал тот день, когда он встал на ноги, жутко исхудавший, нескладный, как сломанная кукла, но могущий передвигать ноги, хотя бы и на несколько шагов. Она поддерживала его, схватив за талию, он же одной рукой держался за ее плечи, а другой опирался на маленького Шарля-Генри.

Погода улучшилась, и она решила выйти на воздух с ним и детьми. В природе царствовала полная благодать: мороз был еще сильным, но солнце светило изо всех сил, отражаясь на свежем, хотя и запыленном снегу. Анжелике удалось очистить дверь, и она с детьми высунулась наружу, ощущая ласковое солнце, несмотря на свирепость холода. Это было такое время, когда даже некоторые мед-веди ненадолго высывались из своих берлог, чтобы затем снова углубиться в спячку.

В предыдущие зимы все жители Вапассу выходили на улицу, проводя эти недолгие часы солнечного света слоняясь без дела. Они обменивались визитами, навещали индейцев; устраивали прогулки при помощи снегоступов, катания на санях, а дети забавлялись на ледяных горках на берегу озера. Здесь же, копируя высший свет Квебека, организовывавшего соревнования по конькам и пикники у подножия Сахарного холма, неподалеку от водопада Мон-маренси, устраивались лотки с жаровнями и происходила раздача сарделек и бутербродов с патокой. Для детей эти дни всегда были праздником. По этому случаю Анжелика и Жоффрей забирались на вершину башни и смотрели на оживление, царящее вокруг деревянных стен Вапассу, на дым, клубящийся из дымоходов занесенных крыш, число которых благодаря их заботе все время увеличивалось. Вдалеке слышались детские

крики, женский смех и разговоры мужчин, окликающих друг друга или помогающих своим соседям в работе. На воздух выходили, чтобы вдоволь надышаться им, понежиться под солнцем, как бы запасаясь этим лекарством впрок, перед тем как метель снова загонит их на долгие дни и недели обратно, меж четырех стен, засыпая тяжелым снегом.

Когда появился отец д'Оржеваль, Анжелика, сняв с него лохмотья, одела его в рубашку и жилетку Лаймона Уайта. Теперь, чтобы он смог выйти наружу, она принесла ему брюки, носки и ботинки их сторожа. О судьбе этого бедняги немного она ничего не знала. Затем пришел черед камзола и кожаного берета, отделанного изнутри мехом.

Когда она увидела его одетым с головы до пят, она не смогла сдержаться, чтобы не спросить, не чувствует ли он чего-то особенного, облачившись в одежды пуританина-конгрегационалиста из Массачусетса, которому был отрезан язык за богохульство. В ответ он прорычал: «Как смеете вы шутить о ваших предательствах! Опасный сброд, которым вы б вашим мужем окружили себя, и стал причиной вашего краха!» Учитывая, что он едва держится на ногах, а Шарль-Анри с трудом мог поддерживать его, Анжелика решила быть терпеливой и не сказала ничего в ответ. Это было ошибкой с ее стороны. Она не приняла во внимание то смятение, которое в ней было вызвано «го несправедливыми и мерзкими словами».

Их приключение начиналось неважно. Было ошибкой не отказаться от него сразу и настоять на том, чтобы всей гурьбой выйти на эту прогулку. Ослабленная обидой, вызванной неприятными рассуждениями больного, она почувствовала себя плохо. Она еще больше настроилась против него. «Из-за вас я состарюсь лет на десять», — сказала она. Но он не понял ее, он был занят тем, чтобы пройти по коридору,

и каждый шаг давался ему с большим трудом и видимой болью.

Когда они вышли за пределы заледеневшего рва на холодный и лучистый снег, взгляд Анжелики, брошенный на белую до блеска равнину, был не счастливым, а полным горечи. Под голубым небом предстали руины Вапассу, расположившись на склоне холма под толстым снежным покровом, немыслимое нагромождение, возвышающееся над этим печальным местом. В прошлые свои выходы она всегда старалась не смотреть в эту сторону, но теперь, по вине ранее услышанных слов, она испытала опасное головокружение, оценивая размеры разрушений. Этот вид разбил ей сердце, ибо, занятая проблемой предотвращения голода, она на время позабыла обо всем. Боль ее усугублялась присутствием человека, который пожелал, чтобы это случилось, и теперь мог порадоваться результату.

— Смотрите! — прокричала она, обращаясь к человеку, стоящему рядом с ней. — Вот плоды вашей деятельности! Радуйтесь! Вы жаловались, что ваши друзья, ваши соратники предали вас. Но они все же хорошо отомстили за вас! Поэтому не очень-то жалуйтесь на судьбу. Вы победили, потому что последняя мольба святого мученика является священной волей. Вот ее результат!

Слова ярости слетали с ее уст. Слова, часто и порой даже во весь голос повторенные ею в одиночестве посреди белой пустыни. Но она не могла говорить об этом спокойно, не в силах была придать связный характер своим объяснениям.

— Ведь нужно было так мало, чтобы предотвратить все это! Всего-навсего хватило бы, чтобы бедняга Эмануил нашел время поговорить со мной перед смертью.

— Перед смертью? Но вы же сказали, что Эмануила пощадили!

— Ирокезы да, но не ваши люди. Он умер! Умер, дабы никто не узнал правду о вашем бесчестье. Он пришел ко мне в сад в Салеме, чтобы открыться. Наверное, он хотел поведать мне то, что увидел в долине Пяти Племен, прокричать: «Это неправда! Отец д'Оржеваль не был замучен ирокезами. Он обвинил вас, госпожу де Пейрак, вас, Даму Серебряного Озера, оправданную высшими иерархами церкви, только чтобы найти предлог для оправдания своей трусости перед лицом смерти; но он не смог никого обмануть. Все это ложь, но я вижу самых уважаемых мною наставников, создающих легенду, направленную на обман грешных душ». Так говорил бы он, рыдая. Вот в чем была причина его бледности и ощущения потерянности. Он не в силах был оставаться в этом грязном деле.

Иезуит пытался следить как мог за ее взволнованной речью и окидывал ее тревожным взглядом.

— И... открылся он вам?

— У него не хватило времени. Перед нами возник отец де Марвиль, приказавший юноше молчать и следовать за ним. Больше мне не пришлось его видеть. На следующий день тело Эмануила Лабура было выловлено в порту. Сказано было, что он покончил с собой, но я боюсь, что какая-то внешняя сила вынудила его пойти на этот шаг.

Ей почудилось, что в уставившихся на нее глазах промелькнула тень облегчения, и она почувствовала закипающую в себе ярость.

— Вы тоже нашли, что так было лучше, правда? Вы поступили бы так же? Вы бы воспользовались своей «властью», как вы говорите, чтобы заставить этого бедного мальчика, потерянного, ослабленного от голода и пыток, покончить с собой, добровольно

броситься в воду, унося свой секрет в могилу. Ведь он был настолько храбр, настолько предан вере. Невозможно было бы объяснить его поступок, если бы не знать, какое влияние вы, святые отцы, можете оказывать, когда сочтете нужным, и сколько раз пользовались этим... Вы также принесли бы его в жертву, как это сделал отец де Марвиль. Надо было спасти честь ордена, и вот — посмотрите — честь ордена спасена. Наши же усилия сведены на нет.

Она тяжело дышала. Маленькие облачки пара, выходящие из ее рта, как бы подчеркивали резкость ее слов, разметавшихся на все четыре стороны над этим ледяным мирозданием.

— Последние слова мученика расцениваются как приказ, воля, высказанная в завещании! Марвиль знал, что делал, когда возводил вас на алтарь. Отдавая себе отчет, что искоренить память о вашем поступке невозможно, он превратил этот свинец в золото, используя его для большей славы Бога и короля. Вы — самый великий, вы — их символ; да воздастся вам слава, отец д'Оржеваль! Пусть взметнутся в небо часовни в вашу честь, пусть толпы народа обращаются к вам с мольбою и молитвой. Ваш собрат не просто отомстил за вас, он вас канонизировал. Кто же огорчится в результате такого блестящего подлога!

Ее горло начало болеть от холода. Ей не следовало так кричать — это было бесполезно, ибо не восполняло утрат. Она раскашлялась, губы ее были сухими. «К чему выплескивать свою злобу», — сказала она себе, раскаиваясь в содеянном и в том, что довела себя до этого состояния. Она чувствовала, как пот, струящийся по ее спине, леденеет. «Какой смысл проклинать этого наполовину покойника, не держащегося на ногах, который не в силах сделать ни одного шага!» Переведя дыхание, она открыла глаза и посмотрела на него.

Она увидела, что он стоял с открытым ртом и отвисшей челюстью, с отпечатком изумления и неверия на лице. Он наконец осознал масштабы сотворенной отцом де Марвилем лжи вокруг его имени. Он затряс головой и несколько раз повторил: «Что я наделал! Что я наделал!» Очень медленно он преклонил колени. Она протянула руки, чтобы поддержать его, думая, что он падает. Но он так и остался стоять на коленях. Она увидела, как он поднял глаза, а затем и руки к небу.

— Прости меня, Эмануил. И вы, дорогие мои, святые и мученики, мои братья иезуиты Канады, вы, которых забудет мир, простите меня. Простите, что я, того не желая, отнял у вас славу и уважение, положенное только вам — настоящим мученикам Христовым. Вам, умершим из-за любви к Нему, не из-за людской славы, чтобы служить примером, а не кумирами для поколения. Простите! Простите! Простите ошибки, сделанные по моей вине, бесчинства, на которые я подвиг своих людей. Простите меня, нечестивого, запятнавшего позором наш святой орден, самого низкого и жалкого из всех созданий божьих. Смиловитесь надо мной, молитесь за искупление грехов моих, заклинаю именем добродетели и святых ран ваших, снизойдите до помощи мне в смертельный час мой!

Было ли солнце виной света, делавшего его лицо полупрозрачным, или это был след внутреннего преобразования его сущности? Анжелике показалось, что перед ней был какой-то незнакомец, и она задалась вопросом: куда исчез тот, на кого она только что бросилась с таким гневом. Внезапно она почувствовала, что находится среди холодного белого безмолвия. «Где дети?» — воскликнула она, возвращаясь на землю. «Куда они подевались?» Она оглянулась. Дети исчезли. Зубы ее застучали от холода и страха. Она принялась спорить с этим человеком и потеряла из виду детей.

— Где они? Где они, маленькие бедняжки?

— Они там, на берегу озера, катаются с горки, — ответил отец д'Оржеваль, всегда обладавший острейшим зрением. Он встал и положил ей руку на плечо. — Успокойтесь.

— Я никогда не смогу дойти туда, чтобы забрать их. Как им это удалось? Я не в силах сделать больше нескольких шагов, а они порхают, как пташки. Как мне догнать их? Боже мой, они уходят еще дальше!

— Не двигайтесь. Они вернутся сами.

Вечерний сумрак начинал затмевать горизонт, стирать голубой оттенок с деревьев в лесу, покрывать весь окружающий пейзаж магической пеленой. Анжелика потеряла детей из виду и все больше волновалась.

— Они возвращаются?

— Да.

— Я больше их не вижу, где они? Они пропадут! Пропадут!

— Нет, они возвращаются, успокойтесь.

Она ощутила эту нервную руку, поддерживающую ее, не давая ей сдвинуться с места, поскольку наверняка бы упала и не смогла больше подняться. Вскоре дети вновь предстали перед ее глазами: три кругленькие точки, даже не фигуры, настолько они были маленькими и закутанными в свои одежды. Три точки, мало-помалу становившиеся все больше.

— Они приближаются?

— Да.

Они шли, как бы возникая из белизны зимы. Шарль-Анри шел посередине, держа за руки близнецов, неторопливо следовавших за ним, все трое были ужасно довольны своей вылазкой.

— Не говорите им ничего. Не кричите на них. Они — наше спасение!

**ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.
ДУНОВЕНИЕ ОРАНДЫ**

Глава 62

Она рассчитывала, что мяса лося им хватит вплоть да весны, что гарантировало жизнь. Но на горизонте внезапно показался отвратительный оскал еще одной беспощадной спутницы зимы: цинги. Ее лицо было ужасным: разлагающимся, вздувшимся, с кровоточащими деснами.

Первые ее признаки она заметила, увидев бледность и усталый вид малышки Глорианды. Эта маленькая куколка, вечно веселая, с непременным энтузиазмом, преданностью и восторгом принимавшая участие в проделках своих братьев, никогда не давала ей повода к волнению. С самых первых часов после рождения она показала себя крепышом и в дальнейшем легко, своими силами и без всяких последствий, как настоящий живчик, справлялась со всеми болезнями и недомоганиями, которые ее брат переносил намного тяжелее.

Именно поэтому Анжелика вначале не придавала этому большого значения. Когда же она распознала опасность, ей показалось, что болезнь зашла уже очень далеко. Так или иначе, она не способна была даже остановить ее, ведь в их питании отсутствовали некоторые необходимые вещества.

Держа ребенка на коленях, она гладила ее пухленькое личико, переливчато-голубые глазки которого замутились, ее длинные черные волосы, невероятно красивые и необычайно длинные для ее возраста, казавшиеся настоящим шатром, укрывавшим малютку. Она прижалась к груди матери, тщетно пытаясь улыбнуться своими маленькими распухшими губками.

— О моя маленькая принцесса, мое сокровище! Это невозможно! Я еще так мало знаю тебя, у меня не было на это времени, и ты уже уходишь, покидаешь меня! Я прошу, я умоляю тебя — не оставляй меня!

Это отчаяние и боль были ее первой реакцией на случившееся. Еще совсем недавно она была твердо уверена, что они спасены и доживут до весны. Но как можно было бороться с этой смертельной болезнью? Она должна найти выход, в эти же первые мгновения она лишь могла нежно прижать свое дитя к сердцу.

Глориандра де Пейрак! Маленькая принцесса, маленькое чудо, наделенное всеми добродетелями. Дочь графа Тулузского. Она подумала о Жоффрее и о женщинах его рода. О его матери, регентине Аквитании, высокомерной и страстной женщине, о которой он, вспоминая беззаботные приключения и скитания своей юности, говорил, что «даже на другом конце земли, не думая о ней ежедневно, мне всегда казалось, что я не покидал ее». Ее оберегающему духу она теперь вверяла свою обреченную на смерть дочь. Эта женщина боготворила своего сына, и Анжелика полностью разделяла это чувство. Смелостью, по-видимому, наделила его мать, присматривающая за ним с того света. «Вы не можете позволить, чтобы его дочь забрали у него», — произнеся это заклятие, она почувствовала себя лучше.

С постели донесся до нее голос иезуита. Он спросил, что обеспокоило ее, заметив тревогу на ее лице.

— Моя девочка, я думала, что она в безопасности, — прошептала она в ответ, — теперь я боюсь, что ее отнимут у меня, что она не доживет до конца зимы.

Она кусала губы, и он впервые увидел, что она с трудом сдерживает слезы. В расстроенных чертах лица читались ранимость ее сердца и трогательная

нежность, которые большую часть времени были скрыты за горделивым и часто испепеляющим взглядом.

— Эта мука не должна повториться дважды, только не это!

— А, теперь вы понимаете? Вы видите, что это значит — дважды испытывать те же страдания. Второй раз выбивает у вас почву из-под ног, не оставляя никаких сил. Чего вы боитесь?

— Цинги, земляной болезни.

Он с трудом поднялся с постели, затем мелкими шагами, как ходят страдающие подагрой, он приблизился и наклонился над ребенком, внимательно осматривая ее. Затем снова лег в постель и закрыл глаза, глубоко вздохнув. Спустя несколько секунд он сказал: «Не теряйте надежды».

Глава 63

Наутро, проснувшись, она увидела его на ногах, стоящим у постели, одетым в камзол и берет Уайта. Он сказал ей, что собирается добраться до ближайшего лагеря или миссии, откуда вернется с необходимыми продуктами. Он собирается двигаться на север вплоть до заледеневших каналов Мегантика. Если бы ему удалось выйти к руслу другой речки, протекающей летом на высоте шестидесяти метров, он смог бы найти кратчайшую или, по крайней мере, самую доступную дорогу к миссии Святого Иосифа абенаков в области От-Шодьер. Это была очень скромная, но ближайшая к ним миссия. Она могла оказаться заброшенной или вымершей, в противном случае взамен обычной лосятины можно было бы достать кукурузы, муки, а может быть, и капусты, если святые отцы ухитрились вырастить ее. Если же ему не удалось бы в пути найти ту знаменитую кору, с помощью которой вождь гуронов во время первой зимовки на реке Святого Шарля спас страдавший от цинги экипаж Картье, в этой миссии ему уже точно можно было бы позаимствовать нужное количества для спасения их всех. «Мудростью является использование тех дикарских средств, которые они уже испробовали на себе», — заключил он.

Анжелика встала, не в силах согласиться с его решением. Чем больше она думала над этим, тем больше его затея представляла перед ней в истинном свете. Это было безумием, обреченным на неудачу, несмотря на пробужденную им надежду. Даже очень сильный человек не отважился бы на такой поход в подобное время года, не рискнул бы преодолеть столь длинный отрезок пути без того, чтобы все не предрекли ему верную смерть.

Ураган заключил в кольцо их маленький заброшенный островок жизни, и она хорошо поняла, что никто не мог ни выбраться отсюда, ни проникнуть к ним до первых оттепелей.

Расстояние, которое нужно было преодолеть, было огромным. Снежные бури были постоянной опасностью, и попасть в них значило «потеряться», что на деле оборачивалось невозможностью найти малейший ориентир посреди снежного вихря.

— Ваша дочь больна, — вымолвил он, бросив взгляд на маленькую Глорианду. — Я вернусь либо с требуемой корой, либо с засахаренными фруктами, сушеными сливами, капустой, а также кукурузой, мукой и семенами овса — всем необходимым для быстрой борьбы с цингой.

— Но что, если иезуиты узнают вас? Что, если они не дадут вам вернуться?

— Иезуитов там только двое: монах отец да Ламбр и временный его помощник. Вместе с возможным светским слугой это всего трое белых. Летом там безлюдно из-за разливов реки Шодьер, когда все покидают этот одинокий холм, к тому же наводненный комарами. Зимой же миссия вновь становится обитаемой, дабы оказывать помощь кочевникам, желающим добраться до Левиса и Квебека в поисках спасения. Если бы не этот перевалочный пункт, им бы пришел конец от голода и холода.

Анжелика никак не могла свыкнуться с этой мыслью. Он никогда не сможет добраться туда! Он мог упасть и больше не подняться. Но затем она вспомнила прибытие Пон-Бриана с его индейцем, отрядов де Ломенье и Арребуса, подвиги одиночек, таких, как юный Александр или Пацифик Жуссеран, помощник отца д'Оржеваля. Вспомнилась ей и безумная выходка Жоффрея, побежавшего вдогонку за Пон-Брианом до самого озера Мегантик, чтобы убить на дуэли. Все они

были безумцами в этой белой пустыне. Некоторые из них порой выживали и возвращались, потому что это была страна, созданная как бы специально для них. Тем не менее она настаивала:

— Вы слишком слабы, больны, раны ваши зажили не до конца. Вы едва стоите на ногах.

Он поднял вверх палец, как будто входя в контакт с невидимым существом.

— Меня поддерживает дуновение Оранды.

— Что это — Оранда?

— Верховная сила и дух всех вещей, он живет в воздухе, которым мы дышим. Я призову его, и он придет.

Повинуясь внезапному чувству, она бросилась к нему и крепко обняла.

— Вы ведь вернетесь, правда?

— Вернусь. А вы живите! — ответил он ей, также обняв ее. Оба они, казалось, хотели благословить друг друга своей верой. — Живите, моя дорогая. Живите, чтобы моя жертва не стала напрасной.

Глава 64

Он двигался большими скачками, преодолевая пространства. Холод не трогал его, пронизываемого золотистыми солнечными нитями. У него больше не было тела; не он находил дорогу, а сама дорога вела его. Он знал, где одним прыжком перевалить через трещины, где взбираться на горы, чтобы перейти через них. Временами он откидывал назад голову, крича: «Оранда! Оранда!»

Великий Дух поможет ему взять реванш. Он стал равным другим людям, борющимся за спасение женщины и ее детей. На своем пути он несколько раз попадал в бурю, но в целом небо оставалось чистым. Бороду его украшали ледяные сосульки.

В последний день поднялась страшная пурга, но он, зная, что почти у цели, не пал духом. Вдруг сквозь завывания и вихри до него донесся колокольный перезвон. Это был колокол спасения, зовущий к вечерней службе. «Славься, Царица. Славься, Царица Небес!» Достаточно ему было выйти из леса, перейти длинное поле и медленно двинуться навстречу миссии, как небо прояснилось и начиненные снегом облака уплыли прочь. Его почерневшие от солнца и холода губы сложились в улыбку при виде креста над часовней.

— Как я люблю тебя, знак любви. Боже правый, центр вселенной — как я люблю тебя'

Запах был теплым и чарующим. «Мы только что испекли хлеб», — поведал ему вышедший навстречу миссионер. Оба иезуита молча оглядывали его, что заставило его забеспокоиться, им показалось странным, что он не назвался?

«Вы, наверное, потерялись, сын мой?» — спросил его брат-коадьютор о лицом здорового крестьянина.

Он покачал головой в знак отрицания. Но тут понял, что по облику его приняли за несчастного, состоящего из кожи и костей, полубезумного от одиночества лесов, от страха и голода человека. Тем не менее он не набросился на предложенную ему пищу. Жестами он дал понять, что прежде всего он хотел бы обогреться и отдохнуть.

Усевшись перед камином, он почувствовал, как в некоторых местах его одежда приклеилась к коже — там, где вновь открылись раны. Он заставил себя забыть о своем теле и весь превратился в слух. Он прислушивался к голосам этих людей, между собой говорящих по-французски, переходя на язык алгонкинов, когда рядом появлялся индеец, У последних был совершенно неизвестный ему вид, Их наречие было почти непонятным для местных абенаков. Он причислил пришельцев к народности нарагансетов о юга. Наступила ночь.

Прочитав молитву в часовне и пропев несколько песнопений вместе с приходом, миссионеры закрыли калитку в маленьком частоколе, окружающем их жилище. «Все эти запахи миссии, — мечтательно подумал д'Оржеваль, — о эти запахи. Запах ладана, запах хлеба и затушенных свечей; шелест требников; звук четок, кладущихся в ризницу».

Двое в черных нарядах вернулись в общую залу. Они уважали молчание пришельца, но украдкой продолжали оглядывать его, а он боялся их взглядов. Между тем иезуиты разговаривали между собой. Они говорили о племенах, нашедших пристанище у стен миссии — это были остатки великой конфедераций нарагансетов. Кровожадные англичане на юге на корню подавили их восстание. Затем они обсудили последние события в Новой Франции. Новый губернатор, казалось, решил обуздать поддерживаемых англичанами ирокезов. Он уже начал военную кампанию, позднее прерванную на

зиму. Они говорили также о Вапассу, и он снова был весь во внимании. Союз, который неосторожно заключил Фронтенак с французским дворянином, союзником еретиков Новой Англии, был расторгнут. Осенью поход господина де Ломенье положил конец этому опасному соседству. Логово нечестивцев-пиратов было предано огню. Вапассу больше не существовало, и ему уже никогда не восстать из пепла. Сердце его забилося, вспоминая о ней, такой далекой. Он молчал, спрашивая себя, не ради него ли они ведут эти разговоры, узнав его, или они догадались, откуда он. Но вскоре его успокоила мысль о том, что это был обычный разговор, ведущийся после в трудах проведенного дня. Они обсуждали случившееся, следующий день. Дошедшие до них новости просветили отшельников в политике, за ходом которых у них не было возможности уследить. Он услышал, как они радовались отъезду или даже окончательному отзыву на родину губернатора Фронтенака, столь враждебно относившегося к братству иезуитов.

Он продолжал хранить молчание. В этом лихорадочном желании уничтожить Вапассу, ощущавшемся в их словах, в придании этому стремлению характера крестового похода. Он узнавал свою собственную одержимость, испытываемую им когда-то, но которую сейчас он уже не разделял.

«Ты сейчас там, — думал он, мысленно воссоздавая образ женщины, во взгляде которой, обращенном к нему, чувствовалась нежность, снисходительность и доля искуса. Таким взглядом она одаривала лишь его одного. — Ты принадлежишь мне, хотя я просто попутчик, товарищ по несчастью, враг, которого никогда не простишь, горемыка, заслуживающий сострадания; даже если ты принадлежишь другому — тому, кто властвует над твоими мыслями, в кого влюблено твое тело, алчущее его силы, его улыбки. Я —

никто по сравнению с ним, но ты принадлежишь мне, если я хочу этого».

Он не уставал повторять себе это, испытывая удовольствие от дерзости обращения к ней на «ты», означающего ту большую степень близости, которая никогда не могла случиться в реальности, «ибо я лишь тот, кто пришел поддержать тебя, помочь тебе пережить эту зиму, чтобы побежать навстречу любимому. Я — никто, но я сделаю тебе этот дар, который больше жизни, — я сохраню твою жизнь и жизнь твоих детей ради встречи с ним».

Он сидел с опущенными глазами, что еще больше делало его похожим на тупоумного молчаливого «странника», потерявшегося среди яростной зимы и так до конца не отошедшего от усталости и усилий, приложенных ради спасения от снежной смерти. Он боялся выдать себя даже взглядом, а на вопросы отвечал бормотанием.

Один из монахов поставил на стол несколько мисок и стаканов из металла.

— Хочешь ли ты разделить с нами трапезу, брат?

Он согласился, решившись снять черный берет и отороченные мехом перчатки. Когда он протянул руку за куском хлеба, предложенным ему, в их глазах промелькнуло сожаление, смешанное с уважением.

— Мы видим, ты тоже пострадал от ирокезов, брат? Не ответить было невозможно. Он рассказал им о путешествии к племени алдастов, потом — о жизни среди сью, племени, живущем в самой западной части озер, союзнике нейтралов и нетунов. Он поведал им, что жил среди сью из за боязни вновь попасть в руки своих мучителей на обратной дороге. Известие о кампании, предпринятой сеньором де Горреста против ирокезов, побудило его совершить попытку бегства, затрудненную ярим желанием индейцев оставить его

еще на один год, а затем суровой зимой, сильно замедлившей скорость его перехода.

— Вы случайно не один из обитателей мыса Магдалины, чья семья не имеет от него известий уже целых три года? — спросил его старший из монахов. Но брат-коадьютор покачал головой еще раньше самого д'Оржеваля. Этому монаху все лица Новой Франции казались страшно знакомыми. «Я не выдам тебя, сын мой!» — сказал он, но всем своим видом показывал, что у него еще масса вопросов.

Чтобы сменить тему беседы, он попытался расспросить их о работе миссии. Сколько было новообращенных, сколько крещений в год? Они с удовольствием рассказывали о своей службе. В этом году у них гостили члены племени алгонкинов, пришедшие с юта. Индейцы были довольно равнодушны к благой вести, говорили отцы, но, потеряв все, что было, из-за англичан, они поняли, что единственным спасением для них был крест католической церкви и штандарт короля Франции. Они прибывали все в больших количествах, и их было сложно кормить, лечить и оберегать от заклинаний их колдунов и аморальности женщин. Главной же причиной всех бед было пристрастие к спиртному.

— У нас очень ограниченный запас спирта, в основном идущий на лечебные цели. Мы больше не варим пиво, чтобы не вводить их в искушение. Но как только улучшается погода и ослабевает мороз, они якобы уходят на охоту, на самом же деле доходят вплоть до Сореля или Левиса, где обменивают на алкоголь шкуры, часто украденные из капканов местных племен, отчего рождаются конфликты.

Так протекала их беседа, в которой он слушал их, соглашался, одобрял парой слов, испытывая к ним жалость из-за тяжести их существования. Но, зная, из какого святого источника черпают они свои силы, он

восторгался и завидовал им; как никогда ранее он ощущал себя их братом, и в то же время чувствовал, что навсегда отделен от них то ли твердым, неразбивающимся стеклом, то ли пеленой смерти.

Огонь уже начинал гаснуть, и его красные и дрожащие отблески окрашивали в тот же цвет лица трех людей, сидевших вокруг стола, увлеченных доверительным разговором. Первым, понявшим, что наступила ночь, был Себастьян д'Оржеваль. «Уже поздно, братья, — вымолвил он. — Не пора ли и вам немного отдохнуть? Что до меня, то, если, вы позволите, я лягу в этой комнате, вон на той лавке для нищих». Оба монаха в молчании встали. Брат-коадьютор вдруг вспомнил, что должен был бодрствовать, пока не испечется вторая партия хлебов. «Я позабочусь об этом, — сказал их гость и добавил: — Отдохните, прошу вас. Я буду рад отблагодарить вас за гостеприимство, оказав услугу».

Отец Ламбер и его помощник согласились, кивнув головами. Они стояли у двери, держа в руках ночные светильники в форме вороньего клюва, фитиль в которых, пропитанный медвежьим жиром, распространял по комнате темно-золотистый свет, похожий на используемый в книжных миниатюрах. Все свечи в миссии использовались во время служб и потому находились лишь в часовне. Монахи смотрели на стоящего перед ними в полумраке человека, руки которого хранили отпечаток перенесенных мук; на гостя, пришедшего из холодной пустыни и, похоже, родившегося в ней из ее завываний и вихрей, не пытающегося больше прикидываться неуклюжим и нелюдимым охотником за шкурами, привыкшим жить среди индейцев.

— Мы встаем к заутрене, чтобы помолиться. У нас редко выдается время на это в течение дня. Затем я

буду служить мессу. Вы присоединитесь к нам? — спросил отец Ламбер.

— С удовольствием. И если вы не сочтете меня недостойным после исповеди, я был бы очень рад прислужить вам.

Монахи кивнули головами в знак согласия и с важным видом удалились. Ночь для них должна была стать короткой. Ему надо было воспользоваться этим промежутком времени. У него не было ни секунды на сон. Когда он встал, раны снова отозвались болью. Он не успевал сменить повязку. Первые движения заставили его скорчиться от боли. Он вспомнил ласковые руки Анжелики, накладывающие марлевые повязки на его раны; ту легкую морщинку, которая появлялась у нее на переносице, когда она внимательно осматривала язвы, как будто разговаривая с ними и выслушивая их объяснения. Он улыбнулся. «Надо спешить!»

Сначала он зашел в пекарню и, судя по запаху, вычислил время, необходимое для окончания выпечки. Затем он отправился в соседнее помещение, видимо, служившее летней кухней. Зимой же там хранились сани и снегоступы, сапоги и перчатки на меху, шапки, кожаные тяжелые камзолы или шерстяные, крестьянского вида кафтаны. Он выбрал широкие, длинные и прочные сани с уже прикрепленными ремнями, а также пару запасных снегоступов. Открыв входную дверь, он увидел запорошенный снегом дворик. Скопившийся снег, освещенный лунным светом, отбрасывал тень до самого порога. Он вытащил сани и вернулся в дом за припасами. Он двигался бесшумно, его поступь была так легка, а движения так осторожны, что даже индеец не смог бы застать его врасплох.

Со склада он взял несколько мешков пшеничной муки, кукурузы, коробки засахаренных слив и лимонов, семена овса, патоку, головки сахара, соль, горшки с

гусиным жиром, фасоль, сушеные тыквы и множество разнообразны! трав. Затем он забрался в ризницу часовни и кое-что вынес из одного из ее шкафов. После этого он вернулся в дом. Его передвижения были столь быстры и легки, что, казалось, не оставляли никаких следов ни на снегу, ни на утоптанном земельном полу складов и погребов, ни на полах комнат. Его тело двигалось со всей ловкостью, присущей индейцам. Он искал еще одну вещь и наткнулся на нее в одном из ларей центральной залы, где перед выходом он не забыл потушить остатки огня в камине. Все его трофеи были намертво прикреплены к саням.

В последнюю очередь он возвратился в пекарню, чтобы забрать хлеба, тесто которых поднялось настолько, что можно было считать, что они готовы. Он решил взять их все и по одному погрузил в сани. Он с радостью прижимал их к груди, согреваясь от обжигающего тепла и говоря себе, что запах хлеба — самый манящий на земле для голодного человека. На секунду он даже встревожился, что запах самой благородной пищи среди людей донесется до спящих монахов, ведь в холодном воздухе он распространялся наподобие священной жертвы. Он набросил на дымящиеся буханки дорожную накидку и еще раз затянул а привязал ремни. Затем, надев снегоступы, он натянул тягловые ремни на плечи и двинулся в путь через двор.

Он не чувствовал ничего, ни боли, ни усталости. Он был просто движущимся телом, и яркий лунный свет нисколько не трогал его. Дойдя до ворот ограды, он ловко сбросил ряд засовов, повернул ключ в тяжелом для отпугивания воров повешенном замке и поспешил дальше по полю. Чуть погодя он оглянулся. На другом склоне холма миссия, наполовину уже засыпанная снегом, начинала исчезать из его поля зрения. Маленький крест на колокольне еще блестел, как

серебро, на фоне темно-голубого пустого неба, такого оттого, что под воздействием луны или слабого тумана не было видно ни одной звезды.

В низине похожие на горки земли, вырытые кротом, располагались вигвамы индейцев — вапаногов и вонолансенов, из которых поднимались столбы дыма. Однако света было мало. Ночью дрова сэкономили. Окружавшие его звуки были приглушены, как приглушена была сама жизнь, но не только снегом зимы, но и нищетой, и горечью поражения, безмерной тяжестью неизвестности, неверия в завтрашний день. Этот груз никогда уже не мог быть сброшен. Плакали дети, лаяли собаки, кашляли старики, — все это едва слышалось, едва доносилось до него. Звуки, слабые в далекие, исходили как бы из странного, непонятного сна. Он посмотрел на юго-восток и над освещенными луной горами заметил черный столб, медленно поднимающийся в воздух. Это была буря, и именно в той стороне, куда лежал его путь. Снег должен был стереть следы, и никто не смог бы преследовать его.

Но они не думали о преследовании. «Куда подевались все хлеба второй выпечки?» — прокричал брат Адриан, когда, разочаровавшись отсутствием их гостя на мессе, оба монаха вернулись в общую залу, а один из новообращенных пошел открывать створки печи. Он осматривал все вокруг в недоумении, не видя никаких следов, оставленных тем, кто прошлым вечером постучался в их дверь, прося приюта.

— Может быть, нам приснилось или это был призрак?

— Призрак не крадет три мешка муки, столько же кукурузы и половину нашего запаса сушеных слив, — заметил отец Ламбер, заглянув с проверкой в пищевой склад.

— Пойдемте посмотрим, не украл ли он еще чего-нибудь, — проговорил уныло брат-коадьютор.

— Что еще он мог украсть? Единственное, что ему было нужно, — это провизия.

— Он взял и сани.

— Только чтобы унести добро.

Отец Ламбер не хотел говорить, что заметил пропажу одной сутаны и требника.

Ночью буря лишь краем задела их. К рассвету черные тучи уже промчались над миссией, снега намело целые сугробы, но это было только прелюдией к еще более сильным снегопадам, ожидаемым в недалеком будущем. На тонком бархатном ковре свежего снега еще виднелись оставленные санями и человеком следы. Они проследовали за ними до выхода из ворот и долго смотрели в сторону необитаемого юго-востока, куда направился незнакомец. Буря продолжала продвигаться, обещая быть сокрушительной. Снег начал покрывать следы, оставленные вором, а вскоре мог засыпать и самого человека с его добычей.

— Почему вы плачете, брат? — спросил старший из двух монахов. — Ну же, ну же, из-за нескольких фунтов украденной муки не стоит огорчаться. У нас остается еще достаточно запасов.

— Я плачу совсем не потому, что приключилась кража-Слезы текли по его крестьянским щекам, а он был не в силах сдерживать их. Но это были смиренные слезы.

— Я плачу потому, что хорошо помню вчерашнее ночное бдение. Как нам было хорошо, когда он сидел среди нас, делил наш хлеб и разговаривал с нами. Какой свет! Отец, заметили ли вы его?

— Это так, — задумчиво отозвался тот. — Вокруг него было подобие сияния, и умиротворенность царила в нас и вокруг нас. Я больше ничего не помню — ни его слов, ни темы нашего разговора. Помню только его небесно-голубые глаза и радость, переполнявшую наши души.

Глава 65

Уже много миль он двигался своими невообразимыми скачками. Сердце его сжималось от растущего с каждым шагом чувства тревоги. «Оранда! Оранда!» Давным-давно он должен был вдали узреть тот дымок, который опытный глаз хорошо отличает от слабой пелены тумана и который должен был оповестить о приближении к Вапассу. Этот призрак жизни посреди мертвого пейзажа старался различить он слезящимися глазами сквозь прорехи индейской кожаной маски, которую он себе сотворил для лучшей защиты от слепящих солнечных бликов. Впитывая запахи ветра, он говорил себе, что должен был почуять запах дыма, сколь слабым и растворившимся в окружающем воздухе он бы ни был.

Невыносимое щемящее беспокойство сковывало его душу. Он останавливался, судорожно заламывая руки. Затем снова пускался в путь, желая перескочить все ухабы, с бешеной скоростью проносился, почти не видя белоснежной дороги. Только ритмичный хруст приминаемого снега и гулкое дыхание сопровождали его бег.

Слишком поздно! Там, у края призрачной, ледяной полосы горизонта, его ожидало возмездие. «Что я наделал! — говорил он себе. — Я жаждал ее смерти, ее уничтожения. Посредством этого я хотел погубить Женщину. Бог мой, зачем ты позволил такому безумию овладеть мной? Я хотел услужить Тебе. Я не думал, что она будет столь хрупкой, веселой и нежной. Я не думал о детях, как будто никогда не знал, что за каждой женщиной стоят дети. О, Господь! За что ты дал мне родиться среди демонов? Почему ты окропил кровью мое детство?»

Он замер. Ужас предстал перед его глазами. Они наполнились слезами, ведь сквозь прорези маски он видел развалины форта Вапассу. Ни единое облачко дыма не поднималось над полузаваленной снегом крышей. Ни одного движения. Никогда ранее он не испытывал столь глубокий страх. Они мертвы! Они мертвы! Он помчался по спуску, разражаясь дикими воплями и криками.

— Я здесь, дети мои! Я уже здесь, я бегу! Сейчас я приготовлю вам вкусный сагамит!

Он чуть было не свернул себе шею, скатившись в ров вместе со всем своим грузом. Он мгновенно поднялся и бросился к тяжелой двери. Она не была заперта и поддалась ему, лениво распахнувшись в тихую пустоту. Сдерживаемый неснятыми снегоступами, он остался на пороге, жмуря глаза от боли, чтобы привыкнуть к полумраку. Постепенно он с удивлением различил всех трех полностью закутанных детей, играющих посреди комнаты в бирюльки.

— Где ваша мама? — с тревогой в голосе спросил он.

— Она спит! — ответили они, указав на соседнюю комнату.

Затем они невозмутимо вновь принялись за игру. Все еще задыхаясь от бега, он подумал: «Она умерла! Дети просто принимают ее молчание за глубокий сон». Покачиваясь и дрожа всеми членами, он дошел до дальней комнаты и вошел внутрь.

Она сидела у потухшего очага и действительно спала, застыв в позе, говорящей о полной изможденности. Тусклый солнечный свет, проникающий из очищенного от снега маленького оконца, окрашивал ее мертвецки бледное лицо в желтоватый цвет, и он с содроганием вновь решил, что она уже оставила этот мир. Он прикоснулся к ее рукам и щекам. Они были холодны, но он уловил ее слабое дыхание.

Наклонившись над очагом, он принялся ломать ветки, а затем собирать сучья и маленькие поленья, чтобы разжечь огонь. «Я здесь, дети мои, — шептал он, — я с вами. Сейчас я приготовлю вам вкусный сагамит, горячий и с брусникой. Я теперь с вами. Я несу вам жизнь».

Треск пламени разбудил Анжелику, заставив ее вздрогнуть от страха, потому что, чувствуя, что теряет сознание, она предпочла не зажигать огонь, боясь упасть в него или не усмотреть за детьми, которые могли бы начать играть с ним, желая не дать ему погаснуть. У нее не было сил. Она взглянула на наблюдавшего за ней с колен иезуита.

— Почему вы не разожгли огонь? — воскликнул он. — Я чуть было не лишился рассудка, не видя дыма над вашей крышей.

Она ответила, что дневные часы показались ей теплыми, и посчитала, что лучше сберечь побольше дров. Она выходила с детьми, ибо было грешно не воспользоваться животворным теплом. Но затем...

— Боже правый! — пробормотал он. — Боже правый, как вовремя я вернулся!

Он положил ей голову на колени, и она увидела посреди его жестких волос тонзуру, похожую на белую облатку. Она призналась ему, как если бы это была ее вина, что уже несколько дней ее мучает озноб. Была ли это простая простуда или у нее начался приступ малярии?

— Но я теперь с вами. Я принес вам засахаренные лимоны, сушеные сливы и другие фрукты, мед, патоку, овес...

Он повесил котел на цепь над очагом и наполнил его водой.

— Почему, если у вас начался озноб, вы не обогрелись, забравшись под одеяло?

Она объяснила ему, что боялась впасть в беспамятство. Сидя, она медленно начала приходить в себя. Он понял, что она потеряла счет дням с его уходом; что у нее более не хватало сил, кроме как на уход за детьми; что она изверилась в его возвращение; что она держалась, лишь повторяя себе: «Не засыпай». Анжелика огляделась вокруг с виноватым видом.

— Простите меня, я давно уже не убиралась и не подметала здесь. Это настоящий свинарник.

С большой осторожностью он взял ее на руки и отнес в постель.

— Теперь здесь я. Я позабочусь о вас. Дайте мне только время призвать к порядку тех трех маленьких разбойников, играющих в большой комнате, и я покажу вам наши богатства. Затем я приготовлю вам похлебку, достойную моей тетки Нанибуш.

Но она отвернулась от него, прошептав, что не голодна. Все же нехотя она проглотила несколько ложек похлебки.

Форт Вапассу получил шанс на выживание.

Она простудилась, пойдя на поиски лечебного лишайника и коры барбариса для малышки Глорианды. Ей удалось их найти, и она смогла приготовить настой, благодаря которому девочке стало лучше.

— Неверящая женщина! — сказал он ей. — Разве я не обещал вам так или иначе сохранить ваши жизни? Когда вы убедитесь, что самое ценное в нас невидимо? Мне кажется, что вы недооцениваете те «чары», которыми вы так щедро наделены, и верите лишь в собственные силы. Это недостаток женщины-домохозяйки. Христос обличил это, посетив Марту и Марию. Женщины могут быть в ладу со своей совестью, лишь доказав свою полезность и оправдав, часто чрезмерно, свое существование.

Пусть будет так, ответила она, пусть она была не права, не оставшись ждать его, скрестив руки на груди,

но это не присуще ее натуре. Несмотря на его упреки, она не могла изменить свой характер за один день.

Но, закутавшись в одеяло, закрыв глаза от сильной головной боли, она признала, что одной из радостей жизни является эта возможность спокойно болеть, переложив на кого-нибудь другого весь груз ответственности. Теперь, когда дуновение Оранды позволило иезуиту благополучно завершить его спасительный поход, схватка с зимой могла возобновиться.

Он поместил буханки на полки, идущие вдоль стен большой комнаты, там, где находились все запасы. Когда же хлеб закончился бы, они могли испечь новый. В их печи можно было получить прекрасный хлеб, который лежит в основе питания французов, являясь животворным и богатым продуктом, хотя и состоящим всего лишь из воды, соли, небольшого количества дрожжей и муки. Пшеничная мука — чудо мессы, получалась из зерен более ценных, чем золото. Хлеб, вино. Последнего в миссии было мало, и то только для мессы. Он не трогал его, позаимствовав, впрочем, немного спирта.

Еще он захватил с собой свечи, но их он собирался использовать очень экономно. Свечи могли стать последним средством для добавки к горячему сагамиту — порой слишком легкому для конца зимы. Их следовало зажигать только в праздничные дни, как на приближающемся празднике святой Онорины.

— Мы испечем торт в честь вашей старшей сестры и помолимся за нее, — сказал он детям.

***

Ночью она услышала, что он бредит. Она открыла глаза и увидела хлеба из миссии Святого Иосифа, уставленные в ряд вокруг стен, похожие на добродушные лица, заботящиеся о ее здоровье. Значит, он вернулся? Но где он? В действительности она

никогда не верила в его возвращение. Она отнеслась к его уходу как к смерти, и это, конечно же, отразилось на ее здоровье даже больше, чем лишения.

Он лежал, завернувшись в покрывало у самых камней очага. Еще очень слабая, но чувствующая себя уже лучше, она нагнулась над ним. Он видел какие-то сумасшедшие сны и бормотал бессмысленные слова. Этому путнику, возвратившемуся после перехода через ледяной ад, она не преподнесла ничего, кроме стенаний, и не проявила и капли гостеприимства. Все же она успела заметить, что он похож на живой труп. Он не многим отличался от того, каким она нашла его в зашитом кожаном саване. Всем своим видом: бледной кожей лица, покрытого щетиной, синеем носом, впавшими глазами, оттененными капюшоном, он напоминал ей призрака, одетого в оледенелые одежды, ставшие теперь влажными и бередящими раны. Как он смог совершить такой подвиг, подвергнуть себя такому испытанию? Она ласково разбудила его.

— Ложитесь-ка лучше в теплую постель. Бьюсь об заклад, что ваши раны вновь открылись и что вы сами не выпили и чашки бульона. Да, хорошую же мы с вами составляем пару!

И все-таки они знали, что, сменяя друг друга, смогут продолжать отпугивать смерть от дверей их дома.

Глава 66

Спустя несколько дней он поведал ей о смерти той, кого между собой они продолжали называть Амбруазиной де Модрибур. Он услышал эту новость из разговора двух иезуитов миссии святого Иосифа. Жена нового губернатора, прибывшего осенью с официальным визитом в Монреаль, выйдя на прогулку, стала жертвой странного нападения.

— Мертва! Съедена диким зверем!

— Это случается не в первый раз.

— На этот раз — окончательно, — прошептал он.

Об этом нападении в колонии, потрясенной ужасным, не имеющим прецедента происшествием, ходило много самых различных версий. Одни говорили о диком звере, разорвавшем ее на части; другие — о вылазке банды ирокезов, замеченной в тех краях в конце лета.

— Знаете ли вы подробности? Это так необычно, чтобы женщина ее круга подверглась нападению дикого зверя на столь заселенном острове, как Монреаль.

— Госпожа де Горреста вышла на прогулку ранним вечером по направлению к мысу Ветряной Мельницы, на западном окончании острова. Она была одна. Несмотря на созданную ей репутацию богобоязненной и добродетельной женщины, некоторые злые языки дали понять, что у нее должно было там состояться любовное свидание.

— В отношении к ней вечно присутствует некая двусмысленность. Одни очень наивны и подвержены ее очарованию, другие все знают, молчат и говорят лишь после того, как все происходит. Так, значит, она в

одиночестве направилась к мысу Ветряной Мельницы А дальше?

На лице друга детства Амбруазины появилась язвительная улыбка.

— Там был ангел, а может быть, чудовище!

— Но кто-нибудь должен был что-то заметить?

— Никто и ничего! Вокруг не было никаких следов — ни когтей, ни ног.

Говорят, правда, что на коре одного из деревьев были обнаружены следы когтей. Но больше ничего. Если следы и существовали, их старательно стерли. Это впоследствии сыграло на пользу версии об индейцах, ибо, чтобы с такой тщательностью скрыть следы, надо быть либо духом, либо существом, привыкшим жить в лесах. К тому же господину де Горреста надо было чем-то питать свою боль и жажду мести. Его удалось убедить в том, что смерть его жены произошла от руки ирокезов, хотя, судя по полученным ранам, было очевидно, что они были нанесены хищником, как бы невероятно это и ни звучало в городских условиях. Раздавленный горем муж, не имевший смелости осмотреть труп, нашел в себе силы справиться с этим испытанием, сгорая от страстного желания отомстить дикарям.

Один из гуронских вождей предложил ему организовать военную экспедицию. Войска, дворяне Канады и их индейские союзники тотчас же двинулись в путь. Они прибегли к обману, дабы объяснить столь сильное присутствие кораблей и шлюпов, груженных оружием и движущихся в направлении озера Шампле. Новый губернатор выслал приглашение главам Пяти Племен, в котором проявил желание организовать встречу и дать банкет в их честь. Ирокезы, огорченные тем, что не смогли присутствовать на ежегодном «пава», организуемом фортом Фронтенак в Катаракун, согласились на предложение новоявленного Ононция.

Во время ужина вожди были взяты под стражу, закованы в цепи и отправлены в Квебек, а оттуда — на галеры его величества. Только лишь Уттаке, бывший далеко в походе, и, кажется, Тахонтаген избежали этой участи.

Армия двигалась дальше, к долине Пяти Озер. Но из-за наступившей зимы, неожиданной и суровой, войска вынуждены были отступить, и не без потерь. Они отошли к фортам и торговым форпостам в ожидании весны для продолжения кампании.

— Зло все еще следует по ее следам. Неужели она и вправду умерла?

— Настолько, насколько может быть мертвым человек, чья голова была найдена между раздвоенным стволом дерева, в то время как тело лежало в нескольких шагах от него.

Предсказание сбылось.

**ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.
ПРИЗНАНИЕ**

Глава 67

Как только силы вернулись к нему и он смог без чужой помощи ухаживать за ранами на ногах, д'Оржеваль перебрался в комнату Лаймона Уайта. Очаг в ней сообщался с центральным камином, построенным в новоанглийской манере — выходящим на четыре различных очага. Поэтому следующий был в бывшей комнате Джонасов, а остальные два — в большой.

Первым делом д'Оржеваль решил вдохнуть жизнь в полузаброшенный дом. По ночам он постоянно следил за огнем. Ходил бесшумной, волчьей походкой по комнатам и так же, как тень, возвращался обратно. Анжелика же, не имея больше необходимости заботиться обо всем, спала лечебным сном. Временами она поднималась на верхнюю платформу, чтобы почувствовать изменения в природе, убедиться, как она считала, что зима постепенно начинает отступать.

Вновь намело большие сугробы снега, и снова занесло окна и двери. Но этот снег теперь позволял надеяться на потепление. Грозный холод мало-помалу начинал сдавать свои позиции. Они с упорным постоянством расчищали маленький проход, выходящий" в окрестный мир, все еще тоже замкнутый, бело-серый от мягкого и всепроникающего снега. И все же Анжелика не ненавидела этот снег. Она предпочитала его, обволакивающего и охраняющего, бесконечной безлюдной вселенной или завыванию метелей. Этот же снег тогда — осенью — спас их. И все-таки эта зима была нестерпимо долгой, хотя каждый новый день означал шаг вперед к весеннему теплу.

Когда она вспоминала, в каком состоянии был оставлен у ее дверей тот, кто теперь с такой заботой и

предупредительностью помогал ей, она не могла не порадоваться течению времени.

Тем утром она сидела у камина, свертывая в клубок мотки корпии, предварительно выстиранной в кипящей воде, перемешанной с золой. Бинты эти сослужили ей хорошую службу, но теперь она могла собрать белые клубочки и положить их в аптечку, надеясь на то, что они ей уже не понадобятся долго.

Внезапно перед нею предстал отец д'Оржеваль в своей черной сутане.

Увидя его таким, она была ошеломлена. Он был именно таким, каким Анжелика его когда-то представляла, когда он был их неизвестным врагом. Она постоянно боялась, что он когда-нибудь покажется ей, этот непреклонный обвинитель, и несколько раз, одержимая этой сценой, она принимала за него других людей, одетых в черное. В первый раз это было в Пенобскоте, на опушке леса, но тогда это был отец де Вернон. В другой — в маленьком доме Виль д'Аврэй, в Квебеке, у лестницы, но тогда это оказался ее поздно возвращавшийся муж, Жоффрей, одетый в черный кафтан. Там же, в Квебеке, в полумраке дома иезуитов, внезапное появление одного из них заставило ее вздрогнуть, но после она узнала в нем отца де Гуэранда. Так было еще много раз, когда, замечая черную тень, она думала: «На этот раз это он! Вот он, час поединка!» Но он всегда избегал ее, прячась за чужие спины.

И вот теперь он стоял перед ней, держа руку на груди, сжимая кончик распятия, на котором сиял рубин. Он выглядел тонким, почти элегантным в своей черной сутане, высокий пояс которой, обтягивающий его уменьшившуюся талию, делал фигуру почти женственной. Обликом он напоминал ей испанца, подобного великому Игнатию Лойоле; высокий воротничок его имел закругленные белые отвороты.

Она одновременно подумала: «Как он красив!», а затем — «Где он взял эту одежду?» В конце концов она запаниковала: «Он покидает нас!» Но, не дав ей времени открыть рот, он попросил ее не волноваться и продолжать начатую работу. Он просто хотел с ней поговорить. Затем, предвосхищая ее вопросы, он заметил, что речь не пойдет о его присутствии среди них. Он твердо решил остаться с ними до весны, чтобы тогда передать их в руки друзей. _ Были только две или три вещи, которые он хотел ей прояснить.

В первую очередь он заговорил с ней о своем лучшем друге. — Клавдии де Ломени-Шамборе Медленно, как бы с благоговением, он воскрешал перед ней картину их дружбы и той любви, хрупкой, прекрасной и мучительной, которая возникла между ними. Это была любовь согласных сердец и отвергнутой плоти, делавшей так, что каждый из них для другого становился символом огня, пылающего в груди всех людей, рожденного чот единого пламени всепожирающей Любви. Благодаря этому огню они со страстью и нежностью могли любить все остальное человечество. Но их любовь была неполной, ибо Библия в стародавние времена запретила подобное, объявив примат продолжению рода. Господь не наделил их иной возможностью выбора, как наслаждаться высокой платонической любовью, которую они пронесли через все годы юности, но которая позволила им следовать с радостью, а часто и с умиротворенным сердцем по трудному пути самозабвения и жертвенности.

— И хотя сегодня, — продолжил он свою речь, которую, наверно, часто повторял про себя, — я спрашиваю себя: не лучше ли было для славы господней, если бы мы были едины во всем, ибо я познал, что нет ничего живительнее цельной любви, все же надо признать, что та чистая и нежная любовь, которую я испытывал к моему духовному брату, спасла

меня от бремени одиночества и жестокосердия и надолго утолила жажду душевного тепла, не пробуждая излишних страстей. За годы нашего послушничества мы научились управлять ими. В этом я значительно преуспел.

***

Она слушала его очень внимательно, продолжая свертывать бинты в клубок, как он и просил, но делала это более медленно, незаметно придавая этому обычному занятию оттенок ритуальности.

Когда он поведал ей о пылкости чувства, связывавшего его с графом де Ломени-Шамбором, она подумала о Рут и Номи, обрадовавшись в душе, слушая, как этот священник придает их запретной любви подобие косвенного прощения. А ведь перед нею стоял именно он, отец Себастьян д'Оржеваль.

Постепенно у нее появилась уверенность, что в этот момент они могли высказать друг другу абсолютно все. Они были одни на этой земле. Одни — в пустынном, разрушенном, недоступном мире. Никто не мог слышать их разговор, чтобы потом исказить его смысл и превратить в орудие смерти. Им не надо было бояться оказаться непонятыми. Не могли они и вызвать друг у друга душевное потрясение, не могли обмануть, ранить, или разочаровать, или создать себе врагов, способных погубить их жизнь и жизни их близких. Вавилонское безумство полыхало далеко за пределами видимых границ. Что до них, то, кроме создателя, других свидетелей не существовало.

Он возобновил свой рассказ, пожелав вернуться к тому осеннему дню на озере Мокси, когда через страдание он понял, что Любовь, и даже плотская, могла служить дорогой к святому. Последствием этого открытия стал крах всей его жизни, исчезновение поддерживающих ее подпорок.

— Я понял тогда, что Любовь является даром божьим и что я был виновен, тяжко виновен, не признав его таковым. Я возненавидел свое тело, связанное с этим откровением. Тело испытывало никогда ранее не известные мне ощущения восторга и экстаза. В тот миг я был благодарен господу. Но это было чрезмерным. Я лишился чувств. Когда я пришел в себя, меня охватило чувство потерянности и жуткого страха. Я попытался воссоздать привычную картину мироздания; мысль о пришествии дьяволицы появилась в моей голове, и я с трудом удержался от возгласа радости.

Я нашел щит, которым можно было защититься. Это так — я не захотел увидеть свет. Он разрушал все преграды, которые я возвел, чтобы охраниться от того, что я больше всего ненавидел и боялся — любви, принимаемой мною за похоть, любви, неизвестного для меня знания, ударившего в меня своей молнией, показавшего мне потаенное лицо своей загадки и научившего меня тому, что сила этого чувства могла даровать всякому человеку ощущение, что он действительно существует на земле.

То, что я узнал, было слишком безумно. Я заупрямился, может быть, потому, что не знал, как можно было реализовать это откровение. Отказаться от моих лучших друзей, разочаровать их? Они бы показывали на меня пальцем, крича: «Сумасшедший!» Женщина, Любовь, свобода совести — все это было для меня слишком поздно. Мое тело уже было сформировано, создано в жестких рамках, ориентировано на предержание власти над людьми, на войну, на СИЛУ. Оставить все? Из-за приоткрывшейся истины... Не было никакой надежды.

Осложняющим обстоятельством было то, что в кустах я увидел коней и людей с ними — караван. Я догадался, кто был моим явлением. Все, стало быть, встало на свои места, и я мог продолжить свою войну.

Как видите, я ищу себе оправдания, но это ничего не меняет — у меня их нет.

Я понял, когда не смог больше с чистой совестью относиться к свершенному мною. Когда еще ребенком я отправлялся крушить протестантов моим огромным мечом, я был вне себя от страха, но был и настолько же уверен, что служу Богу, что он простит мне эти убийства. Мы рождаемся слепыми, окруженными мглой, пугающимися чудищ, и лишь с течением времени осознаем, что это были просто чучела, сделанные из смолы и мертвого дерева. Но в тот момент, когда ты ясно начинаешь видеть, уже тогда ты становишься виновен.

С моей стороны было преступным продолжать жить и пытаться представить добродетельными все те действия, которые в действительности скрывали в себе все безумства любовного чувства. Эту любовь я называл ненавистью, чтобы находить причины думать о вас. Я говорил о военных кампаниях, о крестовых походах, — обо всем, оправдывающем мою одержимость. Все мои планы победить, пленить, отомстить вам, те преследования, которые я устраивал против вас, все они создавались под воздействием влечения, которому я отказывался дать какое-либо название. Я думал, что хочу разбить, уничтожить, стереть, унижить то, что не заслуживало победы, и был в то же время обуреваемый жаждой лишь одного — приблизиться к этому. Я думал, что все делаю для уничтожения врагов божьих, во имя завершения своей миссии.

Когда я пошел в атаку на Ньючеваник, неподалеку от Брунсвин Фоллз, я знал, что вы находитесь там, в этом поселке пуритан; я кричал: «Приведите ее!» Я был уверен, что уже добился своего.

Я был весь охвачен дрожью, но я не знал, чего именно я ожидал. Что я ждал от того мгновения, когда вы предстанем передо мной побежденной, пленницей.

Но этого не произошло. Пискаретт убежал с вами! Не смейтесь! Я начинал осознавать, что наша дуэль приобретала большее значение, чем я придавал ей ранее, и что ее исход зависел не только от меня. Сумасшедший — я желал вашей смерти, чтобы уничтожить то, что угнетало меня, думая, что впоследствии я смог бы вновь обрести свою душу.

Затем он заговорил об обиде и пожиравшей его ревности по отношению к тому человеку, которому она принадлежала, который обладал ею и по какой-то невыносимой несправедливости был также любим ею. Это признание было более тяжелым, потому что он уже хорошо знал Анжелику, а потому понимал, что если она могла со спокойным лицом выслушать, что он желал ее смерти, то при упоминании любимого ею человека она становилась более чувствительной. Нет, заверил он, убийство ее мужа, ее любовника, ее любви не входило в его планы. Он хотел удалить его, сделать так, чтобы он не мог больше заслуживать ее любви. Он хотел унижить его высокомерие, уничтожить его дерзкую любовь к жизни.

— Не думайте, что жизнь всегда была для него легкой, — попыталась воспротивиться она.

— Он все знал, — отрезал он, — а я не мог это выносить.

Каким счастливым, часто думал он, был этот человек, в которого она была влюблена до безумия. Он никогда не отвергал ни плоть, ни любовь и никогда особо не заботился о законах. Безбожник и развратник, он ни в грош не ставил духовников, церковь и ее институты — не даром же процесс против него был возбужден по доносу епископа Тулузы.

— Я видел, что в обмен стольких совершенных с такой бесчестностью прегрешений и не беспокоящих его скандалов он увенчал свое падшее существование открытием величайших и пьянящих наслаждений. Ему

не только открылась Любовь — настоящая, являющаяся сродни божественному экстазу, но она была еще и взаимной. Он взял себе красивейшую из женщин и был ею любим.

Он был тем, кто должен был удовлетворять вас, восхитить вас, покорить вас, обучить вас. Достоин ли всего этого авантюрист-джентльмен, этот граф де Пейрак? Я проклинал его. Почему он, а не я?

Я начал завидовать его аморальности, несвязанности никакими обязательствами, границами, отсутствию у него подчинения кому бы то ни было. Я чувствовал, что он прав, и боялся понять это. Он шел по пути Истины, потому что следовал своим истинам. Это была еще одна вещь, с которой мне следовало столкнуться. Это ужасно — найти ошибку и увидеть, во сколько и в какие ловушки ты попал. Лучше оставаться слепым, чем осознать, что свет истины не проливается по вашему желанию, а по предназначению свыше. Лучше продолжать верить в себя как в одного из избранных.

— Как же теперь вы смотрите на это?

— Да благословит господь все пути, которые превозносят его величие и прославляют его щедрость и доброту. Я спокоен и уверен за себя, хотя для своих я окончательно потерян. Вот в чем я хотел признаться вам, дабы прошлое не оставило между нами горечи и недомолвок. Надо было очистить происшедшее от внешней лжи: я не сражался за имя Господне, а вы не были его врагами. Все это случилось в другом мире, где открываются иные горизонты и где готовятся потрясения поколений. Но на земле все происходит так медленно...

***

Он замолчал. Анжелика закончила сворачивать бинты, которые аккуратно располагала ряд за рядом на стоящей скамье. Он увидел, что заставил ее

нервничать. Но она не стала говорить, поскольку все, в сущности, было неопределенно, а слов было сказано даже слишком много. Держа руки на коленях, она смотрела на него. Легкая улыбка вырисовывалась в уголках ее губ. Он нашел ее прекрасной и закрыл глаза. Тем не менее после долгого молчания она спросила:

— Могу ли я задать вам один вопрос? Он кивнул.

— Где вы нашли сутану в столь хорошем состоянии? Помнится, ту, что была на вас в самом начале, я разрезала на полосы.

— Эту я взял в долг у миссионеров святого Иосифа.

— Почему же вы именно сегодня надели ее?

— Чтобы сделать нелегкое признание, иногда нужна кольчуга.

— Отец д'Оржеваль, порой я спрашиваю себя — не большей ли ошибкой, чем вступление в иезуиты, было то, что вы не попробовались в труппу господина Мольера? Разве вы не прирожденный комедиант?

— Я всегда был им. В колледже я сыграл все роли античных героев. Вы, наверное, знаете, что иезуиты в своем образовании уделяют большое значение театру. Чтобы проповедовать, надо иметь склонность к декламации и трагедии. А жизнь среди индейцев, действительно прирожденных артистов, явно не заставила отказаться от этой склонности.

Глава 68

Впоследствии он аккуратно убрал сутану, «взятию в долг» у миссионеров, в шкаф, а распятие поставил на каменную полочку в комнате Анжелики. Порой она заставляла его читающим требник, также, по всей видимости, взятый из миссии. С этого времени, по его словам, между ними установился дух полного доверия и непринужденности. Теперь она знала, что может рассказать ему о Жоффрее, и он с жадностью слушал ее. Анжелика заметила, что никогда ранее не позволяла себе этого даже с Абигаль.

Холод все еще был пронизывающим, и снег продолжал в изобилии падать на землю. Когда же стихали метели, огромные облака продолжали кружиться в дьявольской пляске, предвещая наступление новой бури, и настоящим господином в природе оставался всевластный ветер, знающий все пути для достижения своей цели — уничтожения всего живого на этой земле. Его свист, стенания и завывания складывались для них в привычную и удручающую музыку. Они слушали ее, собравшись вновь вместе в одной комнате у их единственного огня, за которым постоянно нужно было следить с тревогой, из-за доносящегося откуда-то сверху рыка. Хотя они и ощущали некоторое, ослабление ярости урагана, но им было хорошо известно, что можно еще ожидать нового пробуждения его энергии, собранной в последнее усилие, чтобы смести все и вся, как это случается с престарелыми и выжившими из ума тиранами.

От бури к буре дни становились немного теплее, но говорить о приближении весны было еще рано. Во время их кратких вылазок наружу они тщетно пытались уловить тот слабый звук «журчания вод в лесу»,

который поведал бы им о пробуждении природы. Тщетно они вглядывались в окрестные деревья, желая поймать мелодичный и резкий одновременно привет невидимой птицы, зовущейся «весенней», которая для них была сродни голубке Ноева ковчега.

Подавленные этим вечным молчанием и зловещим окружающим их пейзажем, в котором все еще читалась губительная смерть, они мечтали о далеких городах, которые им однажды вновь суждено будет увидеть.

***

Люди правы, строя города. Стадный инстинкт толкает их на создание всяческих благ и услуг, в которых они нуждаются для поддержания хрупкой жизни, когда корка хлеба и жалостливый сосед могут спасти от смерти. Только тот, кто не познал белоснежную пустыню зимы на необжитых землях, может быть недоволен городом.

Себастьян д'Оржеваль уговорил ее подумать о возвращении в Европу: «Такой переезд не порушит ваших связей с Новым Светом. Граф де Пейрак, так же, как и новые англичане, способен бороздить моря на своих кораблях и сможет без труда заходить в любой, порт здешних мест: от Нового Йорка до Квебека, как он делает это по всему миру».

По его убеждению, судьба колоний не будет решаться только их поселенцами. Нигде не было спасения от зловещего замкнутого круга войн, карательных экспедиций, боен, устраиваемых той и другой стороной, не разбирая между индейцами или белыми, англичанами или французами или их сторонниками, — все были в одинаковой степени жертвами. «Маяк находится там, — говорил он, — судьбы этих народов, вплоть до самых затерянных вдали долин, решает Версаль».

— Маленькие экспедиции муравьев мало-помалу отгрызают новые куски территорий. Месье де Ла Саль

спешит водрузить штандарт короля Франции на земле иллинойсов. А может быть, распространит влияние короны до самого Мексиканского залива, если ему удастся спуститься по Миссисипи, отцу всех рек, до его устья. Испанцы не смогут ничем ответить.

— И Новая Англия окажется а окружении.

— Вы хорошо знаете, что именно в Версале производятся разделы земель и именно там замышляются все вытекающие из них войны. Если бы ваш муж не смог сопровождать господина де Фронтенака, направленные против этого человека интриги привели бы нашего лучшего губернатора прямиком в Бастилию. Надо еще больше содействовать ему. Нужно, чтобы он вернулся в Канаду, потому что новый губернатор — безумец. Хуже того, он безумный дурак.

Ей вспомнилась атмосфера двора. Он справедливо отозвался о нем как об опасных джунглях, и кому, как не ей, было лучше это известно? Все же в эти дни, когда возникающие образы представляли как бы задернутыми вуалью прощения, ей чаще приходили на ум красоты Версаля, нежели грязные интриги, рождавшиеся в стенах дворца. В своих глазах Анжелика прощала страсть Людовика XIV к красоте, ко всем видам искусства. Двор был не только джунглями, но и храмом красоты. «И все-таки, — сказала она, — намного труднее вернуться с уверенностью в мир, в котором пришлось столько страдать, чем сделать в нем лишь первые шаги».

Тем не менее она чувствовала в себе прилив животворных сил, жаждущих обратиться в действие. Теперь, когда Жоффрей вступил в контакт с королем и осуществил свою дипломатическую миссию, она страстно хотела быть рядом с ним, не оставлять его наедине с этой разношерстной и обманчивой публикой, так резко отличающейся от него. Все могло быть

значительно легче, если бы они были вместе, и главное — приятней. Вместе они могли бы наслаждаться прелестями Версаля и тем хорошим, что многие не ценят в их отношениях с монархом.

Когда же она пробуждалась от этих мечтаний, ей было трудно вновь привыкнуть к этой давящей тишине и грубым стенам. Она продолжала бояться последнего коварного удара судьбы. Смогут ли они когда-нибудь покинуть пределы зимы? Снаружи их окружала пустынная и неподвижная планета.

— Можно ли представить, что где-то там существуют дворцы, в которых танцуют, где звучит чарующая музыка; где объедаются столь громадными тортами, что переодетый амуром ребенок может спрятаться вовнутрь, чтобы вновь возникнуть под аплодисменты купающегося в золоте и кружевах двора, пресыщенного всеми наслаждениями; где устраиваются пиры, на которых можно вкусить, держа обеими руками, громадные и неописуемо вкусные фрукты, сорванные в садах короля?

— Да, это можно представить, — отвечал он, — и надо благодарить Бога за это.

К чести нашей Земли, всегда где-нибудь существуют согревающий огонь, мир и богатство. Если бы жизнь затухла повсеместно, если бы повсюду царила нищета, тогда настал бы настоящий конец света.

Мы должны быть благодарны здесь, в плену геенны снежной, тем, кто в этот момент танцует и смеется, кто, как король, продолжает выискивать и создавать любые виды и формы красоты, пленяющей глаз и улаждающей душу. Ведь это значит, что пусть в одном-единственном очаге, но продолжают потрескивать дрова и что для нас жива надежда присоединиться к тем, кто протягивает руки к этому животворному огню, и разделить их пиршество.

Надежда не может умереть, если знаешь, что в каком-либо уголке земли еще алеет пламя.

Конечно, волна грязи, преступлений и мерзостей, обрушивающихся на нас, сильна. Но поток драгоценных прелестей нашей жизни, раскаленной лавы, исторгнутой божественным вулканом, поток, несущий нашу радость, любовный пыл, энтузиазм, экстаз, — он ведь не менее могуществен. И именно ему мы обязаны нашими мечтами и стремлениями.

***

Казалось, что частичка образа Жоффрея переселилась в него. Все больше ей чудилось, что слышит его голос, звучащий из уст иезуита. Произносимые им слова, излагаемые им теории были совершенно такими же, что рождались среди тысяч иных мыслей в гениальном мозгу властителя Аквитании, которые Жоффрей без всяких колебаний мог провозглашать и развивать в дворцовых салонах. Единственной разницей было то, что трубадур Лангедока, потерявший голос у царских врат Нотр-Дама, куда его притащили с веревкой на шее, ныне не был склонен открыто заявлять и раскрывать свои потаенные мысли. Он научился молчать. Но то, что он выражал своими действиями, приводило к большим потрясениям, чем самое яркое из его выступлений.

Ее сердце рвалось к нему. Про себя она шептала: «Я понимаю тебя, любовь моя. Мы встретимся с миром и обо всем поговорим».

Неоднократно отец д'Оржеваль повторял, что надеется на то, что граф де Пейрак не падает духом, волнуясь за судьбу своей семьи. «В его отсутствие я буду оберегать вас», — заявил он.

Самым важным был король. Своими усилиями по расположению короля в свою пользу Жоффрей де Пейрак мог сделать больше для блага народов и континентов, чем пытаюсь лично прийти на помощь

своим близким. Она подтвердила, что всегда видела своего мужа посвящающим себя какому-либо делу всего без остатка, не отвлекаясь ни на что другое, тем более на ложные тревоги. «Возможно, он даже чрезмерен в этом», — с легким упреком в голосе сказала она.

Его необычайная способность к концентрации производила на ревнивую душу впечатление, что ее отводят на второй план, и Анжелике всегда становилось слегка не по себе, если объектом его внимания был женский пол. Но на этот раз речь шла о короле, и все должно было пройти великолепно. Себастьян д'Оржеваль мог быть уверен в этом.

Ее забавляло, когда иезуит настаивал на том, что де Пейрак должен был также с особой тщательностью обустроить их пребывание во Франции.

— Вы не должны испытывать никаких неудобств! Вы должны будете пользоваться всеми благами, которые даны вам вашим богатством и которые может предоставить вам столица королевства. Вам понадобится множество преданных и деловых слуг, которые бы освободили вас от любых домашних проблем, множество карет, экипажей. На стенах ваших городских дворцов и загородных резиденций должны висеть прекрасные картины, богатые ковры, стоять богатая мебель и любимые вещи, в гардеробе — шелка и бархат, и множество украшений в дополнение к вашей красоте.

— Дорогой мой духовный наставник, будьте уверены. Если мой муж захочет, чтобы я вернулась в Европу, и будет ждать меня там, все будет готово и всего будет хватать. Любая безделушка, любой узор — все, что сможет вернуть мне радость жизни и помочь забыть то, что я пережила.

**ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.
КОНЕЦ ЗИМЫ**

Глава 69

Она застала его осматривающим оружие. Оно хорошо сохранилось, будучи завернутым в промасленные тряпки. Свинец и порох были также в избытке. С концом зимы люди должны были вернуться. Он не забыл услышанного им в миссии святого Иосифа. С началом таяния льдов, когда освободились бы из оков реки, ручьи и озера, властитель Горреста со своим войском должен был возобновить кампанию против ирокезов.

— Они уже наверняка готовы тронуться в путь. Они окружат поселения и предадут их огню. Возможно, это будет означать конец Ирокезии, но я знаю их. Уттаке снова избежит разгрома и уведет с собой оставшихся в живых. Напрасно они будут гнаться за ними, ибо они исчезнут с лица земли!

— Что вы хотите сказать?

— Они исчезнут! — повторил он, махнув рукой, как бы стирая что-то с листа бумаги. — Я хочу сказать, что они станут невидимыми!

Поскольку она, в недоумении, казалось, ожидала дальнейших разъяснений, он решил продолжить.

— Я не говорю, что они умрут, нет, они возникнут снова.

— Я не отрицаю сверхъестественности многих явлений, но в данном случае я думаю, что существует какое-то физическое объяснение, которое, надеюсь, вы мне поведаете. Ну же, отец д'Оржеваль, о вас ведь тоже говорили, что вы можете парить в воздухе или становиться невидимым. В то же время...

На его лице возникла лишь тень улыбки, сам же он был погружен в глубокие раздумья.

— Вы правы, у меня есть собственные соображения по этому поводу. Как только их преследователи отойдут назад, они вновь выйдут на поверхность земли... и неподалеку отсюда.

Он в совершенстве знал все секреты этих бескрайних земель, покрытых камнями, зарослями кустарника и дремучими лесами, испещренных озерами, изрезанных глубокими оврагами, непроходимых на мили и мили.

Это были территории, где одни горы сменялись тут же другими в бесконечной череде, делая их неприступными; которые, в зависимости от воткнутого флага, назывались Мэном и Акадией, но от этого не переставали быть непроходимыми, не поддающимися заселению, открывающимися лишь для избранных безумцев, либо хорошо скачущих через водные пороги, либо знающих тайные проходы через обрывы или загадочную систему древних троп, соединяющих горные хребты.

Безумием было забираться сюда с лошадьми. Это было утопией графа де Пейрака, говорил он порой с насмешкой, думать, что со временем можно будет провести здесь дороги, соединить север с югом, Атлантику и реку Святого Лаврентия путем пересечения этой местности.

Территория эта была равна двум третям Франции и была пустыней. Даже кочевые племена не обосновывались здесь. Надо было быть канадцем или абенаком, чтобы рискнуть проникнуть туда, или присоединиться к отряду ирокезов, отправляющихся в поход на побережье.

— Где они пройдут?

— Мне кажется, я это знаю.

Но больше он ничего не добавил.

— Значит, если вы уверены, что они появятся неподалеку отсюда, мы должны бежать, отец.

В ответ на ее настойчивые призывы его лицо внезапно помрачнело.

— Во имя какой жизни, какой цели?

— Во имя вашей жизни.

— Она меня больше не волнует. Она не может мне дать ничего, кроме скитаний и одиночества. Даже самый одинокий отшельник в конечном счете принадлежит выбранному им обществу — тем людям, которые, так же как и он, вняли зову пустыни, разделяют ту же строгость нравов, и прежде всего те же мистические обряды. Отшельник относит себя к своим братьям по судьбе, молится их общему богу, размышляет над теми же истинами, что и другие. Я отчетливо понял это во время наших разговоров. Но я лишен связей с обществом.

— Мы будем им для вас; мы не оставим вас даже посреди пустыни, какой бы красивой она ни была, а таких, знаете, немало.

Она попыталась улыбнуться и преуменьшить грусть их речей.

— О да, я знаю. Например, в Дельфинате. Франция богата такими местами, созданными точно для раздумий отшельника. Есть прекрасные долины, словно призывающие к молитвам. Есть картезианские монастыри, аббатства, гроты рядом с журчащими водами. Но это не Америка, моя Америка!

— Несколько капуцинов-отшельников построили себе часовню в районе реки Святого Иоанна и перешейка Шигнекту. Я знаю одного из них, и он мне поведал, что в Мерленде — католическом владении англичан — несколько монахов нашли себе убежище. В любом случае, где бы вы ни оказались, мы будем держать с вами связь.

Это было для него искушением. Не столько из-за перспектив подобного существования, которое, несмотря ни на что, оставалось бы пустым, ибо никакой

Новый Свет не мог заменить ему религиозного призвания, бывшего его путеводной звездой долгие годы. Большею частью это происходило по причине обуревавшего его страха, о котором она тоже знала, — вновь попасть в руки ирокезов. Этот страх и толкал его к смене мест.

С течением дней ощущение ослабления ледяных оков, очевидные признаки возрождения земли побуждали их выползать из объятий смертельного бездействия, в которое их еще погружали холод и мрак. Они пытались следовать за постоянно отважной матерью человеческого рода — Землей, не перестающей возрождаться после зимних разрушений и наготы.

— Как только наступит весна, — говорил он, — сколько предстоит работы по приведению этого места в порядок! Сломанные заборы, проломленные крыши, перерытые тропы, вещи, отдаваемые тающим снегом., и трупы. Чувствуешь непреодолимое желание начать все заново, разве не так?

— Сколько трупов мне придется насчитать? Сколько их осталось под развалинами Вапассу? Вот что несет мне весна.

— Нет. Мертвых не будет. Всевозможные ваши еретики, о которых вы с такой нежностью рассказываете, все эти ваши гугеноты, квакуры, «дорогие» англичане, ваши «бедняки Лиона» — худшая французская секта, хуже самих катаров или тех валдейцев, о которых в наших горах говорили как о дьяволах, — все они не погибли. Вы вновь найдете и спасете их.

Он улыбнулся, видя, что его слова попали точно в цель и что перспектива борьбы за спасение своих друзей возвращала румянец ее щекам.

— Все в вашей власти, мадам. Король — у ваших ног. Да что король, королевский скипетр в ваших руках.

Монарх, правящий половиной Европы и частью Нового Света, послушен вам, и посредством его влияния более, чем его оружия, вы можете вершить добро. Вы обязаны только преодолеть усталость и выздороветь. Только считанные дни отделяют нас от спасения — весны.

— Пусть будет так. Но тогда вы позволите спасти вас?

Прислушаетесь ли вы к моим советам и удалитесь на время?

Иезуит отвел свой взгляд и покачал головой.

— Уттаке сказал мне: «Я вернусь, я пообещал себе, что я съем твое сердце. Ты должен мне, Черные Одежды».

— Что за бред! Неужели вы пойдете на поводу у безумия дикарей? Вы сами говорили, что не следует пытаться понять их или терять рассудок, чтобы следовать за извилистой тропой их мышления.

— Уттаке сказал мне: «Ты должен мне, Черные Одежды. Разве ты не прибыл с того берега океана к нам для этого?»

Она яростно запротестовала.

— Нет, нет! Один раз, два раза — хватит! Вы заплатили дань вашему призванию. Бегите! Доберитесь до Французского залива, мы нагоним вас там. Я найду вам убежище, спрячу в надежном месте.

— Я не могу оставить вас и детей одних.

— Мне уже лучше, уверяю вас. Отправляйтесь без промедления.

— Не спешите выставлять меня за дверь. Сезон бурь и метелей еще не прошел. Я боюсь не за себя. Выздоровливайте! Вы поправитесь скорее, если не будете мучиться ни за меня, ни за кого бы то ни было. Ничего не бойтесь. Я буду знать, когда наступит время и я смогу спокойно удалиться.

Анжелика больше не возражала. Он был прав — ночь была еще длинна. Зимняя ночь, делающая дни

столь короткими, что порой они превращаются всего лишь в несколько светлых часов, нарушаемых снежными вихрями и свирепым ветром.

Тогда Анжелике пришло на ум, что нужно было воспользоваться до конца этими последними часами зимы и, как он говорил, прекратить мучиться, чтобы насладиться их сладостью и очарованием.

Закончив дневные хлопоты, иезуит садился теперь у огня, Анжелика оставалась в своей постели, окруженная играющими детьми; начиная с пустяков, их разговоры постепенно становились все более серьезными. Он уже меньше возвращался к прошлому и преимущественно делился опытом своей жизни среди индейцев и миссионеров.

— Они выживут, — говорил он, — но это произойдет благодаря смешению всего самого сильного, что есть в наших расах. Уттаке знает, что говорит, заявляя, что хочет съесть мое сердце.

Природа сметает со своего пути тех, кто противится ее наступлению. Она выносит приговор тем, кто отказывается следовать за ее бурным течением. Исчезнут и те, кто не хочет слышать ее, ибо ее голос — голос Создателя. Само творение — это медленное рождение, медленное воплощение божественной силы, собранной в чудесах света. Ни один народ или идеология не в силах отвергнуть ее, ибо эта сила слепа и неотразима. Она знает, что делает, и делает порой с жестокостью.

Целые народы исчезают, отказавшись идти вперед. Наш долг — это эволюция творения, хотя мы и не знаем об этом. Мы убеждены, что властвуем над ним. Идя все дальше, люди могут прийти к самоуничтожению, но не к уничтожению всего до намеченного срока. Мы стремимся к завершению творения, и это заложено во всех душах, даже в самых кротких и смиренных, как у этих детей. Каждый несет свою щепочку, свою охапку

хвороста на этот великий костер — не поглощающий, но животворящий.

— Костер, который ждет и вас, если вы произнесете это с амвона, — отозвалась Анжелика, поддавшись магии его красноречия, но, ощутив себя в этой скромной хижине, изумившаяся тому, что два таких жалких создания могли обсуждать столь высокие темы.

— И все же уши всего человечества могут открыться, чтобы внимать этим словом. Но «у них есть глаза, но они слепы. У них есть уши, но они глухи». Они не видят, что за этим роковым и властным словом «природа» скрывается лик божий. И если я скажу «Бог», они не поймут. Они увидят взамен своего идола. Они не увидят, не осознают необозримые приключения миров, в которые каждый человек в рамках всего человечества постоянно втягивается. Их маленькие заботы, их делишки — вот что их волнует.

Он стоял у камина и смотрел себе под ноги, будто с высоты амвона он оглядывал скопившуюся в храме паству.

— Они сидят на своих деревянных скамьях, на стульях с соломенными сиденьями, на бархатных или атласных подушках, на тронах, поднимают свой нос, чтобы слушать проповедника, но им наплевать на то, что исходит из его уст. Их горизонт нельзя расширить, он слишком узок, они не хотят ничего знать. И даже Америка слишком пуста и обширна, чтобы слышать и понимать, что происходит или произойдет. Но, по крайней мере, она пуста и обширна, и будущее открыто перед ней. Вот почему я люблю ее. Все тайны раскрываются здесь легче. Если я могу раздвоиться и сделать так, что тело внешне остается погруженным в сон, в то время как дух мой путешествует, поднимаясь над землей и передвигаясь над ней, это не потому, что господь ниспослал мне благословение или одарил иным образом, но потому, что чтобы быть посредником между

откровениями частными и божественными, надо было встать на путь изучения природных тайн. Одни при этом говорят о чуде, другие заговаривают о науке!

В то же время женщины более способны к познанию тайн. Может быть, поэтому злой дух позаботился о том, чтобы не открывать им, особенно любопытным, всю правду. С какой тщательностью и коварством он помешал им не только действовать, но, главное, думать.

— Это наказание Евы, жаждущей познаний, будучи легкомысленной и непослушной от природы.

— Нет. Скорее более смелой и не богобоязненной, природобоязненной!

Они смеялись. Их забавляло так дерзко обращаться с библейскими персонажами, как с театральными марионетками.

Серьезная нехватка пищи, на которую они были обречены, оказывала на их разум эффект легкого опьянения.

Одиночество и избыток пережитых страданий полностью раскрепостили их. Они ощущали в себе и большую непринужденность в отношении могущественных правителей мира. Покинутые на своей потухшей звезде, они могли свысока смотреть на сильных мира сего. Исчезновение жизни вокруг них сделало их царем и царицей творения.

Принятый ими шуточный тон, смех, от которого нельзя было удержаться, — все это заставляло детей прислушиваться к их разговорам. Они замирали, открыв рот, переводя глаза с одного на другую, и казалось, что самые отвлеченные речи обретали над ними такую власть, что переносили их в далекое царство снов и фантазий. «Посмотрите на них, — шептал он, — как они прекрасны. Это настоящие цветы жизни».

Она слышала его входящим и выходящим из их убежища, рубящим лес, разговаривающим с детьми. Это

было похоже на пришествие ангела. К ним спустился настоящий ангел, пожелавший поддержать ее, восполнить покидающие ее силы, силы женщины и любящей матери. Ей поручено было свыше не только хранить жизнь малышей, но и крошки Онорины, попавшей к ирокезам. Ее силы должны были объединиться серебряной нитью с силами Жоффрея, сражающегося за них вдали. Жоффрей де Пейрак был рыцарем, непобедимым защитником, неприступной крепостью, их спасением и единственной надеждой.

Но даже самый сильный человек все равно слаб, его возможности ограничены, и даже все золото мира не дает исцеления от бессилия, в которое его вверяет делаемый им порой выбор в борьбе. Человек так или иначе все же лишь незначительная песчинка во вселенной.

Даже Жоффрей, говорила себе Анжелика, не исключение из этого правила. Она пришла к такому выводу, взвесив взятую им на себя ответственность и те проблемы, с которыми, несмотря на безграничную храбрость, ему приходилось сталкиваться. Только Господь властен придать новые силы. Она поняла теперь, что он хотел сказать ей своими страстными словами в их последний вечер на восточном побережье, когда крепко держал ее в своих объятиях.

Ее силы сольются с его воедино. Ее стойкость станет и его поддержкой. Оставалось только пережить эту зиму, когда каждый из них должен был сражаться на своем участке. Смирившись с этим, надо было признать, что спасительное вмешательство небес принимало для них самые непредсказуемые формы.

Со времени последней болезни кашель не покидал ее, а перепады температур между дневным теплом и холодом ночи вызывали у нее новый приступ. Мучающий кашель напоминал ей дни, проведенные на восточном побережье, когда красotka Марцеллина

приходила лечить ее, сопровождаемая Иоландой и Керубиной. Марцеллина наверняка была жива, а значит, и другие две подруги тоже.

Глава 70

Он осторожно приоткрыл дверь и сказал: «Первый цветок!» Между обрубками большого и среднего пальцев он держал розовый цветок крокуса, сквозь лепестки которого проглядывали золотистые тычинки, а стебелек был украшен несколькими изумрудно-зелеными листочками. «Я нашел его, сбив ледяную корку под карнизом, с которого уже начинает капать вода», — возвестил он. Цветок, сумевший протиснуться из-под льда, был довольно бледным, но уже нескольких мгновений, проведенных на солнце, было достаточно, чтобы он распрямился и вернул все свои цвета, как от притока новой лимфы. Д'Оржеваль поставил его в стакан с водой у ее постели. Анжелика подумала о Канторе, ей захотелось услышать сейчас его голос под окном, захотелось, чтобы именно он радостно воскликнул: «Мама! Первый цветок!»

Ее охватило страстное желание увидеть его и всех своих детей, посадить их, как когда-то, вокруг себя. Мысль, что для этого нужно было пересечь океан, не казалась ей больше такой безумной. С возвращением цветов все само собой должно было прийти в порядок. Онорина нагонит их в Голдсборо, а затем они смогут сесть на корабль и встретиться со всеми: Флоримон, Кантор, Онорина, Раймон-Роже и Глориандра, — все рядом с Жоффреем, под его крылом. А еще малыш Шарль-Анри и все дети, вся молодежь, нуждающаяся в их помощи, в их поддержке, чтобы начать плавание по водам своей жизни, среди опасностей их века. Под какой крышей могла обрести кров такая многочисленная семья? Какая земля могла стать их домом? Разве это было важно?

Это будет там, где Жоффрей скажет: «Останемся здесь!» Там, где его благоразумный опыт, его знание людской природы, сеть его связей позволили бы ему сказать: «Здесь мы пустим свои корни. Здесь мы сможем прожить еще один отрезок нашей жизни».

«Жоффрей, Жоффрей! Скоро все расцветет, и мы сможем объединиться!»

Ночью коварно вернулся холод. Подул сильный ветер, но, странно, он был бесшумным, подкрадывающимся, чтобы восстановить стужу, и стал ощутимым лишь тогда, когда уже все стискивал в своих смертельных объятиях. Деревья, только получившие возможность вздохнуть с облегчением, вновь были заключены в ледяные оковы, охватившие все, до последней иголки или веточки.

Анжелика проснулась, вся дрожа и стуча зубами от холода, с отчаянием думая, что ее охватил новый болезненный озноб. Но тут же она заметила, что и дети ворочались и жаловались во сне. В эту же минуту появился их благодетель, неся несколько одеял и шуб. «Этот цветок правильно делал, что оставался под снегом, — прошептал он. — Он лучше нас с вами знал, что зиме еще не настал конец».

Он заново раздул огонь и обложил их тела завернутыми во фланель нагретыми камнями, а затем дал выпить Анжелике горячий напиток, сдобренный большой дозой спирта, запас которого со времен его вылазки в миссию святого Иосифа казался неиссякаемым и постоянно возобновляющимся, словно следуя чуду божественного масла храма Соломонового или чуду рыб и хлебов Евангелия.

Иезуит разжег огонь во всех очагах, и она всю ночь слышала, а точнее чувствовала, потому что он передвигался как кошка или индеец, как он входил и выходил, проверяя огонь, и подымался на верхнюю площадку, чтобы убедиться, что все в порядке с тягой.

Они могли себе позволить такой расход дров, объяснял он, поскольку это были последние старания старушки зимы. «Она еще сопротивляется, но тщетно. Весна уже близко; она всегда возвращается к нам». И как бы желая убедить их в неминувости этого возвращения и в то же время дать им в последний раз взглянуть в лицо не сумевшему одолеть их врагу, он настоял на том, чтобы днем все обязательно выбрались наружу.

Они неподвижно стояли посреди хрустального пейзажа, сверкающего тысячами огней, освещаемые прозрачно-лучистым светом, казалось, исходящим отовсюду. Себастьян д'Оржеваль указал им на медленно перемещающуюся вдали золотистую, с жемчужным отливом, дымку тумана, похожую на те теплые пары, которые бывают видны летом. Но это был мираж, вызванный стужей. И все же, если присмотреться внимательней, в глубине долины уже были заметны зеленые оттенки.

— Старушка зима не хочет уступать своих владений, но это ничего не значит. Вот увидите, через неделю мы уже будем собирать мать-и-мачеху и приготовим наш первый салат.

Через неделю это действительно произошло. У него были привычки холостяка, справлявшегося со всем самостоятельно. Сбор этой первой зелени был для него частью торжественного ритуала встречи нового времени года.

Анжелика посоветовала почистить корни и высушить их. Этот цветок, эта полоска мха на краю крыши, плачущая слезами радости — капелью, этот далекий, исходящий из леса звук журчащей воды, блестящая поверхность озера, показавшаяся ей зеркальной, — все это предвещало спасение, по также и возвращение людей. Снег обещал растаять довольно быстро. Вскоре он начнет съезживаться, уменьшать

размеры белого ковра, а затем и вовсе исчезнет «неведомо куда», как удивленно скажут потом дети.

По освободившимся от снега тропам уже тронулись в путь люди в мокалинах. Новости уже должны были возобновить свой бег. Они должны были прийти из Голдсборо, и, наконец, узналась бы судьба Вапассу. Так или иначе, как обычно, к верховьям Кеннебека должен был потянуться караван, и Колен Патюрель наверняка с нетерпением ожидал его отправления, чтобы поскорее получить известия об Анжелике. Все эти разнообразные перспективы заставляли ее переходить от радости к тревоге.

— Я прошу вас, — умоляла она его, — настал час, когда вам надо бежать!

Она повторяла: «Бегите, бегите!», не зная того, советует ли она ему бежать от белых цивилизованных людей, которые не смогли бы теперь понять его языка, или от дикарей индейцев, желавших прийти за ним, чтобы заставить умереть в муках.

— Клянусь вам, что я уйду.

***

Он отвел ее в комнату и помог лечь. Немного позже он вернулся с кружкой в руке.

— Выпейте еще настоя. Мы сможем приготовить еще. Наши запасы уже на исходе, но вскоре все вокруг зацветет и мы сможем собрать то, что нам нужно.

— В Вапассу? Нет, здесь все кончено. Меня не будет здесь к урожаю.

— Цветы вы сможете собрать и на Иль-де-Франс, она есть везде, они самые преданные друзья человека. Но сейчас — спите и набирайтесь сил. Когда вы проснетесь, мы поговорим о моих планах. Не беспокойтесь, завтра-послезавтра я покину вас. Я вижу, что вы уже поправились, а теперь спите спокойно. Дети играют у порога. Я отправляюсь к берегу озера за

камышом для вершей, которые вам понадобятся для ловли рыбы в ожидании вашего каравана.

Начатые им приготовления были для нее благой вестью, хотя она и была склонна верить ему лишь наполовину. «Он ожидает «их» прибытия, — со смесью раздражения и неудовольствия размышляла она. — После всего, что я сделала, чтобы поставить его на ноги, он не может сыграть со мной такую шутку!» Она думала о нем с той же нежностью, с которой бы думала о своем ребенке, которому грозила опасность. «Я не хочу, чтобы он шел навстречу новым страшным испытаниям; не хочу, чтобы он оставался непризнан и презираем. Я хочу, чтобы он жил свободно и счастливо. Он заслуживает жить, ибо заплатил за это сполна».

— Вы обещаете мне, что уйдете завтра?

— Да, при условии, что, когда вы проснетесь, вы сможете спуститься со мной к озеру.

— В таком случае я повинуюсь вам. Я засну, чтобы набраться сил.

Она с радостью отошла ко сну, впервые почувствовав себя действительно выздоравливающей.

Глава 71

Перед тем как открыть глаза, она подумала: «Кого они сжигают?» Но встревоживший ее запах улетучился, как только она полностью проснулась в своей комнате, в Вапассу. Солнце клонилось к закату, а значит, она проспала только несколько часов. Она хорошо чувствовала себя — наконец выпалась. Теперь он действительно мог уходить, подумалось ей. Она бросила взгляд на камин, над которым находилось распятие, и увидела, как сверкнул рубин. «Оставит ли он его мне, когда покинет нас, или повесит себе на шею?»

Затем, повернув голову, она увидела сидящего у ее изголовья молодого человека в черном, с белым воротничком. Тот, заметив, что она пришла в себя, поднялся и с улыбкой подошел к ней.

— Здравствуйте, мадам Анжелика.

— Марциал Берн. Что вы здесь делаете?

— Меня приставили охранять ваш сон, дорогая мадам Анжелика. Вы так глубоко спали к нашему приезду, что, убедившись, что вы живы, мы решили не будить вас.

Анжелика приподнялась на подушке, чтобы лучше рассмотреть его.

— Разве ты не отправился в Бостон учиться?

Он рассмеялся, успокоившись, видя, что она узнала его и вспомнила все без труда.

— У вас хорошая память, мадам Анжелика. Но я не считал это нужным, особенно когда Голдсборо грозила опасность. Я всегда еще успею посвятить себя изучению неизвестных текстов в том английском городке. Осень у нас была бурной, и лучше было собрать как можно больше здоровых рук, тем более что

зима в этом году приключилась как никогда ранее свирепой. У нас выпало ужасно много снега, и от стужи трескались деревья. Даже море замерзло в устье рек Пенобскот и Кеннебек.

Видя, что она внимательно слушает его, он рассказал ей, что на побережье никто не подозревал о случившемся в Вапассу. До них не дошло ни одного известия. Они уже привыкли к отсутствию связи зимой, к тому же в этом году каждый предпочитал не вылезать из своей берлоги, занятый отражением натиска трех, врагов: холода, сне! а, а для многих — и голода.

Когда же новость все-таки долетела до них в виде слухов, почерпнутых от индейцев, о том, что осенью Вапассу был разграблен и сожжен, все были подавлены. Говорили, что жителей угнали в плен в Квебек, что было, конечно, предпочтительнее смерти и утешало их друзей в ожидания новых подробностей.

Потом, с ослаблением холодов, прибыл немой англичанин, сопровождаемый чиновником из голландской колонии Хуеснок. Лаймона Уайта держали в плену у племени абенаков. Когда, гонимые голодом, они снялись с места, он убежал и достиг обжитых мест. Он принес ошеломляющую весть, что Анжелика со своими детьми живы в Вапассу, но подвергаются большой опасности... если уже не умерли. Последнее страшное предположение было тотчас отброшено. Месье Патюрель сразу же организовал в помощь им караван, которому понадобилось по меньшей мере два месяца, чтобы добраться до места, учитывая, что все водные пути были еще скованы льдами.

— И, наконец, несколько часов назад мы прибыли сюда.

Юноша начал говорить все в более быстром темпе. «Какая радость видеть вас живой, это сняло все наши тревоги! Дети, как они красивы, — восхищался он, — как они выросли! Да еще и так прекрасно щебечут! Кто

бы мог подумать, — повторял он, — что, пройдя через такие испытания, можно было найти их такими здоровыми». Он добавил, что отец Шарля-Анри захотел принять участие в караване. Его опыт охотника был бесценен. Конечно же, он прежде всего беспокоился о своем сыне, но тот с радостью узнал его.

Одним словом, все были счастливы и ожидали только ее пробуждения, чтобы полностью успокоиться и отпраздновать этот удачный конец столь долгих и тяжелых испытаний.

Тяжелые шаги послышались в коридоре, и в низком проеме двери показалась крепко сбитая фигура Колена Патюреля. Его озабоченный взгляд прояснился при виде Анжелики, сидящей на постели, внимательно слушающей объяснения Марциала Берна. Только теперь последний перестал быть для нее больше похожим на видение. Когда она увидела склоняющегося к ней Колена, она окончательно поняла, что все это ей не приснилось. «О дорогие мои!» — воскликнула она, обняв их обоих за шеи и прижав к себе. Миг, о котором она так долго мечтала и надеялась, который так часто казался ей несбыточным, в конце концов настал. Наконец, люди нарушили их одиночество, и вершиной счастья и облегчения было то, что это были свои, жители Голдсборо.

Колен начал ей рассказывать то, что уже передал Марциал. Слишком запоздалое известие о трагедии Вапассу; необходимость выждать время, прежде чем двинуться в путь к недоступным внутренним землям; трудности их перехода, вынужденные остановки во время последних снежных бурь и неудобства, вызванные таянием льдов. Он поведал ей о пронизывающей и ни на миг не покидающей их тревоге не застать их в живых и о радости, в которую до сих пор они не могли поверить, найдя в форте очень резвых и непринужденных ребяташек, очень вежливо

встретивших их. Настоящее чудо! Было от чего призвать самих гугенотов пойти поставить свечу перед каким-нибудь святым папистом.

***

Чисто механически Анжелика спросила: «Кого там сжигают?» Ее подсознание продолжал беспокоить этот запах дыма или пожара, настолько резкий, что начал лишать ее чувств. Были ли это лагерные костры? Она уже отвыкла от человеческих запахов.

Колен сделал вид, что не расслышал или действительно не понял смысла этого странного вопроса. Он не мог понять, почему она говорила «КОГО сжигают», а не «ЧТО сжигают»? Он был человеком с берега Атлантики, а не из внутренних районов континента, и его еще занимала мысль об этом изматывающем приключении среди лесов и скал, чтобы добраться сюда, в самое сердце гор. Он упомянул о непреклонной вере, которая была свойственна всем, в то, что, несмотря ни на что, они встретят их живыми. Доказательством было то, что, поняв из «слов» (если так можно выразиться) бедного немого, что Анжелика и ее дети были лишены практически всего, они привезли, кроме съестных припасов, женскую и детскую одежду и белье, обувь и игрушки. Все это заботливо было собрано женщинами и детьми Голдсборо.

— Ах, какая чудная мысль! — воскликнула Анжелика. — Как прекрасна жизнь! — После выслушанных подробностей жажда жизни охватила ее с той же силой, с которой источник наконец разбивает свою ледяную тюрьму.

— Скорей, я хочу встать!

Взгляд ее упал на распятие на полочке камина.

— А он?

— Он?

— Человек, который жил здесь с нами. Вы... не встретили, не видели его здесь?

— Да, конечно! — признался Колен, в то время как Марциал бросил на него быстрый взгляд и продолжал молчать. — Да, конечно. Достигнув берега озера, мы заметили на том берегу человека, ставившего то ли капканы, то ли верши. Он показался нам охотником, и, боясь увидеть за ним приближающиеся отряды с севера, мы сперва затаились. Затем, поняв, что он один, двое из нас вышли вперед и позвали его. Но, увидев нас, он мгновенно бросил свое занятие и убежал.

«Наконец-то! Слава Богу! — вздохнула Анжелика. — Он убежал». Она закрыла глаза и откинулась назад, внезапно почувствовав слабость. Она продолжала держать их за руки, как ребенок, боящийся, засыпая, быть оставленным наедине со своими страхами. Теперь они были с ней, О она никуда их не отпустит. Любовь, излучаемая взглядами, обращенными к ней, успокаивала. Скоро она вновь увидела бы и Жоффрея. «Слава Богу! — повторила она. — Дорогие мои мужчины!» Она вновь могла жить полной жизнью, вернуться к людям, как возвращаются домой.

И все же неясное ощущение не покидало ее.

— Колен, что это за сильный запах гари и жареного мяса? Вы устроили пирушку? Меня что-то тошнит — это похоже на лагерь индейцев.

— Здесь ирокезы! — ответил ей Марциал.

Глава 72

— Мы встретили их в районе Катарунка — старого разрушенного форта, — продолжал вместо него Колен. — Это был целый отряд, что заставило нас потерять несколько драгоценных дней. Сначала — чтобы защититься от их засады, затем — чтобы опознать себя и убедить в том, что не настроены к ним враждебно. Сопровождавшие нас индейцы из племен малецитов и этехминов сбежали, и мы больше их не видели. Наконец вождь этих непримиримых признал, что мы не из тех «норманнов», которые являются его врагами.

— Уттаке?

— Да, его звали так.

— Куда он направлялся?

— Так же, как и мы, в Вапассу. Он утверждал, что должен был поймать одного иезуита, отца д'Оржеваля, будто бы находящегося здесь. Не знаю, хотел ли он заполучить его призрак или дух, ибо, если я хорошо помню, этот миссионер умер еще года два назад. И в этой связи наши переговоры с этим дикарем не были легкими «Ты ничего не знаешь», — с презрением говорил он мне, когда я пытался доказать ему, что этот священник не мог оказаться в Вапассу, раз он был мертв, да к тому же, как говорят, он пал от его же руки. С другой стороны, я пытался вдолбить ему, что мы торопимся прибыть к месту, потому что знали, что вы находитесь здесь, мадам, но боялись не застать вас в живых «Она жива», — возразил нам он с тем же величественным презрением. Несмотря на его уверенность, мы заметили ему, что спешим прийти к вам на помощь, боясь прибыть слишком поздно. Эти раздумья или наше слишком явное нетерпение чуть было не нарушили хрупкое перемирие. «Я друг

Тикондерога, норманна, — сказал он мне — Не думай, что ты его друг больше, чем я, что он сообщает тебе больше, чем мне. Я больше тебя смотрел за ее звездой» Мы чувствовали себя как на иголках. Эти дьяволы совсем не легки в общении, и мы, привыкшие к крещенным господином де Сан-Кастином абенакам, не знали, как вести себя с ними.

Под конец он разрешил нам идти своей дорогой но мы были слегка замедлены весом вещей, взваленных теперь на наши плечи, которые раньше несли помощники-индейцы Мы не знали, опередили ли нас ирокезы или они следовали за нами по пятам Может быть, они пошли по другой тропе, мы же следовали обычным путем Наконец однажды с одного из холмов мы увидели руины Вапассу, а вскоре были уже рядом с тобой.

Колен закончил свою речь внезапно сдавленным голосом. Он взял ее за руку, чтобы скрыть свое волнение, и попытался исправить это вырвавшееся «тебя», что он никогда не позволял себе при посторонних.

— Мы препроводим вас в Голдсборо, вас и ваших детей. Только там вы будете в безопасности Барон де Сан-Кастин и его этехмины и малециты оградят нас от любого врага в ожидании возвращения графа де Пейрака, которому барон дал клятву верности. Они оба гасконцы и обещали помогать друг другу. Он защитит нас своей дипломатией, если нам придется иметь дело с людьми из Новой Франции, и с оружием в руках, если это будут ирокезы Мы должны немедленно покинуть это место — нас слишком мало, а опасность велика Увы, мадам, в Вапассу больше нечего делать Уже хорошо, что эти заклятые враги французов дали себя убедить оставить нас в живых. хотя мы тоже принадлежим к этой нации.

Она пристально смотрела на него, и он спросил себя, что заставило его подумать, что она ослабела и что ему, возможно, встречая с нежностью и отчаянием на ее лице клеймо белой пустыни, придется всю обратную дорогу нести ее на руках, как он уже делал на дорогах Магреба. Конечно, столь любимое им лицо несло на себе отпечаток непередаваемых мучений, но было ясно, что она пережила и справилась с ними, не расставшись даже с каплей своей энергии и душевных сил.

— А человек? — спросила она.

— Какой человек?

— Тот, которого вы заметили на другом берегу озера и который скрылся от вас.

Она не отрывала от него своих светлых и казалось, увеличившихся в размерах глаз. Они становились все более отчетливо зелеными, самого чистого и редкого оттенка. Он познал власть этих глаз, хорошо знал, что в такие моменты она отнимала вашу душу, в том смысле, что забирала ее себе, а не просто околдовывала, хотя и чары присутствовали в этом взгляде. Попавшему под ее воздействие не было спасения.

Он отвернулся.

— Хорошо, я скажу тебе! — ответил он, снова переходя на «ты», в том волнении, которое делало его до конца подвластным ей, несмотря на все преграды, которые губернатор Колен Патюрель хотел воздвигнуть между ними.

— Мы только на миг увидели этого человека, и он скрылся от нас. Затем, все еще настороже, мы обошли озеро, которое нельзя было пересечь, и оказались в низине под фортом. И тогда...

— Что тогда?

— В тот момент с востока из леса выскочили ирокезы во главе с Уттаке. Я увидел вождя могауков, в бешенстве бегущего на меня и размахивающего

томагавком. Он прокричал мне «Вот он, тот, кого я ищу! Вы дали ему уйти!» Я, возможно, отверг бы эти обвинения, рискуя оказаться с раскроенным черепом, еще не успев даже притронуться к рукоятке пистолета или обратиться за помощью к друзьям. Если бы он внезапно не остановился в нескольких шагах от нас, я был бы уже мертв. Но он замер и показал пальцем на вершушку холма.

Подняв глаза, мы увидели черную сутану. Там стоял иезуит, неподвижный, как привидение. Мы ожидали, что он исчезнет, но он начал спокойно спускаться к нам замершим внизу. Все мы — и белые и дикари — были изумлены и недоумевали, какие цели преследует он своей отвагой. В руке он держал нагрудный крест, показывая его нам. Когда он приблизился, я увидел сверкающий красный камень в центре распятия. Иезуит направился прямо к Уттаке со словами: «Вот он я».

— И они забрали его, — выдавил из себя Марциал Анжелика окаменела, слыша отражающееся эхом внутри нее это «они забрали его», как одинокий звук гонга.

— Колен, что они с ним сделали? Что они с ним сделали?

Он снова отвернулся.

— Они поднялись с ним к руинам Вапассу, там их вождь выбрал почерневший от пожара столб из ограды, и они двинулись в глубь долины. Там они вкопали столб в землю и привязали к нему иезуита, сняв с него одежду, и принялись истязать его.

Анжелика вздрогнула и одним движением вскочила с постели.

— Отведи меня к ним!

Колен удержал ее, когда она покачнулась, стоя перед ним. С необычайной пылкостью он обрушил на нее те слова, которые родились в его голове с момента

их прибытия. Он очень хорошо знал ее и потому теперь сожалел, что она не проспала немного дольше.

— Анжелика, я умоляю тебя! Хватит рисковать! Хватит с безумствами! Разве небеса уже не проявили к нам достаточную милость, позволив найти вас целыми и невредимыми? Мы должны покинуть это место как можно скорее, воспользоваться тем, что они... заняты.

— Оставь меня! Ты не можешь понять — я не переживу, если он снова достанется им. Отведи меня туда!

— Анжелика, неужели ты хочешь нашей смерти? Ты знаешь, как они относятся к своим пленным. Их образы священны, и они не терпят вмешательства в их дела белых. Если бы мы даже и попробовали, нам нужно было бы убить их всех, а нас слишком мало, говорю я тебе! Мы не должны вступать в их дела.

— Вы — может быть. Я же могу, я не боюсь их. Если я бы могла идти одна, то пошла. Помогите, помогите мне дойти.

— Анжелика, ради всего святого, твоя жизнь будет в безопасности лишь после того, как я заберу тебя отсюда. Как я смогу предстать перед твоим мужем, если ты погибнешь. Меня уже мучил этот кошмар, но теперь ты снова ищешь верную смерть. Подумай о нем!

Она на секунду замерла в нерешительности, но затем убежденно сказала:

— Жоффрей поступил бы так же!

И она бросилась к выходу, забыв даже обуться. Босиком ей бежалось будто легче. Бежать! Она слышала, как Марциал, молодой гугенот из Ла-Рошели, прокричал ей вслед: «Зачем? Зачем, мадам Анжелика? Это же просто иезуит, один из наших заклятых врагов!»

«Ах, оставьте меня с вашими злейшими врагами!» — подумала она, но не осмелилась бросить ему в лицо свой ответ. Она прорезалась через толпу людей, не видя и не приветствуя их. Чуть позже она вспомнит тот

шок, который испытала, увидев ранее привычно безлюдное пространство, окружавшее их, внезапно полное знакомых лиц.

От этого резкого солнца ее охватило головокружение, чуть было не заставившее ее упасть. Нагнавший ее Колен обнял ее за плечи и поддерживал всю дорогу, отказавшись удерживать ее от этого шага. На этот раз она шла босиком по лиловому ковру примятых трав, едва освободившихся от снежного плена. На ней была ее старая юбка, которую она проносила всю зиму, сама она была похожа на воскресшую из мертвых, но ее взгляд мог обмануть окружающих. Все, кто видел ее появление как будто со дна могилы, узнали в ней прежнюю Анжелику, в которой не было ничего от умирающей.

Колен поддерживал ее, но именно она тащила его туда, в глубину долины, направляясь к лагерю индейцев, где уже виднелась толпа оперенных ирокезов, и оттуда, доносимые свежим ветерком, до них долетали запахи дыма и непрекращающийся гул бубнов.

По кивку Колена многие из людей каравана, среди которых был и великий Сирики, пристроились им вслед, держа наготове свои мушкеты, в то время как другие расположились вокруг форта и на верхней платформе башни, приготовившись к любому повороту событий. Но никто не захотел войти внутрь, и все, включая детей, остались наблюдать за ними издалека.

— Ты не можешь понять, Колен, — шептала Анжелика, продолжая идти дальше. — Это может повториться трижды! Я не могу этого допустить. — Ее ноги уже не касались земли, и единственно сила Колена поддерживала и продвигала ее вперед, одновременно рождая впечатление, что она стоит на месте, словно в ночном кошмаре, в котором некая темная сила держит вас как бы прикованным к земле.

Перед ее глазами возвышались на фоне бледного неба вершины длинной цепочки Аппалачей, переходящих внизу в зеленые языки долин. Прекраснодевственная природа наконец пробуждалась, такая дикая и вместе с тем нежная, что даже почерневшие руины Вапассу, возвышающиеся над озером у кромки леса по другую сторону долины, казались красивыми.

Она слышала приближение звуков бубнов. Запах дыма и горелого мяса становился все сильнее, и в этом направлении были устремлены все ее усилия. В ее голове стучалась единственная мысль, единственная мольба: «Боже, сделай так... сделай так... чтобы я не опоздала! Вампум, я потеряла вампум!»

***

Туда! Она бежала туда, где сердце Америки сжигало свою собственную плоть, пожирало ее, чтобы выжить. Она хотела бежать еще быстрее, вместе с Коленом.

— Прошу тебя, не повреди себе, — умолял ее он. — Видишь, ты слаба, ты упадешь. — Он теперь боялся почувствовать всю хрупкость ее исхудалого тела, что она не переживет этого нечеловеческого усилия. Но она не слушала его. Ее сердце было тоже охвачено пламенем, пламенем отчаяния и возмущения.

***

Колен ничего не знал — рассказывать было слишком долго, да, впрочем, и невозможно. Но она должна была добраться туда. Когда наконец это произошло, она тотчас увидела его. Это была голая фигура, худая, жалкая, привязанная к столбу, вокруг которой несколько шаманов исходили в ритмичных танцах посреди дыма от углей, лежащих под ногами жертвы. Раскаленные топоры заставляли шипеть и пузыриться кожу его бедер, к которым их прикладывали, следуя варварскому ритуалу, его мучители. Другие же

медленно и со знанием дела срезали ножами полоски кожи и мяса с его груди.

Сперва она не видела ничего другого и должна была остановиться, чтобы сдержать родившийся в ее груди крик и перевести дыхание. Слишком поздно. Она пришла слишком поздно! Но, снова взглянув на бедного мученика, она увидела, что голова его была поднята, а взгляд вознесен к небу. Это было молчание не смерти, а героя.

Это меняло все. Она снова могла быстро идти вперед, полная энергии и надежды.

— Уттаке! Уттакевата! Дай мне его жизнь!

Она шла одна, громким и четким голосом выкрикивая свой призыв.

— Уттаке! Уттаке! Дай мне его жизнь!

Он повернулся к ней — краснокожий бог, покровитель Америки, и взгляд его меж красочных пятен боевой раскраски был лихорадочен. Его подвески и гребень задрожали. Он подошел к ней на несколько шагов, в то время как она остановилась. Он не удивился, увидев ее здесь, но выражение его лица все еще было угрожающим. Наступило долгое молчание.

— Доколе ты будешь просить даровать тебе жизни?
— раздраженно прорычал он. — Я отдал тебе твою и твоих детей, тебе не хватило этого? До каких пор ты будешь упорствовать, спасая тех, кто отталкивает тебя или желает твоей гибели?

Что тебе до этого иезуита? Почему ты хочешь сохранить ему жизнь? Он был твоим врагом, и я послал его тебе, чтобы ты прикончила его. Я послал его, чтобы ты прикончила его, — настаивал он, все больше распаляясь, — своими собственными ногтями, как это делают женщины Ты не сделала этого. Я презираю тебя — ты нарушила законы справедливости.

— Я не обязана подчиняться твоим законам. Я прибыла из другой страны, и меня судит иной бог. Ты

сам это прекрасно знаешь, переплывший океан, о Уттаке, бог облаков.

Тот начал ходить взад и вперед, с жаром обращаясь к спустившимся на травянистый пригорок воинам на смеси диалекта могауков и французского, на котором он говорил великолепно, хотя и с резким акцентом, вызванным его грудным произношением, при котором он почти не шевелил губами.

— Вы слышите? Я осыпаю ее любезностями, а она приказывает мне. — Всеми своими движениями, жестами и мимикой он старался дать понять, что до глубины души возмущен, а также что его разум не в силах справиться с такой несознательностью человеческих существ, и прежде всего белых, а среди них в первую очередь женщин.

Внезапно он замер, и выражение его лица стало подчеркнуто серьезным. Само татуированное лицо, казалось, окаменело, а неподвижные, похожие на стеклянные, глаза с удлинненными орбитами странным образом заблестели.

Он медленно вытянул руку в сторону Анжелики и остался неподвижен, как статуя древнего жреца. Слова, слетавшие с его губ, казалось, тоже имели налет вечности.

— Смотрите! Вот стоит безумная, поклоняющаяся безумному богу. И это великолепно. Она безумна, но она верна своему богу, сказавшему эти бессмысленные слова: «Прощайте своих врагов». Женщина, безумная, как и ее бог, — вот она. По крайней мере, душа ее пряма, и она идет по своей дороге, никуда не сворачивая. Она спасла больного англичанина и раненого ирокеза, французского пирата и умирающего Черные Одежды. И она только что прокричала: «Верни ему жизнь! Верни ему жизнь!»

Его поза немного изменилась, а движения его руки были обвиняющими и ласковыми одновременно.

— Да, ты устроена так. Ты не сворачиваешь со своего пути, Кава, Вечная Звезда. Что же можем мы против звезды, поставленной в центре небосвода, всегда указывающей в одном направлении? Только следовать за ней, следовать во мраке наших дум и наших сердец. Да, ты светишь нам, но ты и сбиваешь нас с пути.

— Я не сбиваю вас.

— Да! Ты обманула меня. Я послал его тебе, чтобы ты прикончила его.

— Нет, ты хорошо знал, что я не сделала бы этого. Ты сам доказал это, сказав ему, прежде чем послать ко мне: «Я вернусь, чтобы найти тебя и съесть твое сердце».

Вождь могауков позволил себе рассмеяться.

— Я хотел быть уверен, что ты именно такая, какой я тебя знаю, Вечная Звезда.

— Значит, ты знал, что я пощажу его. Тогда, Уттаке, перестань хитрить со мной. Ты даровал мне его жизнь одни раз, ты можешь сделать это и дважды.

Вождь Пяти Племен вновь стал ходить взад и вперед, а затем по кругу, как загнанный зверь.

— Да будет так! Я дам тебе его жизнь! Я не хочу, чтобы ты была оскорблена за соблюдение безумных наставлений твоего бога-безумца.

По его знаку молодой воин разрезал жгуты, связывавшие пленника. Но он, несмотря на то, что был свободен, оставался стоять неподвижно.

Видел ли он еще тех, кто окружал его на этой земле?

Но приказ Уттаке и последовавшее его исполнение вызвали ярость участвовавших в пытке, с тщательностью хороших работников готовивших свое оружие к ритуалу, сидя у костра.

Один из них, по имени Хийятгу, выбежал на арену. Если и сложно было уследить за его речью,

произнесенной на быстром диалекте, то смысл ее можно было хорошо понять по его бешенству и разгоряченным жестам.

Как и присутствовавшие тут же его товарищи, он не мог потерпеть, что его лишают права исполнить свой благородный и нелегкий долг — замучить на медленном огне презренного врага. Истязание лишь только началось, а жертву уже вырывали из его рук, а ведь он, Хийятгу, признавался сильным и искусным в своем деле, доставлявшем ему ощущения отваги и удовлетворения.

К тому же он должен был исполнить обет возмездия, сумев, наконец, найти того, на ком можно было дать выход жгучей жажде мести. Это не сняло бы тень траура, навечно покрывшую его душу, при воспоминании о детях, жене и воинах, погибших на стенах его родного города Онондага или в пламени пожара, поглотившем их длинные хижины. Но месть была бы каплями спасительного бальзама на открытые раны его обид, ибо он знал, что преподносит душам своих умерших удесятенные страдания того, кто своими фанатичными наставлениями призвал к войне против ирокезов, на что живо откликнулись предатели гуроны и извечные враги алгонкины. Они, конечно, в скором времени также должны были ответить за свои преступления — ведь по его приказу они стали виновниками жестокого, незаслуженного и раннего ухода его семьи и друзей в край охотничьих угодий Великого Духа. Неужели мерзавцу следовало даровать жизнь, чтобы он снова пришел уничтожить их?

Его пылкая речь получила общую поддержку присутствующих ирокезов, выразившуюся в длительном и глубоком гуле, от которого, если бы не чистое голубое небо, можно было представить, что надвигается сильная гроза.

Хийятгу, понимая, что владеет положением, решился тогда открыто выступить против Уттаке.

— Среди нас нет верховных вождей, Уттаке. Если же бы и был такой, то выбран бы он был среди онондагов, к которым я принадлежу, а не среди могауков. Ты отступаешь от принципов Лиги ирокезов, ты не имеешь права отнять добычу у принявших участие в охоте.

— Это не добыча, а враг мой, — ответил, не потеряв присутствия духа, вождь. — Только я пострадал по его вине в юности, когда был пойман и отправлен на другой берег океана грести на больших пирогах — галерах короля Франции. С самого моего возвращения я всегда защищал вас от его ловушек. Совет поставил меня во главе того, что осталось от наших народов. Не забывай об этом лишь только потому, что опасность не так близка сегодня благодаря моей хитрости и предписаниям.

Снова поднялся гул, но на этот раз Хийятгу, знавший своего противника, не строил больших иллюзий — он понял, что одобряли, слова Уттаке.

— Хорошо! Отпусти его, — гневно прокричал он. — Но никто не скажет, что я ничего не сделал!

Его движения были слишком быстры. Одним прыжком он набросился на пленника, все еще стоявшего у пыточного столба. Схватив его за волосы, он острым ножом надрезал верхнюю часть кожи лба и дернул на себя. Вопль, вырвавшийся у всех, подчеркнул непредвиденность и жестокость его поступка. Хийятгу с триумфом отошел в сторону. Бесчувственный к вызванному им негодованию и гневу, он принялся издевательски кричать, перемежая свой крик подражанием христианским песнопениям. При этом он размахивал своим трофеем, словно кадиллом, окропляя кровью траву вокруг него.

Иезуит продолжал стоять. Кровь текла по его лицу с оскальпированного черепа. Один из воинов толкнул его

вперед, но тот не хотел падать. Наконец, когда вдвоем, взяв за руки, его оттащили от столба, он оставил на нем целые куски кожи от верха спины до поясицы. Это окровавленное тело и было брошено к ногам Анжелики. Она упала перед ним на колени, наклонившись еще более, чтобы обнять его и приблизить свое лицо к нему.

***

На этот раз для него все было кончено. Он уже не мог вернуться из царства мертвых. Жизнь угасала на его окровавленном лице, потому что веки его закрыли еще живые глаза, ослепленные неожиданным фонтаном крови. Анжелика сорвала со своей шеи платок и очень осторожно попробовала остановить этот поток. Вполголоса она взывала к нему: «Отец! Отец д'Оржеваль, друг мой!»

Мог ли ее голос, голос земной и далекой женщины, достичь его в аду или в раю, куда он уже направлялся? Хотел ли он услышать ее? Он открыл глаза, и, увидев ее, они радостно просияли. Она смотрела на него, но он отдалялся от нее, как будто сев на корабль, плывущий к берегам вечной радости. Она же почувствовала себя остающейся на этой мрачной земле, опираясь коленями о твердь, обагренную кровью. В его глазах в этот момент мелькнула искра иронии, а затем лицо его вновь стало серьезным и властным, и ей почудилось, что она слышит так часто им повторяемую мольбу: «Живите! Живите ради вашего триумфа и нашего света. Не делайте тщетной мою жертву». Взгляд его помутнел, и в ту минуту она прочла в нем последнюю пламенно-грустную просьбу человека, не считавшего себя достойным, но в свой смертный час возжаждавшего заслуги, признания усилий сердца, прибывшего в Новую Францию для спасения дикарей, которых он так любил. Это было последней потребностью его призвания.

Он молил ее должным образом распорядиться его телом. Могла она понять его? Она поняла все, ибо ощутила себя необычайно близкой ему. Вместе они шли по необычным жизненным путям, изучили таинственные лабиринты любви и множественные принимаемые ею формы.

— Да, я обещаю вам это, — прошептала она, хотя ей было очень больно принять данное решение. — Я отдам вас им, я возвращу вас ирокезам. Они съедят ваше сердце, и вы навсегда останетесь в них.

Все это время два вождя не прекращали свой спор. Они продолжали бросать друг другу вызов, сначала оскорбляя противника, а затем переходя к танцу войны, кружась и размахивая топором и томагавком. Уттаке был взбешен, видя, что ставятся под сомнение его верховная власть и право миловать осужденных. В не меньшей степени он приходил в ярость от того, что слово его оспаривается соперником, не переставшим напоминать, что судьба пленника решается только на Совете и что вождь онондагов имел преимущество над вождем могауков.

От переполняющей их необъяснимой горечи, больше, чем от спирта, который вожди почти не употребляли, спор их, основанный на оскорблениях и угрозах, становился острее с каждой минутой. Наконец было решено, что они сойдутся в схватке по правилам ирокезской дуэли. Она была очень краткой и ожесточенной, с мгновенными переходами и невообразимыми кульбитами, но закончилась, если так можно выразиться, победой обоих вождей. Оба они были наделены равными силами, и ни один не сумел нанести другому решающий удар.

Чуть позже спор снова разгорелся, на этот раз по поводу того, есть сердце иезуита сырым или жареным, и опять он достиг верхнего предела. Казалось, борьба между этими последними осколками могущественного

Союза Пяти Племен должна была снова вылиться в кровавую схватку, но все разрешилось благополучно благодаря красноречию Уттаке.

— Я сын Мира. Я зарываю топор войны, съедая это сердце. Мы должны поглотить его еще трепещущим, ибо только так оно передаст нам свою священную и нечеловеческую силу.

— Но оно же отравлено, — возразил Хийятгу, — и, чтобы не впитать вместе с силой его яд, нам надо прожарить его.

— Нет, это не так. Сердце Хатскон-Онтси больше не содержит яда, оно очистилось. Бледнолицая женщина доказала это, затребовав его себе, а затем возвратив его нам.

В этот раз Уттаке оказался быстрее. Он в один миг распахнул грудь мертвеца и вырвал долго оспариваемое сердце. В знак уважения все затихли. День близился к концу. Небо на горизонте медленно становилось багряным.

На фоне этого пурпурного заката Уттаке высоко поднял рубиново-алое сердце:

— Вот оно. Вкусна это очищенное от яда сердце, мы обогатимся мудростью того, кто принес нам ненависть, но и любил нас. Мы сможем отправиться в поисках мира. Мира для наших селений, мира для наших земель, которые возродятся, ибо не все мы еще сложили головы на полях битв. Оно вдохновит и обогатит нас знанием этих несгибаемых французов, сеющих смятение в наших душах и обманывающих наши сердца. Оно будет направлять нас, чтобы мы знали, что ожидать от них, насколько верить им во имя общего спасения.

Когда же месяц с острыми, как кинжалы, зубцами начал покачиваться в весеннем голубоватом небе, вожди Пяти Племен ирокезов с грустью и надеждой разделили и поглотили сердце их врага Хатскон-Онтси — мученика, умершего дважды.

***

Как только вожди ирокезов приняли из рук тело отца д'Оржеваля, Колен Патюрель подхватил молодую женщину на руки и без труда пронес до самого форта. Она была такой легкой, почти воздушной. Ему хотелось унести ее подальше от всех этих смертельных безумств, но день был на исходе и готовиться к отъезду было уже слишком поздно. Нужно было дождаться следующего восхода.

Усилившийся вечерний ветер предвещал холодную ночь, и заботливые руки разожгли огонь во всех очагах форта. Для людей Пейрака все это воскрешало ту радостную атмосферу, которую они помнили по первой зиме, проведенной здесь, когда все они еще были горняками, солдатами, ремесленниками и прочим работным людом из самых разных стран или ловцами приключений всех мастей. Они приютились на ночь в старой крепости, расставив повсюду часовых, сменяемых каждые два часа. Часовые без усталости следили за лесами и далеким горизонтом, ближайшими окрестностями, особенно за ложбиной, где пылали костры ирокезов и откуда временами долетали зловещие отзвуки их песен и бубнов.

Дети, окруженные всяческой заботой, успели поесть и теперь спали в бывшей комнате Джонасов, охраняемые ревнивыми и нежными взглядами, не упускающими их из виду ни на секунду. Они казались потерянным сокровищем, драгоценностями, которые надо было теперь в целости переправить на побережье. Они тихо спали, прижимая к груди привезенные для них из Голдсборо игрушки.

Колен отнес Анжелику в дальнюю комнату и осторожно опустил на большую постель, где они днем нашли ее спящей. Она попросила, чтобы он дал ей выплакаться в одиночестве. Но он остался рядом с ней, а когда рыдания стихали, шептал ей какие-то слова,

описывая то умиротворение, которое она обретет среди них в Голдсборо, особенно по возвращении графа, который не заставит себя долго ждать. Но эти слова не доходили до нее; это был лишь звук нового голоса, нарушившего вечный мрак зимы. Открыв глаза, она представляла себя одинокой на спасительном плоту. Заметив сидящего рядом с ней Колена, она вгляделась в его знакомые, родные глаза, светящиеся лаской, пусть и с оттенком беспокойства.

Внезапно маятник часов пробил один раз. Это был знак, что бесконечным дням их отшельничества все же настал конец. Рухнули ледяные двери, и появились люди. Можно было подумать, что ничего или почти ничего не произошло. Просто люди пережили еще несколько зимних месяцев. «Всему приходит конец. Все начинается снова» — вот что хотел сказать маятник своим боем.

Можно было представить, что все ей просто приснилось, что добраться до конца туннеля ей все это время помогал призрак, вселявший в нее новые силы. Она могла бы поверить в то, что он никогда не существовал, если бы не было распятия, маленькая красная искорка которого вспыхивала от пламени очага.

— Колен, разве ты не сказал мне, что, когда иезуит подошел к вам, распятие висело у него на шее?

— Да, конечно. Но в тот миг, когда дикари схватили его, он снял его с себя и передал мне. Он очень вежливо, но твердо сказал мне: «Месье, я прошу вас о любезности. Положите этот священный предмет назад на каминную полку в комнате, где сейчас отдыхает госпожа де Пейрак. Она была очень тяжело больна, но сейчас вне опасности. Я хочу, чтобы, проснувшись, она увидела это распятие на его обычном месте».

Издали, пока его тащили, он успел прокричать мне: «Бегите скорее к форту. Дети остались одни!»

Анжелика начала смеяться сквозь слезы.

— Он был строг! Он был фанатичен, какими бывают только женщины в этом вопросе. Ах, почему я спала? —

Она вновь заплакала, но уже тише. — Почему я спала? Почему так долго? Если бы я проснулась в момент вашего прибытия, преследуемый ирокезами, он бы успел убежать.

— Не думаю, что он стремился к этому, — вымолвил Колен.

Глава 73

Позднее она сняла с себя одежду, запятнанную кровью мученика и пропитанную запахами дыма, зимы и долгих месяцев, проведенных во мраке. Ей снова захотелось плакать, но, когда она облачилась в свежее и новое белье и платье и почувствовала в складках юбки, на лифе и шали знакомый аромат ее подруги Абигаль, ее охватила благодетворная эйфория.

Она скоро сможет быть рядом со своей дорогой подругой, которая будет окружать ее всяческим вниманием; сможет вслушиваться в шум океана у берегов Голдсборо, ожидая появления на горизонте парусов корабля, возвращающего ей Жоффрея.

Абигаль подумала обо всем: она даже предусмотрительно положила принесенный ей Шейпли мешочек с корон хины. Наконец Анжелика спокойно заснула. Она поняла это, увидев перед собой лицо иезуита. Глаза его были голубыми, а улыбка обнажила безупречный ряд зубов. Она подумала, что д'Оржеваль сейчас скажет: «Вставайте! Там снаружи стоит лось!» Но он ограничился тем, что прошептал: «А как же Онорина?» — и заговорщицки подмигнул, словно желая напомнить об общей тайне, о том, что им сообща нужно было еще довести это дело до конца. Эта мысль заставила Анжелику с криком проснуться.

— Это правда! Онорина! Я знаю, почему не хочу покидать Вапассу, — сказала она Колену, все это время находившемуся у ее изголовья. — Я должна здесь дожидаться Онорины. Она не знает, что форт был сожжен, и постарается добраться сюда.

Колен Патюрель был в полном неведении о заведении Онорины, припоминая, что в последний раз слышал, что девочка училась в колледже у монашек в

Монреале. Но, видя волнение, охватившее Анжелику, он уверил ее, что они останутся в Вапассу сколько потребуется, чтобы дождаться Онорину, дав себе обещание на следующее утро все же переубедить ее и покинуть эту местность. Пока же была глубокая ночь, и ей просто необходим был сон. «Как она слаба, почти прозрачна, да к тому же на пределе нервного срыва» — так думал он, наблюдая, как она вновь отходит ко сну, похожему больше на обморок. И все-таки она не была сломлена. Колен Патюрель опустился на колени перед ней и коснулся губами ее руки. «Благодарю тебя, мой ангел, — прошептал он. — Благодарю за то, что сохранила нам радость жизни, победив смерть».

Второй сон Анжелики, незадолго до восхода, был еще более беспокойным. «Ирокезы! Ирокезы! — крутилась у нее в голове сумбурная мысль, внезапно приняв более ясные очертания. — Ведь ирокезы, по крайней мере кто-нибудь из них, могут рассказать мне о судьбе Онорины, если она провела зиму в одном из их племен. Я забыла спросить об этом у них».

Она проснулась, крича: «Ирокезы!» На этот раз она была одна в освещенной солнцем комнате. Они дали ей выспаться, несмотря на то, что день уже занялся. Недовольная сама собой, она спрыгнула с постели, чувствуя себя бодрой и здоровой. Вошедшего Колена она спросила.

— Ирокезы все еще здесь поблизости?

— Да, и, к сожалению, озлобленные и нервные. Они продолжают спорить и ссориться в своей ложбине.

— Слава Богу!

Она объяснила ему, что нужно было немедленно пойти к ним или пригласить к себе, поскольку только от них можно было надеяться получить хоть какие-то вести об Онорине. Даже не пробуя отвлечь ее от этой навязчивой идеи, Колен смог сразу же удовлетворить ее просьбу. Не было необходимости их звать. Ирокезы

сами направлялись к ним, Уттаке предупредил, что явится вместе с воинами примерно через час.

Выйдя во двор, Анжелика увидела большое деревянное кресло, выставленное наружу.

— Гонец могауков посоветовал, чтобы тебе приготовили сиденье, дабы ты могла, не устав, выслушать его обращение, в котором он хочет проститься с нами и которое будет долгим.

Анжелика устроилась поудобнее в приготовленном для нее кресле, качнув головой в знак смирения: «Мне никогда не понять этих индейцев».

С возвышенной дворовой площади ее взор охватывал всю панораму Вапассу, показавшуюся ей еще более пустынной, чем когда она увидела ее впервые несколько лет тому назад, прибыв сюда с караваном, чтобы присоединиться в этом логове к четыре горнякам, уже начавшим здесь работы. Слева она различила краешек Серебряного озера, блещущего на солнце и словно забывшего, как она бежала вдоль него, преследуемая волками, волоча за собой лосиную тушу. Вдали, в зеленеющей лощине, виднелась коричневатая толпа ирокезов, все передвижения которых говорили об их скором уходе из этих мест.

— Если они приблизятся без оружия, надо будет сказать, чтобы спрятали мушкеты, — посоветовала Колену Анжелика. Она попросила двух юношей, взявшихся присматривать за Раймоном-Роже и Глориандой, встать рядом с ней вместе с детьми. Она была уверена, что малюток наверняка заинтересует красочное представление делегации ирокезов, хотя и вызвала этим неодобрительное бормотание окружающих, но приняла она это решение по иной причине. Она объяснила обеспокоенным, что присутствие детей льстит самолюбию индейцев, и в первую очередь дикарям ирокезам, поскольку говорило

им, что к ним не испытывают страха и принимают как друзей семьи.

За исключением нескольких человек, бывших в лесах на охоте за мехами, а также имевших опыт жизни в городах на фронтире, основная масса прибывших им на помощь с берега океана питала сильное недоверие к индейцам из внутренних районов континента. Особенно это касалось вселяющих страх ирокезов, чьи отряды совершали набеги издалека, сея панику и смерть среди алгонкинов востока.

Анжелика оставалась спокойной. Со своей стороны она ничего не боялась. Она опасалась только потерять терпение или слишком открыто показать это во время речи вождя, ибо ждала услышать главным образом какие-нибудь известия о судьбе своей дочери. Она жаждала расспросить Уттаке. Возможно, от него можно было получить какой-то знак, узнать, кто ее видел, а может, и разговаривал с ней, — словом, что угодно, что могло возродить в ней надежду, заверить ее в том, что девочка все еще жива, несмотря на все войны, эпидемии и голод. А значит, ей терпеливо надо было дожидаться конца его выступления.

Чья-то маленькая рука опустилась на ее руку, лежавшую на подлокотнике кресла.

— Я тоже здесь, — напомнил ей о своем присутствии Шарль-Анри своим мягким голосом. Анжелика обняла его и прижала к груди.

— Да, ты тоже мой сын, мой храбрый маленький товарищ. Ты будешь стоять рядом со мной и поможешь принять вождя Пяти Племен. Крепко держи мою руку и держись прямо, как настоящий отважный воин.

Что еще хотел попросить у нее Уттаке? Невозможное... а может быть, что и ничего. От него можно было ожидать всего.

— Вот и приближается наш комедиант, — сказала она Колену, стоявшему за ее спиной. Она чувствовала

его более напряженным и настороженным, чем если бы ему предстояло одному сразиться со всем пиратским флотом Карибов.

Сама же она, вместе со стоящим рядом Шарлем-Анри, наблюдала за их приближением без тени опаски и почти без обиды. На поясе у них висели маленькие боевые топоры и томагавки из розового или белого камня. Они оставили в ложбине свои мушкеты, и Анжелика знаком показала своим стоящим наготове вооруженным людям спрятаться за домом или в окружавших их зарослях кустарника.

Верховные вожди Пяти Племен остановились в нескольких шагах от ее кресла, имея за спиной толпу своих воинов. Бледное, по-зимнему еще холодное солнце освещало их. Несмотря на весь их «наряд» из перьев и меха, игл дикобраза в прямых волосах, ожерелий из медвежьих клыков, окрашенных красным меховых браслетов, они были худы, худы, как изголодавшиеся волки. Под синеватой паутиной татуировок их кожа показалась ей бледной. Она не знала, что они долгое время провели во мраке подземелий, преодолевая многие мили лабиринтов пещер и подземных рек.

Речь Уттаке, наперекор его обещаниям, была недолгой. Но, несмотря на тщательно подбираемые им на правильном французском слова, она не была легкой для понимания. Каждое слово увлекало за собой и уплывало вдаль, похожее на замысловатые линии гор. Для Анжелики это походило на звуки, извлекаемые из струн арфы, усиливаемые эхом и эхом эха.

Начал же он с простого изложения своей стычки с Хийятгу.

— Одному из нас суждено было умереть — таков закон. Но вот мы оба перед тобой. И это означает, Кава, что твоя последняя схватка окончилась подобно моей и Хийятгу: без победителей и побежденных. Это —

борьба, не решающая ничего, поскольку, по сути, не было врага и иг было войны. Был просто провал, и не хватало моста, чтобы соединиться, добраться друг до друга. Но договор секретен, и надо сторониться тех, кто не видит моста и не понимает, почему мы его перешли.

Тикондерога заставил меня делать очень странные вещи с момента нашей встречи. Он изнутри сжимал и скручивал меня, как шкуру в речной воде. Он заставлял мой разум двигаться по иной стезе, чем всегда, что само по себе больно и опасно, но может привести к мосту. Ты была парящим духом Тикондероги. Он был прикован к земле, отягощенный грузом своего знания, а ты, легкая и невидимая, бежала вперед, чтобы схватить меня. Я понял это, когда увидел вас вместе с Катарунке после пожара. Вы вместе — ужасающая сила. Так сказал Черные Одежды: «Вместе их не победить. Для этого их нужно разъединить».

***

Где и когда Себастьян д'Оржеваль все это объяснил вождю Пяти Племен? Вероятно, никогда. Уттাকে, может быть, услышал это во сне...

***

— Но Тикондероги больше нет, и ты тоже уходишь, Поэтому я вынужден еще немного сойти со своей стези, если не хочу потерять все. Вот почему Хийятгу в живых, вот почему я пощадил его, — вымолвил он, бросая вызывающий взгляд в сторону вождя онондагов.

— Я должен услышать еще одно слово из твоих уст, Кава. Удостоверь меня в том, что умерший вчера не вернется, чтобы уничтожить нас.

— Как ты можешь сомневаться в этом? — изумилась она, читая в его невозмутимых чертах настоящую тревогу. — Ты сам знаешь это лучше меня.

— Голод и поражение затуманили ясность моих рассуждений. Насколько Тикондерога укреплял меня,

настолько Хатскон-Онтси оглушал и делал более слабым мой разум.

— Ты говоришь о прошлом, и ты уже сам ответил себе, Уттаке. Нет победителей и побежденных, сказал ты, ибо никогда не было врага. Ты, вкусивший его сердце, теперь знаешь, какой любовью он любил вас.

— И он ничего не сделал, чтобы помочь своим кровным братьям, французам, в борьбе против нас?

— Нет! Французы не нуждаются в нем так, как вы — ирокезы Пяти Племен, и именно поэтому он пришел сюда. Я говорю это, потому что он сам поведал мне об этом, и я сама чувствую это. Он пришел, чтобы остаться с вами. Еще немного, и он проникнет в вас. Я знаю, что ты в особенности всегда будешь ощущать его рядом с собой, помогающим тебе и сражающимся бок о бок с тобой.

— Ты хочешь сказать, что он поймет справедливость нашего дела и ужас предательства, творимого со стороны наших врагов? — спросил ее могаук, черные зрачки которого светились радостью и триумфом.

Анжелика закрыла глаза. От картины разрушенного Вапассу Америка, остающаяся у них за спиной, представала полем, покрытым развалинами, землей, пожирающей самое себя, до тех пор, пока побеги ее самых прочных корней не смогут выстоять и одолеть хаос. Она не была способна смотреть с оптимизмом в будущее, но она должна была ответить и вселить в него уверенность.

— Он наверняка уже понял, что ты заслужил иметь его рядом с собой, чтобы поддерживать и советовать тебе до скончания дней твоих, — ответила она твердо, но с трудом открыв глаза.

В тот краткий миг, когда она закрыла глаза в раздумьях, она испугалась, что может лишиться чувств или даже заснуть от усталости, но она также знала, что даже раненые или находящиеся в опасности, как в эту

минуту, эти дикари, и особенно ее собеседник, могли отложить свой уход и принизить угрожающую им опасность во имя продолжения «ценной» дискуссии, высказывая в представленных аргументах в свою защиту и опровержениях тезисов оппонента такое упорство, которое позволяло им продолжать спор до самой ночи.

— Ты действительно так считаешь? — отозвался Уттаке, набирая столько воздуха в грудь, словно готовился к еще одной длинной речи. Глаза Анжелики снова закрылись. Она с трудом их открыла и удивилась, увидев вождя Пяти Племен склонившимся перед ней и протягивающим на ладонях тонкую полоску кожи, инкрустированную фарфоровыми шариками белого, черного и фиолетового цвета и.

— Я дарю тебе эту веточку фарфора. Это все, что у меня осталось от военного сокровища могауков, называемого французами Агниер. Прими его в знак вечного союза и постарайся на этот раз не потерять.

— Но я не потеряла вампум матерей Пяти Племен, что ты послал мне в год нашей первой зимовки здесь. Он пропал в пожаре Вапассу. Может быть, если покопаться в развалинах, он еще найдется.

— Матери, пославшие его тебе, мертвы, — произнес Уттаке глухим голосом, — а вампум, сплетенный их руками, погребен в золе. Такое происходит со всеми вещами.

***

Он отошел на несколько шагов, оставив залог своей дружбы на коленях Анжелики.

— А теперь я должен поведать тебе о твоей дочери, чье имя непроизносимо и кого мы, ирокезы, называем Красное Облако, — заявил он искусно спокойным и вымеренным тоном. Но взгляд его лукаво блестел: он заранее предвкушал, что вызовет этими словами в импульсивной француженке, сидящей перед ним.

Сколько бы она ни старалась следовать спокойным манерам индейцев, она, несмотря ни на что, оставалась женщиной бурлящей крови и анархисткой, как и вся эта раса необразованных бледнолицых.

Так и произошло Анжелика разразилась радостным криком, и ее опечаленное выражение сменилось необычайным возбуждением.

— Онорина, дочь моя Онорина! Ты что-то знаешь о ней? Знаешь, где она? Ах, дьявольский могаук! Почему ты молчал? Почему ты не сказал сразу?

— Потому что после этого ты не выслушала бы ни единого слова из моих речей. Ты бы не обратила никакого внимания на очень важные слова, которые я хотел донести до тебя, перед тем как расстаться, может быть, навсегда, а мне надо было обратиться к человеку с хорошо открытыми ушами. Я знаю тебя, ты бы даже не заметила, — разочарованно сказал он, — что я передал тебе мою единственную веточку фарфора в знак вечного союза О, какая ты мать! О, женщина, женщина! Что ты за женщина, ибо ты трижды женщина, именем луны и звезд! Есть женщины, способные вспомнить, что были мужчиной в другой жизни, и находить слова и поведение, не задевающие достоинство того, кто к ним обращается. Но ты всегда слишком была женщиной, чтобы заботиться об этом.

— Говори! — прорвало Анжелику, вцепившуюся обеими руками в подлокотники кресла. Если бы она имела дело с Пиксаретом, она бы бросилась к нему, чтобы потрясти, схватив его за парадные косички.

— Говори, я умоляю тебя, Уттаке! Расскажи мне все, что знаешь о ней, и не заставляй меня томиться в неведении, или я обещаю тебе, что тоже вспомню, что была воином, лучше тебя управляющимся с ножом, что я тебе уже дала понять однажды у источника, и это не произошло в предыдущей жизни.

Уттаке рассмеялся вместе с товарищами, лишь наполовину понявшими намек, но одобрявшими оживленную сцену. Затем, успокоившись, он сказал.

— Да будет так! Я скажу тебе все, что знаю о ней. Я расскажу тебе прежде всего то, что знаю о ней точно.

— Где она? Она жива? Ты встретил ее? Могаук нахмурился.

— Встретил? О чем ты говоришь? Но все зимние месяцы она жила с одной семьей в длинной хижине Охтара Косули племени онеютов и каждый день направлялась на Совет Федерации в качестве вождя Пяти Племен, я видел и разговаривал с ней. Это продолжалось до того самого дня, когда новоявленный Оконций из Квебека вновь привел свои войска в нашу долину Пяти Озер и сжег селение Тоуаншо, несмотря на крепкие стены ограды, после страшной битвы.

Вот почему я не могу тебе ответить на первый вопрос: где она? Не могу ответить и на второй: жива ли она? Ты, может быть, не знаешь, но почти все население этого города погибло, кроме нескольких несчастных, которых я смог вытащить и уберечь благодаря своей ловкости от мстительной ярости французов и их проклятых гуронов и собак-абенаков. Все, что я тебе могу сказать точно, так это то, что среди нас ее не было — Жестом он прервал отчаянный порыв Анжелики. — Я знаю, что определенное число женщин и детей ирокезов, как мне сказали, были отправлены французами в миссию Святого Иосифа или Куинте рядом с фортом Фронтенак, но не могу с уверенностью сказать, была ли она среди них.

Закрыв лицо руками, чтобы скрыть потрясение, Анжелика не могла себе представить, что девочка погибла в пламени подожженного поселения. Это было невозможно. Значит, надо было надеяться, что Онорина попала в руки французов, ее соотечественников, а те, в

свою очередь, вернули ее матери Буржуа или ее дяде и тете де Люп.

Уттаке величественно поднял вверх руки, как бы призывая внимание небес и всех присутствующих.

— А теперь я скажу тебе, что знаю о Красном Облаке благодаря предвидению. — Он закрыл глаза и начал улыбаться. — Она прибывает! Она движется сюда, к нам! Не торопись покидать этих мест, Кава, потому что твое дитя направляется к Серебряному озеру, чтобы найти тебя.

Ее сопровождает ангел!.. — Он снова рассмеялся, как будто стал свидетелем забавной шутки. — А, теперь ты слушаешь меня и не засыпаешь больше!

Он упоительно смеялся, поддержанный своими воинами. Именно с этими проявлениями искреннего веселья, вызванного в который раз озадаченными лицами белых и неспособностью доверять столь ясным откровениям снов, ирокезы удалились, покинув ту, которую, возможно, никогда больше не встретят.

Ошеломленная услышанным только что от Уттаке, Анжелика слишком поздно сообразила, что они исчезли. Когда же ей захотелось вернуть хотя бы Уттаке, чтобы детальнее расспросить и поприличнее проститься с ним, уже не осталось и следа ни от вождя могауков, ни от его воинов.

— Прошу вас, догоните его, — взмолилась она. — Ведь Уттаке сказал «Я видел ее каждый день». — Ей хотелось задать ему множество других вопросов о своей дочери, затерявшейся в самом центре огромной Америки. К тому же она вдруг поняла, что никогда не додумалась поблагодарить его за мешочки с едой, которые он послал ей через иезуита. — Догоните их!

Но никому не дано догнать ирокезов, отправившихся в поисках блуждающих осколков своих племен, чтобы привести их обратно в долину Предков, и в поисках своих врагов, чтобы уничтожить их. Казалось,

они растворились в обширном пространстве холмов, лесов и бездн земли, там, где не видны следы дорог.

И, по правде сказать, ни у кого по-настоящему не было желания догонять их.

Глава 74

Кантор вытащил пирогу на берег излучины реки, а затем, взвалив ее себе на плечи, отнес в укромное место среди камней, где прикрыл охапкой веток. «Дальше по реке идти мы не можем, — сказал он. — Но если двигаться бодрым шагом, мы сможем добраться до Вапассу к полудню». Сопровождавший его подросток индеец кивнул своим красным чубом топорщившихся волос и покорно двинулся вслед за ним. Кантор привязал его за руку, поскольку юнец был полуслепым и в начале пути несколько раз чуть было не потерялся при переходах через дремучие лесные пространства.

***

— Где вы подобрали этого маленького дикаря? — спросил его аптекарь Форт-Оранжа в ту ночь, когда, пройдя сквозь огонь и ледяные трубы, они, наконец, смогли отдохнуть под прикрытием стен маленького англо-фламандского городка в верховьях Гудзона. Он ответил, что этот ирокез был сиротой, спасшимся от бойни и эпидемий, охвативших долину могауков, и что он привязался к нему. Было трудно признаться этому доброму голландцу, милостиво доставшему мазь для больных глаз маленького «макуаса», что это была его сводная сестра, Онорина де Пейрак.

Ему в конце концов удалось отыскать малышку Онорину в одном из лагерей беженцев на озере Онтарио, среди женщин и детей ирокезов, согнанных туда французами под присмотр сулпицианцев Куинте.

Властитель Горреста, невыносимый и тупой губернатор, свалившийся на голову Новой Франции (хотя, по слухам, и временно, но лучше от этого не становилось), не стал ждать полного схода снегов и снова бросил войска против земель ирокезов. Поэтому

Кантор, также двинувшийся в путь с первой оттепелью, рискуя столкнуться в дороге с последними, но оттого не менее свирепыми снежными бурями, приближался к местам, где он хотел начать поиски сестрички, но не нашел ничего, кроме разрушенных в боях поселений и дымящихся пепелищ. Его тогда охватил безумный страх возможности ее смерти; он чувствовал себя беспомощным, не зная, к кому обратиться за советом, у кого узнать что-либо о ее судьбе.

Говорили, что ирокезы «исчезли с поверхности земли». Группа самых отважных и верховных вождей этих племен, среди которых был и неуловимый Уттаке, словно растаяла в воздухе во время решающей битвы, и «странники» и охотники подозревали, что они сумели скрыться от преследовавших их французов и их индейских союзников, спрятавшись в лабиринте подземных гротов, сеть которых невидимо простиралась на многие мили во все стороны. Ни один белый никогда не спускался туда. Ходила молва, что темень там была настолько полной, что слишком долгое пребывание в этом предместье ада ослепляло любого.

Кантор интересовался оставшимися в живых, особенно женщинами и детьми, у которых он надеялся узнать хоть какие-нибудь сведения о крошке Онорине. Он никогда не смог бы забыть ту необычайную радость, смешанную с испугом и состраданием, когда он наконец увидел ее однажды вечером, при свете костра; когда сжал в объятиях этого маленького, покрытого слоем жира и страшно худого зверька. Испугался он от того, что не узнал ее в облике мальчишки и даже поначалу шарахнулся от нее. Тогда она убежала прочь, и пришлось обегать весь лагерь, посылая ей вдогонку их давний клич: «Они! Они!» Сострадание проснулось в нем при виде ужасных следов оспы на ее лице. Эпидемия этой безжалостной болезни еще зимой начала косить племена ирокезов.

Ходил слух, что именно властителю Горреста пришла идея распространить среди своих врагов походные одеяла, бывшие раньше в употреблении у больных оспой, тем самым сделав их разносчиками заразы. Но слухов было множество, и неясно было, каким из них верить. Так или иначе бедствия, словно ураганы, с завидным постоянством обрушивались на эти дикие земли. Казалось, что желания здесь становились реальностью с ненормальной быстротой — раньше, чем успевала родиться сама мысль о них. С другой стороны, неподвижность самой смерти обладала непомерной властью разом заморозить течение жизни на сотни и сотни миль. Железные тиски холода на месяцы не давали живым существам даже пошевелиться на всем пространстве континента.

***

«Будь проклята зима!» — подумал Кантор, быстрым шагом следуя вдоль изрезанной линии горного хребта, указывающего им дорогу на Вапассу. Кто в Европе мог себе представить мощь свирепого бога зимы, обращавшего в камень каждого застигнутого им на своем пути? Горе было тому, кто осмеливался перечить этому злодею. Два брата Лемойн, пожелавшие добраться до известной иезуитской миссии в Сол-Сан-Мари, не смогли бы вернуться к Оджибве не «потерявшись», если бы не костер, разжигавшийся Кантором в перерывах между бурями.

Проклятая зима! Она была слишком ранней, долгой и яростной, чтобы было возможно раньше спасти Онорину. Но смог ли он действительно это сделать? Безжалостный дух зимы настиг бы их где угодно и скорей всего вдали от любого убежища на этой ничейной земле, имя которой — белая пустыня.

В Куинти, прижимая ее к себе, он думал: «Все не в счет! Ты жива, и наша мама вылечит тебя». Бедняжка, она и так, будучи неуклюжей, теперь на все

натыкалась, падала, терялась. Он пользовался этим для того, чтобы вернуться к ворчливому тону старшего брата. Сначала он тащил ее на плечах, а кончил тем, что привязал к себе веревочкой, и так они пересекли образовавшиеся от таяния снегов болота; сожженные и разграбленные поселения ирокезов, кишашие трупами; озера и реки, лед которых опасно трещал под их ногами, вступив на трудный и долгий путь возвращения в Вапассу.

В Оранже, где они провели одну ночь в тепле, согретые голландскими перинами, Кантор постарался проанализировать ситуацию. Если Гудзон был свободен ото льдов, безопаснее всего было бы продолжать путешествие, спустившись к Новому Йорку. Затем, двигаясь от порта к порту, они бы достигли Голдсборо, но таким образом скитания растянулись бы на месяцы. Лучше уж было продолжать двигаться на восток по этим диким местам.

Он был такой же, как его сестра. Так же сгорал от нетерпения добраться домой, и как можно скорее. А его дом, дом его родителей был в Вапассу. В этом слове для него слились лицо и глаза их матери, ее распахнутые руки, ее радость вновь видеть их рядом с собой, которую они часто себе представляли, это также означало присутствие отца, улыбка которого была редкой, но настолько теплой, задорной и манящей, что они готовы были завоевать весь мир, чтобы удостоиться ее. Вапассу также означало друзей, испанцев Джонасов — братишку и сестренку, которых он еще не знал, но о которых ему без устали рассказывала Онорина. Он часто спрашивал себя, как дети их возраста могли совершить подобные описываемые ему подвиги.

Он оборачивался и с необъяснимым чувством счастья смотрел на то, как она ступает вслед за ним. Ему хотелось сказать ей, что она похожа на ершистого

дикобраза, но удерживался от этого, ведь она была так горда, что одета как ирокезский мальчишка.

— Уттаке говорил мне, что я достойна быть воином, а раз были мальчишки, которым позволялось одеваться в женское, если они не могли взяться за оружие, то не было и причин, запрещающих мне одеваться в мужское, тем более что я неплохо стреляла из лука. Поделом было этим глупым женщинам, что хотели, чтобы я ходила собирать хворост или отыскивать дичь, убитую охотником, под предлогом, что я девчонка.

Иногда она останавливалась, охваченная страхом.

— Думаешь, она умерла? — спросила она однажды.

— Кто?

— Моя мама, ждущая меня в Вапассу.

Она все время упорно говорила «моя мама», но Кантор не придавал этому значения. Он твердо отмахнулся от этой мысли.

— Нет, это невозможно. Она не может умереть, и я объясню тебе почему. Слишком много враждебных сил сплотилось против нее. И знаешь, что происходит в таких случаях?

— Нет!

— Из сильного зла получается непредвиденное добро. Это такой же закон, что и в процессе химических превращений.

Онорина покачала головой. С самого раннего детства она слышала, как окружающие спорят о химии, алхимии и научных явлениях. Она рассказала ему, как одной из зимних ночей среди ирокезов, во сне, она увидела умирающую Анжелику. Она стала кричать. «Моя мама умирает! Ах, сделайте же что-нибудь!», перепугав всех обитателей длинной хижины. Все перебежали из одной комнатки в другую, спрашивая о здоровье удочерившей ее индеанки.

Она замолчала — прошлое, стертое из ее памяти болезнью, вновь возвращалось к ней. Вскоре она

продолжила свой рассказ. В красном мареве беспомощности Анжелика часто посещала ее. Убежденная в том, что мама рядом, она пыталась заговорить с ней. Однако, приходя в сознание, она видела лишь грустные индейские лица, качающие головами: нет, твоей мамы здесь нет. Одна из старух догадалась, что нужно было сделать, чтобы спасти эту белую малышку. Она сказала ей: «Выпей этот бульон, и к твоему пробуждению мама придет к тебе». Проснувшись, она была уже здорова. Она смогла встать и дойти до реки. Старухи нигде не было — она умерла, а Онорина узнала, что мама так и не приходила. Вскоре прибыли французы, забравшие с собой оставшихся в живых женщин и детей.

***

Невдалеке от озера Святого Причастия Кантор почувствовал, что вся местность буквально наводнена «ими». «Не кричи! Они повсюду!» — прошептал он. Они нырнули в кусты, начавшие покрываться зеленоватой паутинкой липких почек. Первые признаки весны: травы, почки, листья, стыдливо свернувшиеся, как гусеницы, — все это придавало окружающему их пейзажу неясные, туманные очертания, удобные для любого коварства.

Может, это был просто мираж, и лес был пуст? Нет, ему не приснилось. Подняв глаза, он увидел наполовину окунувшийся во влажную бахрому стелющегося тумана проплывающий над его головой штандарт с вышитыми лилиями.

«Они» были везде, за каждым деревом! К счастью, через ветки он сумел различить лицо юноши — это был Рачюно, с которым он пел «Уже полночь, христиане» в рождественскую ночь в Квебеке.

Сын доктора Рачюно, дарившего каждое лето со своими десятью детьми букет цветов монашкам главного госпиталя, был призван в армию, так как умел

играть на флейте и барабане. Обгоняя шествие войск, барабанная дробь вселяла ужас в сердца ирокезов.

Отряд из французов и их союзников насчитывал сто двадцать солдат метрополии, четыреста канадских рекрутов и столько же индейцев из миссий, шедших в авангарде и прикрывавших фланги. Войско следовало обычной тропой, ведущей к поселениям могауков и онейда. Она была извилистой, часто прерываемой ямами и обрывами, пересекаемой бесчисленными речками.

Чтобы добраться до севера Мэна, Кантору надо было просочиться сквозь это войско, широкое, как бурный водный поток. Рачюно набросил ему на плечи белый долман — форму знаменитого полка Кариньона. Одетый таким образом, он смешался с солдатами, и никто не обращал внимания на тащившегося за ним слепого маленького дикаря. Много дней он путешествовал вместе с армией, воспользовавшись этим обстоятельством, чтобы досыта наесться у бивуачных кухонь, а также наполнить походный мешок копченым угрем, хлебом и сушеным мясом «пеммикан».

Постепенно он удалялся и вскоре оставил позади себя войска, неумолимо продвигавшиеся к югу в поисках осколков Пяти Племен, чтобы затем обрушиться на первых приграничных поселенцев Новой Англии и там пожить скальпами и пленными, вознаградив себя за бесполезное преследование призраков.

Кантор и Онорина же, продолжая свой путь на восток, очутились в пустынном краю, безлюдном, без животных, без дорог. Они вступали на земли Мэна, настоящего Мэна, сурового и непроходимого, где для малейшего продвижения вперед нужно было спускаться на самое дно ущелий, находить брод в бурлящих водах горных рек и водопадов, взбираться вверх по отвесным скалам.

Несмотря на свою ловкость и способность ориентироваться, Кантор часто ловил себя на том, что они ходят кругами вокруг все тех же сломанных веток или подолгу всматриваются в тропы, проложенные туземцами, большей частью заброшенные и ведущие в никуда. Просеки Версаля заставили его отвыкнуть от девственных зарослей, ругал он сам себя. Но мало-помалу водные пути становились проходимыми. Они наткнулись на одно из небольших племен индейцев-кочевников, которые, как подснежники, появлялись по окончании зимы. Те остановились на берегу одной из рек, заканчивая сшивать пироги из древесной коры и покрывая их смолой канадской сосны.

Ночи продолжали оставаться холодными, но днем солнце уже начинало припекать. Индейцы собирали сладковатый сок клена и пили его, восстанавливая силы. Вместе с ними брат и сестра спустились вниз по реке, преодолели озера, с пирогой на плечах прошли водопады, каждый из которых приводил их к озерам или пересекаемым реками долинам, где встречались скученные вигвамы переживших зиму. Индейцы везли с собой шкуры и обсуждали с ними пути к центрам обмена — французским или английским. Кантор выкупил у них одну из пирог, и они вдвоем продолжали свой путь на восток к заветной цели.

В один из дней, когда еще немного зимнее небо начало проясняться, они увидели покрытую снегом вершину горы Катадин. Вапассу был уже близко. Им предстоял теперь последний переход — час или два ходьбы свежим прохладным утром. Позади себя он услышал звуки, похожие на поскуливание щенка, и обернулся.

— Устала? — удивился он, потому что она никогда не жаловалась на навязываемый им жесткий график передвижений.

— Она забрала у меня мою шкатулку драгоценностей! — заплакала Онорина.

Он сразу не понял, о чем шла речь. Все было таким далеким: корабль, преследование, последний удар, гибель дьяволицы. Как будто она никогда не существовала! Его даже удивила мысль, что он жил при дворе короля Франции. Он снова стал подростком Нового Света.

— Она забрала у меня все, даже зуб кашалота и подаренную тобой ракушку.

— О чем ты говоришь?

Болезнь вызвала у нее некоторое расстройство голосовых связок, и, когда она начинала хныкать, ее невозможно было понять.

— Отняла даже кольцо моего папы и письмо мамы, — протяжно продолжала она. Приближение к Вапассу, должно быть, пробуждало в ней подзабытые воспоминания.

— Может быть, это-то и сделало ее уязвимой, — задумчиво пробормотал он. Теперь наступила очередь Онорины пытаться разобраться, что сказал брат, и затем спросить:

— Что ты сказал?

— Кольцо твоего папы и письмо твоей мамы попали точно в цель. После этого ее как будто бы парализовало, понимаешь?

Она с серьезным видом кивнула. Эта мысль заставила ее смириться с потерей своих сокровищ. Они «куснули» Отравительницу, хорошо!

***

«Мы у цели!» — подумалось Кантору. Но это уже не было, как раньше, детским нетерпением, смешанным с ликованием, вбирающим в себя безмерное ощущение достижения победы, исполнения желаний и возбуждения. То, что он испытал, когда прошептал: «Мы у цели», было чем-то новым, каким-то

всепоглощающим чувством. Должна была открыться дверь, и они бы все вместе вошли туда, где все необычайно лучисто и необъятно.

— За все это счастье однажды, в каком-нибудь аббатстве, я воспою славу тебе, Господи!

В следующую секунду он снова превратился в молодого охотника, держащего за руку свою маленькую сестренку-дикарку, охватывающего слегка озадаченным и смутно тревожным взглядом панораму Вапассу. С этого своего бельведера он должен был предстать ему более оживленным и населенным, и уж в любом случае более застроенным.

В письме в деталях сообщали не только о расположении и внешнем виде большого форта, но и об окруженных садами домах, выросших за пределами крепостных стен. Ему описывались закрытые загоны для скота, вспаханные поля, окультуренные прерии, подготовленные для лошадей.

Он узнавал окрестности, но видел перед собой лишь пустоши, покрывшиеся новой, но дикой растительностью. Приблизившись еще ненамного, он увидел почерневшие руины. Он не смог удержаться от того. Чтобы не сжать руку Онорины.

— Что-то случилось, Кантор? — спросила она.

— Ничего, — ответил он, радуясь, что она не могла разглядеть эту удручающую картину.

— Мы уже почти пришли. Скоро мы увидим дом.

Что же случилось? Куда все подевались? Отец, мать, близняшки, Джонасы, Малапрады, ремесленники, солдаты! Сердце сильно забило в его груди. Удары его причиняли такую боль, что он не мог думать ни о чем другом, кроме как об этих двух вопросах, неистово вертящихся у него в голове, отзываясь с каждым ударом сердца. «Что произошло? Куда все подевались? Что стряслось? Где все?»

Они двинулись дальше, и перед ними открылся новый вид. Кантор был настолько им подавлен, взгляд его был настолько замутнен, что он не сразу разглядел прижавшийся к скале старый форт, хорошо знакомый по проведенной в нем зиме. Но постепенно он подметил невдалеке передвигающиеся людские фигурки.

«По крайней мере, люди здесь еще есть», — сказал он себе. Женское платье. Его мать! Да! Это была она! Дыхание его восстановилось, но от пережитого страха ноги его подкашивались. Внезапно Онорина вырвалась из его рук и побежала к выступу скалы. «Осторожно! Не упади!» — испуганно прокричал он. Но этот смешной маленький ирокез со светящимся от счастья исхудалым личиком всего лишь простирал руки к солнцу.

— Кантор! Я вижу его, я его вижу!

— Что ты видишь?

— Горного старца! Я вижу его! Сейчас я вижу его! Он стал рядом с ней на краю обрыва и снова взял ее за руку. Они остались стоять неподвижно на этом скалистом выступе, невидимые сверху тем, кто внизу собирал воедино части каравана, готовые тронуться в путь на юг и покинуть это место.

Брат и сестричка продолжали стоять там наверху, а на гранитной стене против их глаз, искоса освещаемой солнцем, свет и тень лепили рельеф величественного и спокойного лица старца.

— Кантор, ты тоже видишь его?

— Да, вижу, и он смотрит на нас.

— Он улыбается нам... Здравствуй, горный старец. Вот и я, Онорина. Я вернулась, и в этот раз я вижу тебя! О, Кантор, как я счастлива! Жизнь прекрасна! Жизнь прекрасна!

— А ты совсем не слепая! Ура! Ура! Идем же теперь. Мы им сделаем такой сюрприз!

Он посадил ее себе на плечи и стал спускаться, перепрыгивая с камня на камень, к Вапассу.

**ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.
ПРИБЫТИЕ КАНТОРА И
ОНОРИНЫ В ВАПАССУ**

Глава 75

— Дорогая, нам надо ехать, — сказал Колен.

Четыре дня, пять дней... шесть дней — Анжелике удалось их получить. Но теперь любая отсрочка подошла к концу. Малышка Онорина не выбежала из леса вместе с ангелом или без него, как предсказывал этот безумец Уттаке. «Доверяй после этого снам дикаря!» — гневались люди с побережья, страстно желая покинуть эти места, прежде чем могли появиться отряды воинов какого-либо племени, противостоять которым у них все равно не доставало сил.

Лаймон Уайт, немой англичанин, известный человек в Вапассу, и отец Шарля-Анри, старый охотник, прибыли проведать Анжелику и Колика Патюреля, чтобы предложить решение, отвечающее общим интересам. Они предлагали остаться в форте им двоим. Если бы предсказания ирокеза сбылись, Онорина в таком случае не пришла бы на заброшенное пепелище. Они бы позаботились о ней, а затем сопроводили в Голдсборо.

Несмотря на это новое решение, Анжелика не могла свыкнуться с приговором. Уехать! Уехать, не оглядываясь назад. Оставить вес и больше никогда не видеть Вапассу.

О, Вапассу! Неужели не дано узнать рай на земле? Но ты же познала его, на что же жаловаться?

— Посмотрите на детей! Они знают, что больше не вернуться сюда.

Весна наступала, подобная морю во время прилива. Никогда ранее это не было так красиво, так сладостно, настолько наполнено цветами и пением птиц.

— Еще один день! Подождем еще день, — молила Анжелика. Она не выносила их спешки оставить это место.

Четыре, пять выстраданных дней, как это было мало! И все же эти дни обладали такой силой забвения и возрождения, что смело могли бы быть причислены к годам. Четыре, пять, шесть дней оказались достаточными, чтобы с той же быстротой, с которой весна наводняла зеленью долины, испарился, исчез, стерся из памяти, словно по волшебству, тот сезон смерти, что показался ей не имеющим конца.

Уходил и он, иезуит, несмотря на ее попытки задержать его, сохраняя любовь к нему и не давая угаснуть угрызениям совести. В первые дни, перед сном, она вновь возвращалась к тому мгновению, которое он пережил, а она не видела, потому что спала. То мгновение, когда он увидел первых людей, появившихся на другом берегу озера, бросил свои верши и в последний раз кинулся к форту. Пробегая мимо детей, он прокричал им: «Оставайтесь на месте! Не двигайтесь! Я вернусь».

Он поднялся в комнату Лаймона Уайта. На свое тощее тело надел Черные Одежды. Проклятую великолепную черную сутану. Он застегнул ее на все пуговицы своими изуродованными пальцами, опоясался и повесил на шею распятие. Потом он вышел, и, может быть, малыш Шарль-Анри, увидев его, спросил: «Мертвец, куда ты идешь?» Он пересек поле и пошел навстречу людям, пришедшим убить его.

Она металась во сне, осыпая себя упреками. Почему, спрашивала она себя, нельзя было постараться лечить его, даже оскальпированного? Раны на голове пролили много крови, но можно было спокойно остановить поток. «Мне надо было... Мне надо было...» Оторопев от ужаса, она позволила ему изойти кровью и умереть у нее на руках. Она ждала этой смерти; она надеялась на эту смерть; он должен был умереть. О, длинная, длинная смерть, как медленно ты приходишь порой, ты — способная быть столь внезапной и мгновенной!

Терпеливо сидя у ее изголовья, Колен даже не пытался образумить ее, ограничиваясь тем, что время от времени шептал ей слова утешения и покрывал вновь одеялом, когда она просыпалась в плаче.

Затем, когда она поправилась, когда мысль об Онорине затмила недавнюю драму, навязчивое видение, которое она вновь и вновь переживала мгновение за мгновением, исчезло. Сон ее стал глубоким и спокойным.

В часы бодрствования звуки голосов и споров между ними, мелькание фигур вокруг нее, — все это возвращало ее на землю, хотя и не возвращало до конца к ним. Она изменилась, сама не понимая в чем. С ней это уже случалось не раз, но никогда с таким ощущением разрыва или расставания с чем-то, словно при выбрасывании старого платья. Порой она приходила в ярость от их исполненных смысла слов, их логических заключений, их четких и ясных планов на будущее, вертящихся вокруг предстоящего отъезда, но главным образом от неспособности объяснить и поддерживать мысленную связь по-настоящему ни с кем, даже с Коленом.

Ее сердце и душа были подобны птицам, бьющимся о стенки слишком тесной клетки. Это делало ее нервной и часто нетерпеливой, что огорчало ее. «Простите меня, — повторяла она постоянно, — Я выразилась немного резко». Но они прощали ей все и, не зная о ее внутренних переживаниях, могли только радоваться, равно как и сам Колен, видя ее обретающей вновь свой боевой дух и ту живость, с которой она бросалась в спор и сопротивлялась их увещаниям двинуться немедленно в путь. Они даже удивлялись быстроте, с которой она восстанавливала свои силы.

На солнце ее волосы вновь приобрели мягкость и блеск, словно руки умелого мастера втайне питали их оживляющими маслами. Ее прозрачная бледность

преобразилась в румянец на щеках, губы возвращали себе свой цвет, тень под глазами казалась нанесенной опытным художником, — словом, в этот период перехода от болезни к здоровью она представляла наделенной той волнующей красотой, что обычно создается женщинами с помощью различных хитростей ради бальной ночи.

Начинали прибывать малыми группами индейцы-кочевники, не понимавшие, где форт, хлеб, горшки, полные разноцветных, шариков? Они вглядывались в это место, столь отличное от старого Вапассу, который привыкли посещать, а затем, отказываясь признать неизбежное, разбирали свое тепе из шкур, натянутых на скрещенные жерди, или вигвамы из древесной коры, округлые, как панцири черепах. Ленивые дымки костров, лай собак и детские крики воссоздавали тот знакомый звуковой фон, что обычно предвещал начало летних работ. Последний данный ей день истек, и тем утром перед фортом воссоздавался караван. Анжелика была настолько зла на Колена, что не отвечала, когда он обращался к ней. В последний момент сигнал к отправке был отложен, так как не находились все три ребенка, воспользовавшиеся подготовкой к отъезду, чтобы выбраться из-под непрестанной опеки. Им очень нравилось отправляться в самостоятельные путешествия. Тем не менее уйти далеко они не могли. На время поисков носильщики сняли с плеч поклажу.

Анжелика окинула взглядом панораму Вапассу. Она вдруг не почувствовала больше грусти. Эти леса и горы подарили ей не передаваемый словами секрет. Она никогда не смогла бы его забыть, дать себя снова приковать к земле.

Индейцы, издали наблюдавшие за белыми, внезапно оживились и бросились к ним с радостными восклицаниями. Анжелика почувствовала, как в нее проникло теплое дуновение, исцеляющее любую боль.

Индийский ребенок бежал к ней, широко раскинув руки и спотыкаясь. Она никогда так и не узнала, повинуюсь какому предчувствию она вдруг тоже бросилась к нему. Это было так, как будто целая волна любви поднялась в ней, вбирая в себя все чувства, страсти и надежды, копившиеся так долго.

— Онорина!

Она подняла эту хрупкую и легкую фигурку и держала так на руках, замирая от счастья. Ни отталкивающий вид ее лица и одежды, ни ее маскировка под мальчишку ни гребень красных, склеенных волос не могли обмануть ее. Она могла распознать под любым камуфляжем искорки глазок Онорины.

— Я знала, что ты вернешься. Ты, неукротимая, как я вижу, осуществила свои мечты?

И она смеялась, крутилась на месте, как безумная прижав ребенка к своей груди.

— Вот и ирокез, настоящий ирокезский воин! Идите все сюда, смотрите, какое чудо! Ирокезский воин вернулся к нам!

В последовавшем за этим гаме кто-то воскликнул:

— Боже правый! Она перенесла оспу!

Другой голос, новый и почти незнакомый, ответил на это:

— Да, но она выжила, и наша мать вылечит ее.

Услышав этот голос и эти слова, Анжелика пробудилась от страха, в который погрузилась при ужасном слове «оспа».

— Кантор! Кантор, откуда ты взялся?

— Из Версаля, — ответил он очень светским тоном, — но я сделал маленький крюк, пройдя через Квебек, Монреаль и Онтарио.

— Он пришел забрать меня от ирокезов, — с гордостью заявила Онорина.

Анжелика опустила ее на землю и протянула руки к лицу Кантора, но он сам обнял ее. Она почувствовала его силу. Он стал мужчиной. Она все поняла. Встреча, заставившая его сесть на корабль, преследование, поступок, совершенный им поступок.

В это время двое или трое преданных им людей, не бывших в курсе, вернулись, крича: «Мы нашли детей. Можно отправляться!» Все засмеялись, чувствуя необходимость снять напряжение.

Можно было отправляться в путь.

— Ты видел своего отца?

Кантор выпучил глаза. Он не знал, что граф де Пейрак уехал во Францию. Их корабли, должно быть, встречались в океане.

Анжелика поняла, что если их будущее было наполнено неизвестностью, то оно также было полно и многими событиями, о которых они должны были поведать друг другу в долгие часы переходов и вечернего отдыха. Их жизнь не рухнула, а начатое дело не было загублено. Вапассу становился для них богатым и прекрасным собранием воспоминаний и счастливых мгновений.

Теперь начиналась новая жизнь, в которой Онорина была с нею рядом, а впереди — достаточно довольные своими подвигами, но готовые к отъезду трое ребятишек, перепачканных золой от раскопок среди руин, держащие в руках букетики первых цветов.

Картины неясного будущего пролетали перед ее глазами, как в калейдоскопе. В первую очередь во время возвращения на юг надо было обязательно добраться, воспользовавшись таянием снегов, до других поселений и недосыгаемых рудников и узнать о переживших зиму и осенних нападениях. Потеря имущества ничего не значила. Единственное, с чем бы она не смогла смириться, это были новые невинные жертвы, принесенные в жертву коварству Амбруазины.

Она требовала, чтобы не было больше жертв, и так должно было быть. Найдутся Джонасы, Малапрады и их дети, воллонцы и англичане, швейцарцы и испанцы. И все они подымут бокалы за здоровье окружающих на берегах Голдсборо, прежде чем направиться в Европу на красавце корабле, не встречая на своем пути никаких бурь. Они будут плыть к вновь обретшему разум королю; к преданным друзьям, с нетерпением ожидающим увидеться с ней; к мужу, в объятья которого она бросится, в который раз обещая себе никогда больше с ним не расставаться.

Что же будет с Онориной? Она вновь взяла девочку на руки, чтобы тщательно осмотреть ее лицо.

Было ли ее зрение в опасности? Еще можно было все исправить. Она примется перво-наперво лечить ее веки, затем восстанавливать резкость, нарушенную страшной болезнью. Кожа лица, тоненькая детская кожа, была вся в оспинах. Это займет чуть больше времени. А может, меньше? Все зависело от используемых средств. Она сможет найти средство. Она была уверена, что сможет сделать так, что слезы несчастья, слезы проклятия, преследовавшего ее с рождения, исчезнут с лица ее любимой дочери.

Мир, без сомнения, не был обделен волшебными силами: чудотворцами, священными источниками и реками, местами, отмеченными божьей благодатью.

— Я пойду куда угодно, обойду весь свет, если будет нужно, но ты снова будешь спасена, девочка моя.

Она страстно прижала ее к себе и с ней всю свою новую жизнь.

— Больше не будет жертв! Это так, я чувствую это! Мы найдем всех наших потерянных друзей! А ты станешь красивой и счастливой!

«В конце концов, — подумала она, с вызовом посмотрев своими зелеными глазами на весенний свет. — В конце концов, НЕБЕСА ОБЯЗАНЫ МНЕ ЭТИМ!»!